

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

им. А.С. ПУШКИНА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

III Костомаровский форум
(24-25 мая 2023 года, Москва)

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ

Материалы международной научно-практической конференции

«XXIV Кирилло-Мефодиевские чтения»

(24 мая 2023 года, Москва)

Москва

2023

УДК 8.80

ББК 80.4

Я 41

Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина.

Протокол № 8 от 3 марта 2023 г.

Редакционная коллегия:

В.И. Карасик (главный редактор); И.А. Лешутина (зам. главного редактора); Э.Г. Азимов, А.Г. Жукова, Э.А. Китанина, И.С. Леонов, А.В. Пашков, А.А. Соломонова, О.Н. Халеева, Е.Н. Чернышева, А.В. Щербаков, Д.В. Хаптаханова (технический редактор)

Рецензенты:

О.В. Шаталова, доктор филологических наук, профессор

ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет»;

Т.В. Кудоярова, кандидат педагогических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина»

Статьи печатаются в авторской редакции. Ответственность за содержание и корректность заимствований несут авторы статей.

Язык и культура: взгляд молодых // Материалы международной научно-практической конференции «XXIV Кирилло-Мефодиевские чтения», 24 мая 2023 года: сборник статей / гл. ред. В.И. Карасик. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2023. 522 с.

ISBN 978-5-98269-314-3

В сборнике «Язык и культура: взгляд молодых» представлены материалы XXIV Международной научно-практической конференции «Кирилло-Мефодиевские чтения» – статьи, посвященные актуальным вопросам языкознания, методики преподавания филологических дисциплин и РКИ, языка средств массовой информации и рекламы. Также затрагиваются проблемы лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, истории и поэтики русской и зарубежной литературы и современного литературного процесса, отечественной и мировой истории.

УДК 8.80

ББК 80.4

© Государственный институт русского
языка им. А.С. Пушкина, 2023

ISBN 978-5-98269-314-3

Оглавление

<i>Абдулина Карина Юсуповна</i> Языковая педагогика в условиях цифровизации образования	9
<i>Абдуллаева Назифа Сайфуллаевна</i> Поэт сквозь века говорит: образ поэта и его призвание.....	16
<i>Айгенграу Дарья Баировна</i> О формах и степенях вежливости в корейском и русском языках.....	20
<i>Алборова Анастасия Алановна</i> Социальная реклама в аспекте стилистики языка.....	28
<i>Андросюк Анна Вячеславовна</i> Процесс интернационализации лексики в текстах современной русскоязычной интернет-поэзии	31
<i>Архипкина Дарья Сергеевна</i> Этимология слова как часть культурного компонента семантики в аспекте обучения РКИ	36
<i>Базанова Ксения Сергеевна</i> Фразеологические единицы в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: особенности, цели, новаторство	41
<i>Баикина Елизавета Сергеевна</i> <i>Кречина Елена Валерьевна</i> Проектирование курса РКИ на основе концептов и идей русской языковой картины мира: оппозиция «высокое-низкое» и прецедентные тексты	48
<i>Берте Пьер Нпе</i> Проблемы формирования навыков устной речи при обучении русскому языку как иностранному студентов из Мали	55
<i>Берюхова Анастасия Антоновна</i> Система лагерей в романе «Зулейха открывает глаза» Г. Яхиной и «Обитель» З. Прилепина.....	60
<i>Богданова Анастасия Юрьевна</i> Интерференционные ошибки при обучении чтению детей-билингвов.....	68
<i>Бородулина Кристина Руслановна</i> Особенности восприятия творчества А. П. Чехова в иностранной аудитории.....	72
<i>Быканова Элеонора Михайловна</i> Мифологические, космогонические и культурно-философские концепции Древнего Египта и их отражение в серии «Наследники богов» Рика Риордана.....	76

<i>Варнавская Валерия Вячеславовна</i> Упражнения на развитие навыков устной речи на основе аутентичной социальной рекламы «Я тоже»	81
<i>Васильцов Дмитрий Григорьевич</i> Тема любви в текстах современных японских песен: лингвокультурологический анализ	87
<i>Вахтина Алина Алексеевна</i> Сравнительно-типологический анализ переводов сонетов У. Шекспира-русскими поэтами XX века.....	92
<i>Гадаборшиева Раяна Рустамовна</i> Этнокультурная символика китайского народа мяо в поэтике фэнтезийной новеллы Мосян Тунсю «Благословение Небожителей»	98
<i>Гопта Виктор</i> Фразеологические единицы, выражающие положительные эмоции и чувства человека, в русском, словацком и английском языках	104
<i>Гориславец Полина Игоревна</i> Политическое событие в метафорическом зеркале СМИ	109
<i>Грохотова Екатерина Дмитриевна</i> <i>Кузнецова Елизавета Александровна</i> <i>Мишин Андрей Александрович</i> Современная подростковая литература: особенности и причины популярности (из опыта исследования)	113
<i>Демочко Дарья Андреевна</i> Современная интернет-коммуникация: разновидности и основные характеристики	118
<i>Диабате Дауда</i> Трудности в усвоении падежных форм русских имён существительных в малийской аудитории	124
<i>Дорожкина Полина Викторовна</i> Коммуникативный принцип релевантности в реакциях искусственного интеллекта	128
<i>Дорожкина Полина Викторовна</i> Лингвокультурные аспекты словообразования в названиях покемонов (на примере французского языка)	135
<i>Доронина Анастасия Вадимовна</i> Провокативная реклама: понятие и характеристики	140
<i>Зайцев Никита Александрович</i> Особенности образа рассказчика в повестях Н.А. Полевого «Блаженство безумия» и «Живописец»	145
<i>Зиновьева Ксения Константиновна</i> Художественные средства создания образа Жюльена Сореля в поэтике романа Ф. Стендаля «Красное и черное»	150

<i>Зотова Анастасия Борисовна</i>	
Проблема выбора учебника по иностранному языку	160
<i>Иночкина Варвара Игоревна</i>	
Языковая личность и текст: трансформация в цифровую эпоху	166
<i>Иосифова Анна Зиновьевна</i>	
Праздник Рождества в народной культуре: русско-болгарские параллели	173
<i>Исраилова Гузаль Равиановна</i>	
Диалог культур: языковой аспект взаимодействия	178
<i>Кабанова Виктория Дмитриевна</i>	
Концепт «след» в русской метафорике	181
<i>Кабылкова Вероника Дмитриевна</i>	
Детские годы Л.Н. Толстого как один из этапов творчества	185
<i>Казачанская Полина Андреевна</i>	
<i>Конотопова Анастасия Леонидовна</i>	
Распознавание речи в социальной сети «ВКонтакте»: фонетический аспект	192
<i>Качанова Анастасия Геннадьевна</i>	
Языковые и структурные особенности договора 18 века в сопоставлении с современными нормами деловой документации	199
<i>Клиарис Сарантис</i>	
Семантика и прагматический потенциал метафоры прикосновения (на материале глагола трогать)	204
<i>Князева Варвара Дмитриевна</i>	
Обучение лексике на занятиях РКИ с использованием онлайн-платформы Progress Me	207
<i>Коваленко Светлана Марковна</i>	
Семантическое развитие лексемы «дождливо» в современном русском языке	218
<i>Коломейчук Мирослава Алексеевна</i>	
Средства формирования метапредметных результатов обучения русскому языку как иностранному	224
<i>Корабельникова Анастасия Викторовна</i>	
Коммуникативные риски в речи телеведущих информационно-развлекательных передач	229
<i>Коркина Ольга Сергеевна</i>	
Функции женских образов в романах Е.Г. Водолазкина	235
<i>Кравченко Виктория Александровна</i>	
К вопросу о лингвистической экспертизе текстов песен российской поп-музыки	240
<i>Кузнецова Иона Олеговна</i>	
Эстетика маргинального в творчестве С. Довлатова (на примере повести «Иностранка»)	246
<i>Лаврентьева Анфиса Викторовна</i>	
Идиостилистическая мотивация заголовков поэтических произведений Р. Киплинга	250

<i>Лебедева Екатерина Алексеевна</i>	
Буктьюб как форма современной литературной критики	261
<i>Ли Мэйцзя</i>	
<i>Цао Хайянь</i>	
«Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского: обзор исследований в Китае	265
<i>Ли Сюеци</i>	
Диагностика упражнений по русскому языку в учебниках базового уровня	
«Новый Восток» для китайских студентов-филологов	270
<i>Литвиненко Аделина Евгеньевна</i>	
Лингвокультурные особенности театральных афиш России и Америки	275
<i>Личутина Стефания Викторовна</i>	
Образ природы в поэзии узников СЛОНа	281
<i>Лушева Анастасия Александровна</i>	
Классификация маркеров обратной связи в устном спонтанном диалоге по признаку конвенциональности	288
<i>Малкина Дарья Дмитриевна</i>	
Хронотоп романа Новалиса «Генрих фон Офтердинген»	294
<i>Матвиенко Юлия Викторовна</i>	
Лингвокультурологические особенности речевых формул приветствия в рассказах А.П. Чехова	299
<i>Матухно Татьяна Сергеевна</i>	
Использование подкастов для развития навыков аудирования на уроках РКИ	303
<i>Машенцова Ева Евгеньевна</i>	
Прилагательное «душевный»: семантика и употребление	307
<i>Меркулов Георгий Валерьевич</i>	
Роль вставных новелл в романе В.Ф. Одоевского «Русские ночи»	310
<i>Месхи Александра Александровна</i>	
Метафорический образ Большого театра в российской арт-журналистике	317
<i>Миронов Михаил Андреевич</i>	
Лакунарность как элемент языковой картины мира фэнтезийного произведения	322
<i>Морозова Нина Владимировна</i>	
Реализация сочетания [с+ч'] в младшей орфоэпической норме	326
<i>Оразова Мариям Оразовна</i>	
Эволюция мотива крушения семьи, судьбы в литературе (о традициях повести «Бедная Лиза» Н.М. Карамзина)	330
<i>Палетина Арина Александровна</i>	
<i>Первуниных Екатерина Алексеевна</i>	
Узуальное и окказиональное образование катойконимов женского рода в русском языке на примерах городов Ярославля и Архангельска	336

<i>Панчехина Алла Алексеевна</i>	
Проявления инфотейнмента в научно-просветительском журнале «Дилетант»	342
<i>Пашечко Мария Алексеевна</i>	
Метафоризация тактильного глагола «гладить» в английском и русском языках	349
<i>Поликарпова Ксения Андреевна</i>	
Женские образы Дантова Ада	356
<i>Полухина Алена Евгеньевна</i>	
Текстуальные особенности первых русских рэп-композиций и их влияние на становление жанра в России	363
<i>Попова Анастасия Александровна</i>	
Особенности греческих учебников по русскому языку как иностранному и их роль в образовательном процессе	372
<i>Прихода Екатерина Андреевна</i>	
Организация и проведение занятий по творчеству Б.Л. Пастернака в иноязычной аудитории	376
<i>Продан Надежда Александровна</i>	
<i>Усенко Александра Юрьевна</i>	
Топоним в художественном тексте: представление ценностных смыслов	381
<i>Рахматуллина Лиана Ильдаровна</i>	
Мемуары о Великой Отечественной войне: аспекты лингвистических исследований	387
<i>Семенова Дарья Юриевна</i>	
Хиастические конструкции в практике преподавания РКИ	391
<i>Скобелкин Даниил Юрьевич</i>	
Категория вежливости в русском языке	396
<i>Соколова Татьяна Сергеевна</i>	
Образ Одиссея в поэзии Бродского	401
<i>Суша Надежда Владимировна</i>	
Роль междисциплинарного подхода в преподавании русского и английского языка в условиях полилингвизма в Республике Казахстан	405
<i>Тихомирова Елена Сергеевна</i>	
Анализ психологических мотивов преступлений в творчестве А.В. Амфитеатрова (на материале рассказа «Казнь»)	409
<i>Тогола Брахима</i>	
Звуковая организация текста в интернет-журналистике Мали	413
<i>Точоная Кристина Михайловна</i>	
Фонетическая интерференция в русской речи китайских учащихся	417
<i>Туиту Хемза</i>	
К вопросу использования эмотивной зоолексики как средства отрицательного описания человека в арабском и русском языках	421

<i>Умаров Азизджон Хайдаралиевич</i> К вопросу о тюркских заимствованиях в русском языке в контексте русской лингвокультуры	426
<i>Ушакова Роксана Борисовна</i> Подготовка к урокам русского языка с учётом национально-психологических особенностей китайских студентов	432
<i>Фадеева Софья Сергеевна</i> Этимологические и морфологические особенности русских терминов дисциплины «культура речи» и их английских аналогов	439
<i>Фам Хонг Ньюн</i> Трудности в усвоении русских фразеологизмов вьетнамскими учащимися	445
<i>Фанова Ирина Сергеевна</i> Черты романтизма в балладе М.Ю. Лермонтова «Воздушный корабль (Из Зейдлица)» ..	450
<i>Флейто София Сергеевна</i> Специфика перевода фильмонимов с испанского языка на русский	455
<i>Ходыка Артём Иванович</i> Оценка и результаты применения нейролингвистического подхода в обучении иностранному языку	460
<i>Хомякова Татьяна Дмитриевна</i> Влияние художественной литературы на формирование кросс-культурной компетенции школьников-инофонов	463
<i>Чжан Кайюань</i> Анализ китайского феномена «ложного отказа» и национальной личности с точки зрения лингвокультурологии	468
<i>Чжан Мэнкэ</i> Трудности восприятия русских глаголов движения в семантике китайскими студентами при работе по учебнику «Восток»	473
<i>Чжоу Цзялэ</i> Анализ слов цветообозначения в межкультурной коммуникации на примере Китайского и Русского языков	478
<i>Чикина Анна Андреевна</i> Концепт «рай» в русской песенной языковой картине мира второй половины XX века ..	483
<i>Чикобава Виталий Темурович</i> Литературный перевод как тема русской эпиграммы	488
<i>Шеленков Никита Дмитриевич</i> Система работы над сочинением в формате ОГЭ 2023	491
<i>Шестакова Анна Сергеевна</i> Трансформация образа бога Кроноса/Сатурна в песне Pyrokinesis'a «Как Сатурн пожирает своих детей»	495

Шижиканова Ксения Николаевна

Народные врачебательские практики в литературе Древней Руси 501

Аяри Эмна

Интерактивные методы работы на уроках русского языка и литературы..... 508

Ян Юйхэ

Сравнительное изучение китайской и российской системы образования в текущей ситуации 510

Ян Лю

Особенности русских и китайских поздравлений в интернете (на материале специализированных сайтов) 515

Абдулина Карина Юсуповна

«Universitatea Slavonă», Молдова, Кишинев

karina.abdulina.2000@bk.ru

Языковая педагогика в условиях цифровизации образования

Работа выполнена под руководством доктора филологии, конференциара
университара Сирот Елены Владимировны

В условиях быстрого развития методов коммуникации и культуры важно, чтобы преподаватели были знакомы с изменениями, связанными с технологиями, поскольку существует политика об интеграции технологий в образование. В развивающихся странах, таких как Алжир и Ливия, учителя могут чувствовать цифровой разрыв со студентами. Необходимо изучить основные факторы, препятствующие учителям изменить свое отношение к цифровым технологиям и выяснить как учителя в областях с низким уровнем технологий могли бы развиваться с цифровой точки зрения.

Ключевые слова: цифровое образование, цифровые иммигранты, цифровое поколение.

В своих рассуждениях об изменениях Фуллан утверждал, что, если бы людей спросили, что означают изменения, они бы использовали негативные и позитивные термины, такие как страх, опасность, тревога или возбуждение, улучшения и придание энергии. Фуллан определил развитие учителей как процесс «выработки нового понимания педагогики и их собственной практики, а также изучения нового или продвинутого понимания содержания и ресурсов». В соответствии с определением, развитие воспринимается как изменение. С действенными изменениями в информации, коммуникации и технологиях роль учителей меняется и становится все более важной, так что преподаватели должны думать об обучении студентов, которые стремятся использовать технологии.

В контексте этой статьи изменение определяется как переход от мышления 1 к мышлению 2. Педагоги с мышлением 1 рассматривают цифровую эпоху как

продолжение индустриального мира; в то время как педагоги с *мышлением 2* считают, что цифровая эпоха – это постиндустриальная эра, и к происходящим изменениям следует подходить как к новым.

Однако некоторые учителя боятся перемен и поэтому придерживаются традиционных методов преподавания. Традиционное обучение основано на нисходящем процессе, когда учитель является поставщиком знаний, и он / она приходит в класс с планом урока, разработанным учителем. В век информации учителя впервые готовят учащихся к будущему, которое они не могут четко описать, и способности учащихся использовать технологии превосходит способности учителя.

В связи с этим некоторые учителя боятся использования технологий, потому что они считают себя цифровыми иммигрантами, в то время как их ученики – цифровое поколение. Розен утверждал, что страх учителей перед переменами связан не только с цифровыми инструментами, но и с тем, что учителя обеспокоены о неврологических, социальных и психологических последствиях чрезмерного использования учащимися технологий. Зур и Цур описали страх учителей перед переменами в цифровую эпоху как непринятие некоторыми учителями того, что цифровая эпоха представляет собой новую эру. Учителя могут подумать, что им не нужно меняться, поскольку они преуспели без цифровых инструментов. Перемены могут оказаться более трудными для учителей, живущих или преподающих там, где цифровое развитие только начало зарождаться, например, в развивающихся странах. Как объясняют Guemide, Bouchaiba и Bouzar, – электронные преподаватели в развивающихся странах разочарованы двумя типами цифрового разрыва: цифровой разрыв между развитыми и развивающимися странами, а также цифровая пропасть между учащимися и преподавателями. Обучение цифровым аборигенам не лишено ограничений и потенциальных опасений, но, если учащиеся используют «Википедию» вместо библиотечных книг, учителям не следует беспокоиться.

Перемены не являются чем-то неизвестным учителям, поскольку дети постоянно меняются с точки зрения развития учителей.

Большинству учителей нравится преподавать материал, с которым они знакомы, и учителя обычно рассматривают себя как преподающих вещи, которые неизвестны учащимся. Учителя считают себя экспертами в области знаний о содержании, которые они приобрели.

Быть поставщиком знаний – это определение, с которым учителя хотят соотноситься в своем образовательном мире. Преподавание долгое время основывалось

на одностороннем методе, где знания учителя занимают центральное место в образовании. Обучение по принципу «сверху вниз» позволяет некоторым учителям чувствовать себя комфортно и безопасно, когда они руководят классом. С появлением цифровой грамотности роль учителей меняется, и учителя должны быть осведомлены о сложных контекстах грамотности.

Учителям приходится иметь дело с учениками, которые «приходят в школу более грамотными в новых областях ИКТ, чем их учителя». Таким образом, учителям необходимо переосмыслить свои роли в образовательном контексте, который постоянно меняется с появлением большего количества ресурсов и инструментов, где учащиеся знакомятся с использованием этих инструментов в школе и за ее пределами. В рамках цифровой грамотности учителя должны быть фасилитаторами, а не поставщиками знаний, в то время как учащиеся больше не являются потребителями знаний.

Чтобы справиться с цифровой эпохой, учителя должны понимать, что учащиеся 21 века имеют разные способы мышления и разные практики, которые тесно связаны с технологиями. Учителя могут чувствовать себя некомфортно при работе с цифровыми инструментами, что создает разрыв между ними (цифровыми иммигрантами) и учащимися, которым более комфортно с цифровыми инструментами.

Термин «цифровой уроженец» относится к людям, родившимся после 1980 года, в то время как «цифровой иммигрант» – к тем, кто родился до цифровой революции. Фини утверждал, что разрыв между двумя группами имеет отношение не к рождению, а к тому, как мыслят два поколения.

Согласно Пренски, цифровое поколение рождается в окружении цифровых МЕДИА, их мозг функционирует по-другому. Пренски описывает практику их цифровых аборигенов следующим образом:

Цифровое поколение привыкло получать информацию очень быстро. Им нравится параллельный процесс и многозадачность. Они предпочитают свою графику перед текстом, а не наоборот. Они предпочитают произвольный доступ (например, к гипертексту). Они лучше всего функционируют, когда подключены к сети. Они преуспевают в мгновенном удовлетворении и частых вознаграждениях. Они предпочитают игры «серьезной» работе. Пренски утверждает, что у студентов не только разные модели мышления, но и разные практики, которые иногда совершенно неизвестны учителям. Описание Пренски учителей как цифровых иммигрантов подверглось критике. Беннетт, Матон и Кервин утверждали, что предложенная

Пренски концепция цифрового аборигена/цифрового иммигранта ставит учителей и студентов на два разных полюса с разрывом между ними, который невозможно преодолеть. Они также указали на отсутствие доказательств того, эффективна ли многозадачность для обучения. Они утверждали, что по Пренски дихотомия основана на определении того, что учителя не могут измениться из-за возраста. Пренски подкрепил это утверждение данными нейробиологии и социальной психологии, утверждающими, что мозг студентов и учителей отличается. Напротив, Розен рассматривал смену учителей с точки зрения беспокойства по поводу неврологических последствий многозадачности и потери навыков общения лицом к лицу. Она обратила внимание на необходимость того, чтобы учителя менялись таким образом, чтобы служить цифровой привычке учащихся к обучению (например, использование социальных сетей). Пренски, Бейн, Росс и Розен согласились с тем, что различия между цифровыми аборигенами и цифровыми иммигрантами заключаются в способах мышления и действий. Краткое изложение различий между цифровым поколением и цифровыми иммигрантами было бы следующим:

Цифровое поколение	Цифровые иммигранты
<i>быстрое</i>	<i>Медленный</i>
<i>молодое</i>	<i>Старый</i>
<i>будущее</i>	<i>Логическое</i>
<i>многозадачность</i>	<i>последовательное мышление</i>
<i>игривый</i>	<i>Серьезный</i>
<i>взгляд вперед</i>	<i>Оглядываясь назад</i>
<i>цифровое</i>	<i>Аналог</i>
<i>активный</i>	<i>Знания</i>
<i>постоянная связь</i>	<i>Изоляция</i>

рис. 1

Зур разложил различия по категориям, и цифровые иммигранты классифицируются следующим образом:

- *Избегающие*: их использование технологий ограничено, они не заинтересованы в инструментах социальных сетей.

- *Неохотные усыновители*: у них есть свои собственные мобильные телефоны и компьютеры, они пытаются взаимодействовать с ними, но они все еще чувствуют себя не комфортно по отношению к ним.

- *Энтузиасты-усыновители*: цифровые иммигранты, которые принимают технологии и погружаются в интернет-культуре.

С другой стороны, цифровые аборигены делятся на три категории:

- *Избегающие*: молодые люди, которые родились цифровыми, но не чувствуют привязанности к цифровым технологиям.

- *Минималисты*: они знают, что технологии – это часть современного мира, но используют их, лишь когда это необходимо.

- *Участники с энтузиазмом*: цифровые аборигены, которые наслаждаются технологиями и гаджетами и преуспевают в них. С этой группой труднее связаться по телефону, чем с помощью онлайн-методов и текстовых сообщений.

Теперь рассмотрим вопрос из области грядущих перемен: как учителя могли бы интегрировать новую методологию, которая в большей степени связана с цифровым образованием? Зур и Цур отметили, что *учителя-избегатели* могут придерживаться образа мышления, который утверждает невозможность развития их способностей, из-за чего они чувствуют себя в безопасности, сопротивляясь изменениям. Розен считает, что цифровое образование имеет некоторые негативные последствия для учащихся. Например, учащиеся, которые проводят слишком много времени перед своими компьютерами, могут иметь неврологические эффекты (например, повреждение головного мозга). Студенты могут стать зависимыми, и, если они будут проводить слишком много времени в виртуальном мире, они могут потерять навыки общения, которые возникают при личном контакте. Студент может не усвоить знания, которые он получает из «Википедии», и забыть о библиотечных книгах. Учителя частично правы в своих опасениях, однако они должны признать, что многозадачность, использование социальных сетей, использование онлайн-ресурсов и инструментов Web 2.0 – это то, что создает цифровой мир учащихся (см. рисунок 1 выше). В этом случае они должны думать о своих заботах с точки зрения поиска методологии и контента, которые соответствуют цифровой эпохе. Пренски утверждает, что учителя –

это те, кто нуждается в изменениях, потому что учащиеся не могут оглядываться назад; он заявил: «преподавателям необходимо пересмотреть как свою методологию, так и свое содержание». Если учителя хотят перейти к мышлению 2, они должны общаться на языке, понятном их ученикам, что требует от них «идти быстрее, меньше пошагово, больше параллельно, с большим количеством произвольного доступа». Наследие предполагает традиционную учебную программу (чтение, письмо, математика и т.д.), в то время как будущее предполагает цифровой контент. Таким образом, переход на мышление 2 – это не оцифровка старого, а работа с новым материалом. Учителям удобнее работать с традиционными материалами, но они полны энтузиазма, усыновители могут превратить свои старые навыки в новые с помощью увлеченных участников. То есть, иными словами, энтузиасты, внедряющие цифровые технологии, могут изобретать собственные методологии для всех предметов, используя в качестве руководства студентов-энтузиастов. Идея основана на сотрудничестве между студентами и преподавателями. Сотрудничество двух категорий может позволить учителям понять, как обучаются цифровые учащиеся. Как только учитель и учащиеся разработают цифровую учебную программу, все другие категории мировоззрений могут быть включены посредством обмена информацией и участия. Учителям необходимо понимать основные области изменений.

Многие ученые обсуждали важность понимания цифровых студентов с точки зрения не только мышления, но и того, как они что-то делают:

- *Общение:* учащиеся охотно пользуются электронной почтой, текстовыми сообщениями или чатами. У них большое количество друзей на Facebook, и им гораздо легче участвовать в онлайн-дискуссионных группах, чем в физическом классе. Поскольку текстовые сообщения могут занимать много времени, они создали для этого свой собственный язык (аббревиатуры, цифры, коды и т.д.). Лицом к лицу общение отсутствует, но учащиеся используют смайлики для выражения своих чувств.

- *Обмен:* Учащиеся используют различные средства для обмена, такие как блоги, веб-камер, телефоны с камерами. Цифровые студенты используют мобильные телефоны для выполнения множества задач, в то время как нецифровые студенты используют мобильные телефоны только для совершения звонков.

- *Обмен:* цифровые студенты обмениваются музыкой, фильмами или юмором онлайн. В Алжире молодые люди активно участвуют в одноранговых обменах (P2P) или скачивании торрентов.

- *Создание*: учащиеся могут легко создавать свои собственные веб-сайты и аватары.

Как только учителя поймут необходимые области изменений, они смогут поощрять студентов быть более творческими, чем они уже есть. Понимание этого, однако, невозможно без гибкого мышления учителей.

Цель этой статьи состояла в том, чтобы изучить, как учителя, в основном те, кто приехал из районов с низкими технологиями, могли бы изменить свою методологию и содержание уроков, чтобы соответствовать цифровым рамкам. Можно сделать вывод, что не все педагоги сопротивляются переменам. Также важно отметить, что отсутствие программного обеспечения или цифровых инструментов не мешает учителям менять свою практику. В развивающихся странах цифровые инструменты не столь сложны, как те, которые используются в развитых страны. Однако учителя могли бы адаптировать свое преподавание, несмотря на ограниченность доступных инструментов. Перемены связаны с менталитетом педагогов. Если учителя избегают цифровых технологий на уроках, значит, они считают, что цифровое образование не может быть интегрировано, и поэтому могут быть довольны установкой 1. С другой стороны, те учителя, которые в основном являются энтузиастами, с большей готовностью переходят на мышление 2. Именно учителя, а не студенты, могут решать, какой тип образования может быть предложен студентам. Однако в плане цифровой интеграции преподаватели и студенты становятся коллегами. Эпоха, когда учителя приходят в класс с планом урока, который был разработан учителями и политиками, возможно, закончилась. Началась новая эра образования, когда преподавание/ обучение смешивается.

Литература

1. Альзума Г. (2005). Мифы о цифровых технологиях в Африке: стремительное развитие? // Глобальные средства массовой информации и Коммуникация. – 339-355 с.
2. Бейн С., & Росс Дж. (2007). «Цифровой уроженец» и «цифровой иммигрант»: опасная оппозиция. // Доклад, представленный на Ежегодной конференции Общества исследований в области высшего образования (SRHE) в декабре 2007 года.

3. Беннет С., Карл М. и Кервин Л. (2008). Дебаты о 'цифровых носителях': критический обзор фактических данных. Британский Журнал образования. – № 39 (3). – 775-786 с.
4. Камминс Дж., Браун К. и Сэйерс Д. (2007). Грамотность, технологии и разнообразие: обучение для достижения успеха в Меняющиеся времена. // Бостон: Аллин и Бэкон/Пирсон.
5. Чандлер-Олкотт К. и Махар Д. (2003). «Техническая подкованность» встречается с мультилитературностью: изучение практики грамотности девочек-подростков, связанной с технологиями. // Исследование чтения ежеквартально – № 38. – 356-385 с.

Abdulina K.Yu.

«Universitatea Slavonă», Moldova, Chisinau

Language pedagogy in the context of digitalization of education

With the rapid development of communication methods and culture, it is important that teachers are familiar with the changes associated with technology, as there is a policy on integrating technology into education. In developing countries such as Algeria and Libya, teachers may feel a digital divide from students. It is necessary to study the main factors that prevent teachers from changing their attitude towards digital technologies and find out how teachers in low-tech areas could develop from a digital perspective.

Keywords: digital education, digital immigrants, digital generation.

Абдуллаева Назифа Сайфуллаевна

Евразийский Национальный университет имени Л.Н. Гумилева
nazifonya@gmail.com

Поэт сквозь века говорит: образ поэта и его призвание

Работа выполнена под руководством д-ра филол. наук, профессора
Абдуллаева С.Н.

Статья посвящена осмыслению личности известного тюркоязычного поэта XX столетия Лутфуллы Муталлипа. Автор считает, что народные песни о поэте являются лучшим памятником. Поэт прожил короткую жизнь, однако он однозначно нашел свое главное призвание. Призвание поэта является главной причиной его популярности.

Ключевые слова: поэт, призвание, трибун, судьба.

Один из ярких представителей тюркоязычной литературы XX столетия, поэт Л. Муталлип – это яркая и очень харизматичная фигура Восточного Туркестана [1, с. 4]. Его называют «светочем эпохи» – чистым и незапятнанным символом уйгурского идеала, национальной и общечеловеческой свободы [2, с. 6]. О нем написаны многочисленные статьи, романы, драмы и пьесы [7]. Его очень короткую и блистательную жизнь обычно сравнивают с яркой молнией, блеснувшей и исчезнувшей

на небосклоне. В этом скрыт смысл неповторимости яркого таланта поэта, прожившего очень короткую жизнь. Как гласит уйгурская пословица «одна молния дважды не сверкает». Личность необычайно притягательная и популярная, Л. Муталлип «превратился в самого любимого уйгурского поэта» [8, с. 45]. Колоритный и неповторимый образ исключительно талантливого поэта-трибуна и певца свободы как высшая дань его памяти запечатлен и, будучи живым, постоянно воссоздается во вновь и вновь создаваемых народных песнях о всенародно любимом поэте [5, с. 37]. Очевидно, это самый дорогой памятник человеческой личности, искренний и незабвенный. Одновременно это своего рода продолжение творческой жизни самого поэта от Бога [3].

Сегодня признается почти всеми, что будущий мастер художественного слова родился в ноябре 1922 года в селе Чоң Аксу Уйгурского района Алматинской области Республики Казахстан. Там недавно при участии большого количества почитателей таланта поэта прошло празднование его 100-летия.

Когда юный Лутфулла только пошел в школу, его родители вместе с детьми переехали в Илийский край, где будущий поэт стал учиться сначала в татарской школе, а затем и в русской гимназии г. Кульджи. Словно предчувствуя, что ему уготован очень короткий срок творческой жизни, поэт начал писать и публиковаться очень рано. Вместе с тем он активно окупнулся в водоворот бурных политических событий тогдашнего времени борьбы за независимость против чуждого гоминдановского режима [6]. Из-за коварства провокатора Л. Муталлип и его соратники были схвачены и брошены в тюрьму. В свои неполные 23 года поэт после чудовищных и изощренных пыток был зверски замучен гоминдановскими палачами. Последние стихи о свободе были написаны им кровью на стенах тюрьмы в г. Аксу, что было подтверждено впоследствии исследователями, которые провели экспертизу вещества, которым был записан текст. Вот они, эти стихи – крик души и своеобразное предупреждение-завещание потомкам:

*Бу кәң дунйа мән үчүн болди дэвзәх,
Яш гүлүмни газан қилди қанхор әбләх.
Этот мир для меня стал как-будто бы ад,
Нераскрывшись цветок мой кровопийцей распят.*

Когда Л. Муталлипа заточили в застенки, антигоминдановские народные силы повстанцев уже были почти на подходе к городу Аксу, где располагалась тюрьма. Поэту поступили искренние предложения о побеге и присоединении к рядам

повстанцев. Согласись трибун на это – он уже не стал бы таким рупором народного настроения, каким был до этого момента. Отказавшись от реально возможного побега, организованного соратниками, поэт, поднявшись выше интересов спасения собственной жизни и желая оказать максимальное моральное содействие уже набравшему силу освободительному движению многонационального народа Восточного Туркестана, продолжал борьбу за свободу, находясь в застенках в нечеловеческих условиях.

Почему Л. Муталлип остался в тюрьме и отказался от реально возможного побега? В качестве гипотезы для ответа на этот вопрос мы выдвигаем предположение, что бежать ему не позволило его Призвание, которое он нашел и с которым жил.

Лутфулла Муталлип пришел с четким предназначением будить народ. Это отразилось символически даже в его имени – Лутфулла означает «Дар Бога», а Муталлип – «Наставляющий ищущих знание». Поэт нашел призвание-миссию. Если бы он совершил побег и присоединился к повстанцам, он, может быть, реализовал бы цель жизни, но не призвание. Л. Муталлип «писал» историю своей жизни сразу набело. Его жизнь была полной как единственно правильная версия из потенциальных вариантов. Его поступки не напоминали черновик-поиски основной идеи жизни. Они были всегда максимально актуализированы.

Пример Лутфуллы Муталлипа является одним из проявлений пробуждающей деятельности поэтов-трибунов. Про поэта так и поется в одной из народных песен, что его молодость был как факел, как светоч в лихую годину для всего народа. На примере поэта-легенды можно видеть, что призвание – это фабула судьбы, это то, для чего ты пришел на эту землю, причем не только в узколичном формате, но и в масштабе всего социума.

Одаренный поэт погиб, когда ему не исполнилось и двадцати трех лет. Прожив наполненную, стремительную и очень яркую, словно отблеск молнии, необычайно насыщенную жизнь, Л. Муталлип оставил многогранное наследие классика, как отметила в своей диссертации и статьях, посвященных трибуну, казахстанская исследовательница его жизни и творчества Г. Аутова. Это и поэзия, и драматургия, и проза, и изобразительное искусство, и публицистика, и литературоведение. Ослепительно озарив своей яркой жизнью и творчеством реалии современной ему эпохи, поэт стал одним из основоположников новейшей уйгурской литературы.

В одной из народных песен о Л. Муталлипе говорится, что такого, как он, поэта еще не выдвигал из числа своих сынов и дочерей древний род уйгуров. В развитие этой

темы далее в тексте народной песни утверждается, что никто до настоящего времени не сумел построить художественный диалог со временем так, как это сделал поэт в своих произведениях [4]. Предназначением бесконечно талантливого художника слова стало служить светочем для поколения и эпохи. Это подобно тому, как из разрозненных цветов, олицетворяющих события жизни, сложить красивый единый венок или букет. Судьбу человека и его призвание можно понять и таким образом. Сюжетную линию человеческой жизни рождает призвание. В зависимости от нее и ее цельности жизнь человека может восприниматься и как высокая песня, и как проза. Если бы Л. Муталлип не отказался от побега и сохранил бы таким образом свою жизнь, она не уподобилась бы песне, а превратилась бы в очерк или рассказ. Кто знает, помнил бы его тогда народ в своих песнях? Но судьбе было угодно, чтобы его жизнь мощно прозвучала, словно могучий гимн свободолюбивых людей всех стран и народов. Это свидетельство того, что выдающийся представитель современной уйгурской литературы нашел себя и свое призвание не только как художник слова, но и прежде всего как личность, как человек. В свои неполные 23 года он сумел неповторимо написать свое главное оригинальное и уникальное художественное произведение под названием «жизнь».

Литература

1. Абдуллаев С.Н. Габдулла Тукай и Лутфулла Муталлип: линии евразийского мышления в татарской и уйгурской литературе // Проблемы формирования евразийского мышления: Сб-к мат-лов 5-ой Международной научно-практической конференции / науч. ред. Р. А. Абузярова. – Уральск, 2008. – С. 3-6.
2. Абдуллаев С.Н. Гуманизм и духовность как составляющие художественного кредо Л. Муталлипа // Гуманитарное знание и духовная безопасность. – Грозный, 2016. . – С. 6-11.
3. Абдуллаев С.Н. Металитературоведческий трансфер в контексте компаративного изучения современной тюркоязычной литературы // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири. – Абакан, 2015. – С. 308-313.
4. Абдуллаев С.Н., Абдуллаева Г.С. Модель тюркского времени в уйгурско художественной картине мира (на примере творчества Л. Муталлипа) // II

International research symposium on the Turkic world.-volume I. – Almaty, 2015. – С. 308-313.

5. Абдуллаева Г. Модельно-правовые вопросы этнокультурализма. – Саарбрюккен, 2016.
6. Аутова Г. М. 40-жиллар Шинжаң уйғур поэзиясидә асасий мавзу вә Лутпулла Мутәллип шейрийити // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность // Труды международной конференции в 3-х томах. (Казань, 1992, 9-13 июня. Т. 2. – М.: Инсан, 1997. – С.79-83.
7. Эршидин Турсун. Лутпулла Мутәллип. – Үрүмчи, 1995.
8. Нарынбаев А.И. Уйгурские мыслители. – Бишкек, 1995.

Abdullaeva N. S.

Eurasian National University named after L.N. Gumilyov

The poet through the ages speaks: the image of the poet and his vocation

The article is devoted to understanding the personality of the famous Turkic-speaking poet of the 20th century Lutfulla Mutallip. The author believes that folk songs about the poet are his best monument. The poet lived a short life, but he definitely found his main goal. The vocation of the poet is the main reason for his popularity.

Key words: poet, vocation, tribune, fate.

Айгенграу Дарья Баировна

Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина
netdaid@mail.ru

О формах и степенях вежливости в корейском и русском языках

Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Брагиной Натальи Георгиевны.

В статье рассматриваются грамматические и некоторые лексические способы выражения категории вежливости в русском и корейском языках. Целью исследования является сопоставление степеней и форм вежливости в исследуемых языках. В результате анализа было установлено, что в обоих языках существуют две формы вежливости, однако количество степеней является разным: ввиду строгости иерархических отношений система степеней в корейском языке гораздо сложнее.

Ключевые слова: категория вежливости, формы вежливости, степени вежливости, русский язык, корейский язык, межкультурная коммуникация.

Категория вежливости является одной из ключевых в стратегии межкультурного общения, а также представляет большую важность при изучении языка и культуры народа сквозь призму социокультурной составляющей. В лингвистике её рассматривают как речеповеденческую категорию и общую стратегию речевого поведения коммуникантов. Под вежливостью же понимается «система исторически

сложившихся в данной культуре коллективных норм и правил, которые регулярно воспроизводятся в процессе коммуникации и следование которым позволяет ее участникам нейтрально, комфортно и бесконфликтно общаться на любые, самые болезненные темы» [2, с. 38]. Целью данной работы является анализ основных принципов категории вежливости и способов её выражения в русском и корейском языках.

Вежливость как предмет лингвистического анализа не раз вызывала интерес отечественных и зарубежных учёных. Начиная с ранних исследований Г. Грайса [3], Дж. Лича [12], Р. Лакоффа [11], Э. Гоффмана [10], а также П. Браун и С. Левинсона [9], изучение вежливости является стабильно развивающимся направлением и предполагает рассмотрение следующих вопросов: выявление и формулирование ключевых принципов и постулатов вежливости, анализ различных стратегий и тактик, способствующих смягчению воздействия и сохранению лица коммуникантов ("publicself-imageface"), под которым подразумевается позитивная социальная ценность, социальный имидж говорящего или слушающего.

Так, в разных языках способы выражения вежливости зависят от культуры, структуры и социальных традиций общества. Однако существуют общие закономерности выражения вежливости, которые определяются горизонтальными и вертикальными связями между коммуникантами, – параметрами дистанции – близости (равностатусные отношения, горизонтальное общение) и статуса, «власти» (иерархические отношения, вертикальное общение).

В русском языке, как и в других европейских языках, это проявляется в использовании форм личного местоимения 2-го лица. Антиномия «Ты – Вы» была подробно изучена американскими исследователями Р. Брауном и А. Гилманом в терминах «солидарности» и «власти» на базе их теории о различении местоимений на T и V (T–V distinction; от лат. tu и vos). Лингвистами было доказано, что большинство европейских языков имеют по два личных местоимения 2-го лица, которые являются показателями двух форм вежливости: T – местоимение 2-го лица, выражающее солидарность, V – местоимение 2-го лица, выражающее власть [8]. Соответственно, русское «ты» предполагает известную степень фамильярности между коммуникантами и используется в неформальной коммуникации: это может быть горизонтальное общение, целью которого является сокращение дистанции и усиление интимности, либо вертикальное общение в рамках «вышестоящий – нижестоящий», где первый

коммуникант, обладающий более высоким статусом, демонстрирует таким образом своё главенство над вторым.

Здесь, однако, имеет смысл обратиться к истории языка. До появления «вы»-формы обращение на «ты» в сочетании с титульной номинацией было способом выразить уважение, почтение:

Когда же ты, царь-батюшка, указал девиц к тебе для выбора везти, они — брат ейный, да отец и сама она — ко мне в вотчину приехали, и уж опосля я им нашел, где в Слободе поместиться. [Н.Н. Алексеев. Татарский отпрыск (1896)]

— *Царь-батюшка, не прикажи казнить, — дозвожь, государь, слово вымолвить.* [С.В. Максимов. Крылатые слова (1899)]

Следы этого сохранились также, к примеру, в выражениях «Господи, помоги», «Спаси, Господи», «Упаси бог (боже, господи, господь)» и др.

Господи, спаси! Господи, помоги! — и Господь поможет. Но Он не поможет тебе, раньше чем ты сам поборешься. [митрополит Антоний (Блум). О покаянии (1995)]

Хочу кричать, а не могу, онемела, сама думаю: о господи, помоги мне. [А.А. Ботев. Кот Шредингера // «Волга», 2013]

Современный формально-вежливый стиль общения подразумевает обращение к собеседнику на «вы». В России вежливое (или «нежное» – по В.К. Тредиаковскому) «вы» появилось в первой половине XVIIIв. и постепенно укоренилось к концу века. Б.А. Успенский, исследователь реформаторской деятельности В.К. Тредиаковского и её значения в эволюции русского литературного языка, отмечал: “Тредиаковский – один из первых русских авторов, который сознательно и последовательно вводит в литературный язык обращение на *вы* «которое...» может рассматриваться как черта галантной щегольской речи” [7, с. 135]. Таким образом, использование обращения «ты» в формальной коммуникативной обстановке в наши дни недопустимо.

Тем не менее следует подчеркнуть, что в целом в российской языковой действительности смена регистра общения – с «Т» на «V» и наоборот вполне возможна. Данные формы обращения не являются коммуникативно фиксированными, каковыми они были в средневековой Европе, где вплоть до 19-го века выбор обращения «Т» и «V» строго зависел от социального класса. Представители высших классов общались друг к другу, используя исключительно формы «V», а представители низших употребляли «Т»-формы [8, с. 256]. С появлением параметра «солидарности», или, выражаясь иначе, горизонтального плана общения, стало возможным переключение

регистра общения без нарушения коммуникативного этикета. Так, например, в пространстве русскоязычного общения коммуниканты любого возраста, статуса, положения и степени близости могут переключиться с более официального обращения «V–V» на менее формальное «Т–Т» с сохранением общего тона неформальной вежливости при условии обоюдного согласия.

В корейском языке подобный лексический переход затруднителен, что объясняется не только национально-культурными, но и структурными различиями. В ряде языков, в том числе в корейском, существуют специальные грамматические формы для выражения вежливости, тогда как в языках Европы, например, они отсутствуют.

Их существование обусловлено особенностью устройства корейского общества, построенного на идеях и ценностях конфуцианства. Ось общества представлена вертикалью, его структура иерархична, взаимоотношения выстраиваются в соответствии с правилами социальной субординации. Согласно конфуцианскому учению, социум и социальные связи чётко структурируются (старший – младший, руководитель – подчинённый и т.д.), что находит выражение в поведении коммуникантов, традициях, формах проявления вежливости (поклоны, речевые формулы и др.) [6, с. 21]. В связи с этим горизонтальные (равностатусные) отношения в мире конфуцианской этики играют значительно меньшую роль.

В подтверждение приведём пример, зафиксированный корееведом Г.Н. Кимом. Описывая корейский этикет знакомства, исследователь отмечает привычку при первой встрече расспрашивать собеседника о месте работы, должности, возрасте, семейном положении [4, с. 34]. Несмотря на то, что подобное поведение может обескуражить и даже оскорбить носителя другой культуры, это вовсе не говорит об отсутствии у корейцев такта. В первую очередь, такие вопросы имеют своей целью определить статус собеседника в социальной иерархии и правильно выстроить стратегию речевого поведения (в частности – выбрать верный способ обращения и стиль вежливости).

Корейские формулы вежливости всегда так или иначе подчеркивают разницу социального статуса и возраста коммуникантов. Рассмотрим это на примере основных терминов родства [Таблица 1]. Их вежливые формы служат основным способом обращения в семье; обращение по имени нехарактерно (но возможно, к примеру, в ситуации отчитывания младших членов семьи взрослыми). Таким образом, строгая иерархичность отношений наблюдается и в социальном пространстве семьи. Крайне

показательно, что в корейском языке отсутствуют лексемы, равные русским «сестра» или «брат»: как и сестра, брат может быть только либо старшим, либо младшим.

Таблица 1. Термины родства в функции обращения

Термин	Перевод	Адресант
형 (<i>hyeong</i>)	старший брат	мужчина
누나 (<i>nuna</i>)	старшая сестра	мужчина
언니 (<i>eonni</i>)	старшая сестра	женщина
오빠 (<i>oppa</i>)	старший брат	женщина
동생 (<i>dongsaeng</i>) (남동생, 여동생)	младший брат / младшая сестра	
아버지 (<i>abeoji</i>)	отец	
어머니 (<i>eomeoni</i>)	мать	

Говоря о корейских терминах родства, отметим, что это название зачастую номинально, так как данные лексемы являются универсальными именованиями, не привязанными к отдельной семье: их могут использовать коммуниканты, не являющиеся родственниками. Это связано с национальной идеологией и коллективизмом мышления корейцев.

Итак, иерархичность социальных отношений и второстепенное положение горизонтальных связей определяют существование в корейском языке нескольких степеней, или стилей, вежливости. Выражение той или иной степени осуществляется путём употребления определённых грамматических (и лексических) показателей. Так, для каждой из степеней характерна собственная система глагольных окончаний.

Всего в корейском языке по разным подсчётам существует от трёх [6] до семи [1] степеней (стилей) вежливости: 1) 하소서체 (*hasoseoche*), 2) 하십시오체 (*hasipsioche*), 3) 해요체 (*haeyoche*), 4) 하오체 (*haoche*), 5) 하게체 (*hageche*), 6) 해라체 (*haerache*), 7) 해체 (*haeche*). Некоторые из этих форм постепенно уходят из разговорного корейского языка и встречаются только в исторических фильмах и

художественной литературе. Так, например, в современном корейском языке не используется 하소서체 (*hasoseoche*) – архаичный высоко-формальный официально-вежливый стиль речи, традиционно используемый при обращении к королю или королеве.

Большинство южнокорейских учёных выделяет шесть степеней категории вежливости [13; 5 и др.], внутри которых, в свою очередь, происходит деление по формам вежливости на официальные и неофициальные.

1. 하십시오체. Официально-вежливая степень.

Эта степень формальной вежливости используется говорящим при общении с незнакомым человеком или в официальной ситуации. Характерные грамматические окончания: -십시오, -십시오다, -습니다, -습니까.

2. 해요체. Неофициально-вежливая степень.

Наиболее распространенная форма вежливости в современном корейском языке. Употребляется как между незнакомцами, так и между знакомыми в менее формальной и неформальной обстановке в качестве альтернативы официально-вежливому стилю. Характерные окончания: -요.

3. 하오체. Полувежливая официальная (нейтральная) степень.

Является средством выражения вежливости к друзьям или к нижестоящим (встречается в речи государственных работников, офицеров полиции, менеджеров среднего звена). Используется в основном людьми старшего поколения и постепенно выходит из употребления. Глагольные окончания: -오, -쇼, -소, -십시오, -구려 и др.

4. 하게체. Простая официальная (нейтральная) степень.

Характерна для средне-фамильярного стиля общения. Является средством выражения относительной вежливости к нижестоящим или друзьям. Не употребляется в общении между кровными родственниками. В основном используется людьми старшего поколения и постепенно выходит из употребления. Глагольные окончания: -네, -는가 и др.

5. 해라체. Авторитарная (официальная) степень.

Используется в разговорной речи при обращении к младшим или ровесникам, как правило, в императивных конструкциях. Глагольные окончания: -다, -는다, -아라, -자, -느냐, -니 и др.

6. 해체. Неофициально-фамильярная степень.

Ввиду фамильярности употребляется между близкими друзьями и родственниками, в разговоре с детьми. Широко распространенный разговорный стиль общения. Глагольные окончания: -아, -지, -아, -게, -지.

Итак, категория вежливости в корейском языке представляет собой разветвлённую систему, где выделяются различные формы и степени вежливости. Отчасти они сопоставимы со средствами выражения вежливости в русском языке. Официальная и неофициальная формы вежливости в корейском находят аналоги в русском языке: ими выступают неформальный и формальный виды общения. Соответственно этим формам общения, в русском языке можно выделить две степени вежливости, представленные антиномией «Ты – Вы». Система степеней в корейском гораздо сложнее: в современном состоянии она включает в себя шесть стилей, или регистров, вежливости, каждому из которых присуща собственная система грамматических и лексических показателей.

Поскольку категория вежливости тесно связана с национально-культурной спецификой, в разных языках и лингвокультурах она будет представлена разными языковыми формами и уникальными экстралингвистическими средствами. Однако несмотря на различия в способах выражения, основной принцип вежливости остаётся универсальным и применяется в любой ситуации, особенно в рамках межкультурного дискурса.

Литература

1. Аборова Н.Ф. Грамматическая категория выражения вежливости в корейском языке // ORIENSS. – 2022. – № Special Issue 24. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grammaticheskaya-kategoriya-vyrazheniya-vezhливости-v-koreyskom-yazyke> (дата обращения: 07.02.2023).
2. Брагина Н.Г. Вежливость как невежливость: на стыке разных культурных норм и правил // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации. Материалы Международной научной конференции, состоявшейся в

- Институте лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. / Сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 318 с.
3. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217–237.
 4. Ким Г.Н. Рассказы о родном языке. Популярное корееведение. – Алматы: КазГУ, 2003. – 287 с.
 5. Хан Н.Ч. Речевые стереотипы обращения в реализации категории вежливости в разноструктурных языках: дисс. ... д. филол. наук. – Алматы, 2016. – 176 с.
 6. Холодович А.А. Очерк грамматики корейского языка: учебное пособие для высших учебных заведений / А. А. Холодович. – М., 1954. – 319 с.
 7. Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – 215 с.
 8. Brown R. & Gilman A. The Pronouns of Power and Solidarity. *Style in Language* // MIT Press, 1960. – P. 253-276.
 9. Brown P. and Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
 10. Goffman E. *On Face Work: an Analysis of Ritual Elements in Social Interaction* // *Communication in Face-to Face Interaction*. – Harmondsworth: Penguin, 1972. – 319–346 p.
 11. Lakoff R.T. The logic of politeness, or minding your p's and q's. // *Chicago Linguistics Society*. – 1973. – №9. – 292-305 p.
 12. Leech G.N. *Principles of Pragmatics*. – New York: Longman, 1983.
 13. Sohn Ho-min. *The Korean Language*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 445 p.

Aigengrau D.B.

Pushkin State Russian language Institute

Forms and degrees of politeness in Russian and Korean

The article examines grammatical (and some of the lexical) means of expressing politeness in Russian and Korean. The purpose of the article was to compare the forms and degrees of politeness in studied languages. As a result, it was found that both of them have two forms of politeness whereas number of degrees differs. The degree system in Korean turned out to be much more complicated because of the country's strict social hierarchy.

Keywords: politeness, forms of politeness, degrees of politeness, Russian language, Korean language, cross-cultural communication.

Алборова Анастасия Алановна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
alborova-01@mail.ru

Социальная реклама в аспекте стилистики языка

Работа выполнена под руководством Ионовой Светланы Валентиновны, доктора филологических наук, профессора.

В статье рассматриваются современные рекламные лозунги социальной рекламы. Особое внимание уделяется использованию образных средств, которые делают рекламные слоганы более запоминающимися, соответствующими целям рекламного сообщения. В данной статье предметом наблюдения и лингвистического анализа стали образные и изобразительно-выразительные средства русского языка: метафора, парцелляция, ирония, перифраз, аллюзия.

Ключевые слова: реклама, рекламный дискурс, социальная реклама, образные средства русского языка.

В современном мире реклама оказывает большое влияние на человека – она перешла из экономической области в культурную. В связи с этим, необходимо рассматривать рекламу как прием воздействия на людей, который при должном употреблении может оказывать значительное влияние на привлечение покупателей для компаний, а также увеличение популярности бренда или продукта. Реклама быстро становится для аудитории раздражающей, поэтому анализ удачных примеров текстов может быть полезен для составления новых рекламных объявлений. Ввиду высокой конкуренции компаниям необходимы запоминающиеся лозунги, которые будут востребованы у аудитории. Одним из самых эмоциональных дискурсов является рекламный [2, с. 28]. А в текстах социальной рекламы эмоциональность достигает высшей точки.

Рекламный текст – прозаический или поэтический текст, содержащий скрытый или открытый призыв к действию [5, с. 16]. Рекламный текст – основной инструмент, используемый для того, чтобы заинтересовать целевую аудиторию (потенциального покупателя). Именно лингвистические средства и речевые стратегии, используемые в рекламном тексте, определяют, будет ли эта реклама востребована и иметь отклик от целевой аудитории.

Элементы социальной рекламы – это социальная проблема (реально существующее общественное противоречие) и мотивация (воздействие на установки аудитории). Вопросы, которые рассматривает социальная реклама, – это курение и алкоголизм, насилие в семье, обязанности граждан и их права, аборты, личная безопасность и др. От прочих видов рекламы ее отличает соответствие

государственным интересам, актуализация проблем, распространение социально одобряемых ценностей и норм и ориентация на широкие слои населения [6, с. 48].

Лингвистически важной составляющей рекламного дискурса является рекламный лозунг, поэтому в данной работе именно он становится объектом внимания. Цель рекламного слогана – в минимальном количестве слов донести до покупателя ценность товара. Лозунг должен быть динамичным, запоминающимся и образным, в связи с этим в удачном рекламном сообщении используются разнообразные средства выразительности. Наиболее полным нам кажется определение термина «слоган», данное в Большом Экономическом словаре: «Слоган – рекламный лозунг, девиз, направленный на создание имиджа фирмы или на рекламу товара; заголовок рекламного послания, отличающийся от обычного заголовка повышенной эмоциональностью и сильным подтекстом, призывающим к немедленному действию – вступлению в контакт с производителем товара или покупке товара» [1, с. 646]

Реклама темпорально ограничена, она не предполагает анализирующего долгого чтения [3, с. 14–16]. В связи с этим использование стилистических приемов кажется нам единственно верным способом удержать внимание адресата за счет своей яркости. Цель рекламы – интенсивное концентрированное воздействие на потенциального покупателя, в связи с этим реклама использует богатый спектр средств выразительности на всех уровнях языка.

Элементом, с помощью которого становится возможным связь компонентов в креолизованном тексте, является метафора. Метафора – это троп, оборот речи, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основе какой-нибудь аналогии, сходства. Часто в рекламе используется разновидность метафоры – олицетворение, чтобы придать конкретному товару свойства живого объекта, с которым покупателю легче себя ассоциировать. Например, в лозунге социальной рекламы *«Наркотики убивают»* четко прослеживается корреляция наркотиков и убийцы, который негативно влияет на жизнь и здоровье, которого стоит бояться. Таким образом с помощью олицетворения в сознании читателя рекламы остается ассоциация «наркотики = зло».

Парцелляция – (восходит к франц. *parcelle* от лат. *particula* — частица). Такое членение предложения, при котором содержание высказывания реализуется не в одной, а в двух или нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы. *С девушкой он вскоре поссорился. И вот из-за чего* (Гл. Успенский). *У Елены беда тут тряслась. Большая* (Панфёров). Лозунг

социальной рекламы *«Наркотики убивают. Больно. Мучительно. С гарантией»* сочетает в себе и парцелляцию, которая обеспечивает высказыванию стремительность, и градацию, которая усиливает напряженность. В другом слогане социальной рекламы *«Мама, не кури!»* риторическое обращение от лица близкого человека делает сообщение личностно ориентированным, эффект усиливает риторическое восклицание.

Ирония (греческое *eironeia* — притворство) — явно-притворное изображение отрицательного явления в положительном виде, чтобы путем доведения до абсурда самой возможности положительной оценки осмеять и дискредитировать данное явление, обратить внимание на тот его недостаток, к-рый в ироническом изображении заменяется соответствующим достоинством. [4, с. 540]. Ирония в слогане *«Детей? Пристегивать? А зачем?»* создает парадокс, привлекает внимание и заставляет задуматься над очевидным, а также предположить, чем грозит неисполнение правил.

О.С. Ахманова предлагает два обозначения термина «перифраз» (или «парафраз»): 1. Описательное выражение; 2. Троп, состоящий в замене обычного слова описательным выражением [7, с. 312]. Например, в лозунге *«Купите себе рак легких!»* использован перифраз, при котором под раком легких подразумевается эффект от пачки сигарет, которую предлагается купить, т.е. выявляется негативное последствие курения, что показывает вред этой привычки.

Аллюзия (от фр. *allusion* — намек) — художественный прием: сознательный авторский намек на общеизвестный литературный или исторический факт, а также известное художественное произведение (например, «Поэма без героя» А. Ахматовой насыщена многочисленными культурными, историческими, литературными А.). В лозунге социальной рекламы *«Автокресло для ребёнка. Зайка не уберезет»* использована аллюзия к детской сказке про зайца, который всем помогал. Это заставляет посмотреть на опасность угрозы жизни глазами ребенка, что вызывает переживания у родителя.

Следует отметить, что насыщенность вербальной части рекламными средствами не гарантирует успеха в воздействии рекламного сообщения. Гарантия успеха — гармоничное соединение основной рекламной идеи с теми средствами выразительности, которые этой идее наиболее соответствуют. В связи с этим нам представляется необходимым рассмотрение средств выразительности в тексте одновременно с ценностями компании рекламодателя и целями, преследуемыми рекламой.

Литература

1. Борисов А.Б. Большой экономический словарь – Москва, 2000. – С. 646.
2. Вахрушева М.А., Ионова С.В. Эмоциональная коммуникация на русском языке. Учебное пособие // Научная мысль. – Москва, 2021. – 87 с.
3. Гельвановский Г.В. Номинативный аспект рекламных текстов и способы его представления в английском и русском языках. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2000. – 22 с.
4. Литературная энциклопедия / Коммунистическая академия, Секция литературы, искусства и языка / Под ред. В.М. Фриче. – Москва. 1929 – 759 с.
5. Мирошниченко И.В. Лингвистический анализ текста. – М.: А-Приор, 2009. – 224 с.
6. Николайшвили Г.Г. Социальная реклама: теория и практика: учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 184 с.
7. Словарь лингвистических терминов / Под ред. О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М.: УРСС, 2004 (Калуга : ГУП Облиздат). – 569 с.

Alborova A.A.

Pushkin State Russian Language Institute

Social advertising in the aspect of language stylistics

The article considers modern advertising slogans of social advertising. Particular attention is paid to the use of figurative means that make advertising slogans more memorable, corresponding to the goals of the advertising message. In this article, the subject of observation and linguistic analysis are the figurative and expressive means of the Russian language: metaphor, parcellation, irony, paraphrase, allusion.

Keywords: advertising, advertising discourse, social advertising, figurative means of the Russian language.

Андросюк Анна Вячеславовна

Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина
anybroshka@mail.ru

Процесс интернационализации лексики в текстах современной русскоязычной интернет-поэзии

Работа выполнена под руководством Никитиной Надежды Евгеньевны,
кандидата филологических наук, доцента

Статья посвящена анализу процесса интернационализации в текстах современной русскоязычной интернет-поэзии. Материал исследования – поэтические тексты (стихотворения, заметки, посты) популярных в интернет-пространстве авторов: Соля Моновой, Веры Полозковой, Евгения Соя.

Ключевые слова: интернет-поэзия, интернационализация лексики, иноязычные вкрапления, варваризмы, экзотизмы.

Развитие интернет-технологий и активное внедрение их в культурно-общественную жизнь людей в XXI веке обусловили появление феномена интернет-литературы, ориентированной на массового читателя, и особое место в которой заняла сетевая поэзия. В последние годы стало очевидно, что в отношении поэзии «интернет представляет собой не только среду для публикации и распространения текстов, но и новую форму ее существования» [1]. Таким образом, сетевая поэзия в современной массовой литературе – особое поэтическое пространство со специфическим языком, стилем, жанрами, которое объединяет произведения, написанные современными, известными в интернете, авторами.

Развитие интернет-литературы тесно связано с функционированием международных сетевых платформ, чем объясняется стремление интернет-поэтов передать в своих текстах особенности актуального сетевого общения, создать условия для свободного диалога с аудиторией, расширить ее географию. Глобализация коммуникативного пространства в интернет-поэзии отражена в процессе интернационализации лексики.

Под процессом интернационализации в современном языкознании понимается «появление в языке большого количества интернациональных единиц: слов, морфем, фразеологизмов, синтаксических конструкций; в лексике – научной, научно-технической, общественно-политической терминологии, что является следствием контактирования языков в рамках одного культурно-языкового ареала, проявлением тенденции к выработке единой шкалы ценностей в информационном обществе» [1, с. 149–150]. **Интернациональная лексика** (заимствования, интернационализмы) – «функционально-тематический разряд заимствованной лексики, а именно: слова международного лексического фонда, имеющие в разных языках одно и то же значение, но оформляемые по законам каждого языка в отдельности. Они составляют значительную часть новых заимствований (спам, монитор, коллаидер, нанотехнологии)».

Процесс заимствования – самый распространенный вид языковых контактов, который подразумевает переход слов и выражений, грамматических конструкций, морфем и фонем из одного языка в другой. По данным интернет-источников, лингвистов, а также журналистов и других специалистов, интересующихся вопросами русского языкознания, процент заимствованных слов в нашем языке крайне велик. Самый частотный по упоминанию диапазон – от 50 до 90 %. Значительно варьируется этот показатель сейчас, в век информационных технологий, компьютеризации, активного развития интернета, мирового туризма и непрерывного взаимодействия культур. Слова и выражения приходят из других языков, видоизменяются, трансформируются, поэтому оценить реальные масштабы таких лексических единиц, бесспорно, невозможно. В рамках данного исследования мы обратили

внимание на некоторые типы заимствований, которые представляется возможным вычленивать из поэтических интернет-текстов и оценить, – это иноязычные вкрапления, экзотизмы и варваризмы.

Большое количество **иноязычных вкраплений** встречается в текстах популярной интернет-поэтессы Соли Моновой. И это не случайно, так как автор долгое время прожила в Америке. За рубежом она написала много стихотворений, яркой чертой которых стал *билингвизм*, в частности, употребление в русскоязычном тексте английских слов и словосочетаний. Это заметно, например, в стихотворении «nobody new»

ты не звонишь мне...

я тебе не звоню...

славно всё вышло

absolutely new!

но ты не звонишь мне

я тебе не звоню

и пишу книжк

absolutely new!

ты не звонишь мне

я тебе не звон

что станет лишним

nobody knew!

Отметим, что появление в тексте неадаптированных англицизмов абсолютно неоправданно с точки зрения языка, так как существуют слова-синонимы, соответствующие использованным иноязычным лексемам: «абсолютно», «новый», «никто». Однако словосочетания *absolutely new*, *nobody knew* используются поэтессой с четкой художественной целью: подчеркнуть тему расстояния и непонимания между двумя людьми.

В стихотворении «On Off» показано, что иноязычные вкрапления давно вошли в повседневную речевую культуру русскоязычного человека как лексемы интернет-сленга: «Он **ON** или **OFF LINE!**». Встречающееся в тексте стихотворения словосочетание: «**nemirOFF**ской водки» (Немировская водка) – пример организации внутренней структуры слова посредством шрифтового выделения определенного компонента и вкрапления иностранного слова.

На волне популярности поп-музыки возникает и поэтическая мода на вкрапление в тексты целых фраз, преимущественно на английском языке. Такая тенденция мотивирована и способствует распространенности текста не только на русскоязычную, но и на

иностранный аудиторию. Поэт Евгений Соя, стихотворения которого становятся песнями, исполняемыми по всему миру, зашифровывает в иноязычных (английских) фразах тайные послания лирического героя, то, что он на самом деле стремится сказать, но боится по определенным причинам: «*кто думает перед сном / о том кого любит / идилия ом / **we are in love / and we are so stupid*** („Ночью объят“); *я часто вижу тебя на улицах, / но это всегда не ты. / ... / **but I can't help falling in love with you**, мне нужна тишина с твоим голосом, / мне нужна темнота с твоим запахом / ведь, **i can't help*** („fx=love“)). Англицизмы также выступают средством иронии над стремлением героини знать множество языков: «*ты мне так непροститительно веришь, / мнестановится страшно. / **you speak english, french, spanish**, / и наклонившись, словно пизанская башня, / шепчешь („У света нет края“)*».

Всевозможные вкрапления, переданные на языке заимствования с общеизвестным англицизмом *love*, встречаются в лирике Веры Полозковой: «*видать, и впрямь счастливая любовь / завидую, ничем себя не выдав, / **and love you both*** („Тамбов“), *Чему учит нас Каджурао, мой свет? / Тому, что **love is just passing by*** („Каджурао“)). Отметим, что выделенные фразы – интерпретации строк известных песен, которые можно обозначить как маркеры современного поколения молодежи.

Для создания колоритного хронотопа авторской действительности, а также новых рифм интернет-поэты используют яркие **экзотизмы**, которые воспринимаются массовым читателем как код-указатель определенной страны, а также является доказательством явления глобализации культуры: «***Ласси*** (хинди, освежающий индийский напиток) *из **панайи*** (латынь, название растения и его плода) *за двадцать **рупий*** (санскрит, индийская серебряная монета) *в деревне / вечером при свечах, Происходит полный Джонатан Свифт / плюс омар-хайямовский **рубайат*** (арабский, рубаи – форма лирической поэзии), *И в углу кафе сидим мы, сытые эксплуататоры, / попиваем свой **оранжад*** (французский, прохладительный напиток из апельсинов)» («Индийский цикл» Вера Полозкова); «*Среди таджиков в **кимоно*** (японский, элемент национальной одежды) / *Снимали девочки истории / И пили красное вино*» («В стенах московской Якитории» Сола Монова), «*Ночью дурманят **кальянами*** (арабский, прибор для курения) *бары-наб* (английский, публичное заведение) / *Утром похмелье вращает, как центрифуга...*» («Деточки» Сола Монова); «*я возьму бумагу, я сложу для тебя **оригами*** (японский, искусство складывания фигурок из бумаги), / *это лучшие, чем любая литература*» («А что, если есть...» Евгений Соя).

Варваризмы в русском языковом пространстве – «иноязычные слова и выражения, употребленные в текстах того или иного языка, но не вошедшие в язык» [1, с. 73], т. е. либо так и не вошли в русский язык, либо находятся в начальной или промежуточной стадии

освоения. Анализируя тексты интернет-поэзии, мы обратили внимание на наименования известных мировых брендов, компаний, марок автомобилей: *«Въехав с чемоданами от Гуччи / В президентский Риц или Савой (названия отелей) («Будь собой» Сола Монова), Над Московской дачей, / Обтрепались Гуччи, / Порвались Версачи... / Без Луис-Виттона / Красота не вянет...» («Молодость уходит...» Сола Монова), «Или Арсен на белой ауди, / Чем белый ауди – ни конь» («В стенах московской Якитории» Сола Монова), «У каждой божьей твари на планете / Есть лабутены – / а я босая» («Лучший подарок на 8 марта» Сола Монова); «в детстве ты читал жюль верна / ты думал, что впереди все так интересно, наверное, / а сейчас, кроме завтрака в маке мало что радует» («в детстве...» Евгений Сой).*

Таким образом, процесс интернационализации, наблюдаемый нами в языке современной русскоязычной интернет-поэзии, представляет собой один из способов воплощения современного мира в авторских текстах, стремление интернет-поэтов обратиться к массовой аудитории через известные песни, бренды и др. Заимствованная лексика – особенно англицизмы – заполнили рекламу, сетевые чаты и, как следствие, лексический запас носителей русского языка. Учитывая, что одна из главных задач современных авторов – максимальное приближение поэтического языка и поэзии в целом к реальной жизни, насыщенность текстов заимствованиями видится нам естественной реакцией интернет-литературы на интернационализацию культуры.

Литература

1. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий. – Изд. 6-е, испр. и доп. – Назрань.2016. – 606 с.
2. Папковская Н.А. Феномен популярности интернет-поэзии через исследование её читателя // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-populyarnosti-internet-poezii-cherez-issledovanie-eyo-chitatelya> (дата обращения: 02.02.2023).
3. Полозкова Вера // Стихи.ру URL: <https://stihi.ru/avtor/polozkovavera> (дата обращения: 02.02.2020).
4. Сола Монова // Стихи.ру URL: https://stihi.ru/avtor/sola_monova (дата обращения: 02.02.2020).

5. Соя Евгений // Стихи.ру URL: <https://stihi.ru/avtor/sunfish> (дата обращения: 02.02.2020).

Androsyuk A.V.

Brest State A.S. Pushkin University

Vocabulary internationalization in the texts of modern Russian-language Internet poetry

The article is devoted to the analysis of the vocabulary internationalization in the texts of modern Russian-language Internet poetry. The research material is poetic texts (poems, notes, posts) by popular Internet authors: Sola Monova, Vera Polozkova, Evgenia Soy.

Keywords: internet poetry, vocabulary internationalization, foreign language inclusions, barbarisms, exoticism.

Архипкина Дарья Сергеевна

Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина

dariaarkhipkina@gmail.com

Этимология слова как часть культурного компонента семантики в аспекте обучения РКИ

Работа выполнена под руководством Мамонтова А.С., доктора филологических наук, профессора.

Из всего теоретического языкового материала именно этимологический представляет едва ли не наибольшую ценность для развития общего гуманитарного кругозора студентов различных профилей, поскольку он органично сочетает в себе практически полезную лексикологическую информацию с экстралингвистическими явлениями, формирующими общегуманитарный и общекультурный кругозор специалиста.

Ключевые слова: РКИ, этимология, преподавание.

На первый взгляд обращение к этимологии в практике преподавания РКИ может показаться не только необязательным, но и излишним. В современном динамично развивающемся мире основной акцент при изучении иностранных языков как специалистами-филологами, так и людьми других профессий ставится на возможность практического применения полученных знаний, ускорение и оптимизацию учебного процесса.

При обучении студентов лингвистического и филологического направления внедрение этимологического компонента представляется возможным на высших ступенях обучения в рамках дополнительных курсов, нацеленных на расширение кругозора учащихся и более полное погружение в культурологический и исторический аспекты изучения языка. Однако важно помнить, что в данном случае речь идет о людях, чья дальнейшая деятельность будет напрямую связана с речью и текстом, тех, для кого язык станет не только орудием и инструментом, но и непосредственно объектом рассмотрения.

Но обоснованно ли внедрение этимологических сведений в курсы РКИ, предназначенные для людей иных профессий? Стоит признать, что несмотря на важность умения пользоваться правильным литературным языком во всех сферах деятельности, сегодня незначительные грамматические ошибки и неточности в речи не вызывают какого-либо отторжения. Более того, слишком хорошее знание грамматики скорее выдает в говорящем иностранца. То же самое можно сказать и о произношении: речь с акцентом становится вполне нормальной. Куда важнее представляется полное и уверенное владение необходимой общезыковой и профессиональной лексикой. Без достаточного лексического запаса невозможно излагать мысли, именно поэтому его формирование и активизация – основная задача преподавания РКИ в формате именно языковой подготовки. Так есть ли необходимость в углублении знаний, связанных с историей языка, там, где даже традиционным аспектам обучения, еще недавно казавшимся неотъемлемыми (фонетике, грамматике), уделяется все меньшее внимание в угоду скорости освоения выдвинувшегося на передний план необходимого лексикона?

Отвечая на данный вопрос, необходимо помнить, что, несмотря на заявленный практико-ориентированный вектор, полный отказ от теории невозможен, поскольку он лишает языковую практику той базы, которая необходима для освоения языка. Кроме того, использование теоретического материала решает задачи расширения лингвокультурного кругозора современного специалиста.

Важность лингвокультурного аспекта, в свою очередь, не может вызывать сомнений, поскольку при погружении в культуру изучаемого языка студент неизбежно сталкивается с трудностями, возникающими при общении представителей различных общностей. При отсутствии у обучаемого навыков межкультурной коммуникации высокий уровень владения языком может не только оказаться абсолютно бесполезным, но и сыграть с ним злую шутку. Несоответствие уровней языковой и межкультурной компетентностей говорящего может привести к коммуникативным неудачам, к ситуациям частичного или полного непонимания.

Таким образом, мы приходим к выводу о необходимости обращения к культурологической стороне изучения русского как иностранного как при обучении студентов-языковедов, так и при работе со специалистами других направленностей.

Необходимо обговорить, что несмотря на возрастающий интерес к этимологии даже в рамках изучения дисциплин подчас далеких от филологии или лингвистики, в основном исследователи ставят просветительские задачи, сводимые к истории того или иного термина, знакомства с особенностями его возникновения и функционирования в той

или иной сфере. Не умаляя ценность такого подхода, отметим, что методический потенциал этимологии, в частности в обучении языкам, раскрывается не в полной мере при таком формате обучения.

Согласно исследованию Е.К. Абрамовой, введение элементов этимологического анализа, рассказа о происхождении слов на уроках иностранного языка способно оказать влияние на формирование орфографической грамотности учащихся, помочь лучше запомнить толкование слова, познакомиться с интересной экстралингвистической информацией (исторической, культурной, страноведческой).

Ссылаясь на работы таких исследователей XX в., как О.Н. Трубачев и З.А. Потиха, автор также акцентирует внимание на том, что этимология объединяет множество факторов, которые играют немаловажную роль для понимания структуры языка и его природы. Обращается внимание на то, что никакая другая лингвистическая дисциплина не собирает такую полноту информации о значении слова, как этимология, объединяющая в целях своего исследования современные данные, письменную историю, дописьменную реконструкцию и семантическую типологию. Знание эволюции значения небезразлично для понимания его нынешней природы и структуры.

Помимо этого, как пишет в своей статье О.В. Флеров, этимология традиционно считается одним из самых интересных разделов науки о языке. «Человеку всегда было свойственно желание осмыслить незнакомое слово, восстановить его „биографию“, сделать понятным для себя» [3]. Таким образом, введение в курс РКИ этимологических справок способно повысить интерес студентов к изучаемому предмету, тем самым повышая ту осознанность, которая необходима студентам при изучении неродного языка и на воспитание которой выделяется все меньше времени в рамках современных языковых курсов, главными достоинствами которых все чаще считается их скорость и краткость.

Так, этимология на занятиях по языку решает и эту когнитивно-развивающую задачу, формируя общеучебные умения, необходимые далеко за пределами занятия по русскому языку.

В данном контексте О.В. Шестакова пишет, что для современной молодежи характерно так называемое «клиповое» мышление, поверхностное освоение знаний. В связи с увеличением количества информации, а также особенностями мышления современных студентов возрастает потребность смыслового освоения пространства. Использование метода этимологического анализа на занятиях по иностранному языку позволяет проследить не только путь семантического развития слов иностранного языка, но и их соответствий в родном языке, выявить универсальные и специфические

особенности категоризации действительности и способствует формированию системного мышления.

Проведение аналогий между изучаемым и родным языками на различных уровнях, таких как морфемный, лексический и грамматический, обеспечивает более крепкое и долгосрочное усвоение материала, более уверенное ориентирование в системе иностранного языка. Формирование у учащегося умения видеть язык не как набор разрозненных элементов, а именно как взаимосвязанную структуру позволяет выработать у него определенное «языковое чутье», «языковую интуицию», при которых новый материал будет восприниматься быстрее и легче благодаря способности видеть его сходство с ранее изученным.

Однако, приняв тот факт, что внедрение практики обращения к этимологии в рамках обучения РКИ оправданно и уместно, мы должны также уточнить, как именно следует применять данный метод в курсе аудиторных занятий. Абсолютно очевидно, что бессистемное, неупорядоченное включение этимологических сведений в процесс изучения иностранного языка не только не принесет пользы, останется поверхностным и трудным для запоминания, но и может запутать студента, отбив у него желание продолжать обучение.

Тем не менее, в расчёт следует принимать и тот факт, что, например, изучение РКИ студентами неязыкового профиля имеет определенную специфику, а именно – малый объем аудиторных занятий, достаточно большая численность учебных групп, разный базовый уровень студентов и в целом сравнительно небольшой их интерес к иностранному языку.

Следовательно, важным условием изложения любого теоретического, в том числе и этимологического, материала на таких занятиях становится точечность. Точечность в данном контексте предполагает небольшой объем и прямое отношение к практической информации, получаемой студентами на занятиях. При этом материал должен именно облегчать запоминание информации, а не быть просто «к слову». Из чего следует вывод, что формат лирического отступления неприемлем для практического занятия иностранным языком как для дисциплины в принципе, поскольку нарушает его темп, ритм и «расслабляет» аудиторию, снижая ее концентрацию.

Как пишет в своей статье О.В. Флеров [3], педагогические приемы преподнесения этимологической информации можно свести к двум способам – описательному и ассоциативному. Первый предполагает освоение этимологии без привязки к родному языку, второй – с ситуативными ассоциациями с лексическими единицами родного языка.

Разумеется, первый уровень в большей степени теоретический, второй – сугубо практический. Признавая безусловную ценность обоих методов, мы должны понимать, что в зависимости от условий работы и разницы между преподаванием в группах языкового или иных профилей, их процентное соотношение может существенно варьироваться. Если первый способ нацелен в основном на повышение общей эрудиции студентов, развитие когнитивных способностей и мотивирование к дальнейшему изучению иностранных языков (не только русского), то второй имеет более конкретную практическую направленность, гармонично вписываясь в современную парадигму обучения, не замедляя процесс, а, напротив, ускоряя его и оптимизируя усилия как учеников, так и преподавателя.

Следовательно, ответом на вопрос, уместно ли включение этимологических данных в курсы РКИ, предназначенные для студентов различных специальностей, становится утверждение, что изучение этимологии слов и межъязыковых связей не только решает социокультурные дидактические задачи, но и формирует ассоциативные связи, позволяющие лучше понимать язык как систему и осваивать его более естественно, переходя от ассоциации «русское слово – слово родного языка» к более сложным ассоциациям внутри изучаемого языка, позволяющим запоминать больше слов без «прямой привязки» к русским эквивалентам в сознании. А потому умеренная и своевременная подача информации, связанной с историей слов, словосочетаний и целых фраз становится практичным и удобным приемом актуализации знаний учащихся как в рамках преподавания русского языка студентам языкового профиля, так и в рамках иных курсов РКИ.

Литература

1. Корчагина Е.В. Сведения об этимологии лексических единиц на занятиях РКИ // elibrary.ru URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48797284> (дата обращения: 24.02.2023).
2. Стекольников И.В. Нефедова Е.А. Аляутдинова И.И. Этимология русского слова в аспекте преподавания русского языка как иностранного // Science-pedagogy.ru URL: <https://izron.ru/articles/voprosy-sovremennoy-pedagogiki-i-psikhologii-svezhiy-vzglyad-i-novye-resheniya-sbornik-nauchnykh-tru/sektsiya-6-teoriya-i-metodika-professionalnogo-obrazovaniya-spetsialnost-13-00-08/etimologiya-russkogo-slova-v-aspekte-prepodavaniya-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo> (дата обращения: 24.02.2023).

24.02.2023).

3. Флеров О.В. Использование этимологических связей в обучении английской лексике студентов неязыкового профиля // Science-pedagogy.ru URL: <https://science-pedagogy.ru/ru/article/view?id=2396> (дата обращения: 24.02.2023).

Arkhipkina D.S.

Pushkin State Russian Language Institute

The etymology of the word as part of the cultural component of semantics in the aspect of teaching Russian as a foreign language

Of all the theoretical linguistic material, it is the etymological one that is perhaps the most valuable for the development of the general humanitarian outlook of students of various profiles, since it organically combines practically useful lexicological information with extralinguistic phenomena that form the general humanitarian and general cultural outlook of a specialist.

Keywords: RFL, etymology, teaching.

Базанова Ксения Сергеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
master-nevozmozhnogo@yandex.ru

Фразеологические единицы в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: особенности, цели, новаторство

Работа выполнена под руководством доцента, кандидата филологических наук
Пашкова Александра Витальевича

Статья посвящена использованным в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» фразеологическим единицам, в том числе авторским, особенностям и закономерностям их употребления. Особое внимание уделяется авторским фразеологизмам, окказиональным словосочетаниям, вошедшим в широкое употребление после выхода романа. Делаются выводы о целях использования в романе большого количества фразеологических единиц, как авторских, так и узуальных.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологические единицы, Булгаков, структура, компонент.

Фразеология является одним из наиболее ярких, своеобразных пластов языка, тесно связанным с культурой. Этот фрагмент языковой картины мира, выражает материальную и духовную культуру народа. Фразеологизмы придают речи красочность, образность, убедительность, силу, эмоциональность. Эти качества фразеологизмов четко проявляются даже в разговорно-бытовом общении, когда никаких художественно-изобразительных целей говорящими не преследуется. Но особенно ясно выразительные свойства фразеологизмов проявляются в литературных произведениях. Фразеологизмы отражают авторское видение мира. Изучение особенностей их употребления в художественных текстах способствует более глубокому пониманию и осмыслению как идейно-художественного своеобразия того или иного произведения, так и роли

фразеологизмов в языке художественной литературы в целом. Стилистическое использование фразеологических оборотов писателями всегда является творческим процессом. В этих целях фразеологизмы могут употребляться как без изменений, так и в трансформированном виде, с иным значением и структурой или с новыми экспрессивно-стилистическими свойствами. К основным прагматическим особенностям фразеологизмов относятся их экспрессивность, авторское новообразование и подтекстовая информация, в основном передающая психологическое состояние персонажей, их эмоции, социальные отношения.

В романе «Мастер и Маргарита» М.А. Булгаков использует коннотативно маркированные фразеологические единицы с закрепленной за ними эмоционально-экспрессивной комической окраской, придающей высказываниям шуточный характер.

С целью создания комического эффекта М.А. Булгаков широко использует стилистически окрашенные слова, фразеологические единицы официально-делового стиля, а также разговорно-просторечные фразеологические единицы и выражения. Сами по себе эти выражения и фразеологические единицы не являются средством создания комического эффекта: такой эффект возможен только при определенной художественной обработке языкового материала, связанной с целевой установкой автора. Насыщение речи отдельных персонажей коннотативно маркированными словами и фразеологическими единицами становится средством создания сатирических образов персонажей.

При актуализации значения фразеологизма часто возникает так называемая внешняя омонимия фразеологизма и свободного словосочетания, рождающая каламбур, который окрашивает моменты взаимопроникновения реального и ирреального мира.

В своих произведениях М.А. Булгаков выступал как новатор фразеологии, причём это новаторство представлено в двух направлениях:

- 1) трансформация существующих фразеологизмов;
- 2) создание авторских фразеологизмов.

Структурная трансформация фразеологических оборотов не может касаться только их строения, так как изменение формального выражения чаще всего влияет и на семантическое наполнение единицы, поэтому, по сути, трансформация является структурно-семантической. К структурным трансформациям были отнесены все изменения формального выражения фразеологизма (сужение или расширение структуры, замена компонентов и т. д.). Одновременно с усилением обобщенно-метафорического характера значения происходит добавление компонента, который

трансформирует конкретный смысл исходной единицы.

В творчестве М.А. Булгакова наиболее выразительными, яркими и продуктивными являются индивидуально-авторские новообразования фразеологических сочетаний. Обычно это словосочетания, отдельные компоненты которых теряют своё прямое лексическое значение, так как происходит нарушение привычных отношений объектов реальной действительности, обозначенных этими компонентами. Изменения, которые возникают в результате соединения семантически несовместимых слов, превращают отдельные компоненты сочетаний из свободных в фразеологически связанные. Эти сочетания имеют структуру, соответствующую фразеологизмам, и предлагают, а порой и навязывают читателю субъективно-авторский взгляд на предмет и его смысловые связи. Этим приемом активно пользовался М.А. Булгаков.

Образование новых фразеологических единиц на основе общеизвестных фраз наблюдается в виде изменения отдельных компонентов устойчивых словосочетаний и в акцентировании этих компонентов.

При анализе установлено, что трансформация фразеологизмов происходит не только за счёт сужения или расширения структуры, но и за счёт замены компонента фразеологической единицы другой лексемой, например:

– *Да, мы – атеисты, – улыбаясь, ответил Берлиоз, а Бездомный подумал, рассердившись: “Вот прицелился, заграничный гусь!”* [3, с.119].

В данном примере представлена структурная трансформация – замена компонента; исходный фразеологизм – гусь лапчатый.

Трансформация фразеологизмов в произведениях М.А. Булгакова может реализовываться и на уровне грамматической структуры. Например:

– *Ты, Иван, – говорил Берлиоз, – очень хорошо и сатирически изобразил, например, рождение Иисуса, сына божия, но соль-то в том, что ещё до Иисуса родился целый ряд сынов божиих, как, скажем, фригийский Аттис, коротко же говоря, ни один из них не родился и никого не было, в том числе и Иисуса, и необходимо, чтобы ты, вместо рождения и, скажем, прихода волхвов, описал нелепые слухи об этом рождении...* [3, с. 118].

В данном предложении, наряду с расширением компонентного состава, происходит и замена грамматической формы, которая была неполной: автор высказывания приводит и исходный фразеологизм, и его вариант, создавая комичный эффект языковой игры.

В окказиональных словосочетаниях М.А. Булгакова наблюдается несколько видов варьирования фразеологических единиц, где приём замены компонента приводит к выделению, подчеркиванию фразеологизма в тексте. При этом автор преследует несколько целей: конкретизация значения фразеологизма, усиление образности и экспрессии, внесение дополнительных оттенков. Иногда замена одного из компонентов влечёт за собой появление подтекста, вызванного отрицательной эмоционально-оценочной окраской узуального фразеологизма или интенсивностью совершения действия, обозначаемого фразеологизмом. Например, Булгаков вводит фразеологические единицы *вторая свежесть* (ср. первая свежесть), *не при валюте* (ср. не при деньгах), *пятое измерение* (ср. четвёртое измерение). Выражение *нехорошая квартира* является сугубо авторской фразеологической единицей, более того, вышедшей за рамки романа и широко используемой в качестве интертекстуальной.

Большой интерес представляют окказионализмы, являющиеся эпитетами – они передают желание успокоить собеседника:

– *Товарищ Бездомный, – заговорило это лицо юбилейным голосом, – успокойтесь!* [3, с. 153].

Метафоричные окказионализмы передают отношение народа к происходящему и высмеивание исторических событий:

– *Но тебе придётся примириться с этим, – возразил Воланд, и усмешка искривила его рот, – не успел ты появиться на крыше, как уже сразу отвесил нелепость, и я тебе скажу в чём она – в твоих интонациях.* [3, с. 339].

В произведениях М.А. Булгакова как следствие творческого акта писателя наблюдаются словосочетания, образованные путём трансформации уже существующих словесных комплексов (расширение компонентного состава), которые наделены новым смыслом с оценочной окраской: неприятным удивлением и насмешкой:

– *Ба! – воскликнул Воланд, с насмешкой глядя на вошедшего, – Менее всего можно было ожидать тебя здесь! Ты с чем пожаловал, неожиданный, непредвиденный гость?* [2, с. 338].

Особое место в речи персонажей занимают обороты с компонентами *бог* и *чёрт*. Однако ошибочно считать, что употребление подобных фразеологических единиц напрямую и неразрывно связано с проблематикой и тематикой произведения. Подобные заключения способны привести исследователей к поверхностным или ложным выводам. «Так, Н.Г. Михальчук утверждает, что на частотность употребления фразеологизмов с компонентами *чёрт* и *бог* в произведениях Булгакова влияет одна из важных тем его

творчества – тема добра и зла» [6, с. 151]. При этом исследователь не учитывает, что фразеологизмы с этими компонентами в речи персонажей могут употребляться независимо от темы произведения: такие фразеологические единицы часто используются как средство стилизации, придавая высказываниям персонажей нарочито разговорный, часто грубо-фамильярный характер. Если действующее лицо восклицает «чёрт меня возьми», «к чёрту», «чёрт знает что», «чёрт тебя знает», «какого чёрта», «слава богу», «ради Бога», «боже мой», «Бог мой!» «Бог с тобой» и т.п., это ещё не значит, что в произведении будет повествоваться о добре и зле, тёмных и светлых силах. Совершенно очевидно, что автор при помощи оборотов с компонентами *чёрт* и *бог* обрисовывает эмоциональные переживания и чувства персонажей, передаёт их психологическое состояние.

Если в речи автора в равной степени употребляются как нейтральные, так и разговорные фразеологические единицы, то в речи персонажей чаще встречаются разговорные, порой даже грубо-просторечные обороты (*ни единой живой души, заговаривать зубы, трястись от страха, цена кусается, хлебнуть горя и т.д.*). Таким образом, на фоне насыщенной маркированными элементами речи персонажей «авторское повествование представляет собой речевое самовыражение человека, в совершенстве владеющего нормами современного литературного языка, и, следовательно, само ориентируется на отражение норм литературного языка и процессов, которые в нём происходят» [8, с. 109].

Особым видом использования фразеологических оборотов в стилистических целях является создание писателем на их базе новых и неожиданных, а потому очень выразительных словосочетаний, в целом ряде случаев этимологически как бы алогичных и ярко некодифицированных. Иногда, для конкретизации значения фразеологизма, для внесения дополнительных смысловых оттенков, усиления экспрессивности и образности автор использует приём замены одного из компонентов узувального фразеологизма, что влечёт за собой появление подтекста, вызванного отрицательной эмоциональнооценочной окраской фразеологизма или интенсивностью совершения действия, обозначаемого фразеологизмом.

Булгаков пользуется приёмом образования окказиональных фразеологизмов по аналогии с общеупотребительными фразеологизмами. Такие фразеологические новообразования строятся как с использованием структуры и отдельных элементов общеупотребительного фразеологизма, так и с использованием одной лишь структуры.

Совершенно очевидно, что фразеология в произведениях М.А. Булгакова

разнообразна и оригинальна по своему содержанию, лексическому составу, грамматической структуре и функционированию.

Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод, что в произведениях М.А. Булгакова функционируют общеупотребительные и окказиональные фразеологизмы, большая часть окказионализмов в произведениях его подвергается компонентному, синтаксическому и количественному варьированию. Наблюдается образование окказиональных словосочетаний путём трансформации уже существующих словесных компонентов. Фразеологизмы используются с оценочной окраской, в основном, негативной и иронической как средство воздействия на эмоциональную и интеллектуальную сферы адресата. Кроме того, они выполняют усилительную и образную функции, участвуют в создании стилистического приёма и выполняют функцию гиперболизации и интенсивности.

Узуальные и модифицированные фразеологические единицы в структуре художественной речи произведений М.А. Булгакова выполняют следующие функции: характеризуют речь персонажей, создают иллюзию живой речи, повествования; отсылают к определённым авторским размышлениям, идеям; обеспечивают структурно-смысловую целостность, композиционно-содержательное единство; служат для создания многоплановости художественного текста; являются средством выражения иронии, юмора, создания комических ситуаций. Использование в произведениях большого количества фразеологических единиц, а также их преобразование является отличительной особенностью стиля М.А. Булгакова и играет важную роль в его творчестве, влияют на весь текст и аккумулируют его содержание. Создание языковой игры в произведениях М.А. Булгакова посредством введения в структуру фразеологической единицы новых компонентов или их замены является продуктивным способом конкретизации высказывания, усиления экспрессивности, придания ему комичности и ироничности. Крылатые выражения, литературные цитаты являются значимыми элементами в идейном содержании и композиционной структуре художественного текста, активизируют в целом его восприятие.

Своеобразие фразеологии Булгакова в значительной мере объясняется содержанием, жанрами, идейной направленностью произведений и особенностями писательской манеры автора. Языковая личность писателя, проявляющаяся в совокупности особенностей модифицированных фразеологических единиц, позволяет говорить о многофункциональности преобразованных фразеологизмов в художественных произведениях М.А. Булгакова. Устойчивые обороты являются

семантическими и стилистическими доминантами в тексте.

Итак, сфера данного исследования затрагивает особенности фразеологии М.А. Булгакова, причём роман «Мастер и Маргарита» служит лишь примером, так как работа с фразеологическими единицами является неотъемлемой составляющей творчества писателя и его авторского стиля и, несомненно, проявляется и в других его произведениях. Следовательно, исследование актуально для специалистов в области лингвистики и, в частности, фразеологии (анализ фразеологических единиц и их роли в создании художественных образов и стиля писателя), а также литературоведов (характеристика персонажей Булгакова посредством лексики). Перспектива исследования заключается в более глубоком и детальном изучении фразеологических единиц в романе, их классификации, влияния на создание образов персонажей, общую тональность и стилистику произведения.

Литература

1. Ажигова Т.М. Фразеологическое новаторство М.А. Булгакова / Т. М. Ажигова, А.И. Хашагульгова // *Lingua-universum*. – 2019. – № 2. – С. 26–28.
2. Байчорова А.О. Фразеологизмы как средства выражения национальной ментальности (по материалам произведений М. Булгакова) / А.О. Байчорова // *Русский язык и культура в зеркале перевода*. – 2016. – № 1. – С. 35–43.
3. Булгаков М.А. Собрание сочинений в 10 томах. / М.А. Булгаков. – Т. 9. Мастер и Маргарита. – М.: Голос, 1999. – 608 с.
4. Дергилева О.С. Индивидуально-авторские приемы преобразования фразеологических единиц (на материале художественных произведений М.А. Булгакова): специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Дергилева Ольга Сергеевна. – Москва, 2009. – 20 с.
5. Исмаилова З. Прагмалингвистические особенности фразеологизмов в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» / З. Исмаилова // *Русский язык в XXI веке: исследования молодых : Материалы VIII международной научной студенческой конференции, Сургут, 11–12 февраля 2021 года*. – Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2021. – С. 98–101.
6. Павлова А.Э. Особенности создания комического посредством фразеологии в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / А.Э. Павлова // *Фразеологические чтения памяти профессора Валентины Андреевны*

Лебединской, Курган, 02–03 марта 2005 года / Ответственный редактор Н.Б. Усачева. – Курган: Курганский государственный университет, 2005. – С. 150–152.

7. Салина А.С. Функционирование фразеологических единиц с концептом «душа» и «сердце» в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / А.С. Салина // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 26 января 2022 года. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Центр научного сотрудничества “Интерактив плюс”», 2022. – С. 122–124.
8. Шемонаева О.С. Фразеологические единицы в структуре художественной речи произведений М.А. Булгакова / О.С. Шемонаева // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия: Педагогика и психология. – 2016. – Т. 1. – № 1. – С. 104–111.

Bazanov K.S.

Pushkin State Institute of Russian Language

Phraseological units in the novel «Master and Margarita» by M. Bulgakov: peculiarities, aims, innovation.

The article is devoted to the phraseological units, including the author's ones, used in the novel «Master and Margarita» by M. Bulgakov, the peculiarities and regularities of their use. Special attention is paid to the author's phraseological units, to the occasional word combinations, which came into wide use after the publication of the novel. Conclusions are drawn as to the purpose of using a large number of phraseological units, both authorial and usual, in the novel.

Key words: idioms, phraseological units, Bulgakov, structure, component, catchphrases.

Башкина Елизавета Сергеевна,

Кречина Елена Валерьевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
elizaveta.bashkina@bk.ru; ekrchina@bk.ru

Проектирование курса РКИ на основе концептов и идей русской языковой картины мира: оппозиция «высокое-низкое» и прецедентные тексты

Работа выполнена под руководством доктора педагогических наук, профессора
Азимова Эльхана Гейдаровича.

В статье исследуется вопрос построения образовательной модели РКИ на основе концептов и идей русской языковой картины мира в рамках концепто-ориентированного обучения. Описана идея оппозиции «высокое-низкое» и семантика раскрывающих её концептов. Доказывается важность прецедентных текстов как иллюстративного материала курса, рассматриваются примеры литературных произведений, иллюстрирующих идею модуля образовательного курса «оппозиция “высокое-низкое”».

Ключевые слова: РКИ, русская языковая картина мира, концепто-ориентированный подход, прецедентные тексты.

В своей образовательной модели, разработанной на основе принципов концепто-ориентированного обучения, мы предлагаем поместить учебный материал курса РКИ в специфичное для русской языковой картины мира окружение знаковых элементов, контекст. Наличие устойчивых культурных контекстов способствует формированию у носителей языка определённой картины мира, а у неносителей — пониманию особенностей культурных стереотипов, из которых «состоит любая культура и язык» [10, с. 95]. В качестве повторяющихся контекстов, способствующих формированию менталитета, картины мира выступают художественные тексты и произведения искусства, устойчивые в языке и культуре формулы, ключевые концепты и др.

Основой, фундаментом, на который будет опираться иллюстративный и текстовый материал курса, его контекст, в нашей образовательной модели служат наиболее устойчивые в культуре смысловые формулы, ключевые мотивы/идеи русской языковой картины мира. А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, и А.Д. Шмелев в книге «Ключевые идеи русской языковой картины мира» [5] выделяют восемь таких идей: 1) идея непредсказуемости мира, 2) оппозиция «высокое — низкое», 3) идея справедливости; 4) внимание к нюансам человеческих отношений; 5) идея, что хорошо, когда другие люди знают, что человек чувствует; 6) идея, что плохо, когда человек действует из соображений практической выгоды; 7) представление о том, что для того чтобы человеку было хорошо внутри, ему необходимо большое пространство снаружи, однако если это пространство необжитое, то это тоже создаёт внутренний дискомфорт; 8) представление, что главное — это собраться (чтобы что-то сделать, необходимо мобилизовать свои внутренние ресурсы, а это трудно).

Идеи, сформулированные А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, и А.Д. Шмелевым, несмотря на ёмкую форму (сформулированы в виде одного предложения или даже словосочетания), имеют внушительное по объёму содержание, представляют собой сложные смысловые конструкции, включающие различные концепты, то есть «мыслительные образы, стоящие за языковыми знаками» [6, с. 5], или же, по определению Ю.В. Степанова, «сгустки культуры в сознании человека... то, посредством чего человек... сам входит в культуру» [9, с. 42]. В рамках разрабатываемого образовательного курса концепт выступает своеобразной рамкой, которая ограничивает выбор текстового и иллюстративного материала.

На основе выделенных в работах А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, и А.Д. Шмелева концептов мы разделили каждую идею русской языковой картины мира на смысловые отрезки, соответствующие уровням курса и усложняющиеся от А2 (начального в нашей образовательной модели) к С2. Например, идее «оппозиция “высокое — низкое”» соответствуют следующие концепты и смысловые отрезки, передающие лингвоспецифическое значение этих концептов :

А2: концепты «быт-бытие», «мещанство»; смысловой отрезок «Ограниченная во времени, внешняя жизнь человека противопоставлена жизни вечной, внутренней».

В1: концепты «добро-благо»; смысловой отрезок «Внутренние намерения ценятся выше, чем внешние результаты действий».

В2: концепты «долг-обязанность», «совесть»; смысловой отрезок «Долг связан с внутренними установками человека, обязанности навязаны внешним миром, обществом, поэтому долг важнее обязанностей».

С1: концепты «истина-правда»; смысловой отрезок «Истина едина для всех, вечна, правда переменчива и у каждого своя».

С2: концепты «радость-удовольствие», «счастье-наслаждение», «дух-плоть», «душа-тело», смысловой отрезок «Человек, жаждущий только мирских удовольствий, бездуховен, так как внутренняя, духовная жизнь важнее внешней, мирской; счастье требует духовной работы, труднодостижимо».

Концепты и устойчивые в культуре смысловые формулы находят яркое отражение в фольклоре и искусстве: литературе, живописи, кинематографе. Прецедентные тексты, лингвокультурные типажи могут быть использованы в качестве контекста, необходимого для понимания особенностей языковой картины мира, то есть наиболее устойчивых культурных стереотипов. Приведём пример выстраивания культурного контекста для оппозиции «высокое — низкое» на уровне А2 (концепты «быт-бытие», «мещанство»; смысловой отрезок «Ограниченная во времени, внешняя жизнь человека противопоставлена жизни вечной, внутренней»).

Русское слово «быт» является лингвоспецифическим, труднопереводимым на другие языки, как и производные от него слова и словосочетания: *бытовая химия, служба быта, бытовые преступления, бытовая техника* и др. Можно выделить несколько значений концепта «быт»:

Во-первых, '*материальность*': к быту относятся те вещи, которые направлены на поддержание материальной стороны существования (*в быту скромна — 'не замечено пристрастий к роскоши'*).

Во-вторых, *‘место, где человек живёт’*: домашний, дачный, больничный, лагерный, тюремный быт, но не гостиничный, производственный, институтский. Бытовое противопоставлено производственному: *бытовые отходы, бытовая травма, бытовка*. Быт как таковой противопоставлен другим сферам общественной жизни.

В-третьих, *‘повседневность’, ‘привычность’, ‘обыденность’, ‘повторяемость’*: *войти в чей-то быт – ‘стать обычным’*.

Сам по себе концепт, заключённый в слове *быт* никак коннотативно не окрашен, но легко приобретает отрицательную коннотацию, когда под *бытом* подразумеваются мелочи повседневной материальной жизни, недостойные внимания человека, имеющего подлинные духовные интересы. Именно в этом значении «быт» противопоставляется «бытию», обозначающему глубинные основы существования. Быт — земной, бренный, приходящий, бытие — вечное; быт необходимо изжить, преодолеть. Быт — мелкое, незначительное: «За этим чаем шли вялые, безразличные разговоры о погоде, о дровах, еде и о прочих мелочах быта» (М. М. Зощенко. «Возвращённая молодость» [1]). Бытие же — крупное и значительное: «Мы не постигнем тайны бытия вне опыта законченной игры. Иная жизнь, далёкие миры — всё это бред. Разгадка в нас самих. Её узнаешь ты в последний миг» (С. Д. Довлатов. «Иная жизнь» [3])

Идея отказа от уюта, материального комфорта в пользу мира душевных поисков, мечты, идеала нашла отражение в русской литературе. Так, представители русского романтизма бытовую, материальную жизнь с её простым и понятным счастьем противопоставляли миру мечты и вечных поисков идеала:

*Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!*
(М.Ю. Лермонтов. «Парус» [7])

В советской литературе неприятие быта стало основой идеологической борьбы с капитализмом как миром, в котором материя, пошлые обывательские радости победили высокие идеалы и духовные устремления.

Концепт «быт» тесно связан с таким понятием, как *мещанство*. *Мещанин* понимается как *‘бездуховный обыватель’*. Мещанские ценности составляют уют, налаженный быт, благосостояние и благоразумие. Одно из проявлений мещанства — стремление к красивой жизни, к счастью напоказ:

— Степан, найдите поскорее хорошего повара, — обратилась она ко мне. — Надо сначала перебраться на новую квартиру.

— Не следует торопиться с кухней, — сказал Орлов, холодно поглядев на меня. Так называемый семейный очаг с его обыкновенными радостями и дразгами оскорблял его вкусы, как пошлость; быть беременной или иметь детей и говорить о них — это дурной тон, мещанство.

(А. П. Чехов. «Рассказ неизвестного человека» [8])

Значения концептов «быт», «бытие», «мещанство» в нашей образовательной модели были объединены в общей идее: *Ограниченная во времени, внешняя жизнь человека противопоставлена жизни вечной, внутренней.* Для иллюстрации этой идеи, её составляющих, важно отобрать прецедентные тексты и другие произведения искусства, лексические темы, а также лексические единицы с конкретным значением, отражающие соответствующие этой идее концепты.

Пренебрежительное отношение к быту, мещанству в русской культуре может быть проиллюстрировано произведениями А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, М. Горького, М. М. Зощенко, В. М. Шукшина.

Например, в качестве иллюстрации темы «Распорядок дня» можно порассуждать с учащимися о праздном распорядке дня Евгения Онегина, противопоставив этому другую крайность — жизнь, наполненную только работой и бессмысленным накопительством из рассказа А. П. Чехова «Ионыч» [4]:

У него много хлопот, но всё же он не бросает земского места; жадность одолела, хочется поспеть и здесь, и там. В Дялиже и в городе его зовут уже просто Ионычем. — «Куда это Ионыч едет?» или: «Не пригласить ли на консилиум Ионыча?»

Вероятно оттого, что горло заплывало жиром, голос у него изменился, стал тонким и резким. Характер у него тоже изменился: стал тяжёлым, раздражительным. Принимая больных, он обыкновенно сердится, нетерпеливо стучит палкой ó пол и кричит своим неприятным голосом:

— Извольте отвечать только на вопросы! Не разговаривать!

Он одинок. Живётся ему скучно, ничто его не интересует.

На основе текстов, раскрывающих концепты учебных модулей, может быть проведена работа над развитием компетенции «чтение». На уровне А2 основной задачей является выработка у учащегося умения определять тему текста и понимать его основные идеи, находить в тексте основную и дополнительную информацию и

раскрывать её. Одним из видов заданий может быть изучающее чтение адаптированных рассказов с последующим выражением отношения к прочитанному.

Концепты «быт», «бытие», «мещанство» могут быть раскрыты в рамках овладения учащимися таких тем, как: «Мой выходной день», «Как я отдыхаю», «Как я учусь/работаю», «Я нездоров(а)», «Мой дом», «Моя семья», «Мой распорядок дня», «Мои обязанности по дому». В качестве примеров лексических единиц с конкретным значением, соответствующих концептам, раскрывающих их и стоящую за ними идею, могут выступать слова и группы слов, являющиеся частью лексического минимума на уровне А2: *человек, люди, жизнь; еда, продукты, жильё, жилище, предметы быта, бытовая техника – наука, искусство, образование, культура, книга, учебник, тетрадь; «домашний», удобный, обыкновенный, обычный.*

Важно отметить, что при проектировании курса мы не пренебрегаем существующими методическими наработками, грамматическими и лексическими минимумами, существующими требованиями к умениям, навыкам и компетенциям. Так, например, при составлении программы для уровня А2 мы ориентировались на методические рекомендации [1], созданные с опорой на государственные стандарты, типовые тесты и лексические минимумы русского языка как иностранного для соответствующего уровня. Программа каждого модуля учитывает требования к освоению учащимися умения решать коммуникативные задачи в рамках видов речевой деятельности и компетенций: чтение, письмо, фонетика, аудирование, говорение, лексика и грамматика.

При разработке нашей образовательной модели мы не стремимся определить выделенные идеи как единственно верные или продолжить теоретическое исследование особенностей восприятия действительности носителями русского языка, но лишь хотим построить рабочую образовательную модель погружения человека, изучающего иностранный язык, в культурный контекст, привычный для носителя этого языка, спроектировать образовательный курс на основе привычного для носителей языка контекста.

Литература

1. Возвращённая молодость / М. Зощенко [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zoshhenko.ru/vozvrashchennaya-molodost-24.html> (дата обращения 26.02.2023)

2. Глазунова О.И. Программа по русскому языку как иностранному, Уровни А1-С2. Основной курс. Фонетика. Лексика. Грамматика. Аудирование. Чтение. Говорение. Письмо / О.И. Глазунова, Д.В. Колесова, Т.И. Попова. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык. Курсы, 2022 – 216 с.
3. Иная жизнь / С. Довлатов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sergeidovlatov.com/books/in_zhizn.html (дата обращения 26.02.2023)
4. Ионыч / А.П. Чехов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://chehov-lit.ru/chehov/text/ionych.htm> (дата обращения 26.02.2023)
5. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М. : Яз. славян. культуры, 2005. – 540 с.
6. Никишина Ю.И. Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике / Ю.И. Никишина // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, И.А. Изотов. Вып. 21. – М.: МАКС Пресс. – 2002. – 57 с.
7. Парус / М.Ю. Лермонтов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/37119/parus> (дата обращения 26.02.2023)
8. Рассказ неизвестного человека / А.П. Чехов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://chehov-lit.ru/chehov/text/neizvestnyj-chelovek/rasskaz-neizvestnogo-cheloveka-1.htm> (дата обращения 26.02.2023)
9. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. – М.: Академический проект, 2004, с. 42–67.
10. Уфимцева Наталья Владимировна. Этнопсихоллингвистика: вчера и сегодня // Вопросы психоллингвистики. – 2006. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnopsiholingvistika-vchera-i-segodnya> (дата обращения: 27.02.2023).

Bashkina E.S.,

Krechina E.V.

Pushkin State Russian Language Institute

Designing a RFL course based on the concepts and ideas of the Russian language picture of the world: the “high-low” opposition and precedent texts

The article examines the issue of designing an educational model for teaching RFL, based on the concepts and ideas of the Russian language picture of the world in the framework of concept-oriented learning. The idea of the "high-low" opposition and the semantics of the concepts revealing it are described. The importance of precedent texts as an illustrative material of the course is proved, examples of such texts illustrating the idea of the module are considered.

Key words: Russian as a foreign language, Russian language picture of the world, concept-oriented approach, precedent texts.

Берте Пьер Нпе

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
piotrberthe@gmail.com

Проблемы формирования навыков устной речи при обучении русскому языку как иностранному студентов из Мали

Работа выполнена под руководством Федосеевой А.В., канд. пед.наук.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемой формирования навыков устной речи при обучении русскому языку как иностранному студентов из Мали, анализируются причины и предлагаются рекомендации по разрешению данной проблемы. Особое внимание обращается на отсутствие языковой среды как значимого фактора в процессе обучения иностранному языку и развития навыков говорения в целом.

Ключевые слова: обучение говорению, языковая среда, система упражнений, русский язык как иностранный.

Диалогическая речь как основная форма устной коммуникации занимает центральное место в процессе изучения любого иностранного языка. Целенаправленное обучение диалогической речи позволяет учащимся овладеть коммуникативными умениями и навыками, необходимыми для дальнейшего общения и профессиональной деятельности. Обучение устной диалогической речи, в числе прочего, предполагает умение адекватно реагировать на реплики собеседника, инициировать общение и принимать в нём активное участие, последовательно и логично строить высказывание в соответствии с замыслом и коммуникативной ситуацией [6, с. 230–231]. Конечной целью в данном процессе можно считать формирование умений спонтанного говорения. Это ставит соответствующие задачи перед преподавателями русского языка как иностранного, стремящимися сделать обучение языку наиболее практически ориентированным и результативным. Данные цели становятся особенно актуальными при обучении русскому языку за рубежом, т. е. в отсутствие языковой среды как дополнительного мотивирующего и обучающего фактора.

В данной работе мы хотели бы выделить ряд особенностей и трудностей, отмеченных нами в процессе преподавания русского языка в Республике Мали, а также наметить пути решения указанных проблем с организационной и методической точки зрения.

Русский язык в качестве второго иностранного языка входил в программу большого количества лицеев Республики Мали (более 49 %). Так, в 1995 году в Мали русский язык изучали около 25 тысяч лицеистов, среди них – учащиеся средних профессионально-технических учебных заведений, военных училищ,

сельскохозяйственного политехнического института и др. Более пяти тысяч малийцев посещали занятия по русскому языку, организованные Русским культурным центром. Однако следует отметить, что популярность русского языка как иностранного в постсоветские годы неуклонно снижалась, что, безусловно, было тесно связано с постепенным сокращением (а в ряде случаев – прекращением) торгово-экономического, военного и культурного сотрудничества между двумя странами [7]. Данные обстоятельства крайне неблагоприятно отразились не только на популярности русского языка в целом, но и на качестве его преподавания в современных учебных заведениях Мали. К базовым проблемам обучения русскому языку в Мали можно отнести следующие:

- отсутствие языковой среды и сокращение возможности контакта с носителями языка, связанные с закрытием русского культурного центра в Бамако;
- нехватка современных учебных пособий, а также ограниченный доступ к электронным ресурсам, соответствующим коммуникативным потребностям малийских учащихся в современных условиях;
- несоответствие программ по русскому языку как иностранному современным требованиям, предъявляемым к преподаванию иностранных языков;
- недостаточное количество преподавателей русского языка;
- снижение уровня квалификации преподавателей, связанное с прекращением регулярных стажировок и участия в программах повышения квалификации.

Всё вышеперечисленное, безусловно, отражается на мотивации учащихся, которые не видят возможности повышения собственного уровня владения языком, а также практического применения полученных знаний.

В последние годы значительную работу по улучшению качества преподавания РКИ проводит Ассоциация преподавателей русского языка как иностранного (APLARUS MALI), ставящая перед собой цели продвижения межкультурного сотрудничества с использованием современных технологий, СМИ и образовательно-развлекательных мероприятий, а также реорганизации учебного процесса на всех уровнях. Одним из путей решения перечисленных проблем видится и открытие русского культурного центра в Мали, потенциально способное расширить контакты с носителями языка, пробудить интерес и желание изучать русский язык, культуру русского народа, возможность широкого применения языка в научно-технической сфере.

Следует подчеркнуть, что многие трудности собственно методического характера, на наш взгляд, могут быть разрешены уже на данном этапе при условии некоторой корректировки методов и приёмов обучения, используемых на занятиях. Так, одним из существенных препятствий развитию навыков говорения является отсутствие языковой среды. Исследователи отмечают, что основными атрибутами языковой среды, с методической точки зрения, являются естественный аудио- и видеоряд, естественный ситуативный ряд, насыщенный ряд фоновых знаний, а также обучающая стихия языка в целом [3, с. 1980]. «Принято считать, что обучение в языковой среде благотворно сказывается на темпах освоения иностранного языка, поскольку сама необходимость постоянно взаимодействовать с носителями языка является дополнительным мотивирующим фактором» [4, с. 127]. Отсутствие позитивного влияния языковой среды отчасти может быть компенсировано искусственно созданной учебной языковой средой или её элементами, позволяющими студентам осуществлять диалогическое общение в коммуникативных ситуациях, приближенных к реальной жизни. Разумеется, это возможно лишь при условии максимального использования изучаемого языка в аудитории и даже вне её.

В связи с этим к неблагоприятным факторам, влияющим на развитие устной речи малийских студентов, относится то, что все преподаватели лицеев регулярно используют родной язык студентов (французский) в качестве посредника при обучении русскому языку. Нельзя не отметить, что использование родного языка на занятиях позволяет учащимся быстрее понимать некоторые грамматические явления (так, грамматические правила объясняются исключительно на французском языке), проводить осознанное сравнение родного языка с изучаемым. Однако на практике возникает ситуация, в которой собственно говорение на русском языке в ходе занятий сводится лишь к выполнению учебных заданий, инструкции к которым также даются на родном языке студентов. Таким образом, у студентов отсутствует не только реальный стимул говорить на русском языке (за пределами аудитории), но и необходимость совершенствовать устную речь в учебных условиях, что приводит к несформированности навыков спонтанной диалогической и монологической речи, трудностям в произношении и понимании, невозможности актуализировать имеющиеся грамматические знания даже в учебной коммуникации и, как следствие, боязни говорить по-русски, неуверенности в собственных силах.

Следующие меры, вносящие коррективы в существующую методику преподавания РКИ в малийских учебных заведениях, могут, на наш взгляд,

значительно улучшить овладение студентами навыков устного диалогического общения.

1. Преподавателям следует избегать использования родного языка студентов во время занятий, в том числе на элементарном уровне. Язык-посредник может применяться для разъяснения некоторых грамматических явлений, однако и в этом случае его использование должно быть сведено к минимуму. С самого начала обучения организационные моменты урока (приветствие-прощание, этикетная беседа, формулировка заданий в ходе урока и домашних заданий) должны проходить исключительно на русском языке. Также преподавателям следует поощрять и даже требовать от студентов формулировки всех рабочих вопросов на изучаемом языке. Данная мера может показаться искусственной, ведь все участники процесса понимают, что гораздо быстрее могут обсудить какие-то технические моменты на родном языке, но в условиях отсутствия языковой среды она абсолютно необходима. Постепенно искусственный стимул к устной речи на русском языке перейдет в естественную мотивацию улучшать свои навыки.

2. В условиях ограниченного выбора современных учебных пособий преподавателям и методистам следует обращать особое внимание на соблюдение принципа системности в организации упражнений на отработку изученного материала и его вывода в речь. По мнению И.Л. Бим, упражнения в рамках урока или его фрагмента должны быть подчинены задачам урока, находиться в иерархической зависимости, отличаться ситуативностью, предъявляться многократно (не становиться единичным явлением при изучении конкретной темы, но варьироваться в зависимости от конкретного языкового материала) [1, с. 32]. Прекрасным примером построения подобной системы для обучения устной речи может служить схема, предложенная Л.Л. Вохминой, в основе которой лежит постепенное увеличение степени самостоятельности построения высказываний учащимися [2, с. 263–265]. Таким образом каждая единица языкового материала, от лексических единиц до крупных блоков грамматических конструкций (например, падежных значений), проходит путь от анализа явления до его самостоятельного употребления в предложенных ситуациях, тогда как в настоящее время большая часть заданий, предлагаемых мальйским учащимся, направлена лишь на механическое повторение форм и заучивание отдельных конструкций.

3. В качестве отдельной формы методической работы особенно эффективным следует признать создание русского языкового разговорного клуба, в рамках которого

учащиеся смогут осуществлять более свободное общение на русском языке. Организация таких клубов не требует дополнительных технических ресурсов, а занятия вполне могут проводиться как в учебной аудитории, так и за её пределами. С учётом уровня учащихся занятия клубов могут быть посвящены отдельным темам, лингвистическим и ролевым играм с соревновательным элементом, подразумевающим отработку грамматических и лексических единиц, просмотру и обсуждению фильмов/мультфильмов на русском языке, организации дебатов по актуальным вопросам (данную форму проведения клубов можно реализовать уже на базовом уровне). Основной целью проведения разговорных клубов, помимо актуализации изученного материала в устной речи, становится также снятие психологического барьера в процессе коммуникации на русском языке [5, с. 354].

В заключение следует отметить, что последовательное решение существующих проблем в обучении русскому языку как иностранному малийских учащихся, начиная непосредственно с методических приемов и разработок, предназначенных для аудитории, и заканчивая рядом организационных решений, позволит значительно повысить качество обучения, расширить перспективы и придать дополнительную мотивацию учащимся для реализации учебной и профессиональной деятельности.

Литература

1. Бим И.Л. Подход к проблеме упражнений с позиции иерархии целей и задач // Иностранные языки в школе. – Москва, 1985. – №5. – С. 30–37.
2. Вохмина, Л. Л. Система упражнений по обучению устной иноязычной речи: теория и практика (на примере русского языка как иностранного) / Л.Л. Вохмина, А. С. Куваева, С.А. Хавроница. – СПб: Златоуст, 2020. – 268 с.
3. Орехова И.А. Языковая среда и ее роль в обучении русскому языку как иностранному // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып.5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4 – 8 октября 2016 года). – СПб: РОПРЯЛ, 2016. – С. 1979–1982.
4. Прокопова И.И., Федосеева А.В. Лингвистическая игра как форма организации общения иностранных учащихся с носителями языка на начальном и среднем этапах обучения русскому языку // Язык, культура и профессиональная коммуникация в современном обществе: Материалы VI Международной научной конференции, Тамбов, 20–25 мая 2017 года. – Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2017. – С. 126–132.

5. Федосеева А.В. Специфика обучения русскому языку как иностранному студентов подготовительного курса зарубежного вуза (на примере работы с учащимися Гаванского университета) // Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан: сборник статей, Москва, 06–07 сентября 2017 года. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2017. – С. 350–356.
6. Щукин А.Н. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. учеб. пособие / А. Н. Щукин. – Москва: Флинта, 2018. – 332 с.
7. Coulibaly O. Problématique de la diminution du nombre des apprenants de la langue russe dans les écoles maliennes [Электронный ресурс] // Revue malienne de Langues et de Littératures, №004. – 2019. – Рр. 200–206. URL: <https://revues.ml/index.php/rml/article/view/1535/1080> (дата обращения: 24.02.2023)

Berthé Pierre N'pé

Pushkin State Russian Language Institute

Problems of oral speech skills training in teaching Russian as a foreign language to students from Mali

The article deals with issues related to the problem of the formation of oral speech skills in teaching Russian as a foreign language to students from Mali. The paper analyzes the causes and offers recommendations for resolving this problem. Particular attention is drawn to the lack of a language environment as a significant factor in the process of teaching a foreign language and developing speaking skills in general.

Keywords: teaching speaking, language environment, system of exercises, Russian as a foreign language.

Берюхова Анастасия Антоновна

Московский государственный институт международных отношений (университет)
nastya.beryukhova@mail.ru

Система лагерей в романе «Зулейха открывает глаза» Г. Яхиной и «Обитель» З. Прилепина

Работа выполнена под руководством кандидата филологических наук, доцента кафедры Мировой литературы и культуры МГИМО Марии Сергеевны Савельевой

В статье пойдет речь о лагерной теме в современной отечественной литературе. Исправительный лагерь, центральное место действия романов «Зулейха открывает глаза» Г. Яхиной и «Обитель» З. Прилепина, является отдаленной, изолированной от всего мира замкнутой территорией со своими правилами выживания, моральными и нравственными законами. На основе исторических материалов авторы решают вечные человеческие вопросы о долге, чести, морали, справедливости, прощении, любви и смерти.

Ключевые слова: Исправительный лагерь, нравственность, моральный выбор.

XX век в мировой и отечественной истории был полон трагических, грандиозных по своему масштабу событий. В 30-е годы Советский Союз превратился в огромный котёл, где переплавлялись судьбы миллионов людей, семей, поколений и целых сословий. Обусловлено это было прежде всего историческими и социальными реалиями: молодому государству нужно было избавиться от «классово чуждых элементов», от так называемой «пятой колонны», которая представляла угрозу существующему строю. Перед властью стояла задача обеспечения быстрого промышленного роста в условиях обострения внешнеполитической обстановки и угрозы войны. С этой целью была создана система исправительно-трудовых лагерей, которые представляли собой места заключения в отдалённых регионах страны с очень суровыми климатическими условиями, непригодными для жизни людей. Заключённым часто приходилось не только работать в нечеловеческих условиях, но и самим, с нуля создавать инфраструктуру для жизни. Человеческие жертвы в таких местах были огромны, поэтому заключение в исправительном лагере часто приравнивалось к смерти. По оценкам историков, через исправительные лагеря прошло более 15 млн человек, число погибших составило больше миллиона. Лагерная тема стала одной из центральных в позднесоветской литературе. Появилась даже категория так называемой «лагерной прозы», классическими произведениями которой стали «Колымские рассказы» Варлама Шаламова и творчество Александра Солженицына.

В современной литературе история XX века занимает важное место. Многие писатели нашего времени в своём творчестве анализируют и переосмысливают события прошлого, трагические периоды отечественной истории. Так, о судьбах людей, чья жизнь была разрушена государственной машиной, и которым пришлось выживать в страшной лагерной действительности, можно узнать в романах Дмитрия Быкова, Евгения Водолазкина, Гузель Яхиной и Захара Прилепина. Взгляд на проблему исправительных лагерей у этих писателей сильно отличается от того, как на эту тему писали современники и свидетели исторических событий. Шаламов и Солженицын писали о том, через что прошли они сами, их взгляд – это взгляд «изнутри». Гузель Яхина и Захар Прилепин пишут о событиях прошлого, основываясь на историческом и документальном материале, в их прозе нет личного опыта, но есть взгляд со стороны, с большой временной дистанции. Но нельзя сказать, что в их описаниях лагерной действительности меньше правды: трагические события полувековой давности просто осмысливаются с другой точки зрения. И нами, современными читателями, воспринимаются в том числе в контексте окружающей нас действительности. События,

описываемые в романах Прилепина и Яхиной, претендуют на подлинность, однако перед нами прежде всего художественная реальность, на материале которой авторы и решают вечные человеческие вопросы о долге, чести, морали, справедливости, прощении, любви и смерти.

Лагерь – центральное место действия обоих романов. Он является отдалённой, изолированной от всего мира, замкнутой территорией со своими правилами выживания, моральными и нравственными законами, обычаями. В романе «Обитель» перед читателями предстаёт модель жизни, созданный начальником лагеря Эйхманисом на территории Соловецкого монастыря. Она напоминает искусственный мир, отрезанный от реальности, где, как в огромном котле, смешиваются люди разных национальностей, политических взглядов и жизненных позиций: блатные и священники, контрреволюционеры и бывшие чекисты, поэты, интеллигенты и крестьяне. Лагерь отменяет их прошлую жизнь, привычный уклад. Представителям разных социальных слоев, порой враждебных друг другу, приходится вместе выживать в нечеловеческих условиях. Жизнь здесь полна противоречий: с одной стороны, мы видим «ад» в лучших традициях лагерной прозы, с его жестокостью, холодом, голодом, болезнями, беспределом и несправедливостью, тяжёлым рабским трудом «на баланах», смертями заключённых от нечеловеческих условий работы. С другой стороны, перед нами возникает модель утопического проекта по созданию «нового человека». Традиционно лагерная действительность изображалась как ад на земле, забытое Богом место. Авторская же мысль Прилепина заключается в том, что и лагерь, и смерть, и ад – это всё своего рода жизнь, только разные её формы. Человек, попавший в лагерь, должен принять суровую действительность, новые условия и правила, чтобы выжить. Такова одна из магистральных идей произведения, высказанная его героем Эйхманисом: «Потом будут говорить, что здесь был ад. А здесь была жизнь. Смерть – это тоже вполне себе жизнь: надо дожить до этой мысли, её с разбегу не поймёшь» [3]. Главный герой произведения, Артём Горяинов, с первых страниц романа изображённый в условиях СЛОН (Соловецкого Лагеря Особого Назначения), принимает эти правила, поэтому практически все его действия определяются этим отчаянным желанием выжить, пусть в самых тяжёлых условиях, пусть любой ценой.

Главная героиня романа Гузель Яхиной – Зулейха – перед тем, как попасть в лагерь, проходит долгий путь, от раскулачивания до выживания в тайге. Поэтому лагерь – не самое страшное, через что ей пришлось пройти. На острове Семрук собираются справедливые и благородные врачи, художники, интеллигенты. Все эти люди находят

себе подходящую работу, трудятся вместе, завоёвывая себе право на жизнь. Семрук – забытое людьми место, до которого можно добраться лишь водным путём, оно изолировано и как бы спрятано от внешних бед, например, о войне жители лагеря знают лишь понаслышке. Целью выживания Зулейхи становится её сын: она понимает, что несёт ответственность не только за себя, но и за своего ребёнка. Этим обусловлено невероятное стремление главной героини выжить в лагере любой ценой.

Герои обоих произведений много рассуждают о смысле и цели существования подобных мест перековки людей, и каждый из них по-разному отвечает на поставленные перед собой вопросы. В диалоге с Эйхманисом Артём говорит: «Я думаю, у вас тут государство в государстве... своя армия, свои деньги. Своя газета, свой журнал. Своё производство. Свои парикмахеры и гетеры. Свои палачи...И на всём этом вы создаёте нового человека. Это – цивилизация!» На что Эйхманисотвечает: «Это лаборатория!» [3]. Галина, сотрудница информационно-следственного отдела, позже любовница главного героя, говорит: «Вы можете встать на путь перековки и выйти ... нормальным, хорошим, правильным советским человеком» [3]. Так пространство лагеря в обоих романах выступает площадкой невиданного по масштабу и жестокости эксперимента, призванного создать нового человека.

А. Солженицын и В. Шаламов в своих произведениях показывали трансформацию человека в условиях лагеря. Солженицын считал, что лагерная жизнь губит слабого, но очищает и закаляет сильного: «Как в природе нигде никогда не идёт процесс окисления без восстановления, так и в лагере не идёт растление без восхождения. Они – рядом»[4]. Шаламов был убеждён, что «лагерный опыт – целиком отрицательный до единой минуты. Человек становится только хуже» [6]. В романах Прилепина и Яхиной показаны примеры как чудовищного морального падения людей, так и их удивительной духовной трансформации.

Главных героев двух произведений объединяет возраст: это молодые люди, находящиеся на важном, переломном этапе своей жизни. Но герои проходят два разных пути: моральную деградацию и рост. Герой «Обители» Артём – молодой человек, осужденный за убийство отца, он «не из палачей, не из невинно осуждённых, не из революционеров или контрреволюционеров, простой русский парень» [3]. Артём не принадлежит ни к одной из сложившихся в лагере групп, но оказывается связан с людьми из разных их частей. Это позволяет читателю увидеть социальные типы и отношения как бы со стороны.

Зулейха – татарская девушка, до ареста жившая в небольшой деревушке с мужем и его матерью. Невзгоды, которые выпали на её долю в лагере, выглядят ненамного страшнее и трагичнее, чем её жизнь до ареста. Заключение в лагере парадоксальным образом дарит Зулейхе свободу, где она начинает по-настоящему жить, чувствовать: она постепенно обретает возможность говорить, видеть, слышать.

Главные герои не раз задают себе вопрос: как они поведут себя, если будут поставлены в наиболее жестокие условия? Сюжет произведений построен как перманентное испытание героев. Артём стремительно деградирует, Зулейха духовно растёт, её личность трансформируется. Размышляя о душе и аде, Артём приходит к выводу: картошка с треской весит больше, чем совесть, а клопы наглядней ада. Секирка (так называли гору, куда отправляли штрафников) в «Обителях» становится моделью человечества, где каждый принимает своё главное решение. Секирка – предельный опыт на проверку человечности, которую Артём не проходит. Зулейха живёт в окружении справедливых и благородных Иконникова, Сумлинского, Вольфа Карловича Лейбе, Изабеллы, Константина Арнольдовича – людей высоких моральных принципов, сумевших сохранить свою честь и оставаться человечными даже в нечеловеческих условиях. Моральная деградация и падение показаны на примере доносчика Горелова, человека-приспособленца, который готов пренебречь любыми принципами даже в условиях, не угрожающих жизни. Но даже он не раскрывает свою жестокость в полной мере в окружении хороших людей. Комендант лагеря Игнатов в начале произведения – бескомпромиссный красноармеец, выполняющий указы начальства, и стремящийся исправить кулаков, проходит удивительный путь внутренних изменений, достигнув в итоге идеи человеколюбия.

Любовная линия играет важную роль в развитии и раскрытии персонажей в обоих романах, но не главенствует в сюжете. Любовь, как и смерть и мучения – лишь часть человеческой жизни. Любовь главных героев запретная: Зулейха влюбляется в начальника лагеря Игнатова, Артём влюбляется в Галину – чекистку, любовницу Эйхманиса. Отношения Галины и Артёма были построены на взаимной выгоде: Галина хотела отомстить Эйхманису за его измены, Артём хотел получить лучшие условия жизни в лагере. Отношения героев показаны в динамике и развиваются стремительно. В кульминационный момент, на Лисьем острове, кажется, что герои по-настоящему любят друг друга, но в момент побега они понимают, что являются совершенно чужими людьми. В финальной сцене романа, во время «постановочной» казни, Артём чувствует единение с Галиной и сочувствует ей по-человечески, принимая решение

разделить с ней трагическую участь расстрела. В этом порыве нет высокой любви или доблести: отчаявшийся герой решается на поступок, приравняющийся к самоубийству.

Любовь Зулейхи и Игнатова иная, она успешно проходит испытание временем. Герои любят друг друга не из чувства долга или страха, а по велению сердца. Они вместе проходят нечеловеческие испытания, одновременно становясь друг для друга и спасением, и угрозой гибели. Зулейха помогает Игнатову прийти к человечности, Игнатов помогает Зулейхе открыть глаза на мир, почувствовать себя женщиной, живым человеком. Финальная сцена романа, открытый финал дают нам надежду на то, что герои смогут быть вместе, проведя друг с другом остаток своих жизней.

Тема веры занимает отдельное место в жизни героев, живущих в тяжёлых лагерных условиях. Центральным в обоих произведениях становится мотив богооставленности: кажется, что лагерь – это Богом забытое место, и что Бог не мог бы допустить происходящих там зверств. Само название романа «Обитель» включает в прочтение текста в том числе религиозный смысл. Местом действия сюжета «Обители» является Соловецкий лагерь, созданный в Соловецком монастыре. Многие его монахи были расстреляны, остальные же стали заключёнными СЛОНа. Владычка Иоанн, один из таких заключённых, привлекает Артёма как человек с крепким внутренним стержнем. Иоанн много рассуждает с Артёмом о религии и вере, о вине и искуплении греха, однако Артёму не суждено стать по-настоящему верующим: через все мучения и лагерные лишения он не приходит к Богу.

Зулейха же ещё до лагеря была глубоко верующим человеком: «на всё воля Аллаха» - постоянно повторяет она ровно до того момента, пока не оказывается в лагере. Это место подарило ей надежду на то, что Аллах, посылающий ей скорби в виде смерти детей, забудет о ней и о её сыне: «Жить без постоянного внимания и строгого надзора всевидящего ока было поначалу страшно, будто осиротела. Затем привыкла, смирилась. Иногда по привычке, посылала в небесную высь какие-то молитвы – как отправляют короткие письма из далёких диких мест, не надеясь, что они долетят до адресата» [2]. В романе «Зулейха открывает глаза» тема богооставленности оказывается связана с мотивом освобождения главной героини.

Центральным принципом, на котором строится роман Прилепина «Обитель», является ответственность. Совершивший зло человек в последствии будет наказан. Оказывается, что один из героев «Обители», благообразный и интеллигентный Василий Петрович, в прошлом пытал пленных красноармейцев. В мире, где добро и зло

смешались и стали относительными, жертва может легко сделаться палачом, и наоборот. Эйхманис говорит, что заключённых мучают не столько лагерное начальство, сколько их собственные внутренние конфликты и жестокость по отношению друг к другу. Василий Петрович, в свою очередь, считает, что начальник лагеря и его подручные несут ответственность за лагерные зверства. Эйхманис убеждён, что власть должна репрессировать тех, кто «тянет воз назад». Он смотрит на ситуацию с точки зрения целесообразности, Василий Петрович оценивает происходящее с точки зрения морали. Но в то же время ни одна из правд не исчерпывает сути происходящего. Писатель исходит из того, что Соловецкий лагерь не был задуман как гиблое место, созданное специально для того, чтобы мучить людей, – первоначально в нём существовал некий рациональный замысел [4]. Деятели революции по своему разумению решили, каким должен быть человек, как он должен понимать жизнь, относиться к труду и т. д., и что, если он не соответствует их критериям, его нужно переделать – такова и была цель Эйхманиса. Он жаждет не издевательств над другими и даже не власти, а реализации своей идеи. Остальное для него просто издержки, и ему совершенно неважно, сколько погибнет «щепок», пока будут «рубить лес». Но лагерю не удаётся создать нового человека, он лишь ломает своих заключённых, делая из них непригодных для жизни в социуме моральных и нравственных калек.

В романе «Зулейха открывает глаза» взрослые заключённые проходят духовную трансформацию. Однако по настоящему новым человеком оказывается родившийся в лагере Юзуф, не имеющий чётких национальных и религиозных корней. Он подобрал в себе всё лучшее, что было на этом острове: стойкость и смелость от матери, искусство живописи от Иконникова, воспитание и культуру от Изабеллы Павловны, легенду о птице Семруг, повествующую о единении всех со всеми. В этой истории, как и в легенде, которую рассказывает мать своему сыну, воспевается сила духа не одного человека, а целого народа необъятной страны. Дав Юзуфу свою фамилию и отчество, Иван Игнатов нарушает данную когда-то присягу, однако совершает поступок, дающий этому юноше надежду на счастливое будущее. Имя, которое даёт ему Игнатов, уже не Юзуф, а Иосиф. В документе он пишет, что отец его «красноармеец», а мать крестьянка, таким образом освобождает юношу от национальной самоидентичности. Перед нами настоящий Новый человек.

Так, эти романы объединены главной целью: показать жизнь человека в лагере, его путь к Богу, суть преданности которому заключается не в соблюдении правил и

традиций, а в искренней любви к ближнему и к самому себе, как к части божественного замысла. Лагерный вопрос решается авторами по-разному, поэтому так различны финалы этих произведений.

Литература

1. Большев А.О. Роман Захара Прилепина «Обитель» в контексте тюремно-лагерной русской прозы XX века // Филология и культура, 2016. № 4.
2. Зулейха открывает глаза : роман / Гузель Яхина. – Москва : Редакция Елены Шубиной (ЕШ), 2017. – 508 с. – ISBN: 978-5-17-090436-5
3. Обитель : роман / Захар Прилепин.– Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2021.– 746 с. – ISBN 978-5-17-084483-8 : 863.50
4. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/solzhenicin/41.htm>(дата обращения 05.03.2023)
5. Сухих О.С. Роман З. Прилепина «Обитель»: поэтика художественного эксперимента // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2015. № 2.
6. Шаламов В. Инженер Киселёв [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://shalamov.ru/library/1/11.html>(дата обращения 05.03.2023)

Beryukhova A.A.

Moscow State Institute of International Relations (University)

**The system of camps in the novel "Zuleikha opens her eyes" by G. Yakhina
and "The Monastery" by Z. Prilepin**

The work was carried out under the supervision of Maria Sergeevna Savelyeva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of World Literature and Culture of MGIMO

The article will focus on the camp theme in modern Russian literature. The correctional camp is the central place of action of the novels "Zuleikha opens her eyes" by G. Yakhina and "The Monastery" by Z. Prilepin. It is a remote, isolated from the whole world closed territory with its own rules of survival and moral laws. Based on historical material, the novels solve eternal human questions about duty, honor, morality, justice, forgiveness, love and death.

Key words: Correctional camp, morality, moral choice.

Богданова Анастасия Юрьевна

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
bogdanova-2013@bk.ru

Интерференционные ошибки при обучении чтению детей-билингвов

Работа выполнена под руководством кандидата педагогических наук, начальника Центра обучения русскому языку как иностранному факультета обучения русскому языку как иностранному, и.о. декана подготовительного факультета Г.Н. Купцовой, В данной статье описываются интерференционные ошибки, возникающие в речи детей-билингвов, анализируется природа возникновения таких ошибок с учётом языка общества, в котором проживают и обучаются такие дети, а также даются методические рекомендации, направленные на предотвращение возникновения такого рода ошибок.

Ключевые слова: дети-билингвы, языковая природа, язык общества, язык обучения, чтение, интерференция, детская речь.

Эмиграция является одним из наиболее актуальных процессов, происходящих в современном обществе. Данный процесс способствует развитию такого феномена, как билингвизм. С каждым днём количество билингвальных личностей возрастает, в результате чего обучение языку требует новых взглядов, подходов и трансформаций. Под «билингвизмом» в данной статье будем понимать «практику попеременного общения на двух языках» [1, с. 33].

В методике преподавания РКИ уже несколько лет актуальной проблемой является воспитание и образование детей-билингвов. Принято считать, что дети-билингвы – это дети, которые растут в условиях двуязычия в семье или в обществе [4, с. 228]. Так, например, это могут быть дети из русских семей, проживающие за границей, или семьи с полиэтническим составом, где один из родителей является русским (как правило, мама).

Поскольку обучение русскому языку и на русском языке у таких детей в дефиците, основная задача методистов должна основываться на принципах сохранения правильного и стилистически богатого русского языка. На определенном этапе развития детской речи невозможно представить рост языковых единиц в словарном запасе ребёнка без обучения чтению и письму. Однако при обучении чтению и письму таких детей могут возникать особого рода ошибки, которые никогда не появятся у детей-монолингвов с родным русским. Данные ошибки мешают освоению единиц русского языка в полной мере. В данной работе подробно рассмотрим наиболее типичные интерференционные ошибки, которые возникают у детей-билингвов и тормозят процесс формирования навыков чтения. В статье будут приведены реальные данные, которые были выявлены при работе с детьми-билингвами в возрасте от 5 до 8 лет.

Интерференция – достаточно частое явление, которое возникает при изучении нового иностранного языка, когда родной язык со своей графической, фонетической,

морфологической и синтаксической структурой мешает обучающемуся в полной мере освоить вышеуказанные языковые уровни изучаемого языка. В современном научном пространстве данный термин принято понимать, как «взаимодействие языковых систем, воздействие системы родного языка на изучаемый язык в процессе овладения им» [1, с. 87]. Большинство ученых сходятся во мнении, что интерференция – это «антинорма, которая возникает в речи билингва под влиянием родного языка на изучаемый иностранный язык» [1, с. 87].

Однако в случае с билингвальными детьми было бы целесообразнее говорить о том, что не только родной язык вызывает интерференцию в их речи и мешает полному усвоению единиц русского языка (так как принято считать, что у таких детей два родных языка с рождения), но и язык страны проживания и, следовательно, обучения, поскольку к четырём годам дети начинают жить активной социальной жизнью, ходить в детские садики, на подготовительные занятия. В таких условиях развитие русского языка фактически прекращается и обогащение словарного запаса происходит весьма пассивно.

В нашем исследовании будут описаны интерференционные ошибки четырёх детей от 5 до 8 лет, проживающих с рождения за границей. Двое из детей – выходцы из русских семей, и двое воспитываются в полиэтнических семьях, в которых русскими являются мамы. Если делить детей по языковому составу стран: трое – из англоязычных стран, один – ивритоговорящий.

Итак, какие же интерференционные ошибки мешают обучению чтению таких детей?

Наиболее типичной ошибкой, встречающейся при чтении русских текстов в речи англоговорящих билингвов, является замена русских букв английскими, имеющими одинаковое графическое оформление: русское «В» и английское «В»; русское «Р» и английское «Р», русское «Х» и английское «Х». Так, русское слово «ветер», может читаться как «бетер», «работа» – «пабота», «хлеб» – «кслеб» и т.д. Данные ошибки появляются в тот момент, когда дети усваивают чтение на английском языке. В этот период времени английский начинает занимать лидирующие позиции, поскольку обучение у детей происходит исключительно на нём.

Отметим, что при обучении чтению ивритоговорящего билингва таких ошибок не возникало, что можно объяснить разницей между графическими структурами русского языка и иврита.

Следующая ошибка, которая возникает при обучении чтению англоговорящих билингвов – неразличение йотированных гласных в середине (реже в начале) слова и перенос мягкости на соседний согласный в слоге. Поскольку любое обучение чтению начинается с освоения слоговой структуры слова, данная ошибка хорошо слышится в речи детей. Например: при чтении слова «лен-та», ребенок-билингв читает следующим образом: «ль-эн-та». Языковое чутьё подсказывает ему, что согласный перед буквой «е», передающийся звуком [э], смягчается, однако отсутствие в английском языке йотированных гласных вызывает интерференционное явление, и в слоговой структуре русского слова ребёнок добавляет элемент, смягчающий согласный звук, а гласный звук заменяется на твердый [э]. Важно заметить, что у англоговорящих детей такого рода ошибка возникает лишь с указанной выше буквой, тогда как у ивритоговорящего ребёнка трудности вызывают все йотированные гласные. Ошибки в этом случае немного различны с ошибками англоговорящих детей. Так, при чтении слов с данными буквами происходит дополнительное смягчение согласного, в результате чего русское слово «мяч» читается как [м'й'ач'], «ключ» читается как [кл'й'уч'] и т. д.

Примечательно, что на стыке йотированных гласных с другими гласными интерференционных ошибок не встречается ни в одном случае. Также крайне редко может происходить перестановка гласных в начале слова.

Другого рода ошибки, отмеченные в речи билингвов при обучении чтению, касаются природы звуков. Так, в речи двух девочек-билингвов, проблемы вызывает дрожащий русский звук [р], который замещается более мягким и плавным английским [r] и французским увулярным [r] (помимо русского и английского ребёнка также владеет французским).

У ивритоговорящего билингва особые трудности вызывают следующие буквы: «ж», «ч» или сочетание согласных «дж». Это объясняется тем, что в иврите данные графемы отсутствуют, и при прочтении слов с данными буквами происходит замена имеющихся в родном языке букв: «ж» заменяется буквой «з», например, слово «жаба» будет читаться как «заба», буква «ч» заменяется на «ц», например, «чай» читается как «цай». При коррекции и постановки звуков очень часто дополнительно может потребоваться помощь логопеда.

Также особое внимание следует уделять букве «ь». Как правило, эта буква детьми-билингвами просто игнорируется и смягчения согласного не происходит.

Для предотвращения такого рода ошибок преподавателю следует относиться к процессу чтения весьма щепетильно и стараться бороться с такого рода

интерферентами, поскольку в младшем возрасте можно сформировать идеальный навык чтения. Следует уделять большое внимание выявленным ошибкам. Можно создавать задания, где основной упор делается на различение сложных букв и звуков, просить ребёнка слушать внимательно, как читает преподаватель, и затем повторять за ним, а в дальнейшем читать заново, но уже самостоятельно. Помощью для преподавателя могут служить различные интерактивные ресурсы, которые направлены на обучение чтению. В качестве примера можно привести образовательный портал Института русского языка им. А.С. Пушкина «Русский язык для наших детей» [6]. На данном портале собрано большое количество интерактивных заданий, способствующих развитию навыков чтения, усвоению русской слоговой природы и развитию фонематического слуха, сформированность которого помогает бороться с интерференционными ошибками. Хорошим примером упражнения на усвоение слогового принципа чтения на указанном портале является игра «Веселый паровозик» (суть игры заключается в том, чтобы собрать слово по слогам), а также игры «Потерянная буква» и «Шарики», направленные на формирование фонематического слуха у детей и осознанное понимание фонемного состава слова.

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что формирование навыков чтения у детей-билингвов является важной составляющей, способствующей активному развитию русского языка и пополнению словарного запаса. При обучении чтению важно акцентировать внимание на систематические интерференционные ошибки, возникающие у таких детей, готовить материал с учётом особенностей второго языка билингвов, на котором происходит постоянное общение и обучение, и принимать меры по устранению возникновения таких ошибок в их речи.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. – М.: Русский язык. Курсы, 2018. – 496 с.
2. Жильцова Л.Ю., Каленкова О.Н. Из опыта подготовки к чтению текстов для детей-билингвов младшего школьного возраста // Международный аспирантский вестник. 2018. № 1. С. 4–9
3. Каленкова О.Н., Жильцова Л.Ю. Принципы формирования и анализ образовательных программ по русскому языку для детей-билингвов, проживающих за рубежом // Русский язык за рубежом. – 2018. № 2. С. 75–81.

4. Карпушкина Елена Александровна Становление двуязычной системы детей с билингвизмом // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 2 (26). С. 223–230.
5. Крутобережская А.С., Солдатова Я.В. Интерференция как объект исследования психолингвистики // Инновационная наука. 2015. № 7-2. С. 53–56.
6. Государственный институт русского языка им А.С. Пушкина: официальный сайт. «Русский язык для наших детей» – [Электронный ресурс]. URL: <https://rus4chld.pushkininstitute.ru/#/> (Дата обращения: 26.03.2023).

Bogdanova A.Y

Pushkin State Russian Language Institute

Interference errors in teaching reading to bilingual children

This article describes interference errors that occur in the speech of bilingual children, describes the nature of the occurrence of such errors, taking into account the linguistic nature of the language of the society in which these children live and study, and also gives a methodological recommendation aimed at measures to prevent the occurrence of such errors.

Keywords: bilingual children, linguistic nature, language of society, language of instruction, reading, interference, children's speech.

Бородулина Кристина Руслановна

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
kboroda2000@mail.ru

Особенности восприятия творчества А. П. Чехова в иностранной аудитории

Работа выполнена под руководством Соломоновой Анастасии Александровны, канд. пед. наук

В данной статье анализируются возможности использования художественного текста в преподавании русского языка как иностранного. Подчеркивается необходимость привлечения лингвокультурологического материала для успешного общения. Приведены аргументы в пользу привлечения произведений А. П. Чехова в качестве иллюстративного языкового материала для обучения студентов-иностранцев, а также отмечено восприятие данного писателя студентами, изучающими РКИ.

Ключевые слова: художественный текст, межкультурная коммуникация, речевая деятельность, культурно-национальные особенности.

Художественный текст многофункционален. Он обладает эстетической, культурологической, страноведческой, языковой и воспитательной функциями. Главное преимущество текста при преподавании РКИ состоит в том, что он может рассматриваться с точки зрения разных видов анализа (лингвистического, стилистического, лингвострановедческого и т.д.), применяться для иллюстрации функционирования языковых единиц на всех уровнях (лексическом,

словообразовательном, грамматическом и стилистическом), для овладения различными видами речевой деятельности и основами культуры изучаемого языка, а также для проникновения в сознание носителей языка и изучения их менталитета.

Изучение художественного текста является неотъемлемой составляющей преподавания РКИ, так как это, при наличии качественных заданий, помогает учащимся не только развить навыки речевой деятельности, пополнить свой лексический запас, но и окунуться в культуру носителей языка. Межкультурная коммуникация основывается на культурологических принципах. Для успеха речевого общения с носителями иного языка иностранным обучающимся необходимо знать и владеть определёнными актами поведения: традиции, обычаи, менталитет и другие сферы и особенности культуры народа-носителя. Л.В. Щерба указывал на тесную связь, существующую между языком и культурой. По его мнению, для понимания культуры другого народа необходимо «пристальное (под хорошим руководством) чтение выдающихся иностранных писателей в оригиналах» [4, с. 50]. Для преодоления коммуникативного сбоя (различия национальных и культурных стандартов поведения) иностранным обучающимся необходимо знать культурно-национальные особенности поведения носителей изучаемого языка. В решении данной проблемы помогут правильно подобранные преподавателем конкретные художественные тексты, ведь они обладают определённой воздействующей силой на читателя, способны передать различную информацию с тем или иным коммуникативным эффектом и, что самое главное, могут быть эффективным посредником в процессе межкультурной коммуникации.

В науке принято положение о том, что художественный текст является отражением определенной исторической эпохи и жизни народа в данное время с присущими ему традициями, устоями, обычаями, а также отражением его жизни [2, с. 219]. При обучении РКИ преподавателю необходимо подбирать тексты, максимально насыщенные информацией о характере русских людей, о быте, о традициях, об именах, а также включающие в себя некоторое количество пословиц и поговорок. Особенности национальной действительности, отраженные в языковой картине мира в единстве с их художественно-лексическим содержанием, проявляются в нем наиболее широко и выразительно. С помощью художественного текста студенты знакомятся с русской культурой, современной действительностью, историей, эстетическими сторонами русской культуры. Постоянное чтение художественных текстов позволяет студентам расширять запас языковых средств и понимания их функциональных особенностей,

одновременно эффективно осуществляется формирование речевых навыков и умений во всех видах речевой деятельности.

А.П. Чехов остается одним из наиболее читаемых русских авторов во всем мире. Для работы на занятиях чрезвычайно полезно использовать тексты данного писателя. В произведениях писателя полно и детально отражена жизнь, обычаи русских людей. Как раз это и нужно для обучения иностранцев РКИ. Определенные произведения или отрывки из этих произведений смогут максимально погрузить обучающихся в культуру, историю, менталитет и особенности нашей страны. Значительная часть творчества А.П. Чехова — это рассказы, что означает, что размер произведений не очень большой, и их можно брать в полном объеме. Также, скорее всего, студентам будет изначально знакомо имя писателя, а, возможно, даже и какие-то из его произведений, так как они переведены на многие языки мира.

В связи со сказанным становится необходимым объяснять студентам-иностранцам, что Чехов — один из самых русских писателей и по тематике своих произведений, и по мироощущению, который наиболее ярко и совершенно передал специфику русской души, русской национальной природы, русского, как теперь принято говорить, менталитета. Этот менталитет, конечно, во многом изменился по сравнению с чеховским временем, но все же многие его черты и особенности остались теми же.

О восприятии Антона Павловича Чехова иностранцами стоит сказать, что «за рубежом Чехова нередко рассматривают в качестве “самого русского” писателя, наиболее полно воплотившего в своем творчестве русское бытие» [1, с. 6, 78]. В художественных произведениях он рисует бытовую обстановку дома и усадьбы конца XIX века, творчески осмысляет национальные традиции и обычаи, описывает красоту русской природы. В прозе писателя присутствует широко отражена российская действительность: среди персонажей мы встречаем представителей всех классов, слоев, социальных групп, людей с разным образованием и социальным статусом; описывается их внешность, речь, поведение [1, с. 6, 78]. Язык произведений Чехова — эталон русского литературного языка. При этом на страницах его рассказов, повестей и пьес мы встречаем большое количество разговорных и просторечных выражений, идиом, которые отражают речевое поведение русского человека. Более того, в своих произведениях Чехов постоянно использует стилистические, эмоционально-экспрессивные и коннотативные оттенки русских слов.

Также писатель воспринимается представителями другой культуры как истинный художник, который сумел соединить национальное и общечеловеческое. Иностранные читатели нередко признают Чехова «своим», считая его творчество близким своей ментальности и указывая на поэтические особенности художественного мира писателя, которые характеризуют принципы сознания человека любой культуры.

Так, англичан привлекает стиль Чехова, свободный от всего резкого, аффектированного, его поэтика, которая не позволяет ничему «неожиданно случаться», свойственные его творчеству равновесие, мера и в то же время естественность, ненавязчивое, но постоянно присутствующее моральное начало [1, с. 55, 56, 58].

Если говорить о поверхностном литературном анализе произведения, таком как, например, основной посыл, главные герои, жанр или даже просто прочтение рассказа, то произведения Чехова достаточно понятны студентам любого уровня (даже неадаптированные тексты) потому, что их основная мысль, главная идея обычно кристально ясна, легка для понимания, а прочтение рассказа не является сложным в силу того, что язык Чехова во многом не изменился к настоящему моменту. Кроме того, писатель не использовал сложных синтаксических конструкций.

При этом многоаспектный разбор неадаптированных рассказов Антона Павловича рекомендуется проводить в группах среднего и высокого уровня владения русским языком, либо необходимо брать для занятий адаптированные для студентов-иностранцев тексты.

Немаловажным фактом является и то, что на основе рассказов Антона Павловича можно легко придумать различные грамматические задания. Например, попросить студентов найти определенный падеж имен существительных в данном им для прочтения отрывке или поставить глаголы в определенном времени, форме и т. д.

При этом несомненно, что преподаватель обязан подбирать произведения и создавать или подбирать задания к текстам определенного уровня, учитывая способности и возможности группы студентов-иностранцев, с которой он работает. Например, раннее творчество Чехова хорошо подойдет на начальном этапе обучения русскому языку, а позднее творчество лучше подойдет для групп среднего и высокого уровней владения русским языком.

Литература

1. Абрамова В.С. Экзистенциальное сознание и национальное бытие в прозе А.П. Чехова 1890–1900-х гг. Дисс. ... к. филол. н. – Пермь, 2016. – 189 с.

2. Карасева Ю.А. Художественный текст как источник национально-культурной информации и выразитель национальной ментальности: дисс. ... канд. филол. наук. – Москва, 2012. – 219 с.
3. Кулибина Н.В. Художественный текст в лингводидактическом осмыслении. — Москва : Изд-во Гос. ИРЯ им. А.С.Пушкина, 2001. — 328 с.
4. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.

Borodulina K. R.

Pushkin State Russian Language Institute

Peculiarities of Perception of A.P. Chekhov's Creativity in a Foreign Audience

This article analyzes the possibilities of using a literary text in teaching Russian as a foreign language. The necessity of attracting linguoculturological material to achieve success in intercultural communication is emphasized. Arguments are given in favor of using the works of A.P. Chekhov as an illustrative language material for teaching foreign students, and the perception of this writer by students studying Russian as a foreign language is also noted.

Key words: literary text, intercultural communication, speech activity, cultural and national features.

Быканова Элеонора Михайловна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
super.allison-5@yandex.ru

Мифологические, космогонические и культурно-философские концепции Древнего Египта и их отражение в серии «Наследники богов» Рика Риордана

Работа выполнена под руководством Петровны Елены Капитоновны, кандидата филологических наук, доцента

В данной статье исследуются мифологические, космогонические и культурно-философские концепции Древнего Египта как источник заимствования в трилогии «Наследники богов» (в оригинале «The Kane Chronicles») Рика Риордана. В работе рассматриваются содержание этих концепций, их значимость в древнеегипетской истории и культуре и их роль в построении сюжета и создании фэнтезийного мира произведения.

Ключевые слова: миф, фэнтези, Древний Египет, Рик Риордан, концепция.

Серия «Наследники богов» Рика Риордана состоит из трех книг: «Красная пирамида», «Огненный трон» и «Тень змея». В первой части Картер и Сейди Кейн узнают о мире древнеегипетских мифов и открывают в себе магические способности. Им необходимо остановить Сета, разрушив Красную пирамиду. Название первой книги – это символ бога зла, пустыни и войны, средоточие его могущества. Красная пирамида должна стать храмом Сета, гробницей его брата Осириса, а также эпицентром

огромной бури, которая уничтожит весь мир. Красный – цвет Сета: «красные его глаза сверкали злобой, и волосы его были тоже красными, как горячий песок пустыни» [9, с. 42]. В финале произведения герои понимают, что их настоящим врагом является змей Апоп. Название второй книги отсылает нас к богу Ра. Огненный трон – его символ власти фараона. В этой части цикла герои стремятся пробудить Ра, чтобы он мог сразиться с Апопом. Название третьей книги – часть души, которую герои используют для того, чтобы изгнать змея из мира смертных, тем самым предотвращая победу хаоса над порядком.

В Древнем Египте основными предфилософскими категориями являлись Исфет (хаос) и Маат. Маат – изначально богиня истины, мудрости и порядка, дочь Ра и супруга Тота (бога мудрости, письма и счета). Она принимала участие в создании мира на месте хаоса, в установлении миропорядка. Со временем Маат преобразуется в имя нарицательное, приобретая абстрактное значение высшей справедливости, законности, хотя тесная связь с мифологемой сохраняется. Исфет противопоставляется Маат и представляет собой разрушающую силу хаоса, несправедливость, насилие. В рассматриваемом цикле богиня кошек Баст говорит Картеру об этих категориях: «Понятия добра и зла к богам не очень применимы. Будучи магом, ты должен рассуждать в категориях порядка и хаоса. Именно эти две противоборствующие силы правят мирозданием» [5, с. 136].

Хаос и Маат не могут существовать друг без друга. Их силы должны быть уравновешены для установления гармонии в мире. Боги и мифические существа Древнего Египта выбирали сторону, на которой они будут сражаться. Так, Ра и боги, которые защищали его барку во время ночного путешествия в Дуат, служили силам Маат, напротив, змей Апоп, Сет были служителями хаоса. Одна из героинь Жас говорит Сейди о важности следования путем Маат так: «Мы выбрали веру в Маат. Мы создали порядок из хаоса, красоту и смысл – из уродливой случайности. В этом вся суть Египта. И именно поэтому его имя, его рен продолжают существовать уже многие тысячелетия. Держись, не отчаивайся. Иначе Хаос победит» [6, с. 241].

Дуат – это загробный мир египтян. Его владыкой сначала считался Анубис, но позже эта роль была передана Осирису, представляющему собой символ возрождения, вечной жизни. Дуат изображали в виде круга со звездой в центре. Египтяне считали его элементом вселенной (небо, земля, Дуат). Все, что известно об этом мире, дошло до нас в погребальных текстах (например, «Книга мертвых»), которые были созданы в качестве путеводителя для умерших. В Дуате после преодоления определенных

испытаний душа проходит суд и обретает загробную жизнь, Ра на своей барке совершает путешествие каждую ночь и сражается с Апопом. Дядя Картера и Сейди Амос описывает это понятие так: «Дуат – это мир духов и магии. Он находится под нашим миром и представляет собой огромный океан, состоящий из разных слоев и областей» [5, с. 90]. Чем глубже погружаешься в загробный мир, тем труднее найти дорогу обратно, поэтому путешествия туда крайне опасны. Дуат – это дом не только для богов и мертвых, но и для демонов. В серии книг герои путешествуют через Дуат (во сне в виде Ба или в реальности), прячут туда свои магические принадлежности, так как там не работают стандартные категории пространства и времени. Через него персонажи могут видеть ауру, которая зависит от силы мага, пути бога, которым он следует, или от изучаемой им стихии. Именно Дуат скрывает от глаз обычных людей магических животных, монстров, демонов, волшебные предметы, он связан с магическим туманом из греческой серии книг.

Русскоязычное название серии «Наследники богов» (в оригинале «The Kane Chronicles» – «Хроники семьи Кейн») указывает на концепцию, которая легла в основу фэнтезийного мира данного цикла. Вместо традиционных героев мифов, полубогов, автор вводит персонажей, которые являются носителями божественной сущности. Причем использование сил богов находится под запретом, а маги преследуют цель борьбы с ними. Риордан объясняет этот факт тем, что божественная сила неподвластна смертному, она сжигает его, а также человек не способен противиться воле бога, поэтому последний захватывает контроль над телом. Богам же запрещено спускаться в мир людей в своем истинном облике, поэтому им необходимы носители. Картер и Сейди становятся ими случайно, они сливаются с богами, становясь с ними единым целым. Их чувства, эмоции, мысли, воспоминания смешиваются, и им удается достичь полного взаимопонимания.

Главные герои начинают учить других магов следовать путями богов, для чего необходимо познать внутренний мир бессмертного существа, его характер. «Сходство позволяет установить магическую связь между двумя объектами. И если речь идет о богах, значит, маг должен быть в чем-то похож на божество, к чьей силе он хочет приобщиться. Например, у них может быть что-то общее в пережитом опыте, в целях, чертах характера и так далее» [6, с. 270]. Так, Уолт, который умирает от проклятия, становится носителем Анубиса (бога смерти и погребальных обрядов), а Зия, вместившая в себя сущность Ра, так же, как и он, была погружена в глубокий сон, от которого она не могла очнуться без посторонней помощи. Картер, как и Гор (бог-воин),

не любит ограничение в действиях и стремится спасти отца от Сета, а Сейди, как и Исида (богиня магии), стремится помочь Картеру и Гору. Риордан создает сюжетное сближение между своими произведениями и египетскими мифами, передавая черты характера, мысли и чувства древних богов.

Данная концепция связана с обожествлением фараонов в Древнем Египте. Египтолог Б.А. Тураев отмечает: «В Египте с самого древнего времени и до конца египетской культуры верили, что царь – бог. До него царствовали боги, передавшие власть фараонам, своим наследникам. Каждый фараон был преемником богов, а также их потомком» [8, с. 190]. Египтяне верили, что правитель рождается от союза верховного бога (Амона или Амон-Ра) и царицы, к которой он приходит в облике ее супруга. Фараон и бог представляют собой единое целое, выступая в качестве владыки мира. Правитель является воплощением божества на земле, его воля неоспорима. Фараон обладал как светской, так и религиозной властью, только он мог говорить с богами. Интересно, что египтяне обожествляли не только верховных правителей, но и людей, занимающих высокие государственные должности (например, дзати – первого министра). В цикле Рика Риордана магией обладают потомки фараонов, знаменитых жрецов и великих исследователей египетской цивилизации. При этом боги в качестве носителей предпочитают выбирать именно обладателей крови верховных правителей.

Важным отличительным свойством мифологии Древнего Египта является обожествление животных. Поклонение им представляло собой официальный культ. Египтяне делали изображения богов обязательно вместе с их священными животными. Особенно почитаемыми из них были те, кто связан с Нилом, так как река являлась источником жизни. Часто бог предстал с головой его священного животного, или изображение животного полностью замещало бога, что говорит о том, что в основе египетских верований лежит тотемизм. Рисунок животного представлял собой непосредственное проявление божественного культа, что указывает на важность символа в египетской культуре. Дядя Картера и Сейди Амос объясняет этот культ так: «Понимаете, боги – это первозданные стихии, что-то вроде мостика между человеком и природой. Поэтому их и изображали с головами животных, чтобы показать, что они существуют сразу в двух мирах» [5, с. 64]. В цикле этот культ ярко отражен. У Амоса есть павиан Хуфу (Хеопс), который является священным животным Тота, крокодил Филип Македонский, связанный с Собеком, Баст долгое время была домашней кошкой Сейди, также она использует этих зверей для передачи посланий, получения информации, а сами главные герои превращаются в птиц для перемещений.

В Древнем Египте при храмах существовали школы для талантливых учеников, которые называли «домами жизни». У них были большие библиотеки с ценными египетскими текстами, которые могли понадобиться тем, кто хотел посвятить свою жизнь науке. «Дом жизни» являлся также политическим центром, объединением мудрецов, жрецов и ученых. Большое количество изобретений создавалось этим сообществом, им оберегались религиозные обычаи, велись записи о важных событиях. В книгах Риордана Дом Жизни (Пер Анх) – это объединение египетских магов, которое было создано Тотом. Бог мудрости и научил его участников противостоять богам, а не поклоняться им. Штабы Дома Жизни находятся в каждом номе.

В Древнем Египте существовало административное деление на номы (области). Этот термин происходит от древнегреческого ‘νομός’, древнеегипетское название – ‘сепат’. Число областей менялось в разные эпохи, но на протяжении большей части истории Древнего Египта, страна состояла из 42 номов (20 – в Нижнем Египте, 22 – в Верхнем Египте). Главой административной единицы являлся номарх (от древнегреческого ‘νομάρχης’, в древнеегипетском ‘хери-теп’). Эта должность могла передаваться по наследству, а также номарха мог назначать сам фараон. У каждого нома был свой бог-покровитель. В данном цикле также используется эта система. Рик Риордан пишет о том, что существует триста шестьдесят номов по всему миру. Первый ном располагается в Египте, на месте руин Гелиополиса (одного из древнейших городов Древнего Египта, центра поклонения богу солнца, который располагался на части территории современного Каира), под землей, там обучают юных магов. Триста шестидесятый – в Антарктиде, куда ссылают преступников. Риордан называет и другие номы: девятый находится в Лондоне, четырнадцатый – в Париже, восемнадцатый – в Санкт-Петербурге и т.д.

Литература

1. Бадж У. Боги египтян. Царство света, или Тайны загробного мира. – Москва : Центрполиграф, 2014. – 575 с.
2. Видеман А. Загадки древнего Египта. Религия древних Египтян. – Москва : Центрполиграф, 2009. – 141 с.
3. Мачинцев Г.А. Мифы и сказки Древнего Египта. – СПб. : ПКФ "ОЮ-92", 1993. – 94 с.
4. Рак И.В. Мифы Древнего Египта. – СПб. : Петро – РИФ, 1993. – 270 с.

5. Риордан Р. Наследники богов. Книга 1. Красная пирамида ; [пер. с англ. А. Васильевой]. – Москва : Эксмо, 2015. – 544 с.
6. Риордан Р. Наследники богов. Книга 2. Огненный трон ; [пер. с англ. А. Васильевой]. – Москва : Эксмо, 2015. – 544 с.
7. Риордан Р. Наследники богов. Книга 3. Тень змея ; [пер. с англ. А. Васильевой]. – Москва : Эксмо, 2015. – 480 с.
8. Тураев Б.А. История Древнего Востока: в 2 т. / Б.А. Тураев; ред. : В.В. Струве, И.Л. Снегирев. Ленинград : Огиз – Соцэкгиз. Ленингр. отд., 1935–1936. – Т. I. 1935. – 340 с.
9. Швец Н.Н. Словарь египетской мифологии. – Москва : Центрполиграф, 2008. – 251 с.

Bykanova E. M.

Student of Pushkin State Russian Language Institute

Mythological, cosmogonic and cultural-philosophical concepts of Ancient Egypt and their reflection in the series «The Kane Chronicles» by Rick Riordan

This article explores the mythological, cosmogonic and cultural-philosophical concepts of Ancient Egypt as a source of borrowing in the trilogy "The Kane Chronicles" by Rick Riordan. The work examines the content of these concepts, their significance in ancient Egyptian history and culture, and their role in building the plot and creating the fantasy world of the books.

Keywords: myth, fantasy, Ancient Egypt, Rick Riordan, concept.

Варнавская Валерия Вячеславовна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
leravarnavskaja@mail.ru

Упражнения на развитие навыков устной речи на основе аутентичной социальной рекламы «Я тоже»

Работа выполнена под руководством Вохминой Лилии Леонидовны, кандидата педагогических наук, профессора.

В статье представлена система упражнений к социальной рекламе «Я тоже». Так как навыки аудирования и говорения взаимосвязаны, то целесообразно развивать их также параллельно. В статье перечислены преимущества использования видеоматериалов на занятиях иностранного языка, а также прописаны сложности работы с такими материалами.

Ключевые слова: аутентичные видеоматериалы, говорение.

Умение выражать свои мысли – одна из целей господствующего коммуникативно-деятельностного подхода. Но уже известно – чтобы научиться говорить, нужно еще уметь слушать: «Обучение говорению немыслимо без обучения понимания речи на слух» [8, с. 124]. Действительно, чтобы суметь ответить и высказать

свое мнение, нужно уметь услышать и понять сказанное. Следовательно, аудирование и говорение – это два взаимосвязанных навыка, как две стороны одной медали. Но трудности возникают и на стыке аудирования и говорения: «студенты-иностранцы понимают фразу, но не могут среагировать на нее, ввиду слабого навыка говорения» [3, с. 96]. Один из эффективных методов решения этой проблемы, на наш взгляд, — это работа с аутентичными видеоматериалами.

Под аутентичными материалами мы будем подразумевать «материалы для изучающих язык, которые используются в реальной жизни страны» [1, с. 25]. Важно, что аутентичные тексты могут быть как письменными, так и устными [1, с.25]. Нас будут интересовать именно устные, так как это актуально для нашей работы.

Ученые не оставили без внимания тему использования аутентичных видеоматериалов на уроках иностранного языка (в том числе РКИ). Об этом писали такие исследователи, как Н.В. Девдариани, Е.В. Ревина, Н.Н. Самчик, Т.П. Фролова, О.М. Мутовкина, Н.А. Гриднева, А.Г. Крычковская, Я.Л. Чернявская и другие [4, 9, 11, 12, 7]. Все они сходятся во мнении, что аутентичные видеоматериалы на уроках РКИ полезны и интересны, но для их использования необходимо грамотно составлять упражнения в зависимости от целей урока, уровня группы. Обобщая вышеуказанные труды, выделим следующие преимущества таких материалов на уроках: можно видеть реальную, а не учебную речевую ситуацию, а также мимику и жесты носителей; узнавать лексику (сразу в определенном контексте) и грамматические конструкции, которые употребляют носители; видеоматериалы вызывают положительные эмоции и интерес; параллельно развиваются навыки аудирования; развивается память и внимание; присутствуют разные виды наглядности, которые необходимы при изучении иностранного языка; видеоматериалы носят ситуативный характер; учащиеся слышат речь носителей разных половозрастных особенностей. Но при этом есть трудности при применении аутентичных видеоматериалов на уроке. К примеру, сложность подбора, так как видео создаются носителями для носителей. Авторы не учитывают трудностей, с которыми сталкиваются иностранцы. Преподаватель также должен потратить много времени на составление упражнений к выбранному видео, на отбор лексики, которая требует пояснений, а также на оформление заданий и обработку самого видео. Одно из требований к видеоматериалам – это их небольшая длительность [10, 11]. В связи с этим очень удобно использовать короткие видео, например, из киножурнала «Ералаш», из скетч-шоу «6 кадров», видеоклипы, законченные по смыслу отрывки из кинофильмов и интервью, социальную рекламу.

За основу в нашей работе мы взяли социальную рекламу «Я тоже». На наш выбор повлияла статья А.Э. Ковалева, в которой подробно расписаны ход урока с использованием социальной рекламы и способ монтажа, на основе которого можно составить ассоциативные упражнения, направленные на развитие устной речи. Суть выбранного нами ролика заключается в том, что все дети имеют равные возможности для социализации и развития. Молодой учитель приходит в новую школу, где господствуют старые устои. В классе есть преуспевающие дети, которым скучно на уроке, есть ребенок, над которым издеваются, есть особенный ребенок. Не всем одинаково легко дается школьная программа, и это одна из причин разногласий между одноклассниками. Однажды учитель предлагает необычную игру «Я тоже». Ее правила просты: один ученик выходит к доске и рассказывает о своих переживаниях, страхах, связанных со школой. Тот, кто испытывает схожие чувства, говорит «я тоже» и обнимает одноклассника. После этого класс становится более дружным.

Составленные упражнения к этому видео делятся на 3 части, которые нужно сделать до просмотра, во время и после. Предпросмотровые упражнения открывают ассоциации: студенты делятся мыслями, которые у них появляются, когда они думают о школе и всём, с ней связанным. Далее задаются вопросы, связанные с личным опытом. Затем учащимся предстоит согласиться или не согласиться с высказыванием, которое будет звучать в видео. Это поможет услышать одну из ключевых фраз и понять суть видео. Так создается ситуация успеха. В следующих заданиях предлагается по картинкам догадаться, какие проблемы будут затронуты в ролике и какие ситуации могут возникнуть. Последнее упражнение перед просмотром – это знакомство с новыми словами и их отработка. Во время просмотра учащимся нужно найти ответ на вопрос о том, почему видео называется именно так. Далее предполагается, что студентам демонстрируется отрывок, где учитель объясняет правила игры. Учащиеся должны заполнить пробелы в приведенном отрывке. Это является своего рода подготовкой к самому последнему заданию в комплексе упражнений. После просмотра видео представлены вопросы, во время ответов на которые студенты высказывают свое мнение, ищут решение проблемы. В качестве заключительного задания предлагается в группе та самая игра «Я тоже». Стоит обратить внимание, что такую игру следует с осторожностью использовать в мусульманских группах и группах, в которых по культурным причинам не приветствуются прикосновения.

Данную социальную рекламу рекомендуется просматривать на уровне B1. Это видео и упражнения к нему можно использовать как дополнительный материал к теме

образования. Также созданный нами материал может послужить основой разговорного клуба или индивидуального занятия.

Перед просмотром

Задание 1. Какие ассоциации у вас вызывают эти слова?

Школа, учитель, класс, одноклассники.

Задание 2. Ответьте на вопросы:

- Вам нравилось ходить в школу, учиться? Почему?
- Расскажите о своем лучшем воспоминании о школе.
- Что вам не нравилось в школе? Почему?
- Как учителя повлияли на ваше будущее?

Задание 3. Согласны ли вы, что *часто кажется, что наши трудности и переживания не волнуют никого вокруг?*

Задание 4. Посмотрите на картинки. Подумайте, какие проблемы могут возникнуть у детей в школе?

Задание 5.

Директор знакомит класс с новым учителем. Что может сказать директор?

Задание 6. Прочитайте слова и их значения. Ответьте на вопросы.

Тупить (разг.) – Долго думать перед ответом, а потом неправильно отвечать.

Тупица (разг.) – глупый человек

Поддержать в трудную минуту – Сказать хорошие слова, когда человеку тяжело, трудно. Хороший друг всегда поддержит в трудную минуту.

Упадок сил – Мало сил, энергии. Во время болезни у человека упадок сил.

Не волновать никого вокруг – Никто не беспокоиться, никто не думает о чем-то. Проблемы ребенка не волнуют никого вокруг.

Не совсем, но близко – Ответ почти правильный. – $2 \times 2 = 5$

Социализация – «Вход» человека в общество. Каждый ребенок имеет равные возможности для социализации и развития в обществе.

Организовать среду – Создать условия. Учитель организывает среду для успешного обучения.

- Называть кого-то «тупица» вежливо?

- У вас есть друг, который поддержит в трудную минуту?
- Бывает ли у вас упадок сил? Почему?
- Есть ли у вас проблемы, которые не волнуют никого вокруг?
- Зачем нужна социализация?
- Как можно организовать среду для изучения иностранного языка?

Во время просмотра

Задание 1. Почему видео называется «Я тоже»?

Задание 2. (Фрагмент 3.40 – 4.15)

Заполните пропуски:

Всем доброе утро! Сегодня я предлагаю сыграть в особую игру. Игра будет называться «Я тоже». Правила игры очень простые: один из вас выходит к доске и рассказывает о чувствах, которые он испытывает в школе, о своих страхах или переживаниях. Если кто-то испытывает такие же чувства, то просто пускай выйдет сюда и обнимет товарища.

После просмотра

Задание 1. Ответьте на вопросы:

- 1) Правильно ли мы назвали проблемы, которые могут возникнуть в классе?
- 2) Как изменились дети после игры?
- 3) Что можно сделать, чтобы решить эти проблемы? Представьте, что вы министр образования. Предложите свои идеи.
- 4) Какой совет вы бы дали себе как школьнику?
- 5) Какие чувства, страхи, переживания вы испытываете во время учебы в России? Давайте поиграем в игру «Я тоже»!

Литература

1. Азимов Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – Москва : Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Гриднева Н.А. Использование аутентичных материалов в обучении иностранному языку на уровне А1 // Самарский научный вестник. – 2017. – № 4. – С. 210 – 214.

3. Даниелян М.Г. Формирование речевых умений и навыков при аудировании в процессе обучения РКИ // Балтийский гуманитарный журнал. – 2021. – № 1. – С. 94 – 97.
4. Девдариани Н.В. Роль аутентичных видеоматериалов в обучении восприятию текста на слух // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2021. – № 1. – С. 82 – 84.
5. Ковалев К.Э. Перемонтирование аутентичных видеоматериалов для формирования межкультурной компетенции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2016. – № 2. – С. 31 – 37.
6. Крычковская А.Г. Использование музыкальных видеоклипов для формирования навыков аудирования на занятиях по иностранному языку в вузе / А.Г. Крычковская, Н.А. Сметанина, М.И. Елисейская // Педагогическое образование в России. – 2017. – № 5. – С. 102 – 107.
7. Мутовкина О.М. Аутентичные видеоматериалы как средство формирования социокультурной компетенции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. – 2017. – № 3. – С. 55 – 61.
8. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. – Москва : Русский язык., 1989. – 276 с.
9. Ревина Е.В. Использование аутентичных материалов в процессе обучения иностранному языку // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия Психолого-педагогические науки. – 2015. – № 4. – С. 98 – 103.
10. Савинова Н.А., Михалева Л.В. Аутентичные материалы как составная часть формирования аутентичной компетенции // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 294. – С.116 – 119.
11. Самчик Н.Н. Применение аутентичных видеоматериалов на занятиях по русскому как иностранному: практический аспект // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2019. – № 3. – С. 244 – 246.
12. Фролова Т.П. Обучение диалогическому говорению студентов технических вузов на основе аудиовизуальных текстов // Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2017. – № 2. – С. 155 – 158.

13. Чернявская Я.Л. Использование комплекса аутентичных видеоматериалов в курсе русского как иностранного языка (довузовская подготовка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 7. – С. 318 – 321.

14. YouTube. «Я, тоже!» – [электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JqE3ugw273A> (дата обращения: 15.02.2023)

Varnavskaya V.V.

Pushkin State Russian Language Institute

Exercises for the development of oral speech skills based on authentic social advertising "Me too"

The article presents a system of exercises for social advertising "Me too". Since listening and speaking skills are interrelated, it is advisable to develop them in parallel as well. The article lists the advantages of using video materials in foreign language classes, as well as the difficulties of working with such materials.

Keywords: authentic video materials, speaking.

Васильцов Дмитрий Григорьевич

Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева
Vasiltsov705last@mail.ru

Тема любви в текстах современных японских песен: лингвокультурологический анализ

Работа выполнена под руководством Бурмакиной Натальи Алексеевны,
кандидата филологических наук, доцента.

В работе проводится анализ текстов современных японских песен, в которых раскрывается тема любви, с позиций лингвокультурологии. Проводится параллель между текстами современных песен и текстами песен стихотворного памятника Древней Японии «Манъёсю». Основным методом анализа является лингвокультурологический комментарий текстов, а также тематический анализ.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурологический анализ, лингвокультурологический комментарий, тематический анализ, «Манъёсю».

Вильгельм фон Гумбольдт писал, что «Язык есть как бы внешнее проявление духа народа; его язык есть его дух, и его дух есть его язык – трудно себе представить что-либо более тождественное» [2, с. 325]. Выраженные мысли люди издавна стремились запечатлеть в виде текста, чтобы передавать их следующим поколениям. Так как память человека не всегда надёжна, то тексты стали основой хранения информации. Таким образом, в тексте можно найти «дух народа», его проявление: «Язык представляет собой непрерывную деятельность духа, стремящуюся превратить артикулированный звук в выражение мысли» [2, с. 359].

Лингвистика XXI в. активно разрабатывает направление, в котором язык рассматривается как культурный код нации, а не просто орудие коммуникации и познания. Появление такой науки, как лингвокультурология доказывает это. По

В.А. Масловой, в рамках лингвокультурологии «язык рассматривается как путь, по которому мы проникаем не только в современную ментальность нации, но и в воззрения древних людей на мир, общество и самих себя» [5, с. 1]. Утверждения В. Гумбольдта: «Границы языка моей нации означают границы моего мировоззрения» [3, с. 122–134] и определение Масловой схожи в аспекте того, что в языке проявляется мировоззрение.

Важным положением для лингвокультурологии является тесная связь языка и культуры. Человек, усваивая язык, усваивает и культуру определённого народа, в среде которого он растёт. И сам язык развивается за счёт общества, изменений в нём, поэтому Г.О. Винокур считал, что «история языка есть культурно-историческая наука» [1, с. 315], а «язык есть условие и продукт человеческой культуры» [1, с. 309]. Таким образом, можно рассматривать текст на предмет отражения в нём усвоенной культуры, в аспекте лингвокультурологии.

В нашем исследовании мы обратились к японским песням. Оснований тому несколько: во-первых, работ по исследованию текстов современных японских песен нет, хотя изучение языка по песням является распространённой методикой в обучении иностранному языку; во-вторых, интерес к японской культуре в последние 10 лет возрастает; в-третьих, понимание японской культуры расширяет кругозор (песенные традиции в Японии отражаются в наборе используемых инструментов). Так, в поп-музыке инструментальный состав чаще всего таков: электро- и бас-гитары, барабаны, синтезатор (как замена фортепиано) и скрипка.

Текст является основной составляющей наряду с сопровождением (вокальное или инструментальное, или всё сразу) в песне. Для начала мы разграничим два смежных понятия «жанр» и «песня». В нашей работе объектом исследования являются современные песни, которые мы определяем следующим образом: исполняемые профессиональными певцами в коммерческих целях произведения. Существует также термин *песня*, наряду с которым употребляют ещё и термин *песнь*, который обозначает фольклорный жанр. Чтобы избежать омонимии, мы будем указывать номер песни, когда будем говорить о песнях из сборника «Маньёсю» [6] (нумерация соответствует цитируемым изданиям), а когда будем говорить о современном жанре, то будем называть его просто песней.

Тема любви является одной из центральных в любой культуре, Япония в этом случае не исключение. Для начала анализа выбрана достаточно популярная песня певицы Yūika – «好きだから» (*'sukidakara'*), которая переводится как ‘почему ты мне

нравишься' или 'причина моей симпатии к тебе'. Песня делится на три части: в первой части поёт девушка, во второй поёт юноша, в третьей они поют уже вместе, что символизирует их единение. Важными для нашей работы будут в этой песни две детали. Первая деталь связана с тем, как именно лирические герои песни прощаются друг с другом. Девушка хочет «проводя на внеклассные занятия, сказать: “Пока”». Однако важно, что девушка в оригинале произносит «またね» ('*матанэ*'), что дословно и переводится как 'пока, увидимся'. В японском языке существует около 20 способов попрощаться, среди них есть как официальные, так и неформальные, слово «матанэ» относится ко второму типу. «Матанэ» можно сказать лишь близким друзьям, если сказать это человеку (японцу), с которым у вас отношения нейтральные, то он может посчитать вас некультурным, нарушающим личные границы. Юноша также мечтает попрощаться не нейтральным и холодным «さようなら» ('*сайо:нара*'), а милым прощанием «バイバイ» ('*Bai bai*'), которое считается женственным, из-за чего парни говорят это в крайне редких случаях и лишь действительно близким людям [7]. Таким образом, мы видим, что влюблённые мечтают стереть границы формального общения, став ближе друг к другу, что также отражается в структуре песни, где сначала они поют по одному куплету сольно, а последний – вместе. В последнем куплете они также признаются друг другу в чувствах и важны в этом контексте слова «моя любовь к тебе пахнет сладким мускусом» – это вторая деталь, которая интересует нас в этой песне. Сложно точно установить, почему любовь девушки пахнет мускусом, однако можно предположить, учитывая, что в Японии существует целое искусство, или 'путь ароматов' – «香道» ('*ко:до:*'). Возможно, девушка использовала мускусные духи, которые стоят достаточно дорого. Ещё одним вариантом могут быть мускусные благовония, на фоне которых девушка и начала думать о юноше, сидя у себя дома, так как в доме японцев часто можно найти благовония. И последний вариант – посещение какого-либо святилища или «дзиндзя» (синтоистского храма), где девушка могла молиться за любовь. На территории храмов есть алтари, к которым люди приносят подношения для богов, куда в том числе приносят благовония, аромат которых девушка и могла почувствовать. В храм она могла прийти для того, чтобы помолиться за успех в любви с юношей богине Бэнтэн, богине Красоты и Любви [4, с. 159]. Таким образом, песня «Sukidakara» представляет собой интерес с точки зрения маркированной лексики, которая имеет культурную основу.

Песни японского солиста Тору Китаджимы представляют собой тексты метафорического, абстрактного характера, однако и в них находит отражение культура Японии. Стоит пояснить, что тексты этих песен больше связаны с темами и мотивами японской культуры, а не наличием в них маркированной лексики. В Японии не принято говорить о своих чувствах напрямую, поэтому влюбленные чаще пользуются 14 февраля, даря в этот день, чаще всего, шоколад как символ признания в любви. Японцы ещё в VII веке пришли к выводу о том, что метафорическое выражение чувств является приемлемым, об этом далее в тексте. В итоге, именно метафора стала ведущим средством выражения чувств к любимому человеку. В японских песнях редко можно найти прямое признание «я тебя люблю» или «ты мне нравишься». Даже песня «Yūika» *‘причина моей симпатии к тебе’*, являясь современной, не имеет этого выражения, хотя она уже значительно более откровенная в выражении чувств. Традиция признания, выражения чувств через метафоры наблюдается ещё в поэтическом памятнике Японии «Манъёсю». Так, песня 390 рассказывает о чувствах принцессы Ки, которая о чувстве одиночества говорит через природу: «Ведь даже утки...не спят одни» [6, с. 210]. Цветы имеют особое значение в японской культуре. Существует словарь значений японских цветов – «ханакотоба» (хана – *‘цветок’* – символ жизни и любви). Язык ханакотоба используется не только во флористике, но активно в современной японской поп-культуре: аниме, манга, фильмы, костюмы и музыка. Песня Тору Китаджимы «Flower» отсылает к ханакотоба, однако тут нет указания на какой-либо конкретный цветок, да и сама песня называется не «хана» (*‘цветок’*), тем не менее значение цветка проясняется по ходу текста песни, а английское название песни – попытка самого автора песни уйти от конкретики, о чём он не раз говорил на встречах на японском радио. Сам текст песни напоминает песни из «Манъёсю», где возлюбленная сравнивается с различными цветами (таким сравнениям посвящена целая глава в первом томе «Манъёсю» [6, с. 503]). Песня Тору Китаджимы реализована как более развёрнутая версия. Лирический герой песни «Flower» мечтает о «цветном мире», но сейчас он «работает в монохромном (одноцветном) режиме». Лирический герой хочет достичь «цветного мира», но не может, однако «она» помогает ему это сделать: «с твоим приходом шестерни моего мира зашевелились, а затем весь мир обрёл цвет». Лирический герой сомневается, что это навсегда, потому он называет свой новый (цветной) внутренний мир «иллюзией», однако в конце он восклицает: «Я не хочу, чтобы этот сон заканчивался!». В песне также встречается эпитет «пластиковый»: «цветок, похожий на

пластик», «пластиковый сон» – все эти эпитеты создают контекст чего-то ложного, поддельного.

Таким образом, тексты современных японских песен о любви раскрывают эту тему как с точки зрения возможности употребления отдельных слов, так и в рамках метафорического выражения чувств. В отдельных случаях есть типологические связи с песнями из стихотворного памятника «Манъёсю».

Литература

1. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку / предисл. С. Бархударова; Акад. наук СССР, Отделение литературы и языка. – Москва : Учпедгиз, 1959. – 492 с.
2. Гумбольдт Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт; Пер. с нем. яз. под ред. и с предисл. Г.В. Рамишвили. – Москва : Прогресс, 2000. – 396 с.
3. Гумбольдт Вильгельм фон. О различии строения человеческих языков и влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт; Пер. с нем. под ред., с предисл. [с. 5–33, и примеч.] Г.В. Рамишвили. – Москва : Прогресс, 1984. – 397 с.
4. Дэвис, Хэдленд. Мифы и легенды Японии / пер. Р.О. Грищенкова. – СПб.: СЗКЭО, 2021. – 560 с.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студ. высших учебных заведений. – Москва : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
6. Манъёсю ("Собрание мириад листьев"): [антология]: в 3-х томах / пер. с япон., вступ. ст. и коммент. А.Е. Глускиной; [отв. ред. Н.И. Конрад]; Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения. – Москва : Гл. ред. вост. лит., 1971–1972. – Т. 1. – 1972. – 454 с.
7. Мойнич Д. Sayounara: «до свидания!» по-японски // Онлайн-школа японского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://nihon-go.ru/sayounara-do-svidaniya-po-yaponski/>. – (дата обращения: 29.11.2022).

Vasiltsov D.G.

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

The theme of love in the texts of modern japanese songs: linguistic and cultural analysis

The work was carried out under the supervision of Natalia Burmakina, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences. The paper analyzes the texts of modern Japanese songs for the disclosure of the theme of love from the standpoint of linguoculturology. A parallel is drawn between the texts of modern songs and the lyrics of the song of the poetic monument of Ancient Japan "Manyoshu". The basis of the work is the linguistic and cultural commentary of texts, as well as thematic analysis.

Keywords: linguoculturology, linguoculturological analysis, linguoculturological commentary, thematic analysis, "Manyoshu".

Вахтина Алина Алексеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
alinavahtina@yandex.ru

Сравнительно-типологический анализ переводов сонетов У. Шекспира-русскими поэтами XX века

Работа выполнена под руководством кандидата филологических наук, доцента, заведующей кафедрой мировой литературы, Петриной Елены Капитоновны.

В статье рассматриваются сонеты Уильяма Шекспира в интерпретации С.Я. Маршака, Н.С. Гумилева, В.Я. Брюсова и Б.Л. Пастернака с целью выявления отличительных особенностей переводов каждого автора определяется роль мировосприятия писателей в расширении возможностей нового осмысления образов, обусловленная идейно-эстетическими принципами литературных течений начала XX века, психологией и эстетическими принципами поэтов-переводчиков.

Ключевые слова: поэтика, Шекспир, сонет, перевод.

Сонеты Уильяма Шекспира – поистине новаторские лирические произведения. Их необычность проявляется и в форме (3 катрена и двистишие), и в тематике (в центре – дружба, а не любовь), и в главном женском образе (смуглая девушка-брюнетка).

Безусловно, наследие Уильяма Шекспира всегда было в центре внимания, ввиду чего с начала 19 века популярность сонетов в Европе неуклонно растёт. Именно в это время появляются первые русские переводы. Известные переводчики – М. Чайковский, С. Маршак, А. Финкель, С. Степанов, А. Кузнецов. Также часть сонетов была интерпретирована поэтами Серебряного века – Б. Пастернаком, Н. Гумилевым, В. Брюсовым.

В данной статье будут рассмотрены 5 сонетов в переводах С. Маршака, Н. Гумилева, В. Брюсова и Б. Пастернака. Цель исследования – провести сравнительно-типологический анализ русских переводов сонетов У. Шекспира, выявить характер лексическо-стилистических трансформаций в зависимости от философских, эстетических и нравственно-этических воззрений автора, воплощенных в каждой конкретной трактовке образа.

Начнем с сонета № 17 в переводах С.Я. Маршака и Н.С. Гумилева:

Самуил Яковлевич Маршак – советский поэт, один из главных переводчиков сонетов Уильяма Шекспира.

Николай Степанович Гумилев – поэт Серебряного века, представитель акмеизма.

Николай Гумилев перевел сонет № 17. Тем не менее, для акмеиста личность Шекспира была «безупречной», центральной: «Шекспир показал нам внутренний мир человека» [2, с. 3].

Дата перевода сонета № 17 Гумилевым и Маршаком неизвестна. В первую очередь, стоит отметить одно из главнейших морфологических отличий в интерпретациях Маршака и Гумилева – это адресат обращения. В оригинале Шекспир, рисуя образ героя, использует слово «You»: «You should live twice...» [5, с. 40], в то время как у Самуила Яковлевича – обращение к мужчине, так как глагол стоит в мужском роде: «Ты жил бы в нем...» [10, с. 19]. Гумилев же уподобился кумиру – также сложно понять, какого пола адресат, так как акмеист использует глагол во множественном числе: «Вы жили б дважды — и в стихах, и в нем...» [3, с. 84].

Тем не менее, оба переводчика сохраняют тему сонета – необходимость женитьбы для продолжения красоты лирического героя в ребенке, остается антитеза быстротечности времени и бренности красоты.

Основное отличие – лексико-стилистические трансформации: язык Маршака прост и ясен, Гумилева – сложен и необычен. Соединив эти переводы, их характерные черты, получаем стиль самого Шекспира. Тем не менее, Николай Семенович оставался верен акмеизму: в переводе нет «туманного» языка символистов, сохраняются точные значения слов, понятные образы. Однако хочется отметить, что Гумилев, в отличие от Маршака, употребляет устаревшие слова, например: «взоров свет», «лик» [3, с. 84], в то время как советский поэт предпочитает перевести «eyes» как «твой портрет», а «faces» как лицо [10, с. 19].

Таким образом, главные отличия между интерпретациями Гумилева и Маршака заключаются в выборе лица адресата, в языковой оценочности, выборе пластов лексики. Общей остается тема сонета.

Далее обратимся к сонетам № 55 и № 73 в переводах С.Я. Маршака и В.Я. Брюсова:

Валерий Яковлевич Брюсов – яркий представитель Серебряного века, один из основателей русского символизма. Первое отличие переводов Маршака и Брюсова, как и в примере с Гумилевым, – это простота и сложность языка.

Характерное для творчества Брюсова описание человека как повелителя, которому всё подвластно, прослеживается в сонете № 55: «Тебе дивиться будут поколения, / Являясь в мир, до Страшного суда» / «Не в грязном камне, выщербленном влагой, / Блистать ты

будешь, но в рассказе строф.» [1, с. 132]. Маршак, в силу простоты языка, переводит те же самые строки без «символической» возвышенности: «Тебе с потомством дальним суждено, / Мир износив, увидеть день суда.» / «В которых я твой образ сохранил. / К ним не пристанет пыль и грязь веков.» [10, с. 57] (в этом примере, в том числе, по-другому построено предложение – у символиста это одно предложение с причастным оборотом, в то время как у советского поэта – два простых. Ввиду разных синтаксических конструкций, употребленных авторами, придан разный смысл). В оригинале: «Even in the eyes of all posterity / That wear this world out to the ending doom» / «But you shall shine more bright in these contnts / Than unswept stone, besmeared with sluttish time» [5, с. 116].

Существенное отличие – это интерес Брюсова к религии и мифологии: «Ни Марса меч...» / «Являясь в мир, до Страшного суда» [1, с. 132]. В то же время, у Маршака нет ни одного упоминания чего-то божественного ввиду цензуры: «Бегущие столетья не сотрут» / «Мир износив, увидеть день суда» [10, с. 57]. В оригинале эти строки звучат так: «Nor Mars his sword nor war's quick fire shall burn» / «That wear this world out to the ending doom» [5, с. 116].

Брюсов стремился не столько воспроизвести текст подлинника, сколько сделать его ясным и правильным для русской традиции. В связи с этим стоит сопоставить переводы второго катрена: «Война низвергнет статуи, и зданий / Твердыни рухнут меж народных смут, / Но об тебе живых воспоминаний / Ни Марса меч, ни пламя не сотрут» [1, с. 132] и «Пусть опрокинет статуи война, / Мятеж развеет каменщиков труд, / Но врезанные в память письма / Бегущие столетья не сотрут» [10, с. 57]. Здесь обнаруживается влияние политических ситуаций и эмоциональное состояние поэта-переводчика. Так, в сонете Брюсова обнаруживаются фразы «народных смут», так как Брюсов жил в революционный период нашей страны. Маршак, живущий в период индустриализации, когда форсированно наращивался промышленный потенциал советского государства, прерванный Великой Отечественной войной, использует «мятеж», «каменщиков труд». Изменен также общий смысл высказывания – у Брюсова ведущая сила – народ, у Маршака – мятеж.

В сонете № 73 сохраняется брюсовский мистицизм посредством интересного сравнения и экспрессии: «Ночь темная, к покою всех клоня / (Двойник твой, Смерть!), его влечет куда-то!» [1, с. 132], в то время как Маршак не акцентирует на этом внимание: «И купол неба, отнятый у нас, / Подобьем смерти - сумраком объят» [10, с. 75]. Оригинал: «Which by and by black night doth take away, / Death's second self, that

seals up all in rest.» (можно заметить, что у Шекспира также отсутствуют и оценки, и эмоции) [5, с. 152].

Ввиду настроения лирического героя, у поэта-символиста конец более трагичен, нежели в советском переводе: «И потому, что день, ты любишь строже, / Спеша любить то, что почти прошло!» [1, с. 132] / «Ты видишь все. Но близостью конца / Теснее наши связаны сердца!» [10, с. 75]. Завершение сонета у Брюсова подобно темному тоннелю отчаяния, где тяжело жить, так как вечно думаешь о смерти, Маршак же остается оптимистичным. Оригинал: «This thou perceiv'st, which makes thy love more strong, / To love that well which thou must leave ere long» [5, с. 152].

Таким образом, главные отличия между интерпретациями Брюсова и Маршака заключаются в оценке человека в системе мира, отношении к религии, мистицизму и мифологии, к социально-политическим событиям, в эмоциональном настрое.

Завершим исследование анализом сонетов № 66 и № 74 в переводах С.Я. Маршака и Б.Л. Пастернака.

Борис Леонидович Пастернак – яркий представитель Серебряного века, испытавший на себе влияние нескольких литературных течений.

Стоит отметить, что перевод Пастернака был создан под впечатлением от прочтения «Антологии английской поэзии» С.Я. Маршака. Поэтому интерпретации сонета № 66 могут быть в чем-то схожи.

Первое существенное отличие в переводе 66 сонета – это употребление Пастернаком разговорной лексики: «И доверять, и попадать впросак...» [5, с. 138], в то время как Маршак следует нормам литературного языка: «Ничтожество в роскошном одеянье» [10, с. 68]. Оригинал: «And purest faith unhappily forsworn» [5, с. 136]. Тема дружбы – один из центральных вопросов в сонетах Уильяма Шекспира – интерпретирована поэтами-переводчиками с особым драматизмом. Этому способствует анафора с союзом «и»: «И совершенству ложный приговор, / И девственность, поруганную грубо...» [10, с. 68] / И наблюдать, как наглость лезет в свет, / И честь девичья катится ко дну» [5, с. 138]. Тем не менее, в классическом переводе тема воспринимается более драматично, так как следом за повторяющейся служебной частью речи идет конструкция из дополнения и определения, в другом переводе автор не употребляет её. Оригинал: «And gilded honour shamefully misplaced, / And maiden virtue rudely strumpeted» [5, с. 136].

Пастернак сумел передать интонацию, последовательность строк оригинала: «Измучась всем, я умереть хочу, / Тоска смотреть, как мается бедняк» [5, с. 138] / «Tired with all these, for restful death I cry: / As to behold desert a beggar born» [5, с. 136]. Маршак же меняет построение этого предложения, при этом сохраняя шекспировский стиль: «Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж / Достоинство, что просит подаянья» [10, с. 68]. В 74 сонете Пастернаком вновь употреблены неологизмы: «То, что отнять бы мог головорез» в сочетании с историзмом: «Но успокойся. В дни, когда в острог...» [5, с. 158]. Маршак не использует слова этих пластов лексики: «То, что похитить мог бродяга встречный» / «Когда меня отправят под арест» [10, с. 76]. Оригинал: «Too base of thee to be remembered» / «Too base of thee to be remembered» [5, с. 156]. В то же время, Пастернак переводит конец сонета проще, в отличие от Маршака, который использует скрытое сравнение: «А ценно было только то одно, / Что и теперь тебе посвящено» [5, с. 158] / «Ей - черепки разбитого ковша, / Тебе - мое вино, моя душа!» [10, с. 76]. Метафора заключается в следующем: лирический герой не боится смерти, отдавая все лучшее лирической героине, а кончине – «черепки». Оригинал: «The worth of that is that which it contains, / And that is this, and this with thee remains» [5, с. 156].

Таким образом, главные отличия между интерпретациями Пастернака и Маршака заключаются в употреблении различных пластов лексики, различия средств выразительности и различное восприятие настроения оригинального текста.

В заключение необходимо отметить, что русские переводы сонетов Шекспира сохраняют идейно-тематическую основу произведений: гуманистический интерес к личности, этический пафос, философские размышления о жизни, глубокие и сложные переживания лирического героя о торжествующем зле, его желание противопоставить несправедливости мира вечные ценности — дружбу, любовь, искусство. Однако чтобы вызвать у читателя тот же эффект эмоционального восприятия текста, в переводах приходится прибегать к иным языковым средствам, к лексико-стилистическим трансформациям, которые обусловлены идейно-эстетическими взглядами, культурными, психологическими характеристиками поэта-переводчика.

Литература

1. Брюсов В. Сонет XLI Шекспира. К 300-летию со дня рождения Шекспира. — Летопись (Пг.) — 1916. — № 4. — стр. 132.

2. Гумилев Н.С. Наследие символизма и акмеизм // Письма о русской поэзии. — Москва : Современник, 1990.
3. Гумилев Н. С. Переводы. СПб. : Вита Нова, 2019. — 688 с.
4. Детская литература: ежемесячный литературно-критический и библиографический журнал ЦК ВЛКСМ. — Москва : Молодая гвардия, — 1932–1941.
5. Её глаза на звёзды не похожи : сонеты / Уильям Шекспир ; [перевод с английского С. Маршака, Б. Пастернака, Н. Гербеля]. — Москва: Эксмо, 2022. — 336 с. — (Золотая коллекция поэзии).
6. Колобаева Л.А. Русский символизм. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. — 296 с.
7. Лекманов О.А, Книга об акмеизме и другие работы. — Томск: Издательство «Водолей», 2000. — 704 с.
8. Разова В.Д. С.Я. Маршак: Семинарий / М-во культуры РСФСР. Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н.К. Крупской. — Ленинград : Б. и., 1970. — 120 с.
9. Русский футуризм: Стихи. Статьи. Воспоминания / Сост. В. Н. Терёхина, А. П. Зименков. — СПб.: ООО «Полиграф», 2009. — 832 с.
10. Сонеты. Пер. с англ. С.Я. Маршака. Ил. Ч. Робинсона. — М.: Мартин, 2019. — 160 с.. ил. — (Малая избранная иллюстрированная классика: Шекспир).

Vakhtina A.A.

Pushkin State Russian Language Institute

Comparative-typological analysis of translations of W. Shakespeare's sonnets by Russian poets of the twentieth century

This article examines William Shakespeare's sonnets interpreted by S.Ya. Marshak, N.S. Gumilev, V.Ya. Bryusov and B.L. Pasternak in order to identify the distinctive features of each author's translations, the role of writers' worldview in expanding the possibilities of a new understanding of images is determined, due to the ideological and aesthetic principles of literary movements of the early twentieth century, psychology and aesthetic principles of poets- translators.

Keywords: poetics, Shakespeare, sonnet, translation.

Гадаборшева Раяна Рустамовна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
Reya.lis@mail.ru

Этнокультурная символика китайского народа мяо в поэтике фэнтезийной новеллы Мосян Тунсю «Благословение Небожителей»

Работа выполнена под руководством Петровны Елены Капитоновны, кандидата филологических наук, доцента Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

В статье рассматривается образ одного из главных героев сетевой новеллы Мосян Тунсю «Благословение небожителей», выявляются культурные и религиозные особенности различных народов Китая, частично определяющие облик, мировоззрение и поведение Хуа Чэна в сюжете произведения.

Ключевые слова: сетевая литература Китая, этнокультурная символика народов мяо, Мосян Тунсю, современные новеллы в жанре фэнтези.

Китайские сетевые романы – это современный феномен литературы, распространившийся далеко за пределы одной страны. С возникновением онлайн-платформ для публикации книг начинающие авторы получили возможность находить своих читателей уже в процессе написания или редакции текста произведения. Однако наибольшую распространённость подобный вид существования литературы получил именно в Китае. Современные писатели, приобретя известность в сети, позже печатают тексты в изданиях, а их работы переводятся на многие языки мира и даже экранизируются. Стоит отметить, что, несмотря на преобладание развлекательного характера сетевой литературы, в этом направлении можно выделить ряд авторов, чей стиль написания работ вызывает интерес у исследователей феномена «сетературы». Так, среди поколения молодых талантов ярко выделяется автор популярных в настоящее время фэнтезийных новелл в жанре даньмэй – Мосян Тунсю.

Одна из последних работ современной писательницы – это текст «Благословение небожителей». Его публикация в 2017 году была успешна: новелла сразу приобрела известность. Сейчас на основе её оригинального сюжета выпускается анимационный сериал, маньхуа, и идут съёмки киноадаптаций.

Жанр сянься, в котором написано произведение, был создан под влиянием китайского фольклора и мифологии, идей даосизма, китайских боевых искусств и традиционной медицины. В фэнтези-мире присутствует магия, бессмертные, боги, духи и демоны, т.е. традиционные персонажи китайской литературы, тесно переплетающиеся с авторским вымыслом. В послесловии к новелле Мосян Тунсю говорила о том, что во время создания сюжета и образов главных героев на неё оказали влияние путешествия. Именно в них, знакомясь с необычными сторонами Китая, молодая писательница нашла вдохновение в народных сказаниях и местных легендах и убедилась в собственном стремлении сочинить историю о любви между божеством и его последователем.

Сюжет «Благословения небожителей» описывает события, произошедшие после третьего вознесения Наследного принца государства Сяньлэ, Се Ляня, его прошлое, и судьбу других Божеств Небесной столицы и Непревзойдённых демонов с горы Тунлу. Бывший Бог Войны, получивший титулы Мусорного Божества, духа поветрия и неудачи в народе, встречается с незнакомцем по имени Саньлан и уже вместе с ним приступает к расследованию происшествий в трёх мирах художественной вселенной. Вторым главным героем новеллы и является тот самый спутник Се Ляня, Хуа Чэн – Непревзойденный Князь Демонов и градоначальник Призрачного города, а также впоследствии самый преданный верующий Наследного принца.

Образ Хуа Чэна был продуман первым. Как автор Мосян Тунсю зовёт персонажа «послушным ребёнком», поладить с которым ей было бы легко и приятно. По задумке писательницы, отцом второго главного героя должен был быть уроженец государства Сяньлэ, больше похожий на представителей культуры хань, так называемых «этнических китайцев», мать же являлась бы прекрасной, но дикой чужеземкой. Такое происхождение должно было придать Хуа Чэну особое очарование, выделить его среди остальных, поэтому для написания этого героя и всей новеллы в целом Мосян Тунсю изучила объёмную информацию о народах Китая. За время странствий она сумела развить образ Саньлана, смешав в нём черты представителей различных культур.

Помимо этнических китайцев хань, в Китае проживает около 56 других народностей. Одними из самых колоритных считаются мяо. Эта группа представлена четырьмя народами – собственно мяо и яо, а также наиболее близкими к ним по языку шэ и гэлао (цилао). Народы группы мяо-яо расселены во всех провинциях Юго-Западного и Южного Китая и в целом насчитывают около 3,5 миллионов человек.

При внимательном прочтении новеллы можно выделить около пяти основных символических черт в характере, предыстории или же внешности второго главного героя, позволяющих сделать вывод о влиянии на его образ культуры народов мяо-яо:

1. «Его красные одежды могли соперничать в яркости даже с листьями клёна...» [6] – в «Благословении небожителей», Мосян Тунсю не раз подчёркивает, что красные одеяния являются отличительной чертой Хуа Чэна. Будучи Непревзойдённым духом, он имеет возможность менять свой облик, поэтому, полагаясь на сюжет новеллы, никто во всех трёх мирах не знает истинного лица Князя демонов. В первую очередь, символическое описание одеяний Хуа Чэна отсылает к особому разделению представителей народа мяо на племенные группы по цвету женских юбок. Красный цвет является одним из предпочитаемых в китайской культуре, однако среди

различных представителей народа мяо можно выделить целое племя хун-мяо, для которых данный цвет в одежде является основным не только в праздничные дни или во время свадебной церемонии, а на протяжении всей жизни. Также особое значение данный цвет имеет в сюжете новеллы и по той причине, что «Хун» (紅) – в переводе с китайского означает «красный» – является неофициальным именем Хуа Чэна.

2. Серебряные бабочки являются особым символом у народов мяо. Большинство хмонгов по своим религиозным взглядам являются анимистами и тотемистами. Бабочки же в культуре данного народа символизируют связь божественного и человеческого, продолжение рода и любые благостные эмоции. Также, стоит отметить, что на протяжении долгого периода истории хмонгов, бабочка являлась символом женской власти, однако со временем тотем утратил смысл и стал чисто декоративным элементом.

Обращаясь к китайскому фольклору, можно найти иное символическое значение бабочки, известное многим народам этой восточной страны. «Влюблённые бабочки» – одна из самых известных романтических сказок в Китае. Это история о любви между прекрасной дочерью благородного дома Чжу Иньтай и книжником из Куайцзи Лян Шаньбо. Согласно преданиям, девушка была девятым ребенком и единственной дочерью в семье Чжу. В ту пору в Китае женщины ещё не могли получать образование, однако благородная и всегда тянувшаяся к знаниям Чжу Иньтай сумела уговорить отца отправить её учиться. Так, юная госпожа, переодевшись в мужчину, отправилась в школу для юных господ, где она и встретила Лян Шаньбо. Молодые ученики быстро сблизились и стали духовными братьями, но со временем, у Чжу Иньтай возникли романтические чувства к юноше, что не знал её секрет. Не желая скрывать своей любви, но и не имея возможности рассказать правду, девушка попыталась намекнуть возлюбленному на то, кем на самом деле она является. Тем не менее, вплоть до самого отъезда Чжу Иньтай домой к отцу, Лян Шаньбо так и не сумел распознать её чувств. Когда же молодой человек узнал всю правду, то сразу направился вслед за любимой, намереваясь сделать ей предложение. Однако в доме семьи Чжу уже вовсю шла подготовка к свадьбе единственной дочери с женихом, выбранным её отцом. Узнав об этом, Лян Шаньбо тяжело заболевает от горя и умирает. В день свадьбы Ма Вэньцзя, избранника семьи, и Чжу Иньтай волшебный вихрь не позволяет свадебной процессии проводить невесту мимо могилы Ляна, лежащей на пути свадебного паланкина, и девушка останавливается у надгробной плиты возлюбленного, горько плача. Внезапно

гремит гром, могила открывается, и Чжу без промедления прыгает в неё, чтобы соединиться с возлюбленным. Родители девушки не успевают ничего сделать, как из могилы уже вылетают две кружащие вместе в танце бабочки. Это души молодых возлюбленных, воссоединившиеся после смерти, наконец находят своё счастье и улетают прочь. Таким образом, в культуре всех китайских народов бабочка является символом человеческой души, преданности и любви. Обращаясь к сюжету текста Мосян Тунсю, стоит обратить внимание на сцену первой встречи главных героев спустя 800 лет разлуки. Одним из первых поручений Се Ляня на небесах становится поимка таинственного призрачного жениха, похитившего вот уже 11 невест за сотню лет. Не желая рисковать жизнями смертных девушек, Наследный принц сам переодевается в женские церемониальные одеяния и садится в паланкин. Однако, добравшись до места в лесу, где обычно и пропадали молодые невесты, Се Лянь сталкивается не с настоящим призрачным женихом, а с другим незнакомцем в красных одеждах, что помогает ему выбраться из свадебного паланкина и ведёт за собой в неизвестном направлении. Пройдя некоторое расстояние, держась за руки, Небожитель решается атаковать неизвестного юношу, но тот внезапно растворяется в воздухе, рассыпаясь стайей серебряных призрачных бабочек. Так, можно провести параллель между знаменитой китайской народной сказкой и главой новеллы Мосян Тунсю. Хуа Чэн – это также переродившаяся душа юноши, погибшего на войне за государство Наследного принца. Более того, именно любовь и преданность к Се Ляню стали причиной, по которой душа Саньлана не захотела покинуть земной мир и обрела демоническую форму, став вечным последователем принца в его бессмертной жизни. Таким образом, можно сказать, что автор новеллы использовала традиционные фольклорные образы и сюжет, чтобы красочнее и символичнее описать историю любви Се Ляня и Хуа Чэна.

Возвращаясь к внешнему облику второго главного героя «Благословение небожителей», стоит отметить ещё одну особенность: большое количество серебряных украшений на Хуа Чэне. При уже упомянутой первой встрече в лесу на призрачной свадьбе Се Лянь заметил на руках незнакомца алые серебряные наручи: «Наручи поражали своим великолепием и узорами в духе старины, на них были выгравированы листья клена, бабочки, оскаленные пасти диких зверей. Все это оставляло определенное мистическое ощущение и понимание, что наручи не похожи на предмет ремесла мастеров центральной равнины. Скорее, они напоминали древнее наследие иных народов» [6]. Также ещё в первую встречу Наследный принц отметил «чистый лёгкий

звон» [6], сопровождавший каждый шаг незнакомца. Позднее в новелле раскрывается, что необычный звук издавали тонкие серебряные цепочки на сапогах Хуа Чэна. В целом, на протяжении всей новеллы не раз упоминалась любовь Князя демонов к украшению себя серебряными изделиями, что даже стало известным предметом шуток среди читателей.

Известно, что в культуре всех племён народа мяо существует настоящий культ серебра. У хмонгов, как и у многих народов мира, оно символизирует чистый свет, благосостояние и здоровье. По работе с этим металлом мяо, можно сказать, достигли совершенства, их изделия всегда отличает искусная ювелирная работа: встречаются тончайшие плетения и резьба, изображающие национальную символику, широкие серебряные пояса, массивные нагрудники, множество колец, огромные короны или же серебряные рога, украшенные перьями, колокольчиками. Также, согласно верованиям народа мяо, серебро отгоняет злую силу. Сейчас же наибольшее значение серебряные украшения имеют как символ благосостояния семьи невесты, когда она выходит замуж. Поэтому множество украшений на представительнице какого-либо из племён и её избраннике можно увидеть на церемонии бракосочетания. Так, мы можем отметить не только влияние подобной национальной особенности хмонгов на созданный под влиянием их культуры внешний облик второго главного героя новеллы Мосян Тунсю, но и отражение этнокультурной символики китайских народов в конкретных эпизодах развития сюжета «Благословения небожителей».

Обращаясь к тексту новеллы, помимо описания внешности Хуа Чэна и перечисления его титулов, мы можем найти такую характеристику второго главного героя, как «пёс». Так, младший брат Се Ляня, Ци Жун или Лазурный демон, не раз называет Непревзойдённого Князя демонов «паршивым псом» [1], а к своему Наследному брату он обращается никак иначе, как «вылюбленный псом Се Лянь» [1]. Несмотря на вложенный в эти слова оскорбительный смысл, они также имеют под собой интересную культурно-историческую основу.

Помимо языкового родства различные группы народа мяо-яо объединяет и общий легендарный предок – пятицветная собака Паньху. Согласно легенде в стародавние времена, когда в Поднебесной шла война с мятежниками, император созвал своих полководцев и объявил, что отдаст наследную принцессу в жёны тому, кто принесёт ему голову вражеского предводителя «на блюде». В тот же день из дворца сбежал верный пёс императорской четы, отличавшийся от других собак тем, что шерсть его была пяти разных цветов. Это был Паньху. Некоторое время спустя

чудесный пёс всё же вернулся во дворец, держа в зубах отрубленную голову предводителя захватчиков. Приближённые императора были в изумлении, однако же благородному правителю пришлось сдержать данное обещание. Принцесса смирилась с волей отца и отправилась под венец с чудесной собакой. Паньху посадил девушку к себе на спину и умчал её в Южные горы. От этого брака и появились разноцветные племена народа мяо-яо, исповедовавшие тотемизм и анимизм. В знак уважения к своему мифическому прародителю все группы хмонгов и по сей день не едят собачье мясо, а самих животных почитают, как священных. Проводя же параллель между всеми перечисленными сходствами Хуа Чена с представителями народа мяо-яо, можно сделать вывод, что особое обращение младшего брата Се Ляня, Ци Жуна также не является простым совпадением. Оба брата по сюжету новеллы Мосян Тунсю относятся к императорской чете когда-то великого и процветающего государства Сяньлэ, а собака Паньху – это один из главных легендарных предков народов Китая. Выходит, что в данном обращении Лазурного демона к Хуа Чэну, писательница вновь отсылает читателя к культуре народа мяо-яо, умело вкладывая этнокультурную символику не только в образы и истории главных и второстепенных героев новеллы, но и в их речь.

Также при анализе всех ранее перечисленных культурных и религиозных особенностей различных народов Китая можно сделать вывод и об отношениях в семье Хуа Чэна. В сюжете новеллы истории детства маленького ХунХун-эра уделяется не так много времени, однако автор замечательно передаёт трепетное отношение второго главного героя к матери. Хотя, по словам Мосян Тунсю, на Хуа Чэн по большей степени повлияла культура вымышленного государства Сяньлэ, прототипом народа которого послужили этнические китайцы хань. Во взрослом внешнем облике второго главного героя читатели могут заметить отпечаток национальной культуры матери, потому что красные одеяния, серебряные украшения, призрачные бабочки – это этнокультурные символы племён мяо-яо. Более того, о том, что данные особенности Хуа Чэн перенял именно через призму материнского воспитания, говорит и то, что все эти этнокультурные символы традиционно приписываются женщинам этого народа.

Таким образом, были рассмотрены основные этнокультурные особенности различных групп народа мяо-яо в образе одного из главных героев китайской сетевой новеллы Мосян Тунсю «Благословение небожителей» и был проведен краткий анализ влияния этих национальных особенностей на характер, внешний облик и поведение Хуа Чэна в сюжете произведения. Стоит принять во внимание то, что сама писательница в послесловии к работе настойчиво просила читателей не причислять её

второго главного героя ни к одной конкретной этнической группе, так как, согласно первоначальному замыслу автора, в нём смешались культуры разных народов.

Литература

1. Мартынова Н.В., Слипецкая Д.Р. Исследование орнаментальных символов образа бабочки в традиционной культуре народов мира. // The scientific heritage. – 2021. – № 58. – с. 9–14.
2. Мосян Тунсю. Благословение небожителей / пер. с китайского Тебидзе Дариа, Чжан Анна. – Москва : Издательство Комильфо, 2022. – Т. 1. – 356 с.
3. Ян Чжэнвэнь. Культура костюмов Мяо. – Издательский дом Гуйчжоу. – 1998.
4. Ольдерогге Д.А. Страны и народы Востока. – Москва : Издательство Наука. – Т. 4. – 1979. – с. 220–228.
5. Ранобэ «Благословение небожителей» (Tian Guan Ci Fu) / YouNet Translate. URL: <https://ranobehub.org/ranobe/1143/1/0>.

Gadaborsheva Rayana Rustamovna

Pushkin State Russian Language Institute

Ethnocultural symbolism of the Chinese Miao people in the poetics of the fantasy novel "Blessing of the Celestials" by Moxiang Tongxiu

The article examines the image of one of the main characters of the network novel "Heaven Official's Blessing" by Mo Xiang Tong Xiu, reveals the cultural and religious characteristics of various nations of China, partially determining the appearance, worldview and behavior of Hua Chen in the plot of the story.

Keywords: network literature of China, ethnocultural symbolism of the Miao nation, Mo Xiang Tong Xiu, modern novels in the fantasy genre.

Гопта Виктор

Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина
viktorhopta1997@gmail.com

Фразеологические единицы, выражающие положительные эмоции и чувства человека, в русском, словацком и английском языках

Работа выполнена под руководством Никитиной Надежды Евгеньевны,
кандидата филологических наук, доцента.

В статье рассматриваются языковые особенности выражения положительных эмоций и чувств человека в русской, словацкой и английской лингвокультурах на примере фразеологических единиц. Автор приходит к выводу, что во всех трёх языках наблюдается сходство выражения положительных чувств и эмоций, однако в родственных языках (русском и словацком) идиомы практически совпадают, тогда как в неродственных (русском и английском) чаще используются смысловые эквиваленты.

Ключевые слова: эмоция, фразеологизм, фразеология, экспрессивность, чувство.

Одной из форм отражения, познания и оценки действительности является эмоциональная сфера человека. Эмоции (франц. *émotion*, от лат. *emoveo* – ‘потрясаю, волную’) – это субъективная реакция человека и животных на воздействия внутренних и внешних раздражителей, проявляющихся в виде удовольствия или неудовольствия, радости, страха и т.д. [2]. С точки зрения психологии к эмоциям относятся настроения, чувства, аффекты, страсти и стрессы.

На языковом уровне эмоции получают лингвистическое выражение через эмотивную лексику и фразеологические единицы со значением эмоций. И. В. Арнольд замечает, что «язык как особого рода инстинкт тесно связан с эмоциями человека, которые тоже являются биологическими инстинктами» [1, с. 13]. Самым многочисленным классом языковых единиц, способным, в силу наиболее экспрессивной и богатой гаммы образов, чётко и ясно передавать различные эмоции человека, являются фразеологические единицы.

Фразеология любого языка обладает огромным потенциалом, так как способы выражения эмоций всегда обладают национальной спецификой. Каждый язык накладывает собственную классификацию на эмоциональный опыт человека, что позволяет называть эмоции «таксоном культуры» [3, с. 292].

Фразеологические единицы, выражающие эмоции и чувства с положительной коннотацией, можно разделить на несколько групп:

1. Восхищение. Восторг. Радость. Счастье;
2. Увлечение. Влюблённость. Обожание. Любовь;
3. Удивление. Изумление.

Первая группа фразеологических единиц со значением «Восторг. Радость. Счастье» реализуется во фразеологизмах через противопоставление верх/низ: *быть на седьмом небе (от счастья), воспрянуть духом, возносить до небес, парить над землёй* и т.д. Причём чувству счастья, радости соответствует именно верхняя сфера бытия, а все фразеологизмы, имеющие отрицательную коннотацию (печаль, отчаянье), выражают это значение через перемещение вниз: *быть на седьмом небе (от счастья) – падать духом, руки опускаются*. Вероятно, такая закономерность связана с тем, что небеса – это место, где обитает Бог, находится рай, обещающий достаток и спокойствие.

Это же противопоставление сохраняется и в словацком языке. Перевод фразеологизмов оказывается дословным: *быть на седьмом небе* – (*byť, cítiť sa*) <*ako*>

v siedmott nebi, возносить (превозносить) до небес кого-л. – vypášať do neba niekoho, воспрянуть духом – vschoriť sa duchom.

В английском языке тоже присутствует противопоставление верх/низ, однако, если в русском и словацком языках это буквально дословный перевод фразеологизма, то в английском языке так происходит не всегда. Фразеологизм *be in seventh heaven* (досл. ‘в седьмом небесном своде’) соответствует русскому *на седьмом небе от счастья*. В фразеологических единицах *to be on cloud nine* (‘быть на девятом облаке’), *to be over the moon* (досл.: ‘быть над луной’), *to walk on air* (‘ходить по воздуху’), *stars in one’s eyes* (‘звезды в глазах’) противопоставление верх/низ уточняется посредством названий небесных тел, которые входят в состав фразеологизма: существительные *cloud* (облако), *moon* (луна), *air* (воздух), *stars* (звёзды).

Радость и счастье человека ассоциируются также с достижением успеха, с понятиями везения и удачи. В русском языке встречаются следующие фразеологические единицы: *счастье улыбнулось, (вытянуть) счастливый билет, удача (победа) в кармане*. В английском языке этим фразеологизмам соответствуют следующие: *to be in the bag* (‘верное дело, дело в шляпе’), *a stroke of luck* (‘счастливый случай, удача’).

Ещё одним признаком испытываемой радости, бесспорно, является улыбка человека. В языке также присутствуют фразеологические единицы с этим компонентом: *помирать со смеху, валяться (кататься) со смеху, смешно до слез*. На словацком языке они звучат следующим образом: *помирать со смеху – umierať / umrieť od smiechu, валяться (кататься) со смеху – váľať sa od smiechu*. Английскими аналогами этих фразеологизмов являются: *do something for laughs* (‘сделать что-либо ради шутки, для смеха’), *be a bundle/barrel of laughs* (‘быть весёлым, смешным’).

Вторая группа фразеологических единиц со значением «Влюблённость. Обожание. Любовь» реализуется через потерю разума: *без ума, без памяти, сходить с ума*. В словацком языке есть некоторые расхождения в переводе, но они незначительны. Так, например, фразеологизм *быть от кого-либо без ума* переводится как *byť celý bez seba*, т. е. здесь значение ‘любовь, влюблённость’ передаётся не с помощью отказа от разума, а при помощи отказа от себя, от своего я. Фразеологизм *полюбить/влюбиться без памяти – šialene, bláznivo (milovať / zamilovať sa, zal’úbiť sa)* в словацком языке передаёт тот же смысл посредством отказа от разума, также как и

фразеологизм *zbláznit' sa za niekým, za niečím* (сходить/спянуть/свихнуть/свихнуться с ума).

В английском языке этот смысл передают фразеологические единицы, которые частично отвечают русским эквивалентам *to have a crush on someone* ('сходить с ума по кому-то', 'думать только об одном человеке'), *goes crazy (wild) over* ('сходить с ума из-за кого-либо'), а в других любовь связана с изменением физического состояния человека: *to have a soft spot for someone* ('иметь слабость к кому-либо'), *is mad/wild/dotty about* ('быть безумным, диким, помешанным по поводу кого-либо').

Также состояние влюблённости передаётся через потерю какого-либо органа (*отдавать сердце, открыть сердце*), части тела (*терять голову*) или её приобретение (*просить руки*). Выражение *по уши* (*влюбиться*) тоже передаёт степень чувства, однако делает это тоже посредством упоминания части тела.

В словацком языке эти идиомы переводятся так: *až po uši* – *по уши* (*влюбиться*), *strácat'/strátiť* hlavu – *терять голову*, *dávať/dat'* niekomu svoje srdce – *отдавать сердце*, *prosiť* (pýtať, žiadať) niekoho o ruku – *просить руку*, *vyznávať/vyznať* lásku niekomu или *otvárať/otvoriť* srdce (dušu) – *открыть сердце*. Последняя фразеологическая единица имеет вариант (*открыть*) *сердце* или *душу*. Однако представляется, что эти варианты отражают разное значение фразеологической единицы: *открыть сердце* – 'признаться в любви' и *открыть душу* – 'довериться'.

Английские эквиваленты этих идиом *head over heels in love with* – (досл.: 'голова над пятками в любви') – *влюбиться по уши*, *to open up one's heart to somebody* – *открыть кому-либо своё сердце*, *излить свои чувства*, *to fall in love head over heels* – *влюбиться по уши*, *to steal someone's heart* – *украсть чьё-то сердце*.

Фразеологизмы со значением «Удивление. Изумление» выражают его посредством органов тела (*уши, руки, глаза, рот, глаза*): *не верить/не поверить (своим) глазам, не верить/не поверить (своим) ушам*, а также через действия, выполняемые этими частями тела: *разводить/развести руками, разевать/раскрывать/разинуть/раскрыть рот, глаза на лоб лезут, делать/сделать большие/круглые/квадратные глаза, хлопать глазами*. Их эквиваленты в словацком языке будут следующими: *neverit'/neuverit' vlastným očiam*; *neverit'/neuverit' vlastným ušiam*; *rozhadzovať/rozhodiť rukami* или *krčiť/pokrčiť plecami*; *otvárať/otvoriť ústa, ozývať sa/ozvať sa*; *oči idú (išli) z jamiek vypadnúť* (*vyskočiť*); *vyval'ovat' oči*; <behradne> *žmurkať očami*.

В английском языке помимо идиомы *couldn't believe his eyes* то же значение имеет идиома *did a double take* ('делать двойной дубль'). Удивление, изумление выражается также при помощи идиом *was at a loss (to know what to do)*, *shrugged his shoulders* ('пожимать плечами'), *threw up (spread) his hands* ('разводит руками'), *his jaw dropped* ('челюсть упала').

Русскому фразеологизму *глаза на лоб полезли* соответствует английский *why are you blinking (at me) like that?* ('почему ты так моргаешь (на меня)?').

Ещё одна группа фразеологических единиц выражает значение 'удивление/изумление посредством уподобления человека какому-либо животному, обычно глупому: как [будто, словно, точно] баран на новые ворота, какая [что за] муха тебя укусила. В словацком языке этим фразеологизмам соответствуют (*díva sa, hl'adí, pozerá*) *ako tel'á na nové vráta*.

В английском языке нет фразеологизмов, которые уподобляют человека животному. Данным русским фразеологизмам соответствуют идиомы (*stare*) *dumbly (blankly)* ('безучастно, тупо, пристально'), (*give*) *a blank stare* ('смотрит непонимающим взглядом').

Русский фразеологизм *как/будто/словно/точно вкопанный* описывает удивление. Так же и в словацком: *stojí (stať) ako sol'ný stĺp; ako socha, ako prikovaný, ako pribitý (stát)*. В английском языке мы встречаем такую же трактовку: *stood (as if) rooted to the spot* ('стоял, как будто прирос к месту'), *froze on the spot* ('был заморожен, приклеен'). В английском языке есть также объяснение состояния удивления через смерть: *stopped dead* (досл.: 'остановился мёртвым').

В английском языке есть ещё одна идиома *was knocked (thrown) for a loop* (досл.: 'был сбит, выброшен с мертвой петли'). В русском языке этому выражению соответствует фразеологизм *выбить из колеи*.

Проанализировав полученный материал, можно сделать вывод о том, что во всех трёх языках заявленные группы смыслов выражаются одинаково. Различие заключается в том, что в родственных словацком и русском языках идиомы совпадают, наблюдается фактически дословный перевод. В русском и английском языках всё обстоит по-другому. Так как это языки разных языковых групп, дословно перевести фразеологизм невозможно, поэтому необходимо использовать смысловые эквиваленты.

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: Учебник для вузов. – Москва : Флинта: Наука. – 2005. – 266 с.
2. Леонтьев А.Н. Эмоции. // Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/bse/%D0%AD%D0%BC%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B8>. – Дата обращения: 12.02.2023.
3. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – Москва : Гнозис. – 2008. – 416 с.

Нота V.

Brest State University named after A. S. Pushkin

Phraseological units expressing positive emotions and human feelings, in Russian, Slovak and English.

The article deals with the linguistic features of the expression of positive emotions and feelings of a person in Russian, Slovak and English linguistic cultures on the example of phraseological units. The author comes to the conclusion that in all three languages there is a similarity in the expression of positive feelings and emotions, however, in related languages (Russian and Slovak), idioms practically coincide, while in unrelated languages (Russian and English), semantic equivalents are more often used.

Keywords: emotion, idiom, phraseology, expressiveness, feeling.

Гориславец Полина Игоревна
Томский государственный университет
polina.gorislavets@mail.ru

Политическое событие в метафорическом зеркале СМИ

Работа выполнена под руководством Юриной Елены Андреевны, доктора филологических наук.

Данная статья посвящена метафорической интерпретации политического события в СМИ. В политическом дискурсе метафора моделирует картину мира и формирует её у адресата. В связи с этим изучение метафоры вызывает пристальный интерес учёных в настоящее время в условиях обострения отношений между Россией и зарубежными странами в связи с присоединением Крыма и последующими за этим процессами. Целью работы является описание массмедийного освещения политического события на основе изучения метафоры как средства воздействия и механизма формирования политической картины мира. Проведен анализ репрезентации образа политического события в текстах СМИ разной идеологической направленности.

Ключевые слова: политическая метафорология, концептуальная метафора, метафорическая модель мира, политический дискурс.

Особое место в политической лингвистике занимает исследование политических метафор. В данной работе мы опираемся на определение В. П. Москвина, согласно которому метафора понимается расширительно: включает в себя эпитеты, сравнения, метонимию, синекдоху и определяется, соответствуя своему изначальному значению,

как любой перенос названия с одного объекта на другой на основе их любого их сходства [2, с. 20].

Политические метафоры обладают следующими основными функциями: когнитивная, номинативная, коммуникативная, прагматическая, инструментальная, гипотетическая, эвфемистическая, популяризаторская. При актуализации в сознании концептов особую роль играет коммуникативная и прагматическая функции метафорического обозначения денотатов. В первом случае метафора рематизирует, выводит в фокус сознания определённые стороны, признаки денотата. Во втором она способствует выражению разнообразных прагматических созначений, в том числе – оценочных [3, с. 262].

А.П. Чудинов отмечает, что политическую метафору образно называют зеркалом, в котором находят отражения национальное сознание. Выделяется три метафорических зеркала: 1) в первом представлен ментальный мир человека и общества в целом. Метафора даёт великолепный материал для изучения когнитивных «механизмов» в сознании человека и социального мировосприятия; 2) во втором происходит отражение обыденных представлений человека о понятийной сфере – источнике метафорической экспансии; 3) в третьем наблюдается отражение наивных человеческих представлений о понятийной сфере, к которой направлена метафорическая экспансия: человек метафорически концептуализирует и структурирует эту сферу, выделяя в ней самое важное и необходимое, давая эмотивную оценку её элементам [4, с. 55].

Анализ метафор, представленных в массмедийных текстах, посвященных присоединению Крыма к России за 2014–2022 год, позволил нам выделить ряд политических моделей, отражающих «семантическое ядро» метафоры, заключающийся в ней смысл.

Наиболее широкое распространение получил антропоморфный тип метафоры, а именно *государство – это человек*. Например, в информационном издании Газета.Ру употребляются следующие метафоры: «Не Киев — мать городов русских, а Херсонес», «Крым вернулся в родимое лоно». Использование данной модели ведёт к упрощению восприятия события, способствует преодолению политического барьера и позволяет объяснять сложные политические процессы широким массам.

Антропоморфная метафора позволяет наделять государство как субъекта политической деятельности неким набором положительных или отрицательных признаков. Так, использование метафор позволяет опосредованно, не напрямую

выражать идеи, концептуализировать явления политической жизни. В этом смысле становится очевидным важность этого художественного средства в пропаганде.

Россия предстаёт перед читателем как человек, проявляющий заботу, обеспокоенность о судьбах населения Крыма. Поэтому можно говорить о метафорической модели *россия – мать*. Это проявляется в использовании в метафорах таких выражений, как «Крым вернулся в родимое лоно». Соответственно, Крым проявляет себя как ребёнок, вернувшийся «домой». Метафоры служат здесь связующим звеном концептов «семья» и «Крым», формируя у адресата понимание неразрывной связи России и Крыма, основанной на взаимоуважении и богатой общей истории.

Что касается Украины, она представлена как некое лицо, мешающее этому воссоединению, поэтому мы выделяем метафорическую модель *Украина – агрессор*. В таких метафорах, как «Киев готов на всё», «Киев борется» отражено бинарное противопоставление политики государств. Метафоры заостряют этот конфликт «своих и чужих», резко определяя аксиологические понятия добра и зла.

Яркой особенностью политической метафорики является широкое распространение военных метафор. Поэтому основной метафорической моделью является *политическая деятельность – это война*. Приведём примеры: «сражение за символы», «кидает в людей камень раздора» и «"добивает" Украину». Данная модель несёт концептуальный вектор агрессии и недовольства. Данные метафоры способствуют формированию тревожности, агрессии и неприятия страны-соперника.

Также важной метафорической моделью является *политика – это работа механизма*, например, «референдум, проведенный как бы накануне этой памятной даты, запускает процесс преодоления «главной геополитической катастрофы XX века».

В репрезентативных текстах, содержащих оппозиционную точку зрения, интернет-издания RT были отмечены схожие метафорические модели. В первую очередь, *государство – это человек*. Например, «Кремлю нужно будет сменить риторику», «А Россия не была побеждена».

Также можно выделить метафорическую модель *Крым – это предмет*, например, «России якобы отдаст Крым Киеву, силовой возврат полуострова», «вопрос о принадлежности полуострова». Это говорит о том, что Крым фигурирует не более, как объект политических отношений.

Для издания оппозиционной направленности свойственна метафорическая модель *присоединение Крыма – ошибка*: «Крым – это ошибка, реальное преступление, причём пользу стране она не принесла, а только вред».

В таких текстах Россия становится агрессором («по вопросу «деокупации» полуострова»), а Украина становится пострадавшей стороной, матерью у которого отнимают ребенка («крымские города вернутся домой»).

Таким образом, метафорические модели репрезентативных текстов двух изданий, транслирующих различные точки зрения, во многом похожи. В издании RT и в Газете.Ру получили широкое распространение антропологические метафоры (*государство – это человек*) и военные (*политика – это война*). Принципиальное различие данных текстов заключается в метафорическом представлении агрессора и защитника.

Литература

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена. – 2002. – 477 с.
2. Москвин В. П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. – Изд. 4-е, испр. и доп. – Москва : Издательство ЛКИ. – 2012. – 200 с.
3. Никитин М.В. Метафора: уподобление vs. интеграция концептов. // С любовью к языку: Сб. науч. трудов. – Москва, Воронеж: Издательство ИЯ РАН, ВГУ. – 2002.
4. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург. – 2001. — 238 с.
5. Юрина Е. А. Образный строй языка. – Томск: Изд-во Том. Ун-та. – 2005. – 156 с.

Gorislavets P. I.

Tomsk State University

A political event in the metaphorical mirror of the media

This article is devoted to the metaphorical interpretation of a political event in the media. In political discourse, a metaphor models and forms the addressee's picture of the world. In this regard, the study of the metaphor is of great interest to scientists at the present time in the context of the aggravation of relations between Russia and foreign countries in connection with the annexation of the Crimea. The purpose of the work is to describe the mass media coverage of a political event based on the study of metaphor as a means of influence and a

mechanism for forming a political picture of the world. The analysis of the representation of the image of a political event in media texts of different ideological orientation is carried out.

Keywords: political metaphorology, conceptual metaphor, metaphorical model, political discourse.

**Грохотова Екатерина Дмитриевна,
Кузнецова Елизавета Александровна,
Мишин Андрей Александрович,**

Московский политехнический университет
Katyakhorrgh@gmail.com; leyagame@yandex.ru; imbarss@yandex.ru

Современная подростковая литература: особенности и причины популярности (из опыта исследования)

Работа выполнена под руководством Исаевой Наталии Васильевны, к. филол. н.,
доцента Московского политехнического университета.

Статья посвящена особенностям современной литературы, адресованной подросткам, её видам и жанрам, причинам популярности. С этой целью проводится анализ данных опроса молодой читательской аудитории.

Ключевые слова: чтение, литература для подростков и молодёжи, young adult, читательские предпочтения.

В эпоху формирования глобального информационного общества, развития интернет- и медиакоммуникаций литература и чтение в целом несколько отошли на второй план. Особенно, на первый взгляд, это справедливо для подростков: большинство из них проводят свободное время в гаджетах, смотря фильмы, сериалы, видеоролики, играя в компьютерные игры. Чтение может казаться им пустой тратой времени. Такой точки зрения часто придерживаются даже взрослые. Однако популярность современной подростковой литературы, которая получила название «Young Adult», в настоящее время достаточно высока. Эти книги продаются большими тиражами, по ним снимаются фильмы, у них часто появляются фанаты и фан-клубы.

Цель предпринятого исследования заключается в определении особенностей YA-литературы, выявлении книг и печатных серий, наиболее популярных среди молодёжи, и установлении причин их востребованности.

Задачи исследования включали изучение видов и жанров литературы, адресованной молодежной аудитории, а также анализ некоторых из них. В работе использовались данные анкетного опроса (участие приняли 100 респондентов по квотной выборке).

Российское издательство «АСТ» определяет подростковую литературу так: «Young Adult литература (сокращенно – YA, дословно – «молодые взрослые») –

популярное литературное направление, в первую очередь рассчитанное на подростков и молодых людей в возрасте от 12 до 20 лет, хотя в целом четко выраженной верхней границы не существует, и в чтении YA-литературы всё чаще признаются читатели старших возрастных категорий» [5]. Сам термин «young adult» применительно к литературе впервые использовала британская писательница и литературный критик Сара Триммер в 1802 году, однако настоящего подъёма направлению пришлось ждать до 60-х годов XX века. Хотя популярность со временем пошла на убыль, успешный выход романа Джоан Кэтлин Роулинг «Гарри Поттер и философский камень» в 1997 году вновь убедил издательства в востребованности книг, адресованных молодёжи и подросткам.

Ориентация на целевую аудиторию Young Adult во многом определяет то, как чаще всего пишутся книги данного направления. Главные герои почти всегда подростки или молодые люди, часто далёкие от идеала, стремящиеся разобраться в том, что им делать со своей жизнью. Довольно часто главный герой или героиня не имеют чёткой характеристики, что позволяет читателю многое домыслить и представить себя на их месте. По этой же причине нередко встречается повествование от первого лица.

Тематика современной подростковой литературы связана с проблемами, понятными молодому поколению: отношения с родителями и сверстниками, первая влюблённость, недопонимание со стороны окружающих, взросление, принятие себя или потеря близких. Конечно, всё это затрагивается и в других книгах, однако далеко не всегда с тем пониманием и честностью, с какой это делают авторы Young Adult. Для многих молодых читателей знакомство с этой литературой – способ разобраться в себе, для кого-то – возможность уйти от действительности, попробовать эскапизм. Именно поэтому подобные книги выделяют в отдельное направление: они доступны для чтения всем. Однако наиболее востребованной такая литература становится именно для подростков, которые стараются найти ответы на волнующие вопросы и понять жизнь.

Говоря о YA-литературе, нельзя обойтись без конкретных примеров. С целью получения объективной информации о популярных в молодёжной среде книгах для исследования были привлечены списки, составленные электронной библиотекой «My Book» [3]. В результате сопоставительной выборки представленного материала в качестве объекта исследования был отобран ряд произведений, ориентированных на молодёжную аудиторию. Остановимся на некоторых из них.

Джон Грин «Виноваты звёзды» (2013). Этот роман – одно из самых известных современных произведений, ориентированных на молодых читателей. Продавшаяся

огромными тиражами книга захватила умы миллионов подростков и молодых людей по всему миру. Главные герои смертельно больны, но вместе учатся бросать вызов судьбе. Роман поднимает темы жизни и смерти, любви и поиска счастья.

Сьюзен Коллинз, трилогия «Голодные игры», первая книга вышла в 2008 году. С публикации романа и его экранизации начался период популярности жанра антиутопии среди подростков, что привело к появлению и других популярных серий, например, «Бегущий в лабиринте» или «Дивергент». В жестоком мире, созданном С. Коллинз, героям предстоит научиться доверию в условиях, когда вокруг царит всеобщее подозрение, и найти способ противостоять сложившимся устоям и системе.

Кассандра Клэр, автор книг «Орудия смерти», первая из которых вышла в 2007 году. Серия «Хроник сумеречных охотников» не была написана для подростков. Автор хотела «рассказать историю о людях, переживающих важнейший этап между юностью и взрослой жизнью, когда каждый шаг определяет, каким человеком ты станешь, а не отражает того, кем ты уже являешься» [2], однако решение издателей впоследствии представить романы Клэр как подростковую литературу сделало книги бестселлерами, а «Хронику сумеречных охотников» – самой популярной среди молодёжной аудитории.

В ряду произведений, адресованных молодым читателям, а иногда и написанных ими самими, обращает на себя внимание фанфикшн, или фанфик. Фанфик/фэнфик – от англ. fan – ‘поклонник’ + fiction – ‘художественная литература’ – фанатская проза, разновидность творчества поклонников популярных произведений. Это письменные произведения разного качества и проработки, написанные по мотивам книги, фильма, компьютерной игры или другого произведения их фанатами. Это, как правило, практически нерегулируемое массовое творчество, развивающееся на некоммерческой основе как проявление народного творчества, поэтому от фанфиков редко ожидают и требуют профессионализма и литературного качества. В первую очередь подобные вещи создаются для себя и других фанатов из любви к произведению, фанфикшеном часто увлекаются именно подростки и молодёжь. Тем не менее, качественные фанфики всё-таки встречаются, а некоторые из них могут приобретать популярность в Интернете. Иногда это приводит к их изданию в качестве книг с изменением имен, множественной редактурой, однако неизменно с сохранением духа оригинального произведения.

С целью анализа читательских предпочтений современной молодёжной аудитории и определения причин популярности произведений в ходе предпринятого исследования был проведен опрос 100 респондентов. Он содержал в себе вопросы о

возрасте респондента, любимой книге или книжной серии, любимых литературных жанрах, частоте чтения, предпочтениях в выборе между одиночными произведениями и сериями, заинтересованности в писательском труде, последней прочитанной книге, наиболее интересных эпизодах и, наконец, о причинах выбора чтения в качестве времяпрепровождения. Возрастная категория опрошенных включала следующие группы читателей: от 13 до 14 лет – 43,2%, 11–12 лет – 27,3%, 15–16 лет – 15,9%, свыше 18 лет – 11,4%.

В результате обработки ответов были получены следующие данные.

Респонденты, отвечая на вопрос «Как часто вы читаете?», отметили, что читают постоянно, каждую неделю – 25%; иногда, одна книга в несколько недель – 18,2%; очень редко, только в рамках школьной программы – 15,9%. Таким образом, половина опрошенных всё же обращаются к чтению достаточно часто, выделяя его в качестве любимого досуга.

Предпочтительным литературным жанром опрошиваемые в большинстве случаев указывали фэнтези (65,9%) (англ. *fantasy*) – литературный жанр, сочетающий в себе черты фантастики и сказаний, эпосов, мифологии [4, с. 824]. Среди любимых жанров были также отмечены детективы (54,5%), триллеры (34,1%), любовные романы (34,1%), мистика (45,5%). Антиутопии, приключенческая литература, реалистическая литература, комиксы, манга, произведения русской классической литературы составили выбор небольшого количества ответивших – примерно по 2,3% на каждый из перечисленных жанров и направлений.

Респонденты при ответе на вопрос о предпочтении одиночных книг или серий дали приблизительно равное количество ответов: 52,3% указали, что любят читать как отдельные книги, так и книги с продолжением. Среди любимых серий была отмечена хроника приключений юного волшебника Гарри Поттера и его друзей, созданная Дж. Роулинг, а также серия книг белорусской писательницы Натальи Щербы, написанная в жанре подросткового фэнтези, – «Часодеи». Тем не менее, есть и молодые читатели, которые отдали свои голоса только за отдельные произведения (31,8%).

Отвечая на вопрос «Что больше всего привлекает при чтении книг?», большое количество отвечавших указали на захватывающий сюжет (81%), интересных персонажей (59,1%), идею, заложенную в основе (например, система магии) (56,8%). Чуть меньше обращается внимание на окружающий мир (52,3%) и взаимоотношения между героями (43,2%).

Основной эмоцией, которую хотят получить подростки от чтения художественной литературы, является удовольствие, но также присутствует желание разделить эмоции, которые испытывают персонажи.

В ходе проведенного исследования были сделаны следующие выводы. Читательские предпочтения большинства современных подростков и молодёжи довольно разнообразны. Многие молодые люди читают достаточно часто и много, не ограничиваясь школьной программой. Доминирование жанров фэнтези и мистики было ожидаемо ещё до опроса, однако популярность детективного жанра, обошедшего романтические произведения, стала неожиданностью для авторов исследования.

Больше всего подростки в произведениях ценят напряжённый сюжет и необычных героев, также им интересен внутренний мир и взаимоотношения персонажей. Интересная концепция в основе мира при этом ценится несколько больше, чем сам мир, в котором происходят события, что, несомненно, является любопытным показателем, требующим дополнительного изучения и исследования.

Следует отметить и тот факт, что подросткам нравятся не только обычные книги, но и графические романы, комиксы и манга, сочетающие в себе иллюстрации и письменное повествование.

В заключение хочется отметить, что литература, вопреки мнению многих, занимает важное место в списке интересов подрастающего поколения. Доступность книг в настоящее время высока, есть возможность интернет-чтения, прослушивания аудиокниг, что делает выбор литературы в качестве досуга у молодёжи достаточно частым. Авторы исследования искренне надеются, что подобная обстановка останется таковой ещё на долгие годы.

Литература

1. Зелезинская Н.С. Подростковая литература как зеркало общества. // Вопросы литературы. – М. – 2020. – №1. – С.159-175.
2. Книги для любителей фэнтези! / Записки Valeryanki [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/media/id/5d287b3643bee300ae835ff4/knigi-dlia-liubitelei-fentezi-5dd51fcdd9fa153cb6e53564> (Дата обращения: 21.12.2022).
3. Книги для подростков. / MyBook [Электронный ресурс]. URL: <https://mybook.ru/catalog/detskie-knigi/knigi-dlya->

podrostkov/?cursor=cj0xJnA9MC44NTUzMtA0Nzk1ODI4MTM5

(Дата

обращения: 21.12.2022).

4. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН; под ред. Г.Н. Складчиковой. – Москва : Астрель; АСТ; Транзиткнига. – 2005. – 894 с.
5. Что такое young adult и с чем его едят? // АСТ [Электронный ресурс]. – URL: <https://ast.ru/news/nnn-m08-y18-chto-takoe-young-adult-i-s-chem-ego-edyat/> (Дата обращения: 21.12.2022).

Grokhotoва E.D.,

Kuznetsova E.A.,

Mishyn A.A.

Moscow Polytechnic University

Modern young adult literature: features and popularity reasons (based on research)

The article is devoted to the features of modern literature aimed at teenagers, its types and genres, and reasons for its popularity among young readers. With this goal in mind, an analysis of the data from a survey amongst young readership is presented.

Keywords: reading, teenage and young adult literature, young adult genre, reading preferences.

Демочко Дарья Андреевна

Государственный институт русского языка
имени А.С. Пушкина
d.demochko@mail.ru

Современная интернет-коммуникация: разновидности и основные характеристики

Работа выполнена под руководством Роговневой Юлии Васильевны, кандидата филологических наук, доцента.

Рассматривается понятие интернет-коммуникации на современном этапе ее развития и функционирования в обществе в сопоставлении с другими видами коммуникации. Выделяются специфические характеристики интернет-коммуникации.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, Интернет, пользователь, коммуникация.

Человек всегда стремился расширить диапазон доступных способов коммуникации. Из-за широкого распространения Интернета, который в свою очередь является прежде всего информационно-коммуникационной сетью, в современном нам мире возникло новое глобальное информационное сообщество. Сейчас человек посредством компьютерных технологий имеет возможность не только погружаться в пространство интернет-коммуникации, но и быть активным пользователем, создающим

вокруг себя новую среду межличностного взаимодействия. Общение с применением интернет-технологий принято называть интернет-коммуникацией.

Обратимся к определению интернет-коммуникации И.Н. Розиной, которая рассматривает интернет-коммуникацию как использование людьми электронных сообщений (чаще мультимедийных) для формирования знаний и взаимопонимания в разнообразных средах, контекстах и культурах [5]. То есть под понятием «интернет-коммуникация» мы подразумеваем опосредованное интернет-технологиями общение двух или более лиц, которое может характеризоваться как невидимостью коммуникантов (при использовании письменной формы сообщений), так и созданием условий, в которых коммуниканты могут видеть друг друга (при использовании технологий, позволяющих создать видеоформат общения). Во втором случае возможно как общение с использованием видео в реальном времени, когда оба коммуниканта видят друг друга и общаются в режиме онлайн, так и формат общения, когда один из коммуникантов получает видео-сообщение, записанное другим коммуникантом заранее. Такой формат предусматривает несколько вариантов интернет-общения: от одного коммуниканта – к одному коммуниканту или от одного коммуниканта – ко многим. Кроме этого, интернет-коммуникация характеризуется наличием возможности получения незамедлительной обратной связи.

Интернет-технологии повлияли на фактор доступности общения: коммуникация стала свободной и безграничной. Люди, по различным причинам отдаленные друг от друга, получили возможность общаться без каких-либо ограничений.

Важно отметить, что интернет-коммуникация обладает схожими характеристиками с другими видами коммуникации. Рассмотрим параметр масштабности: интернет-коммуникация здесь имеет схожесть как с массовой коммуникацией в аспекте общения со всем миром, так и с внутриличностной коммуникацией с точки зрения общения между компьютером и человеком, а также и с групповой коммуникацией. Обратимся теперь к временным свойствам коммуникации, то есть длительности процесса общения: интернет-общение может быть как и недолговременным, кратким (например, получение посланий через электронную почту), так и не имеющим ограничений по времени (например, участие в интернет-конференциях). Интернет-коммуникация может иметь устную (с помощью голоса) и письменную (графика и текст) формы.

Однако интернет-коммуникация по способу контакта может быть исключительно опосредованной (так как осуществляется с помощью электронных устройств). Касаемо канала передачи и восприятия сообщения мы можем разделить интернет-коммуникацию на актуальную, которая подразумевает общение с реальными людьми, и виртуальную, которая предполагает общение с неизвестными, воображаемыми собеседниками.

Интернет-коммуникация отличается от традиционной коммуникации. Эта специфика вытекает из особенностей киберпространства, которое в данном случае рассматривается в качестве коммуникативной среды.

Интернет-пространство влияет на теорию коммуникации, заставляя пересмотреть ее классические определения и категории такие как передача информации и адресант. Базируясь на этом, можно выделить следующие формы коммуникации в интернет-пространстве: асинхронную коммуникацию «один с одним» (электронная почта); 2) асинхронную коммуникацию «многих со многими» (листы рассылки); 3) синхронную коммуникацию «один с одним», «один и несколько», «один с несколькими» (чаты, форумы); 4) асинхронную коммуникацию, в рамках которой пользователь обычно ищет сайт для получения определенной информации; здесь можно говорить о коммуникации «многие с одним», «один с одним», «один со многими» (веб-сайты) [6].

В интернет-пространстве можно выделить несколько форм коммуникации:

- 1) безличная, то есть пользователь взаимодействует непосредственно с контентом;
- 2) межличностная, то есть пользователи взаимодействуют друг с другом;
- 3) гиперперсональная форма дает возможность определять степень искренности пользователей, которые участвуют в коммуникативном процессе.

Некоторые исследователи дифференцируют коммуникативные технологии на базе следующих физических параметров: по месту нахождения коммуникантов (виртуальное или физическое) и времени. На основании их комбинирования выделяются следующие разновидности осуществления компьютерно-опосредованной коммуникации:

- 1) одинаковое время/одинаковое месторасположение (виртуальное) – чат;
- 2) одинаковое время/различное месторасположение – компьютерная аудио – и видеосвязь, интернет-телефония;

- 3) различное время/одинаковое месторасположение (виртуальное) – блог, социальная сеть, форум;
- 4) различное время/различное месторасположение – электронная почта.

Рассмотрим основные характеристики интернет-коммуникации. Важно отметить, что процесс виртуального общения подразумевает отсутствие ограничений во времени и пространстве. Кроме этого, один из основополагающих критериев – анонимность. Пользователь может скрыть свою личность, что дает возможность прибегать к более свободным высказываниям. Коммуниканты, не боясь испортить репутацию своей реальной личности, могут примерять новые роли, проявлять ранее несвойственные себе, чаще всего негативные, порицаемые обществом, качества личности. Люди, скрываясь за виртуальной маской, позволяют себе более свободные формы выражения своей точки зрения, прибегая к агрессивным формулировкам, оскорблениям, сарказму и так далее.

Как правило, интернет-коммуникация предполагает добровольность в выборе собеседника. Пользователь может самостоятельно сформировать свой круг общения в зависимости от личных желаний и предпочтений.

Помимо этого, участники коммуникации могут получить статусное равноправие. Условности и ограничения, свойственные реальному миру, в интернет-пространстве перестают действовать. Авторитет здесь завоевывается с помощью корректного речевого поведения и уважительного отношения ко всем участникам коммуникации, что предписывается демократичным стилем общения.

Обратим внимание на то, что в интернет-коммуникации возникают сложности в выражении эмоционального компонента в связи с недоступностью прямых способов демонстрации эмоций и чувств, поэтому появляется потребность в использовании компенсаторных способов. Следствием этого является возникновение типизированных эмоциональных реакций – эмодзи и эмотиконы. Это графические знаки, помогающие пользователю выражать эмоции и настроение, они замещают невербальные средства коммуникации, сопровождая вербальную часть сообщения, дополняя и уточняя смысл высказывания. Эмодзи (от англ. emoji, где из япон. – картинка, moji – письмо) – это изображающий эмоции идеографический знак, который используется в интернет-коммуникации. Эмотиконы отличаются от эмодзи тем, что они появились в качестве способа изображения эмоций уже имеющимися типографическими средствами. Написание части фразы или целого высказывания заглавными буквами используется пользователями для акцентирования внимания собеседника на необходимой части

сообщения, а также для компенсации тембра. Кроме этого, данные функции выполняет употребление большого количества вопросительных или восклицательных знаков подряд (или их комбинаций), описание эмоций словами либо в скобках, либо между звездочек после основного текста сообщения.

В интернет-коммуникации пользователи имеют возможность обмениваться различными видами информации: текст, видео, звук, эмодзи/эмотиконы, GIF-анимацией и так далее.

Пользователи интернет-пространства чувствуют свободу в выборе языковых средств. Выше мы уже писали об иллюзии свободы в интернет-среде. Действительно, коммуникативное поведение пользователей оказывается более раскованным и свободным в интернет-пространстве, чем в реальной жизни. Этим обуславливается возникновение индивидуальной речевой манеры, что мы можем заметить, например, в самобытном и нешаблонном выборе псевдонима/никнейма, который, в свою очередь, содержит основную информацию о личности пользователя.

Наряду с этим необходимо отметить речевую однородность, то есть в речи пользователей интернет-пространства используется особенный коммуникативный код, который выражает принадлежность коммуникативной личности к кругу «своих» (компьютерный жаргон, юмор и так далее). Кроме этого, следует отметить превалирование оценочных слов, так как в группах пользователей, объединенных общими интересами и определенными знаниями, опытом, важна именно характеристика предмета, о котором идет речь, а не его название, так как именно в этом случае пользователи получают более новую информацию.

При письменной интерактивной интернет-коммуникации темп речи часто приближен к устной. Здесь отсутствуют паралингвистические признаки, часто нарушаются синтаксические нормы, употребляются эллиптические конструкции. Исходя из этого мы можем выделить следующие синтаксические особенности виртуальной коммуникации:

- 1) интернет-коммуникация занимает промежуточное положение между устной и письменной формами речи, является письменной фиксацией устной речи;
- 2) формой организации высказываний является гипертекст.

В результате изучения различных источников мы пришли к выводу, что основными характеристиками интернет-коммуникации являются отсутствие ограничений во времени и пространстве, а также анонимность пользователя. Последний параметр обладает как положительной стороной – возможность личности

реализовать себя, не боясь осуждений со стороны близкого окружения, так и негативной стороной – коммуниканты, не боясь испортить репутацию своей реальной личности, могут проявлять ранее несвойственные себе негативные, порицаемые обществом, качества личности. Помимо этого, участники коммуникации могут получить статусное равноправие.

Сложности в выражении эмоционального компонента компенсируются в основном с помощью типизированных эмоциональных реакций – эмодзи и эмотиконов.

Со стороны синтаксических особенностей можно выделить приближение по темпу письменной речи к устной из-за чего частотно происходит нарушение синтаксических норм, а также употребление эллиптических конструкций.

Пространство интернет-коммуникации постоянно развивается и расширяется, поэтому языкового материала для изучения и анализа становится все больше, что обуславливает необходимость дальнейшего изучения этой темы.

Литература

1. Агаюлова С.И., Галичкина Е.Н., Горошко Е.И., Ильясова С.В., Каллистратидис Е.В., Карабань Н.А., Карасик В.И., Качанова А.А., Колокольцева Т.Н., Кочетова Л.А., Красавский Н.А., Кудрявцева А.А., Лутовинова О.В., Митягина В.А., Рыжов М.С., Черкасова И.С., Шарифуллин Б.Я., Шестак Л.А., Штукарева Е.Б. Интернет-коммуникация как новая речевая формация. – 4-е изд. – Москва : Федеральное государственное унитарное предприятие "Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр "Наука", 2018. – 328 с.
2. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – Москва : Издательская группа URSS, 2010. – 368 с.
3. Роговнева Ю.В. Коммуникативно-функциональный анализ нефикциональных репродуктивно-описательных текстов: дис. канд. филол. наук: 10.02.01. – Москва, 2015. – 203 с.
4. Роговнева Ю.В. Организация предикативных единиц в интернет-описаниях напитков // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей V Международной научно-практической конференции – Москва : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. – С. 254 – 260.

5. Розина И.Н. Педагогическая компьютерно-опосредованная коммуникация: теория и практика. – Москва : Логос, 2005. – 437 с.
6. Холод А.Л. Понятие интернет-коммуникации // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 11: в 2 ч. Ч. 1 / редкол.: А.И. Головня (отв. ред.) [и др.] – Минск: «ИВЦ Минфина», 2017. – С. 298 – 302.

Demochko Daria Andreevna

Pushkin State Russian Language Institute

The concept of Internet communication

The article studies the concept of Internet communication at the present stage of its development and functioning in society in comparison with other types of communication. We highlight the specific characteristics of Internet communication.

Key words: Internet communication, Internet, user, communication.

Диабате Дауда

Институт русского языка им А.С.Пушкина
diabated2003@gmail.com

Трудности в усвоении падежных форм русских имён существительных в малийской аудитории

Работа выполнено под руководством Азимова Эльхана Гейдаровича, доктора педагогических наук, профессора кафедры методики преподавания русского языка как иностранного Государственного института русского языка им А.С. Пушкина. В статье рассматриваются склонения имён существительных в русском языке и в языке народа бамана. Анализируют трудности в усвоении падежной формы имён существительных в русском языке, предлагаются рекомендации при усвоения падежных и предложно-падежных форм имён существительных в малийской аудитории. Ключевые слова: падеж, имена существительные, бамана.

Изучение грамматики русского языка в малийской аудитории имеет свою специфику, о которой пишут многие исследователи. Наиболее подробно разработаны методические аспекты изучения глаголов, категорий рода, числа и падежа, усвоения лексического и фразеологического фонда русского языка. Говоря о важности овладения грамматикой при изучении русского языка как иностранного, Траоре Самба отмечает, что «практика преподавания русского языка малийским учащимся и немногочисленные исследования этого вопроса позволяют утверждать, что наибольшее количество систематических ошибок допускается при фонетическом, грамматическом и синтаксическом оформлении речи на русском языке в силу лингвистических и экстралингвистических факторов» [2, с. 8].

«Имена существительные обозначают названия лиц (ученик, Роман, Людмила, секретарь), животных (собака, акула, лев), растений (одуванчик, роза, лилия, мать-и-мачеха), вещей / предметов (тетрадь, словарь, окно, дом), названия свойств / качеств (температура, острота, ответственность), видов деятельности (эвакуация, отделение) и состояний (перемирие, тишина). Имена существительные отвечают на вопросы кто?, что?, обладают грамматическими (морфологическими) категориями падежа, числа и относятся к одному из четырёх родов (мужскому, женскому, среднему либо т. н. общему роду). Имена существительные могут быть одушевлёнными и неодушевлёнными» [1, с. 1].

Имена существительные склоняются, т. е. изменяются по числам и падежам, формальным показателем склонения (либо - падежным показателем) является окончание, которое может быть как графически / фонетически выраженным, так и нулевым (т. е. не выраженным ни графически, ни фонетически). Другими падежными показателями могут быть чередования в основах и акцентологические характеристики, особенно важные в случаях омонимии падежных окончаний, напр., окно́ - окна́ (род. п., ед. ч.), о́кна (им. п., мн. ч.); го́род - го́рода (род. п., ед. ч.), городá (им. п., мн. ч.); сестра́ - сестры́ (род. п., ед. ч.), сёстры (им. п., мн. ч.), сестёр (род. п., мн. ч.).

«Падеж - это грамматическая категория существительных, выражающая разные типы синтаксических отношений существительного к другому слову, другим элементам синтаксической конструкции либо к целому предложению». [1, с. 1]. В литературном русском языке традиционно выделяется шесть падежей. В отличие от некоторых других языков стран, бывших в СССР, например чешского языка, при обращении в русском литературном языке используется форма именительного падежа, т. е. в русском языке нет специальной формы, предназначенной для обращения (ср. в чешском языке, например: pan Novák - pane Nováku; в русском языке: господин Иванов - господин Иванов).

На основании одинаковых/схожих окончаний, которые по-одинаковому/схоже изменяются в процессе склонения, русские существительные делятся на три основных типа:

1. Существительные 1-го склонения (существительные типа завод, автомобиль, трамвай, санаторий, врач, воробей, слово, поле, собрание, воскресенье, училище, домишко).
2. Существительные 2-го склонения (существительные типа школа, груша, неделя, армия, статья, мальчишка, юноша, дядя, сирота).

3. Существительные 3-его склонения (существительные типа кость, дочь, путь, имя, дитя) [1].

Актуальность исследования заключается в том, что малийские учащиеся затрудняются усвоить падежные формы имён существительных в русском языке. Мали – многоязычная страна. Языки Мали отражают древние поселения, миграцию племён, долгую историю проживания разных племён. Сайт Ethnologue описывает 66 языков, которые используются на территории Мали. Из них французский язык является официальным, а язык бамбара широко распространён. Всего 13 языков коренных народов Мали имеют легальный статус национального языка: бамбара, бому, китаманинкакан, койраборо-сени-сонгайский, маасина-фульфульде, мамара-сенуфо, сонинке, сьенара-сенуфо, тамашек, торо-со-дого, тьяхо-бозо, хаасонгаханго, хасания [3, с. 1].

В этих перечисленных языках нет понятия «падежа», что вызывает большие трудности у малийских учащихся в усвоении грамматики русского языка, особенно падежных форм имён существительных. Существительные изменяются по числам, и для того, чтобы изменить формы единственного числа на множественный, надо добавить просто «W» в конце слова в единственном числе. Примеры см. в таблице:

Единственное число	Множественное число
Tabali -стол	Tabaliw - столы
Fali - осёл	Faliw-ослы
Muso - женщина	Musow- женщины
Den- ребёнок	Denw-дети
Gafe - тетрадь	Gafew-тетрады

Таким образом, отсутствие категории падежа в языках учащихся Мали является трудностью в изучении русского языка, у малийских студентов наблюдается много ошибок, вызванных интерференцией. Целью нашего анализа являются выявление ошибок, связанных с падежной формой, нужно объяснить эти трудности малийским учащимся и предложить пути и способы их преодоления.

Особую трудность представляет склонение местоимений. Знакомство иностранных учащихся с местоимениями начинается уже на первых занятиях по русскому языку как иностранному. Анализ действующих учебников и учебных пособий, предназначенных для начального этапа обучения русскому языку как

иностранному, показал, что уже на начальном этапе учащиеся узнают о именах существительных, особенностях их произношения и употребления. В ходе дальнейшего изучения русского языка вводятся падежные формы сначала единственного и потом множественного числа местоимений. Следует отметить, что порядок введения падежей имён существительных и местоимений отличается от учебника к учебнику.

Приведём примеры форм существительных в русском и в языке народа баманан:

Мусса читает книгу – Musa be ka gafe kala

Учитель сказал ученику- Karamoko kumana kalanden fe

Женщина слушает музыку – Muso be ka foli lamem

Мы видим, что существительные в этих предложениях языка баманан не изменяются. Трудности практического усвоения предложно-падежных конструкций иностранных учащихся связаны также с отсутствием предлогов в их родных языках. Под влиянием межъязыковой интерференции учащиеся оформляют русскую речь по законам родного языка. Основным условием преодоления межъязыковой интерференции является коммуникативная направленность обучения, систематическое употребление в связной речи наиболее частотных предложно - падежных конструкций. Рассмотрим, как переводятся следующие конструкции в языке баманан:

Русский язык	Язык баманан
Женщина в очках	Muso very tigi
Молоко без сахара	Nono sukoro tan
У своего отца	A fa fe ye
К своему отцу	A fa fe ye

Таким образом, учитель русского языка как иностранного должен направлять внимание учащихся на изменение форм имён существительных в разных падежах и числах. Учащиеся должны не только знать правила, но и уметь использовать правильные окончания слов. Упражнения являются средством преодоления ошибок, они должны соответствовать коммуникативным целям и условиям общения. Полезным является демонстрация предложно-падежных конструкций в таблице. Склонение имён существительных с мягким окончанием является особым типом склонения, которому надо уделить дополнительное внимание.

Литература

1. Соколёва Н.С. Имена существительные: их грамматические категории и группы. – 1994. – СПб. – С.1-2.

2. Траоре С. Методика преподавания русского языка как иностранного в аудитории Мали: диссертация-1976- издательство - с.1
3. Ethnologue. Лингвистическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.ethnologue.com \(show-language.aspx?code=eng\)](http://www.ethnologue.com/show-language.aspx?code=eng) (дата обращения 24.02.2023).

Diabate Daouda

Pushkin Russian language Institut

diabated2003@gmail.com

Difficulties in learning of the case forms in the classroom in Mali

The article deals with the declension of nouns in Russian and in bamana. Difficulties in learning of the case forms in Russian are analysed, recommendations are offered for learning of the case forms and prepositional case forms in classrooms in Mali.

Key words: Case of nouns, Bamana language, Russian language.

Дорожкина Полина Викторовна

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

belka_dayzy@mail.ru

Коммуникативный принцип релевантности в реакциях искусственного интеллекта

Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора
Владимира Ильича Карасика.

В данной статье был проведён анализ соблюдения коммуникативного принципа релевантности голосовыми помощниками Алиса и Маруся. Работа основывается на теории Пола Грейса о необходимости соблюдения Принципа Кооперации, состоящего из четырёх максим. Мы рассмотрели примеры ответов голосовых помощников на вопросы, которые позволяют лучше узнать собеседника, и постарались выяснить, насколько точно и эффективно они соблюдают коммуникативный принцип релевантности.

Ключевые слова: принцип релевантности, принцип кооперации, прагматическая лингвистика, искусственный интеллект, голосовые помощники.

В наше время темпы развития искусственного интеллекта невероятно быстры. Он играет всё более значимую роль не только в нашей повседневной жизни, и в таких сферах как медицина (диагностика заболеваний и определение оптимального лечения), искусство (создание картин, стихотворений, музыкальных произведений), экономика (анализ рынка и прогнозирование цен) и многих других.

Одним из наиболее заметных сфер использования искусственного интеллекта являются голосовые помощники. Самыми популярными голосовыми помощниками на территории России являются Алиса, созданная в Яндексе, и Маруся, разработанная компанией ВКонтакте. Они способны выполнять многочисленные задачи: напомнят о

важном событии, заведут будильник, расскажут прогноз погоды на ближайшие дни или даже помогут управлять техникой в доме. Однако практически каждый пользователь сталкивался с тем, что голосовой помощник отвечает совсем не на тот вопрос, который был задан, или что реплика искусственного интеллекта выбивается из диалога, кажется не к месту.

В связи с этим возникает вопрос: насколько эффективной является коммуникация современных голосовых помощников и чего им не хватает для того, чтобы стать неотличимыми от человека? Для того, чтобы подойти к ответу на этот непростой вопрос, мы решили проанализировать выполнение голосовыми помощниками Алисы и Маруси коммуникативного принципа релевантности, являющимся одной из составляющих сформулированного в статье Пола Грайса «Логика и речевое общение» [1] Принципа Кооперации.

Актуальность работы заключается том, что ещё не проводились исследования выполнения современными голосовыми помощниками Принципа Кооперации. Практическая значимость исследования – возможность улучшить голосовые помощники с точки зрения соблюдения ими принципа релевантности. Также работа поможет лучше понять, чего не хватает искусственному интеллекту, чтобы его реплики в диалоге были похожи на человеческие.

Прежде всего необходимо дать толкование термину «искусственный интеллект», который мы будем использовать в работе. Значение зачастую будет зависеть от сферы, в которой он применяется (программирование, лингвистика, философия, психология, искусствоведение и так далее). В статье мы опираемся на толкование, закреплённое на законодательном уровне: «Искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных практически значимых задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека» [4].

Одной из первых работ в области искусственного интеллекта можно считать эксперимент, описанный в 1950 году английским математиком Аланом Тьюрингом в статье «Вычислительные машины и разум» [5]. Сформулированный в ней тест Тьюринга, предназначенный для определения наличия интеллекта у вычислительного устройства. ELIZA – чат-бот, разработанный Джозефом Вейценбаумом в 1966 году, считается одной из первых программ, способной успешно пройти тест Тьюринга. Она имитировала поведение психотерапевта, задавая человеку уточняющие вопросы на

предыдущие реплики. Наша статья в том числе является попыткой наметить те черты, которыми обладал бы современный «тест Тьюринга» для голосовых помощников и современная ELIZA, способная его успешно пройти.

Коммуникативный принцип релевантности является единственным постулатом категории Отношения; он гласит: «Не отклоняйся от темы». Неотклонение от темы заключается и в постоянном ожидании коммуниканта услышать уместный вклад партнера, который приведёт к цели диалога. «Как бы то ни было, мне кажется, что человек, слова которого нерелевантны или невразумительны, подводит в первую очередь не собеседника, а себя самого», – отмечает Пол Грайс [1, с. 225].

Принцип релевантности, как и другие три принципа Пола Грайса, может быть нарушен «намеренно, в случае коммуникативных манипуляций, и ненамеренно, в силу недостаточной коммуникативной компетенции участников общения» [2, с. 23]. Это может привести как ко введению собеседника в заблуждение, так и к провокации конфликта. Один случай может нарушаться «с позиции говорящего, а другой – с позиции слушающего» [3]. Первая ситуация возможна, если говорящий вводит один фокус в систему прагматических координат, а потом вдруг без соответствующего сигнала переключает своё внимание. Вторая – если слушающий сделал неверное предположение о смене фокуса, когда говорящий не подразумевал этого. Приведём пример нарушения принципа релевантности в связи со смещением фокуса:

Учитель: Вам нравится Грушенька Светлова?

Ученик: Не знаю... Я никогда не пробовал этот сорт. (пример наш)

В фокусе внимания говорящего – героиня романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», а для слушающего ключевым оказывается полисемантическое слово «грушенька», которое имеет значение не только антропонима, но и фрукта в форме диминутива.

Чаще всего лишь кажется, что принцип релевантности нарушен. В данной ситуации появляется коммуникативная импликатура, которая должна быть выводимой обоими участниками диалога. То есть человек может выражаться нерелевантно, но при этом не нарушить Принцип Кооперации. Например:

Владимир: Евгений, вы богаты?

Евгений: Мой дядя недавно умер. (пример наш)

Если бы Евгений не считал, что имущество ему принесла смерть родственника, он бы нарушил постулат релевантности. Тем самым Евгений имплицитно, что стал наследником своего дяди и обрёл богатства.

Существуют и примеры реального и даже намеренного, а не кажущегося нарушения принципа релевантности, но встречаются они реже. Например:

Чацкий (во время бала): Служить бы рад, прислуживаться тошно!

Фамусов (после всеобщего молчания): Господа, князь Пётр Ильич уже прибыл!
(пример наш)

В данной ситуации Фамусов совершенно открыто отказался следовать принципу релевантности по отношению к реплике Чацкого. Тем самым Фамусов имплицировал, что слова Чацкого не следует обсуждать, или, более конкретно, что его поведение является неприемлемым на балу.

Переходя от теории к практике, мы задались вопросом: какие именно вопросы задать голосовым помощникам? Мы решили, что в эксперименте должна участвовать та группа вопросов, которую обычно задают хорошо знакомым людям с целью узнать их получше. Мы попросили зарубежного «коллегу» Алисы и Маруси, чат-бота *ChatGPT*, разработанного компанией *OpenAI*, придумать 25 таких вопросов. В дальнейшем тексте статьи будут приведены примеры только тех ответов голосовых помощников, которые помогли нам проиллюстрировать соблюдение или нарушение ими коммуникативного принципа релевантности.

Отметим, что Алиса и Маруся не способны ответить на повторяющиеся реплики, что пользователь уже прашивал об этом. Они могут выдать один из «банка» возможных ответов, заложенных разработчиками. Иногда эти ответы не соотносятся между собой, боты забывают о предыдущих репликах. Например, Алиса на вопрос «Что тебе больше всего нравится в твоей работе?» отвечает сначала «информационные системы и технологии», затем «международная журналистика», «бухгалтерский учёт», «инженерная графика», «общение с приятными людьми». Ответы не соотносятся между собой, во-первых, потому, что не существует профессии, которая совмещала бы всю перечисленную выше деятельность, и, во-вторых, потому, что на вопрос про **самое** любимое в работе возможен только один вариант, на котором реальный человек настаивал бы, а не давал после очередного повторения вопроса разные реплики. Именно поэтому мы приняли решение анализировать только первый ответ голосового помощника, уточняя его при необходимости.

Также отметим, что мы не обращаем внимание на орфографические, пунктуационные и грамматические ошибки, допущенные голосовыми помощниками (начало предложения с прописной буквы, опущенные запятые при перечислении

однородных членов и так далее), несмотря на то, что это может мешать восприятию ответа, появляется его двойная трактовка.

Говоря о статистических данных, полученных из ответов Алисы и Маруси, мы можем сделать некоторые предварительные выводы относительно соблюдения ими коммуникативного принципа релевантности. Отметим, что к «нерелевантным» ответам мы также относим ситуации, когда боты переключают пользователя на поисковик или дают ссылку на тематическую статью, а не отвечают, выражая «собственную точку зрения» (например, когда при вопросе «Какие изменения произошли в твоей жизни за последнее время?», голосовой помощник перенаправляет собеседника на сайт с названием «Самые важные события в жизни человека»). Однако мы решили выделить такой тип уклонения от ответов в отдельную категорию.

На 25 вопросов Алиса ответила: 8 раз релевантно, 2 – нерелевантно, 15 – открыла поисковик. Маруся: 19 раз релевантно, 2 – нерелевантно, 4 – перенаправила в интернет. Подводя итоги предварительных результатов этого эксперимента, можно сделать вывод, что голосовой помощник Маруся дает релевантные ответы в 2 раза чаще Алисы, а нерелевантные ответы оба бота выдают в равной степени – 2 раза к 25 (если считать ссылки на сайт – 17 к 25 у Алисы и 6 к 25 у Маруси). Данный вывод мы считаем лишь частичным и нуждающимся в дополнениях.

При анализе реакций голосовых помощников мы выделили несколько ответов, которые можно назвать частично релевантными или релевантными, но нарушающими другие постулаты Принципа Кооперации.

К частично релевантным мы отнесли два ответа Маруси: 1) «Как ты относишься к животным и окружающей природе?» – «Положительно, а вы?»; 2) «Какой опыт или урок ты извлек из самого трудного момента в жизни?» – «Вы экзаменуете меня что ли?». Первый пример, с точки зрения семантического аспекта, нельзя в полной мере назвать релевантным, потому что выражение «положительно относиться к» имеет слабую сочетаемость со словом «животные». Ответ второго примера является релевантным, если учитывать пресуппозицию: до этого вопроса мы задали Марусе уже пятнадцать. Но этот ответ является нерелевантным, когда мы задаём вопрос ещё раз: «Какой опыт или урок ты извлек из самого трудного момента в жизни?» – «Опыт у меня жизненный большой». Из этого мы можем сделать вывод, что первый ответ Маруси не учитывал предыдущую информацию диалога, но всё равно отнесли ответ в группу релевантных, т.к. в начале исследования указали, что будем анализировать только первый из «банка» ответов бота.

Если говорить о нарушении других постулатов Принципа Кооперации, можем отметить следующий пример: спрашивая у Маруси «Какую роль играет спорт в твоей жизни?», получаем ответ: «Огромную роль играет». Если попросить её уточнить ответ, спросив «Какую?», увидим реплику «Вот такую». Ответ голосового помощника является релевантным, но нарушается постулат категории Количества – она даёт меньше информации, чем требуется.

Мы также отметили, что голосовые помощники могут нарушать не только те принципы, которые выделил Пол Грайс. Например, попытки уточнить у Маруси информацию несколько раз приводили к нарушению ею разработанного английским лингвистом Дж. Лича принцип вежливости, включающий в себя шесть максим: такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия и симпатии [6]. Например:

- Какое место в жизни занимает твоя религия или духовность?
- На данный момент второе.
- А что первое?
- Вы это у меня хотели спросить?
- Да.
- Супер!

В этом примере видна ещё одна особенность голосовых помощников: они пытаются шутить. Более удачным и этичным примером шутки от Маруси является следующая:

- Что тебе больше всего нравится в твоей работе?
- Пятое и двадцатое число каждого месяца.

Ранее мы уже писали об ответах, которые лишь кажутся нерелевантным, но не нарушают Принцип Кооперации. На этом примере мы можем убедиться в том, что голосовые помощники также владеют этим приёмом: если бы Маруся не предполагала, что собеседник владеет информацией, что аванс и зарплата приходят в определённые числа месяца, она бы нарушила постулат релевантности. Тем самым Маруся имплицитно: ей больше всего в работе нравится получать деньги.

Нам встретились и по-настоящему нерелевантные ответы голосовых помощников. На вопрос «Какой была твоя самая значимая победа или достижение в жизни?» Маруся отвечает: «У меня много целей, но самая главная – быть лучшей». Алиса на вопрос «Какие привычки ты хотел бы развить в себе, чтобы улучшить свою жизнь?» говорит: «Мой стиль – честность, открытость и легкость в общении». В

данных примерах голосовые помощники совершили ошибку с точки зрения семантического аспекта.

Ещё одним вариантом такой ошибки является ответ Алисы на вопрос «Что ты считаешь своим главным достоянием или наследием?». Она сказала: «Быть счастливым человеком». Маруся тоже нарушила принцип релевантности в этом вопросе, неправильно поняв функцию союза «или», ответив: «На данный момент второе».

Часто голосовые помощники отвечали нерелевантно на те вопросы, которые касались ценностей. Таким образом, мы подходим к проблеме того, какими ценностными установками должны обладать голосовые помощники. Но это тема для отдельного исследования.

Подводя итоги, мы можем сделать вывод, что ответы голосовых помощников всё ещё не могут в полной мере соответствовать коммуникативному принципу релевантности. Алиса способна продолжить разговор более релевантными репликами, чем Маруся, однако вторая чаще отвечает пользователю релевантно, а не перенаправляет его к тематической статье.

Литература

1. Грайс П. Логика и речевое общение // Лингвистическая прагматика: Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. XVI. – С. 217–237.
2. Карасик В.И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – 476 с.
3. Потемкин А.А. Коммуникативные неудачи при идентификации референта: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. – Москва, 1994.
4. Статья 2. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/ (дата обращения 21.01.2023).
5. Тьюринг А. Вычислительные машины и разум. – Москва : АСТ, 2018. – 128 с.
6. Leech G.N. Principles of Pragmatics. – London, N. Y., 1983.

Dorozhkina P.V.

Pushkin State Russian Language Institute

The conversational Maxim of Relevance in AI reactions

In this article, the analysis was conducted on the compliance of the conversational Maxim of Relevance by voice assistants Alisa and Marusya. The work is based on Paul Grice's theory of the necessity to comply with the Cooperative Principle, consisting of four maxims. We have looked at examples of voice assistants' responses to questions that help to better understand the interlocutor, and tried to find out how accurately and effectively they adhere to the conversational Maxim of Relevance.

Keywords: Maxim of Relevance, Cooperative Principle, pragmalinguistics, artificial intelligence, voice assistants.

Дорожкина Полина Викторовна

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
belka_dayzy@mail.ru

Лингвокультурные аспекты словообразования в названиях покемонов (на примере французского языка)

Работа выполнена под руководством старшего преподавателя кафедры социально-гуманитарных дисциплин Фёдоровой Марии Александровны

Данная статья представляет анализ французской версии наименования покемонов с лингвокультурной точки зрения. В ней приведены этимологии названий, включающих отсылки к культуре, с последующим комментарием. В ходе работы было проанализировано 251 наименование. В статье разобраны отсылки как ко французской культуре, так и к культурам ряда других стран. Работа представляет практическую ценность для переводчиков и методистов и является интересной для поклонников франшизы.

Ключевые слова: французский язык, лингвострановедение, культурный код, геймификация, аниме, игровые методики.

«Покемон» — это не только одна из самых популярных франшиз в мире, но феномен современной поп-культуры, возникший в 1990-х годах благодаря японскому геймдизайнеру и создателю игр Тадзири Сатоси. Франшиза включает в себя не только игры, но и мультсериал, состоящий на данный момент из 14 сезонов, фильмы, мангу (японские комиксы) и коллекционные карточки.

Однако до сих пор с научной точки зрения не были изучены лингвокультурные особенности словообразования в названиях покемонов. В дальнейшем тексте статьи будет использоваться термин «покемонимы», придуманный нами по аналогии с лексическими терминами, связанными с какими-либо названиями. Анализ этимологии покемонимов французского языка показал, что переводчики ответственно подошли к адаптации названий, отражая в них не только различные культурные отсылки, которым посвящена наша статья, но и языковую игру, звукоподражания, использование жаргонизмов. Мы настаиваем на том, что описанные в предыдущем предложении аспекты не были ранее проанализированы и также нуждаются в лингвистическом исследовании.

Актуальность работы обусловлена растущей популярностью субкультур и фандомов, связанных с мультсериалами.

Выбранная нами тема является не только интересной для поклонников франшизы, но и ценной с практической точки зрения для переводчиков, желающих познакомиться с примерами лингвокультурной адаптации новых слов, и методистов, которые смогут разработать занятия для разных уровней изучающих французский язык с помощью элементов геймификации.

В этой работе мы рассмотрели этимологию покемонов первого и второго поколений, то есть с 1 по 151 номер и с 152 по 251 номер покедекса – «полная база покемонов» [5], некая электронная энциклопедия, в которой содержится информация о «карманных монстрах». Мы не анализировали те покемонимы, лингвокультурные особенности которых были переданы английским или японским языком. Во французском языке они также имеют прозрачную семантику, но не содержат тех находок, которые были придуманы французскими переводчиками.

Специфика покемонов позволяет переводчикам обратиться к разным аспектам культуры: от типичных растений регионов до героев книжных произведений. Это возможно по нескольким причинам. Чаще всего покемонимы образованы от двух слов. Вот некоторые из способов образования: название или вид животного и слово, указывающее на стихию, которой он управляет (*Reptincel* = *reptile* ‘*пенгулия*’ + *étincelle* ‘*искра*’); животное и его умение (*Rattatak* = *rat* ‘*крыса*’ + *attaque* ‘*атака*’); часть тела и характеристика (*Carbaffe* = *carapace* ‘*панцирь*’ + *baffe* ‘*удар*’).

Проанализированные нами покемонимы можно разделить на две группы: те, в словообразовании которых встретились отсылки к французской культуре, и те, в словообразовании которых встретились отсылки к культурам других стран или общеевропейской культуре. Отметим, что нам встретились и периферийные случаи. Таким примером может послужить покемон-лиса *Goupix*, чьё название происходит от слов *goupil* ‘*лисица*’ и *six* ‘*шесть*’. С одной стороны, цифра шесть коррелирует у покемона. Это отсылает нас к Кицунэ – оборотню-лисице из японской мифологии. С другой стороны, слово *goupil* «относится к древнему термину, который использовался для обозначения лисы в Средние века» [4] и именно так называется лиса в басне средневековой поэтессы Марии Французской «*Du renard piégé par un reflet de lune*» [3].

Перейдём к проанализированной группе покемонимов, включающих лингвокультурные отсылки, несвязанные с Францией. Боевые покемоны *Kicklee* и *Tugnon* получили свои названия благодаря сочетанию слова с семантикой драки/удара и имени того человека, чей стиль схож со стилем боя этих покемонов. Как и Брюс Ли, актёр, известный своими фильмами о боевых искусствах, *Kicklee* предпочитает стиль

боя, связанный с ударами ногами (*kick* ‘удар ногой’), а *Tygnon*, подобно знаменитому боксёру Майку Тайсону, дерётся руками. Интересным нам показалось и то, что в английской версии *Tygnon* имеет название *Hitmonchan*, отсылающему к другому мастеру боевых искусств – Джеки Чану, то есть этимология покемонимов в разных языках выстраивается по аналогичной модели.

Две эволюции покемона, похожего на летучую мышь, называются *Nosferapti* и *Nosferalto*. Словообразование этих покемонимов связано с Носферату – синонимом слову «вампир». Впервые его использовал Брэм Стокер, автор «Дракулы», но настоящую известность ему принёс немецкий фильм 1921 года «Носферату, симфония ужаса» (реж. Фридрих Мурнау). Вторая часть покемонима *Nosferapti* связана с прилагательным *petit* ‘маленький’, что подходит для обозначения покемона, являющегося первым в своей эволюционной линии. Словообразование покемонима *Nosferalto* связано с латинским прилагательным *altus*, -a, um, а точнее, с его итальянским вариантом *alto* ‘высокий’, что отсылает нас, во-первых, к тому, что это вторая ступень эволюции покемона, и, во-вторых, к тому, что основная атака покемона – громкий звук.

Léviator – покемоним, произошедший от Левиафана, библейского чудовища, часто изображаемого в виде гигантского морского змея, сеющего хаос. В Книге Иова описывается, что «из пасти его выходят пламенники, выскакивают огненные искры» [2]. Название дополняется формантом «-or», обозначающим производителя действия. Еще одно замечание: привязка [r] к закрытой гласной, такой как «o», добавляет в слово рычащий эффект в соответствии со слоговой просодией, которая представляет собой исследование явлений ударения и интонации.

Lokhlass – название покемона, которое также восходит к легендарному монстру. Лох-Несс – озеро в Шотландии, известное тем, что в нём живёт мифическое лох-нессское чудовище. Покемон действительно похож на длинношеего ящера, а то, что он красив, подчёркивает вторая часть покемонима – фраза «*La classe!*» ‘Класс!’.

Продолжая тему лигвокультурных отсылок к легендам и мифам, невозможно не упомянуть сильнейших покемонов первого поколения, которыми стали птицы *Artikodin*, *Électhor* и *Sulfura*. Эти покемонимов образованы от слова, связанного со стихией покемона, и каким-нибудь богом: ледяной *Artikodin* – *arctique* ‘Арктика’ и *Odin* ‘Один’ (верховный бог в германо-скандинавской мифологии); электрический *Électhor* – *électrique* ‘электрический’ и *Thor* ‘Тор’ (бог грома в германо-скандинавской

мифологии); огненный *Sulfura* –от лат. *sulfur* ‘сера’ (сера встречается в вулканических регионах) и *Râ* ‘Pa’ (древнеегипетский бог солнца).

Обратимся к покемонам, включающим культурные отсылки, относящиеся к Франции. Первым в этом списке будет покемон, название которого и в английском языке отражает аспект французской культуры. *M. Mime* или *Monsieur Mime* – покемон-мим. «В современном театре мимами иногда называют актёров — исполнителей пантомимы» [1]. Их образ неразрывно связан с улицами Франции. Отмечается, что буква *M.* в покемоне «может быть отсылкой к Марселю Марсо» [4], французскому актёру-миму и создателю парижской школы мимов.

Растения, используемые в покемонах, не являются типичными только для Франции, но мы выписали те, которые являются значимыми для культуры страны (согласно французскому покедексу) [4]. В покемоне *Ortide* используется *ortie* ‘крапива’, «распространенное растение во Франции, листья которого употребляют в супах» [4]. А в состав покемона *Macronium* входит *géranium* ‘герань’, популярное во Франции растение, «широко использующееся в садах или на балконах» [4].

Rondoudou – покемон, в названии которого есть слово *rondoudou*, означающего старинную французскую сладость из жжёного сахара. А первая часть покемона, *rond* ‘круглый’, указывает на то, что он похож на шарик.

Ядовитый покемон, похожий на осу, был адаптирован французскими переводчиками как *Dardargnan*. Это слово состоит из трёх: *dard* ‘жало’ или ‘дротик’, *D’Artagnan* ‘Д’Артаньян’ и выражение «*dare-dare*» ‘дерзай-дерзай’, «обозначающего понятие стремительности или скорости» [4]. В большей степени нас интересует Д’Артаньян, персонаж романа Александра Дюма «Три мушкетёра», чьему мастерству владения шпагой не было равных. Этот аспект даёт нам возможность предположить, что покемон, как и мушкетёр, превосходно владеет своим оружием.

Покемон *Métamorph* является производным от *métamorphe* ‘оборотень’. Метаморфис – это имя, которое носит сущность в анимационном фильме Рене Лалу «Гандахар. Световые годы». Она имеет внешность, близкую ко внешности покемона, и тоже способна менять свой облик. *Métamorph* знает только одну атаку, позволяющую перевоплощаться в других покемонов и копировать их движения.

Qulbutoké - покемоним, одной из производных которого является настольная французская игра *culbuto*, которую можно перевести на русский язык как ‘неваляшка’. Цель игры – загнать шары в лунки, наклоня игровое поле. Обычно эта дощечка имеет

закруглённое основание. В этом проявляется её внешнее сходство с покемоном *Qulbutoké*.

Подводя итоги, мы можем сделать вывод, что значительное число покемонимов французского языка являются оригинальными адаптациями, включающими лингвокультурные аспекты словообразования. Отметим, что образы, использованные переводчиками, зачастую можно назвать «культурным кодом» Франции, о котором не пишут в большинстве пособий по изучению французского как иностранного (например, про старинные конфеты или настольную игру в форме неваляшки). При этом они отражают значимые символы не только Франции, но и других стран, хотя те и не были изначально заложены в английской и японской версиях покемонимов.

Литература

1. Большая советская энциклопедия. В 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – Москва : Советская энциклопедия, 1969–1978.
2. Книга Иова / Пер. с франц. подстрочника А.М. Надежкина. – Н. Новгород: Радонеж, 2019. – 123 с.
3. Marie de France. The lais of Marie de France. – London : Penguin, 1999. – 164 p.
4. Liste des Pokémon : le Pokédex [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eternia.fr/fr/pokedex/liste-pokemon/> (дата обращения 21.02.2023).
5. Pokédex [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.orthrusonline.ru/> (дата обращения 21.02.2023).

Dorozhkina P.V.

Pushkin State Russian Language Institute

Linguistic and cultural aspects of word formation in Pokemon names (using the example of the French language)

The article presents an analysis of the French version of the Pokemon name from a linguocultural point of view. It contains etymologies of names that include references to culture, followed by commentary. In the course of the work, 251 names were analyzed. The article analyzes references both to French culture and to the cultures of a number of other countries. The work is of practical value for translators and methodologists and is interesting for fans of the franchise.

Keywords: French, linguistics, cultural code, gamification, anime, game techniques.

Доронина Анастасия Вадимовна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Провокативная реклама: понятие и характеристики

Работа выполнена под руководством Селезневой Ларисы Васильевны, доктора филологических наук, профессора кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина.

В статье рассмотрена особая разновидность продвигающего текста – провокативная реклама. На основе проведенных нами исследований дан обзор технологий создания такого типа рекламы, а также классификация по разным параметрам. Сделан вывод, что провокативная реклама стала попыткой рекламодателей привлечь внимание потребителей. Провокативная реклама делает продвигаемый бренд более запоминающимся, так как создает шокирующий контент, который, в первую очередь, воздействует на эмоциональную сферу потребителя.

Ключевые слова: реклама, провокативная реклама, провокативность, манипуляция, табу.

Провокативная реклама представляет собой особую разновидность продвигающего текста, который отличается от других текстов использованием коммуникативных стратегий, направленных на провоцирование адресата, т.е. заражение собеседника интенциональным состоянием говорящего. В научных работах термин «провокативность» может употребляться в разных значениях в зависимости от контекста употребления различными учеными. Например, понятие «провокативность» синонимично понятию «провокационность» в нейтральном контексте. В данном случае термин обладает нейтральной коннотацией и характеризует некое явление, содержащее в себе провокацию [4].

Как подчеркивает М.В. Терских, к рекламе наиболее уместно применять термин «провокативная», так как в русском языке термином «провокационная» характеризуются вредные и опасные для общества явления, целью которых является подстрекательство, стимулирование индивидов на совершение тех или иных поступков, оцениваемых обществом как отрицательные. Провокативность рекламы в данном случае граничит с эпатажностью и шокирующим контентом, на котором базируется эпатажная реклама, нередко противоречащая принятым в обществе нормам и стандартам поведения, что приводит к появлению различных классификаций провокативной рекламы. В нашей работе мы будем придерживаться этой точки зрения.

Провокативная реклама является одним из эффективных средств продвижения товаров и услуг. Шокирующая реклама на данный момент не регламентируется с юридической точки зрения, однако некоторые виды таких текстов могут классифицироваться как ненадлежащая реклама, нарушающая Федеральный закон от 13 марта 2006 г. No 38-ФЗ «О рекламе». Вызывая шок, реклама, затрагивает и более или менее «табуированные» в обществе темы принципиально их нарушает с помощью создания текстов, которые возмущают представителей какой-либо культуры.

Наиболее часто встречающееся табу — это табу, связанные со смертью и с убийствами. Шоковая реклама в большинстве своем прибегает к использованию данного приема.

Второе табу — это табу на обнажение различных частей человеческого тела.

Последняя разновидность табу — это табу, связанные с охраной жизненно важных актов, физиологических процессов человека. Несмотря на то, что сексуальные мотивы уже стали обыденными в рекламе, такой «запрет» не до конца утратил силу в подсознании людей [3].

Кроме табу в провокативной рекламе используется еще одна технология — манипуляция. Термин «манипуляция» подразумевает скрытое воздействие на поведение и волеизъявления человека для достижения собственных целей.

Отечественные ученые понимают манипулирование как психологическое влияние, скрытое господство, реализуемое против воли человека, управление поведением, его мировоззрением. «Манипуляция, — отмечает Е.Л. Доценко, — это вид психологического воздействия, при котором мастерство манипулятора используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [1, с. 165], и «психологическое воздействие, нацеленное на изменение направления активности другого человека, выполненное настолько искусно, что остается незамеченным им» [1, с. 52].

Отдельного внимания заслуживают работы социолога С.Г. Кара-Мурзы. Исследователь определяет «манипуляцию», основываясь на социально-политическом контексте: «манипуляция сознанием есть воздействие на психические структуры человека, осуществляемое скрытно и ставящее своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном направлении» [2, с. 47].

В этом контексте манипуляцию, безусловно, можно отнести к одной из основных технологий провокативной рекламы. Рекламные сообщения пытаются воздействовать на подсознание человека, его психические процессы, оперируя различными прообразами, мотивами и потребностями человека.

Главное преимущество шокирующей рекламы заключается в том, что такая реклама позволяет увеличить поток клиентов при минимальных вложениях. Более того, провокативная реклама делает продвигаемый бренд более запоминающимся, так как шокирующий контент, в первую очередь, воздействует на эмоциональную сферу потребителя. Таким образом, правильно спланированная рекламная кампания,

содержащая в себе элементы, расходящиеся с мировоззрением потребителя или противоречащие этическим нормам конкретного общества, будет эффективна при грамотном таргетировании при минимальных затратах на рекламу. М.В. Терских в своих исследованиях отмечает, что даже негативный эмоциональный отклик целевой аудитории на рекламные материалы обеспечивает её вовлеченность в увеличение количества продаж товаров, продвигаемых с помощью провокативной рекламы.

Среди функций провокативной рекламы В.Н. Степанов [5] выделяет следующие:

1. Функция привлечения внимания (выбор шоковых рекламных материалов основывается на том, что у воспринимающего материалы, противоречащие принятым в обществе нормам, возникает диссонанс, позволяющий провокативной рекламе выделиться на фоне рекламного потока и предсказуемой реальности; более того, шоковые рекламные материалы благодаря постепенному декодированию смысла рекламы способствуют неоднократному обращению потенциального потребителя к вербальным и невербальным рекламным материалам, что также способствует лучшему запоминанию продвигаемого продукта или услуги);

2. Функция дифференциации (провокативная реклама выделяет продукт не только на фоне конкурентов, но и позволяет рекламному материалу завладеть вниманием потенциального потребителя на фоне всего информационного контента);

3. Мнемоническая функция (повышенный интерес потребителя и эмоциональная реакция на рекламные материалы способствует запоминанию рекламируемого продукта; расшифровка скрытого в рекламе послания и неоднократное обращение к рекламному материалу также повышает интерес потребителя к товару или услуге);

4. Функция вирусного распространения (провокативная реклама распространяется быстрее, чем ее традиционный аналог. Наличие в рекламе шокирующего контента становится стимулом для дальнейшего распространения рекламы потребителями);

5. Прагматическая функция (большая привлекательность провокативной рекламы).

Наиболее подробная классификация провокативной рекламы также представлена в работе М.В. Терских и О.В. Зайцевой [6], которые выделяют следующие виды шокирующей рекламы:

По тематике рекламного материала:

1. Основанная на мотивах человеческой сексуальности (включает в себя вербальные средства взаимодействия и изображения как женского, так и мужского обнаженного тела);

2. Реклама, базирующаяся на острых социальных проблемах (может включать в себя упоминания о классовом неравенстве, конфликтах, возникших на этнической или религиозной почве, экономическом кризисе, политической ситуации в стране или действующих политиках современности, семейных отношениях, семейном насилии (психологическом и физическом) или демографической ситуации);

3. Реклама, включающая в себя намеки на физиологию человеческого организма (в рекламе отражаются особенности функционирования организма человека, при этом рекламные материалы могут апеллировать к страху реципиента оказаться в неловком положении, к чувству стыда, а также к чувству вины, возникающей в человеке при несоответствии его действий или его внешнего облика культурным стереотипам конкретного общества).

По мнению авторов исследования, провокативная реклама зачастую является гендерно ориентированной, так как определенный продукт или услуга предполагают наличие целевой аудитории, на которую будет направленно рекламное сообщение, то есть реклама может быть:

1. Ориентирована преимущественно на мужскую целевую аудиторию;
2. Адресована в основном на женщин;
3. Универсальная реклама, охватывающая широкий круг потребителей.

Реклама также может быть классифицирована с учетом способов кодирования провокативного сообщения потребителям:

1. Рекламный материал, содержащий провокационный контент, выраженный вербальными средствами;
2. Реклама, использующая провокационные изображения;
3. Реклама смешанного вида, содержащая как вербальные, так и невербальные средства выражения провокации.

Среди провокативных приемов выделяют две категории, базирующиеся на степени выраженности шокирующего компонента сообщения:

1. Эксплицитная провокация, связанная с явным провокативным посланием;
2. Имплиcitная провокация, связанная с грамотным кодированием смысла сообщения, открывающегося воспринимаемому только после его декодирования (при этом воспринимающий провокативное сообщение должен обладать базовыми

знаниями, позволяющими понять смысл зашифрованного сообщения; реакция на имплицитную провокацию может разниться у разных слоев населения, а также разновозрастных социальных групп).

Провокативная реклама может содержать провокацию (как имплицитную, так и эксплицитную), направленную на:

1. Реципиента;
2. Объект, который упоминается в самом тексте;
3. Третье лицо (обычно им выступает прямой конкурент).

При этом провокация может быть истинной интенцией создателя рекламного текста, а может служить своеобразной маской, которая выполняет функцию привлечения внимания и создания комического эффекта.

Подводя итоги, отметим, что провокативная реклама является эффективным средством продвижения товаров и услуг. Главное преимущество такого типа рекламы заключается в увеличении потока клиентов при минимальных вложениях. Более того, продвигаемый бренд таким образом становится более запоминающимся, так как шокирующий контент, в первую очередь, воздействует на эмоциональную сферу потребителя.

Литература

1. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. СПб.: Речь, 2003. – 304 с.
2. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2009. – 864 с.
3. Морозова Л.В. Классификация шоковых приёмов в рекламе. Механизмы воздействия на потребителя. – 2012. – No1.
4. Солодухо А.С., Лозовский А.В. Провокативность в интернет-коммуникации: проблема определения понятия // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019. No 1. С. 104 –109.
5. Степанов В.Н. Провокативный дискурс массовой коммуникации: дис. докт. филол. наук: 10.01.10. – СПб., 2005. – 380 с.
6. Терских М.В., Зайцева О.А. Провокативная реклама: понятие, функции, типология // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. No 2. С. 248 – 262.

The article considers a special kind of promotional text – provocative advertising. There are overview of technologies for creating this type of advertising, as well as a classification according to different parameters. It is concluded that provocative advertising was an attempt by advertisers to attract the attention of consumers. Provocative advertising makes promoted branding more memorable, as shocking content primarily affects the emotional sphere of users.

Keywords: advertising, provocative advertising, provocation, manipulation, taboo.

Зайцев Никита Александрович

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

KarlShilder1854@yandex.ru

Особенности образа рассказчика в повестях Н.А. Полевого «Блаженство безумия» и «Живописец»

Работа выполнена под руководством кандидата филологических наук, доцента
Июльской Елены Геннадьевны.

В статье рассматриваются образы рассказчиков в повестях Н.А. Полевого «Блаженство безумия» и «Живописец»: их сходства, различия, функции. Анализируется построение образа рассказчика и специфика его взаимоотношений с другими персонажами, прежде всего с главным героем.

Ключевые слова: Н.А. Полевой; образ; рассказчик; романтизм; повесть.

Сборник Н.А. Полевого «Мечты и жизнь», разносторонне раскрывающий одну из основных антитез романтизма, стал одним из ярких выражений романтической мысли своего времени и был тогда очень популярен у русского читателя. Произошло это, как представляется, из-за особого подхода писателя к проблеме мечты и действительности. Во-первых, вооружившись романтическим же принципом художественного произвола, Полевой позволяет себе строить образы и сюжеты, не подчиняясь романтическим, сентименталистским или реалистическим канонам. Это определяет высокую бытовую и психологическую достоверность повестей. Во-вторых, решение объединить в одной книге четыре повести (одна из них в двух частях), посвященных одной и той же проблеме, позволило автору дать свой взгляд на нее после детального и разностороннего художественного исследования: «Отчасти совпадая друг с другом, сходные истории создают систему, претендующую на определенную универсальность. Если в диалогическом цикле различие точек зрения требовало выбора между ними, то здесь они сосуществуют как возможности, причем не разные и равноправные, а совместимые в единстве реальности и дающие более сложное и более адекватное представление о ней» [5, с. 31]. Общая характеристика и анализ отдельных приемов Полевого как исследователя проблем романтического мировоззрения уже присутствуют в ряде научных работ, однако по-прежнему недостаточно изученной представляется специфика и роль образа рассказчика в сборнике и в прозе Полевого в

целом. В данной работе будут рассмотрены образы Леонида в повести «Блаженство безумия» и Мамаева в повести «Живописец».

Образ рассказчика в сборнике Полевого сложно признать таким же циклообразующим фактором, как, к примеру, в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» или «Записках охотника». Здесь у каждой повести свой рассказчик: умудренный жизнью купец в «Рассказах русского солдата» и «Мешке с золотом»; участвующий в жизни главного героя персонаж в «Блаженстве безумия» и «Живописце»; отстраненный рассказчик, близкий к образу автора, в «Эмме», — причем объединению в один образ условно поддаются лишь повествователи «Рассказов русского солдата» и «Мешка с золотом».

Наше внимание привлекли именно герои-рассказчики в повестях «Блаженство безумия» и «Живописец», поскольку здесь наблюдается особое сходство взаимоотношений рассказчика и главного героя, основных характеристик рассказчиков и эпизодов зарождения дружбы между ними.

В «Блаженстве безумия» Леонид (герой-рассказчик) и Антиох (главный герой) служат в одном департаменте, но Антиох кажется всем необщительным и почти не общается с коллегами (не исключая и Леонида): «В начале нашего знакомства показался он мне угрюм, холоден и молчалив. В веселых беседах наших он обыкновенно говаривал мало. <...> Говорили, что он нарочно не сказывается, хотя кроме должности почти никуда не ходит и сидит запершись в своем кабинете. Должность была у него легкая, за бумагами сидеть ему было не надобно, и никто не знал, каким образом Антиох проводит время. <...> Иногда начинал он говорить, говорил с жаром, увлекательно, но вдруг прерывал речь и упорно молчал целый вечер. Знали, что он много путешествовал, но никогда не говорил он о своих путешествиях. <...> Вообще Антиоха все уважали, но любили его немногие» [2, С. 93–94].

Леонид изначально испытывает интерес и симпатию к Антиоху, а одним летним вечером Антиох застаёт коллегу погруженным в созерцание природы и его возвышенное сознание видит в Леониде близкого по духу человека: «Леонид! - сказал он мне, - дай руку! Отныне ты видишь во мне доброго своего друга!» [2, с. 95]. Два героя становятся друзьями и собеседниками, однако Полевой отмечает, что они не одинаково близки к идеалу романтического сознания: «...что мог я тогда высказать ему? <...> Несколько бледных воспоминаний детства, несколько неопределенных чувств при взгляде на природу, несколько затверженных мною идей, несколько мечтаний о будущем, может быть...» [2, с. 96]. Далее Леонид становится свидетелем трагической

любви Антиоха и Адельгейды, на протяжении всей повести стараясь поддержать потерявшего рассудок друга до самой его смерти.

Иначе встречает главного героя Мамаев, рассказчик в повести «Живописец». Его знакомство с художником Аркадием происходит лишь из-за того, что отец Аркадия просит передать своему сыну письмо. В отличие от Леонида, Мамаев изначально испытывает по отношению к Аркадию смешанные, постоянно меняющиеся чувства: от легкой неприязни до интереса и живого сочувствия. Полевой психологически реалистично работает здесь с ожиданиями героя-рассказчика, на которые влияют как замечания самых разных людей, знакомых с Аркадием, так и размышления самого Мамаева. Попав в мастерскую художника, Мамаев воображает себе романтический образ творца и восхищается человеком, существующим лишь в его воображении. Из-за этого первая встреча с Аркадием оборачивается разочарованием: «Совсем это не был молодой человек с греческим профилем Гете, германским профилем Шиллера, потухшими в борьбе сильных страстей глазами или невыносимую, наполеоновскую бесцветностью глаз. <...> Словом, Аркадий, при первом появлении, не сделал на меня никакого сильного впечатления: я видел перед собою обыкновенного молодого человека, обыкновенно одетого, и если бы кто-нибудь не сказал мне: “вот художник”, - я ничего не подозревал бы в этом правильном, приятном лице, в этой простой улыбке, в этом обыкновенном наряде» [2, с. 181]. Постепенно мнение Мамаева об Аркадии меняется, и наконец они становятся лучшими друзьями: «В первый раз тогда между нами завязался разговор от души. Я обратил его на изящные искусства, и Аркадий не скрывался более. С жаром начал он говорить об упадке изящного в наше время, о средствах свести изящные художества с ложной дороги школьных условий, по которой ныне идут они. О многом спорил я, со многим соглашался, удивляясь необыкновенным познаниям Аркадия. Вдруг он схватил меня за руку и сказал:

- Простите меня, г-н Мамаев: я не знал вас. Я думал, что вижу в вас просто умного, доброго человека: теперь вижу в вас горячую душу, человека глубоко чувствующего, просвещенного. Вам доступно все прекрасное. Зачем вы скрывались от меня?

Слова эти были сказаны так добродушно, так просто, что я невольно улыбнулся.

- Зачем вы сами, любезный Аркадий, хотели спрятаться от меня под маской ничтожного живописца и молодого петербургского щеголя?

<...>

- Аркадий, - сказал я, - сердца наши сказались друг другу. Отныне мы с тобою

друзья. Вот тебе рука моя, а кому я сам подаю ее, тот не спрашивай меня ни о чем более! Заключенная в минуту душевного бытия, отныне дружба моя к тебе неизменна» [2, С. 184–185, 188]. Как и Леонид, Мамаев не изменит своему слову и до конца повести останется на стороне Аркадия, который сталкивается и с непониманием общества, и с несчастной любовью, и с конфликтом мечты и действительности в собственной душе.

Как отмечает В.М. Маркович: «Н.А. Полевой стремится осмыслить тему искусства прежде всего социально» [1, с. 24]. Обращает на себя внимание то, что в обеих рассматриваемых повестях герой-рассказчик и главный герой происходят из третьего сословия, но из относительно обеспеченной его части. Представляется, что это не в последнюю очередь обеспечивает возможность полного взаимопонимания и дружбы, которая рождается через избавление от светских масок и ложных ожиданий. Здесь интересно столкновение романтического скепсиса по отношению к этому сословию и демократических убеждений Полевого, самого происходящего из купеческого рода и помещающего любимых героев в ту же или похожую социальную среду. Филистеров же он находит не только в третьем сословии, но и в дворянстве, особенно часто помещая в это сословие как далеких от идеала персонажей, так и типичную для романтизма филистерскую массовку, глухую к голосу искусства.

Продолжая тему зарождения дружбы между героями и условий ее возникновения, следует обратиться к типологии героев русской романтической повести 20–40-х годов XIX века, предложенной А.М. Тавриной. Исследователь приводит семь основных типов героев романтической повести: мечтатель, демонический герой, хранительница, творец, безумец, игрок, обыватель — и отмечает возможность объединения нескольких типов в одном образе [3, с. 7]. Подберем набор типов из этого списка для каждого из рассматриваемых героев: Леонид — мечтатель и обыватель, Антиох — мечтатель и безумец, Мамаев — мечтатель и обыватель, Аркадий — мечтатель и творец. В трактовке понятия «обыватель» мы здесь несколько отходим от концепции А.М. Тавриной и подчеркиваем лишь близость героя к действительному миру в противоположность романтической мечтательности. Возможно предположить, что совпадение типа «мечтатель» для всех героев определяет их духовное родство, однако у Антиоха и Аркадия этот тип идет в паре с одним из высоких собственно романтических типов, а у Леонида и Мамаева уравнивается типом «обыватель».

Наиболее интересным оказывается рассмотрение героев-рассказчиков по отношению к идеальному романтическому сознанию. В обеих повестях с ним в большей мере соотносится мировоззрение главного героя: Антиох открывает Леониду

«новый мир, фантастический, прекрасный, великолепный» [2, с. 96], а Мамаев видит в Аркадии истинного художника. Леонид и Мамаев, вовсе не чуждые мира искусства и романтического мировосприятия, более многих других открытые для восприятия действительности через мечту, все же не достигают той же высоты восприятия, что Антиох и Аркадий. Однако типично романтическое отношение к действительности приводит главных героев к гибели, тогда как рассказчики их переживают, не изменяя при этом своей совести и не делая ничего дурного. Это противопоставление вновь возвращает нас к заявленной в заглавии сборника антитезе романтической философии. В.М. Шамахова определяет «столкновения возвышенного настроения человеческих мыслей и чувств с обыденной жизнью, столкновения духовного и земного» [4, с. 15] как основной конфликт сборника. В.М. Маркович отмечает, что Полевой «обнаруживает несостоятельность мессианских притязаний романтического искусства: искусство не может разрешить ни одного из тех противоречий, с которыми сталкивается Аркадий, все его надежды и мечтания терпят крах, и такой исход предстает в “Живописце” единственно возможным» [1, с. 26]. Можно предположить, что идеал Полевого — купца и писателя — в действительности ближе к образам Леонида и Мамаева, чей внутренний мир находится в относительной гармонии между миром мечты и реальной действительностью. Им тоже случается испытывать недовольство и разочарование, но, возвышаясь над филистерами всех сословий, они все же твердо стоят на земле и не дают романтическому мировосприятию отравить их душу. Существовая в обоих измерениях романтического двоемирия, они становятся своеобразными посредниками героя-романтика в его взаимодействии с обществом. Проявляется это посредничество двойственно: с одной стороны, рассказчик стремится помочь герою и самой своей дружбой смягчает его столкновение с обществом, с другой — именно он передает читателям и в ряде случаев персонажам-представителям общества мысли и идеалы героя.

Итак, сходство образов героев-рассказчиков в «Блаженстве безумия» и «Живописце» возможно рассматривать как часть общего замысла Н.А. Полевого по тщательному изучению романтических ценностей и идеалов. Испытание на прочность романтического мировоззрения приводит автора к выводу о необходимости примирения земного и небесного, реального и воображаемого, мечты и жизни. И само название сборника видится таким образом не только антитезой, но и призывом к поиску равновесия. Поэтому основными положительными образами, наиболее близкими к роли выразителей авторской точки зрения (насколько это возможно, учитывая

полифоническое строение сборника) героями нам представляются именно Леонид и Мамаев — герои-рассказчики, сочетающие в себе дух и мысль романтизма с обстоятельностью и ответственностью лучших представителей третьего сословия.

Литература

1. Маркович В. М. Тема искусства в русской прозе эпохи романтизма // Искусство и художник в русской прозе первой половины XIX века: Сб. произведений. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – С. 5-42.
2. Полевой Н.А. Избранные произведения и письма. – Л.: Худож. лит., 1986. – 584 с.
3. Таврина А.М. Типология героев в русской романтической повести 20–40-х годов XIX века: автореф. дис. канд. филол. наук. – Вологда, 2016. – 22 с.
4. Шамахова В.М. Художественная проза Н.А. Полевого // Проблемы метода и жанра. – Томск: Томский государственный университет, 1977. – С. 13-25.
5. Шрага Е.А. Сборник Н.А. Полевого «Мечты и жизнь» и традиция диалогической циклизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – №3, Ч. 1. – С. 26-31.

Zaitsev N.A.

Pushkin State Russian Language Institute

Features of the narrator's image in N.A. Polevoy's novels «The Bliss of Insanity» and «The Artist»

The article examines the images of narrators in N.A. Polevoy's novels «The Bliss of Insanity» and «The Artist»: their similarities, differences, functions. The author analyzes the construction of the narrator's image and the specifics of his relationship with other characters, primarily with the main character.

Keywords: N.A. Polevoy; image; narrator; romanticism; novella.

Зиновьева Ксения Константиновна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
kseniazinovieva@mail.ru

Художественные средства создания образа Жюльена Сореля в поэтике романа Ф. Стендаля «Красное и черное»

Работа выполнена под руководством кандидата филологических наук, доцента
Петривней Елены Капитоновны.

Статья посвящена исследованию художественных средств создания образа Жюльена Сореля на материале романа Ф. Стендаля «Красное и черное». В настоящей работе был проведен анализ приемов создания образа Жюльена Сореля, опираясь на четыре ключевых этапа жизни героя: гувернерство в Верьере, направление в семинарию Безансона, дом маркиза де Ла Моля и покушение на госпожу де Реналь.

Ключевые слова: Стендаль, художественный образ, речевая характеристика, авторская характеристика, портрет, внутренний монолог.

Одним из наиболее широких и многозначных понятий современного литературоведения является понятие «художественный образ», под которым понимается результат воспроизведения фрагментов и явлений реальной действительности в конкретной словесной форме в рамках одного литературного произведения. Данный феномен имеет процессуальный характер, представляет собой сосредоточение идейно-эстетического содержания произведения, заключенное в изображении литературного героя с помощью определенного набора художественных средств и приемов. В.А. Скиба и Л.В. Чернец выделяли следующие характерные особенности, присущие художественному образу:

- максимальная емкость содержания (образ воспринимается как некая целостность);
- обобщение (всякий художественный образ имеет типическое значение и репрезентативный характер, создает концентрированный в своей индивидуальности оттиск реальной действительности, черты которой заостряются согласно авторскому видению картины мира);
- экспрессивность (художественный образ призван оказать эмоциональное воздействие на читателя, он обращен прежде всего к чувствам);
- самодостаточность (художественный образ есть форма выражения содержания в искусстве, в отличие от образов в научной сфере, литературные образы не призваны стать средством поиска объективной истины, а являются иллюстративным материалом к уже существующим доказываемым положениям) [2, с. 212–217].

Для создания цельного художественного образа авторами используется ряд средств и приемов, служащих посредниками в реализации замысла литературного произведения. На выбор средств создания литературного образа большое влияние имеет жанр произведения, сужающий поле вариантов. В современном литературоведении выделяют следующие средства создания художественного образа:

- портретная характеристика, представляющая собой воссоздание внешнего облика героя, описание его наружности: телесных и природных свойств, а также всего того, что было сформировано социальной средой, культурной традицией и индивидуальной инициативой;
- речевая характеристика, включающая монологи и диалоги и выполняющая одну из сюжетобразующих и текстообразующих функций;

- интерьер и экстерьер, характеризующиеся как описание внутреннего или внешнего убранства помещений, передающих эпоху, страну, социальный статус владельца, его вкусы;

- пейзаж, обозначающий изображение природного окружения человека;
- самохарактеристика героя и авторская характеристика;
- характеристика героя через его поступки в различных ситуациях, взаимоотношения с другими персонажами.

Обращаясь к анализу средств создания художественного образа Жюльена Сореля, необходимо отметить, что свою литературную деятельность Стендаль вел в период столкновения «романтиков» и «классиков», во время которого писатель занимал позицию витального, прогрессивного, правдоподобного, радикального романтизма. В произведениях Стендаля четко заметно влияние господствующего перед реализмом романтизма: фабула, наполненная авантюрными и необычайными положениями, сильные страсти и душевные метания персонажей, а также наличие исключительного главного героя. В отличие от поздних реалистов Стендаль не был «реалистом детали» — в его романах заметно практически полное отсутствие детализированного описания интерьеров, пейзажей, бытовых вещей, которое объяснялось идейной оппозицией автора пышным и витиеватым описаниям романтиков штаббриановского типа. Стендаль делал акцент на понимание, исследование и отображение общественных процессов, вынося вперед изображение скорее не конкретных исторических событий и политических обстановок, а основных глобальных противоречий, происходящих между общественными массами в тот или иной период. Эта авторская задумка находила отражение в реализации образов героев его произведений, типизированных в контексте своей эпохи, но наделенных тонкой психологической обрисовкой. Художественный мир романов Стендаля разделяется на сферу социальной практики и сферу романтического героя. Говорить о «сфере романтического героя» позволяет определенный набор черт, присущий образу главного героя романов Стендаля и сближающий его с героями романтизма. Это страстная эмоциональная личность, наделенная незаурядными способностями, большими амбициями и способная тонко чувствовать и остро воспринимать любые сопротивления жизни. По структуре роман «Красное и черное» схож с жанром романа воспитания: внимание концентрируется на главном герое, вокруг которого строится сюжет. Остальные персонажи произведения помогают оттенить главного героя и

акцентировать внимание на определенном свойстве его характера, раскрыть его образ с помощью косвенной характеристики и в ракурсе межличностных отношений. Так, сюжет «Красного и черного» формируется и развивается через образ Жюльена Сореля, что, в свою очередь, реализует авторский замысел — показать хронику XIX века, вмещающую в себя основные конфликты, проблемы и противоречия эпохи, отображающую психологические типы и общественные движения современной автору реальности.

Первым этапом жизни Жюльена Сореля, началом его пути стало гувернерство в Верьере. В данный период его жизни можно выделить и отдельно рассмотреть два места действия, помогающие положить начало характеристике художественного образа главного героя — сам город Верьер и дом мэра Верьера, господина де Реналья. Образ провинциального Верьера создается с помощью пейзажа. Отличительной его особенностью является спокойствие и замкнутость (могучие каштаны закрывают склон холма, на котором стоит город, вдоль городских укреплений протекает река Ду, с северной стороны Верьер защищен горами), это характеризует и нрав жителей города, консервативных, боящихся любых изменений провинциалов, довольствующихся размеренной и сытной жизнью в своем защищенном мирке. Процветанию города способствовали фабрики и лесопилы, одна из которых принадлежит отцу Жюльена Сореля. Однако сам Жюльен противостоит среде, в которой вырос, бунтует против нее, что сближает его образ с образами романтических героев. «Пробить дорогу для Жюльена прежде всего означало вырваться из Верьера; родину свою он ненавидел. Все, что он видел здесь, леденило его воображение» [6, с. 30], — в данной авторской характеристике наиболее ясно ощущается резкое противопоставление исключительного героя окружающей его среде. Вступая в оппозицию с действительностью, с нравами и основными ценностями Верьера, Жюльен подчеркивает особенности своего характера, являющиеся антитезой спокойствию, косности сознания, страху выделяться на фоне других, предпочтению ручного труда умственному. В это время Жюльен Сорель воплощает в себе образ «чужого» даже в рамках собственной семьи: крайняя ограниченность сознания старика Сореля вызывает у отца отторжение ко всем деталям поведения и облика сына, отличающих его от других членов семьи. Через обращения старика Сореля к Жюльену отражается такой способ создания образа, как характеристика через взаимоотношения с другими героями: Жюльен является чужим, отвергаемым даже родным отцом, в обращениях к нему старик Сорель использует такие слова, как *дармояд*, *скотина*, *дерзкая тварь*,

подлый ханжа, проклятый лентяй. При первом появлении Жюльена читатель обнаруживает его читающим «Мемориал Святой Елены» Эммануэля Огюстена де Лас Каза, представляющий собой дневник-мемуар, созданный на основе живых разговоров с Наполеоном Бонапартом, при этом также в романе мы читаем: «Ничего более ненавистного для старика Сореля быть не могло; он бы, пожалуй, даже простил Жюльену его щуплое сложение, мало пригодное для физической работы и столь не похожее на рослые фигуры старших сыновей, но эта страсть к чтению была ему отвратительна: сам он читать не умел» [6, с. 22]. Жюльен Сорель, для которого Наполеон становится главным кумиром и образцом, в первую очередь видит в нем выдающуюся личность, сумевшую добиться высокого положения только благодаря себе, своему уму, таланту и смелости. Жюльен сравнивает себя с Наполеоном на протяжении всего произведения в многочисленных внутренних монологах, эту параллель поддерживает и автор, комментируя мысли и поступки Жюльена: «Вот такая была судьба у Наполеона, может быть, и его ожидает такая же?» [6, с. 73].

Экспозиционный портрет Жюльена Сореля имеет черты романтического портрета. Образ героя контрастен: хрупкое телосложение, невысокий рост, тонкие неправильные черты лица противостоят черным глазам, которые «в минуты спокойствия сверкали мыслью и огнем, сейчас горели самой лютой ненавистью» [6, с. 23]. Элементы романтического портрета прослеживаются и в характерном противопоставлении «чрезвычайной бледности» и темных волос. Впервые главный герой романа появляется через косвенную характеристику господина де Реналья. Важной особенностью, усиливающей конфликт Жюльена с реальной действительностью, становится его «товарная», обезличивающая ценность, противоречащая с чувством собственной исключительности: господин де Реналь, соперничающий с беспринципным буржуа господином Вально, решил нанять гувернера в качестве достойного ответа на покупку Вально пары нормандских лошадей, а старик Сорель долго торговался с де Реналем по поводу жалованья Жюльена. Ключевым словом на данном этапе его жизни становится слово «лакей». Честолюбивый Сорель, ощущающий себя везде как в тылу врага, больше всего боится стать лакеем, безликой фигурой, существующей для служения сильным сего мира («Я не хочу быть лакеем», «Я человек маленький, сударыня, но я не лакей», «Нет, я для нее не какой-нибудь лакей, которого взяли в любовники», [6]).

На первом этапе становления личности героя наиболее значительны его взаимоотношения с госпожой де Реналь, через которые герой проходит испытание

любовью. Госпожа де Реналь становится едва ли не единственным положительным персонажем в видении Жюльена, отрицательными изображаются яркие представители аристократии, буржуазии и ультрароялизма: господин де Реналь и Вально, а также замкнутые в своем развитии консервативные крестьяне, останавливающие героя на пути к его цели своими страхами, ненавистью и предрассудками, — отец и братья Жюльена. Плебейская психология Жюльена Сореля проявляется в том, что любовь к госпоже де Реналь зарождается у него через тщеславие. В тексте говорится: «Какие бы воздушные замки он ни строил себе в детстве, он всегда был уверен, что ни одна знатная дама не удостоит его разговором, пока на нем не будет красоваться роскошный военный мундир» [6, с. 34], — внутренний конфликт Жюльена строится на трех точках: на осознании собственного ничтожества перед знатной и красивой женой мэра, на ярости, вызванной этим осознанием и ненавистью к «лакейству», и на искренней симпатии и восхищении внешней красотой и характером госпожи де Реналь. Жюльен, в первую очередь, испытывает собственную смелость в попытках добиться любви госпожи де Реналь, ее расположение означало в понимании Жюльена победу маленького талантливого человека над аристократами и богачами, а также победу над собственными слабостями. Однако рациональное начало любви, вышедшее из тщеславия, начинало вступать в конфликт со стороной «человека природы», страстной и живой натурой. В авторской характеристике Стендаль использует сочетание «жертва своей нелепой гордыни» [6], страх Жюльена, показанный в физических проявлениях — его неловкое или вызывающее поведение, дрожь, беспрестанные споры с самим собой, показанные через внутренние монологи, — обличает в нем того пылкого юношу, которого Жюльен тщательно пытался спрятать за маской выдуманного идеала. События, связанные с анонимным письмом, раскрывающим тайну Жюльена и госпожи де Реналь, становятся решающими в становлении чувств Жюльена: гордыня и плебейская психология не давали герою открыться чувствам полностью, пока он не убедился в готовности госпожи де Реналь к самопожертвованию ради любви («Избавившись от этого страха, Жюльен обрел способность испытывать все безумства любви, все ее мучительные сомнения» [6, с. 131]).

Вторым этапом жизни Жюльена Сореля становится пребывание в Безансонской семинарии. Отношение Жюльена к семинарии и программу его взаимодействий с окружающей действительностью в безансонский период можно увидеть с помощью самохарактеристики героя: *«Для такого бедняка, как я, — размышлял Жюльен, — без покровителей, без денег, в сущности, небольшая разница, что семинария, что*

тюрьма» [6, с. 188]. Через короткое описание интерьера кельи №103 («крохотная комнатка в восемь квадратных футов в верхнем этаже здания» [6, с. 197]) и элементы пейзажа («окно ее выходит на крепостной вал, а за ним виднеется прелестная равнина по ту сторону реки Ду» [6, с. 197]) можно проследить антитезу аскетической обстановки помещения, в котором Жюльену предстоит все время находиться наедине с самим собой, и внешним миром, который влечет своей красотой и жизнью и к которому у героя больше нет доступа.

Важно отметить, что образ собственного «я», существующий в сознании Жюльена Сореля, отличается от реального Жюльена. Если герой видит себя как идеальный результат собственных амбиций, силы характера и потенциала, то его поведение показывает, что он не вполне способен вступать в равноправную борьбу с внешним миром или с легкостью достигать желаемого. Так, это противоречие приобретает различные формы, концентрируясь в разных сферах жизни героя: в доме де Реналья — в любовной сфере (желая видеть себя смелым героем-любовником, Жюльен едва ли не разрушает симпатию госпожи де Реналь своими дерзкими и нелепыми поступками), в Безансонской семинарии — в сфере отношений с равными себе в общественной иерархии (определяя себя как яркую индивидуальность, Жюльен не мог стать похожим на других семинаристов, что стало причиной для взаимной ненависти), в Париже — в сфере отношений со светом (здесь противоречие проявилось особенно ярко, «чужого» в Жюльене выдавали и манеры, и внешний облик, и мышление). Именно семинария стала местом, где Жюльен особенно остро осознал свою инаковость и приложил все усилия, чтобы стать другим человеком, тем самым вступив в борьбу с самим собой. Отчаяние этой борьбы раскрывается через внутренние монологи героя: «Кругом — одни лютые враги. И какой же адский труд, — говорил он себе, — это ежеминутное лицемерие! Да оно затмит все подвиги Геркулеса!» [6, с. 203]. Важную роль в формировании личности Жюльена Сореля сыграл его духовник, аббат Пирар, отношения с которым служили одним из средств создания характеристики. Являясь героем-двойником Жюльена, обладающий «желчным темпераментом» и прекрасным умом аббат Пирар видит все его слабые («Вот ум отважный и здравый! — думал он. — Но *corpus debile* (плоть немощна)» [6, с. 195].) и сильные стороны («Этот молодой человек, хоть он и весьма низкого происхождения, душу имеет высокую» [6, с. 239].), он становится для героя одновременно строгим судьей и покровителем.

Париж становится высшей точкой восхождения Жюльена Сореля по социальной иерархии, здесь он использует выученное в Безансоне совершенство лицемерия и

получает возможность для реализации собственных амбиций через это лицемерие. Портретная характеристика наибольшим образом проявляется в описании жестов, мимике, походке, выделяющих Жюльена из толпы и ставящих на нем клеймо «провинциала»: «У Жюльена еще осталась привычка вертеть на ходу плечами, что в провинции считается весьма элегантным и внушительным» [6, с. 274]. Большое значение играет характеристика через действия героя: с большим упорством Жюльен старается принимать законы новой действительности, гордость не позволяет ему уступать юношам из высшего света умом, храбростью, умением держаться. Он учится верховой езде, стрельбе, фехтованию, танцам. Однако необычайная чувствительность и плебейская психология Жюльена продолжают порой брать верх над его рациональной стороной. Примечателен эпизод нелепой дуэли с Шевалье де Бовуази, кучер которого посмотрел на Жюльена угрюмо, чем сильно задел гордость героя.

Значимыми для раскрытия образа Жюльена становятся его отношения с Матильдой де Ла-Моль. Матильда практически является антиподом госпожи де Реналь, двойником самого Жюльена. Их сходство прослеживается даже в том, что именно Матильде отведено практически столько же внутренних монологов, сколько и Жюльену. Оба героя тщеславны, вспыльчивы, крайне чувствительны, но не лишены холодного рассудка, они оба презирают общество, выделяя себя как субъект уникальный, не способный совершенно слиться со средой. Как и Жюльен, Матильда считает себя личностью, сравнимой с великими деятелями мировой истории (если Жюльен обращается к судьбе Наполеона, Матильда видит свою связь с Маргаритой Наваррской). Однако Матильде чуждо лицемерие, которое использует Жюльен как главное оружие. Таким образом, происхождение и положение Матильды дает ей то, к чему так стремится Жюльен, между тем как женщина она не имеет тех возможностей для реализации, какими обладает Жюльен. Здесь рождается ее скука и бесконечное желание обратить на себя внимание, эпатировать свет, что приводит к зарождению чувств к Жюльену. Только Жюльен способен избавить ее от светских условностей и дать свободу, а она, в свою очередь, может дать возлюбленному титул и деньги — все, что необходимо для осуществления его честолюбивой мечты. Собственная внутренняя борьба обоих героев препятствует естественному развитию любви: две страстные натуры мечутся между личными внутренними противоречиями. В сознании Матильды Жюльен представляется той личностью, которой он всегда хотел стать, что показано через косвенную характеристику в ее внутренних монологах: «Этот не родился, чтобы ползать на коленях» [6, с. 288], «Он достоин быть моим господином: ведь он готов был

убить меня» [6, с. 396]. Однако следует отметить, что, если любовь к госпоже де Реналь пробудила в Жюльене лучшие качества, любовь к Матильде раскрыла и худшие, доведя тщеславие до абсолюта, что показано с помощью самохарактеристики и авторской характеристики («Ну что ж, — сказал он с какой-то мефистофельской усмешкой, — значит, я умнее их; я выбрал себе мундир по моде, во вкусе нашего века», «Он чувствовал себя богом» [6, с. 368–369]).

Последний этап жизни Жюльена Сореля, его покушение на госпожу де Реналь и пребывание в тюрьме, характеризуется как последняя битва с обществом и средой в широком смысле. Кульминацию борьбы двух сторон Жюльена, его начал «естественного человека» и человека новой эпохи, мы видим через действия: идеал женщины, которую он любил и о которой вспоминал, даже находясь с Матильдой, стал лишь препятствием для его карьеры, требовавшим отщепенства. Мотив борьбы прослеживается через характеристику физического состояния героя перед выстрелом («рука Жюльена задрожала» [6, с. 509]) и через речевую характеристику, механическое повторение коротких рубленых фраз («Не могу, — говорил он себе, — не в силах, не могу» [6, с. 509]).

Наиболее значимой является сцена суда, во время которой Жюльен Сорель предстает полностью сформировавшейся личностью, прошедшей через все испытания и переосмыслившей полученные уроки. Жюльен смотрит на присутствующих как на врагов, его одинокое противопоставление «другим» выражено во внутренних монологических высказываниях («Уверяю вас, среди них нет ни одного, который не желал бы, чтобы меня осудили, что, однако, не мешает им реветь самым дурацким образом, когда меня поведут на смерть» [6, с. 541]). Портретная характеристика подчеркивает контраст между клеймом преступника и красотой молодости: «Ему сегодня нельзя было дать и двадцати лет; одет он был очень просто, но с большим изяществом, волосы его и лоб были очаровательны» [6, с. 542]. Пораженный искренней жалостью как со стороны знатных особ, так и со стороны крестьян, Жюльен произносит речь, в которой переосмысливает совершенное преступление не как случай покушения на убийство конкретной личности, преступление Жюльена Сореля, а как попытку человека из низшего сословия властвовать над своей судьбой: «Вы видите перед собой простолюдина, возмущившегося против своего низкого жребия» [6, с. 544]. В последние дни своей жизни Жюльен учится видеть ее не как поле боя, а как мир, где есть красота, благородство, радость и признает, что ненавистный ему отец лучше всех судивших его знатных особ, а сам Наполеон опускался до шарлатанства. Жюльен

приходит к выводу, разрушающему его теории, — никакого естественного права не существует. «Вот оно, влияние современников! — сказал он вслух, горько посмеиваясь. — Говорю один, сам с собой, в двух шагах от смерти и все-таки лицемерю... О девятнадцатый век!» [6, с. 565], — в данной реплике, обращенной к самому себе, выражается новое понимание Жюльеном мира, в котором человек является игрушкой судьбы, а лицемерие, выбранное как путь, способный обмануть судьбу, неминуемо приводит к самому страшному наказанию. Важно отметить, что, несмотря на перевернувшуюся картину мира, Жюльен остается сильной и гордой личностью до конца: он признает свое поражение перед миром и без страха идет на смерть.

Таким образом, на первом этапе становления личности героя значительными являются такие средства создания художественного образа, как портрет, элементы пейзажа, дающие представление о противоречии между мировосприятием жителей Верьера и Жюльена Сореля, косвенная характеристика, а также взаимоотношения с другими героями, в частности с госпожой де Реналь. Авторская характеристика обличает в герое пылкого юношу, которого Жюльен тщательно пытался спрятать за маской выдуманного идеала. На этапе пребывания в Безансонской семинарии используются такие средства создания художественного образа, как самохарактеристика героя, элементы интерьера и пейзажа, внутренний монолог, а также взаимоотношения с другими героями. Несмотря на то, что роль пейзажа, интерьера и экстерьера у Стендаля редуцируется, на третьем этапе описание особняка де Ла-Моля помогает показать контраст между столицей и провинцией. Портретная характеристика наибольшим образом проявляется в описании жестов, мимики, походки. Характеристика через отношения с другими героями раскрывается с помощью любовной линии с Матильдой де Ла-Моль. На последнем этапе, во время пребывания Жюльена в тюрьме, наибольшее значение приобретает внутренний монолог, через который показано переосмысление всех жизненных ценностей человека, ожидающего смерть. Через речевую характеристику, выраженную в форме монолога Жюльена на суде, репрезентируется основной конфликт произведения — попытка человека из низшего сословия властвовать над своей судьбой.

Литература

1. Введение в литературоведение: учебник / Н.Л. Вершинина, Е.В. Волкова, А.А. Илюшин [и др.]; под общей редакцией Л.М. Крупчанова. – Москва: Оникс, 2005. – 416 с.
2. Введение в литературоведение: учебное пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, А.Я. Эсалнек [и др.]; под ред. Л.В. Чернец. – Москва: Высшая школа. 2004. – 680 с.
3. История зарубежной литературы XIX века: учебное пособие / Н.А. Соловьева, В.И. Грешных, А.А. Дружинина [и др.]; под ред. Н.А. Соловьевой. – Москва: Высшая школа, 2005. – 115 с.
4. Реизов Б. Г. Стендаль. Художественное творчество – Л.: Художественная лит., Ленингр. отд-ние, 1978. – 408 с.
5. Реизов Б.Г. Французский роман XIX века – Москва: Высшая школа, 1969. – 313 с.
6. Стендаль Ф. Красное и черное / Пер. с фр. А. Чеботаревской. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2021. – 576 с.
7. Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 1999. – 398 с.

Zinovieva K.K.

Pushkin State Russian Language Institute

Artistic means of creating the image of Julien Sorel in the poetics of Stendhal's novel "Red and Black»

The article is devoted to the research of artistic means of creating the image of Julien Sorel on the material of the novel "Red and Black" by F. Stendhal. The analysis of artistic means of creating the image of Julien Sorel is carried out in this work, based on four key stages of the life of the hero - governessing in Verrières, assignment to the seminary in Besancon, house of Marquis de La Mola and attempt on Mrs. de Renal's life.

Keywords: Stendhal, art image, speech characterization, author's characterization, portrait, inner monologue.

Зотова Анастасия Борисовна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
stasyzotova@yandex.ru

Проблема выбора учебника по иностранному языку

Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора
Брагиной Натальи Георгиевны.

В статье рассматривается проблема выбора учебника по русскому как иностранному и китайскому языкам. Проведен опрос, по результатам которого сделан вывод, что студенты отмечают важную роль учебника при обучении, а также что большинство обучающихся предпочитают учебники, написанные на родном языке. Выявлены основные критерии отбора учебника по иностранному языку среди изучающих иностранный язык.

Ключевые слова: учебник, русский язык как иностранный, китайский язык как иностранный, межкультурная коммуникация.

Процесс изучения любого иностранного языка слабо представляется без сопровождения учебников и учебных пособий как основных средств обучения, без которых нельзя достичь поставленных целей и задач в условиях как языковой, так и внеязыковой среды. В частности, углубление и расширение международного сотрудничества между Китаем и Россией привело к усилению контактов во всех жизненных сферах, в том числе межкультурной коммуникации народов обеих стран, это вызвало необходимость обучения китайской молодежи русскому языку, а русских — китайскому языку [3, с. 129]. В связи с актуальностью изучения данных языков, возникает запрос проанализировать, какие учебники по русскому как иностранному и китайскому языку являются наиболее распространенными в настоящий момент, достаточно ли в них теоретической и практической базы для формирования коммуникативной компетенции между двумя языковыми партнерами, согласно запросу обучающихся, а также с какими проблемами в выборе учебника сталкиваются начинающие изучать иностранный язык (ИЯ).

Целью статьи является выявление основных сложностей в выборе учебника по ИЯ и рассмотрение возможных путей решения обозначенных проблем.

Для того, чтобы ответить на заданные выше вопросы, нами был проведен опрос 31 респондента в возрасте от 18 до 50 лет, с разным опытом изучения ИЯ от полугода, среди которых 16 человек — русские, изучающие китайский язык, 15 человек — китайцы, изучающие русский язык. По результатам опроса стало очевидно, что основная причина изучения ИЯ — учёба, т.е. обучение за границей либо обязательный ИЯ в университете или другом учебном заведении (21 респондент обозначил учёбу основной причиной). Среди других причин отмечались перспективы в трудоустройстве, хобби или интерес к культуре страны изучаемого языка.

На вопрос «какими учебными материалами вы пользовались при изучении ИЯ?» абсолютное большинство ответило, что пользовалось учебниками, что подтверждает значимость и необходимость наличия учебника даже в современном процессе обучения. Большинство обучающихся осознают преимущество учебника перед, например, набором отдельных статей или серией видеороликов. Оно заключается в том, что в учебнике подача материала организована таким образом, что каждая его следующая порция будет органично вытекать из предыдущей. Учебник будто ведёт вас по лестнице, где с каждой предыдущей ступеньки легко шагнуть на следующую. Также

респондентами назывались рабочие тетради, аудио- и видеоматериалы, дополнительные пособия.

Немаловажно отметить страну, в котором обучающиеся начали изучать язык, для того чтобы мы могли понять, языковая или внеязыковая среда превалирует. Абсолютное большинство русских респондентов начали изучать китайский язык в России, в то время как только 3 китайских респондента из 15 отметили, что начали изучать русский язык в России, что даёт нам информацию о том, что в начале изучения ИЯ человек преимущественно находится вне языковой среды в своей родной стране. В таком случае перед учебником стоит важнейшая задача мотивировать студента на продолжение изучения ИЯ даже перед пока неясной перспективой пребывания в стране изучаемого языка.

Помимо этого, 3 китайских респондента ответили, что их первыми преподавателями по русскому языку были русские, и только 2 русских респондента ответили, что их преподавателями по китайскому языку в начале изучения были китайцы. Это в совокупности с результатами о стране изучения языка даёт нам ясно понять, насколько далеко от культуры изучаемого языка в начале своего нелёгкого пути может оказаться студент и как важно правильно подобрать учебные материалы, чтобы не только не потерять интерес к языку и культуре, но и поддерживать и развивать его.

Среди ответов на вопрос «какие трудности возникают при выборе учебника по ИЯ?» порядка половины респондентов (15 человек) основной сложностью назвали «непонимание как выбирать». Самостоятельно отличить «хороший» учебник от «плохого», особенно на начальном уровне изучения языка, действительно нелегко. Возникает множество вопросов, на которые человек просто не сможет сам найти ответы. Помимо этого, респонденты отмечали большой выбор учебников, недостаток рекламы, скучные учебники и нехватку советов со стороны преподавателей.

Следующим вопросом, который плавно вытекал из предыдущего был вопрос «как преодолеть трудности в выборе?». 13 респондентов говорят о важности мнения преподавателя в данном вопросе, еще 10 респондентов выбрали посоветоваться с человеком, который уже имеет опыт в изучении данного языка. Также отмечали варианты изучить отзывы в Интернете и довериться интуиции. Стоит отметить, что респонденты из Китая и России неодинаково отвечают, кому бы они доверились в данном вопросе. Можно проследить тенденцию, что преимущественно именно русские доверяют совету преподавателя (9 респондентов из 13), в то время как китайские

студенты отдают предпочтение совету от ранее изучавших русский язык (8 респондентов из 10).

Как видим, респонденты из разных стран выделяют схожие проблемы, связанные с важным этапом при изучении ИЯ, а именно с выбором учебника. Прежде чем предложить варианты решения проблем, стоит разобраться, какие мы можем выделить основные функции, структуру и содержание учебника.

Для того, чтобы назвать условный учебник «хорошим» и подходящим для того или иного ученика, учебник должен выполнять следующие функции:

- информативную: снижать меру незнания и неумения в области владения ИЯ и незнания страноведческого материала;
- мотивирующую: компенсировать при необходимости отсутствие языковой среды, способствовать созданию внутренней и внешней мотивации, познавательного интереса;
- прагматическую: обеспечивать и всячески стимулировать применение иноязычных знаний, навыков и умений, т.е. осуществлять коммуникативную деятельность на иностранном языке;
- контролирующую: создавать реальные возможности для осуществления контроля и самоконтроля, коррекции и самокоррекции [1, с. 18].

Иными словами, учебник должен быть интересным, способным подтолкнуть ученика к дальнейшему изучению ИЯ, к использованию полученных знаний и умений на практике, давать возможность ученику не бояться ошибок, а учиться на них.

Все это касается учебника в целом. Однако не стоит забывать о том, что целевая аудитория учебников по ИЯ максимально разнородная. Изучающие ИЯ отличаются друг от друга возрастом, целями и мотивацией. Для того чтобы функционирование учебника как системы было упорядоченным и целенаправленным, необходимо чёткое знание целей обучения. К примеру, если человеку необходимо в течение года овладеть ИЯ для ведения бизнеса, ни к чему читать литературные тексты или вести диалоги об архитектуре. И наоборот, человек, мечтающий о путешествиях в другой стране, зря потратит время на изучение экономических терминов. Необходимо подобрать такой учебник, чтобы он отвечал на запрос адресата. На современном этапе развития только чёткая постановка целей может обеспечить требуемый полезный результат. Именно поэтому в начале изучения любого ИЯ необходимо ясно представлять, что в итоге хочет получить ученик.

Для определения содержания учебника необходимо учитывать правильное понимание и реализацию категории «содержание обучения» с учётом специфики

исторического периода и целевой аудитории, т.е. в учебнике нужен не только необходимый и соответствующим образом организованный языковой (речевой) материал (лексика, грамматика, речевые образцы, тексты), но и достаточное количество действий с этим материалом, которые способны сформировать у учащихся основные компоненты речевой деятельности: ориентировку, планирование, исполнение, самоконтроль [1, с. 22].

Учебник представляет собой сложную дидактическую реальность, поэтому немаловажную роль в выборе между тем или иным учебником играет его структура, которую мы можем поделить на внутреннюю и внешнюю. Внутренняя структура учебника незаметна глазу, она представляет собой, прежде всего, глубокие системные связи, которые проявляются в том, как отражаются цели обучения, какие принципы и стратегии лежат в основе. Внешняя же структура — это компоненты учебника, которые легко наблюдать любому, кто откроет книгу, т.е. разделы учебника, параграфы, их построение, расположение визуального материала. Современный учебник ИЯ многокомпонентен. Помимо собственно учебника он может включать аудиовизуальные материалы, грамматический комментарий, рабочие тетради, проверочные тесты и т.п. [1, с. 20].

Для того, чтобы учебник ИЯ отвечал всем существенным потребностям процесса обучения, создавал условия для коммуникативной деятельности обучающихся, необходимо, чтобы он обладал различными стимулами, способствующими речемыслительной деятельности. Так, например, лучше всего, чтобы учебник сопровождал аудиовизуальные материалы (серия видеороликов к каждому уроку, записи речи носителей к заданиям по аудированию), к которым обучающийся может обратиться в любое время, пересмотреть или переслушать. По нашему мнению, в современных реалиях лучше всего с такой функцией справится онлайн-приложение, которое студент может установить на свое мобильное устройство или сайт, на котором будут размещены необходимые материалы.

Не стоит забывать, что учебник должен быть рассчитан на «нулевой» уровень знания ИЯ и на активные самостоятельные занятия. Это значит, что китайцы, которые только начинают учить русский, охотнее выберут учебник, полностью или частично написанный на китайском языке, в котором как минимум грамматические правила и страноведческий материал даны на их родном языке. Эту гипотезу подтверждают данные опроса, согласно которому 19 респондентов, поставленных в ситуацию выбора

учебника для своих собственных уроков по ИЯ выбрали учебник, который написан на их родном языке.

Большим плюсом в пользу учебника будет также наличие функциональной страноведческой (сведения о стране изучаемого языка) и фоновой (сведения о нормах и традициях общения в стране изучаемого языка) информации. Однако стоит учитывать, что существуют определенные сложности, возникающие у изучающих ИЯ при восприятии лингвострановедческих текстов на изучаемом языке. Как правило, такие тексты бессюжетны, неэмоциональны, насыщены цифрами, фактами, безэквивалентной и фоновой лексикой [2, 138]. Сказываются недостаточность развития вторичной коммуникативной компетенции и отсутствие адекватных фоновых знаний, что вполне нормально на начальном этапе изучения языка. Это является одной из причин, по которой нам представляется разумным использовать родной язык обучающегося для передачи подобной информации в учебнике.

Опора на родной язык как одно из средств облегчения рецепции должна широко использоваться при написании учебников ИЯ. Безусловно, это несколько затрудняет и удлиняет сам процесс. Однако целью каждого составителя любого учебника по ИЯ является распространение учебника на как можно большую аудиторию. Материалы начального этапа обучения, изложенные на родном языке, облегчают усвоение трудной страноведческой и грамматической информации. При освоении учебника в сознании студента должен складываться привлекательный образ страны изучаемого языка и установка на не всегда простое, но возможное взаимопонимание с собеседником в межкультурной коммуникации.

Литература

1. Бердичевский А.Л., Голубева А.В. Как написать межкультурный учебник русского языка как иностранного. – СПб : Златоуст, 2015. – 140 с.
2. Мисири Г.С. Пути снятия трудностей восприятия лингвострановедческой информации обучающимися (студентами) на начальном этапе обучения языку / Г.С. Мисири // Из опыта создания лингвострановедческих пособий по русскому языку / под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Ю.Е. Прохорова. – Москва : Моск. ун-т., 1977. – С. 138–147.
3. Шан Цзиньюй. Анализ учебников русского языка, предназначенных для китайских студентов-филологов / Цзиньюй Шан, Р.Г. Давлетбаева. – Текст:

непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 37 (327). – С. 129–132. –
Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/327/73571/> (дата обращения: 04.02.2023).

Zotova A. B.

Pushkin State Russian Language Institute

The problem of choosing a foreign language textbook

The problem of choosing a textbook on Russian as a foreign language and Chinese is discussed in the article. A poll was conducted, according to the results of which it was concluded that students note the importance of textbooks in teaching, and also that most students prefer textbooks written in their native language. The main criteria for the choosing of a textbook on a foreign language among foreign language learners are revealed.

Keywords: textbook, Russian as a foreign language, Chinese as a foreign language, intercultural communication.

Иночкина Варвара Игоревна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
varvarai2004@mail.ru

Языковая личность и текст: трансформация в цифровую эпоху

Работа выполнена под руководством Будник Екатерины Александровны, кандидата педагогических наук.

Статья рассматривает трансформацию понятий «языковая личность» и «текст» с приходом информационной эпохи; описывает целесообразность отождествления терминов «цифровая личность» и «виртуальная личность».

Ключевые слова: языковая личность, цифровая личность, виртуальная личность, текст, цифровой текст, информационное общество.

Язык – важнейшее средство человеческого общения. Без языка человеческое общение невозможно, а без общения не может быть и общества. Без языка не может быть и мышления, то есть понимания человеком действительности и себя в ней. Язык связан со всей совокупностью чувственного и мыслительного поведения человека, с его организацией как живого существа, с его бытом, обществом, в котором он живёт, с творчеством – техническим, умственным, художественным, с историей человеческого общества.

Статья ставит целью рассмотреть, как цифровая эпоха повлияла на способы восприятия текста и на языковую личность в целом. Для этого приведём ряд трансформационных определений языковой личности на разных этапах, чтобы определить, в чём заключается его отличие от термина «цифровая личность», появившегося в век компьютерных технологий.

Впервые к понятию языковой личности обратился немецкий учёный Л. Вайсгербер, который считал, что язык является наиболее всеобщим культурным

достоянием; никто не владеет языком только благодаря собственной языковой личности, а, наоборот, человек владеет им благодаря тому, что принадлежит к определенному языковому сообществу [1, с. 170].

Из трудов В. фон Гумбольдта, трактовавшего язык как «орган внутреннего бытия человека» и как выразитель духа и характера народа, нации, вытекает обобщённое понимание языковой личности: и как представителя рода *homo sapiens*, умеющего соединять мысль со звуком и использовать результаты этой деятельности духа для общения, и как национальной языковой личности, то есть носителя языка – совокупного представителя своего народа [4, с. 109].

Впервые термин «языковая личность» был введен В.В. Виноградовым в работе «О художественной прозе» (1930). Согласно В.В. Виноградову, языковая личность – это любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведённых им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности и достижения определенных целей в этом мире [2, с. 186].

Понятие языковой личности в лингводидактическом аспекте разработал Г.И. Богин: «Центральным понятием лингводидактики, – писал он, – является языковая личность – человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки... Языковая личность – тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать [1, с. 171].

Ввёл же это понятие в широкий научный обиход Ю. Н. Караулов, который предложил свою модель языковой личности с учётом философского и психологического аспектов. Автор считает, что языковая личность – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определённой целевой направленностью [1, с. 171].

Приведённые выше определения позволяют отследить, как расширялось понятие языковой личности с течением времени. Например, если Гумбольдт и Вайсгербер делали акцент на том, что «языковая личность» – это носитель национального языка, сформированный благодаря пребыванию в определённой общественной среде, то Виноградов, Богин и Караулов говорят о том, что «языковая личность» – это любой носитель языка, со способностью связывать и анализировать разной степени сложности тексты для достижения определённых целей.

Время не стоит на месте и уже 80-е годы XX века связывают с появлением первых персональных компьютеров и информационных сетей для передачи информации. Бурное развитие компьютерной техники повлияло на развитие нового, информационного общества. Со стремительным развитием информационного общества в работах учёных (Н.Н. Казнова, И.В. Костерина, Л.Ф. Косенчук, О.В. Лутовинова, О.А. Максимова, Г.В. Напреенко, Д.А. Попова и др.) прослеживается интерес к языковой личности, существующей в интернет-среде.

По мнению Д.А. Поповой, цифровая личность в интернет-среде репрезентируется как дискурсивная личность, так как способна в любое время заходить и выходить из коммуникативного пространства; обладает перцептивной скрытостью, автономностью; востребованностью; иммедиатностью; единичностью как первое лицо-адресант; множественностью адресаций; а-физичностью; равнозначностью среди коммуникантов; существованием в сети [3, с. 194].

Некоторые учёные понимают под цифровой личностью особый подтип виртуальной личности. Так, О.В. Лутовинова предлагает рассматривать в качестве языковой личности виртуальную личность участника интернет-дискурса в качестве условного образа, представляющего собой недискретное соединение реальных и ирреальных характеристик личности [3, с. 194].

Таким образом, на основе термина «языковая личность» в информационном обществе появляется новое понятие «цифровая личность», что говорит о том, что с активным развитием общества личность приобретает новые функции. Вследствие этого появляется необходимость нового названия.

Д.А. Попова даёт определение цифровой личности. Цифровая личность – это личность, которая реагирует мгновенно, здесь и сейчас, в момент речи, репрезентируя свой дискурс, что соответствует такой характеристике, как иммедиатность. Таким образом, мы можем наблюдать проявление дискурсивной идентичности, которое происходит иммедиатно, когда коммуникант соотносит себя с дискурсом и реагирует на него в форме мнения. Особенность дискурсивной идентичности цифровой личности состоит в возможности конструирования множества идентичностей – точек зрения и, как результат, создаваемого образа [7, с. 87].

О.В. Лутовинова говорит о том, что виртуальная личность предстаёт как условный образ реальной личности, воспринимаемый её партнёрами по коммуникации, как набор ассоциируемых с личностью характеристик. Как отмечают в своём исследовании Г. Рива и С. Гэлимберти, здесь никто не может дать гарантии того, что

партнёром по коммуникации не является вымышленная личность, так же, как и не может отрицать того, что эта личность совпадает с реальной личностью отправителя сообщений.

Виртуальная личность данного типа может как пользоваться вымышленным образом, так и не преследовать цели общаться от выдуманного лица, не разграничивая свою реальную личность и личность, взаимодействующую в Сети. Однако и во втором случае, стараясь предстать перед партнёром по коммуникации в выгодном свете, пользователь акцентирует внимание на тех своих чертах характера, жизненных принципах, нравственных установках и т.п., которые, по его мнению, могут помочь ему предстать желаемым образом. Восприятие созданного образа происходит уже на основе мировоззрения и мироощущения адресата, то есть он, в свою очередь, также конструирует образ адресанта. Иными словами, виртуальные личности в русле данного подхода – личности с размытой идентичностью [5, с. 290].

Раскроем образ языковой личности в информационном обществе. Языковая личность – коммуникативная личность с размытой идентичностью, имеющая набор индивидуальных характеристик, способная мгновенно генерировать собственное мнение, создавать виртуальный образ из набора лучших личностных качеств. Мы видим, что понятие «языковой личности» кардинально видоизменилось с приходом технического прогресса в бытовую жизнь людей. Теперь языковая личность – это не просто носитель любого языка, умеющий анализировать и воспроизводить текст, личность создаёт свой виртуальный образ, коммуницируя в сети Интернет.

К цифровым личностям поколения принято относить пользователей, родившихся после 1993 года, так как эти поколения не жили без сети Интернет и не имеют воспоминаний о мире без компьютерных технологий. Это поколение нередко именуется «поколением Google». Текст, некогда бывший только на печатных страницах книг и газет, трансформировался в цифровой текст, подходящий для чтения на различных устройствах: компьютерах, смартфонах, планшетах. Чтобы выразить свои мысли, достаточно открыть одну из популярных социальных сетей и напечатать пару коротких фраз для определённой аудитории. Тексты оформляются картинками и эмодзи для передачи экспрессии, таким образом возбуждается интерес виртуальной личности. В своих социальных сетях люди выставляют лучшую, по их мнению, сторону жизни, лучшие черты характера, лучшие портреты, снятые на смартфон. Реальный образ личности размывается. Личность может быть кем угодно в сети Интернет.

Для раскрытия отличия цифровой личности от виртуальной приведём перечень признаков цифровой личности по Д.А. Поповой: дискурсивность; перцептивная скрытность; автономность; востребованность; иммедиативность; единичность; множественность адресаций; а-физичность; равнозначность среди коммуникантов; существование в Сети [7, с. 87].

Отметим, что виртуальная личность имеет ряд признаков, схожих с цифровой личностью, поэтому приведём отличительные черты виртуальной личности: наличие созданного образа; экспериментирование с виртуальным образом; стремление к исключительности образа; разработанная тактика поведения в Сети; возможность иметь несколько виртуальных образов; способность наделять образ определённым набором характеристик; осуществление анонимности личности; повышенная вероятность возникновения виртуальной зависимости.

До появления первых социальных сетей, которыми начала пользоваться широкая масса людей, (например, Facebook Inc¹. в 2006 г.) обычного пользователя Всемирной сети можно назвать цифровой личностью, так как он не мог создать исключительный виртуальный образ с определённым набором характеристик, поддержать анонимность личности и т.д. Разграничим, что виртуальной личностью может стать тогда, когда она будет существовать в сети Интернет под выдуманном образом, сможет производить коммуникацию с абсолютно незнакомым человеком, который также является виртуальным образом в данной социальной сети.

С появлением возможности анонимно публиковать свои рукописные мысли в Глобальную сеть видоизменился и текст. Цифровой текст – это, в первую очередь, экранный текст, порождённый с помощью компьютерного интерфейса, который опирается на принципы «организации текста, созданные человеческой цивилизацией» [6, с. 112].

В информационном обществе появляется новый вид текста – гипертекст, существующий только в интернет-среде, характеризующийся наличием гиперссылок. Таким образом оформлена почти каждая страница в Интернете. Гипертекст оформлен различным мультимедиа контентом. Цифровая личность, изучая интересный ей гипертекст, может узнать больше дополнительной информации, переходя на другие сайты с помощью гиперссылок.

Взаимодействие автора и читателя перешло на новый уровень. Аудитория получила возможность стать непосредственным участником процесса производства и дистрибуции контента, а также создавать свои собственные «низовые медиа» [8, с. 69].

Цифровой гипертекст отличается от досетевого гипертекста мгновенной доступностью читателю референтных текстов, при этом для экранных текстов понятие

¹Деятельность Meta Platforms Inc запрещена на территории России

гипертекстуальности играет особую роль, так как цифровая среда экрана не только формирует текст, но и влияет на его восприятие, наделяя свойствами самой среды [8, с. 69].

Рассмотрим цифровой текст на примере интернет блогеров. Любая виртуальная личность получила возможность создать свой профиль в социальной сети, загрузить в него текстовый, аудио, видео и фото контент. Данный профиль является личным блогом пользователя, в котором указана вся личная информация, по усмотрению владельца. Эта информация даёт возможность интернет-пользователям находить блоги по их интересам и предпочтениям, следить за новыми публикациями блогера, на которого они подписаны. Блогер же, в зависимости от тематики публикуемого контента, выкладывает информационные посты. Отметим, что блоги в социальных сетях делятся на несколько типов: коммерческий блог — реклама и продажа какого-либо продукта; личный блог — выражение собственных взглядов на разные сферы жизни; не направлен на определённую тему и аудиторию; «нишевый» блог — направлен на публикацию информационных постов по конкретной теме.

Текст, опубликованный в посте, отличается от гипертекста. Текст в социальной сети делится на три категории: *уникальный текст* (мысли автора), *копирайтинг* (текст, созданный на основе чужих работ с ссылкой на авторство), *рерайтинг* (чужой текст, написанный другими словами). Яркой отличительной чертой поста является размер публикуемого текста в блоге. Как правило, многие социальные сети имеют ограниченное число символов, которое можно напечатать. Это делает текст более сжатым по объёму, что даёт возможность блогеру отразить главную мысль своего поста без иных отступлений. Не менее важным является с первых строк текста заинтересовать пользователя к прочтению публикации, так как буквально за 10 секунд человек сканирует текст на наличие нужных ему тем. Также пост пишется от первого лица, что создаёт впечатление диалога автора и его аудитории напрямую. Блог должен быть разнообразен мультимедиа контентом, так как психологически люди усваивают информацию лучше всего в зависимости от своего типа восприятия. Ещё одной отличительной чертой поста является необычный заголовок, который сможет выделить данный пост среди множества других, привлечь аудиторию.

Таким образом, если в привычном нам тексте существует логическая структура, которая помогает раскрыть главную мысль того, о чём пишет автор, то в посте в социальной сети требуется краткость, лаконичность, и множество категорий, позволяющих блогеру вызывать интерес у виртуальной личности.

Литература

1. Азарова Л.Е. Понятие языковой личности в лингвистике / Л.Е. Азарова. – Текст: непосредственный // *Annales universitatis mariae curie-skłodowska lublin–polonia*. – 2017. – С. 169-181.
2. Виноградов, В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. Москва : Наука – 1980.
3. Ворон Е.В. Дискурсивная цифровая личность как виртуальная копия языковой личности / Е.В. Ворон. – Текст: непосредственный // *Современное педагогическое образование*. – 2021. – № 5. – С. 193-196.
4. Джененко О.В. О понятии «инонациональная языковая личность» // *Международный студенческий научный вестник*. – 2015. – № 5 – 1.
5. Лутовина О.В. Виртуальная языковая личность: к определению понятия / О.В. Лутовина. – Текст: непосредственный // *Мир науки, культуры, образования*. – 2015. – № 1. – С. 288-292.
6. Манович Л. Язык новых медиа. Москва : Ad Marginem, 2018. 400 с.
7. Попова Д.А. Цифровая личность как центральный элемент межперсонального интернет-дискурса / Д.А. Попова. – Текст: непосредственный // *Вестник бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура*. – 2019. – № 2. – С. 87-90.
8. Северина Е.М. – Цифровой текст в пространствесовременной культуры // *Человек и культура*. – 2019. – № 5. – С. 65-72.

Inockina V. I.

Pushkin State Russian Institute

Language personality and text: Transformation in the Digital Age

The article examines the transformation of the concepts of "linguistic personality" and "text" with the advent of the information age; describes the expediency of identifying the terms "digital personality" and "virtual personality".

Keywords: language personality, digital personality, virtual personality, text, digital text, information society.

Иосифова Анна Зиновиевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

iosif.anuta@yandex.ru

Праздник Рождества в народной культуре: русско-болгарские параллели

Работа выполнена под руководством Брагиной Натальи Георгиевны, доктора филологических наук.

Предметом исследования выступают народные практики празднования Рождества. Цель и задачи исследования связаны с диахроническим подходом разных лингвокультур, соединяющих в себе как языческие, так и христианские традиции. Народные рождественские традиции напрямую связаны с поверьями, которые отражались посредством народной веры древних славян. Установлено, что для болгарской и русской лингвокультур характерна трансформация языческой культуры, имеющей поминальный контекст. Результатом исследования стало выявление общих черт и различий в народных празднованиях Рождества. В болгарских рождественских поверьях, в отличие от русских, центральное место отведено ползнику, приносящему в дом счастье. Общее для двух культур представляет обряд поминания усопших на празднование Рождества. Выявлено, что в русской и болгарской лингвокультурах закладываются новая манера изложения, связанная с культом почитания предков. *Ключевые слова:* Рождество, славяне, болгары, поверие, двоемирие.

Рождество – народный праздник, который имеет особое значение у славянских народов. В работе предлагается диахронический подход к сопоставлению разных лингвокультур. Стоит отметить, что речь идет не о празднике Рождества, в его каноническом, христианском воплощении, а о народных практиках празднования Рождества, в которых присутствуют как христианские, так и языческие элементы. Такой подход согласуется с понятиями *народная религия*, *народная вера*, используемыми социологами, религиоведами, фольклористами, этнолингвистами. Материалом для сопоставления послужили работы лингвокультуроведов: В.В. Усачёва, Н.И. Толстой, В.Я. Пропп.

Рождество — это важный праздник для многих верующих, в частности для православных христиан, к которым относятся русские и болгары. Христианские праздники являются неотъемлемой частью русской и болгарской лингвокультур. При этом одним из самых важных праздников является Рождество. Его традиции и обычаи актуальны на сегодняшний день. Рождественская культура южнославянских и восточных народов включает в себя как языческие поминальные, так и христианские поверья. Это явление А.Л. Самойловский назвал «христианско-языческим синкретизмом» [2, с. 2]. Славяне жили в религиозном двоемирии. Христианство перенимало поверья язычества, переосмысливало их и создавало свои новые народные традиции. Это явление рассматривается как знаково-коммуникативная система, которая помогает найти ключ к пониманию языка как формы выражения национальной культуры.

Праздник Рождество был посвящён рождению Иисуса Христа. Праздничный период обычно длился несколько дней и открывался Святками, имевшим особое значение в народном календаре. Как правило, в это время совершались христианские и языческие обряды. Святки длились от Рождества (Сочельника) до Крещения. В русских смоленских источниках фиксируется: «Три Коляды у нас было. Коляда была первая перед седьмым январем – Рожствянская. А другая Коляда называлась жирная, а третья Коляда называлась голодная» [3, с. 585]. Похожее явление можно встретить и в болгарской лингвокультуре. Существует три периода Рождества в Болгарии: Сочельник, Новый год и Крещение. Восточные славяне этот период называют: «святки», «святые вечера», «свечки», «коляды» (зап-рус., южно-рус.) [3, с.585].

Святки у славян определялись языческим представлением. Этому сопутствовало природное явление, когда светило меняло свой привычный ход с зимы на лето. Тьма сменялась светом. В силу вступало новое время. Именно этот промежуток ознаменовался приходом Христа на землю. В русской культуре это был особый знак: переход из мира тьмы и хаоса в божественный свет и гармонию. Однако в болгарской традиции время Святков считалось опасным: его назывались «бесовским», «нечистым», «страшным» [3]. Согласно верованиям болгар, это время разгула злой силы – бълг. «мръсни дни (нощи)», «погани (погански) дни», «пуганицл («поганные дни»)), «караконджерови дни», «дяволски деня («караконджуловы или дьявольские дни»))» [1, с. 586]. *Kilikandzer* – опасное ночное существо в болгарской народной мифологии. В горах Родопы он называется *конгель*, в Северной Болгарии – *киликандзер (рыжий лесной муравей)*. Болгары верили, что время Святков принадлежит опасным силам – святочным демонам, называемыми *караконджо* и представленными в образе страшного рыжего муравья. Это был ведущий мотив славянской святочной мифологии. В севернорусских представлениях было похожее поверие: Всевышний, восславляя рождение Христа, даёт свободу закованным душам, пребывающим в Чистилище. Этих духов, блуждающих в Рождество, называли «куляши» и «святке» [1, с. 597]. Согласно владимирским поверьям, в канун Рождества пробуждались мертвецы, принимая облик животных, и ходили по земле, преследуя живых весь период с Рождества до дня Трёх Королей [3]. В болгарской лингвокультуре души умерших появлялись в Сочельник: «*земята е на решето, земята е надупчена*» (*земля становится дырявой, как решето*) [1, с. 562]. В эти дни в дольний мир проникала всякого рода нечисть и отравляла жизнь людям. Отличительная черта Святков – большое количество запретов, предписаний

поведения, которые становились оберегом от нечисти. Такие правила входили в цикл святочных обрядов.

Христианская рождественская обрядность тесно переплетается с поминальными языческими обрядами. Празднование Святков у славян начиналось с торжественного ужина. По мнению В. Проппа, этот ужин представлял собой «поминальный стол» [1, с. 28]. Для душ умерших оставляли еду. Считалось, что ночью приходили умершие, пробовали еду. На стол обычно ставили кутью. *Кутья*, помимо названия поминального блюда, носит второе название Сочельника. И.П. Сахаров приводит подтверждение того, что на рождественском столе кутья была главным блюдом: «Для вечерней трапезы готовится доселе из круп каша, а из пшена и ячменя – кутья сочельницкая» [1]. Об этом свидетельствует и А.А. Макаренко: «В вечерю кушают капусту, квас и кутью» [1]. Кутья является непрямым блюдом похоронного обряда и поминок. Она варилась из цельных зёрен пшеницы или риса. Так как блюдо готовилось из семян, то можно предположить, что зерно имеет смысл. Оно обладает свойствами надолго сохранять жизнь. Семя растения является вечным круговоротом жизни: похоронив мёртвое зерно в землю, оно через некоторое время даст новую жизнь. Славяне имели обычай в рождественский цикл приглашать на совместную трапезу мифических существ и умерших родственников. По всей видимости, чтобы дать им возможность ещё раз соприкоснуться с духом жизни. Хозяева накрывали во дворе столик с едой: молоком, караваем и другой пищей. Иногда оставляли блины. Как известно, это ещё одно из поминальных блюд. Обычай есть блины на Рождество наблюдается на севере. Можно предположить, что славяне ели поминальные блины и воображали своих умерших родственников, которые в это время ели блюдо вместе с живыми. Блины, как и другие поминальные блюда, оставляли на ночь для приглашенных «гостей». Это действие помогало задобрить духов и уберечь живых от беды. В южнорусских областях помимо накрывания стола покойнику известен обычай в Сочельник зажигать во дворах большой костёр. Это действие называлось «*греть покойника*». Полагали, что костёр согреет души родителей, скитающиеся в это время вокруг дома, и, подобно еде, задобрит духов. Этот обряд был подробно изучен исследователями. С.В. Максимов даёт представление этого обычая так: «Способы поминания усопших родителей чрезвычайно разнообразны, и один из них называется «*греть родителей*». Практикуется он во многих местах (*Тамбовской и Орловской губерниях*) и состоит в том, что в первый день Рождества среди дворов сваливается и зажигается воз соломы, в той слепой уверенности, что умершие в это время встают из могил и приходят греться.

Все домашние при этом обряде стоят кругом в глубоком молчании и сосредоточенном молитвенном настроении...» [5, с. 12]. В Болгарии перед ужином в Сочельник также было принято делиться куском хлеба с духами. Этот кусок, как правило, оставляли у очага для злых духов или умерших предков.

Иногда вместо умерших родственников в дом к славянам могли явиться палазники. Они были связующим звеном между умершими и живыми. *Полазник* – болг. «(с)полезник», «по(х)ожняк», «походняк», «полазница» [5, с. 218] — человек или животное, который является первым гостем в канун Рождества. Считалось, что такой посетитель принесет благополучие. Обряд полазника совершается в болгарской лингвокультуре. Второе название полазника – божественный гость. Он был связующим звеном между горним и дольным миром, посланцем умерших родственников. В Западной Болгарии в каждой семье был свой полазник. Полазника звали на Рождество каждый год. Южные славяне верили, что это предотвратит неудачу и принесет счастливую долю. Полазником не мог быть человек с физическими недостатками, больной или с несчастной судьбой. Как правило, полазником назначался человек с добрыми намерениями (добър полез), который обладал лучшими качествами: удачливостью, здоровьем, добропорядочностью. Полазник наделял счастливой долей семью при помощи вербальной магии. Гость приносил в дом подарки. Если же полазник являлся без гостинца, это сулило хозяевам бедность. В болгарской культуре полазнику запрещалось приходить в чужой дом в шубе, так как это предвещало болезнь или смерть хозяевам. Семье, которую посетит полазник, должны были перейти лучшие качества, которыми обладал гость. Славяне верили, что дом, который не посетил полазник, будет несчастным. Полазник, подобно духам, любил греться у костра. У южных славян полазника одаривали испеченным хлебцом.

Помимо полазников и духов, дом славянина в Рождество могли посетить колядовщики. И.А. Седакова описывает один из болгарских рождественских обрядов, который позволял отпугнуть злых духов во время Сочельника. В начале Рождества колядовщики ходили по домам с благими пожеланиями. По дороге они могли мяукать, как кошки, а входя в дом, произносили приговор от злых сил: «*Мяу, стрино, кофръндали*» (*Мяу, тётя, дайте кусок свинины*) [5, с. 215]. Элемент подражания мяуканью кошки можно отнести к представлению болгар и русских о защите от злых духов. Кошка является хранительницей домашнего очага. Она имеет врождённую способность: может предотвращать отрицательную энергию, переводить её в светлую. За борьбу со злыми духами хозяева должны были щедро отблагодарить колядовщиков.

В славянских традициях известен запрет использования острых и колющихся предметов при рождественской трапезе. Так, нельзя было, чтобы на столах лежали вилки и ножи. Славяне боялись, что это могло нанести вред душам их умерших родственников, незримо присутствующих за столом. Сохранился запрет рождественского шествия с плугом. *Плуг* – сельскохозяйственное орудие с широким металлическим лемехом и отвалом для вспашки земли. Относится к острому предмету. Так, царь Алексей в указе 1648 года писал: «Ведомо нам учинилося, что на Москве, наперед сего в Кремле, и в Китае, и в Белом...в навечери Рождества Христова кликали многие люди “каледу”, а в навечерие Богоявления Господне кликали “плуг”. Да на Рождество Христово и до Богоявленьева собираются на игрища, сборища бесовские. И мы указали о том учинить в Москве и в городах и в уездах заказ крепкой, чтоб ныне и впредь никакие люди по улицам, и по переулкам, и на дворах в навечери Рождества Христова и Богоявления коледь и плуг не кликали песней бесовских не пели» [1, с. 89]. Это государственное решение поддерживал и Патриарх Филарет: «кликать бирючу... чтобы с кобылками не ходили и на игрища б и овсеня и плуги не кликали» [1, с. 89]. Плуг олицетворял дьявольскую силу. Такой запрет позволял уберечь славян от беды.

Рождество южных и восточных славян – есть отражение народных поверий, соединяющих языческое и христианское начала. Языческие традиции славяне видели в мифологическом значении Святков, появлении в этот цикл нечисти. Приход христианства на Русь не искоренил окончательно языческие поверья. Они отразились в традиции нового христианства, добавив поминальные обряды и обычаи. Используя различные рождественские обряды и поверья, славяне противопоставляли злым силам веру в добро и счастье, во внутренние духовные силы. Рождественские традиции болгар и русских – это пример утверждения высоких духовных и нравственных качеств славян в контексте древнерусского времени.

Литература

1. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники / В. Я. Пропп. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – 256 с.
2. Самойловский А.Л. Языческо-христианский синкретизм на Руси // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10, №1 (30). С. 6.
3. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т.3 / Под ред. Н.И. Толстого. – Москва : Междунар. Отношения, 2012.

4. Тресиддер Джек. Словарь символов. – Москва : Изд.-торг. дом Гранд: Фаирпресс, 2001. – 444 с.
5. Усачёва В.В. Магия слова и действия в народной культуре славян. – Москва : Институт славяноведения РАН, 2008. – 368 с.

Iosifova A.Z.

Pushkin State Russian Institute

Christmas holiday in folk culture: Russian-Bulgarian parallels

The subject of the study is folk practices of celebrating Christmas. The purpose and objectives of the study are related to the diachronic approach of different linguistic cultures that combine both pagan and Christian traditions. Folk Christmas traditions are directly related to the beliefs that were reflected through the folk faith of the ancient Slavs. It is established that the Bulgarian and Russian linguistic cultures are characterized by the transformation of pagan culture, which has a memorial context. The result of the study was the identification of common features and differences in folk Christmas celebrations. In Bulgarian Christmas beliefs, unlike the Russians, the central place is given to the polaznik, bringing happiness into the house. What is common to the two cultures is the rite of commemoration of the deceased on the celebration of Christmas. It is revealed that a new manner of presentation is being laid, associated with the cult of ancestor worship in the Russian and Bulgarian linguistic cultures.

Keywords: Christmas, Slavs, Bulgarians, belief, two words.

Исраилова Гузаль Равшановна

Джизакский государственный педагогический университет
israilovaguzal960@gmail.com

Диалог культур: языковой аспект взаимодействия

В данной статье рассматриваются вопросы общения культур между собой: история взаимодействия культур, виды взаимодействия и их последствия.

Ключевые слова: культура, диалог, глобальные процессы, ядро культуры, этнический.

Культура – это совокупность материальных предметов, объектов, идей, образов, созданных человеком на протяжении его истории. Диалог двух культур – это, прежде всего, *форма существования культуры*, а также равноправное культурное взаимодействие представителей разных лингвокультурных общностей с учётом их самобытности и своеобразия. Для существования и развития любой культуры, как и любому человеку, необходимы общение, диалог, взаимодействие. Важным достижением гуманистической культуры XX века стало развитие идеи мира между народами, разработка философии диалога культур. Эти ценности приобретают всё большую практическую значимость в новом столетии.

Вся история человечества – это диалог. Диалог пронизывает всю нашу жизнь. Он является по своей действительности средством осуществления коммуникационных связей, условие взаимопонимания людей. Взаимодействие культур, их диалог – наиболее благоприятная основа для развития межэтнических, межнациональных отношений. Взаимообмен знаниями, опытом, оценками является необходимым условием бытия культуры. При создании культурной предметности человек «превращает в предмет» свои духовные силы и способности. А при освоении культурного богатства человек «распредмечивает», выявляет духовное содержание культурной предметности и превращает его в собственное достояние. Поэтому бытие культуры возможно лишь в диалоге тех, кто создал, и тех, кто воспринимает явление культуры. Диалог культур является формой взаимодействия, понимания и оценки культурной предметности и находится в центре культурного процесса.

Общение культур – это связи, которые складываются между культурами, а также те изменения, появляющиеся в ходе этих отношений. Это основная и важная предпосылка для формирования и укрепления таких ценностей, как толерантность, уважение, взаимопомощь, милосердие. Глобальные процессы, происходящие на нашей планете, привели к сосуществованию в одном жизненном пространстве множества разнородных культурных групп. Взаимодействие культур порождает общение, диалог. Как сказал М. Бахтин: «Единство культуры – это открытое единство: чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полней и глубже (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут ещё больше)».

Национальные культуры могут взаимодействовать по различным сценариям. Одна культура может исчезнуть под давлением другой, более сильной культуры. Культура может уступить нарастающему давлению глобализации, которая насаждает усредненную интернациональную культуру, основанную на потребительских ценностях.

Взаимодействие культур затрагивает самые разные группы людей — от малочисленных этносов, состоящих из нескольких десятков человек, до миллиардных народов (таких, как китайцы). Поэтому при анализе взаимодействия культур выделяют следующие уровни взаимодействия:

1. *Этнический* — контакты между этносами, ведущие к изменению индивидуальных и социальных характеристик каждой из взаимодействующих этнических групп и их отдельных представителей, а также к интеграции их определённых качеств и свойств;

2. *Национальный* — процесс взаимного влияния, обогащения и понимания культур, происходящий в ходе межэтнических контактов, взаимоотношений народов;

3. *Цивилизационный* — существенные результаты в обмене духовными, художественными, научными достижениями.

Для существования и развития любой культуре, как и любому человеку, необходимы общение, диалог, взаимодействие. Идея диалога культур подразумевает открытость культур друг другу. Но это возможно только при выполнении ряда условий: равенства всех культур, признания права каждой культуры на отличия от других, уважения к чужой культуре.

Культура народа может процветать лишь тогда, когда процветает общечеловеческая культура. Поэтому, заботясь о национальной, этнической культуре, следует беспокоиться и об уровне общечеловеческой культуры, которая едина и многообразна. Едина в смысле включения в себя многообразия исторических и национальных культур. Каждая национальная культура своеобразна и единственна. Её вклад в общечеловеческий культурный фонд уникален и неповторим. Ядро каждой культуры составляет свой идеал. Исторический процесс формирования и развития культуры не может быть понят неправильно, не учитывая взаимодействие, взаимовлияние, взаимообогащение культур. Ни один народ не может существовать и развиваться изолированно от своих соседей. Наиболее тесное общение соседних этносов происходит на стыке этнических территорий, где этнокультурные связи приобретают наибольшую интенсивность. Контакты между народами всегда были мощным стимулом исторического процесса.

Литература

1. Мирча Элиаде Мефистофель и андрогин. Перевод с французского. СПб.: Алетейя, 1998. – С. 16.
2. Ларченко С.Г. Социальные детерминации этнокультурного развития. – Новосибирск, 1999.
3. Философский словарь. – Минск, 1999.
4. Яценко Е. Восток и запад: взаимодействие культур // Культура в современном мире: опыт, проблемы. решения. Вып. 1. - Москва , 1999. – С. 32 – 37.

Dialogue of cultures: linguistic aspect of interaction

This article discusses the issues of communication between cultures: the history of interaction between cultures, types of interaction and their consequences,

Keywords: culture, dialogue, global processes, core of culture, ethnic.

Кабанова Виктория Дмитриевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
k.d.viktoria@yandex.ru

Концепт «след» в русской метафорике

Работа выполнена под руководством Юриной Е.А., доктора филологических наук.

В настоящей статье предпринимается попытка исследовать и описать единицы различных уровней языка, репрезентирующих метафорическое переосмысление концепта «След». Целью статьи стало изучение функционирования концепта «след» и его производных в русской лексической и фразеологической системе языка. Для этого в данной работе приводится и комментируется использование образных единиц, мотивированных лексемой *след*, в контекстах их речевого употребления.

Ключевые слова: концепт, когнитивная метафора, дискурс, языковая образность.

Метафора как языковое явление с давних времён находится в центре внимания лингвистов, психологов, литературоведов и стилистов. Развитие и распространение знаний о языке и его аспектах неизбежно приводит к расширению семантического поля понятий, которое происходит в связи с метафорическим переносом смысла исходного образа (или «источника» [2, с. 9]) на смежные по значению и обладающие схожими образными принципами и/или свойствами («цели» [2, с. 9]). Отслеживание этапов развития новых фразеологизированных образований источника и изучение уровней их использования и представляет для нас главный интерес.

Для начала определим, что мы понимаем под языковой метафорой. Вслед за Ш. Балли и его единомышленниками мы разделяем языковую метафору (ЯМ) и художественную метафору (ХМ) по двум параметрам. Во-первых, ЯМ как «семантически мотивированные образные лексические единицы с переносным метафорическим значением» [4, с. 55] зачастую воспринимаются нами буквально и не сразу обнаруживают в себе фигуральное выражение, в то время как ХМ «выводит предмет из автоматизма восприятия» (В. Шкловский).

Во-вторых, ХМ существует в своем устойчивом варианте и выражается ради самого высказывания. ЯМ, напротив, «без ущерба для смысла высказывания может быть заменена своим семантическим эквивалентом» [3, с. 33]. Из этого следует вывод о разном уровне свободы в употреблении двух видов метафор. ХМ включается и реализуется строго в определённом контексте и может употребляться только в нём, тогда как ЯМ представляет собой относительно самостоятельную единицу языка,

способную участвовать в разных типах и стилях речи, вливаясь в любой контекст. Ср. ХМ В.В. Маяковского «тина (сердца)», обнаруживающее и реализующее своё значение в контексте концепции стихотворения и ЯМ «(мещанское) болото» в значении застоявшегося и «гнилого» общества.

Понимание причинно-следственных связей метафорического переноса невозможно без осмысления *когнитивной теории метафоры*, введённой в лингвистику американскими учеными Джорджем Лакоффом и Марком Джонсоном. По утверждению исследователей, основой для фразеологизации служит сам человеческий опыт, усвоенные индивидами в процессе взаимодействия с окружающим, материальным и нематериальным миром, сценарии и фреймы. Таким образом, получив необходимую актуальную информацию об окружающей действительности, человек формирует собственное мнение относительно полученной им практики, даёт ей свою оценку; и впоследствии при столкновении с фактом действительности, соотносимым с ранее изученным источником, он создаёт ассоциативные связи, организуя расширение семантического поля исходного понятия. Приобретая устойчивость в данном обществе, подобные сочетания и получают статус *когнитивных метафор*.

Рассмотрим один из метафоризированных концептов, а именно концепт «*след*». Представление о следе как об ‘углублении’ [6] или ‘метке’ [6], оставляющих заметные отпечатки на поверхности, свойственно еще древнему человеку, для которого они представляли особую ценность как помощники в охоте или обустройстве жилья. Проиллюстрируем это понятие цитатой из книги В. Быкова «Болото»: «Командир сзади заметно отставал, терял его *следы* и ругался, чувствуя себя виноватым». Речь идёт о тех самых отпечатках на земле, которые остались на почве после того, как по ней прошёл человек.

С развитием образного мышления след начинает восприниматься как ‘результат, последствия чьей-либо деятельности, какого-либо события’ [6]. Ярким примером этой ступени метафоризации может быть отрывок из книги С. Довлатова «Чемодан»: «У ворота и на рукаве я заметил *следы масляной краски*». Здесь доступно показано образное функционирование сочетания «следы краски» как определённого набора свидетельств проделанной работы по покраске.

И, наконец, высшая степень метафоризации обнаруживается, например, в произведении Ю.В. Щербининой «Просто найдись ...». «Потому что смог *оставить след* в чужом сознании, заронить зерно сомнения, зажечь искру надежды» – как мы видим, смысл метафоры, хоть и связан логически и семантически с исходным смыслом

концепта, все же сильно от него оторван, так как происходит выход не просто на образный уровень языка, а на нематериальный, абстрактный.

Трансформируясь и обрастая новыми определениями, использование слова распространяется на разные типы дискурса. Если первоначальное толкование особенно актуально для бытового дискурса, то с постепенной фразеологизацией понятия концепт выходит в дискурс художественного текста и даже научного.

Не менее интересным представляется производный вариант исследуемого концепта – *«наследство»*. Возвращаясь к исходному значению, мы всё ещё обнаруживаем связь со знаком и идею следования одного этапа за другим, однако описываемое понятие плотно укрепились в своих более абстрактных, отвлечённых, метафоризированных значениях.

Если говорить о наследстве как о термине, обозначающем имущество, доставшееся в рамках определённой очереди, то он окажется оперирующим в равной степени в бытовом и юридическом дискурсах. В качестве примера приведем цитату из рассказа И.А. Бунина «Чистый понедельник»: «Приезжая в сумерки, я иногда заставлял её на диване только в одном шелковом архалуке, отороченном соболем, – *наследство* моей астраханской бабушки, сказала она, – сидел возле неё в полутьме, не зажигая огня, и целовал её руки, ноги, изумительное в своей гладкости тело...». Очевидно, речь идёт о материальных вещах, передававшихся в семье от поколения к поколению. Как уже было отмечено, когнитивная метафора может строиться не только на материальных, но и на нематериальных фактах. Рассмотрим чуть более отвлечённый вариант на примере отрывка из романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого»: «Антон Иванович происходил из семьи архитекторов и строителей, частично эмигрировавшей, частично уничтоженной, и всё его *наследство* составляла именно его профессия чертежника». В приведённой цитате понятие *«наследство»* все еще связано с идеей последовательного перехода чего-либо в рамках семьи, но в данном контексте уже отражает невещественный характер передаваемого (в нашем случае – профессии, возможно, умений и навыков).

Выходя на уровень культурного и/или научного дискурса и оперируя метафорой в высокой степени абстракции, мы получаем наследство как результат деятельности человека (человечества): «Да, безусловно, его *литературное наследство* имеет огромную ценность, и мы непременно опубликуем всё, что достойно. [В. Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру]. Здесь наследование приобретает глобальный характер. Автор отождествляет признаки или

качества предметов с творческим опытом и его результатом, в то же время имплицитно перенося признаки семьи на общество, создавая ещё одну концептуальную метафору «семья – страна/нация».

Таким образом, мы наблюдаем метафоризацию исходного концепта с его последующим выходом на абстрактный уровень и реализацией в разных дискурсах. В данной статье были рассмотрены подходы к определению и изучению разных типов метафор, их статус в языке и науке. При исследовании языковой и когнитивной метафоры как феномена русской образности мы использовали преимущественно семасиологическое, ономасиологическое, гносеологическое и логическое направления изучения метафоры.

Литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с франц. – Москва, 1955. – 399 с.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. И с предисл. А.Н. Баранова. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
3. Складеревская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб: Наука, 1993. – 150 с.
4. Юрина Е.А. Образная лексика русского языка. Ч.1. Семантика: Учебное пособие. – Томск: ТМЛ-Пресс, 2008. – 144 с.
5. Большой толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова [электронный ресурс].
Ссылка доступа: <https://gufo.me/dict/kuznetsov?ysclid=lelgkw9b3s918701769>
6. Толковой словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой [электронный ресурс].
Ссылка доступа: <https://gufo.me/dict/efremova>

Kabanova V.D.

Pushkin State Russian Institute

Concept «Trace» in Russian metaphors

In this article, an attempt is made to investigate and describe the units of various levels of language that represent the metaphorical reinterpretation of the concept of "Trace". The purpose of the article was to study the functioning of the concept "trace" and its derivatives in the Russian lexical and phraseological system of the language. For this purpose, this paper presents and comments on the use of figurative units motivated by the lexeme trace in the contexts of their speech use.

Keywords: concept, cognitive metaphor, discourse, language figurativeness.

Детские годы Л.Н. Толстого как один из этапов творчества

Работа выполнена под руководством учителя русского языка и литературы Глатенок
Ольги Вячеславовны.

В статье рассматривается жизнь юного Л. Н. Толстого (до 10 лет). Анализируются факты, которые оказали влияние на его становление как писателя. Сравниваются рассказы, вошедшие в журнал «Детские забавы» и литературно-педагогическую книгу «Азбука», а также некоторые басни и рассказы. Делается вывод о том, что уже в первые 10 лет жизни были заложены некоторые основы будущего творчества Л. Н. Толстого.

Ключевые слова: биография, рассказ, басня, образ, сюжет, стиль.

Лев Николаевич Толстой – признанный классик мировой литературы, писатель, переводчик, публицист, педагог. Гений писателя признан во всем мире. При этом становление классика русской литературы началось еще в детстве. Свой первый маленький юбилей будущий писатель встречал с определенным творческим опытом.

Цель работы: изучить особенности жизни и творчества юного Л.Н. Толстого (до 10 лет) и определить их влияние на дальнейшее творчество.

Связь детских работ, впечатлений и произведений автора, ставших классикой русской литературы в литературоведении еще не представлена, что позволяет говорить о ее **актуальности**.

Теоретическая база: энциклопедия «Л.Н. Толстой» (составитель и научный редактор Н. И. Бурнашёва), исследования Т.А. Непомнящей, Н.М. Старцевой.

Л.Н. Толстой родился 28 августа 1828 года в усадьбе Ясная Поляна, которая находится недалеко от города Тулы. Природа, обстановка, семья, окружающие люди, уклад жизни в Ясной Поляне – все это оказывало большое влияние на будущего писателя. «Мир Ясной Поляны находил отражение в художественных и публицистических сочинениях писателя. Он явился в трилогии “Детство. Отрочество. Юность” и “Воспоминаниях” и “Исповеди”» [4, с. 397].

Когда будущему писателю не было и двух лет, умирает его мама Мария Николаевна (урожденная Волконская). Ее портрета не сохранилось, а сам Лев Николаевич был слишком маленьким, чтобы помнить ее внешность, голос. Но всю свою жизнь он собирал информацию о матери, составляя в воображении ее образ.

По воспоминаниям близких, Мария Николаевна была «большая мастерица рассказывать завлекательные сказки, выдумывая их по мере рассказа». Сверстницы М.Н. Волконской вспоминали, как «на балах она соберёт вокруг себя в уборной подруг и так увлекательно рассказывает им сказки, что никто не идёт танцевать, а все слушают; а музыка играет, и кавалеры тщетно ждут своих дам в залах». В 1810-1820 гг.

М.Н. Волконская много писала прозой и стихами, пробуя разные жанры: оды, аллегории, элегии, дружеские послания. [9].

После смерти матери Л.Н. Толстой воспитывался вместе со старшими братьями Николаем Николаевичем, Сергеем Николаевичем и Дмитрием Николаевичем и младшей сестрой Марией Николаевной. Старших братьев воспитывал Федор Иванович Рёссель, который чуть позже будет описан в повести «Детство» под именем Карла Ивановича.

Мальчики очень любили придумывать новые игры. Любимыми играми были «Зеленая палочка», «Муравейные братья», «Фанфаронова гора» [8, с. 225-226].

С ранних лет особое место в жизни будущего писателя занимала литература. В 1891 году Л.Н. Толстой составил список тех книг, которые оказали на него наибольшее влияние в разные периоды жизни. В периоде, который сам писатель обозначит как «Детство» отмечены такие книги: История Иосифа из Библии; Сказки тысячи одной ночи: «40 разбойников», «Принц Камаральзаман»; Погорельский. «Чёрная курица»; русские былины; стихи Пушкина. В такой обстановке появляются первые литературные произведения будущего классика русской и мировой литературы.

Как-то раз старший брат Николенька предложил мальчикам выпускать свой собственный литературный журнал. Хотя все и согласилось, но основную работу пришлось делать младшему – Льву Николаевичу. Когда вышел первый выпуск рукописного журнала «Детские забавы», «автору-издателю» было 7 лет. «Старательным детским почерком было выведено на обложке: „Детские забавы. Писаны графом Николаем Николаевичем Толстым, Сергеем Ник. Толстым, Дмитрием Ник. Толстым, Львом Ник. Толстым“. На обороте – тоже рукой Толстого: „Первое отделение. Натуральная история. Писано Г: Ль: Ни: То: 1835“; последнее значило: „Писано Графом Львом Николаевичем Толстым. 1835 год“» [8, с.53]. Сохранилось всего 2 страницы «издания». В них несколько заметок о птицах: «Орёл», «Сокол», «Сова», «Попугай», «Павлин», «Колибри», «Петух». К сожалению, других выпусков рукописного журнала не сохранилось.

Позже, в 1872 году Лев Николаевич издает литературно-педагогическую книгу «Азбука». В ней размещены короткие истории для чтения на уроках в Яснополянской школе, поучительные рассказы, сказки. А для учителей предложены методические рекомендации.

Многие тексты «Азбуки» очень похожи на тексты, которые «опубликованы» в журнале «Детские забавы». Прежде всего, в «Азбуке» и «Детских забавах» встречаются похожие **образы**:

«Детские забавы»	«Азбука графа Л. Н. Толстого»	Примечание
<i>Орёл, царь птиц. Говорят о нём, что один мальчик стал дразнить его, он рассердился на него и заклевал его [5].</i>	<i>Черепаха и орел</i> (Басня) <i>Черепаха просила орла, чтобы научил ее летать. Орел не советовал, потому что ей не пристало, а она все просила. Орел взял ее в когти, поднял вверх и пустил: она упала на камни и разбилась [9, с.13].</i>	Басня «Черепаха и орел» основана на басне Эзопа (отмечено в Азбуке). Образ орла будет использован в «Новой азбуке»: рассказы про орла и орлят, орла и лисенка. В 1875 году написана быль «Орел».

<i>Петух есть красивая птица, его пёстрый хвост загнут вниз, горло у него красное, синее и всех цветов, а борода красная. Когда индейский петух поёт, то распускает хвост и надувается, у него горло красное, чёрное и всех цветов, у него борода красная, так же как и у петуха. У индейского петуха хвост другой, как у петуха, у индейского петуха хвост распушен [5].</i>	<i>Собака, петухи и лисица (Басня)</i> <i>Собака и петух пошли странствовать. Вечеру петух уснул на дереве, а собака пристроилась у того же дерева, промеж корнейев. Как пришло время, петух запел. Лисица услышала петуха, прибежала и стала снизу просить, чтобы он сошел к ней, будто ей хочется оказать почтение ему за то, что у него голос хорош. Петух сказал: «Надо прежде разбудить дворника, он спит промеж корнейев. Пусть отонрет, тогда я сойду». Лисица стала искать дворника и забрехала. Собака живо вскочила и задушила лисицу [9, с.24].</i>	Также образ петуха встречается в баснях «Работницы и петух», «Мышь, петух и кот», «Хозяин и петух», «Сокол и петух». В «Детских забавах» рассказ о петухе самый большой по объему, возможно, это связано с тем, что птица, которую описывал мальчик, была ему хорошо знакома. А в последующем творчестве он старался использовать образы, которые также хорошо знакомы маленьким читателям.

Образ сокола используется в баснях «Сокол и петух», «Царь и сокол».

В «Детских забавах» сокол описывается так: *«Сокол есть очень полезная птица она ловит газелей. Газель есть животное которое бежит очень скоро, что собаки не могу[t] его поймать; то сокол спускается и убивает его»* [3]. И в баснях, написанных позже, сокол представляется как птица, помогающая во время охоты. В повести «Детство» и в романе «Война и мир» охота описывается как семейное развлечение. «В семье Толстых охоте отводилось большое место. „Охота наравне с войной, – пишет Л.Н., – считалась наиболее подходящей формой проявления молодечества, а

молодечество считалось одним из главных качеств, которое должно быть воспитано в мальчике“. Вспоминая в глубокой старости свое воспитание в семье, Л.Н. писал: „Мне в детстве внушено было всю энергию мою направлять на молодечество и охоту“» [1].

Сова также станет героем басни («Сова и заяц»). В этой басне сова представляется как мудрая, рассудительная птица. А в детском журнале сова только описывается. Скорее всего, юный писатель не ставил перед собой цель подробно рассказать о птице, а просто описывал ее, как и других пернатых.

Описательно представляются и попугай, колибри и павлин [2]. Вероятно, об этих птицах автор знал только по книгам или рассказам других членов семьи. Но то, что он решил посвятить им маленькие рассказы в рукописном журнале, говорит об определенном интересе к этой теме.

И в последующем творчестве автора эти птицы будут встречаться только в историях о чем-то экзотическом. Например, басни «Жил попугай в богатом доме...», «Павлин», «Павлин и журавль».

Также некоторые короткие рассказы из Азбуки очень похожи по **стилю** на рассказы из «Детских забав». Толстой писал для детей, поэтому старался использовать самые понятные слова, простые предложения, короткие фразы.

Все 7 рассказов из «Детских забав» состоят из 1-3 предложений. Такими же представлены и маленькие тексты, которые составляют первую часть «Азбуки». При этом каждый текст не только учит читать малышей, но и учит добру, справедливости, заботе о ближнем.

Предложения, которые использует Л.Н. Толстой и в «Детских забавах» и в первой части «Азбуки», чаще всего простые, неосложненные. Слова, которые составляют тексты, также знакомы маленьким читателям. Поэтому рассказы вызывают интерес, читаются легко и понятно.

В 1837-1838 году написаны и небольшие произведения «Рассказы дедушки» и «Его сын». В рукописном варианте это три отдельные самодельно сшитые книжечки в 1/16 долю листа: № 1, в синей обложке, – включает в себя «Рассказы дедушки» и «Его сын»; № 2, в красной обложке, – включает в себя продолжение рассказов, записанных в первой, и, кроме того, отрывок какого-то нового рассказа, начинающегося словами «Тогда Алфред...»; № 3 – занята рисунками [6].

Вероятно, эти произведения были написаны под влиянием более серьезных книг, которые читал немного повзрослевший писатель.

В «Рассказах дедушки» [6] автор очень подробно описывает старого полковника, но до каких-то событий так и не доходит. Т.А. Непомнящая [3] и Н.М. Старцева [4]. Отмечают, что во всех своих произведениях вместо подробного описания героя Лев Николаевич Толстой использует речевые характеристики: рассказывает о герое через его речь. Скорее всего, в юном возрасте писатель пробует себя в качестве «серьезного» писателя, но без определенного опыта результата почти нет. А в последующем творчестве он нашел лучший вариант описания героя.

Рассказ «Его сын» тоже представляет собой начало или набросок какого-то произведения о морской службе некоего Николая Дмитриевича. Весь текст состоит из отрывков, которые, скорее всего, должны были быть соединены в общее повествование.

Тема морских приключений появится и в последующем творчестве писателя. В рассказах «Акула», «Прыжок» Толстой описывает небольшие ситуации, связанные с морской службой. Главные герои рассказов – дети, которые попадают в экстремальные ситуации в море. Возможно, и рассказ «Его сын» мог быть посвящен именно ребенку. На это указывает и название (сын может быть и маленьким), и слова, которые использует автор при описании героя («мальчишка», «малютка»). Таким образом, и этот детский рассказ, написанный 10-летним Толстым, повлиял на дальнейшее творчество.

Детские годы Л.Н. Толстого прошли в атмосфере доброжелательности, любви и заботы друг о друге. Большое влияние на формирование характера оказали игры, придуманные старшим братом. Почти все образы, которые используются в рукописном журнале «Детские забавы», будут использованы и в произведениях уже взрослого писателя. Под влиянием шедевров мировой литературы появляются «Рассказы дедушки» и «Его сын». Автору 9-10 лет. Опыт «Рассказов дедушки» Толстой не будет использовать в дальнейшем творчестве, похожие подробные описания он не создает. Сделав первые шаги в мире литературы в детском возрасте, Толстой успешно продолжит писать. В 1839 году будут написаны «Ученические сочинения». Это небольшой цикл из 11 переложений хрестоматийных рассказов и басен [7].

Позже будут написаны всемирно известные рассказы, повести, романы. Но основа многих образов, историй, эпизодов, впечатлений будет именно в детстве, в первых 10 годах жизни. Именно детские воспоминания помогут создать особый «мир Толстого», наполненный любовью, вниманием, смирением, трудом, стремлением к самосовершенствованию, искусством.

Литература

1. Абу, З. П. Лев Толстой и охота / З. П. Абу // Охотничьи просторы. – 1962. №16 – С.219-222.
2. Мать – Толстая Мария Николаевна // tolstoy.ru Лев Толстой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tolstoy.ru/life/family/parents/marya-nikolaevna-tolstaya/> (дата обращения: 02. 01. 2023)
3. Непомнящая, Т. А. Речь персонажа, как средство его характеристики в романе Л.Н.Толстого «Война и мир» / Т. А. Непомнящая // Образовательная социальная сеть nsportal.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2013/10/07/rech-personazha-kak-sredstvo-ego-kharakteristiki-v-romane> (дата обращения: 15. 01. 2023)
4. Старцева, Н. М. Некоторые особенности речи крестьян в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» / Н. М. Старцева // Университет XXI века: научное измерение. Материалы научной конференции научно-педагогических работников, аспирантов, магистрантов ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, 2019. – С. 253-255.
5. Толстой, Л. Н. Детские забавы / Л. Н. Толстой // tolstoy-lit.ru Лев Николаевич Толстой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/proza/detskie-zabavy.htm> (дата обращения: 08. 01. 2023)
6. Толстой, Л. Н. Рассказы дедушки / Л. Н. Толстой // tolstoy-lit.ru Лев Николаевич Толстой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/proza/rasskazy-dedushki.htm> (дата обращения: 04. 01. 2023)
7. Толстой, Л. Н. Ученические сочинения / Л. Н. Толстой // tolstoy-lit.ru Лев Николаевич Толстой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/proza/uchenicheskie-sochineniya.htm>. (дата обращения: 17. 01. 2023)
8. Толстой, Л. Н. Энциклопедия / сост. и науч. ред. Н. И. Бурнашёва. – Т53 М.: Просвещение, 2009. – 848 с. Старцева, Н. М. Некоторые особенности речи крестьян в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» / Н. М. Старцева // Университет XXI века: научное измерение. Материалы научной конференции научно-педагогических работников, аспирантов, магистрантов ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, 2019. – С. 253-255.

9. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений в 22 тт. М.: Художественная литература, 1982. Т. 10. – 542 с. Толстой, Л. Н. Энциклопедия / сост. и науч. ред. Н. И. Бурнашёва. – Т53 М.: Просвещение, 2009. – 848 с. Старцева, Н. М. Некоторые особенности речи крестьян в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» / Н. М. Старцева // Университет XXI века: научное измерение. Материалы научной конференции научно-педагогических работников, аспирантов, магистрантов ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, 2019. – С. 253-255.

Kabylkova V. D.

7B student of gymnasium No. 2-in-Novopolotsk

Childhood years of L. N. Tolstoy as one of the stages of creativity

The article deals with the life of the young Lev Tolstoy (up to 10 years old). The facts that influenced his formation as a writer are analyzed. The stories included in the magazine "Children's Fun" and the literary and pedagogical book "ABC", as well as some fables and stories are compared. It is concluded that already in the first 10 years of his life, some foundations for the future work of Lev Tolstoy were laid.

Key words. biography, story, fable, image, plot, style.

**Казачанская Полина Андреевна,
Конотопова Анастасия Леонидовна**

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
Kazachanskayapolina@gmail.com; nastyak55@yandex.ru

Распознавание речи в социальной сети «ВКонтакте»: фонетический аспект

Работа выполнена под руководством кандидата филологических наук, доцента
Роговневой Юлии Васильевны.

Статья представляет собой анализ расшифровки различных стилей речи алгоритмами социальной сети. Обобщения делаются на основе данных, полученных в результате сравнения голосовых сообщений, записанных в жанрах, предполагающих разные стилистические особенности. Объектом для исследования послужили голосовые сообщения, в которых людям было предложено представить себя в разных коммуникативных ситуациях.

Ключевые слова: нейросеть; редукция; распознавание речи; разговорная речь; функциональный стиль.

В этой статье описываются проблемы распознавания разных стилей речи на примере эксперимента в социальной сети «ВКонтакте», в которой дается расшифровка голосовых сообщений. Его суть состояла в том, что испытуемые должны были записать три голосовых сообщения в трех стилях: разговорном, официально-деловом и научном. В эксперименте приняли участие 10 человек. Мы сравнивали расшифровку речи, произведенную алгоритмами социальной сети и ее действительную реализацию в

речи. Также мы проводили анализ особенностей ошибок при расшифровке разных стилей речи.

Академик В.В. Виноградов определил значение термина *стиль*. По его мнению, «стиль – это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой практике данного народа» [2, с. 30].

Функциональный языковой стиль – это разновидность литературного языка, которая обслуживает определенную сферу общественной деятельности и в соответствии с этим имеет свои особенности отбора и использования лексических, грамматических, фразеологических и других языковых средств.

Однако проблема изучения стилей заключается в том, что «нет четкого и развернутого определения того, что следует считать жанром (в лингвистическом понимании этого слова), не проводится разграничение между такими взаимосвязанными понятиями, как текст – жанр – разновидность функционального стиля – функциональный стиль» [9, с. 53].

Исследователи-лингвисты по-разному подходят к толкованию функциональных стилей и их классификации. Например, в классификации академика В. В. Виноградова определено восемь функциональных стилей: 1. Обиходно-бытовой; 2. Обиходно-деловой; 3. Научно-деловой; 4. Газетно-журнальный; 5. Публицистический; 6. Официально-канцелярский; 7. Парадно-риторический; 8. Научный [2, с. 32].

Л.Б. Никольский насчитывает четыре функциональных стиля: 1. Официальный; 2. Неофициальный; 3. Профессиональный; 4. Ритуальный [7, с. 21].

У И.В. Арнольд определены шесть функциональных стилей: 1. Научный; 2. Деловой; 3. Публицистический; 4. Ораторский; 5. Поэтический; 6. Разговорный [1, с. 29].

Для удобства анализа нами были выбраны разговорный, официально-деловой и научный стили речи. Выбор этих стилей обосновывается актуальностью проблемы. В условиях цифровизации именно эти стили чаще всего используются при онлайн-общении. Переход сферы юридических и образовательных услуг в дистанционный формат вызвал необходимость использовать дополнительные технологии при онлайн-коммуникации в этих сферах.

Наиболее частотными ситуациями научного общения в устной форме являются следующие: ситуация лекции (учебной или публичной), конференция, семинар, симпозиум, совещание, заседание [8, с. 122]. Сейчас возникла необходимость обращаться к этим жанрам и при онлайн-коммуникации.

Устная научная речь – это «речь на темы науки или, при более широком понимании, и на темы специальности, в том числе и непубличная речь, т. е. речь, осуществляющаяся в непринужденном общении двоих» [6, с. 42].

В.В. Виноградов выделяет основные черты научного стиля: предварительное обдумывание высказывания; монологический характер высказывания; строгий отбор языковых средств; тяготение к нормированной речи; насыщенность терминами [2, с. 54].

Термины создают сложности для расшифровки. Чем длиннее слово, тем больше возникает проблем с расшифровкой. Нейросеть вообще склонна сокращать количество слогов, а не увеличивать, разбивать длинные слова на несколько коротких. Так, встречаются варианты: *понятие фонологических оппозиций* → *фанал, гический оппозиций*, (учитывая что в других случаях «вк» переводил это слово верно); *градуальная* → *гарду, альная*, в том числе и вопреки лексической сочетаемости (*широкий спектр* → *рок-спектр*). Также при сокращении количества слогов и упрощении фонетических слов нейросеть не учитывает просодическую оформленность слова. Например, слово *литературоведческие* было расшифровано как *лицо травит*. При этом обратим внимание на то, что при произношении этого слова кроме основного ударения, может возникнуть побочное ([л'ьт'ьрат'урав'эч'ск'ьй]), что могло поспособствовать такому разделению. Однако выбор слов в расшифровке не объясняется ударением [л'иц'о трав'ьт], ведь даже учитывая, что «ВК» сократил количество слогов, ударение все равно должно было бы быть поставлено на более-менее похожий звуковой отрезок. Нейросеть склонна отдавать приоритет нейтральной лексике над книжной, в этом случае слова, данные в расшифровке, объясняются близким набором звуков по сравнению с оригиналом (*лингвистические* → *мистические*, *литературоведения* → *сертра ведения*; *в вопросе литературоведения* → *в вопросе и траве Ден*; *морфем* → *морфин*; *один из сегментов* → *один из Ментов*; *ассимиляция* → *семья*; *провел четкую грань* → *провел чето грань*).

Также стоит отметить закономерную трудность с различением частицы «не» и двойного союза «ни... ни». «Расшифровщик» не учитывает правила грамматики, в

каких случаях должна быть поставлена та или иная частица: *они не являются **ни** двумя степенями какого-либо признака, **ни** утверждением или отрицанием признака* → *они не являются **не** двумя степенями какого-либо признака **не** утверждением или отрицанием признаком*. То есть не учитываются ни синтаксическая структура предложения, ни значение двойного союза. Приоритет нейросети ставить *не* не объясняется и фонетической транскрипцией, в которой даже «не» в позиции проклитики будет выглядеть как [н'и] или [н'ь].

Несмотря на случаи верной расшифровки научных терминов (*аккомодация, артикуляционные движения, консонантным*), возникают и ошибки, основанные либо на сходстве звукового состава слов, либо на тенденции нейросети к сокращению количества слогов (*привативная оппозиция* → *примативная позиция*; *эквиволентная* → *их вы полетные*; *языкознание* → *и заказали – и заказане – мне заказано*; *этнография* → *нография*, *семиотика* → *семочек*; *ассимиляции и диссимиляции* → *семля ции и диссимиляции*; *слоговой принцип* → *собой при просто*; *изменение фонетических единиц* → *изменение фанатических единиц, фонетике* → *фанатики*; *рекурсия* → *рекурси – о курсе*; *эпентеза* → *Пнтз*; *генезис* → *гензи*).

Так, в научном стиле наиболее частотной ошибкой является расшифровка терминов. Тем не менее, это не единственная трудность при расшифровке, так как во многих случаях неверная расшифровка вызвана приоритетом нейросети сокращать количество слогов. При этом такое сокращение не всегда объясняется звуковой реализацией изначального слова.

Далее обратимся к расшифровке официально-делового стиля. Официально-деловой стиль обслуживает правовую и административно-общественную сферы деятельности. Он используется при написании документов, деловых бумаг, а также в разных видах делового устного общения. Среди книжных стилей официально-деловой стиль выделяется относительной устойчивостью и замкнутостью. Для официально-делового стиля характерны сухость, отсутствие эмоционально окрашенных слов, сжатость, компактность изложения. Самая яркая черта официально-делового стиля – это языковые штампы, или так называемые клише [2, с. 55].

В расшифровке официально-делового стиля заметно наименьшее количество ошибок. Например, верно расшифровывается книжная лексика (*классифицирование, противоречивой, проблема криптовалюты, криптографии, транзакции, облагаемым, налоговыми резидентами, налогооблагаемого*), аббревиатуры (*ндфл*), клише и штампы (*в противном случае, мы будем вынуждены, наше руководство рассмотрело*). Это

говорит о том, что в базу нейросети могут быть заложены подобные выражения. Однако приоритет нейросети сокращать количество слогов препятствует верной расшифровке (*биткоин* → *пяткой*, *центрального банка* → *срального банка*). При этом отметим, что сохраняется тенденция неверного определения ударения. Если *биткоин* в транскрипции выглядит как [б'итко́йн], то в слове, предложенном расшифровкой, *пяткой* ударение стоит на первом слоге: [п'а́тки]. И отмечена одна ошибка в употреблении падежной формы существительного с предлогом (*основанная на применении* → *основанная на применении*). Неверное определение флексий объясняется не только грамматической ошибкой, но и тем, что безударные позиции из-за редукции 2-й степени подвергаются более сильной деформации, то есть одни окончания заменяются другими.

Так, насыщенность делового стиля штампами, сухость и компактность изложения способствуют в большинстве случаев верной расшифровке. Однако трудности, возникавшие и при научном стиле, продолжают препятствовать абсолютно правильному переводу звуков в текст.

Далее перейдем к анализу расшифровки разговорного стиля. По определению Т.Н. Колокольцевой, «разговорный стиль – один из функциональных стилей, но в системе функционально-стилевой дифференциации литературного языка занимает особое место, так как в отличие от других не связан с профессиональной деятельностью человека, используется только в неофициальной сфере общения и не требует для его применения специального обучения» [4, с. 20]. Базовой, как нам представляется, функциональной разновидностью разговорного стиля литературного языка является разговорная речь [5, с. 52]. Разговорная речь характеризуется непринужденностью общения, то есть у говорящих отсутствует установка на сообщение, имеющее официальный характер (лекция, доклад, выступление на собрании, ответ на экзамене, научный диспут и т.д.). Такой признак коммуникативного акта, как отсутствие установки на официальное общение (или, иными словами: установка на общение неофициальное), играет очень большую роль в использовании разговорной речи. Если говорящие находятся между собой в дружеских отношениях, но имеется установка на официальное общение (обсуждение профессиональных дел, научной работы и т.п.), происходит переключение с разговорного языка на кодифицированный [3, с. 22].

Для разговорной речи характерна более сильная деформация безударных позиций из-за редукции 2-й степени (*меня* [м'н'а] → *не*), одни окончания заменяются

другими, а также происходит утрата некоторых морфем (*съездила, прочитала, успела* – > *съездил, прочитал, успел*). В разговорной речи, как и в научной и официально-деловой, нейросеть склонна сокращать количество слогов. Например, встречаются варианты: *поступить на филфак, потому что* –> *поступит, как потому что*; *гитару* –> *итак*. В определенных позициях нейросеть считает клитики либо частью лексического слова, либо, наоборот, видит их там, где их нет: *на Арбате поужинали* –> *нарывать по ужина и*; *не до тирамису* –> *не дотера Мису*; *с шариками с тортиком* –> *старикам Стрик*. Получается, что в случаях, когда однозначное слово оказывается в окружении клитик, расшифровщик часто не может вычленить лексические слова из одного фонетического и в итоге либо присоединяет служебные части речи к самостоятельным, видоизменяя слово, либо разбивает одно лексическое слово на несколько других, либо часть одного слова присоединяет к предыдущему. Также имеются случаи, когда одно фонетическое слово правильно разделено на два лексических, однако сама клитика определена неверно. Например, есть трудности с определением предлогов: *ко мне из Питера приехала* –> *ко мне с Питера приехала*. Такая ошибка объясняется тем, что последний согласный проклитики ассимилируется с последующим согласным, из-за чего это фонетическое слово выглядит как [ис п’йт’брь], что схоже с расшифрованным вариантом. Тем не менее, тот факт, что в расшифровке был представлен неверный предлог, свидетельствует о том, что нейросеть не учитывает правила грамматики. Как и в предыдущих случаях, продолжается тенденция того, что ударение не всегда является решающим при определении словоформ алгоритмами сети: *высокие ба́ллы* –> *высокие балы́*, *поболтали о ба́ллах* –> *поболтали о балáх*.

Так, анализ разговорного стиля показал, что наибольшее количество ошибок возникает именно при разговорной речи. При этом они вызываются все теми же явлениями, которые наблюдались при расшифровке официально-делового и научного стилей: позиции клитик, тенденция к сокращению слогов и неверное определение ударения в слове.

Анализ расшифровки разных стилей речи показал основные причины трудностей с декодификацией. Научный и официально-деловой характеризуются более кодифицированным произношением, тем не менее при расшифровке возникают сложности с терминами, даже четко произнесенными. Основной причиной этому служит сложность с определением границ словоформ и лексем, которые не всегда совпадают с границами фонетических слов. В определенных позициях нейросеть

считает клитики либо частью лексического слова, либо, наоборот, видит их там, где их нет, а часто вообще не замечает и воспринимает как шум. Хотя официально-деловой стиль был декодифицирован лучше всего благодаря сухости и компактности изложения. В разговорном стиле расшифровку значительно усложняет разговорная речь, для которой характерно увеличение числа позиций, в которых происходит нейтрализация фонем. Заметна и тенденция к сокращению и упрощению слов, что в большинстве случаев не позволяет верно расшифровать фразу.

Литература

1. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка. – М.: Просвещение, 1990.
2. Виноградов, В. В. Русский язык. – М.: Наука, 1950.
3. Земская, Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. – 4-е изд. – М.: "Флинта" "Наука", 2011. – 239 с.
4. Колокольцева, Т. Н. Стилистика русского языка: учеб. пособие / Т. Н. Колокольцева. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 196 с.
5. Коняшкин, А. А. О соотношении понятий "разговорная речь" и "разговорный стиль" // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2019. №29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-ponyatiy-razgovornaya-rech-i-razgovornuyu-stil> (дата обращения: 21.02.2023).
6. Лаптева, О. А. Общие особенности устной публичной (научной) речи. // Современная русская устная научная речь. Том 1. Общие свойства и фонетические особенности. Под ред. О. А. Лаптевой. – Красноярск, 1985. – С. 12-79.
7. Никольский, Л. Б. Синхронная социолингвистика. – М.: Наука, 1976.
8. Скорикова, Т. П., Орлов, Е. А. Жанровые особенности устной научной коммуникации: концепция лингвистического описания // Вестник СВФУ. 2017. №5 (61). Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-osobennosti-ustnoy-nauchnoy-kommunikatsii-kontseptsiya-lingvisticheskogo-opisaniya> (дата обращения: 20.02.2023).
9. Цвиллинг, М. Я. Функциональные стили лингвометодические аспекты. – 1-е изд. – М.: "НАУКА", 1985. – 236 с.

Konotopova A. L.

Pushkin State Russian Language Institute

Speech recognition in the Vkontakte social network: phonetic aspect

The article is an analysis of the decoding of various speech styles by social network algorithms. Generalizations are made on the basis of data obtained as a result of comparing voice messages recorded in genres involving different stylistic features. The object of the study was voice messages in which people were asked to imagine themselves in different communicative situations.

Keywords: neural network; reduction; speech recognition; colloquial speech; functional style.

Качанова Анастасия Геннадьевна

Колледж мировой экономики и передовых технологий

Kachanovanastya1410@yandex.ru

Языковые и структурные особенности договора 18 века в сопоставлении с современными нормами деловой документации

Работа выполнена под руководством Филимоновой Анжелы Николаевны.

В данной работе предпринята попытка проведения сравнительного анализа двух временных форм документа, а именно договора об оказании образовательных услуг, с целью определить временные изменения русского языка на примере письменной деловой речи рассматриваемого документа.

Ключевые слова: договор, делопроизводство, структура договора, история языка, языковые особенности.

Каждый из нас в зависимости от своей профессиональной деятельности или иного рода деятельности сталкивается с оформлением документов. История российского делопроизводства, как и история русского языка, имеет многовековые традиции и глубокие исторические корни. Особый стиль языка, обслуживающего сферу официально-деловых отношений, формировался на протяжении нескольких столетий неразрывно с развитием самого языка. Тема, затронутая нами в данной статье, является достаточно обширной и многогранной, в рамках настоящей статьи не предоставляется возможным рассмотреть все особенности формирования современной деловой речи, поэтому в качестве объекта анализа нами выбран договор как текст письменной деловой речи.

История русского делопроизводства берет свое начало с первых официальных документов Древней Руси (X век). Наибольший интерес представляет период коллежского делопроизводства, названного так по названию учреждений нового типа – коллегий, и связанных с эпохой преобразований Петра I. Именно в это время делопроизводственная деятельность окончательно закрепились за самостоятельным подразделением – канцелярией. В коллежском делопроизводстве возникло большое количество новых документов, вследствие чего в языке появились новые их названия: векселя, облигации, реляции, рапорты, журналы, протоколы, корреспонденция, инструкция и др.; вместо указов, уложений, судебныхников вошли в употребление регламенты, артикулы, манифесты.

Существенные изменения в петровское время претерпевает и форма документов. Появляются генеральные формуляры – образцы, по которым следовало составлять документы. Самостоятельным элементом формуляра становится наименование документа.

Губернская реформа Екатерины II (1775 г.) завершила петровские преобразования государственного аппарата России, иерархический порядок взаимоотношений учреждений сохранялся в течение всего XIX века, в определённой степени он присутствует и в современном делопроизводстве.

Сравним договор «Об отдаче мальчика в науку цирюльному мастерству» (18 век) с современной формой договора на оказание образовательных услуг (21 век).

Прежде чем перейдем к сравнительному анализу двух временных форм документа, обратимся к закреплённому определению договора. В соответствии со ст. 420 ГК РФ договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей (ссылка).

Приведем текст договора 18 века, который будем анализировать.

«Об отдаче мальчика в науку цирюльному мастерству»

1793 года, Майя... дня, мы, нижеподписавшиеся, цеховой мастер Захар Федоров и свободный человек Иван Федоров сын Рогов, учинили сие условие в том: «1) Что я, Рогов, отдал сына своего Василия, а я, Федоров, взял оного с сего числа впредь на полтора года для обучения цирюльному мастерству, как-то: чесать или убирать на голове мужские и женские волосы разными манерами, делать парики и шиньоны, брить бороду, шлифовать и направлять бритвы, дергать зубы, пускать кровь инопером, ланцетом, рожковую и пиявковую, с показанием мест, из которых когда и в каком случае из сих кровопусканий быть должно или прилично; словом, показать мне, Федорову, ему, Василию, все вышеописанное и к тому принадлежащее совершеннейшим образом, не скрывая от него ничего, как сторо. А потому 2) и обязан я, Рогов, заплатить, а я, Федоров, от него получить за сие обучение денег двадцать рублей, из коих половинное число по прошествии года, а другую половину уже по обучении, которое не иначе должно быть окончено, как в течение означенного срочного времени. 3) Что ж принадлежит до платья верхнего и исподнего, то оное да будет от меня, Рогова, а впрочем, как обувью, так и пищею и всем содержанием довольствовать его, Василия, мне, Федорову, от себя собственно, не причиняя ему в том ни малейшей нужды, в чем и подписуюсь».

Современный договор имеет следующую структуру: дата, определение сторон, предмет договора, обязанности сторон, срок действия договора, подпись.

Проанализируем изменения, которые коснулись содержательной части структурных элементов договора.

Дата. С датой подписания договора связаны правильное определение момента его заключения и установление окончания срока действия юридических последствий, которые с этим связаны. Если стороны подписывают договор в разное время, то он считается заключенным с момента подписания его последней стороной. Изменения коснулись определения даты документа. Для современного делопроизводства регламентирован порядок записи числовой – день, месяц, год (01.02.2023 г.) или буквенно-числовой (1 февраля 2023 года). Для документов 18 века присущ иной порядок записи – год, месяц, день (1793 года, Майя... дня).

Определение сторон. В отличие от современного договора, в котором указываются фамилия, имя, отчество, дата рождения, домашний адрес и данные паспорта каждой стороны, в договоре 18 века указаны только имена и фамилии сторон: «...мы, нижеподписавшиеся, цеховой мастер Захар Федоров и свободный человек Иван Федоров сын Рогов».

Цена и порядок оплаты оказанных услуг. В этом разделе основой выступает информация о стоимости оказанных услуг. Также указывают в какой форме, и в какой срок будет произведена оплата труда. В договоре 18 века « ... за сие обучение денег двадцать рублей, из коих половинное число по прошествии года, а другую половину уже по обучении, которое не иначе должно быть окончено, как в течение означенного срочного времени».

Предмет договора, где информация о предмете договора выступает базой при заключении различных соглашений. В договоре оказания образовательных услуг предметом выступают сами образовательные услуги. В договоре 18 века информация подается в сжатом виде в отличие от современных «обучение циральному мастерству».

Права и обязанности сторон. Этот раздел об обязательствах прописывается с целью конкретизации действий сторон. Наличие в договоре положений о правах и обязанностях дает понимание, каким образом стороны должны исполнять свои обязательства по договору. В отличие от современных договоров, где все обязательства сторон перечислены по пунктам, в договоре 18 века все пишется коротко в одно предложение, с перечислением видов работ: « ... чесать или убирать на голове мужские и женские волосы разными манерами, делать парики и шиньоны, брить бороду, шлифовать и направлять бритвы, дергать зубы, пускать кровь шнипером, ланцетом, рожковую и пиявковую, с показанием мест, из которых когда и в каком

случае из сих кровопусканий быть должно или прилично». Особого внимания заслуживает формулировка обязательства мастера обучить в полном объеме циркульному мастерству *«как долг честного человека требует, и сделать его через сие настоящим мастером»*.

Срок действия договора и ответственность сторон. В этом разделе определяются положения об обстоятельствах, при наступлении которых стороны несут материальную ответственность. Указывается только в современных договорах. В договоре 18 века срок действия обозначен конкретно: *«... с сего числа впредь на полтора года»*.

Подпись и заключение. В конце документа указываются юридические адреса и реквизиты сторон. После подписания соглашения сторонами договор оказания образовательных услуг считается заключенным. Для современного делопроизводства регламентирована полная запись: фамилии, имя, отчество, а также адрес и подпись, в договорах 18 века указана только подпись: *«подписуюсь»*.

Таким образом, структурные элементы договора за два с небольшим века в целом остались неизменными.

Как известно, отличительной особенностью деловой речи является обилие канцеляризов – устойчивых оборотов речи. Проанализируем канцеляризмы текста договора 18 века и соотнесем их с соответствующими современным деловым письмом.

В начале текста обнаруживаем канцеляризм *«мы, нижеподписавшиеся»*, который используется в современной деловой речи, но при составлении других видов документов (актов). Следующий – *«учинили сие условие»* – в силу архаичности первых двух слов данный оборот в современном русском языке не употребляется, на смену ему пришел канцеляризм *«заключили договор о нижеследующем»*. Оборот *«обязан заплатить»* воспринимается нами как оборот разговорной речи, употребление которого в современных документах недопустимо. Современный аналог – *«заказчик обязуется своевременно заплатить»*.

Изменения языка письменной деловой речи прослеживаются во всем тексте, рассматриваемом нами. Это обилие архаизмов: *оного, сего, сих, сие, коих, исподнее (платье)*, использование которых в современной письменной деловой речи недопустимо.

Текст данного соглашения составлен в разговорном стиле с использованием соответствующих языковых единиц: *отдал сына, чесать, убирать волосы, прилично, не скрывая, пища, не причиняя ни малейшей нужды*. Однако наблюдается стремление структурировать текст, разграничивая структурные элементы договорных отношений.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующие выводы: форма договора об оказании образовательных услуг за два с небольшим столетия особых изменений не претерпела, стала более четкой с выделением отдельных пунктов договора. Содержательная часть по своей сути осталась неизменной. С точки зрения использования языковых средств – текст договора изменился значительно – в области лексики это обилие архаизмов, разговорных элементов, устойчивых оборотов речи. Языковые изменения являются закономерными, поскольку за обозначенный период русский язык пережил много испытаний и потрясений, однако остался неизменно великим и могучим.

Литература

1. Иванов Е. Меткое московское слово – 1986 – Текст: [Электронный ресурс]. // <https://libking.ru/> : Режим доступа: <https://libking.ru/books/prose-/prose-history/1094249-59-evgenij-ivanov-metkoe-moskovskoe-slovo.html> (дата обращения: 10.01.2023).
2. Кузнецова, Т. В., Лихачев М. Г., Райхцаум А. Л. Документы и делопроизводство: Справочное пособие. – Москва : Экономика, 1991. – С. 92.
3. Самойлов, М. А. История возникновения и общая характеристика договоров / М. А. Самойлов. – Текст: [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2021. – № 2 – С. 117-120. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/344/77431>(дата обращения: 11.01.2023).

Kachanova A. G.

College of World Economy and Advanced Technologies

Linguistic and structural features of the contract of the 18th century in comparison with modern standards of business documentation

In this paper, an attempt is made to conduct a comparative analysis of two temporary forms of a document, namely an agreement on the provision of educational services, in order to determine the temporary changes in the Russian language on the example of written business speech of the document in question.

Keywords: contract, office work, contract structure, language history, language features.

Клиарис Сарантис Евангелевич

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
sarantispro1@hotmail.com

Семантика и прагматический потенциал метафоры прикосновения (на материале глагола трогать)

Работа выполнена под руководством Юриной Елены Андреевны, доцента
филологических наук, профессора.

Данная статья посвящена рассмотрению глаголов прикосновения. Автор на основании данных словарей описывает семантические особенности и метафорические значения. Выбранные контексты подтверждают работу лексикографов, позволяют в целом выяснить и расширить понятие тактильного восприятия.

Ключевые слова: семантика тактильность, глагол, контекстуальный анализ.

Глаголы прикосновения являются частотными элементами ежедневного использования языка. Особенно интересный факт, что они тесно связаны с одной из пяти систем восприятия – с осязанием. Метафоры этих глаголов включают в себя большее, чем тактильные чувства. Расширение первичного (прямого) значения у этих глаголов рождает вторичное (переносное) значение с повышенной интенсивностью. Происходит концептуальный сдвиг из физического описания чувственного опыта в сферы эмоций, интеллекта, социального взаимодействия. Например, если при очень сильном прикосновении у человека возникает чувство боли, то это прямое значение будет порождать метафоры для передачи сильных эмоций и чувств: *меня это трогает за душу, задевает за живое, не трогайте меня – оставьте в покое*. Таким образом, на основании метафоризации физических ощущений глаголы прикосновения получают новые значения.

Продление в метафорах теперь держит свет жизненного опыта всех говорящих на рассматриваемом языке. Семантическая выделенность зависит не только от культуры. Можем добавить, что таким образом выясняется и исторический рельеф чувств народа. У глаголов несовершенного вида *трогать* ‘прикасаться к кому-, чему-л., дотрагиваться’ и *касаться* ‘дотрагиваться до кого-, чего-л., прикасаться к кому-, чему-л.’ прямые значения синонимичны и в словаре объясняется друг через друга. Толкование глагола *задеть* ‘зацепиться за что-л. или коснуться чего-л. при движении’ отличается рядом семантических компонентов (‘зацепиться’, ‘при движении’) и его значение ближе к глаголу совершенного вида *коснуться*. На основе «Словаря русского языка» в 4-х томах под редакцией А. П. Евгеньевой рассмотрим словарные дефиниции этих глаголов для характеристики системы переносно-образных значений. Большинство иллюстрирующих контекстов собрано нами из Национального корпуса русского языка [9], в ряде случаев используются для примеров контексты, приведенные в словаре [2].

1. Тро́гать, -аю, -аешь; несов., перех. (сов. тронуть). 1. Прикасаться к кому-, чему-л., дотрагиваться. *«Хозяйка увидела, что я хромой, заохала. Начала гладить, лапу трогать»* [7].

К первому значению в словаре приводится в качестве оттенка семантики метафорическое значение:

// метафора; (обычно с отрицанием). Приниматься за что-л., приступать к работе над чем-л. *«В передней тоже не будут трогать стен до твоего приезда. Обои будут только у меня...»* [11].

На основании этого прямого значения, связанного с прикосновением руками, происходит метафорический перенос на ситуацию начала любого дела. Таким образом, получается ассоциативная связь «дело – руки».

2. метонимия; (обычно с отрицанием). Брать что-л., пользоваться чем-л. *«Счета не трогали, наоборот, решено было поощрять население держать личные деньги – излишки, которые не уходят на немедленное потребление, – в банках»* [6].

Обычно в НКРЯ глагол *трогать* во втором значении ассоциируется с понятием денег. Интересно, что в приведенном контексте данный глагол используется ещё и в третьем значении:

3. метафора; Нарушать чей-л. покой, причинять беспокойство; тревожить. *«Не трогали до поры до времени и самих банковских служащих, злостных саботажников»* [6].

У этого значения есть ещё два метафорических оттенка:

// метафора экспрессивная; Задевать, обижать кого-л. *«Его мать не трогай, а меня, значит, можно куда-нибудь послать»* [10].

// метафора (в значении *бить*); Нападать на кого-л., наносить побои кому-л. *«Волки не трогали его, вели себя дружелюбно»* [8].

В этих переносных значениях обозначается физическое действие, но гораздо более интенсивное, агрессивное и деструктивное. Можно сказать, что глагол *трогать* функционирует как эвфемизм.

4. метафора; Вызывать легкое движение чего-л., оставлять легкие следы на чем-л. при своем проявлении. *«Волга была совсем гладкая, чуть трогала ее местами рябь»*. [4].

Пятое словарное значение представляет собой метафору, характеризующую сферу внутреннего мира человека, проявления чувств и эмоций:

5. метафора; перен. Вызывать сочувствие, сострадание к себе; волновать, умилять. *«Богоматерь с младенцем будет на этот раз сидящая, и по мотивам ее изображения беру „Умиление“, которое меня **трогает** до глубины души»*. [1].

Шестое значение снова относит нас к прямому физическому действию, более специализированному и конкретному. Происходит сужение первичного значения:

6. также без доп. Прикасаться чем-л. (поводом, шпорами и т. п.), побуждая к движению или ускоряя движение (лошади). *«Солдат на козлах сидел согнувшись, не трогая вожжами»* [5].

От шестого значения метонимически производно седьмое значение, которое по происхождению связано с управлением лошадьми и гужевым транспортом, но в современном русском языке относится уже к любому виду транспорта.

7. без доп. Разг. Двигаться с места, начинать движение. Лошади трогают. Основное значение данной метафоры является движением. Оно обозначает грубое перемещение. *«Сев в коляску, [Сахаров] приказал кучеру трогать.»* [3].

Таким образом, на основании тактильного значения глагола *трогать* осуществляются следующие метафорические переносы: 1) в сферу физических действий, работы, профессиональной деятельности со значениями: а) $\sim$ '(не) приступать к какому-л. делу' и б) '(не) брать, употреблять, использовать'; 2) в сферу межличностных отношений, ситуации конфликтов: а) 'бить', б) 'обижать', в) 'нарушать покой'; 3) в сферу эмоций и чувств: 'волновать, вызывать эмоции'; 4) в сферу физического воздействия, связанного с движением, перемещением: а) 'заставлять двигаться, б) 'начинать движение'.

Литература

1. Гусакова, В. О. Религиозно-философское мировоззрение В. М. Васнецова // «Актуальные вопросы современной науки», 2018.
2. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999;
3. Степанов, А. Н. Порт-Артур / А. Н. Степанов. — Москва: Правда, 1985. — 669 с.
4. Толстой, А. Н. Большие неприятности: Повести и рассказы, 1912-1916 / А. Н. Толстой. — Москва: Правда, 1988. — 478 с.

5. Толстой, А. Н. В Англии, на Кавказе, по Волыни и Галиции / А. Н. Толстой. — Москва : РГБ, 1916.
6. Данилкин, Л. А. Ленин: Пантократор солнечных пылинок / Л. А. Данилкин. — Текст: [Электронный ресурс] — АО «Молодая гвардия», 2017. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.01.2023).
7. Лузанов, О. Ненависть/ О. Лузанов. — Текст: [Электронный ресурс] // «Дальний Восток». — 2019. — №6. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.01.2023).
8. Марушин, В. А. По реке Белой к жемчужине Урала – пещере Шульган-Таш/ В. А. Марушин — Уфа: Китап, 2016. — Текст: [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 25.01.2023).
9. Национальный корпус русского языка. 2003—2022. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.01.2023).
10. Никитин, В. Время сладкого янтака (главы из романа) / В. Никитин. — Текст: [Электронный ресурс] // «Дальний Восток». — 2019. — №4. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.01.2023).
11. Чехов, А. П. Письмо Чеховой М. П., 29 августа 1899 г. / А. П. Чехов. — Текст: [Электронный ресурс] // chehov-lit.ru : Режим доступа: <http://chehov-lit.ru/chehov/letters/1899/letter-2871.htm> (дата обращения: 25.01.2023).

Kliaris S.E.

Pushkin State Russian Language Institute

Semantics and pragmatic potential of tactile metaphors

This article is devoted to explore the verbs of tactility. The author, based on dictionaries, describes semantic features in the metaphorical meanings of the verbs. The selected contexts confirm the work of the lexicographers and allow us to clarify and expand the concept of tactile perception in general.

Keywords: semantics, tactile, verbs, contexts, analysis.

Князева Варвара Дмитриевна

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
vardmknyaz@gmail.com

Обучение лексике на занятиях РКИ с использованием онлайн-платформы Progress Me

Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры методики РКИ, Лешутиной Ирины Анатольевны.

Цель статьи показать эффективность апробации нового лексического материала на занятиях РКИ у иностранных студентов (уровень А2) с помощью онлайн-платформы ProgressMe. В результате анализа платформы автор доказывает преимущества использования ряда заданий на разных этапах отработки новых слов. Также в статье продемонстрированы примеры упражнений, которые помогут студентам легче усвоить информацию.

Ключевые слова: русский как иностранный, ProgressMe, лексический материал, упражнения.

Изучая иностранный язык, нельзя делать акцент только на одном или нескольких видах речевой деятельности, оправдываясь тем, что он проще усваивается или легче понимается. Развитие навыков говорения не может идти без элементарных основ грамматики, а чтение сложно будет реализовывать без наличия определенного словарного запаса. Обучение лексике является основой усвоения иностранного языка. Кроме того, не стоит забывать, что без нее осуществление межкультурной коммуникации будет либо невозможным, либо очень низкого качества, практически непонятным и выполненным на невербальном уровне.

Актуальность темы исследования определяется тем, что несмотря на многообразие различных онлайн-платформ, для продуктивной работы и удобства педагога и студентов необходимо выбрать ту платформу, которая обладает большим количеством подходящего функционала. Благодаря платформе ProgressMe во время введения новых слов будет отработаны все четыре вида речевой деятельности, на всех трех этапах освоения лексического материала.

Цель исследования представляет собой демонстрацию функционала онлайн-платформы ProgressMe, с помощью которого можно эффективно ввести новую лексику на тему «Погода». Апробация планируется в период педагогической практики в группах студентов подготовительного факультета Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина.

Объектом исследования выступает обучение лексике русского языка иностранных студентов (уровень А2). Эмпирической базой исследования является изучение возможностей платформы ProgressMe, анализ готовых типов упражнений, аутентичных текстов и аудиоматериалов.

Существует огромное количество видов упражнений, которые способствуют быстрому, а главное осознанному запоминанию новых слов. А.Н. Щукин [2, с. 304] в своём учебнике «Практическая методика обучения русскому языку как иностранному» выделяет несколько этапов работы с лексическим материалом: 1) презентация вводимой лексики; 2) методические действия, обеспечивающие усвоение учащимися новой лексики; 3) организация повторения усвоенной учащимися лексики и контроль качества усвоения.

Презентация вводимой лексики – это демонстрация и интерпретация новых слов. Одно из обязательных условий для этого этапа – это введение лексики не списком слов, а в определенном контексте [1]. В результате студенты не будут путаться в употреблении и бояться использовать их в речи. Также на начальном этапе обучения часто используется принцип наглядности – использование различных картинок или других визуальных средств.

Знания слов недостаточно, студенты должны сами уметь их включать в речевую деятельность, использовать в подходящих ситуациях и не путаться в смыслах. Поэтому на втором этапе осуществляется организация усвоения новой лексики с помощью подготовительных и речевых упражнений. Творчество и идеи преподавателя на этом этапе могут быть не ограничены, используются как дидактические материалы, так и онлайн-платформы, ролевые игры, аудио- и видеоматериалы и многое другое. На этом этапе очень важно удержать внимание и мотивацию студентов, чтобы изучение русского языка не стало для них скучной рутинной, которая сопровождается монотонным повторением слов в одних и тех же контекстах.

Третий этап является контролем изученного материала, он необходим для того, чтобы выявить пробелы в усвоении лексики. Этот этап можно считать своего рода обратной связью, он является показательным как для преподавателя, который может обнаружить какие-то недостатки в своей методике преподавания, так и для студентов, чтобы оценить уровень своих знаний. Пройденную лексику после активного закрепления темы необходимо время от времени вспоминать, вставляя ее в упражнения или добавляя в контексты тем или диалогов.

Данные этапы работы с лексическим материалом функционируют в тесной взаимосвязи и не могут осуществляться друг без друга. Практически все типы упражнений из этих этапов можно найти на онлайн-платформе ProgressMe.

Итак, приведем примеры упражнений на каждый этап отработки лексического материала на тему «Погода» у студентов, которые изучают русский язык как иностранный (уровень A2).

Для первого этапа отработки новой лексики можно взять упражнение с визуальным материалом. На платформе ProgressMe на тему «Погода» собраны упражнения для разных уровней знания русского языка. Самый удобный формат демонстрации новых слов — картинки, подписанные терминами, необходимыми для заучивания. Далее следует задание на сопоставление картинок и новых слов. Также в этом разделе вводится модель «мне нравится»:

Задание: Прочитайте диалог. Что означают эти фразы?

- Вам нравится зима?
- Да, мне нравится зима.
- Вам нравится осень?
- Нет, мне не нравится осень.

Еще одна полезная функция сайта — это информативные сноски, где объясняются непривычные явления русского языка для иностранного студента. Например:

14. *Обратите внимание студента, что в фразах со словом НРАВИТСЯ мы меняем падеж (форму) местоимений.*

Я меняется на МНЕ.

Вы меняется на ВАМ.

15. *Если вы хотите сказать зимой/летом/весной/осенью, мы не используем никаких предлогов в русском языке. Мы просто меняем окончания этих слов. Прочитайте:*

Зима - зимой;

Весна - весной;

Лето - летом;

Осень - осенью.

Упражнения, которые даны в этом разделе, способствуют более быстрому запоминанию лексики, помогают в визуальном сопоставлении образов со значением, что впоследствии облегчает использование новых слов в активном вокабуляре.

На втором этапе работы с лексикой необходимо более точно со студентами разобрать и потренировать контексты употребления слов, чтобы в будущем не обнаружились пробелы в знаниях при переходе на следующий этап, а также после того, как студенты начнут изучать новую тему. В ProgressMe задания из одного раздела связаны, поэтому сложностей с подбором лексики не возникнет, и все слова из первого этапа будут продемонстрированы в упражнениях второго этапа.

На платформе представлены упражнения на множественный выбор, где студенту необходимо выбрать правильную форму слова, например:

Мне нравится зима/зимой;

Весна /весной тепло и солнце.

Лето/летом очень жарко.

Мне не нравится лето/летом.

Осень/осенью идёт дождь.

Мне нравится климат в Москве, потому что летом/лето прохладно.

Кроме того, в разделе находятся пункты аудирование, чтение и письмо. В этих заданиях есть уже подобранный аудиолингвальный дидактический материал, который составлен как тестовое задание, так и задание на самостоятельное написание. Пример задания:

Прочитайте эти тексты. Какие слова для вас новые?

Меня зовут Маша. Я из России. Я живу в Москве. Мне не очень нравится климат в Москве. Зимой холодно, летом прохладно, ветер и дождь. Мне нравится солнце. Зимой я еду в Египет, потому что там тепло.

Меня зовут Мухаммед. Я из Египта. Сейчас я живу в Москве. Мне не очень нравится климат в Египте, потому что летом очень жарко. Мне нравится климат в Москве потому, что летом прохладно.

После текста даются вопросы на обсуждение, которые помогут как студентам сформулировать и выразить личное мнение по теме, так и преподавателю понять, нужно ли давать больше заданий на эту тему или можно переходить на третий этап отработки лексики.

Примеры вопросов:

Расскажите, какой климат в вашей стране?

Какая погода вам нравится?

Какое время года вам нравится? Почему?

Какое время года вам не нравится? Почему?

Преимуществом платформы ProgressMe является также и то, что студенты могут написать ответы на вопросы. Все результаты будут автоматически отображаться у педагога в личном кабинете.

Для третьего этапа изучения лексики можно взять разделы «практика» и «разговорная практика». В «практике» представлены задания трех типов: тест, расставить слова, чтобы получились предложения, распределить слова по группам. Эти задания могут дать и преподавателю, и студентам полное представление о том, насколько хорошо была усвоена новая лексика.

Пример заданий:

Расставить слова в правильном порядке.

и/ потому что/ У меня/ солнце/ тепло/ настроение/ хорошее;

жарко/ Летом/ в/ очень/ Индии;

холодно/ Зимой/ снег/ и;

Америке/ вам нравится/ климат/ в/ Почему.

Какая погода в эти времена года? Разделите слова по группам.

В этом упражнении даны слова: прохладно, тепло, жарко, снег, дождь, ветер, растения, холодно. Их нужно распределить по сезонам (зима, весна, лето, осень).

Задания «разговорной практики» продемонстрируют готовность и способность изученную лексику правильно использовать. Пример: на сайте дана ссылка, открыв которую студенты должны описать погоду в Иркутске, Чикаго и Сочи.

Следовательно, в результате отработки новой лексики со студентами с помощью платформы ProgressMe будет отработаны все 4 вида речевой деятельности (аудирование, чтение, говорение, письмо), что в свою очередь способствует полному и качественному усвоению слов.

Интернет-ресурс ProgressMe — это действительно хороший помощник на занятиях РКИ. Преподаватель может с уверенностью положиться на эту онлайн-платформу, так как небольшая плата за нее может гарантировать ее исправную работу. Кроме того, без сомнений, это окупится впоследствии благодаря огромному количеству дополнительного функционала, который сделает обучение эффективнее.

ProgressMe обладает достаточным количеством необычных упражнений. Там можно найти интересные задания на такие темы как: объяснения правил этикета, традиций, русского сленга и даже урок о Евровидении. Однако несмотря на то, что редактирование заданий платформой не предусмотрено, преподаватель может воспользоваться функцией «создать упражнение». Следовательно, если будет не хватать заданий по той или иной теме, их всегда можно сделать самим.

Итак, были рассмотрены упражнения на тему «Погода» для преподавания РКИ у студентов (уровень А2) и выявлены преимущества использования тех или иных заданий на разных этапах отработки нового лексического материала.

Таким образом, можно сделать вывод, что все этапы овладения новой лексикой взаимосвязаны: преподаватель должен уметь правильно выстраивать педагогический процесс, чтобы у студентов активизировались мыслительные процессы, и они могли успешно осуществлять межкультурную коммуникацию [3]. Кроме того, чтобы избежать ошибочного употребления слов, а также понижения уровня мотивации студентов на занятии и сделать процесс запоминания новой лексики проще, необходимо повторять слова, используя интересные и интерактивные задания.

Литература

1. Ковалёва А. В. Этапы работы с лексикой при обучении РКИ // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-raboty-s-leksikoy-pri-obuchenii-rki> (дата обращения: 16.02.2023).
2. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному / под ред. А. Н. Щукина. – М. : Рус. язык, 2003. – 304 с.
3. Шлыкова Ю.В., Конышева Ю. Р. Обучающие приложения как средство развития лексических навыков на дистанционных уроках по иностранному языку // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – №68-4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchayushchie-prilozheniya-kak-sredstvo-razvitiya-leksicheskikh-navykov-na-distantcionnyh-urokah-po-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 16.02.2023).

Knyazeva V.D.

Pushkin State Russian Language Institute

Vocabulary training using the ProgressMe online platform

The article aims to consider an effective way of testing new lexical material while teaching RCT to foreign students (A2 level) using the online platform ProgressMe. As a result of the analysis of the platform and exercises, the author proves the advantages of using certain tasks at different stages of working out new words. The article also demonstrates examples of tasks that a teacher can use at different stages of classes with students.
Keywords: Russian as a foreign language, ProgressMe, lexical material, exercises.

Ковалевская Валентина Павловна

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
ljkovalevskaya@gmail.com

С.А. Есенин: эволюция мотивного комплекса, связанного с образом лошади

Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры мировой литературы, Татьяны Константиновны Савченко.

В статье анализируется эволюция мотивного комплекса, связанного с образом лошади, в лирике С.А. Есенина. Выявляется основная тенденция его изменения: уход от идиллических, природных и христианских мотивов ранней лирики к мотивам, обладающим в основном негативной коннотацией, таким, как смерть, нечистая сила, кабацкие мотивы, сожаление о прошлом.

Ключевые слова: Есенин; мотивы; образ лошади.

Цель статьи – изучение эволюции мотивного комплекса, связанного с образом лошади, в лирике С.А. Есенина. Материалом для исследования послужили стихотворения, представленные в первом и четвертом томах «Полного собрания

сочинений в семи томах» Есенина под редакцией сотрудников Есенинской группы ИМЛИ РАН (1995–2002) [4, 5]. Отметим, что в исследовании рассмотрены только основные редакции стихотворений, представленные в «Собрании»: черновые варианты нами не учитывались.

Под литературоведческой категорией «мотив» понимается смысловой динамический элемент текста, которому свойственны следующие признаки: повторяемость, способность к накоплению смысла, возможность быть явленным в тексте своими представителями, устойчивыми атрибутами [2, с. 10].

Как известно, тема природы имеет если не основное, то образующее значение в лирике С.А. Есенина. Своеобразие лирического героя поэта состоит как раз в той глубинной связи с природой, которая сполна отражена в его лирике. Без изучения концепта природы в как поэтических, так и прозаических произведениях Есенина, полноценное изучение его творчества невозможно.

Тема природы в лирике поэта рассмотрена многими исследователями, начиная с 1910-х гг. Из многих и многих отметим статью К. Граевски «Роль животных в формировании мира в лирике С.А. Есенина. Попытка взгляда на животных Есенина через призму постантропоцентризма» [9], О.В. Гаврилиной «Пейзаж – чувство природы – натурфилософия в художественной литературе: Основные аспекты изучения» [1], Е.В. Михайловой и А.И. Лазовской «Концепты «родина» и «природа» в языковой картине мира С. Есенина» [8].

Один из наиболее часто встречающихся в лирике поэта природных образов – образ лошади. Он пронизывает все его творчество, встречаясь и в ранних, и в поздних произведениях. Обратим внимание на то, что образ лошади встречается в лирике поэта в разных «ипостасях»: это то табун в поле («Топчут лапти по полю кукольной, / Где-то ржанье и храп табуна...») [4, с. 58], то конь, оседланный лирическим героем («<...> Бредет мой конь, как тихая судьба / И ловит край махающей одежды / Его чуть мокрая буланая губа») [4, с. 79], то мчащаяся тройка («Встал и вижу: что за черт – вместо бойкой тройки... / Забинтованный лежу на больничной койке...») [там же, с. 177]. С изменением характера образа лошади меняется и связанный с ним мотивный комплекс.

Образ лошади в произведениях представлен как прямым упоминанием («Осенним холодом расцвечены надежды, / Бредет мой конь, как тихая судьба...»), так и имплицитно – с указанием на атрибуты, присущими лошади: «<...> Из углов щенки кудлатые / Заползают в хомуты» [там же, с. 47]. Для исследования были отобраны стихотворения только первого типа.

В диахронии лирики поэта прослеживаются две основных тенденции трансформации образа лошади: 1) переход изображения образа лошади в природе к образу запряженной в сани или тройку лошади, 2) метафоризация указанного образа в лирике поэта 1917–1921 гг.

В дореволюционной лирике Есенина в основном лошадь изображается в природе как одинокая кобыла (например, в метафорическом ряду: «Тихо в чаще можжевеля по обрыву. / Осень — рыжая кобыла — чешет гриву») [там же, с. 43]; табун («Топчут лапти по полю кукольні, / Где-то ржанье и храп табуна...») [там же, с. 58], «В холмах зеленых табуны коней / Сдувают ноздрями золотой налет со дней») [там же, с. 91]; жеребенок («...Под брюхом жеребенка / В глухую ночь не спать...») [там же, с. 99], «Рыжий месяц жеребенком / Запрягался в наши сани») [там же, с. 122]; а также как конь, принадлежащий лирическому герою: «Осенним холодом расцвечены надежды, / Бредет мой конь, как тихая судьба...» [там же, с. 79], «Как птицы, свищут версты / Из-под копыт коня» [там же, с. 121]. Образ же коня, запряженного в сани или тройки, в раннем творчестве поэта не встречается. В творческий период после 1919 г. образ лошади в стихотворениях Есенина практически исчезает и появляется вновь только в 1924 г.

В лирике периода 1924–1925 гг. образ лошади в природной среде исчезает. Его место занимает образ коня, запряженного в сани, и образ тройки: «Эх вы, сани! А кони, кони! / Видно, черт их на землю принес» [там же, с. 277]; «Не храни, запоздалая тройка! / Наша жизнь пронеслась без следа» [там же, с. 199]; «Встал и вижу: что за черт — вместо бойкой тройки... / Забинтованный лежу на больничной койке» [там же, с. 178].

Прослеживается тенденция метафоризации образа лошади в лирике 1917–1921 гг. С помощью него поэт создает метафоры природных явлений: «Тучи с ожереба / Ржут, как сто кобыл» [там же, с. 106]; «И игриво взмахнет кобылица / Над равниною красным хвостом» [там же, с. 115]; «...Рыжий месяц жеребенком / Запрягался в наши сани» [там же, с. 122]. Таким образом, связь образа лошади с темой природы не просто не исчезает, а укрепляется: образ лошади сливается с ней, становится способом изображения природы. Любопытно, что в стихотворении 1916 г. «Голубень» наблюдаем «обратную» метафору «...За ровной гладью вздрогнувшее небо / Выводит облако из стойла под уздцы» [там же, с. 80].

Для стихотворений этого периода характерна связь образа лошади с мотивами, объединенными темой неба: небо и облако («За ровной гладью вздрогнувшее небо /

Выводит облако из стойла под уздцы») [там же, с. 80]; тучи («Тучи с ожереба / Ржут, как сто кобыл») [там же, с. 106]; ветер («Треплет ветер под облачной кущей / Золотую его дугу») [там же, с. 115]; солнце («И брызжет солнце горстью / Свой дождик на меня») [там же, с. 121]; месяц («...И летит с него, как с месяца, / Шерсть буланая в туман») [там же, с. 127].

В эволюции мотивного комплекса образа лошади выявляется тенденция снижения частоты появления природных мотивов (трава, поле, береза, лес и т. д.) в лирике 1923–1925 гг. Стихотворения периода 1914–1915 гг. насыщены природными мотивами: «От вихлистого приволья / Гнутя травы, мнется лист» [там же, с. 35]; «Тихо в чаще можжевеля по обрыву», «Над речным покровом берегов / Слышен синий лязг ее подков» [там же, с. 43]; «И горстью смуглою листвы последний ворох / Кидает ветер вслед из подола» [там же, с. 81]. В стихотворениях 1916–1924 гг. их количество значительно уменьшается, а в стихотворениях 1925 г. природных мотивов, связанных с образом лошади, практически нет.

Также в диахронии прослеживается изменение характера мотива звука, связанного с образом лошади. В стихотворениях периода 1915–1923 гг. (отметим, что до 1915 г. мотив звука, связанный с образом лошади, в лирике Есенина отсутствовал), мотив звука в большинстве случаев реализуется через звук природного происхождения («А эхо резвое, скользнув по их губам, / Уносит думы их к неведомым лугам») [там же, с. 92] или через звук, издаваемый непосредственно лошадью («Дробь копыт и хрип торговков...») [там же, с. 35]; «Топчут лапти по полю кукольной, / Где-то ржанье и храп табуна...» [там же, с. 58]; «В прозрачном холоде заголубели доли, / Отчетлив стук подкованных копыт...» [там же, с. 79] и т. д. В стихотворениях 1925 года мотив звука реализуется исключительно через звук, издаваемый рукотворным предметом: игра гармоники («Мы к нему подъедем, спросим — что такое? / И станцуем вместе под тальянку трое») [там же, с. 281]; звон колокольчика («В залихватском степном разгоне / Колокольчик хохочет до слез») [там же, с. 277] или бубенцов («Вот опять вдруг зарыдали / Разливные бубенцы») [там же, с. 281].

Также образ лошади в стихотворениях более ранних нередко связан с христианскими мотивами: ангел («Белый ангел этой полночью / Моего увел коня») [там же, с. 127]; Бог («И целует на рябиновом кусту / Язвы красные незримому Христу») [там же, с. 43]; «Богу лишнего не надобно...») [там же, с. 127]; небо («За ровной гладью вздрогнувшее небо / Выводит облако из стойла под уздцы») [там же, с. 80]; богомолки («По дороге идут богомолки...») [там же, с. 58]; колокольня («И зовет их с большой

колокольни...») [там же, с. 58]. В стихотворениях наиболее поздних образ лошади, запряженной в сани или тройку, напротив, связан с нечистой силой: «Напылили кругом. Накопытили. / И пропали под дьявольский свист» [там же, с. 215]; «Эх вы, сани! А кони, кони! / Видно, черт их на землю принес» [там же, с. 277].

Подводя итоги, можно констатировать: для образа лошади в лирике Есенина до 1924 года характерна связь с мотивами, обладающими в основном положительной коннотацией: чаще всего с ним связаны рассмотренные выше природные и христианские мотивные комплексы. С образами же саней и тройки, появляющимися в лирике 1924–1925 гг., связаны мотивы, обладающие в основном негативной коннотацией: это смерть, нечистая сила, кабацкие мотивы, сожаление о прошлом. Итак, эволюция образа лошади является отражением всего творческого пути Сергея Есенина. От природных картин с преобладанием статичных, идиллических и христианских мотивов он приходит к динамичным, зачастую более мрачным образам, нередко связанным с мотивами прощания с молодостью, сожаления о растраченных силах, увядания.

Литература

1. Гаврилина О.В. Пейзаж – чувство природы – натурфилософия в художественной литературе: Основные аспекты изучения // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2009. – № 3. – С. 30-37.
2. Гаспаров Б. М., Паперно И. А. К описанию мотивной структуры лирики Пушкина // Russian Romanticism: Studies in the Poetic Codes. Stockholm – 1979. – С. 9-44.
3. Декларация // Сирена. Иллюстрированный двухнедельник. Воронеж. 1919. № 4-5, 30 янв. С. 301; Советская страна. М. 1919, 10 февр. № 3; републикация: От символизма до Октября / Сост. Н. Бродский и Н. Сидоров, М.: Новая Москва, 1924. С. 170-174.
4. Есенин С.А. ПСС: В 7 т. Т. 1. Стихотворения / Подгот. текста и коммент. А.А. Козловского. М.: Наука – Голос, – 1995. – 672 с.
5. Есенин С.А. ПСС: В 7 т. Т. 4. Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений» / Сост., подгот. текста и коммент. С.П. Кошечкина, Н.Г. Юсова. М.: Наука – Голос, 1996. – 544 с.
6. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. – С. 387-416.

7. Литературная энциклопедия: В 11 т. М.: Изд-во Ком. Акад., 1929–1939. Т. 4. [IV], 1930. – 716 с.
8. Михайлова Е.В., Лазовская А.И. Концепты «родина» и «природа» в языковой картине мира С. Есенина // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. – № 16, 2007. – С. 89-94.
9. K. Grajewski. Роль животных в формировании мира в лирике С.А. Есенина. Попытка взгляда на животных Есенина через призму постантропоцентризма. EurasianUnionScientists – 2020. – 4 (9(78)). – С. 26-32.

Kovalevskaya V.P.

Pushkin State Russian Language Institute

S.A. Esenin: evolution of the motive complex associated with the image of a horse

The article analyzes the evolution of the motive complex associated with the image of a horse in the lyrics by S.A. Esenin. The main trend of its change is revealed: a departure from the idyllic, natural and Christian motives of early lyrics to motives that have mainly negative connotations such as death, evil spirits, tavern motives, regret about the past.

Keywords: Esenin, motives, image of a horse.

Коваленко Светлана Марковна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
kovalenkosc1999@mail.ru

Семантическое развитие лексемы «дождливо» в современном русском языке

Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора
Миловановой Марии Станиславовны.

Статья посвящена описанию тенденции к субъективации значения лексемы «дождливо» в современном русском языке, которая связана с активным семантическим развитием данного слова. На основе анализа современных поэтических текстов и текстов социальных сетей были выявлены особенности функционирования лексемы «дождливо», тесно связанные с процессом изменения языкового сознания носителей русского языка.

Ключевые слова: современный русский язык, семантика состояния, предикатив, языковое сознание.

В русском языке, начиная с 2000-х годов, активно развивается семантика слов, входящих в лексико-семантическое поле «погода». Мы наблюдаем переход от сугубо объективного значения к субъективному: изначально нейтральные лексемы, характеризующие погоду, приобретают новые оттенки, которые описывают уже состояние человека. Это можно объяснить тем, что «современному человеку свойственна сосредоточенность на себе как объекте мысли, пристальное наблюдение за собой и своими ощущениями, стремление фиксировать и детализировать собственное

состояние (чему в немалой степени способствуют социальные сети)» [4, с. 65]. Проследим развитие этой тенденции на примере слова «дождливо».

Дождь всегда имел большое значение в славянской картине мира. Так, считалось, что он имеет магическое значение. Например, во время засухи дождь являлся способом избавления от грехов, за которые Боги наказали людей. Однако сейчас дождь – это «плохая» стихия, негативно влияющая на человека, ведь малоприятная погода вызывает чувства грусти, тоски, уныния, а иногда и депрессивное состояние.

В сознании русского человека дождь ассоциируется с чем-то неприятным, например, промокшие насквозь обувь и одежда. Так, в русском языке, например, существует много устойчивых сочетаний со словом «дождь»: *проливной дождь*, *грибной дождь*, *дождь льет как из ведра*, *дождь стеной* и др. Из всех названных сочетаний лишь одно можно охарактеризовать положительно – *грибной дождь*.

Грибной дождь – это мелкий, слабый дождь, идущий при свете солнца. Он не ассоциируется с чем-то негативным, ведь согласно примете после такого дождя хорошо растут грибы, а это признак урожайности и плодородности земли. Положительная оценка зафиксирована и в следующих языковых примерах:

1) *На солнце сияет бриллиантами! Грибной дождь! И также вдруг кончился!* (Татьяна Окуневская. Татьянанин, 1998)

2) *Она всхлипнула, и это было как дождь при солнце, как грибной дождь и как ее светящиеся волосы.* (Михаил Анчаров. Как Птица Гаруда, 1989)

3) *Аня выглянула в окно. — Грибной дождь! — Грибной дождичек мелкий, теплый, с парком, а этот с холодком.* (З.И. Воскресенская. Сердце матери (1963-1965)

Особое внимание стоит обратить на устойчивое сочетание «свинцовый дождь». Так говорят «о выпущенных из ружья, орудия зарядах дроби, картечи и т. п.» [6 с. 202]. Обилие пуль, которые обрушиваются на цель, напоминают ливень. Например:

4) *Мы уйдем от тебя, свинцовый дождь, которым она без суда и следствия собирается хлестать ни в чем не повинную землю.* (В.А. Каверин. Верлиока, 1981)

5) *На войне, бывало, ну вот свинцовый дождь, лежать, а кто встал — кончено! а ведь бывали и такие, гордые: встанет!* (М.М. Пришвин. Дневники (1929)

Однако устойчивые сочетания с лексемой «дождь» могут иметь и исключительно положительные оттенки. Например, *звездный дождь* – «появление на ночном небе множества “падающих звезд” (метеоров), вызванное встречей Земли с космическим роем твердых частиц – метеорных тел» [1 с. 455]. Например:

6) *А по ночам на город падает звёздный дождь, и, говорят, если успеть найти тлеющую ещё звезду и загадать желание, то оно непременно исполнится.* (Эль Дальмар. Такие разные чудеса, 2015)

7) *Кеша наклонил голову сильнее, и, превратившись на миг в звездный дождь, Анонимус сжался до своей обычной фигурки на фэйстоне.* (Виктор Пелевин. Любовь к трем цукербринам, 2014)

Кроме того, в русском языке много фразеологизмов с компонентом «дождь»: *после дождичка в четверг, словно грибы после дождя, ждать как дождя в засуху, человек дождя.* Остановимся на самом частотном из них – *после дождичка в четверг.*

Этот фразеологизм имеет помету ‘шутливое’ в словаре и значение ‘неизвестно когда’. Обычно произносится в ситуациях, когда никто не верит в наступление какого-либо события, с иронической или пренебрежительной интонацией:

8) — *Да-да, — закивал досадливо Ваня, а после Стеше: — Жди, после дождичка в четверг получишь траву свою.* (В.Ю. Кунгурцева. Ведогони, или Новые похождения Вани Житного, 2009)

Кроме того, дождь часто ассоциируется со слезами. Так, нам известно выражение «дождь слез», которое имеет значение ‘горький, непрерывный плач’:

9) *Встала жизнь передо мной, как страшный бред, как снежный вихрь тревожных слов и горячий дождь слёз, неустанный крик отчаяния и мучительная судорога всей земли, болящей недоступным разуму и сердцу моему стремлением.* (Максим Горький. Исповедь, 1908)

В большинстве примеров дождь воплощает плохие погодные условия, которые влияют на планы людей, их психологическое состояние, настроение. Однако отличительной особенностью русской языковой картины мира является то, что у нас это явление не всегда характеризуется негативно.

Перейдем к центральной лексеме нашего исследования – «дождливо».

Дождливо – это производное слово от прилагательного «дождливый». В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой дано такое определение: ‘отличающийся обилием частых, непрерывных дождей’ [2 с. 398].

В Национальном корпусе русского языка зафиксированы следующие примеры:

10) *Май был холодный, дождливый, июнь тоже, теперь и июль с проливными дождями.* (Наталья Радулова. Как выживали в 1990-е. Воспоминания из соцсетей (23.03.2020) // 2020)

11) *Дошло до нее это только сейчас, и потому день пасмурный, **дождливый**, бессобытийный, принадлежащий ей с первой минуты до последней, она принимала за величайшее благо.* (Анна Русских. Не спрашивай почему, или дождливое лето // «Дальний Восток», 2019)

12) *Почему-то Анна Николаевна запомнила тот холодный и **дождливый** осенний день, когда Пушкин нашел в каком-то французском романе засушенный цветок.* (М.Б. Бару. Таракан на канате, 2016)

13) *Прости, что в тот **дождливый** вечер я не смогла прийти к тебе.* (А.Г. Асмолов. Снежная сказка, 2015)

14) *Озеро Агата в Эвенкии, Красноярский край, точка замера на высоте 261 м. Самый **дождливый** год 26,47 метра осадков, август 1860-го — июль 1861 года.* (Алексей Торгашев. До чего дошла природа // «Русский репортер», 2014)

Во всех примерах мы видим значение производящего прилагательного «дождливый», которое характеризует состояние природы с отрицательной оценкой.

«Дождливо» наследует исходное нейтральное лексическое значение:

15) *Всего Ленин провел в Сестрорецке и окрестностях около девятнадцати дней: примерно с 10 по 29 июля — то есть, по нынешнему календарю, начиналась вторая декада августа: холодно и **дождливо**.* (Л.А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок, 2017)

16) *Погода какая стоит? Пчёлы взятка не дают, ветрено, **дождливо**. Безвзяточная погода, тудыть её в качель!* (Аркадий Мацанов. Коротким летом на Лене // «Ковчег», 2014)

17) *Хотя серо и **дождливо** было кругом, но в душе его уже не было слякоти.* (Андрей Лопатин. Вера // «Менестрель», 2013)

18) *Я бы спросил о погоде. Вдруг там ветрено и **дождливо**. Я, знаешь ли, больше всего на свете люблю солнце.* (И.М. Косых. Ади // «Волга», 2012)

19) *В ноябре, правда, бывает довольно **дождливо**, но зато можно без помех бродить по музеям и центральным улицам.* (Ольга Набокова, Ольга Гринкруг. Флоренция, 2012)

Во всех вышеперечисленных примерах «дождливый» и «дождливо» имеют негативный коннотативный оттенок и встают в однородный ряд с такими лексемами, как «холодный / холодно», «ветренный / ветрено» и др. Это говорит о том, что в русской языковой картине мира дождь расценивается как неприятное погодное явление.

Кроме того, еще в значении и употреблении исходного существительного «дождь» проявляется тенденция к метафоризации значения. В некоторых примерах отчетливо виден перенос чисто природной характеристики на, например, боевое оружие (см. *свинцовый дождь*).

Однако целью нашего исследования было выявление субъективных коннотативных оттенков омокомплеса «дождливо» (термин В.В. Бабайцевой), в который входят наречие на –о и предикатив, т.к. «в речи становится наиболее частотной та лексика, которая отражает мысль о состоянии человека, т.е. выражает его чувства и субъективные ценностные представления об окружающем мире и самом себе» [3, с. 33]. В Национальном корпусе русского языка этот феномен еще не зафиксирован, но в современных поэтических текстах и текстах социальных сетей мы уже наблюдаем активное развитие субъективной семантики.

Наиболее ярко изменения проявляются в дативно-предикативной конструкции, т.е. в тех случаях, когда предикатив «дождливо» управляет дательным падежом личного местоимения «я». Например:

20) Ну если **мне дождливо**, то пусть будет так и всем. (09.07.2011)

21) Чёрт, на улице солнце, а **мне дождливо**. Мне ведь тоже больно... (04.10.2010)

22) **Мне дождливо**. Будешь моим солнцем? (26.04.2021)

23) но будь мне солнечно или будь **мне дождливо** / мои мысли в пустыню образуются вновь / и здесь каждый прохожий говорит твоё имя / словно оно на чужом языке означает "любовь". (03.01.2019)

24) дождливо мне...с тобой / **мне дождливо**... / в ладонях твоих согревшая / под каплями дождя / нежно / притихшая... (24.08.2017)

25) Мне легко и нелегко, / Мне счастливо, не печально! / **Мне дождливо**, но светло, / Горделиво? не случайно... (08.2019)

26) **Мне дождливо** нынче на душе... / Солнце скрылось - улетела муза.... / И сижу на пятом этаже - / На осколках нашего союза... (16.11.2014)

27) Мир не тот: соседу зябко, а **мне дождливо**. (08.2011)

28) И теперь мы с ним рядом. И кто из нас кем храним? / Но когда **мне дождливо**, он молча умеет слушать. (02.11.2020)

Нами были обнаружены два примера употребления лексемы «дождливо» в качестве наречия на –о:

29) *Бродячей кошкой побегу по следу / В промозглый вечер, прямо за тобой... / Разинув рот, я буду верить бреду, / Что мне дождливо шепчет голос твой.*
(14.04.2012)

30) *Почему ж в глазах твоих я вижу-осень / Так дождливо смотрит на меня.*
(25.09.2013)

Это указывает на то, что сейчас активно развивается категория состояния, которая пополняется новыми – синкретичными – лексемами: их семантике присущи несколько коннотативных оттенков, как с оценкой «+», так и с оценкой «–».

Таким образом, мы можем говорить об обретении лексемой «дождливо» нового морфологического статуса (предикатив), который на современном этапе развития русского языка пока еще не зафиксирован в словарях и Национальном корпусе русского языка. Однако функционирование в социальных сетях и поэтической речи способствует активному развитию разных субъективных оттенков.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд, перераб. и доп. – Москва : Большая Рос. энцикл. ; СПб. : Норинт, 2000 – 1456 с.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Москва : Русский язык, 2000 – 1233 с.
3. Коваленко С.М. Семантический потенциал лексемы *солнечно* в современном русском языке: выпускная квалификационная работа. – Москва : 2021. – [Электронный ресурс] // Научный корреспондент. – URL: <https://nauchkor.ru/pubs/semanticheskij-potentsial-leksemy-solnechno-v-sovremennom-russkom-yazyke-60d4be9be4dde5000108bcd5> (дата обращения: 20.02.2023).
4. Милованова М.С. Современное русское аксиологическое сознание и актуальные тенденции в языке [Электронный ресурс] // Педагогическое образование и наука. – 2019. – № 1. – С. 63–66. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37713308> (дата обращения: 23.02.2023).
5. Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / М.С. Милованова (отв. ред.), К.Я. Сигал, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Б.И. Фоминых, Н.А. Боженкова, Л.М. Гончарова, А.Н. Матрусова, Р.Р. Шамсутдинова, П.А. Катышев; ИЯз РАН, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. – Москва. – Ярославль: Издательство «Канцлер», 2022. – 390 с.

6. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: Астрель, АСТ, 2008 – 828 с.

Kovalenko S.M.

The Pushkin State Russian Language Institute

Semantic development of the lexeme «rainy» (дождливо) in the modern Russian language

The article is devoted to the description of the tendency to subjectification of the meaning of the lexeme «rainy» (дождливо) in the modern Russian language, which is associated with the active semantic development of this word. Based on the analysis of modern poetic texts and texts of social networks, the peculiarities of the functioning of the lexeme «rainy» (дождливо) were identified, which are closely related to the process of changing the linguistic consciousness of native speakers of the Russian language.

Keywords: modern Russian language, semantics of the state, predicative, linguistic consciousness.

Коломейчук Мирослава Алексеевна

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
mira050497@gmail.com

Средства формирования метапредметных результатов обучения русскому языку как иностранному

В статье исследуются средства формирования метапредметных результатов обучения русскому языку как иностранному, а именно – работа с отдельными словами, формулировками заданий и текстом. Тема метапредметного обучения актуальна, так как даёт студентам понимание того, как одна система понятий учебного предмета связана с системой понятий другого, и позволяет решить проблему разобщённости научных дисциплин.

Ключевые слова: метапредметные результаты обучения; русский язык как иностранный; метапредметное обучение; метапредметная роль русского языка.

Тема метапредметного обучения является актуальной, так как позволяет решить проблему разобщённости разных научных дисциплин и понимания у студентов того, как одна система понятий учебного предмета связана с системой понятий другого. Задачей преподавателей в данном случае является подготовка студентов, не просто владеющих русским языком, но и способных учиться на русском языке, изучать предметы.

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту основного общего образования метапредметные результаты включают в себя освоенные обучающимися межпредметные понятия и универсальные учебные действия, способность их использования в учебной, познавательной и социальной практике [3].

В обучении общеобразовательным предметам русский язык, как правило, играет вспомогательную роль. Преподаватели на занятиях следят за тем, чтобы студенты

правильно понимали слова, тексты, грамотно выражали мысли, а значит, исправляют их только в случае необходимости: если учащийся неправильно понял смысл фразы, совершил в своей речи ошибку, которая затрудняет дальнейшую коммуникацию и т.д. Между тем работа с русским языком важна и необходима, так как помогает понять, какие проблемы, связанные с языком, регулярно возникают у студентов при изучении той или иной учебной дисциплины.

Среди таких проблем:

- 1) неполное понимание учебно-научных текстов, отдельных терминов, которые в них встречаются, а в редких случаях – общеупотребительных слов и выражений;
- 2) трудности в запоминании смысла текстов, терминов, определений и т.д.;
- 3) отсутствие умения передавать одинаковый смысл другими языковыми средствами, заменять синонимичными словами, конструкциями, пересказывать тексты;
- 4) ошибки, нарушающие языковые нормы.

Чтобы включить в практику постоянную работу с русским языком, преподавателю по общеобразовательным дисциплинам важно быть готовым при необходимости помочь обучающемуся в языковых вопросах. К тому же, совместная работа с преподавателем-русистом поможет сделать процесс обучения более эффективным не только в освоении русского языка, но и в освоении самой дисциплины, которую он ведёт, а значит, выполнять свою основную задачу.

Как отмечали в своей статье О.Н. Халеева и А.В. Щурова: «Русский язык иностранцы изучают на уроках не только русского языка, но и всех общеобразовательных дисциплин, которые проводятся на русском языке. Иностранные обучающиеся продолжают не только совершенствовать свои умения в чтении, аудировании, говорении и письме на русском языке, в процессе обучения общеобразовательным и специальным дисциплинам они сталкиваются с огромным пластом общенаучной и терминологической лексики.» [4, с. 190].

Некоторые слова имеют значения не только как термины, относящиеся к предметным областям, но и как общеупотребительные слова. О.Е. Дроздова приводит следующий пример: слово «радикал» в области изучения истории будет означать члена радикальной группировки или партии, сторонника радикализма. В толковом словаре можно найти это же определение, так как оно является общеизвестным, однако в математике или химии этот термин будет иметь совершенно другое значение. Вторым значением этого слова как общеупотребительного будет переносное от первого, т.е.,

человек, придерживающийся крайних, решительных, бескомпромиссных взглядов в какой-либо области [1, с. 22].

Значение слова и его принадлежность к той или иной предметной области может зависеть и от ударения. Например, прилагательные «кóмплексный» и «комплéксный» – слова, относящиеся к разным предметным областям, а значит, вопрос «На какой слог (первый или второй) падает ударение?» является провокационным, так как оба варианта ударения являются правильными. В первом случае слово является общеупотребительным и имеет значение «совокупный с чем-либо, представляющий собой комплекс; охватывающий целую группу предметов, явлений, процессов». Во втором случае речь идёт о термине из высшей математики, обозначающем особые числа, имеющие действительную и мнимую части.

Задания на понимание слов и выражений из текста параграфа, изучаемого на уроке того или иного предмета, очень важны. Преподавателю русского языка как иностранного необходимо уметь прогнозировать и предполагать, какие задания, связанные с языком, могут потребоваться преподавателю той или иной дисциплины.

Таким образом, дифференциация понятий предотвращает возникновение большого количества ошибок, связанных с пониманием слов, предложений и, как следствие, всего текста.

Одним из эффективных средств формирования метапредметных результатов обучения является работа с самим текстом. Поскольку он является основной единицей общения, он выступает и в качестве единицы обучения.

Понимание текста зависит от многих факторов, а значит, и подходить к проблеме следует комплексно. Помимо работы, связанной с дифференциацией понятий, умение понимать прочитанный текст зависит от умения прогнозировать содержание текста, устанавливать логические и причинно-следственные связи, развивать понимание грамматических конструкций, переносного смысла выражений, фразеологизмов и т.д.

Существует множество упражнений, способствующих формированию вышеперечисленных умений. Приведём примеры.

Упражнение 1. Определите тему и сюжет произведения, исходя из его названия: В. Астафьев «Осенние грусти и радости», Г. Скребицкий «Добро пожаловать!». Не обязательно брать произведения художественной литературы. Тексты могут относиться к различным предметным областям, так что упражнение является универсальным и помогает развивать смысловую догадку учащихся.

Упражнение 2. Подберите пословицу.

Студентам необходимо выбрать из предложенных преподавателем пословиц ту, которая объясняет смысл прочитанного текста.

Собака шла по дощечке через речку, а в зубах несла мясо. Увидала она себя в воде и подумала, что там другая собака мясо несет, – она бросила своё мясо и кинулась отнимать у той собаки: того мяса вовсе не было, а свое волною унесло.

Пословицы: Собака – друг человека.

За чужим погонишься, свое потеряешь.

Упражнение 3. Расположите предложения по смыслу так, чтобы получился связный текст. Данное упражнение формирует у учащихся умение устанавливать причинно-следственные связи.

Котёнок жалобно запищал.

Там они увидели щенка.

Лена и Катя гуляли в парке.

Котёнок поел и уснул.

Девочки взяли его домой.

Лена принесла котёнку молоко.

Упражнение 4. Ответьте на вопросы.

Студентам даётся предложение, в котором они должны определить, что является объектом, а что – субъектом.

Оса укусила собаку. Кто кусался?

Ваня ударил Андрея. Кто драчун?

Анна ждёт Артёма. Кто опаздывает?

Папа зовёт сына домой. Кто задерживается? Кто находится дома?

Такое упражнение развивает понимание учащимися грамматических конструкций.

Система упражнений в качестве работы с текстом активизирует процессы мышления у студентов, формирует у них навык осознанного чтения и лексический строй речи, обеспечивая понимание смысла прочитанного.

Возвращаясь к языковым проблемам, возникающим при изучении тех или иных предметов, стоит отметить, что особую роль необходимо уделять и формулировкам заданий, так как неправильное понимание задания ведёт к неправильному ответу или решению задачи.

В различных учебниках часто можно встретить задания со сложными и подробными формулировками к их выполнению. С одной стороны, такая детальная инструкция является плюсом, так как вероятность понять суть задания повышает вероятность правильно выполнить задание, но, с другой стороны — длинные предложения и сложные конструкции могут запутать учащихся. Например, задача по планиметрии из учебного пособия В.В. Прасолова: «Докажите, что если в выпуклом шестиугольнике каждая из трех диагоналей, соединяющих противоположные вершины, делит площадь пополам, то эти диагонали пересекаются в одной точке» [2]. Чтобы облегчить понимание задачи, можно разделить её на части и логически выстроить друг за другом: «Дан выпуклый шестиугольник. В нём есть 3 диагонали. Они соединяют противоположные вершины и делят площадь пополам. Докажите, что диагонали пересекаются в одной точке.». В таком виде задача воспринимается проще. Иногда такая работа проводится, но далеко не все преподаватели уделяют ей особое внимание. Если с учащимися не проводить регулярно подобные действия, в стрессовых ситуациях (например, на экзамене) они могут испытывать трудности при выполнении заданий.

Таким образом, работа с отдельными словами и выражениями, формулировками заданий и текстом помогает учащимся развить ряд навыков, способствующих формированию метапредметных результатов обучения.

Литература

1. Дроздова О.Е. Методика преподавания русского языка. Метапредметное обучение: учебник и практикум для вузов. – Москва : Юрайт, 2020. – С. 22.
2. Прасолов В.В. Задачи по планиметрии. – Москва : Наука, 2001. – С. 156.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования: утв. Приказом Министерства образования и науки РФ от 17 декабря 2010 г. №1897. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070507/> (дата обращения: 15.12.2022).
4. Халеева О.Н. Щурова А.В. Подготовка иностранных магистрантов к участию в научном семинаре на русском языке // Метапредметный подход в образовании: русский язык в школьном и вузовском обучении разным предметам. Материалы V всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Москва : Московский педагогический государственный университет, 2022. – С. 187-193.

Kolomeychuk. M.A.

Pushkin State Russian Language Institute

Means of forming meta-subject results of teaching Russian as a foreign language

Resume: The article explores the means of forming meta-subject results of teaching Russian as a foreign language, namely, work with individual words, task formulations and text. The topic of meta-subject learning is relevant, as it gives students an understanding of how one system of concepts of a subject is related to the system of concepts of another, and allows solving the problem of disunity of scientific disciplines.

Keywords: meta-subject learning outcomes, Russian as a foreign language.

Корабельникова Анастасия Викторовна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
a.korabel@internet.ru

Коммуникативные риски в речи телеведущих информационно-развлекательных передач

Работа выполнена под руководством кандидата филологических наук, доцента
Нестеровой Татьяны Вячеславовны

В статье даются дефиниции понятий «коммуникативный риск», «зона коммуникативного риска», «коммуникативная неудача», рассматриваются коммуникативные риски, причиной возникновения которых является нарушение говорящим коммуникативных норм. Объектом исследования выступает речь ведущих информационно-развлекательных передач на телеканалах «Россия 1» и «Москва 24».

Ключевые слова: телевизионный дискурс, коммуникативные риски, зона коммуникативного риска, коммуникативные нормы.

В последние десятилетия научное сообщество занимается активным исследованием таких явлений, как риски. Они составляют предмет изучения экономики, психологии, социологии, математики, статистики. В лингвистике этот феномен связывают прежде всего с «коммуникативными рисками» (далее – КР).

По мнению О.А. Страховой, КР – это «1) возможность получения незапланированного результата коммуникации, отличного от ожидаемого; 2) рисковое действие, приводящее к коммуникативной неудаче или провоцирующее конфликт» [8, с. 150]. О.Б. Сиротина и М.А. Кормилицына определяют КР как «возможность наступления опасности, неудачи в процессе или в результате коммуникации» [2, с. 34]. Коммуникативной неудачей (далее – КН) мы, вслед за О.П. Ермаковой и Е.А. Земской, считаем «неосуществление или неполное осуществление коммуникативных намерений говорящего (полное или частичное непонимание), нежелательный эмоциональный эффект» [1, с. 31]. Л.В. Рацибурская утверждает, что «в живом общении КН – это свершившийся факт, а КР – это потенциальная возможность КН, создаваемая особенностями речи и коммуникативного поведения участников общения, условиями коммуникации» [4, с. 83]. В рассматриваемых нами информационно-развлекательных передачах говорящим является ведущий. Как утверждает О.Н. Семакина, очевидным и

самым распространённым намерением в коммуникативном поведении ведущих является намерение проинформировать (описать, рассказать, отчитаться о событии) [6, с. 119]. Причиной возникновения КР может стать любое явление, препятствующее корректной передаче информации адресату.

Исследованию КР посвящена монография «Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в её преодолении» под редакцией О.Б. Сиротининой и М.А. Кормилицыной [5]. В работе саратовских исследователей представлена следующая типология КР: 1) провал коммуникации из-за полного непонимания; 2) риск неправильного понимания; 3) риск неполного, не совсем точного понимания [5, с. 11-12]. В качестве причин для возникновения КР авторы монографии называют неточное прогнозирование компетенций адресата и его способности понимания текста, нецелесообразность применения некоторых средств речевого воздействия на адресата, рискогенность некоторых жанров спора и способов «ухода» от угрозы судебных исков, риски нецелесообразного использования выразительных (экспрессивных) средств, риски нарушения этических норм и риски, связанные со сложностью языковой системы [5, с. 12-18]. О.Б. Сиротинина и М.А. Кормилицына выделяют следующие КР, характерные для звучащих СМИ: «1) недостаточная чёткость речи, а отсюда неполнота её восприятия адресатом, нередко вызывающая раздражение; 2) громкость музыкального сопровождения, которая не даёт расслышать произносимый текст, заглушает его; 3) недостаточные знания журналистов о законах размещения слов в устной речи и психолого-физиологических особенностях её восприятия на слух» [5, с. 82].

Важным для исследования КР является понятие коммуникации, в данной работе под коммуникацией мы понимаем «процесс передачи сообщения адресантом и его восприятия адресатом при использовании ими одного и того же языка» [5, с. 10]. О.А. Страхова рассматривает коммуникацию как линейную структуру. К одним из составляющих этой структуры относятся зоны коммуникативных рисков (далее – зоны КР). По мнению исследователя, зоны КР – это «область коммуникации, куда попадает говорящий в результате совершения им рискованного коммуникативного действия, приводящего к „коммуникативному сбою“» [8, с. 150]. В своих исследованиях О.А. Страхова условно делит зону КР на 2 сектора: вход в зону КР и выход из нее [7; 8]. По мнению Т.В. Нестеровой, «вход в данную зону осуществляется посредством рискованного действия (дисгармоничной регулятивной тактики – далее РТ), выход – с помощью гармоничного регулятивного действия (гармоничной РТ)» [3, с. 98]. Как

утверждает Т.В. Нестерова, в зоне КР коммуникативный сбой может быть подвергнут элиминации с помощью набора гармонизирующих общение РТ, реализующихся на уровне самокоррекции и коррекции партнера по коммуникации» [3, с. 98].

Нередко причиной возникновения ситуаций КР становится нарушение различных языковых и речевых норм. Такие нарушения в речи телеведущего препятствуют полноценной коммуникации со зрителем, осложняют восприятие информации адресатом и могут помешать осуществлению коммуникативного намерения говорящего – проинформировать аудиторию. Как и в условиях межличностного общения, эффективность коммуникации с массовым адресатом зависит от соблюдения коммуникативных норм. В данной статье мы рассмотрим КР, которые возникают в речи телеведущих в результате нарушения ими максим общения, связанных с принципом кооперации Г.П. Грайса: 1. Максима количества: сообщай ровно столько информации, сколько требуется для осуществления целей общения, не меньше и не больше; 2. Максима качества: в высказывании должна сообщаться истина, надо избегать ложных утверждений и таких, для которых нет достаточных оснований; 3. Максима отношения, или релевантности относительно темы: не отклоняйся от темы, говори по существу; 4. Максима способа выражения, или манеры речи: говори ясно. Говорящий должен избегать неточных выражений, неоднозначности, многословия [9]. Для исследования нами были выбраны две информационно-развлекательные передачи: «Утро России» на телеканале «Россия 1» и «Утро 24» на телеканале «Москва 24». Примечание: в примерах курсивом выделена зона КР, полужирным шрифтом – РТ самокоррекции/коррекции партнера по коммуникации.

Пример №1 – Нарушение максимы количества.

К1 – Иван Лозовой, ведущий телеканала «Москва 24». К2 – Кристина Курума, ведущая телеканала «Москва 24».

Ситуация: В программе «Утро 24» ведущие освещают происходящие события.

К2: Пятница 13 – реальный повод для беспокойства или это всё апофеоз (склонность видеть закономерности и смысл в случайной информации – прим. авт.) астрологов и нумерологов? *Исследуем зловещий занимательный феномен в канун Нового года, кстати, с Наступающим!*

К1: Ну, Нового года, конечно, старого. Нелишним будет это отметить.

В примере наблюдается нарушение максимы количества, ведущая дает недостаточно информации. Ситуация КР возникает из-за пропуска важного для общего смысла фразы элемента. К2 хочет поздравить зрителей со старым Новым годом, то есть

Новым годом по старому летоисчислению. Поздравляя «с *Наступающим*», ведущая вводит в заблуждение тех телезрителей, у которых нет пресуппозиций (знаний о старом Новом годе). Регуляция общения реализуется на уровне коррекции партнера по коммуникации. К1 использует РТ уточнения, о чем говорит построение фразы: сначала говорящий сообщает уже известный факт, затем вводит важную новую информацию «Ну, Нового года, конечно, *старого*». Ведущий дополняет регуляцию утвердительной частицей «конечно». К2 не отвечает на исправление. Как проявляется невербальная реакция коммуникантов, зритель не видит. На экране в это время транслируется видеоряд: изображения звездного неба, планет Солнечной системы.

Пример №2 – Нарушение максимы качества.

К1 – Андрей Петров, ведущий телеканала «Россия 1». К2 – Елена Николаева, ведущая телеканала «Россия 1».

Ситуация: «Утро России» – информационное шоу в стиле «инфотейнмент». Ведущие в студии рассказывают о самых интересных событиях и обсуждают с гостями важные темы.

К2: Брак за... минуточку, хорошее дело браком не назовут. Любовь, зафиксированная почти на небесах. *Пара из Боливии решила обвенчаться на высоте шести с половиной тысяч километров над уровнем моря, на вершине горы Ильимани. Это самая высокая точка хребта Кордильера-Реали в Андах.*

К1: **Да, но только 6 тысяч метров, поправимся сразу.**

К2: Н-да.

В примере наблюдается нарушение максимы качества. К2 сообщает неверные сведения о высоте горы Ильимани. Ведущая не замечает свою ошибку и продолжает говорить о событии, зато её коллега реагирует эмоционально. Он хмурится и начинает шуриться, предположительно, чтобы разглядеть информацию на телесуфлере. Регуляция общения происходит на уровне коррекции партнера по коммуникации. К1 реализует РТ исправления, при этом косвенно выражает несогласие «да, но». Интересна и форма глагола «*поправимся*», выбор позиции «мы» в этом случае указывает на то, что К1 воспринимает ошибку не как личную неудачу коллеги, а как угрозу корректной передаче информации, ответственность за которую несут оба ведущих. К1 принимает исправление и соглашается с ним, используя междометие «н-да» с утвердительной интонацией.

Пример №3 – Нарушение максимы отношения, или релевантности относительно темы.

К1 – Дарья Ермакова, ведущая телеканала «Москва 24».

Ситуация: В программе «Утро 24» на 20 минуте каждого часа на прямую связь выходит корреспондент с информацией о погоде в столице.

К1: Доброе утро, всем привет, продолжаем наш метеообзор из самого сердца столицы, с Арбата. *И, честно говоря, уже с нетерпением ждём, когда можно будет вам рассказывать о погоде на самокате, когда все же придет весна. Кстати, месяц до нее, чуть меньше даже. Эта новость должна греть вас этим пасмурным утром.* **Но все же давайте к делу перейдем**, минус два градуса прямо сейчас на улице, и в целом сегодня потеплее, до нуля, а то и плюс одного. Ну, ноль – это такое среднее значение по городу.

В примере наблюдается нарушение максимы отношения. К1 отступает от основной темы своего репортажа и делится своими эмоциями, о чем говорит использование в речи «*честно говоря*», «*с нетерпением*», «*когда все же придет*». Ведущая сама осознает нарушение коммуникативной нормы и осуществляет самокритику «*Но все же давайте к делу перейдем*», признавая, что отошла от темы. Невербально это проявляется в мимике говорящей. Рассказ о собственных впечатлениях и ожиданиях сопровождается улыбкой, а в момент осознания ошибки выражение лица становится строже и сдержаннее. Регуляция общения происходит на уровне самокоррекции. К1 реализует РТ возвращения к основной теме и сообщает информацию о погоде.

Пример №4 – Нарушение максимы способа выражения, или манеры речи.

К1 – Андрей Петров, ведущий телеканала «Россия 1».

Ситуация: Ведущие передачи «Утро России» рассказывают о студенте из Ленинградской области, который построил трамвайную линию на дачном участке.

К1: К работе юный конструктор привлек друзей, по примеру Тома Сойера. Они помогали прокладывать шпалы, устанавливали стрелочный перевод и светофор. И, кстати, состав по дороге курсирует необычный. *Точная копия немецкого трамвая 11 года... 1911 года.* На достигнутом студент не останавливается. В планах строительство вокзала и увеличение протяженности дороги в 3-4 раза, причем никого не удивило, откуда у парня на участке трамвай.

В примере наблюдается нарушение максимы способа выражения. Упоминание года с использованием только десятков (*трамвай 11 года*) возможно при условии, что говорящий точно уверен в совпадении апперцепционных баз коммуникантов, что при коммуникации с массовым адресатом почти невозможно. Регуляция общения

происходит на уровне самокоррекции. К1 быстро осознает свою ошибку (пауза длится около 1 секунды) и реализует РТ исправления контекста: озвучивает год полностью (*1911 года*). Как проявляется невербальная реакция ведущего в зоне КР, зритель не видит. На экране в это время транслируется репортажная съемка трамвайной линии на дачном участке.

Исследование КР в различных сферах общения на сегодняшний день является актуальным. Изучение особенностей проявления КР в речи телеведущих информационно-развлекательных передач и путей их преодоления является перспективой нашего исследования.

Литература

1. Ермакова О. П. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) / О. П. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – Москва : 1993. – С. 30-64.
2. Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б. Важность знаний о рисках коммуникации для успешной профессиональной деятельности журналистов // Медиалингвистика. Вып. 4 Профессиональная речевая коммуникация в массмедиа: Сб. статей / Под ред. Л. Р. Дускаевой. – СПб.: С-Петербург. гос. ун-т, ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2015. – С. 34-37.
3. Нестерова Т. В. Риски в поликодовой интернет-коммуникации: коммуникативно-прагматический и правовой аспекты / Т. В. Нестерова // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2021. – Т. 10. – № 3. – С. 97-106.
4. Рацибурская Л. В. Медийные новообразования как фактор коммуникативных рисков / Л. В. Рацибурская, Д. В. Соловьева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2018. – Т. 17. – № 4. – С. 81-89.
5. Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в её преодолении / А. Н. Байкулова, Е. Ю. Викторова, А. В. Дегальцева [и др.]. – Саратов : Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 2016. – 188 с.
6. Семакина О. Н. Коммуникативные роли журналиста на телевидении и их реализация (на примере работы ведущих новостной программы "Вести:

- Приморье") / О. Н. Семакина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – № 1(423). – С. 118-122.
7. Страхова О. А. Зоны коммуникативных рисков в ток-шоу "модный приговор" / О. А. Страхова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 2-2(68). – С. 186-190.
8. Страхова О. А. К вопросу об определении понятий "коммуникативный риск" и "зона коммуникативного риска" / О. А. Страхова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 9-2(75). – С. 150-153.
9. Grice H. Logic and conversation // Syntax and semantics. – V.3. N.Y., 1975.

Korabelnikova A.V.

Pushkin State Russian Language Institute

Communicative risks in the speech of TV presenters of infotainment programs

The article gives definitions of the concepts of "communicative risk", "communicative risk zone", "communicative failure", considers communicative risks, the cause of which is the violation of communicative norms by the speaker. The object of the study is the speech of the leading information and entertainment programs on the TV channels "Russia 1" and "Moscow 24".

Keywords: television discourse, communicative risks, the zone of communicative risk, communicative norms.

Коркина Ольга Сергеевна

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ
2021korkina.os@gmail.com

Функции женских образов в романах Е.Г. Водолазкина

Работа выполнена под руководством кандидата филологических наук, доцента
Савельевой Марии Сергеевны.

Женские образы в романах Е.Г. Водолазкина подразделяются на разные типы: женщины-спутницы героя; женщины, сближающие героя с Вечностью; женщины-искусительницы; женщины, покидающие героя ради его дальнейшего развития. Так как женские образы в прозе писателя и просты, и многогранны, они комбинируют различные черты и выполняют функции, раскрывающие героев-мужчин.

Ключевые слова: Водолазкин, женские образы, «Лавр», «Авиатор».

Функции женских образов в романах Е.Г. Водолазкина многообразны, и в разные периоды жизненного пути героев они могут изменяться, таким образом, многие женские образы оказываются многофункциональными, отчего приобретают объем, глубину, наполняют повествование новыми смыслами, способствуют усилению динамики сюжета. Представляется возможным выделить наиболее частотные функции женских образов в произведениях Е. Водолазкина.

1. Женщины-спутницы героя. Им свойственны верность, готовность к жертве, их жизнь представляет собой нечто вроде «служения», но — при сохранении достоинства, что главные герои романов и ценят в своих возлюбленных. Такова, в частности, Устина в «Лавре», которая до истинного своего назначения (быть «водительницей» по пути жизни Арсения и держать «правильный курс») возвышается только после смерти, когда она приобретает черты, сходные с чертами Беатриче у Данте или донны Лауры у Петрарки (она — тоже спутница, но только в метафизическом плане). Такова и Анастасия Воронина, героиня «Авиатора», определившая целый век бытия главного героя этого романа.

Катарина из «Брисбена» при всех обстоятельствах послушна, покорна: она готова исполнять свою роль настолько, что смирилась с мыслью стать матерью не своего ребенка [5]. Она сравнивается с библейской Рахилью, которая «дала Иакову служанку, чтобы, по обычаю, дети считались ее» [1, Быт.30:4-8]. Катарина прощает измену Глеба с Ганной, заявившей о своей от него беременности. Более того, Катарина даже не против, чтобы эта женщина с ребенком жили вместе с ними.

Роман «Оправдание Острова» во многом схож с предшествующими произведениями Е. Водолазкина. Женские образы получают новое решение: Ксения, жена Парфения, воплощает в себе черты самых разных героинь автора. Так, она, безусловно, может быть сопоставлена с Устиной из «Лавра» — по ее значению для духовного подвига мужа. Она так же, как и Устина, оказывается для Парфения путеводной звездой, не позволяющей свернуть с предначертанного пути святости. И все это время Ксения — верная и преданная спутница Парфения, не позволяющая себе даже помыслить раздельное с мужем существование.

2. Женщины, покидающие героев-мужчин, стимулирующие этим развитие сюжета и внутреннее развитие героев. Устина в «Лавре» недолго оставалась плотью от плоти героя, она покинула Арсения, умерев во время родов. Устина определила всю жизнь главного героя: женщина совершенно пассивным образом побудила мужчину к очень активным действиям; обстоятельства сложились так, что эмоциональная травма изменила личность Арсения радикально и навсегда, превратив его постепенно в святого Лавра.

В «Авиаторе» Анастасия-старшая не сама покидает Платонова: совершив убийство, он оказывается в заключении и оставляет возлюбленную, казалось бы, навсегда. При этом она, как и Устина, незримо присутствует в его жизни и до, и после заморозки — первое, что вспоминает герой, возвращаясь к жизни, — возлюбленную, ее

образ является ему даже раньше, чем имя. Становление Платонова как человека, осознавшего неприемлемость насилия для достижения справедливости, неразрывно связано с Анастасией.

3. Женщина как объект любви, способной восстановить внутреннюю цельность героя-мужчины. Устина в романе «Лавр» — прежде всего часть самого Арсения, воплощение женственности, способной в единении с мужским создать ощущение полноты и подлинности бытия: «Арсений не просто думал об Устине. Мало-помалу он погружался в особый завершённый мир, из него и Устины состоявший. В этом мире он был отцом Устины и ее сыном. Был другом, братом, но главное — мужем. Все эти обязанности сиротство Устины оставляло свободными. И он в них вступил» [6, с. 33].

Любовь Арсения к Устине не слабеет со временем, наоборот, сразу набрав максимальную высоту и силу, уже не уменьшается. Здесь можно говорить и о чувстве долга, и о недовольстве собой, об искуплении и чувстве вины — все зависит от ракурса исследователя.

Платонов находит свою «Анастасию» во всех — в «готической женщине», которая пришла к нему ночью после изнасилования, в Насте, в медсестре Варваре, нашел бы и в дочери Анне (неслучайно он ждет именно дочь, а не сына).

Анастасия становится не только символом любви, но и символом жизни: «Ее присутствие на земле — свидетельство тому, что прежняя моя жизнь мне не приснилась» [4, с. 134], — говорит Платонов, узнав, что Анастасия после его разморозки все еще жива.

Первые воспоминания героя связаны с любимой женщиной, конечно же, не случайно. Любовь в жизни главного героя занимает больше места. У Водолазкина она побеждает время, исторические события, она так велика, что не уместается в одном человеке. И ее имя — Анастасия. Анастасия жила до Платонова, и будет жить после него в виде Насти, в виде дочери Анны, возможно и дальше в виде внучки Платонова и правнучки.

4. Женщина как образ чистоты и нарушенной чистоты, увядшей красоты, воплощающая мотив физического страдания.

Анастасия в «Авиаторе» — чистая, невинная девушка, к которой герой испытывает чувства хотя и не только платонические, но очень трепетные и возвышенные: «Мне казалось, что целомудрие наших отношений не должно подвергаться никаким испытаниям, даже таким пустяковым, как “ты”» [4, с. 43].

При этом чистота женщины часто нарушается, что подчеркивается изображением физиологических подробностей, например, в описании смерти Устины («Лавр»), упоминании о полоске кала на бедре Анастасии («Авиатор»).

Важные мотивы для героинь Водолазкина — это мотивы, связанные с деторождением. Тема беременности (или «не-беременности») и рождения ребенка, применительно к женским образам, можно сказать, превалирует. Так, в «Лавре» Устина скончалась и в каком-то смысле вернулась к Арсению в образе роженицы Анастасии, в «Авиаторе» Настя лишилась мужа во время беременности.

Отдельного внимания заслуживает отношение главного героя «Авиатора» к тем женщинам, о которых он вспомнил, реконструируя свои воспоминания о Соловках. Именно с этими женщинами главный герой связывает вещи, которые его «выжигали изнутри», которые не помещались в слова: «Для того чтобы словам вернулась сила, нужно описать неопишемое. Тонкие лица смолянок под слюнявыми губами гэпэушников. Под их нематыми руками. От этих ублюдков несло потом и перегаром, они вызывали самых красивых женщин для “мытья полов”, и те не могли их послушаться». [4, с 317]

Чистота женщин — то, что одухотворяет героев Водолазкина, не позволяет ему привыкнуть к мерзости окружающего мира, к собственной греховности.

5. Женщины как источник преодолеваемого соблазна. Не всегда женщины в романах Водолазкина ведут героев-мужчин к святости, есть в его системе образов и искустельницы. Не случайно в этой связи то, что Е. Водолазкин в качестве эпиграфа к «Авиатору» выбрал четверостишие из стихотворения А. Блока (именно к нему восходит название романа), где женщина упоминается в негативном ключе:

«Зачем ты в небе был, отважный,
В свой первый и последний раз?
Чтоб львице светской и продажной
Поднять к тебе фиалки глаз?» [3, с 219]

В определенном смысле искустельницей становится и Анастасия в «Авиаторе», «заказавшая» Зарецкого, и Ганна в «Брисбене», и Зоя в «Соловьеве и Ларионове». Все они провоцируют мужчину, определяют его ценность в его собственных глазах.

Следует отметить, что в разной степени в каждой из женщин-искустельниц в прозе Водолазкина есть и божественное начало. Такова, например, Ксения в «Лавре», в которую герой почти влюбляется, но с которой отказывается быть вместе ради верности умершей возлюбленной.

Так же, как Ксения, не «искусительницей», а скорее искушением для Арсения становится женщина, встреченная героем в корчме. Небезынтересно отметить близость описанного фрагмента к сценам искушения, ведущим свой отсчет еще от Ветхого Завета. Речь идет об известном библейском сюжете о жене Потифара [1, Быт. 39:1-20]. В романе Водолазкина сцена получает иное разрешение: сознание своей неправоты и стыд перед Лавром заставили жену корчмаря вернуть монету. Так в этом эпизоде герой не только преодолевает искушение, но и влияет на личность женщины (обратная закономерность: уже не женщина определяет путь героя, а в какой-то мере он — ее).

6. Женщины, сближающие с прошлым, позволяющие достичь понимания нелинейности времени, чувства сопричастности с Вечностью. Общеизвестно, что Водолазкин исследует феномен «циклического» времени, позаимствованный им из литературы Средневековья [2], чтобы подчеркнуть, что моральные ценности и христианская любовь вечны, не зависят от времени и места действия.

В «Лавре» Анастасия, родившая ребенка, который был со старцем в момент его смерти, изображается как символ искупления греха. Когда приходит время ее родов, Лавр произносит: «Я здесь, любовь моя... И мы вместе». [6, с. 440] Ребенок, рожденный Анастасией, становится последним искуплением греха Арсения, и время наконец приобретает завершенность, как и жизнь старца.

Отчасти эту роль выполняет и Анастасия, возлюбленная героя «Авиатора», с которой он встречается в день ее смерти, но главным образом — ее внучка Настя, выступающая в роли ее «заместительницы».

Яркий образ такой героини появляется в романе «Чагин»: в нем Вера символизирует возвращение, круг.

Женщины в романах Е. Водолазкина, таким образом, играют противоположные роли, они связаны с чистотой и искушением, уходом и возвращением. Например, в «Соловьеве и Ларионове» есть Зоя — фам-фаталь, которая постоянно героя провоцирует. Полная противоположность ей Лиза — очень ясный и светлый человек, обладающий способностью любить безусловно.

При этом одна и та же героиня-женщина может попеременно нести разные и даже противоположные функции.

Анализ женских образов является той призмой, сквозь которую можно по-новому посмотреть на художественный мир Е. Водолазкина, достичь понимания особенностей «нелинейного» времени в его прозе.

Литература

1. Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета: канонические [Текст] – Москва, 1994. 298 с.
2. Бочкина М.В. Отражение средневековой концепции времени в романах Е. Водолазкина «Лавр» и «Авиатор» // Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика. 2017. Vol. 22. № 3. С. 475-483.
3. Блок А.А. Стихотворения. Поэмы. Театр / Ред. В. Орлова. – Ленинград : Гослитиздат, 1936. – 596 с.
4. Водолазкин Е.Г. Авиатор – Москва : АСТ : Ред. Елены Шубиной, 2016. – 410 с.
5. Водолазкин Е.Г. Брисбен – Москва : АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2019. – 410 с.
6. Водолазкин Е.Г. Лавр – Москва : Астрель, 2012. – 448 с.

Korkina O.S.

Moscow State Institute of International Relations (University) Russian Foreign Ministry

The functions of female characters in the novels of E.G. Vodolazkin

Female characters in E.G. Vodolazkin's novels are divided into different types: female companions of the protagonist; women who bring the protagonist closer to Eternity; female temptresses; women who leave the protagonist for his further development. Since female characters in the writer's prose are simple and multifaceted at the same time, they combine various features and perform functions that reveal male characters.

Key words: Vodolazkin, female images, "Laurel", "Aviator".

Кравченко Виктория Александровна

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
nikkinova2255@gmail.com

К вопросу о лингвистической экспертизе текстов песен российской поп-музыки

Работа выполнена под руководством Жуковой Арины Геннадьевны, кандидата филологических наук, доцента.

Статья представляет собой анализ пропаганды наркотических веществ с точки зрения лингвистической экспертизы. Особое внимание уделяется стратегиям пропаганды, а также роли медийной личности в качестве субъекта пропаганды. На основе критериев, выделенных А.Н. Барановым, производится анализ текстов песен Моргенштерна, делается вывод, что в произведениях присутствует пропаганда наркотических средств.

Ключевые слова: пропаганда, пропаганда наркотических веществ, лингвистическая экспертиза.

Обратиться нас к этой теме заставила собственная деятельность по лингвистической экспертизе по роду работы. Автор статьи будучи специалистом по анализу информации СМК противодействует распространению наркотических средств,

психотропных веществ и их прекурсоров, путем выявления в сети Интернет текстов, фото- и видеоизображений, содержащих способы распространения, изготовления и употребления. Употребление наркотиков и наркозависимость являются серьезными проблемами современного общества. В 2022 году Елена Шешко, директор департамента медицинской помощи детям, службы родовспоможения и общественного здоровья Минздрава РФ заявила, что зависимостью от наркотических веществ в России страдают 388 тыс. человек. По данным информационного портала «Здоровая Россия», 20% наркозависимых в России — это дети от 9 до 14 лет, 60% — молодежь 16-24 лет, 20% — люди старше 25 лет. За последние годы значительно выросла смертность из-за употребления наркотических средств. Так, с 2017 года погибло в 2,5 раза в России больше детей и подростков, чем в 2017 году (на 2022 год).

Одним из способов распространения наркотических веществ является их упоминание вместе с выражением положительного отношения к ним, заинтересованности в них. Термин «пропаганда наркотиков» не имеет толкования, закрепленного федеральным законодательством. Анализируя 46-ую статью Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 N 3-ФЗ «Запрещение пропаганды в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ и в сфере культивирования наркосодержащих растений», мы можем выявить, что пропаганда наркотических веществ представляет собой информирование адресата о способах получения, употребления наркотиков или о преимуществе их употребления. Запрет на распространение информации, утверждающей о положительном воздействии наркопотребления и положительном образе наркомана, является правильным и оправданным.

Пропаганда является коммуникативной технологией, на равне с агитацией и рекламой [4]. Пропаганда наиболее близка к рекламе из этого списка, даже в статье 6.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ эти два понятия стоят рядом: «Пропаганда либо незаконная реклама наркотических средств...». С точки зрения содержательного плана реклама и пропаганда схожи тем, что обе эти категории предполагают:

1. Представление о предмете или явлении;
2. Позитивную оценку предмета или явления.

Также пропаганда и реклама имеют общий прагматический характер, который заключается в частом и интенсивном повторе одинаковых тезисов. Однако, в отличие

от рекламы, пропаганда является немаркетинговой формой коммуникации, а реклама всегда выводит потенциального покупателя на способы приобретения. Например, рекламой наркотических веществ можно считать нелегальную вывеску в автобусе с надписью «За стаффом – только на ***. Переходи на осознанное потребление с ***» и QR-кодом, перенаправляющим на Telegram-канал продавца.

Можно выделить 7 свойств пропагандистского дискурса, на которые можно опираться при проведении лингвистического анализа текста. В пропагандистском дискурсе важно наличие:

1. Субъекта пропаганды;
2. Адресата пропаганды;
3. Совокупности простых непротиворечивых тезисов и аргументов,
4. Противопоставленных оценок желаемой ситуации и ее негативных альтернатив;
5. Повторяющейся реализации в дискурсе указанной совокупности тезисов или ее фрагментов с идентичной или несколько модифицированной аргументацией;
6. Множества текстов за определенный период времени;
7. Практической возможности распространения информации среди множества адресатов [1].

Иллокутивной доминантой пропагандистского дискурса является побуждение адресата принять истинность заданной точки зрения. Для этого адресант использует различные стратегии:

1. Повторение слоганов и формулировок (лексический и синтаксический повтор, параллельные конструкции);
2. Аффективное воздействие, которое оказывает влияние на эмоциональное состояние получателя, тем самым вызывая эмоцию к пропагандируемой информации (восклицательные конструкции, эмоциональная, оценочная и экспрессивная лексика);
3. Упрощение и схематизация с использованием слоганов и образов;
4. Обещания. Такая стратегия используется тогда, когда нужно убедить адресата в правоте адресанта. Пропагандист рассказывает про свой опыт, про свои моральные ценности (субъективная модальность);
5. Намек и умолчание, которое не опираются на факты и знания, а оперируют оценочными суждениями(подмена рационального обоснования

иррациональным, замена ассерции на пресуппозицию, опущение экспериенцера и пассивизация перформатива) [2].

Роль медийной личности как лидера мнений очень важна для пропаганды: популярная персона может оказать воздействие на формирование мнения общественности, повлиять на возникновение трендов или создание новых тем для обсуждения. Такой личностью является Алишер Моргенштерн¹, известный как Morgenshtern. Первую известность он получил в 2017 году благодаря пародиям на популярных музыкальных исполнителей, которые выкладывал на YouTube. В 2018 году он отказался от такого формата и начал выпускать только авторские музыкальные произведения, построив свою дальнейшую карьеру исключительно на них. Однако певец знаменит не только своими песнями и клипами на них: скандальные поступки, эпатажный внешний вид и провокационные тексты – вот, что принесло исполнителю славу. Всем этим Моргенштерн привлек к себе внимание подростков, ищущих выход своему протесту и юношескому максимализму. Обращаясь к текстам, можно заметить, что в них присутствует пропаганда наркотических средств. Самыми яркими примерами являются произведения «Розовое вино 2», «KIZARU», «FAMILY». Рассмотрим каждое из них подробно.

В песне «KIZARU» пропаганда наркотических средств содержится в строках:

Сука, я курю траву — да, это нормально.

Школота не выкупает, что у нас это легально.

Кстати, я курю траву, сука, я курю траву.

*Если ты не понял, сука, я п***ц курю траву,*

А еще я продаю, я курю и продаю.

Кстати, я уже сказал о том, что я курю траву?

В этой песне используются стратегии повторения формулировок (фраза «я курю траву» повторяется несколько раз, является основной), схематизации с использованием слоганов («я курю траву — да, это нормально») и намеком на разницу в ролевом статусе («школота не выкупает, что у нас это легально»). Предметом пропаганды является «травка» – курительная смесь из марихуаны, а констатив «я курю (и продаю) траву» подтверждает причастность лирического героя песни к употреблению (и распространению) конопли. Допустимость употребления наркотических веществ показана через субъективное отношение, выраженное предикативом «нормально»,

¹выполняет функции иностранного агента

который имеет два значения: 1. соответствия норме, общепринято; 2. хорошо, правильно; так, как полагается [3]. Еще одним предикативом, пропагандирующим употребление (и распространение) наркотических средств, является слово «легально», которое обозначает что-то, что «признано, разрешено законом» [3]. Таким образом, во время прослушивания песни «KIZARU» у слушателя создается ложное впечатление о том, что употребление и распространение наркотиков является допустимым и легальным.

В песне «Розовое вино 2» (совместно с Yung Trappa) содержатся следующие строчки:

Я курю допинг (пф), план — крутая тема,

Я выдыхаю дым прямо на тебя.

Я курю допинг, план — крутая тема,

Моя десна немеет (первый), никто так не умеет (е-у),

Мы любим делать деньги (кэш), наркотики и деньги (миллионы).

В данной песне используются стратегии повторения формулировок (строчка «я курю допинг (пф), план — крутая тема» повторяется несколько раз), схематизации с использованием слоганов («план — крутая тема») и намеком на разницу в ролевом статусе («моя десна немеет (первый), никто так не умеет»). Предметом пропаганды является «план» – все та же курительная смесь из марихуаны. а констативы «я выдыхаю дым» и «я курю допинг» показывают, что лирический герой употребляет наркотическое вещество. Также описываются субъективные ощущения от курения, эффект («моя десна немеет»), которые вызывают у слушателя интерес к наркотическому средству. Идеализированный образ наркопотребителя достигается фразами «никто так не умеет» и «мы любим делать деньги, наркотики и деньги», слушателю может показаться, что финансовое благосостояние и употребление наркотических веществ не только взаимосвязаны, но и являются показателем успешности.

В произведении «FAMILY» (совместно с Yung Trappa) пропаганда наркотических веществ заключается в строчке «Я люблю курить траву (допинг)». Здесь используется стратегия намека и умолчания, которая позволяет слушателю повести параллель между успешной и богатой жизнью исполнителя и его употреблением наркотических веществ. Предметом пропаганды является «траву» – ранее упомянутая курительная смесь из марихуаны. а констатив «я люблю курить траву» демонстрирует не только причастность лирического героя к употреблению наркотического средства, но и его положительное отношение к этому.

Проанализировав 3 песни Моргенштерна, мы можем выделить их пропагандистские свойства:

1. Субъект пропаганды – Моргенштерн;
2. Адресат пропаганды – его слушатели;
3. Совокупность простых тезисов и аргументов («*план – крутая тема*», «*я курю траву – да, это нормально*», «*я люблю курить траву (допинг)*»);
4. Противопоставленных оценок желаемой ситуации и ее негативных альтернатив («*у нас это легально*»);
5. Повторяющаяся реализация в дискурсе указанной совокупности тезисов (повторение строк «*я курю допинг (нф)*», «*план – крутая тема*», «*я курю траву – да, это нормально*»);
6. Множество текстов за определенный период времени («KIZARU» (2017), «FAMILY»(2021)и «Розовое вино 2» (2021));
7. Практическая возможность распространения информации среди множества адресатов (возможно распространение и прослушивание песни).

Таким образом, пропаганда наркотических средств в популярной культуре и ее произведениях является серьезной проблемой для общества. Медийные личности могут ненавязчиво создавать в сознании потенциального адресата позитивный образ наркопотребителя, а также убеждать о положительном влиянии употребления наркотических средств. Наиболее подверженными влиянию пропаганды являются подростки, которые прислушиваются к своим кумирам, хотят быть похожими на них.

Литература:

1. Баранов А.Н., Паршин П.Б. Категория пропаганды в лингвистической экспертизе текста // Теория и практика судебной экспертизы, 2017, том 12, № 2, с. 53–65.[Электронный ресурс] – URL : <https://rusexpert.ru/public/statjy-pdf/BaranParsh2017.pdf>.
2. Бурмистрова Л.П. Функционально-семантическая характеристика пропагандистского дискурса. Вестник ТвГУ. Серия "Филология", № 2, 2016 – с. 65-69.
3. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 1998 – 1536 с.
4. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. – М: РЕФЛ-бук, 1999. – 325 с. [Электронный ресурс] – URL:

https://fir.bsu.by/images/departments/dcs/dcs-materials/Studmed.ru_pochepcov-gg-kommunikativnye-tehnologii-20-veka_bae23d629ff1.pdf.

Kravchenko Viktoria Aleksandrovna

Pushkin State Russian Language Institute

Propaganda of narcotic substances from the point of view of linguistic expertise on the example of Morgenstern's songs

This article presents the analysis of the propaganda of narcotic substances from the point of view of linguistic expertise. Particular attention is paid to propaganda strategies, as well as the role of the media personality as a subject of propaganda. An analysis of the lyrics of Morgenstern's songs is being concluded on the criteria identified by A.N. Baranov, and we came to the conclusion that the songs contain propaganda of drugs.

Keywords: propaganda, propaganda of narcotic substances, linguistic expertise.

Кузнецова Иона Олеговна

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
yuna.ke.yo@gmail.com

Эстетика маргинального в творчестве С. Довлатова (на примере повести «Иностранка»)

В данной статье рассматривается эстетика маргинального и её категории, реализуемые в повести С. Довлатова «Иностранка». Исследуются различные аспекты маргинализации героев, в частности – гендерный и этнический. Приводится анализ образа рассказчика с точки зрения концепции аутсайдерства.

Ключевые слова: маргинальность, аутсайдерство, эмигрантская проза, русская литература второй половины XX века, литература русского зарубежья.

Для понимания и описания многих персонажей Сергея Довлатова крайне важна категория маргинальности – неполная включённость этих персонажей в окружающий их культурный контекст. В широком смысле маргинальность определяется как «периферийность явления социальной жизнедеятельности человека по отношению к доминирующей тенденции своего времени или к общепринятой философской и этнической традиции» [2, с. 128].

С точки зрения культуры маргинальность – это качественное «состояние человека или группы людей, оказавшихся в силу определенных обстоятельств <...> на грани двух культур» [3]. В подобных условиях человек «вынужден осваивать чуждые ему социальные роли, образ жизни и культурные ценности» [4], что приводит к синтезу нескольких культур в сознании одной личности. Данный опыт специфическим образом отражается на мировосприятии человека и в равной степени может приводить как к

обогащению личности, так и к девиантному поведению. Девиантность, вызываемая двойственным самосознанием или культурным шоком, может проявлять себя в психических расстройствах и появлении зависимостей.

Ещё одной категорией, важной для понимания маргинальной эстетики, является аутсайдерство. Положение аутсайдера характеризуется его отверженностью, исключённостью из «нормального хода внутригрупповых взаимодействий» [5, с. 26]. Аутсайдер не соответствует ожиданиям социума, по тем или иным причинам выходит за рамки социальных институтов и групповых норм, придерживается особого стиля жизни; ему сложно найти своё место в обществе. Кроме того, понятие «аутсайдер» часто интерпретируется как «неудачник» – с точки зрения социума аутсайдер является несостоявшимся индивидом, так как не занимает конкретную социальную нишу.

Маргинал и аутсайдер всегда обособлены, они с трудом интегрируются в конвенциональные общественные отношения. Такая обособленность часто связана с напряжённостью чувств и сложностью внутренних переживаний.

Таким образом, эстетика маргинального оперирует следующими категориями: 1) периферийность (пограничность); 2) аутсайдерство; 3) обособленность. Все три категории ярко проявляют себя в творчестве Довлатова, вплетаясь в поэтику бытового реализма.

Важным аспектом для реализации маргинальной эстетики становится особое социальное положение многих героев Довлатова и, прежде всего, самого рассказчика – очень часто героями у Довлатова выступают эмигранты. Персонаж-эмигрант существует сразу в нескольких культурах, стремясь найти баланс между ними. Однако эмигранты Довлатова не эквивалентны друг другу: помимо того, что они довольно чётко подразделяются на конкретные типы, характер их маргинализованности так же меняется в каждом конкретном случае. Например, на уровне межэтнического взаимодействия латиноамериканец Рафаэль представляется русским эмигрантам непонятным и пугающим: «Рафа в представлении мужчин был гангстером и даже террористом. Женщины считали его обыкновенным пьяницей» [1, с. 98]. Для них он более маргинален, чем другие «здешние американцы», большая часть из которых – «немецкие евреи» [1, с. 8].

Внутри самого сообщества русских эмигрантов также есть маргиналы и аутсайдеры. Так, отставной диссидент Караваев, живущий на пособие и часто употребляющий алкоголь, не воспринимается другими представителями эмигрантского сообщества как равный: «Таксисты и бизнесмены поглядывали на Караваева свысока»

[1, с. 17]. И, если в случае с Рафаэлем, обвинение в пьянстве вторично по отношению к этнической маргинализации, то Караваев маргинализируется только по социально-экономическому признаку – как пьющий и неработоспособный. Пристрастие к алкоголю становится ещё одним фактором, благодаря которому герой занимает пограничное положение между группами социума.

Одновременно с тем, с точки зрения гендерной роли, маргинальна и главная героиня повести, Маруся Татарович, поскольку её поведение не соответствует общественным ожиданиям. Как отмечает рассказчик, Маруся «...не создана для коллектива. <...> Коллектив предпочитает, чтобы люди в её обстоятельствах держались поскромнее» [1, с. 78]. В глазах сообщества русских экспатов мать-одиночка без стабильного заработка должна быть «усталой, жалкой и забитой» [1, с. 99], в то время как Маруся выбирает активный и даже несколько роскошный образ жизни: водит машину, покупает дорогие продукты, состоит в романтических отношениях. Всё это вызывает яростное осуждение и делает Марусю объектом внутренней мизогинии. Её отношения с Рафаэлем, крайне маргинальным для русских эмигрантов, усиленно обсуждаются и критикуются.

Аутсайдерство также хорошо ощущается в образе героя-рассказчика. По типологии И.Н. Сухих его можно отнести к разряду «внутренних эмигрантов» – инакомыслящих людей, не нашедших себе места в Советском Союзе и тихо протестующих против его реалий [6, с. 231]. «Внутренний эмигрант» не обретает гармонию и после переезда за границу, неся в себе непримиримый конфликт между двумя мирами – советским и новообретённым. Именно таким героем является рассказчик. Это неконформный мыслящий человек, писатель-аутсайдер, не считающий себя успешным и талантливым. Как отмечает М.А. Хатямова, ссылаясь на доклад Т.А. Рытовой «Игры со словом и осмысление проблемы свободы слова как повествовательные стратегии в прозе С. Довлатова», «герой Довлатова сознательно выбирает пограничное (маргинальное, мерцающее) положение между ‘художником’ и ‘пишущим’: раздробленность и неавторитетность собственного существования даёт ему ощущение свободы слова» [7, с. 220].

Маргинальность довлатовских героев проявляется на уровнях вербального и невербального поведения. С лексической точки зрения она проявляется в соотношении русского и английского языков. Так, в повести «Иностранка» русские эмигранты, находящиеся на границе двух культур, предпочитают, чтобы в англоязычной среде с ними говорили по-русски [1, с. 8]. С точки зрения невербального поведения

маргинальный герой может вызывать социальное неодобрение, ненамеренно мешать другим людям, раздражать их своей инаковостью. Подобное взаимодействие хорошо иллюстрирует рассмотренный выше образ Маруси Татарович.

Литература

1. Довлатов С. Иностранка: повесть. / Сергей Довлатов. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 160 с.
2. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. / И.П. Ильин. – М.: ИНИОН РАН, Интрада, 2001. – 386 с.
3. Маргинальность [Электронный ресурс] // Большой толковый словарь по культурологии. / Б.И. Кононенко. – Москва: Вече, АСТ, 2003. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1880/Маргинальность (Дата обращения: 24.02.2023).
4. Маргинальность культурная [Электронный ресурс]. // Человек и общество: Культурология. Словарь-справочник. / под ред. О.М. Штомпеля. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – URL: https://man_society.academic.ru/207/Маргинальность_культурная (Дата обращения: 24.02.2023).
5. Социологический энциклопедический словарь. / под ред. Г.В. Осипова. – Москва: Инфра-М – Норма, 1998. – 488 с.
6. Сухих И.Н. Сергей Довлатов: время, место, судьба. / И. Н. Сухих. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд. «Нестор-История», 2006. – 278 с.
7. Хатямова М.А. «Жанровые и повествовательные стратегии в литературе русской эмиграции»: итоги работы круглого стола, прошедшего 12 апреля 2014 г. на историко-филологическом факультете ТГПУ. / М.А. Хатямова. // Вестник ТГПУ. – 2014. – №7 (148). – С. 218-221.

Kuznetsova I. O.

Pushkin State Russian Language Institute

Marginal Aesthetics in the Works of Sergei Dovlatov (on the Example of ‘A Foreign Woman’ novel)

The article considers the aesthetics of marginal and its categories, implemented in the story by S. Dovlatov ‘A Foreign Woman’. There are studied various aspects of the marginalization of heroes, in particular gender-based and ethnical. Also the analysis of the narrator’s image from the perspective of the outsidersness concept is given below.

Keywords: marginality, outsidersness, emigrant prose, Russian literature of the second half of the 20th century,

Лаврентьева Анфиса Викторовна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
6713010@bk.ru

Идиостилистическая мотивация заголовков поэтических произведений Р. Киплинга

Работа выполнена под руководством кандидата филологических наук доцента
Востриковой Ольги Владимировны.

В статье выявляется мотивация названий стихотворений Р. Киплинга поэтического сборника «Семь Морей» и семантическая связь входящих в него стихотворений с общим заглавием книги. Обозначена проблема объективного определения степени соотнесенности заглавий с текстом стихотворений. Выявлены такие тенденции, как фольклорная и внутренняя аллюзивность заглавий; отсутствие явной и избегание приближенной соотнесенности заглавия с текстом; имплицитность поэтических текстов; особая роль ретроспективной функции и функции выдвижения.

Ключевые слова: заглавие, идиостиль, поэзия, перитекст, соотнесенность содержания.

С точки зрения стилистики декодирования, заглавие — потенциально такое высказывание, с помощью которого происходит информирование о мыслях и чувствах адресанта, оказывается воздействие на адресата [2]. Паратекстология в лице своего основоположника Ж. Женетта рассматривает заглавие как вид перитекстов — элементов, предвещающих текст[9]. В отечественной науке с концепцией паратекста пересекается теория «рамы произведения», некоторым образом соотносящаяся с перитекстом, частью которой также считается заглавие [7]. Это своеобразный полноценный текст о тексте — метатекст, с помощью которого мы можем рассматривать идиостилистику художественных текстов автора. «Идиостиль» мы понимаем через определение М.П. Котуровой как «совокупность именно речетекстовых характеристик отдельной языковой личности, тем не менее формирующихся под воздействием всей экстралингвистической основы...» [5, с. 95].

Дешифрование заглавий кажется нам актом сотворчества автора и читателя ввиду того, что на интерпретацию возможных смыслов влияют фоновые знания адресата. Предполагаемое существование в поэзии множественности интерпретаций исключает возможность абсолютного отсутствия субъективного компонента в исследовании. Заглавие может содержать в себе не только черты и лексику, характерные для творчества определенного автора, но и вбирать в себя тематику конкретного произведения, т.е. мы допускаем использование автором приемов и техник, не свойственных ему, с целью привлечь внимание к произведению.

В статье проводится анализ семантических связей между 31 поэтическими текстами Р. Киплинга, вошедшими в хронологически центральный сборник «Семь

Морей» (Rudyard Kipling «The Seven Seas» [10]) и итоговыми вариантами их заглавий. Последние рассматриваются как паратекстовые элементы, т. е. самостоятельные части художественного текста, способные содержать в себе проявление идиостиля автора. Причиной рассмотрения поэтического сборника «The Seven Seas» оказывается и коэффициент его озаглавленности, составляющий 100%. Интересно то, что номинативными единицами обладают не только сборник и все включенные в него стихотворения, но и строфы, входящие в стихотворение «The Song of the Cities» объединенные общей тематикой. Каждой строфе в данном произведении соответствует свой заголовок-топоним вследствие чего создается эффект многоголосья внутри одной песни.

«The Seven Seas» создавался в достаточно короткий период 1893-1896 гг. По мнению литературоведов, в данных стихотворениях наиболее ярко раскрывается специфика поэтического творчества автора [3]. Сборник объединяет стихотворения с мотивами, традиционными для неоромантиков, к которым принадлежал Киплинг. Это мотивы странствий, воплощенные в морской тематике, фольклорные мотивы при обращении к прошлому и мотивы богоизбранности нации. Последние объяснимы также и ярко выделяющимся империалистическим пафосом Киплинга, указывающего на высокую миссию английской нации в эпоху капитализма [8]. Служению Британской Империи у Р. Киплинга посвящают себя торговцы («The Merchantmen» / «Купцы» / «Торговые суда» (*Здесь и далее перевод мой. – А.Л. Все совпадения с существующими вариантами случайны*)), матросы («The Last Chantey» / «Последняя матросская песня», «McAndrew's Hymn» / «Гимн Мак-Эндрю») солдаты («Hymn before Action» / «Гимн перед боем», «The Song of the Banjo» / «Песня банджо»), ушедшее поколение («The Song of the Dead» / «Песнь мёртвых»): ...*We must feed our sea for a thousand years, / For that is our doom and pride... / Мы должны кормить наше море тысячи лет / Потому что это рок наш и наша гордость...*, технические изобретения («The Deep-Sea Cables» / «Глубоководные кабели») и такие изначально неодушевленные предметы, как маяки («The Coastwise Lights» / «Прибрежные огни»), которые обретают вместе с целью служения на благо Британии право мыслить и говорить через метафорическое олицетворение – *Our brows are bound with spindrift and the weed – is on our knees... / Наши брови увенчаны пеной и трава – на коленях*. Это позволяет нам говорить о проникновении в неоромантизм Киплинга «литературы действия» – вводится ее «человек действия» [8, с. 355-360].

Без вклада каждого не будет поддерживаться статус Британской империи как «Владычицы морей» и «Мастерской Мира». Само заглавие поэтического сборника относит нас к этим концептам. «The Seven Seas» представляют владения Империи, идею расширения этих владений, если рассматривать идиоматичную единицу как обозначение Мирового океана в целом. В то же время выражение «плыть по семи морям» обозначает и длительное путешествие, и торговый путь в контексте колониальной эпохи и Ост-Индии. Таким образом, заглавие сборника имеет аллюзивный характер, но обладает скорее приближенной соотнесенностью с содержанием сборника, предугадывая его основные мотивы.

На примере некоторых названий рассмотрим процесс выявления степени соотнесенности содержания текста с заглавием по модели И.В. Исхаковой [4], где находящиеся в организованной системе элементы опираются на степень проявления информативности заглавия произведения и обладают индивидуальной характеристикой.

1) К явной степени соотнесенности (80-90% понимания; раскрывается замысел автора, дана основная идея произведения) нами не было причислено ни одно заглавие, что объяснимо указанным выше существованием множественной интерпретации как специфики поэтических текстов, исключающей подобную степень понимания.

2) Приближенная степень соотнесенности (60-80% понимания, т. е. возможность судить о смысле и содержании произведения, но не в полной мере) была констатирована у 8 заглавий сборника – 25,8% от общего числа. В заглавия стихотворений «The Merchantmen», «The Deep-Sea Cables» поэт помещает субъекты высказывания и объекты описания соответственно. В первом благодаря полисемантической лексеме, совмещающей значения «торговцы», «торговые суда» угадываются главные герои, примерный хронотоп, тема, мотивы торговли и странствий: *...Beyond all outer charting / We sailed where none have sailed.../Вне всяких внешних карт/Мы шли под парусом там, где никто до нас не шел.*

Во втором заглавии помимо темы вынесен предмет описания, коррелирующий с чувством восторга от прогресса, позволяющего Британской Империи иметь связь с ее колониями: *...And a new Word runs between: whispering, "Let us be one!"* / «...И новое Слово курсирует между (людьми), шепча: "Давайте объединимся!"

В «The Derelict» / «Заброшенный» соотнесенность менее однозначна – лирический герой назван по его признаку. Чувство, состояние выделяется как главный объект описания стихотворения, на что указывает кольцевая композиция произведения,

где в повторяющемся элементе – ...*Lifting for lorn to spy/Trailed smoke along the sky, /Falling afraid lest any keel come near!* / Поднимаясь от заброшенного судна, открывая для выслеживания, / стелющийся по небу дым / приводит в страх, что какое-то судно мимо пройдет... . В последней строфе первая строчка меняется на *Lifting in hope to spy / Поднимаясь в надежде быть выслеженным*, показывая переход из состояния отчаяния и чувства неприязни к надежде вернуться в прошлое согласие с миром.

3) Относительная степень соотнесенности (40-60 % понимания) не дает читателю возможность понять идею произведений без их обязательного прочтения. Среди идентифицированных в этом статусе 8 заглавий (25,8 %), остановимся на трёх. В стихотворениях «The Song of the Sons» / «Песнь сыновей», «The Song of the Cities» / «Песнь Городов», «The Song of the Banjo» жанр самоопределен заглавием, позволяющем предсказать некоторые характеристики, соответствующие форме песни: исполняемость многими или известность для широкого круга, объединяющую и стратифицирующую, предполагающие приблизительное соответствие ожиданиям слушателей, функции [6].

В первом заглавии раскрываются только адресанты, предполагающие превалирование темы поколения в тексте: ...*Mother, be proud of thyseed!* / ...*Мать, гордись своим восходом!* В третьем стихотворении происходит фонетическое «имитирование» игры на струнах: ... *Tumpa-tumpa-tumpa-tum-patump!*, передающее песенный ритм. Лирический герой здесь по-прежнему неизвестен. Одушевленный ли это музыкальный инструмент или солдат — трудно предугадать связь банджо и солдатской песни. Замысел проясняется в третьей строфе, где совмещаются действия смены аллюра с изменением темпа игры через фразу *give me time to change my leg/ дай мне время сменить аллюр*. Поскольку лошадь — распространенный транспорт и способ передвижения на войне, неожиданная связь приравнивает к ней по значимости игру на банджо, поддерживающую солдат.

4) Аллюзивная соотнесенность (25-40% понимания) — непрямая связь с содержанием произведения, раскрывающаяся в процессе чтения, иногда с измененным благодаря автору звучанием. Таковыми мы определяем 6 заглавий — 19,35 %. Аллюзивная соотнесенность достигается через прямое цитирование других авторов, эпиграф к произведению, аллюзии на сюжеты и лирических героев остальных стихотворений внутри сборника, фольклорные элементы, проходящие лейтмотивом через текст некоторых произведений.

Так в заглавие «TheiLiner She`s a Lady» / «Лайнер – как леди» вынесена строка-лейтмотив, на основе которой строится антитеза лайнера–светской дамы и грузовых судов–рабочих, вынужденных браться за грязную работу. Через одноименную строку вводится метонимия, совмещающая реальности – вместо судов работающие на них простые люди, благодаря чьему труду продолжают идти дела, подчеркивается значимость обеспечивающих существование вышестоящих. Заглавие здесь служит выражением отношения к «лайнеру», раскрывающимся после прочтения – его ретроспективные функции, при которых элемент текста обращает к себе финале, преобладают над перспективными, позволяющими предугадать содержание. Внутренняя же для сборника аллюзивность наблюдается в «McAndrew`s Hymn» и «The Mary Gloster», где в последнем упоминается имя лирического героя первого произведения.

5) Слабая, неявная (10-25% понимания) информационная соотнесенность, никак не проявляющаяся в процессе первого восприятия и последовательно раскрывающаяся в процессе чтения произведения констатирована в 9 заглавиях ~ 29 % выборки. Они включают в себя преимущественно лаконичные заглавия: «McAndrew`s Hymn», «The King» «Король» «The Last Rhyme of True Thomas» / «Последний стих Верного Томаса», «The Three-Decker» / «Трехпалубник», состоящие из 2-3 лексем, среди которых встречаются онимы. Имена собственные не раскрывают сюжет: вводимые элементы шотландской мифологии, отражающие культуру лирического героя («McAndrew`s Hymn»), тему поэта и поэзии («The Last Rhyme of True Thomas»), – не предвосхищают влияние романтизма. У данных заглавий вместе с ретроспективной преобладает функция выдвижения [1], вычленяющая из текста и вносящая в паратекстовый элемент центральный образ, о котором читателю предстоит узнать.

Таким образом, заглавие сборника имеет аллюзивный характер, но обладает скорее приближенной соотнесенностью с его содержанием, предугадывая основные темы, мотивы, идею. В статистической временной модели мы учли виды семантической соотнесенности названий произведений, написанных в определенный год по отдельности ввиду их разительно отличающегося количества (Рис.1).

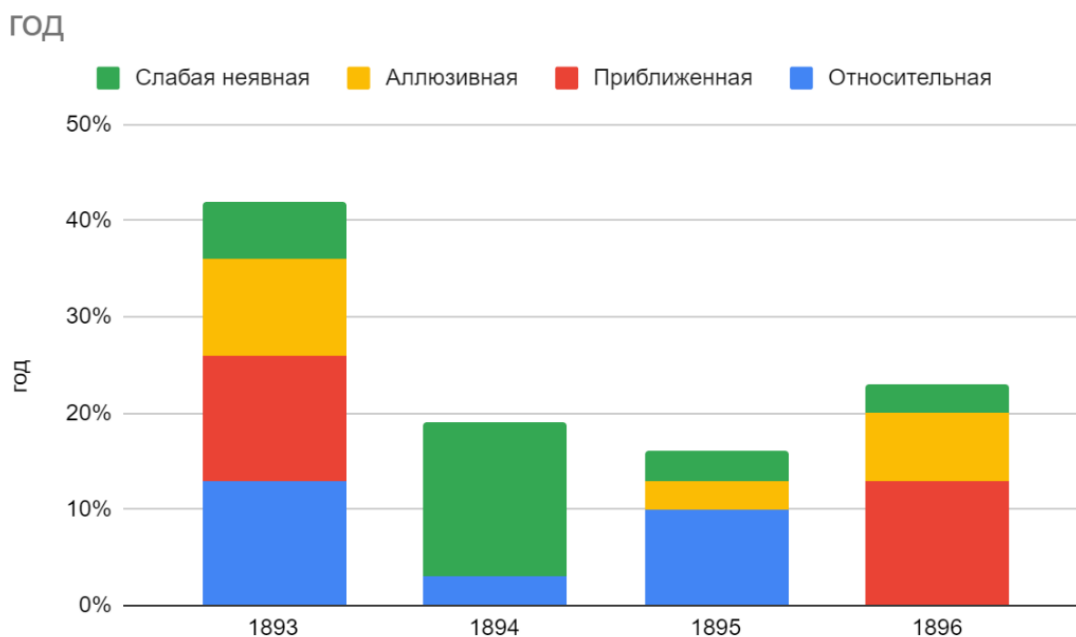

Рис. 1.

*Степени соотнесенности содержания текста с заглавием в стихотворениях
сборника Р. Киплинга «Семь морей»*

Согласно гистограмме, в 1896 г. 43% произведений относятся к аллюзивной и неявной соотнесенности, в то время как в 1893 г. приближенная и относительная вместе составляли 62 %, а аллюзивная и слабая 38% соответственно. Разница между конечными точками составляет ~ 5%, в промежуточном временном отрезке полностью исчезает приближенная соотнесенность, что свидетельствует о неравномерно, но закономерно проходящем процессе утраты явной связи заглавия и текста.

Литература

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. / науч. Ред. Бухаркин П.Е. – СПб, 1999. – 444 с.
2. Баженова Е.А. Стилистика декодирования // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – Москва, 2011. С. 414-416.
3. Зиновьева А.Ю., Косиков Г.К., Толмачёв В.М. Зарубежная литература конца 19 – начала 20 века: Учебное пособие. – Том 1. – Москва, 2008. – 304 с.
4. Исхакова И.В. Семантические и функциональные особенности заголовочных комплексов художественных текстов (на материале произведений англоязычных авторов XVIII-XXвв) // Вестник ОГУ. – 2010. – №11 (117). – С. 75-81.

5. Котюрова М.П. Идиостиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожин. – Москва, 2003. – С. 95-99.
6. Купина Н.А., Литовская М.А., Николина Н.А. Массовая литература сегодня: Учебное пособие. – Москва, 2009. – 291 с.
7. Ламзина А.В. Рама произведения // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – Москва, 2003. – С. 848-854.
8. Михальская Н.П., Аникин Г.В. История английской литературы: учебник для гуманитарных факультетов высших учебных заведений. – Москва, 1998. – 516 с.
9. Genette, G. Paratexts: Thresholds of Interpretation // Lewin J. E. (trans.). – Cambridge, 1997. – 427 p.
10. Kipling, R. The Seven Seas. [Электронный ресурс] – New York, 1896. – 208 p. – URL: <https://archive.org/details/sevenseas01kiplgoog/mode/2up> (Дата обращения: 25.12.2022).

Lavrentyeva A.V.

Pushkin State Russian Language Institute

Authorial specificity of motivation in the titles of Rudyard Kipling's poems

The paper reveals the motivation for the titles of R. Kipling's poems in the poetry collection «Seven Seas» and their semantic connection with the general title of the book. The issue of objective determination of the degree of correlation of titles with the text of poems is outlined. A number of features peculiar of the author's style are revealed, including folklore and internal allusiveness of titles; lack of explicit correlation of the title with the text and avoidance of approximate one; implicitness of poetic texts; the special role of the retrospective and advancing functions.

Keywords: title, authorial style, poetry, peritext, content correlation.

Ле Фьонг Ань

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
pale6497@gmail.com

Трудности в обучении аудированию и говорению на русском языке вьетнамских учащихся, обучающихся вне языковой среды (уровни A1-A2)

Работа выполнена под руководством профессора Азимова Эльхана Гейдаровича.

Статья посвящена трудностям в обучении аудированию и говорению в неродной языковой среде на начальном уровне. Аудирование и говорение считаются самыми сложными из четырех видов речевой деятельности в русском языке. На основе изучения характера ошибок, трудностей, с которыми сталкиваются преподаватели и учащиеся, выявляются субъективные и объективные причины неудовлетворительных результатов обучения.

Ключевые слова: аудирование, говорение, вне языковой среды, на начальный уровень, упражнения и задания, преподаватель русского языка.

В последние годы во Вьетнаме преподавание русского языка, ориентированное на общение, стало широко применяться на многих уроках русского языка как иностранного. Обучение учащихся коммуникации считается основной целью в процессе обучения языку, в котором особое внимание уделяется всем четырем видам речевой деятельности. Аудирование и говорение становятся активными видами деятельности, в которых учащиеся берут на себя активную роль участников обмена информацией, обрабатывают информацию, понимают и расшифровывают ее чтобы отреагировать на нее [2, с. 15]. Только когда слушатель сможет ответить, процесс прослушивания завершается, достигает желаемого результата.

Согласно исследованиям, проведенным в вьетнамских университетах с преподаванием русского языка, 88% преподавателей считают, что преподавание аудирования и говорения является сложной проблемой. Учителю необходимо уметь ставить учащихся в разные ситуации, связанные с разными языковыми темами; иметь способность сделать процесс аудирования и говорения целенаправленным, создавая реальные ситуации аудирования, тем самым постепенно помогая учащимся обрести уверенность в своих способностях слушать и говорить.

Для большинства учащихся аудирование и говорение являются относительно новыми предметами, и большинство считает аудирование самым сложным предметом. Мы провели небольшой опрос учащихся 10, 11 и 12 классов 4-х русскоязычных для одаренных детей средних школ на севере Вьетнама (Спецшкола Чан Фу, Спецшкола Нгуен Чай, Спецшкола Хоанг Ван Тху, и Спецшкола Тхай Нгуен). 100% 10-классников, это ученики, которые только начали изучать русский язык в течение 1 семестра. Они считают, что аудирование и устная речь – два самых сложных умения. Это число снижается в 11-м классе, но незначительно до 90%. Наиболее очевидная разница заключается в том, что у 12-классников, примерно через 2,5 года изучения русского языка в неродной среде, процент учащихся, которым трудно аудировать и говорить при изучении русского языка, снижается примерно до 50%. Между тем времени, отводимого на аудирование и говорение в классе, слишком мало, всего около 6 пар в школе, что эквивалентно примерно 3 академическим часам в неделю. В дополнение к нехватке данных аудирования и есть и нехватка учителей, способных общаться на русском языке как на родном. Времени на самостоятельную работу учащихся остается все меньше и меньше, а источников для доступа к русскому языку с носителями языка мало или они неуместны, новые учащиеся не могут сами получить доступ и использовать данные в СМИ. Этим отчасти объясняется тот факт, что некоторые

студенты читают и запоминают запись перед тем, как идти на занятия, вредные привычки делают процесс аудирования и говорения бессмысленным и пустой тратой времени. Это происходит у студентов вузов, так что, хотя время изучения русского языка увеличилось до 25 часов в неделю, результаты изучения русского языка невысокие.

Привычка переводить на вьетнамский язык, чтобы понять каждое предложение, желая услышать, запомнить и повторить 100% информации, или писать транскрипции прочитанного на вьетнамском языке с желанием легко запоминать и механически запоминать модели длинных предложений, также делает многих учащихся неспособными различать основное содержание, которое необходимо усвоить, какова второстепенная информация, которой можно пренебречь в процессе слушания, или в процессе говорения, учащиеся не могут соблюдать правила произношения, правила построения предложения в определенных ситуациях. Искаженное восприятие требований утомляет учащихся и приводит к смущению и замешательству во время уроков аудирования и говорения в классе.

Со стороны учителей применение традиционных методов в обучении языку, в том числе обучение аудированию и говорению у некоторых учителей, усугубляет эту ситуацию. До сих пор существует мнение, что слушание тренирует рецептивные навыки, а говорение тренирует навыки повторения информации. Учащиеся просят получать информацию без подсказки о ситуации, которую они собираются услышать, или без просьбы об обратной связи после того, как они внимательно выслушают сообщение. Некоторые учителя также осознают необходимость изменения методов обучения, но из-за ограниченного времени занятий они не могут применить много эффективных приемов для изменения ситуации.

Эта неблагоприятная ситуация еще больше затрудняет слушание и речь. Есть четыре фактора, которые могут затруднить аудирование, и четыре фактора, которые затрудняют говорение.

Для процесса обучения и изучения аудирования:

1. Трудности аудирования, связанные с языковой формой сообщения. Ограниченный словарный запас является самым большим препятствием для аудирования учащихся. За период обучения в 10-м классе средней школы для одаренных Чан Фу большинство учеников запоминает только несколько простых слов. Количество активных слов, которое десятиклассник может выучить в течение семестра, составляет около 100. Это затрудняет прослушивание студентами текстов с большим объемом информации.

Некоторые учителя и двенадцатиклассники подчеркивают, что особую трудность при аудировании представляют собой разговорные формулы, клише и идиомы. Смысл этих выражений чаще всего не обусловлен суммой значений слов, которые в них входят. Так, иностранцам, может быть, трудно понять смысл выражения «бежать сломя голову», даже если все слова по отдельности им знакомы [1. с. 127]. Решения, которые предлагают преподаватели средних школ или университетов, очень хороши для расширения словарного запаса учащихся. Учителя записывали собственные разговоры, используя 75–80 % выученных слов.

2. Трудности аудирования, связанные с условиями подачи сообщения. При обучении в неродной языковой среде учащиеся во Вьетнаме не были знакомы со скоростью речи, с тем, как делать паузу, когда носитель озвучивает текст, потому что обычно учителя, читающие тексты, всегда стараются следить за способностью учащихся усваивать информацию. Решение, предлагаемое старшеклассникам или первокурсникам колледжей, состоит в том, чтобы они слушали короткие монологи, за которыми следует их обсуждение в группах. Для студентов 2-го и 3-го курсов, которые получают определенную специальность, рекомендуется прослушивание записей, связанных с их направлением: экономика, преподавание, туризм и услуги. Это одновременно улучшает навыки аудирования и увеличивает специализированный словарный запас, а также позволяет усваивать нормы поведения носителей языка.

3. Трудности, связанные со смысловым содержанием сообщения. Из-за особенностей культур сложно понять основную мысль или детали во всем отрывке для прослушивания. До 90% студентов колледжей записывают только отдельные слова, которые им знакомы. В темах, связанных со страной обучения, есть много исторической, культурной и социальной информации, которая, по мнению студентов, им интересна, но не понятна, потому что у них недостаточно знаний, для ее восприятия. Считается, что это самый большой барьер для общения, когда учащиеся не знакомятся с культурой страны обучения. К счастью, каждый год многие российские студенты, изучающие вьетнамский язык, приезжают во Вьетнам на практику, что помогает студентам иметь возможность приблизиться к культуре общения российской молодежи.

4. Трудности, связанные с восприятием речи диктора. Во время опроса мы использовали 2 мужских и женских голоса, чтобы задавать вопросы. Был обнаружен неожиданный фактор, затрудняющий понимание речи. До 98% студентов считают, что голос телеведущих и ведущих трудно разобрать из-за высокой скорости чтения,

отсутствия пауз и использования одного тона голоса. 70% детей чувствуют себя более комфортно, слыша женские голоса, чем мужские. При обучении аудированию необходимо помнить, что наиболее легко воспринимается речь, исходящая непосредственно от говорящего (по сравнению с речью с экрана или источника звука). Знакомый голос всегда воспринимается лучше незнакомого.

Для процесса обучения и изучения говорения:

Во-первых, студенту нужен собеседник, человек, с которым он может вести беседу на языке. В настоящее время изучающие русский язык могут общаться только с учителями и одноклассниками, поскольку русскоязычных во Вьетнаме очень мало. Т.е., отсутствует ежедневная необходимость говорить на языке, нет "естественной потребности говорения на иностранном языке". [2, с. 82]. Рекомендуем изучающим иностранный язык ежедневно "погружаться" в него: В Центре российской культуры и исследований в Ханое проходили показы российских фильмов, и на них приходило много студентов. Во Вьетнаме 10 университетов преподают русский язык, и мы создали группу для ежедневного общения на русском языке под названием «Мы говорим по-русски». Там изучающие русский язык разных уровней могут помочь друг другу улучшить свои разговорные навыки, используя самые разные темы для разговора.;

Во-вторых, много ли во вьетнамских школах учителей, которые сами могут достаточно свободно говорить с носителем языка на разные темы. В школах Вьетнама сегодня нет штатных учителей-носителей языка или имеющих педагогическое образование, владеющих русским языком как родным. Но благодаря программам обмена студентами во втором семестре каждого года университеты будут располагать ресурсами российских студентов с педагогической квалификацией, которые могут помочь преподавать разговорную речь. Программа поддержки развития русского языка Фонда «Русский мир» с 2021 года предоставила преподавателей для ряда средних школ Вьетнама. Некоторые университеты, такие как Томский национальный университет с спецшколой Чан Фу, МЭИ с спецшколой Тхай Нгуен, создали очень полезные онлайн-клубы русского языка.

В-третьих, моделирование специальных речевых учебных ситуаций, несомненно, вносит большой вклад в развитие навыков говорения, но все эти ситуации строятся на том материале, который в данный момент изучается, подготавливается, т. е. в известной степени это заранее подготовленное речевое высказывание. Программа «Дебаты» поощряется в школах, и с 2021 года мы организовали симуляцию сессии

ООН, на которой можно свободно обсуждать многие актуальные темы современного общества.

В-четвертых, это наличие психологического барьера, боязнь сказать что-то не так, ошибиться. Необходимо объяснить учащимся, что не надо бояться делать ошибки, когда говоришь на иностранном языке, что до достижения уровня С2 надо достаточно много и долго работать.

В заключение хотелось бы отметить, что успех в обучении языку в целом, в изучении и обучении навыкам аудирования и говорения в частности, должен быть результатом всесторонних усилий не только учителей и учащихся, но и сопутствующих факторов, таких как: учебные материалы, методы обучения, методы оценивания и т.д.

Литература

1. Елухина, Н.В. Обучение слушанию иноязычной речи [Текст] / Н.В. Елухина // Иностранные языки в школе. – 1996. – №5. – С. 20-22.
2. Зимняя, И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе [Текст]/ И. А. Зимняя. — М.: Просвещение, 1991- 222 с.
3. Steil, L. et al / Effective Listening, Mc. Graw Hill, Inc. 1983, 155 p.

Le Phuong Anh

Pushkin State Russian Language Institute

The difficulties in teaching listening and speaking skills in Russian for Vietnamese students studying in a non-native language environment (level A1-A2)

The article is devoted to the difficulties in teaching and learning of Listening and Speaking in a non-native language environment at elementary level. Listening and Speaking have been considered the most difficult of the four language skills in Russian language. On the basis of examining the nature and requirements of the subject and analyzing the difficulties faced by teachers and learners within the domain of these two productive skills, the researcher aims at explaining the subjective and objective reasons accounting for the unsatisfactory results.

Keywords: listening, speaking, in a non-native language environment, in elementary level, exercises and tasks, Russian language teacher.

Лебедева Екатерина Алексеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
ekaterinalebedeva1910@yandex.ru

Буктьюб как форма современной литературной критики

В статье исследуется малоизученное явление книжных блогов на платформе YouTube. Устанавливаются основные критерии функционирования литературной критики, а также – компетенции авторов. Буктьюб рассматривается как часть современной литературной критики. Обсуждается дискуссионный вопрос профессиональности/непрофессиональности тех, кто анализирует литературные произведения. Также

автором выделяются специфические черты буктьюба, обусловленные его существованием в интернет-пространстве.

Ключевые слова: литературная критика, книжный блог, буктьюб, популяризация чтения

Уже на протяжении длительного времени литературная критика является неотъемлемой частью искусства. Одна из главных ее задач заключается в изучении и анализе литературных произведений, что видно из определения понятия: *«...область литературного творчества на грани искусства (художественной литературы) и науки о литературе (литературоведения). Занимается истолкованием и оценкой произведений литературы с точки зрения современности (в т. ч. насущных проблем общественной и духовной жизни); оказывает активное влияние на литературный процесс, а также непосредственно на формирование общественного сознания...»* [1]. Таким образом, литературная критика выступает как некий «мостик» между писателем и читателем, а также выполняет важнейшую функцию продвижения чтения.

Опираясь на приведенную дефиницию, можно выделить следующие значимые для общества компетенции критика:

- Организация литературного процесса и читательского вкуса;
- Просветительство;
- Духовное и социальное воздействие на умы (умение прочувствовать эмоции автора и персонажей; и влияние на гражданскую позицию соответственно);
- Пробуждение желания, стремления читать и размышлять.

К специфическим характеристикам критики как явления (или критериям, которые определяют этот феномен), можно отнести следующие:

1. Субъективность, оценка. Каждый критик – отдельно взятая личность с собственными взглядами, принципами и мировоззрением. Но вот парадокс: критик при любых обстоятельствах старается быть беспристрастным. Нельзя осудить произведение просто потому, что не нравится писатель или жанр – любой тезис должен подкрепляться серьезными аргументами.
2. Идеологическая составляющая. Критик анализирует произведение с точки зрения современного ему общества, политического, экономического, культурного строя.
3. Взаимодействие, диалогичность. Образно литературную критику можно в виде треугольника, на концах которого расположились «читатель», «автор» и «критик».

Все три звена тесно взаимосвязаны: как уже указывалось выше, критик «помогает» читателю в понимании текста и замысла писателя [4].

Интересным для исследования представляется *профессионализм* критиков. Прежде всего, от критика ожидают глубокого понимания литературного процесса и гуманитарной культуры в целом. Но данный критерий не всегда является обязательным, потому что человек может не обладать профессиональным литературным или филологическим образованием, но быть достаточно осведомленным и эрудированным, чтобы анализировать произведения (а, следовательно, приближаться «к объективности в оценке произведения» [5]). Для современной критики это наиболее актуально – любой человек может выложить свою рецензию, отзыв на какое-либо произведение. Поэтому встает достаточно логичный вопрос: «Все ли такие произведения являются частью литературной критики?». Данное утверждение нуждается в дискуссии и освещении.

Современное состояние литературной критики стало предметом исследования многих ученых ([2], [3] и др.). Самым основным для нашей работы представляется положение о значимости технологического прогресса в развитии критики: «...обозначилась явная тенденция к освоению новых информационных территорий...» [8]. Мир не стоит на месте: велико влияние интернета, что, несомненно, трансформирует анализ произведений.

Незаменимой платформой для эволюции критики оказался YouTube. В настоящее время набирают популярность видео на книжную тематику: обзоры, рекомендации («Что читать в 2023?» [7]), различные челленджи и топы («10 лучших книг 2021» [9], «10 книг, которые должен прочитать каждый» [6]) и т.д.

Буктьюб можно по праву считать своеобразной частью современной литературной критики, потому что в нем наблюдаются все необходимые составляющие:

- Субъективный анализ. Например, видео о книгах на канале Полины Парс, где автор рассматривает и оценивает конкретных авторов и книги;
- Формирование читательского вкуса. Каждый из книжных блогеров любит не только «поругать» плохие работы, но и рассказать о качественной литературе (как классической, так и современной);
- Привлечение внимания к проблеме чтения и его популяризация. Книжные YouTube каналы не появляются из ниоткуда: человека всегда будет волновать литература, а людям, в ней разбирающимся, хочется делиться знаниями.

- Демократизация. Данный процесс особо актуален в современном интернет-пространстве. Абсолютно любой человек при желании способен выложить видеорецензию на произведение. Такой ролик не обязательно будет профессиональным (даже может содержать ошибки, например, речевые).

Но буктьюб имеет и определенную специфику, связанную, прежде всего, с площадкой своего бытования. Интернет обуславливает интерактивность, гипертекстуальность и мультимедийность современной литературной критики:

1. На YouTube есть комментарии, где пользователи могут поделиться мнением, поддержать автора или даже поспорить с ним. Помимо этого, существует возможность оценить видео (поставить «лайк» или «дизлайк») и распространить его (выложить ссылку в социальных сетях).
2. Не только люди в комментариях, но и сами книжные обозреватели вступают в диалог. Например, с другими блогерами, принимая участие в челленджах, или снимая ролики об их произведениях.
3. Буктьюб представляет органичное сочетание видеоряда, текста, музыки, различных эффектов. Кроме того, нередко используются (в качестве иллюстраций) скриншоты книг. Таким образом, автор анализирует на конкретном примере стиль работы, язык, достоинства и недочеты.

На настоящий момент проблема книжных блогов еще недостаточно разработана исследователями. Многие аспекты остаются неизученными: специфика явления и его задачи, жанровая и стилистическая составляющие и пр. Поэтому нам представляется важным настоящее и дальнейшее всестороннее, глубокое рассмотрение такой нестандартной формы современной литературной критики, как буктьюб.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия; Санкт-Петербург: Фонд "Ленингр. галерея", 2002. – 1628 с. ил., карт.
2. Ефимов Е.Г., Ефимова А.Е. Буктьюбинг как феномен книжной культуры в социальных интернет-сетях / Е.Г. Ефимов, А.Е. Ефимова // Электронный научно-публицистический журнал "Homo Cyberus". – 2017. – №2(3).
3. Жучкова А. О современном формате литературной критики // Вопросы литературы. – 2020. – №5.

4. Куликова М.Г., Плевако С.В. Литературная критика как четвертый род литературы // Филология и человек. 2010. №3.
5. Матвеева И.Ю. Литературная критика как средство продвижения художественной литературы // Медийная поддержка чтения [Текст]: [учебно-практическое пособие] / И. Ю. Матвеева. – Москва: Литера, 2010. – 174 с.
6. Полинэ кудрявцева. (2022) 10 книг, которые должен прочитать каждый. // YouTube. 11 ноября.
7. Полина Парс. (2023). Что читать в 2023? Книжные новинки года. // YouTube. 6 января. Режим доступа
8. Шильникова О.Г. Литературная критика в современном медиапространстве: основные тенденции и перспективы развития // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. №118.
9. bookspace. (2022) 10 лучших книг 2021. // YouTube. 8 января.

Lebedeva E.A.

The Pushkin State Russian Language Institute

Booktube as a form of modern literary criticism

The article explores the little-studied phenomenon of book blogs on the YouTube platform. The main criteria for the functioning of literary criticism are established, as well as the competencies of the authors. The booktube is considered as a part of modern literary criticism. The debatable question of professionalism/unprofessionalism of those who analyze literary works is discussed. The author also highlights the specific features of the booktube, due to its existence in the Internet space.

Keywords: literary criticism, booktube, popularization of reading.

*Данная статья выполнена в рамках реализации научно-исследовательского проекта
NO.21BWW034 Национального фонда социальных наук КНР*

**Ли Мэйцзя,
Цао Хайянь**

Даляньский политехнический университет
737123530@qq.com; annachy008@163.com

«Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского: обзор исследований в Китае

Работа выполнена под руководством кандидата филологических наук
Цао Хайяня.

В данной статье представлен мониторинг исследований китайских ученых, посвященных анализу документальной повести Ф.М. Достоевского «Записки из Мертвого дома». Цель данной статьи — изучение фокуса и направлений исследований документальной повести китайскими учеными. Отмечено, что существует небольшое количество работ китайских литературоведов-русистов, посвященных изучению «Записок из Мертвого дома». Выделено четыре направления исследования произведения, а также обозначен вопрос, нуждающийся в дальнейшем изучении.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; «Записки из Мертвого дома»; китайские литературоведы-русисты; обзор исследований.

Китайские ученые, занимающиеся изучением творчества Ф.М. Достоевского, наиболее часто обращают свое внимание к исследованию таких произведений, как «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» и «Идиот». Кроме того, нами обнаружено 2 магистерских диссертации и 7 статей, посвященных анализу различных аспектов повести «Записки из Мертвого дома». Прежде всего авторы исследуют данное произведение в связи с событиями биографии писателя, поскольку именно период, описанный в книге, оказал большое влияние на личность Федора Михайловича и его творчество.

Повесть «Записки из Мертвого дома» имеет биографический характер и представляет собой т.н. «каторжные записки». Произведение посвящено описанию жизни на каторге (в «Мертвом доме») и представляет собой рассказы о судьбах и размышления автора о человеческой природе.

Нами выделены 4 направления исследований повести.

1. Аспект, посвященный изучению условий каторжной жизни

Статья Лю Синчжоу «Анализ дальневосточной жизни в русской литературе XIX века» посвящена описанию жизни в ссылках на Дальнем Востоке в сравнительном аспекте (на материале произведений «Записки из Мертвого дома» и «Остров Сахалин»). Описана природная и социальная среда. Автор отмечает, что художественные произведения превосходно отражают реальную жизнь и в то время оставляют пространство для читательского воображения. Автор статьи отмечает, что психологическая деятельность индивидуума, на которую обращает внимание писатель, и повседневное взаимодействие людей расширяют пространственный диапазон картины жизни, позволяя исследователям использовать исторические материалы и литературные произведения для общего и частного обзоров [4, с. 20].

Чжан Мусюй в своей диссертации «Многоаспектная структура “исправительных колоний” в русской литературе XIX века» описывает разные виды каторжных работ в царской России, в том числе и сибирскую каторгу, представленную в книге «Записки из Мертвого дома». [6, с. 8]

2. Аспект, посвященный исследованию художественных образов и литературных характеров

Ян Мэн в статье «Анализ проблем человеческой природы в “Записках из мертвого дома” Ф.М. Достоевского» предпринял попытку проанализировать, каким

образом раскрыт вопрос человеческой природы в повести. В качестве примеров автор обращается к образам многих персонажей, проводит определенные обобщения, анализирует противоречивые человеческие натуры, сложные характеры, которыми наделены герои произведения.

Статья Шан Сяньчэна «Повторное обсуждение анатомии человеческой природы в “Записках из мертвого дома” Ф.М. Достоевского» поднимает схожую проблематику. Шан также отмечает противоречивость характеров арестантов, которые сочетают в себе полярные черты. Автор статьи отмечает: «Человеческая природа в них, несмотря на свою искаженность, испорченность, все-таки остается человеческой природой» [7, с. 115]. Согласно исследователю, Ф.М. Достоевский описывал эту особенность, наблюдаемую у арестантов, как составляющую «русского характера».

Ду Цзячжэнь в своей статье «Краткое обсуждение книги “Записках из Мертвого дома” Ф.М. Достоевского» отметил большую роль произведения в творчестве писателя и его важность для изучения убеждений, этико-философских взглядов писателя и их динамики, а также творческой эволюции. В статье анализируются различия между стереотипным образом арестанта в глазах широкой общественности и образом, который представлен в произведении Ф.М. Достоевского. Кроме того, автор отмечает, что сам Достоевский, имея дворянское происхождение, ощущал себя чужаком, в силу чего как бы он ни хотел приблизиться к «людям из народа», между ними всегда была «непреодолимая пропасть».

В повести, наряду с образами арестантов, представлены и характеры тюремных правителей, и угнетателей. Автор статьи справедливо отмечает: «Эти разнообразные персонажи и явления в ссылке также являются микрокосмом этой “огромной тюрьмы” времен царской России». [2, с. 38]

В книге «Краткая история русской литературы» Жэнь Гуансюань также считает, что важным вопросом, раскрытым в повести, является характер персонажей-арестантов [3, с. 144-145]. Наблюдая за их поведением и поступками, описывая их, писатель отмечает, что добро и зло не имеют классовой принадлежности.

3. Аспект, посвященный изучению русского национального характера и православной мысли

Вань Хайсун в своей статье «“Несчастный человек” и православная идентичность в “Записках из Мертвого дома” Ф.М. Достоевского» утверждает, что книга «Записки из Мертвого дома» является хрестоматией всех ключевых идей и убеждений писателя [1, с. 31]. В реалистичных образах арестантов угадываются мысли

и религиозные чувства самого автора. Достоевский неоднократно называет арестанта «несчастливым человеком». Автор статьи показывает взаимосвязь православия и фундаментальных идей писателя на примере соотношения понятий «несчастный человек» и «соборность».

В работе «Духовные опоры русского народа в “Записках из Мертвого дома” Ф.М. Достоевского» Коу Вэньтао анализирует социальный фон произведения. Автор выделяет три ключевые духовные опоры: религия, театральное искусство и алкоголь.

В книге «Краткая история русской литературы» Жэнь Гуансюань также отмечает важную роль православного сознания, характерного арестантам. Именно благодаря ему они признали свою вину осознанно. Сам Достоевский считал, что важно обращаться к мировоззрению таких людей. Точка зрения, представленная в статье, демонстрирует динамику творческого мировоззрения писателя.

4. Аспект, посвященный изучению искусства повествования писателя

Чжан Лина в статье «Инновационная интерпретация повествовательного искусства Достоевского в “Записках из мертвого дома” Ф.М. Достоевского» предприняла попытку проанализировать повествовательное искусство Ф.М. Достоевского с трех точек зрения: характеристики повествовательного языка, типичных образов и воссоздания эпизодов допросов. Автор считает, что стиль повествования Ф.М. Достоевского, прежде всего, характеризуется точностью, виртуозностью, изысканным словесным мастерством [5, с. 31]. Автор утверждает, что сцены тюремной жизни на каторге, несмотря на тяжелое впечатление, которое производят на читателей, представляют собой реальные и простые дневниковые записи Достоевского, который с юмором смог описать горькие ситуации, ловко, умно и прямо, но не зло [5, с. 31]. Автор статьи также отмечает, что описанный «Мертвый дом» это – модель общества, которая отражает социальные проблемы и реалии той эпохи.

Итак, представленный выше обзор работ, посвященных исследованию повести «Записки из Мертвого дома», позволяет сделать следующие выводы. Китайские ученые сосредоточились на тематике и проблематике произведения, этико-философском значении этой книги (тема добра и зла, философия преступления, вера и т.д.), также анализируются сюжеты и образы персонажей. Не обнаружены работы, посвященные изучению языка произведения китайскими исследователями, особенностей идиостиля писателя, так что изучение этого вопроса представляется актуальным.

Литература

1. 万海松. 《死屋手记》中“不幸的人”与东正教认同感[J].外国文学研究, 2018, 40(02):

31-42. (Вань Хайсун «Несчастный человек» и православная идентичность в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского // Изучение зарубежной литературы. – 2018. – №40(02). – С. 31–42.)

2. 杜嘉蓁.简论《死屋手记》[J].外国文学研究, 1986(02): 37-42. (Ду Цзячжэнь Краткое обсуждение книги «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского // Изучение зарубежной литературы. – 1986. – №2. – С. 37–42.)

3. 任光宣. 俄罗斯文学简史.北京: 北京大学出版社, 2006: 144–145. (Жэнь Гуансюань Краткая история русской литературы. – М.: Издательство Пекинского университета, 2006. – С. 144–145.)

4. 刘行舟.19 世纪俄罗斯文学中的远东生活图景探析——基于《死屋手记》《萨哈林旅行记》的批判现实主义描写[J].文化创新比较研究,2022,6(15): 17–21. (Лю Синчжоу Анализ дальневосточной жизни в русской литературе XIX века. Критико-реалистическое описание, основанное на книге «Записки из Мертвого дома» и «Остров Сахалин» // Сравнительное исследование культурных инноваций. – 2022. – №6(15). – С. 17–21.)

5. 张丽娜.《死屋手记》中陀思妥耶夫斯基叙事艺术的创新式解读[J].考试周刊, 2015(50): 31+99. (Чжан Лина Инновационная интерпретация повествовательного искусства Достоевского в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского // Экзаменационный еженедельник. – 2015. – №50. – С. 31–99.)

6. 张牧雪. 19 世纪俄国文学中“流放地”的多重构建[D]. 东北师范大学, 2016. (Чжан Мусюй Многоаспектная структура «исправительных колоний» в русской литературе XIX века. Северо-Восточный педагогический университет. – Чанчунь, 2016.)

7. 尚显成.再论《死屋手记》对人性的解剖——陀思妥耶夫斯基系列研究之二[J].襄樊职业技术学院学报, 2008(05): 114–116. (Шан Сяньчэн Повторное обсуждение анатомии человеческой природы в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского // Вестник Сяньфаньского профессионально-технического колледжа. – 2008. – №5. – С. 114–116.)

Li Meijia,

Cao Haiyan

Dalian University of Technology

"Notes from a Dead House": A Review of Studies by Chinese Scholars

This paper looks into the analysis of Dostoevsky's novel "Notes from a Dead House" by Chinese scholars. The purpose of this paper is to discuss the focus and research directions of Chinese scholars studying "Notes from a Dead House". It has been noticed that there are few articles by Chinese scholars of Russian literature devoted to

the study of "Notes from a Dead House". The four directions of the research work are determined, and the problems that need further study are identified.

Keywords: Dostoevsky; "Notes from a Dead House"; Chinese scholars of Russian literature; review of studies.

Ли Сюеци

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

l17331938168@163.com

Диагностика упражнений по русскому языку в учебниках базового уровня «Новый Восток» для китайских студентов-филологов

Работа выполнена под руководством кандидата педагогических наук, доцента

Филипповой В.М.

Статья посвящена диагностике упражнений по русскому языку для студентов - филологов в Китае. В статье рассматриваются упражнения в учебниках базового уровня «Новый Восток» (1-4 том) с точки зрения их эффективности в обучении. Предложены методические рекомендации с целью повышения мотивации учащихся к изучению русского языка, улучшения качества упражнений по обучению русскому языку как иностранному в Китае.

Ключевые слова: обучение русскому языку как иностранному, диагностика упражнений, учебники «Новый Восток», мотивация.

При обучении РКИ важную роль играет диагностика как один из приемов контроля, анализа и своевременной корректировки. Диагностика упражнений по русскому языку даёт ключ к улучшению материалов, используемых в учебниках базового уровня «Новый Восток» и повышение мотивации учащихся к изучению русского языка. Следовательно, необходимость изучения постановки упражнений в учебниках представляется очевидной, а результаты научных работ, выполненных учёными как на национальном, так и на международном уровне, демонстрируют актуальность проведения соответствующих исследований.

Многие российские учёные в своих педагогических трудах затрагивают тему взаимоотношений между учебником, учителем и учащимся, а при анализе учебника большее внимание уделяется развитию и совершенствованию речевых навыков учащегося. Одной из важных методических проблем, связанных с содержанием обучения, является проблема его отбора.

Учитывая актуальную ситуацию преподавания и особенности учащихся в Китае, китайские специалисты разрабатывают и оформляют учебные материалы по русскому языку на основе зарубежных исследований. Ци Синьюань обсуждает разработку учебников, оценку материалов и упражнений в работе «оценка учебника русского языка в вузах на продвинутом уровне» (2004). Ци Синьюань подчеркивает, что на продвинутом уровне речевые навыки учащихся незначительно улучшаются под воздействием выбора тем содержания и составления упражнений, и предлагает включить содержательную речевую тренировку в систему упражнений учебника.

В труде «размышление об учебниках «Новый Восток» (1-4 том) и преподавании русского языка как иностранного» (2011) Линь Ли пишет, что при составлении упражнений автору необходимо спроектировать систему упражнений и определить типы упражнений с учётом развития индивидуальных и комплексных навыков учащихся по аудированию, говорению, чтению и письму, исходя из соблюдения принципа постепенности. Виды и содержание упражнений должны быть не только более инновационными, разнообразными и интересными, но и содержать множество коммуникативных речевых упражнений.

Согласно теории Щукина А.Н. упражнения делятся на языковые, речевые и условно-речевые. Языковые упражнения помогают учащимся формировать навыки (фонетические, лексические, грамматические). В учебниках часто встречаются следующие типы упражнений: имитативные, подстановочные, трансформационные, упражнения на заполнение пропусков, на дополнение предложений, на расширение предложения, на конструирование предложения с заданными словами [1, с. 230]. Например, в учебниках «Новый Восток» показаны такие упражнения: закончите фразу в соответствии со смыслом высказывания. → Я учусь... Я приехал... В нашей группе...; вставьте в пропуски словосочетания, данные в скобках, в нужной форме с предлогом в или на. → Он родился... (1999 год); употребите временные сложноподчинённые предложения с союзом когда или пока в следующих ситуациях. → Идёт устный экзамен. Преподаватель просит студентов не шуметь в коридоре.

Речевые упражнения ориентированы на развитие и совершенствование речевых умений на основе приобретенных знаний. Выделяются следующие виды упражнений: вопросно-ответные, репликовые, условная беседа, пересказ, описание, дискуссионные и ситуативные упражнения, устный рассказ [1, с. 231]. Например, в учебнике «Новый Восток» (2 том) содержатся ситуативные упражнения: составьте диалог по следующим ситуациям; описание: выполните задание по картинке, назовите профессию и возраст следующих людей и опишите их внешность и характер, используя следующую лексику (весёлый, счастливый, грустный, добрый, интересный, скучный).

Первая часть учебника «Новый Восток» направлена на учащихся начального этапа обучения, в связи с чем в упражнениях преобладает имитативный характер (таблица 1) и доминирует правильное чтение слов вслух для фонетической интонации, а учащиеся еще не обладают достаточными знаниями лексики и грамматики, чтобы иметь возможность обобщать текст. Например, слушайте и повторяйте. →п-м ап - ап - ап оп ; слушайте, повторяйте и обращайтесь внимание на произношение ударных слогов.

→ папа, мама, поэт, Эмма.

Таблица 1

Урок	1	2	3	4	5	6	7	8
Сумма упражнений	15	21	22	24	22	24	24	30
Имитативные упражнения	14	12	8	11	10	8	6	0
Процент	93%	57%	36%	46%	45%	33%	25%	0

Во второй части типы упражнений начинают становиться более разнообразными и увеличивается доля речевых упражнений. Пропорция вопросов, заданных когда-либо, составляет 8/11, такие упражнения основаны по теме "Рабочие дни", в них говорится о времени просыпания, обеда, сна. Например, задавайте друг другу вопросы и отвечайте на них. → Когда вы встаёте? Когда вы встали сегодня? Когда вы выходите из дома? Кроме того, предлагаются языковые упражнения, в основном в форме заполнения бланков. К примеру: используйте подходящие фразы и заканчивайте небольшой диалог. → ____? – Меня зовут Эмма. – ____? – Да, у нас сейчас экзамены. – ____? – Мы сдали 3 экзамена. – ____? – Я сдаю неплохо [2, с. 6].

В третьей части речевая тренировка основана на перефразировании монолога и ситуативном общении, а также на устном самовыражении. Например, замените в диалогах, где возможно, слова и словосочетания синонимичными; постарайтесь передать содержание диалогов в форме монолога; составьте свои диалоги по аналогии с данными и разыграйте их. В книге также есть упражнения, направленные на развитие у учащихся умения отражать собственную точку зрения и ясно мыслить в своей речи. К примеру: Согласны ли вы со следующими утверждениями? Если нет, выскажите своё мнение. → Молодой человек улыбался, потому что добрая женщина открыла окно.

В четвертой части добавляются упражнения дискуссии и устные рассказы, дебаты и т.д. Например, сделайте небольшое устное изложение на одну из предложенных тем и на основе этого напишите сочинение: Москва – мой любимый город; родной город в моих глазах; подумайте, аргументируйте: понравилась ли вам эта сказка? Почему? Почему Данила настойчиво просил показать ему каменный цветок, не боясь, что он не вернётся [3, с. 54]. Диагностика упражнений по русскому языку в учебниках базового уровня «Новый Восток» в исследованиях китайских ученых показывает, что отбор упражнений в основном эффективен и выявляет следующие проблемы.

Во-первых, считаем, что сумма упражнений по письму занимает незначительное

место в учебниках. Объем материалов для обучения письму должен увеличиваться по мере повышения ступени обучения (таблица 2). В частности, упражнения по письму как средство проверки позволяют учащимся тщательно обдумывать употребление слов, фраз и способствуют их длительному запоминанию, что позволяет педагогам легче выявлять и исправлять ошибки в речи учащихся.

Таблица 2

	Сумма речевых упражнений	Сумма упражнений по письму	процент
Часть 1	243	18	7.41%
Часть 2	265	24	9.06%
Часть 3	257	18	7.0%
Часть 4	184	19	10.33%

Во-вторых, многие преподаватели и учащиеся считают, что некоторые упражнения по переводу представляют собой сложную задачу. Переводные упражнения развивают у учащихся способность свободно использовать русский язык, но если упражнения оказываются слишком трудными или даже выходят за рамки возможностей учащихся, это может повлиять на их мотивацию к изучению русского языка.

В-третьих, по нашему мнению, слабое разнообразие упражнений не способствует повышению мотивации учащихся. Например, доля заданий с множественным выбором и заданий с фиксированным предложением невелика, а объем заданий на распознавание, продолжение предложений больше. Кроме того, по отзывам некоторых преподавателей, что в учебниках не хватает упражнений на синонимы и т.д., что не способствует усвоению лексики учащимися.

В-четвертых, существует слишком мало содержательных речевых упражнений, гораздо больше языковых (таблица 3). В данном случае предлагается скорректировать соотношение между двумя видами упражнений.

Таблица 3

	Сумма языковых упражнений	Процент	Сумма речевых упражнений	Процент
Часть 1	538	68%	243	32%
Часть 2	344	56%	265	43%
Часть 3	320	55%	257	44%
Часть 4	345	65%	184	34%

Вышеизложенные недостатки предполагают внесение конструктивных

изменений в процесс обучения русскому языку как иностранному, в связи с тем мы сформулировали некоторые методические рекомендации, способствующие их устранению:

1. Повышение пропорции письма. Письмо помогает учащимся повысить точность использования русского языка и расширить диапазон его применения. В разговорной речи используется, как правило, простая лексика и шаблоны предложений, а в письменной - разнообразная, и обучение письму также помогает учащимся улучшить способность логически мыслить и анализировать проблемы.

2. Уменьшает сложность перевода. На современном этапе в группе сосуществуют учащиеся с нулевым и ненулевым уровнем владения языком, поэтому для того, чтобы сложность перевода отвечала способностям учащихся, считаем, что педагогам следует проявлять гибкость в зависимости от реальной ситуации учащихся в группе, например, используются более подходящие и эффективные методы обучения.

3. Устанавливаются разнообразные типы упражнений. Коррекция проблемных предложений является эффективной формой тренировки для студентов, чтобы научиться правильно выражать свои мысли на русском языке. Рекомендуется разработка некоторых коррекционных упражнений и добавление ряда лексических упражнений. Например, в третьей части желательно добавить упражнения на синонимию и антонимию: идти - брести, отойти - уйти.

4. Увеличение количества речевых упражнений. В учебнике могут быть представлены такие упражнения, как описание, обсуждение и коммуникативные ситуации. Преподаватели могут объяснить различные типы упражнений и формы упражнений, чтобы повысить узнаваемость и интерес учащихся к упражнениям. Например, обсудите следующие вопросы:

- 1) В семье должно быть не меньше двух детей.
- 2) Мать не должна работать.

При выполнении таких упражнений, как дискуссии, коммуникативные ситуации, устные рассказы, преподаватели могут раздать учащимся фразы и тематическую лексику или назначить темы для обсуждения, ключевые слова для ограниченных выражений и т.д. Кроме того, размещение картинок или конспектов в заданиях, таких как дискуссии, описания и коммуникативные ситуации, также привлекает внимание учащихся к заданиям, а комментарии к нетипичной лексике в определенной степени уменьшают трудности учащихся при выполнении заданий и повышают их мотивацию.

Исходя из вышесказанного, учебник является неотъемлемым инструментом передачи знаний, соотношение и разнообразие типов упражнений, представленных в учебниках базового уровня «Новый Восток», может быть скорректировано для того, чтобы повысить мотивацию учащихся и позволить им лучше использовать их для тренировки.

Литература

1. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: Учебное пособие. – М., 2003.
2. 齐欣原. 对大学提高阶段《东方》俄语教材的评价[D]. 东北师范大学, 2004.
3. 史铁强总编. 史铁强, 张金兰分册主编. 大学俄语(东方新版)学生用书 1-4 册[M]. 北京: 外语教学与研究出版社, 2011.

Li Xueqi

Pushkin State Russian Language Institute

Diagnosis of Russian language exercises in basic level textbooks «New East» for Chinese language students

The article is devoted to the diagnosis of exercises in Russian language for students - philologists in China. The article considers the exercises in the textbooks of the basic level «New East» (1-4 volumes) from the point of view of their effectiveness in teaching. Methodological recommendations are offered in order to increase students' motivation to learn Russian language, to improve the quality of exercises for teaching Russian as a foreign language in China.

Keywords: teaching Russian as a foreign language, diagnosis of exercises, textbooks «New East», motivation.

Литвиненко Аделина Евгеньевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

DelyLitvinenkk@gmail.com

Лингвокультурные особенности театральных афиш России и Америки

Работа выполнена под руководством кандидата филологических наук, доцента

Пожидаевой Елены Валерьевны

Статья посвящена анализу современных театральных афиш России и Америки, выявлению их особенностей, а также сравнению национальной специфики плаката в обеих культурах.

Ключевые слова: театральная афиша, лингвокультурные особенности, театральные плакаты России и Америки.

По мнению К.В. Лапиной, театральная афиша – объявление о спектакле, реализованное или исключительно в текстовом варианте, или в виде изображения, дополненного текстом [5, с. 13]. Плакат не только обращает внимание потенциального посетителя на конкретный спектакль, но и несет на себе печать индивидуального стиля каждого театра, делая его узнаваемым и самобытным [1, с. 19]. Таким образом, афиша –

один из важнейших элементов театрального дискурса, имеющий не только прагматическую, но и культурную ценность.

Главная функция театрального плаката – реклама и привлечение зрителей, поэтому создатели обращают пристальное внимание на визуальные эффекты, текст и расположение элементов в пространстве. Нужно отметить, что современные театральные афиши – креолизованные тексты, так как в них вербальные и невербальные элементы, взаимодействуя друг с другом, составляют единое смысловое поле, оказывающее определенное воздействие на зрителя [2, с. 17].

Нельзя не упомянуть важную особенность театрального постера – его культурную и историческую обусловленность. По мнению Т.А. Вековцевой и О.А. Плотниковой, афиша представляется культурным и социальным феноменом, соединяющем в себе идеологический и культурный пласты, типичные для конкретного периода времени [9, с. 137]. В.Н. Дмитриевский отмечает, что при создании афиш важно учитывать зрительскую аудиторию: ее социально-демографические характеристики и особенности образа жизни. Все это подводит нас к мысли о том, что афиша – это не только рекламный текст, нужный для привлечения внимания, но и лингвокультурный феномен, отражающий характерные черты национальной культуры. Значит, способы оформления театральных афиш разных стран отличаются и напрямую зависят от особенностей эпохи и менталитета каждого государства.

Т.А. Вековцева и О.А. Плотникова отмечают, что все плакаты России делятся на два типа – «масс-маркет» и «креативный» [9, с. 138]. Первые рассчитаны на массового потребителя, поэтому обычно имеют незамысловатый дизайн с коллажами или фотографиями артистов, декораций или конкретных сцен из спектакля и простую композицию. Такие афиши построены на прямой аналогии: постер сообщает основную информацию о месте, времени и дате проведения спектакля. Вторые, более сложные и оригинальные, создаются с использованием символов, иносказаний. Их цель – не только проинформировать, но и передать «эмоциональную картинку» спектакля и определенные режиссерские интенции. Каждый театр самостоятельно выбирает, какой тип плаката использовать, но, исходя из проведенного нами анализа, мы считаем, что в современной России тип «масс-маркет» преобладает в качестве афиш к спектаклям с именитыми артистами, что объясняется потребностью известить об участии известных актеров и тем самым привлечь больше посетителей. Мы предполагаем, что в основном данный «шаблон» в оформлении афиш используется с комедийными, легкими спектаклями, которые преследуют цель развлечь, а не натолкнуть на философские

размышления (соответствующие выводы сделаны исходя из наблюдений: из 50 афиш типа «масс-маркет» 28 были к комедийному спектаклю). «Креативный» вид, как правило, свойственен отдельным театрам, ставящим перед собой задачу показать оригинальность и нестандартность, графически выразить замысел постановки, привлечь внимание особого класса зрителей, который по достоинству оценит образность и нетривиальность как плаката, так и спектакля. Преимущественно «креативные» плакаты используются в современных, небольших, негосударственных или молодежных театрах, которым важно подчеркнуть свою нестандартность и неповторимость (из 50 афиш «креативного» типа 40 удовлетворили условия).

Основываясь на просмотренном материале и изучении особенностей театральной сферы Америки, мы можем условно разделить все американские постеры на две группы: плакаты коммерческих (For-profit theatres) и плакаты некоммерческих (Non for-profit theatres) театров. К первой группе мы относим театры «Бродвея», где показываются развлекательные спектакли ради главной цели – извлечь прибыль. «Бродвейские» театры не имеют постоянной труппы, режиссеров и репертуара, они арендуются для показа отдельных постановок, которые должны привлечь большое количество зрителей и стать популярными, чтобы продолжить функционировать. Борьба за зрительское внимание приводит к необходимости использования активной рекламы для привлечения аудитории. Данный факт объясняет важнейшую особенность театральных постеров коммерческих театров – упор на визуальную составляющую. Афиши таких постановок яркие, броские, похожие на постеры кинофильмов, с малым количеством текста – лишь важная информация, написанная крупным шрифтом, которая могла бы сразу заинтересовать зрителя [1]. На таких афишах можно заметить присутствие аттрактивных фраз-побудителей (интригующих слоганов: «The world's most popular musical!», «You can't stop the beat!») и отзывов известных критиков или журналов («The perfect musical. It's a gem!»), которые представляют постановку с положительной стороны.

Другой тип – плакаты некоммерческих театров, к которым относятся региональные и институтские организации, создающие помимо мюзиклов драматические постановки. Такой тип театров первоочередной задачей ставит художественные и эстетические цели, функционируя ради развития творческого потенциала. В связи с этим постеры отличаются метафоричностью и символизмом, на них используется больше текста, чем на «Бродвейских», преимущественно отсутствуют фотографии и даже упоминания имен артистов, так как театры этого типа стремятся с

помощью цветовой гаммы, шрифта и картинок выразить настроение спектакля, подчеркнуть самобытность театра и постановки.

Сравнительно-сопоставительный анализ

По словам Н.П. Гуры, в театральной сфере «нет единого устоявшегося комплекса представлений, как должен выглядеть...плакат» [3, с. 112]. Следовательно, даже в пределах одной страны не существует принятого шаблона, по которому должны быть организованы афиши. Нами был проведен сравнительно-сопоставительный анализ 100 театральных плакатов России (50 из них принадлежат типу «масс-маркет» и 50 – «креативному») и 100 афиш Америки (50 постеров коммерческих и 50 некоммерческих театров) за 2000-2022 годы.

Сходства:

1. Название постановки на постерах России и Америки представляет собой композиционный центр плаката – это яркий, контрастный, крупный шрифт, который заметен с первого взгляда. Данный прием объясняется особенностью человеческого восприятия информации: сначала замечается центральная часть композиции, а уже после взгляд обращается к остальным более мелким элементам. Так как информация о режиссере является менее значимым, но необходимым элементом, она указывается на афишах и России, и Америки под наименованием постановки или рядом более мелким шрифтом (условно в соотношении 2:1, где имя режиссера в два раза меньше).

2. Обращаясь к типу «масс-маркет» в России и к постерам коммерческих театров в Америке, нужно заметить, что в обеих странах на таких афишах регулярно используются фото актеров, изображающих определенное душевное состояние, которое зависит от жанра постановки (например, на 35 из 50 афиш «Бродвея» в Америке, на 47 из 50 комедийных постерах в России были фото артистов). Позы, мимика и эмоции на постере оказывают положительное влияние на восприятие зрителей, предупреждают о жанре спектакля, выражают общее настроение представления. Эмоциональный фон передается через игру цвета (совмещение контрастов, выделение элемента), стилизованность шрифта (использование каллиграфии, добавление буквам «движения», то есть расположение их не в одной строке), символы, перекликающиеся с сюжетом произведения.

3. Качественные прилагательные со значением оценки «бессмертный», «лучший», «the best», «the most popular» используются на афишах обеих стран. С точки зрения Т.Б. Колышкиной и И.В. Шустинной, такие оценочные прилагательные в рекламе создают «эффект преимущества» конкретного продукта над другими. Это позволяет

убеждать зрителей, обращать их внимание на постановку и усиливать их желание посетить театр.

Различные черты:

1. Упоминание актерского состава: если на афишах России всегда можно заметить информацию об актерском коллективе (это относится к обоим типам плакатов), то на плакатах Америки этот элемент встречается редко (из 100 афиш только на 18 упоминается труппа). Это связано, во-первых, с тем, что в Америке нет постоянных трупп – актеров набирают для конкретного спектакля, поэтому в большинстве случаев зрители не знают артистов, которые будут играть, и необходимость указывать имена на афише пропадает [7]. Безусловно, встречаются американские плакаты с указанием труппы, но только в тех случаях, когда артисты широко известны (например, из кинематографа) – это характерно в основном для «Бродвея».

2. На русскоязычных афишах может опускаться время начала спектакля, так как традиционно постановки в России начинаются в 18.00 или 19.00 (если в другое время, это обязательно отмечается на афише). На американских театральных постерах практически всегда присутствует информация о времени начала спектакля в силу того, что нет четко закрепленной традиции (Mon-Sat 7.30 pm, Wed & Sat matinee at 2.30 pm) [2, с. 19].

3. На афишах Америки всегда отражается информация о продолжительности присутствия спектаклей в репертуаре: указывается два числа, играющих роль границ начала и конца показов постановки (May 13 – June 11, March 11 – April 10), что отсутствует в российской практике. Данный факт объясняется непохожим устройством театральных организаций: если в России применяется репертуарный подход, то есть существует постоянный репертуар, который транслируется из года в год с небольшими изменениями, то в большинстве американских театров спектакль показывают до тех пор, пока он приносит кассовые сборы, поэтому возникает потребность указать даты показа постановок для оповещения зрителей и побуждения их к покупке.

4. Грамматическая структура упоминания имени режиссера различна: на Американских афишах используется пассивный залог, состоящий из причастия прошедшего времени *directed/created* и инструментального предлога *by*, на Российских плакатах преобладает существительное «режиссер» и знак тире после (например, «*directed by Danielle Dwyer*», «*created by Robert Icke*» и «режиссер – Роман Виктюк», «режиссер – Виктор Рыжаков»). Мы предполагаем, что различие в структуре построения связано с разным восприятием концепта «режиссер»: если в Америке

важно действие, которое совершается над спектаклем, то есть режиссер – тот, кто создал постановку, то в России подчеркивается именно социальная роль и ее место в иерархии театра.

5. На афишах Америки не встречается слово «премьера», которое регулярно используется в России. Оно способствует появлению интереса к постановке, усилению желания прийти на спектакль, так как подразумевает под собой первый публичный показ, «новинку», то есть то, что еще никто не видел. Функцию слова «премьера» на американских афишах выполняют яркие и эмоциональные слоганы («Passion forever», «The sun will come out») или словосочетания («New adaptation», «The American classic never looked this good», «New musical»).

Таким образом, афиши России и Америки, безусловно, имеют сходства, так как представляют собой единый жанр рекламы и выполняют функцию привлечения зрителей. Но при этом постеры рассматриваемых стран глубоко различны и уникальны, ведь имеют особые индивидуальные характеристики, связанные с обычаями и образом мыслей конкретной культуры.

Литература

1. Афанасьева А.Б., Шабанова А.А. Рекламно-информационная графика для театра: отечественный и зарубежный опыт. – СПб : РГПУ им. А.И. Герцена, 2016. – 8 с.
2. Горбик А.А. Театральная афиша как рекламный текст. – Москва : МГПУ, 2019. – 26 с.
3. Гура Н.П. Эволюция театрального плаката: путь от транслитерации к режиссуре – Москва : ГИТИС, 2014. – 20 с.
4. Дмитриевская М.Ю. «Театр – это ритуальное действие, а плакат – это короткое обещание счастья» [Электронный доступ]. // «Петербургский театральный журнал», 2019. – Режим доступа: <https://ptj.spb.ru/archive/95/volume-and-plane/teatr-eto-ritualnoe-dejstvie-aplakat-eto-korotkoe-obeshhanie-schastyia/#> (дата обращения: 03.01.2023)
5. Лапина К.В. Театральная афиша в России: опыт истории от возникновения до 20-х годов XX века. – Москва : ГИТИС, 2008. – 184 с.
6. Самитов Д.Г. Актуальные проблемы репертуарного театра США. Американский “Консерваторный” театр. // «Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой» – №3. – Москва, 2019. – 11 с.

7. Фарятьев А. США: Обреченные на независимость [Электронный доступ]. // Электронный журнал «Театр», 2018. – Режим доступа: <https://oteatre.info/usa-obrechennye-na-nezavisimost/> (дата обращения: 25.02.2023)
8. Thompson J. National Theatre Posters: A new exhibition explores how to make the perfect theatre poster [Электронный доступ]. // «Evening standard», 2017.07.10. – Режим доступа: <https://www.standard.co.uk/culture/theatre/national-theatre-posters-a-new-exhibition-explores-how-to-make-the-perfect-theatre-poster-a3648591.html> (дата обращения: 10.01.2023)
9. Vekovtseva T.A., Plotnikova O.A. The Role of Creative Concept and Speech Organization in the Creation of Modern Advertising Posters. // Journal of Education and Human Development. – Vol.8 – Texas, 2019. – 10 с.

Litvinenko A.E.

Pushkin State Russian Language Institute

Linguistic and cultural features of theatrical posters in Russia and the USA

The article is devoted to the analysis of modern theater posters of Russia and America, identifying their features, as well as comparing the national specifics of the poster in both cultures.

Key words: theatrical poster, linguistic and cultural features, theatrical posters of Russia and America.

Личутина Стефания Викторовна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
lichutina.stefa@yandex.ru

Образ природы в поэзии узников СЛОНа

Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора
Савченко Татьяны Константиновны

Для многих заключенных СЛОНа творчество стало возможностью выговариваться, делиться своими мыслями и чувствами. В их лирике очень часто появляется образ природы в разных обликах. Это неудивительно, так как на Соловках узники оставались наедине с ней, и она по-разному откликалась в их творчестве.

Ключевые слова: литература, ГУЛАГ, лирика, Соловки, XX век.

Такая, видно, полоса.

Но тяжелей мне год от года —

Реки бесплодная коса,

Задернутые небеса —

Вся эта мертвая природа.

Александр Панкратов

Соловецкие лагеря отличались от исправительно-трудовых лагерей, созданных

позже, уже в 1930-е гг. На Соловки ссылали социально разнородное население, так называемые «паразитические элементы» общества. К ним большевики относили «интеллигенцию, аристократию, священников и верующих, учителей, литераторов, актёров, артистов, художников, крестьян-землевладельцев, высококвалифицированных ремесленников». Именно поэтому на Соловках сложился относительно свободный культурный «климат» [3, с. 44].

Для многих заключенных СЛОНа творчество стало возможностью выговариваться, делиться своими мыслями и чувствами. Строки стихотворений старались сохранить и передать на волю. Например, заключенные, рассчитывая на неосведомленность лагерного начальства, вставляли в письма свои стихи, выдавая их за строки А. Твардовского, А. Блока или других известных поэтов.

Многие писали стихи и даже публиковали их в журнале «Соловецкие острова», который выходил в 1925–1930 гг. Среди профессиональных опытных поэтов, тех, кто печатался до лагеря, выделялись М. Вороной, Л. Могилянская, Ю. Казарновский, В. Кемецкий. Последнего признавали самым «настоящим», ценили. Когда кто-то получал посылки, старались подкармливать поэта в меру своих возможностей. Владимир был раним и искренен, сразу реагировал на несправедливость и грубость, сокамерники старались его заслонять, защищать.

Тематика стихов, представленных в журнале Соловецкого лагеря, довольно разнообразна: описание жизни в заключении, рассуждения о настоящем и прошлом, элегические размышления о жизни и вере, беседы с Богом, любовная лирика. И изображение природы архипелага проходит красной нитью через все эти темы.

Образ природы складывается у каждого поэта уникальный. Так, у Бориса Евреинова в стихотворении «Воскресным днем» лирический герой как бы погружен в пейзаж Соловков, застрял там безнадежно. Он бродит «бесцельно», в чем проявляется смиренное принятие своей драматической судьбы – характерная философско-тематическая особенность соловецкой поэзии [1, с. 79]:

Бродить бесцельно меж камней лишайных

Расписанных, как танки, в дикий цвет...

<...>

И выйдя к морю, стершему все грани,

Где на песке следы от неводов,

Прилечь под солнцем, грезя без желаний,

И слушать волн напевный часослов.

Здесь природа предстаёт спокойной, невозмутимой сопроводительницей лирического героя. В другом же его стихотворении природа становится частью истории Соловков и монастыря. Она является нам фантастическим местом [1, с. 80]:

*...А средь озер завороженных,
Укрытых, в дрему погруженных,
Скиты разбросаны в лесах.
И где-то в дебрях соловецких
Героев сказок наших детских
Курганы спрятали в потьмах.*

Интересно, что архитектура кремля часто уравнивается с могучестью природы, они сливаются воедино и дополняют друг друга. В стихотворении «Черное озеро» Бориса Радо также раскрывается мистическая атмосфера топоса Соловков, но здесь природа предстает как темное место, «ад», где «вот-вот <...> захохочет Мефистофель» [1, с. 82]:

*У ног Кремля, у самых стен,
Как ад, прикрытый плащаницей,
В безмолвной, черной пустоте,
Смежило озеро ресницы.*

Образ природы двойственен. Сначала поэт олицетворяет ее, но уже во второй строфе поэт делает акцент на эпитете «мертвый»:

*Отталый лед, как мертвый крик,
Ушедший в каменные кручи,
И ночь густая до зари
Сгибает тяжелой темью тучи.*

Холод, тишина, темнота. Неслучайно в стихотворении появляется черт, именно он и управляет мировым порядком, он «сброшенным плащом покрыл и озеро, и небо». Радо использует антитезу, чтобы раскрыть мысль об абсурдности и необъяснимости реальности: «...ночь на озере Святом / Купили водяные черти».

Эпитет «мертвая» появляется и в стихотворении Александра Панкратова [2], которое поэт написал в последний год существования «Соловецких островов». Образ природы становится и отражением самоощущения лирического героя, и причиной его чувств:

*...Такая, видно, полоса.
Но тяжелей мне год от года —*

*Реки бесплодная коса,
Задержанные небеса —
Вся эта мертвая природа.*

В цикле сонетов «Соловки» Георгия Русакова, который посвящен узникам еще монастырской тюрьмы, последний «О твердости, упорстве и терпении...» может быть прочитан как поэтическое завещание. В нем поэт призывает, олицетворяя камни, которые становятся носителем памяти мук и страданий, голосом «ушедших поколений» [1, с. 84]:

*...И слушайте, волнение сжав в тисках,
Как о судьбе ушедших поколений
Вещает каждый камень в Соловках.*

Интересные моменты содержит стихотворение без названия («Тяжело сдавили своды»), написанное в 1925 году Михаилом Фроловским [2, с. 33]. В этом стихотворении единственные персонажи, разговаривающие между собой – это Бог и камень; заключённые же изображаются как однородная масса – через образ тюрьмы, с помощью приёма синекдохи. Элемент «камень» в данном произведении выделяется как символический топос поэтического воображения многих заключённых Соловков, как и в предыдущем стихотворении:

*Спит тюрьма и тяжело дышит,
Каждый вздох – тоска и стон,
Неподкупный камень слышит,
Богу все расскажет он.*

В другом стихотворении Фроловского «Кресты» [1, с. 87] природа разнообразна и всеобъемлюща, сурова, люди в ней становятся лишними. Окружающий мир строг и противоречив. Выделяется оксюморон «пламень зари морозной». Здесь звучит «белых чаек крик тревожный», но берега «безлюдные, тихие». Все это помогает создать поэту атмосферу аномального, невозможного, пугающего пространства, перед которым человек бессилен.

Совершенно иной, живой и дающей жизнь природа предстает в стихотворении Николая Кирьянова [1, с. 96], которое посвящено архиепископу Вереysкому Илариону. Здесь природа становится символом любви, с помощью метафор она сливается с самоощущением лирического героя:

*Испуганным голосом сердце вскричало,
Ворвавшись насадой в метелистый гам:*

Не моя ли любовь лебединым причалом

Всегда приставала к твоим берегам.

И даже «северные стужи» и «сосновая глушь» не пугают, а становятся знаком сильных чувств. Основные цвета первой части стихотворения: красный, золотой, лиловый. Лирический герой восхищается светом летней природы, сравнивает ее с дворцом:

О, белые ночи, о лов окуневый,

Морошковый праздник – убранство болот.

<...>

И вереск лиловый нам под ноги стлался,

Он был нам дорожке бухарских ковров...

Но лишь в первой части стихотворения природа действительно красочная и гостеприимная, со смертью архиепископа, к которому обращается лирический герой, меняется и хронотоп. Белые ночи сменил «ранний закат», а затем и «сумрак», «холод железный».

Поэт-узник Юрий Казарновский [4, с. 58] сходным образом вступает в своего рода внутренний диалог как с духовными отцами (Зосимой), так и с красотой окружающей природы. При драматичности положения природа не пугает, а становится лишь фоном, который не связан со страшными людскими деяниями. Природа – мудрая наблюдательница, неслучайно поэт использует эпитет «седая»:

И часто ночью, легче дыма

И ночи северной седей,

Со мной беседует Зосима,

О сложной участи моей.

В стихотворении Владимира Кемецкого [2, с. 35], опубликованном в 1930 году, наряду с «вечером» главным героем произведения является луна, словно бы вступающая в символический диалог с лирическим «я» поэта.

Вечер в окно моё свесился,

Веткой лиловой глицинии

Чуть приподнявшийся светится

Месяц, задумчивый циник.

<...>

Лжива ирония месяца,

Миг необъятный восстанет –

*Вечер в окно моё свесится,
Снова беседовать станет...*

В этом произведении лирический герой переживает одиночество, а небесное светило наблюдает с высоты за человеческой драмой, но не испытывает сочувствия к поэту. Напротив, луна изображается циничной, насмешливой, ироничной, не принося никакого утешения.

В другом стихотворении «Песнь о возвращении» [1, с. 101] поэт будто рассказывает сказку-небылицу. Природа становится ретроспективной частью лагерного прошлого, настоящее – ожидание встречи с любимой, которой он обязательно расскажет о том, что он видел на Соловках, как он «слишком много ночей <...> вникал в зимних звезд ледяную игру», вспоминая ожерелья возлюбленной. Природа сильнее человека, неслучайно два раза в стихотворении повторяется «Разбиваются в море льды» и «Разбиваются льды, звеня...». Поэт также обращает внимание и на звуки и запахи – их нет, усиливает ощущение пустоты перечисление:

*...И прочту я тебе стихи
О стране, где не пахнут цветы,
Не поют по утрам петухи,
Не шуршат по весне листья.*

Также природа предстает нам прозаично, как источник материалов для людей:

*Расскажу тебе про народ
Неприветливых этих мест –
Он отважно и просто живет,
Бьет тюленей и рубит лес.*

Таким образом, образ природы островов в стихотворениях узников лагеря раскрывался по-разному. Основные признаки Соловков, которые описывают поэты, составляют единое целое – камни, льдины, Белое море, озеро, ветер, зима, лес, чайки, солнце, песок, невидимый материк, зимняя и белая ночи.

Природа двойственна, противоречива, вызывает разные эмоции и играет разную роль. Поэты описывают ее в несходных ситуациях: внутренний протест, смирение, обращение к богу, влюбленность. Важно отметить оппозиции: человек как часть стихии и человек беспомощный, противопоставленный ей; природа мертвая и живая, мистическая и во всем предсказуемая; ночь темная и ночь белая; холодная зима и светлое лето, обновление; природа как внутреннее спасение и место для жизни, возможность сбежать из страшной реальности и, наоборот, природа как часть системы,

которая подавляет беспомощного человека, природа как препятствие.

Литература

1. Астренко Е.А. [и др.] Волны времени. Соловки в русской поэзии. – Архангельск : ООО «Типография А4», 2018. – 188 с.
2. Пьералли К. Поэзия узников соловецких лагерей: несколько замечаний к теме // Воспоминания соловецких узников 1923–1939 гг. / отв. ред. иерей Вячеслав Умнягин. – Соловки: Изд. Соловецкого монастыря, 2017. – Т. 5: 1927-1933. – С. 32-43.
3. Разбиваются в море льды... (стихи заключенных СЛОНа из архива А.В. Мельник). [Электронный ресурс] // Альманах «Соловецкое море». 2004. №3. // Официальный сайт Товарищества Северного Мореходства. – Режим доступа:
<http://www.solovki.info/?action=archive&id=236> (дата обращения: 30.10.2022).
4. Тюкина С.Л. Теперь вы в Соловках (лирика времен СЛОНа). [Электронный ресурс] // Альманах «Соловецкое море». 2003. №3. // Официальный сайт Товарищества Северного Мореходства. – Режим доступа:
<http://www.solovki.info/?action=archive&id=174> (дата обращения: 30.10.2022).
5. Шеваров Д.Г. Стихи, прижатые к сердцу. // «Российская газета», 2014.23.09. [Электронный ресурс] // Религиозная организация «Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)». – Режим доступа: <https://solovki-monastyr.ru/library/1272/> (дата обращения: 30.10.2022).

Lichutina S.V.

Pushkin State Russian Language Institute

Nature image in the poetry of SPC prisoners

For many SPC prisoners making art has become an opportunity to speak out, to share their thoughts and feelings. In their lyrics the image of nature very often appears in different guises. This is not surprising since the Solovki prisoners were left alone with the archipelago's nature, and it is depicted differently in their work.

Key words: literature, Gulag, lyrics, Solovki, XX century.

Лушева Анастасия Александровна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
lusheva.nast@yandex.ru

Классификация маркеров обратной связи в устном спонтанном диалоге по признаку конвенциональности

Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Богуславской Веры Васильевны.

В статье на материале устного спонтанного диалога рассматриваются эксплицированные варианты обратной связи – маркеры обратной связи. Под обратной связью понимается коммуникативный феномен, имманентно присущий устному диалогическому взаимодействию, сопровождающий процесс восприятия речи и проявляющийся в виде ответной реакции. Показывается, что обратная связь – инвариантная единица языка, имеющая различные по лексической наполненности варианты. В связи с чем даётся уровневая классификация маркеров обратной связи по степени конвенциональности.

Ключевые слова: обратная связь, маркеры обратной связи, устный спонтанный диалог.

Диалогическое коммуникативное взаимодействие является базовым элементом любого общения: межкультурного, делового, бытового. Кроме того, диалог – наиболее естественное проявление языковой активности. Координация диалога происходит за счёт многих средств, одним из которых является обратная связь. Формальным выражением обратной связи считаются маркеры обратной связи, которые обеспечивают диалог. Отсутствие формального выражения обратной связи в диалоге может привести к коммуникативной неудаче, так как будет отсутствовать его координация. Важным условием успешной коммуникации является адекватность общения, а обратная связь – это её экспликация.

Обратимся к постулату Ю. М. Лотмана: «Целью коммуникации, как подсказывает само слово *community*, что означает общность, общение, является **адекватность общения**» [3, с. 88]. Адекватность общения подразумевает, что между участниками будет происходить процесс взаимопонимания, то есть адекватность обеспечивает интерактивность мышления – один из основных признаков в понимании диалога в рамках иррационалистического подхода. Если коммуниканты по каким-либо причинам не в состоянии друг друга понимать, то коммуникацию можно считать неуспешной. Адекватность коммуникации является базовым для данного исследования понятием, поскольку адекватность общения обеспечивает продолжение коммуникации, выстраивает путь к достижению коммуникативной задачи и/или цели. А обратная связь – это экспликация адекватного течения коммуникации. Например, союз «и» в ответных репликах эксплицитно реализует отношения контраста между частями высказывания, тем самым, показывая взаимосвязь реплики одного говорящего с другим, а значит, и адекватность коммуникации [1].

В данной статье диалог рассматривается как коммуникативный процесс взаимодействия языковых личностей для реализации достижения коммуникативной цели. В течение указанного взаимодействия между участниками неоднократно

происходит мена ролей. В прототипическом диалоге активный участник диалога развивает линию дискурса, а пассивный – поддерживает коммуникацию в какой-либо релевантный момент с помощью обратной связи. Активный участник диалога выражает это, как правило, с помощью знаменательных языковых средств, а пассивный – с помощью комплекса различных дискурсивных маркеров обратной связи. В релевантных для коммуникантов ситуациях возможна смена ролей и очередности разговора.

Впервые термин «обратная связь» (Backchannels) введён в науку В. Ингве в 1970 году. Позднее термин осмыслялся многими исследователями, каждый предлагал собственное определение этого явления. Понятие «обратной связи» может быть осмыслено с разных сторон. Проанализировав различные определения обратной связи, обратимся к самому часто встречаемому. Как правило, под обратной связью понимаются короткие дискурсивные слова (*aha*, *мим* и т. д.), посредством которых получатель информации сообщает участнику коммуникации о своей способности и готовности к общению, восприятию информации и к её пониманию [6].

И.М. Кобозева, О.О. Иванова, Л.М. Захаров в статье «К мультимодальному моделированию верификативных дискурсивных маркеров в русском диалоге» предлагают следующее понимание **дискурсивных маркеров обратной связи**: «короткие вербальные или невербальные ответные реакции, которые используются Слушающим для выражения позитивного внимания к Говорящему без каких-либо попыток поменяться с Говорящим ролями» [2, с. 7].

Однако функционирование обратной связи не ограничивается лишь одними короткими вербальными или невербальными ответными реакциями, ведь **адекватный** ответ на реплику – это тоже одно из проявлений обратной связи, причём этот ответ может быть отнюдь не коротким. Следовательно, для удобства в исследовании феномена обратной связи можно выделить два понимания – широкое и узкое:

1. обратная связь (шир.) – коммуникативный феномен, имманентно присущий устному диалогическому взаимодействию, сопровождающий процесс восприятия речи и проявляющийся в виде ответной реакции [4, с. 32];
2. обратная связь (узк.) – коммуникативный феномен, формально реализующийся в коротких дискурсивных словах, продуцируемых пассивным участником коммуникации для выражения некоторых оттенков значений (понимание, согласие, несогласие, эмоциональная оценка и т. д.) в процессе речи, при этом участники коммуникации не меняются ролями.

В данном исследовании мы отдаём предпочтение первому определению, так как оно охватывает все аспекты феномена обратной связи и описывает специфику этого приёма: неотделимость от процесса коммуникации, «встроенность» в неё, превалирующее использование в устной речи, продуцирование воспринимающей стороной, ответная форма, отсутствие указания на способ продуцирования (вербальный или невербальный). Несмотря на то, что определение маркеров обратной связи, данное И.М. Кобозевой, О.О. Ивановой и Л.М. Захаровым, относится к узкому подходу, в исследовании оно также будет использоваться в случаях, когда в анализируемом фрагменте встретятся дискурсивные слова, соответствующие определению, сформулированному И.М. Кобозевой, О.О. Ивановой и Л.М. Захаровым.

Материалом настоящего исследования послужили видеозаписи, фиксирующие устную речь. С помощью видеосъёмки зафиксированы сконструированные коммуникативные ситуации, заданные определёнными условиями. Для проводимого нами исследования такой материал представляет интерес, потому что в рамках определённой коммуникативной ситуации говорящие должны решить определённую коммуникативную задачу – это обеспечивает спонтанность устного диалога, в рамках которого мы можем выявить случаи реализации обратной связи, не созданные искусственно. Условия запрограммированы таким образом, чтобы объект исследования как можно чаще актуализировался в зафиксированном коммуникативном взаимодействии. Это позволяет решить задачу исследования – дать уровневую классификацию маркеров обратной связи по степени конвенциональности.

Инвариантное понятие обратной связи невозможно без её формальных выражений (вариантов) – маркеров обратной связи, которые обеспечивают движение диалога. Они, как и любая другая единица языка, могут быть семантически наполненными по-разному. Например, лексическое значение маркера обратной связи *конечно* очевидно и достаточно наполнено. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой у этого слова есть три значения:

Конечно [шн]. 1. вводн. сл. Само собой разумеется, без сомнения. Он, к. прав. 2. Частица. Употр. при утверждении, подтверждении, да, разумеется. Вы любите музыку? – К. 3. Выражает сомнение, уверенность в обратном (разг.ирон.). Бросаю курить, последняя сигарета. – К.! (т. е. очень сомневаюсь, не верю).

Таким образом можно увидеть, что лексема *конечно* может функционировать и как полноценный член предложения (Вы любите музыку? – Конечно.), и как вводное слово (Он, конечно, прав).

Но если попробовать найти в толковом словаре частотный в употреблении маркер обратной связи *миш*, то нужной статьи не найдём. Тем не менее при использовании этой единицы в речи говорящий и слушающий понимают её функциональное значение.

Проанализировав ряд маркеров обратной связи и определив, что каждый маркер по-разному передаёт некоторую информацию, мы выявили их классификацию **по степени конвенциональности**. Все маркеры обратной связи можно поделить на 5 уровней:

1. маркеры обратной связи **первого** уровня конвенциональности;
2. маркеры обратной связи **второго** уровня конвенциональности;
3. маркеры обратной связи **третьего** уровня конвенциональности;
4. маркеры обратной связи **четвертого** уровня конвенциональности;
5. маркеры обратной связи **пятого** уровня конвенциональности.

Уровневая классификация распределяет варианты маркеров обратной связи от максимально семантически идентифицированного до варианта с минимальным слоем значения. Далее – примеры с реализацией инварианта со значением выражения понимания на разных уровнях конвенциональности.

Пример маркера обратной связи **первого** уровня конвенциональности:

Sb2 (SS): Студентка первого курса PR-отделения просит передать информацию, что будут какие-то карточки, в которых будет что-то зачеркнуто {laugh}

Sb3 (AB): Поняла (с кивком).

Маркеры обратной связи первого уровня конвенциональности отличаются тем, что это сочетание второго уровня с четвертым или пятым (см. ниже), то есть сочетание самостоятельной лексемы с дискурсивным словом или с невербальным выражением обратной связи (более подробное описание см. далее). Такие маркеры максимально интенсифицируют выражение понимания.

Пример маркера обратной связи **второго** уровня конвенциональности:

Sb1: э, пускай тогда ээ послед=ну вот карточки вертикальные э, где квадрат кверху, они будут первые три. Карточка квадратная, которая не прямоугольная, будет э пред э третьей с ээ ...

Sb2: ...конца.

Sb1: ...конца, да.

Sb2: Поняла.

Данный пример демонстрирует маркер обратной связи *поняла*, который мы относим ко второму уровню конвенциональности. Во-первых, перед нами вербальный вариант инварианта ‘понимание’, а во-вторых – лексема с самостоятельным лексическим значением – ‘уяснить значение чего-нибудь, смысл чьих-нибудь слов, поступков’ [5, с. 605]. Таким образом, основополагающие признаки маркеров обратной связи второго уровня конвенциональности – это вербализованность и самостоятельность лексического значения. Однако невербально выраженный компонент в таком типе маркеров обратной связи отсутствует.

Пример маркера обратной связи **третьего** уровня конвенциональности:

Sb1 (OL): *Ты будешь здесь перед нами. Информация такая...{sg} Наташа Сидоровская...*

Sb2 (OP): ***мцм*** (с кивком).

Реализация инварианта ‘понимание’ с помощью дискурсивного слова *мцм* относится к третьему уровню конвенциональности. Как и во втором уровне, мы видим вербализованный вариант, однако теперь этот вариант относится к разряду дискурсивных слов – прагматический класс слов, не имеющих собственно лингвистического значения (отсутствует денотат и сигнификат) и помогающий в оформлении устного дискурса. При этом дискурсивное слово, реализуемое как маркер обратной связи, используется с каким-либо невербальным элементом, например, с кивком. С помощью такого сочетания происходит интенсификация значения по двум каналам связи, но слой лексического значения вербальной составляющей не заполнен.

Пример маркера обратной связи **четвертого** уровня конвенциональности:

Sb1: *В общем, сначала идет отрезанный ээ ромб.*

Н: мцм.

Sb2: *И больш= большой ээ пласт такой непонятной фигуры.*

Sb1: ***мцм.***

Функционирование маркеров обратной связи четвертого уровня заключается в том, что для реализации определённого значения используется только лишь дискурсивное слово. Следовательно, информация передаётся с помощью вербального канала связи и не интенсифицируется другим.

Пример маркера обратной связи **пятого** уровня конвенциональности:

Sb1 (OL): *Сонь, тебе щас передадут информацию – её нужно передать следующему человеку.*

Sb3 (SB): **кивок.**

Специфика функционирования маркера обратной связи пятого уровня конвенциональности состоит в том, что для реализации значения в коммуникативной ситуации используется лишь невербальный канал связи. Удачное использование такого маркера обратной связи возможно в ситуации непосредственного общения и невозможно в опосредованном (например, при телефонном звонке).

Обратная связь – это фундаментальный в коммуникативном взаимодействии феномен, который в первую очередь нужен для координации собеседниками диалога. Маркеры обратной связи не могут быть использованы в любой момент коммуникации, они актуализируются говорящими в определённые, релевантные для собеседников моменты. Таким образом, использование маркеров обратной связи разных уровней конвенциональностей является вариантно-инвариантной единицей, а значит, взаимозаменяемой. Выбор варианта зависит от многих факторов: коммуникативная ситуация, цель коммуникации, индивидуальные особенности говорящих.

Литература

1. Богуславская В.В., Ерещенко М.В. Ответные реплики неформального интервью: союз «и» в когнитивном аспекте. // Фундаментальные исследования. – Москва, 2015. – № 2 (19). – С. 4350-4354.
2. Кобозева И.М., Иванова О.О., Захаров Л.М. К мультимодальному моделированию верификативных дискурсивных маркеров в русском диалоге. – 2019. – 16 с.
3. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб. : «Искусство–СПБ», 2000. – 704 с.
4. Михалева О.Л., Чекмез У.Э. Организация устного диалогического дискурса: обратная связь и способы её экспликации [Электронный доступ]. // Научный диалог. – 2021. – №1. – С. 29-47. – Режим доступа: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-29-47> (дата обращения: 21.06.2021)
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – Москва : Азъ, 1992. – 908 с.
6. Kopp S., Allwood J., Grammar K., Ahlsen E., Stocksmeier T. Modeling embodied feedback with virtual humans. In J. G. Cardonell, & J. Siekmann (Eds.), Modeling communication with robots and virtual humans [Электронный доступ]. – Berlin, 2008. – Режим доступа: http://dx.doi.org/10.1007/978-3-540-79037-2_2 (дата обращения: 01.03.2023)

Classification of feedback markers in oral spontaneous dialogue on the basis of conventionality

The article deals with explicated feedback options - feedback markers based on the material of oral spontaneous dialogue. Feedback is understood as a communicative phenomenon that is immanent in oral dialogic interaction, which accompanies the process of speech perception and manifests itself in the form of a response. It is shown that the feedback is an invariant unit of the language, which has different variants in terms of lexical content. In this connection, a level classification of feedback markers according to the degree of conventionality is given.

Key words: feedback, feedback markers, oral spontaneous dialogue.

Малкина Дарья Дмитриевна

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
dashamalkina@inbox.ru

Хронотоп романа Новалиса «Генрих фон Офтердинген»

Работа выполнена под руководством кандидата филологических наук, доцента
Петривней Елены Капитоновны

В данной статье рассматривается хронотоп и его функции в романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген». Цель настоящей статьи – проследить взаимосвязь времени и пространства в романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген» и определить их роль в создании условий раскрытия характеров для подготовки восприятия читателя к последующим событиям произведения.

Ключевые слова: хронотоп, Новалис, романтизм, аллегория, сказочное пространство, золотой век.

В литературном энциклопедическом словаре представлено следующее определение хронотопа: «художественное время и художественное пространство – важнейшие характеристики образа художественного, обеспечивающие целостное восприятие художественной действительности и организующие композицию произведения» [2, с. 487]. В переводе с греческого хронотоп – это «время-пространство». Но время и пространство не существуют в художественном произведении отдельно друг от друга, они взаимосвязаны. «Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [1, с. 187].

Действие произведения начинается в пространстве комнаты Генриха: он мечтает о голубом цветке, засыпает и видит сон, где находит его. Так впервые вводится нереальное пространство: «Ему приснилась сначала *безграничная* даль и дикие *неведомые* места. Он переплывал моря с *непостижимой* легкостью; <...> Все ощущения достигли в нем *неведомой* до того напряженности. Он прожил *бесконечно пеструю* жизнь, умер и снова родился, любил с *безумной* страстью, и затем снова настала *вечная* разлука с возлюбленной» [3, с. 113]. Время во сне Генриха летит очень быстро. Выделенные эпитеты характеризуют сон как пространство необычайное и при этом требующее невероятного напряжения.

Далее герой словно просыпается в другом сне: «Наконец, под утро, когда стало светать...» [3, с. 113]. Огромные масштабы сужаются до пещеры, внутри которой герой находит в итоге голубой цветок. Время течёт здесь плавно, замедленно, будто вода в сверкающем бассейне, в который попадает Генрих: «он медленно плыл вдоль сверкающего потока», «его охватила нежная дремота, и ему снились неопишуемые происшествия» [3, с. 115].

Вскоре нам рассказывается сон отца – ещё одно сказочное пространство, но как будто оно частично совпадает с пространством сна Генриха. Генрих в своём сне приходит к «сверкающему потоку», у которого и растёт цветок, а отец через пещеру в горе попадает в место, где есть ручьи и цветы, среди которых есть «один особенный» – и уже становится понятно, о каком цветке идёт речь.

В таблице ниже приведен иллюстративный материал, выделяющий совпадения в рассказах Генриха и его отца.

Таблица 1

Сон сына	Сон отца
Приблизившись, он увидел мощный <i>луч</i> , поднимавшийся, как струя фонтана, до самого потолка.	Пещера была озарена ярким <i>светом</i> .
Он очутился на мягком <i>лугу</i> у края ручья, точно вливающегося в воздух и в нем исчезающего.	Я быстро направился к свету и вскоре очутился на <i>зеленой равнине</i> .
Но с наибольшей силой привлекал его <i>голубой цветок</i> , который рос у <i>ручья</i> . Цветок окружали бесчисленные <i>другие цветы</i> всевозможной окраски.	Всюду были <i>ручьи</i> и цветы; из всех цветов <i>один</i> понравился мне больше всего, и мне казалось, что все <i>другие цветы</i> склоняются перед ним.

Далее по сюжету Генрих отправляется с матерью на её родину, в местность, называемую Швабия, на юг Германии. Скажем также, что сам он вместе с семьёй живёт в Тюрингии. Здесь возникает хронотоп дороги, который становится очень важным, так как вводит дополнительные хронотопы. Генриху сопутствуют купцы, которые рассказывают ему различные истории. В их речи впервые возникает пространство Швабии: это рай на земле, где трудовая деятельность гармонично сочетается с развлечениями, а люди всегда спокойны и радостны.

По пути Генрих останавливается в замке, где встречает девушку аравийского происхождения Зулейму. Аравийские земли в её рассказе предстают романтическими красотами, где «природа кажется более человеческой и понятной», и создаётся впечатление «двойного мира». То, как Зулейма описывает их, характеризует её как поэтическую натуру, способную видеть скрытую красоту мира.

Необходимо упомянуть рудокопа, который увлекает Генриха своим описанием подземного пространства: это горы и пещеры, где добывается руда, подземный мир, полный своей поэзии. «Горное дело, сказал он, – пользуется благословением Господним. Ничто другое не дает счастья и не придает людям столько благородства. Никакое другое дело не укрепляет до такой степени веры в небесную мудрость, ничто так не сохраняет детскую невинность сердца, как работа в рудниках» [3, с. 188].

Эти два пространства предстают в описании настоящих поэтов по духу. Генрих впитывает в себя слова Зулеймы и рудокопа, чей взгляд на мир обучает его подлинной поэзии. «Генрих был рожден поэтом. Самые разнообразные обстоятельства соединились для его развития, и ничто не нарушало его внутренней отзывчивости. Все, что он видел и слышал, как бы отодвигало в нем новые засовы и раскрывало новые окна» [3, с. 223]. .

Ещё одно необычное пространство – книга, которую Генрих рассматривает в пещере у отшельника. Это пространство будущего героя, его дальнейшей судьбы как поэта, которая оказывается предначертана заранее.

Финальное реальное пространство – это Аугсбург в Швабии, где Генрих встречает свою возлюбленную Матильду, знакомится с поэтом Клингзором. Здесь вступает в силу совершенно иное пространство – пространство сказки. С первых строк оно захватывает нас и начинает всё больше и больше удивлять. Можно выделить три уровня пространства этой сказки, между которыми можно перемещаться:

1. Пространство дворца короля Арктура;
2. Пространство комнаты (дома): маленький Эрос, его сестра Басня, кормилица Гинистана, отец, писец, мать, София;
3. Тёмное пространство «под», другой мир: Сфинкс, старые сёстры Басни, пауки в пещере, лестница, ведущая во дворец короля, на первый уровень.

Сказка начинается с пространства королевского дворца, где время замедленно, как в эпосе: «Король нежно обнял свою дочь. Духи созвездий окружили трон, и герой занял свое место. Бесчисленное количество звезд наполнило залу миловидными группами. Служанки принесли стол и ящик, в котором лежало множество листков; на

них изображены были святые, сокровенные знаки, составленные из созвездий. Король благоговейно поцеловал листки, заботливо смешал их и передал несколько листков дочери» [3, с. 263].

В сказочном пространстве происходит игра, в которой действуют не только люди, но и духи созвездий. Это представляется как некий акт творения Вселенной. Люди раскладывают карты на столе, а звезды, согласно их движениям, выстраиваются в фигуры.

Внезапно появляется ещё одно пространство: комната, наполненная аллегорическими существами. Каждое их действие так же представляется величественным, хотя одно быстро сменяется другим, присутствует много глаголов движения. Эффект ускорения времени усиливается и тем, что практически не даётся психологическая мотивировка действий персонажей: «Гинистана *суетилась* вокруг него. У нее был очаровательно-легкомысленный вид, и она горячо прижимала его к себе, точно невеста. Что-то ему нашептывая, она *увлекала* его к дверям, но София строго указала на змею; тогда *вошла* мать, и он *быстро* кинулся к ней, приветствуя ее горячими слезами. Писец *ушел* с мрачным лицом. *Вошел* отец и, увидав нежные объятия матери с сыном, *подошел* за ее спиной к очаровательной Гинистане и поцеловал ее. София *поднялась* по лестнице. Маленькая Басня взяла перо писца и стала писать» [3, с. 268].

Далее возникает пространство воздушного замка, куда отправляется Эрос. Оно поражает воображение ещё больше своими невообразимо огромными масштабами. Это олицетворенная до предела природа: «Нежные ливни оглядывались на пеструю радугу, которая побледнела вдали от влекущего ее солнца. Суровый гром негодовал на безумие молний из-за бесчисленных облаков, которые стояли, чаруя тысячами прелестей, и манили пламенных юношей. Две миловидные сестры, утренняя и вечерняя заря, радостно встретили прибывших. Они проливали сладкие слезы, обнимая их» [3, с. 272].

Это фантастическое пространство разворачивается в картину всего многообразия человеческой жизни: «На возвышении они увидели романтическую местность... она соединяла прелесть населенных равнин с страшным обаянием пустыни и скалистых стран» [3, с. 273]. Такой контраст «прелесть равнин» и «страшного обаяния пустынь» как бы символизирует пропасть, два полюса человеческой жизни. Здесь соседствуют кораблекрушение и пир поселян, губительное землетрясение и нежные ласки любящей четы, кровопролитная битва и театр с забавнейшими масками, мертвое тело и мать с ребенком у груди [3, с. 273].

Коротко опишем пространственную картину, возникающую ближе к финалу сказки: ледяное море, утес скорби, синее покрывало Софии, тянувшееся волнами по земле и покрывавшее на веки страшную бездну, пламя, поглощающее солнце, мощная весна, феникс. Здесь действуют архетипические образы, выводящие сказку за границы любого мыслимого пространства и времени. Это бесконечно разнообразное пространство, живущее в едином времени, где стёрты границы прошлого, настоящего и будущего.

Вторая часть начинается с появления странника. Пространство обычное – гора (хотя узкая тропа вверх также приобретает символику жизненного пути), время также становится земным, обычным. Вскоре мы понимаем, что странник – это Генрих. Он встречается старика Сильвестра. В разговоре с ним выясняется, что тот знаком с отцом Генриха. Поразительно, но мы понимаем, что, видимо, это тот старик из сна отца, который показывал ему голубой цветок. «Много времени прошло с тех пор, как меня посетил твой отец таким же молодым, как ты теперь» [3, с. 311]. Только отец Генриха не пошел за своим призванием, стал «ремесленником», который «работает без устали по привычке, но без внутреннего желания» [3, с. 312].

В итоге получается поразительная вещь: Сильвестр, разговаривающий с Генрихом, связывает пространство сна и реальности, причём сны отца и сына сливаются в одно пространство. Граница между нереальным и реальным стёрта, её нет. Думается, таким образом автор воплощает идею немецких романтиков о золотом веке и мечту, что гармония будет достигнута посредством слияния сказки с жизнью. Пространство закольцовывается и объединяется.

Таким образом, сказка Клингзора с её фантастическими аллегорическими образами акцентирует внимание на глубокий символический смысл реальной пространственно-временной панорамы. Хронотоп в романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген» помогает экспрессивно выразить, эстетически-эмоционально описать необычайную сложность, глубину внутреннего мира художественных образов, духовную эволюцию поэта.

Литература

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах. – Москва : ИМЛИ, 2012. – Т.3. – 880 с.
2. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – Москва : «Советская энциклопедия», 1987. – 752 с.

3. Новалис. Ученики в Саисе: магические романы и философские фрагменты / Пер. с нем. Г.Н. Петникова. – СПб. : ООО "Издательский дом «Леонардо», 2011. – 352 с.
4. Сухих И.Н. Структура и смысл: Теория литературы для всех. – СПб. : Азбука, 2018. – 544 с.

Malkina D.D.

Pushkin State Russian Language Institute

Chronotope of Novalis' novel «Heinrich von Ofterdingen»

This article discusses the chronotope and its functions in Novalis' novel «Heinrich von Ofterdingen».

The purpose of this article is to trace the relationship of time and space in Novalis' novel «Heinrich von Ofterdingen», to determine their role in creating conditions for the disclosure of characters, as well as to prepare the reader's perception for the subsequent events of the work.

Keywords: chronotope, Novalis, romanticism, allegory, fabulous space, golden age.

Матвиенко Юлия Викторовна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

yu.samovidova1975@yandex.ru

Лингвокультурологические особенности речевых формул приветствия в рассказах А.П. Чехова

Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Брагиной Натальи Георгиевны.

В статье, на материале произведений А.П. Чехова, рассматривается многообразие лексического наполнения речевых формул приветствия, которое отражает реалии русской культуры.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, речевые формулы приветствия, русская культура, А.П. Чехов.

Формулы приветствия, реализующие контактоустанавливающую функцию, играют значительную роль в нашем общении и считаются одними из самых употребительных формул вежливости. Зачастую приветствие сопровождается тактильными жестами: рукопожатием, похлопыванием по плечу, объятием или поцелуем. Выбор вербальной или невербальной форм приветствия осуществляется в зависимости от социальных и психологических ролей собеседников. Здраваясь друг с другом, мы демонстрируем своё расположение к собеседнику, создаём условия для возникновения речевого контакта. Однако приветственные слова не всегда отражают степень знакомства с человеком, если они используются в качестве формального акта вежливости.

Интересен тот факт, что лексическое наполнение формул приветствия было связано с обычаями и традициями русского народа, – приветственные слова могли употребляться в зависимости от того, чем был занят человек. Владимир Иванович Даль приводит в своём сборнике «Пословицы русского народа» довольно большое количество таких формул приветствия. Когда здоровались с заканчивающими жатву, говорили: *«С двумя полями сжатыми, с третьим засеянным!»* Чтобы работа спорилась, молотильщикам желали успешной работы: *«По сту на день, по тысяче на неделю!»* *«Свеженько тебе!»* – здоровались с девушкой, набирающей воду. *«Хлеб да соль!»* или *«Чай да сахар!»* – говорили во время трапезы [1, с. 38].

Культурный человек должен был не только откликнуться на приветствие, но и использовать в ответе особую для каждого случая формулу речевого этикета. Когда женщине, занятой дойкой, говорили: *«Море под коровой!»*, она отвечала: *«Река молока!»* Если рыболова приветствовали словами: *«Улов на рыбу!»*, то у него наготове был ответ: *«Наварка на ушицу!»* Женщине, заквашивающей хлеб, желали: *«Спорынья в квашню!»* (удачи). *«Сто рублей в мошну!»* – желала она в ответ [1, с. 39].

Так, в рассказе А.П. Чехова «Свирель» приказчик из Дементьева хутора, Мелитон Шишкин, увидев на лесной опушке старика, пасущего стадо коров и овец, приветствует его словами: *«Здравствуй, дед! Бог на помощь!»*

В другом произведении замечаем появление народной приметы пожелания человеку богатства, если при встрече он остаётся неузнанным, в ответной реплике на приветствие: *«„Вот вам и зима пришла назад“, – сказал студент, подходя к костру. – „Здравствуйте!“ – Василиса вздрогнула, но тотчас же узнала его и улыбнулась приветливо. – „Не узнала, бог с тобой, – сказала она. – Богатым быть“»* (А.П. Чехов «Студент»). Отметим, что данная форма в современном русском языке в составе данного оборота используется в будущем времени: *«Не узнала, богатым будешь»*, – тенденции эволюции разговорной речи, изменения, происходящие в обществе, находят непосредственное отражение в речевом этикете приветствия.

Также в ситуациях, которые требуют от человека ответить на приветственную реплику, А.П. Чехов дополняет этикетные формулы невербальным выражением уважения и дружеского расположения к кому-либо – улыбкой: *«В ответ на мое приветствие старушка улыбнулась и сказала: “Je suis charmee de vous revoir, monsieur” {Очень рада снова видеть вас (франц.)}*. Так как в русском коммуникативном поведении улыбка рассматривается не как сигнал вежливости, а как проявление искренности чувств и хороших намерений (А.П. Чехов «Приданое»).

Однако рассказах Чехова можно встретить и примеры несоответствия вербальных и невербальных этикетных форм приветствия реальному эмоциональному состоянию персонажа, что нередкость для бытовых реалий нашей культуры в ситуациях общения с неприятными для нас собеседниками. В рассказе «Дачники» молодые супруги Саша и Варя, удивлённые приездом многочисленных родственников, вынуждены прятать своё недовольство за маской радушных хозяев, которые сердечно рады приезду гостей. Варя старается скрыть своё недовольство: *«И, обернувшись к гостям, она сказала с приветливой улыбкой: „Милости просим!“»* Мужу Вари это сделать не удаётся, поэтому он вынужден повторять слова жены, отвернувшись: *«А Саша отвернулся, чтобы скрыть от гостей свое сердитое, отчаянное лицо, и сказал, придавая голосу радостное, благодушное выражение: „Милости просим! Милости просим, дорогие гости!“»*

Изображая Туркина Ивана Петровича как человека гостеприимного и доброжелательного, что характерно для образа хозяина дома в русской языковой картине мира, Чехов включает в его речь вежливые формулы приветствия и комплименты: *«„Здравствуйте пожалуйста, – сказал Иван Петрович, встречая его (гостя) на крыльце. – Очень, очень рад видеть такого приятного гостя. Пойдемте, я представлю вас своей благоверной“»* (А.П. Чехов «Ионыч»).

Этикетные формулы приветствия могут указывать читателям и на то, в каких отношениях находятся собеседники. В художественных произведениях 18–19 веков было распространено присоединение частицы «с» к словам («так точно-с», «нет-с»). Смысловая нагрузка в данной частице отсутствовала, но её употребление считалась признаком вежливости. В среде чиновников неиспользование частицы «с» свидетельствовало об отсутствии речевой культуры говорящего. В России с 19 века устоялось два вида обращения – на «ты» и на «вы». Образованные дворяне обращались на «вы» к равным им по социальному статусу и близким людям, при этом в обращении на «ты» этикетное содержание отсутствовало, но в процессе общения малознакомых людей подчёркивало их неравенство. Одинаковый смысл заключён в обращении по имени и обращении по имени и отчеству. В первом случае принято употреблять обращение на «ты», а во втором – на «вы».

Иллюстрацию этому мы находим в рассказе «Толстый и тонкий», где беседа происходит между двумя старыми знакомыми. В начале диалога собеседники находятся наравне друг с другом. Об этом говорят обращения по имени, восклицание «Друг детства!» и использование «ты» вместо «вы»: *«„Батюшки! – изумился тонкий. –*

Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?«» Далее можно заметить, как меняется манера общения, когда обнаруживается различие социальных ролей персонажей: *«„Нет, милый мой, поднимай повыше, – сказал толстый. – Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею.“ <...> „Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможы-с...“*» Происходит замена «ты» на «вы», используются уважительные формы обращения (*«ваше превосходительство»*), появляется частица «с», присоединяющаяся к словам (*«очень приятно-с!»*), выражающая благоговение говорящего перед адресатом.

Почтительную формулу приветствия использует и отставной коллежский секретарь Лахматов, выпивающий шестнадцатую рюмку, когда неожиданно видит прямо перед собой чёрта: *«„С кем я имею честь говорить?“ – обратился он к непрошенному гостю. Чёрт сконфузился и потупил глазки. „Вы не стесняйтесь“, – продолжал Лахматов. „Подойдите ближе... Я человек без предрассудков, и вы можете говорить со мной искренно... по душе...“*» Комичность ситуации подчёркивает смущение чёрта, его нерешительность, появившаяся вследствие такого официального обращения к нему. Он сохраняет этикетный уровень общения, внимательно слушая вопросы Лахматова и не перебивая его, вежливо кланяется, добавляет к словам учтивую частицу «с» (*«положение у нас прежнее-с...»*). Использование речевых формул, выражающих положительное отношение к собеседнику, придаёт беседе задушевный характер, в результате которого чёрт ведает коллежскому секретарю *«все тайны ада, излил свою душу, поплакал и так понравился Лахматову, что тот оставил его даже у себя ночевать»* (А.П. Чехов «Беседа пьяного с трезвым чёртом»).

Таким образом, проанализировав некоторые примеры речевых формул приветствия в рассказах А.П. Чехова, можно сделать вывод, что и речевая деятельность автора, и речевая деятельность адресата могут иметь творческий характер, раскрывающий личностный потенциал говорящих и отражающий лингвокультурную специфику языковых явлений.

Литература

1. Гольдин В.Е. Речь и этикет. – Москва : Просвещение, 1983. – 109 с.
2. Дерман А.Б. О мастерстве Чехова / А.Б. Дерман. – Москва : Сов. писатель, 1959. – 208 с.
3. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. – Москва : Наука, 2006. – 328 с.

4. Стернин И.А. Русский речевой этикет. Учебное пособие / И.А. Стернин. – Воронеж, 1996. – 73 с.
5. Чехов А.П. Избранное: Рассказы и повести / А.П. Чехов. – Москва : Профиздат, 1994. – 317 с.

Matvienko Y.V.

Pushkin State Russian Language Institute

Linguoculturological features of speech greeting formulas in the stories of A.P. Chekhov

The article, based on the material of the works of A.P. Chekhov, examines the variety of lexical content of speech greeting formulas, which reflects the realities of Russian culture.

Keywords: communicative behavior, speech formulas of greeting, Russian culture, A.P. Chekhov.

Матухно Татьяна Сергеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
tatiana.matukhno@seznam.cz

Использование подкастов для развития навыков аудирования на уроках РКИ

Работа выполнена под руководством кандидата педагогических наук, доцента
Кудояровой Татьяны Викторовны.

В данной статье дается определение термина «подкаст», выделяются основные жанры этого сервиса. Описываются основные трудности аудирования, методические функции подкастов и преимущества их использования на уроках по русскому языку как иностранному при обучении навыкам аудирования.

Ключевые слова: подкаст, аудирование, трудности аудирования, русский язык как иностранный.

Исследования показывают, что аудирование является самым частым по использованию видом речевой деятельности (около 40% нашего ежедневного общения приходится на слушание, 35% – на говорение, 16% на чтение и только 9% – на письмо). Аудирование – рецептивный вид речевой деятельности, представляющий собой одновременное восприятие и понимание речи на слух. В качестве самостоятельного вида речевой деятельности аудирование выступает при прослушивании различных объявлений, новостей радио и телевидения, лекций, рассказов собеседника, публичных выступлений и т.п.

Аудирование является одним из наиболее сложных видов речевой деятельности по нескольким причинам. Во-первых, это связано с тем, что аудиоматериалы доступны для восприятия только один раз, и слушающий не может вернуться к тем моментам, которые ему были непонятны. Во-вторых, слушающий не может влиять на стиль высказывания говорящего и приспособлять его к своему уровню понимания. Каждый говорящий имеет свой стиль, иногда научный, иногда эмоциональный, обогащенный

идиомами и фразеологизмами. В-третьих, существует целый ряд объективных трудностей, которые могут помешать пониманию речи с первого раза:

- трудности, связанные с условиями аудирования (внешние шумы, помехи, плохая акустика);
- трудности, связанные с индивидуальными особенностями говорящего (особенности дикции, тембра, нарушения артикуляции (картавость, шепелявость, заикание), возрастные особенности, различные акценты и диалекты);
- трудности, связанные с языковыми особенностями материала (использование большого количества незнакомой лексики, идиом, разговорных формул, специальных терминов и аббревиатур).

Особую группу трудностей при аудировании представляет овладение социолингвистической и социокультурной компетенцией. Недостаток знаний о правилах использования языка в различных ситуациях, неумение использовать различные выражения для передачи одного и того же значения, незнание правил поведения и социальных норм языкового сообщества, а также отсутствие знаний о традициях, истории и культуре могут затруднить понимание речи и поведения собеседника.

Однако все эти трудности могут быть преодолены путем выбора подходящих текстов и правильной методической организации учебного процесса на их основе. К сожалению, преподавателю нужно достаточно много времени для создания собственных материалов. Более эффективным с точки зрения экономии времени для развития навыков аудирования на уроках РКИ может быть использование уже имеющихся материалов, например, подкастов.

Прогресс в области современных педагогических технологий изменил подход к образованию, представив новые инструменты, позволяющие улучшить эффективность обучения. В последнее время подкасты являются неотъемлемой частью жизни современных людей, и их использование при обучении языкам повышает мотивацию учащихся, а также способствует улучшению навыков в области устной и письменной речи.

Подкаст (Podcast) от iPod и broadcasting, что в переводе с английского значит «вещание в эфире» – передача (на радио, телевидении) звукового или видеофайла, который распространяется бесплатно через Интернет для массового прослушивания или просмотра. Для удобства дифференциации подкасты принято делить на несколько типов, каждый из которых обладает своими характерными чертами: аудиоподкаст,

видеоподкаст, скринкаст. Суть скринкаста заключается в том, что с помощью специальной программы происходит запись действий на экране компьютера вместе с аудиокомментариями.

Аудиофайлы являются наиболее распространенным форматом, потому что имеют некоторые преимущества перед видеофайлами. Во-первых, прослушивание аудио не нагружает зрение (особенно важно для учащихся, которые проводят много времени за компьютером). Во-вторых, аудиофайлы обычно имеют меньший размер по сравнению с видеофайлами, что упрощает их хранение, а также более быструю загрузку на устройство. Подкаст можно прослушать практически на любом устройстве (компьютер, телефон).

Обычно подкасты имеют определенную тематику и выпускаются с определенной периодичностью. Существует множество жанров подкастов, таких как аудиоблоги, комедийные подкасты, музыкальные подкасты, подкасты о технике, образовательные подкасты, аудиокниги, новости, научно-фантастические подкасты, интервью, радиоспектакли, подкасты о политике, спорте и играх, радиошоу и т.д. Подкасты различных жанров и категорий позволяют преподавателям решать комплексные задачи по обучению, так как обеспечивают разнообразие содержания обучения аудированию. Одним из неоспоримых преимуществ подкастов является то, что они дают возможность студентам слушать актуальные современные тексты на различные темы в различных исполнениях (акцент, тембр, ритм, беглость речи говорящего), что является отличной практикой для развития навыков аудирования на уроках РКИ.

Также использование подкастов при обучении иностранному языку открывает такие возможности, как:

1. Расширение границ учебной среды: обучение становится доступным не только в аудитории, но и вне её в любое время.
2. Снижение психологических трудностей и преодоление языкового барьера: использование подкастов помогает ученикам чувствовать себя более уверенно в общении на иностранном языке.
3. Дополнительная и продуктивная языковая практика: подкасты предоставляют множество возможностей для практики языка в различных ситуациях и с разными говорящими, что способствует повышению уровня языковой компетенции.

С методической точки зрения, подкасты предлагают множество возможностей для развития навыков аудирования. Эта технология может помочь представить

ученикам новый материал и лексику, увеличить их словарный запас, закрепить изученное. К тому же подкасты являются источником актуальных событий в стране носителей изучаемого языка, что способствует погружению в реалии и овладению социолингвистической и социокультурной компетенцией.

Таким образом, вышеперечисленные особенности и возможности подкастов привносят новые и актуальные аспекты в процесс обучения русскому как иностранному языку. С использованием технологии подкастинга обучение становится интерактивным, что способствует повышению мотивации, возрастает значение самостоятельной работы учащихся, усиливается интенсивность учебного процесса.

Литература

1. Соломатина, А.Г. Развитие умений говорения и аудирования посредством учебных подкастов // Иностранные языки в школе. – 2008. – № 1. – С. 71-74.
2. Соломатина А.Г. Учебные подкасты как средство развития умения говорения и аудирования учащихся / А.Г. Соломатина // Гуманитарные науки. Педагогика и психология; Вестник ТГУ. – № 3 (95). – 2011. – С. 102–104.
3. Сысоев П.В. Информационные и коммуникационные технологии в обучении иностранному языку: теория и практика. – Москва : Глосса-пресс. – 2012. – 252 с.
4. Сысоев, П.В., Евстигнеев, М.Н. Методика обучения иностранному языку с использованием новых информационно-коммуникативных Интернет-технологий: учеб.-метод. пособие. – Москва : Глосса-Пресс. – 2010. – 189 с.
5. Сысоев, П.В. Подкасты в обучении иностранному языку // Язык и культура. – Томск, 2014. – № 2. – С. 189-201.

Matukhno T.S.

Pushkin State Russian Language Institute

Using podcasts to develop listening skills in Russian as a foreign language.

This article defines the term "podcast", highlights the main genres of this service. The main difficulties of listening, the methodological functions of podcasts and the advantages of their use in the lessons of Russian as a foreign language in teaching listening skills are described.

Keywords: podcast, listening, listening difficulties, Russian as a foreign language.

Машенцова Ева Евгеньевна

Прилагательное «душевный»: семантика и употребление

Работа выполнена под руководством кандидата педагогических наук, доцента
Кузенной Татьяны Федоровны.

В данном исследовании анализируется прилагательное *душевный*. Рассматриваются словарные толкования данной лексической единицы и доказывается, что смысловой трансформации слова не происходит. Анализируются сочетания с прилагательным *душевный* и осмысляются признаки тех или иных понятий.

Ключевые слова: душа, душевный, словарные толкования, понятие.

Душа – это совокупность всех человеческих чувств, желаний, мыслей и т.д. Понятие *душа* существует как неосязаемая составляющая часть индивида, его внутренний мир. Согласно Психологическому энциклопедическому словарю, слово *душа* трактуется как «верование или убеждение, что наша мысль, чувство, воля, жизнь обуславливаются чем-то отличным от нашего тела» [1, с. 135], но при этом связанное с ним.

Этимология лексемы *душа* отсылает к историческому факту о том, что душа – это крепостной человек / раб. Значение «душá "крепостной человек" калькирует ср.-греч. ψυχή, ср. ψυχαὶ ἀνθρώπων "рабы", буквально "души людские"» [7, с. 556].

Прилагательное *душевный* – производное от существительного *душа*. Внутриязыковые факторы принимают участие в формировании его значения. Прежде всего, это парадигматические отношения.

Данные ассоциативные отношения можно проиллюстрировать с помощью синонимов: *духовный, внутренний*. Прилагательное *душевный* стоит в одном ряду с данными лексическими единицами.

В свою очередь, *духовный* – «связанный с умственной, нравственной, психической жизнью и деятельностью человека» [5, с. 315]. *Внутренний* – «противопоставленность психических, умственных процессов физической деятельности, поступкам, поведению и т. д. человека» [5, с. 315]. *Душевный* – относящийся, принадлежащий к психической деятельности человека, составляющий и выражающий её» [5, с. 315].

Стоит рассмотреть словарные толкования лексемы *душевный*, чтобы проследить их возможную эволюцию. Так, согласно Словарю В.И. Даля, прилагательное *душевный* истолковывается как «к душе относящийся, ей свойственный; нравственный, относящийся до сердца; искренний, сердечный, задушевный» [2, с. 520].

В Словаре Д.Н. Ушакова лексема *душевный*, с одной стороны, напрямую зависит от производящего слова *душа*. Акцент делается на религиозных и идеалистических

представлениях. Так, *душа* – «нематериальное начало жизни, противопоставляемое телу» [6, с. 131]. С другой стороны, *душевный* имеет собственное значение – это «искреннодружелюбный, отзывчивый» [6, с. 131] индивид.

Такая же ситуация происходит с данной лексемой в Словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. Во-первых, прилагательное *душевный* идентифицируется с помощью лексемы *душа*, которая интерпретируется как «внутренний, психический мир человека, его сознание» [4, с. 183]. Во-вторых, слово *душевный* употребляется, когда речь идёт о чём-то / ком-то, полном искреннего дружелюбия.

В толковых словарях лексическая единица *душевный* воспроизводится в двух основных значениях. Анализ словарных толкований подтверждает, что смысловой трансформации прилагательного не происходит.

В сочетаниях с прилагательным *душевный* осмысляются признаки тех или иных понятий. Укажем некоторые из них (примеры ниже приводятся из НКРЯ [3]).

Душевный человек

Данное сочетание употребляется для положительной характеристики качеств индивида, которым управляют, в первую очередь, разум и эмоции. Ср.: *Я горячо стал рассказывать ему о том, что такое картинная галерея, какой душевный человек Гавриил Степанович, упомянул о Саре Бернар и генерале Комаровском.* (М. А. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман) (1936–1937)).

Душевный разговор

Словосочетание характеризует беседу, во время которой люди становятся ближе друг к другу на эмоциональном уровне. Ср.: *Умительно было смотреть на эту пару, когда, усевшись на перекур, зимой на чурбачки, летом на прохладное железо, они заводили душевный разговор.* (Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000)).

Душевный комфорт

Индивид достигает душевного комфорта, когда находится в единении с собой в психологическом плане. Однако человек может утратить это состояние, когда какие-либо события / люди меняют их уклад жизни. Ср.: *Невольно его тянуло отсюда, из собственной квартиры, куда-нибудь туда, на волю, ибо здесь он без остатка утратил покой, душевный комфорт, а этот визит Краснянского еще больше взбудоражил его, выбил из колеи, и как он ни успокаивал себя, все было тщетно.* (Василь Быков. Бедные люди (1998)).

Душевный покой

Данное сочетание является синонимичным по отношению к предыдущему. Ср.: *Одно ему было очевидно, – в эти минуты он навсегда терял душевный покой.* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)).

Душевный надрыв

Данное состояние человеческой души сопровождается чрезмерной болезненностью. Ср.: *Напротив, полагал, что этот душевный надрыв и порыв занесен в неказенный формулярный список и там, в графе «Награды», руццей царя царствующиц начертано: «Достоин».* (Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988–1989)).

Таким образом, семантика прилагательного *душевный* основывается на соотношении значения лексемы *душа* и его собственного смысла. Существуют различные сочетания с лексической единицей *душевный*, в которых осмысляются признаки тех или иных понятий, важных для их языкового и культурного осмысления.

Литература

1. Большой психологический словарь / [Авдеева Н. Н. и др.]; под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – 3-е изд., доп. и перераб. – Санкт-Петербург : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 666 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 2 т. / Т. 1: А – З / Москва – СПб. : Издание книгопродавца-типографа М.О. Фольфа., 1880. – 807 с.
3. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // Режим доступа – <https://ruscorpora.ru/> (Дата обращения: 15.12.2022).
4. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – Москва : А ТЕМП, 2006. – 944 с.
5. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Т. 1: А – Н / ИЛИ РАН; Под ред. А.П. Евгеньевой. – Москва : Издательство Астрель : Издательство АСТ, 2003. – 680 с.
6. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка, Д.Н. Ушаков – Москва : Аделант, 2014. – 800 с.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I (А – Д) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – 2-е изд., стер. – Москва : Прогресс, 1986. – 576 с.

The adjective *soulful*: the semantics and the usage

In this work the adjective *soulful* is analyzed. Dictionary interpretations of this lexical unit are considered, and it is proved that there is no semantic transformation of the word. The combinations with the adjective *soulful* are analyzed and the signs of certain concepts are interpreted.

Keywords: soul, soulful, dictionary interpretations, concept.

Меркулов Георгий Валерьевич

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
merckulovgeorgy@yandex.ru

Роль вставных новелл в романе В.Ф. Одоевского «Русские ночи»

Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры мировой литературы Леонова Ивана Сергеевича.

В настоящей статье рассматривается роль вставных новелл в первом русском философском романе В.Ф. Одоевского «Русские ночи», анализируется идейно-смысловое содержание этих новелл и их значение для романа «Русские ночи», рассматривается философская система В.Ф. Одоевского и его концепция роли творца перед лицом серьёзных испытаний.

Ключевые слова: В.Ф. Одоевский, первый русский философский роман, вставная новелла, истина.

Роман В.Ф. Одоевского «Русские ночи» – это один из самых интересных и сложных этапов в истории русской литературы.

Этот *первый русский философский роман*, который подвёл своеобразный итог многолетним рассуждениям писателя о судьбе поколения, стал центром настоящей статьи, в которой также рассматривается идейная и композиционная роль *вставных новелл* или фрагментов, которые встроил в структуру своего главного произведения В.Ф. Одоевский.

Актуальность выбранной темы для статьи велика, поскольку литературная судьба писателя складывалась не очень счастливо: при жизни он всегда оставался в тени своих великих современников, а философская и мистическая направленность творчества писателя, притчевый характер романа, о котором мы уже упоминали, не соответствовали тому, что ждали от литературы – в частности, в «Русских ночах» почти не затронуты социальные проблемы. Культурное значение романа В.Ф. Одоевского осознали только с течением времени: литературовед Е.А. Маймин пишет, что роман «Русские ночи» был «мало известен широкой читательской публике» [3, с. 247], и «даже наука о литературе долгое время интересовалась В.Ф. Одоевским преимущественно от случая к случаю, не специально» [3, с. 247], что объясняется сложностью построения и философского содержания его главного произведения.

В.Г. Белинский в своей статье «Сочинения князя В. Ф. Одоевского» назвал писателя тем человеком, «которого волнуют вопросы времени и которого вся жизнь принадлежит мысли» [1, с. 22-23], а Е.А. Маймин отметил, что «он был автором не только первого русского философского романа, но и философских новелл. Ему принадлежит заслуга в разработке жанра биографического рассказа и музыкально-критического эссе» [3, с. 248].

В.Ф. Одоевский отвёл вставным новеллам в «Русских ночах» ведущую роль, которая является, по мнению П.Н. Сакулина, «гимном идеалиста искусству, божественной красоте и поэзии жизни» [4, с. 17] (нужно добавить, что иносказание как литературный приём до появления романа В.Ф. Одоевского редко использовался в мировой литературе).

Какое определение даёт литературоведение понятию «вставная новелла»? Согласно «Словарю литературоведческих терминов» под редакцией Л.И. Тимофеева и С.В. Тураева, вставная новелла – это самостоятельный по сюжету рассказ, который автор включает в роман или повесть (он может быть не связан с ним сюжетно), чтобы подкрепить и усилить основную мысль произведения [5, с. 54].

Вставная новелла обычно содержит мысль, которую автор по тем или иным причинам не стал тем или иным образом выражать в ходе основного повествования. Принцип вставной новеллы зародился ещё в Древнем Риме, потому что само слово «новелла» происходит из латинского языка, и в переводе оно означает «новость». Сложно сказать, кто применил этот приём первым, однако он встречается ещё в произведениях Аристофана и Сократа, он так или иначе прижился в литературе и стал одной из закономерных традиций.

М. де Сервантес Сааведра в романе «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» одним из первых использует этот способ построения сюжета, поскольку Дон Кихот не просто странствует, но и сталкивается с обыденными явлениями жизни, встречает самых разных людей на своём пути.

В русской литературе построение основной нити произведения с помощью вставных новелл использовалось так широко из-за того, что существовала цензура, и не всегда главные мысли можно было выразить прямо, а только иносказательно, используя такой способ построения сюжета, как вставные новеллы.

Авторский стиль и духовные ценности В.Ф. Одоевского сформировались во многом благодаря идеалистической натурфилософии Ф.В. Шеллинга, под влиянием которой в двадцатые годы девятнадцатого века находились почти все его сверстники

(среди них, например, были А.И. Тургенев и Д.В. Веневитинов), и произошло это во многом из-за того, что учителем В. Ф. Одоевского в пансионе при Университете был профессор И.И. Давыдов, который был одним из первых пропагандистов трудов Ф.В. Шеллинга в России.

До момента публикации романа «Русские ночи» В.Ф. Одоевский был известным писателем: прославивший его цикл «Сказки дедушки Иринея» и «Княжна Мими» уже были созданы, он был признанным мастером мистической и романтической повести, пытался дописать роман «4338-й год: Петербургские письма», но так и не закончил его.

В «Русских ночах», как ни в каких других произведениях В.Ф. Одоевского, сказались идеи Ф.В. Шеллинга: это та философия, которая имеет под собой поэтический строй, ту особую гармонию, когда разум и душа человека становятся единым целым. Одоевский на протяжении всей жизни оставался романтиком, и его главная идея, которая зародилась как раз под влиянием Шеллинга, заключается в возможности сделать человека свободнее, раскрепостить его дух и ум.

Эту свою мечту по свободно мыслящему человеку, по тому времени, когда и наука превратится в поэзию, В.Ф. Одоевский постарался воплотить в так называемых вставных новеллах романа «Русские ночи».

Именно увлечение философией Ф.В. Шеллинга предшествовало созданию романа «Русские ночи», который подвёл некую черту под юношескими надеждами писателя, стал закономерным итогом творчества В.Ф. Одоевского, и, по сути, самым значительным его произведением, которое произвело впечатление на все мыслящие умы девятнадцатого века.

В.Ф. Одоевский определял свои новеллы, как фрагменты, которые связаны общей идеей, мыслью, настроением. Об этом нам говорит само название романа: «Русские ночи» в метафорическом смысле – это и есть те мысли, которые волнуют героев романа – Фауста, Виктора, Ростислава и Вечеслава (такую форму этого имени употребляет писатель), поскольку для философской традиции ночь – это время, когда человек познает и размышляет, потому что не существует каких-то условных границ, которые мешают дню. Фрагментарность свойственна для немецкого романтизма, которым так восхищался писатель: именно фрагмент, как считали немецкие романтики, позволяет в максимально свободной форме донести свою мысль.

Можно увидеть и другой смысл в названии романа: *ночь* олицетворяет таинственность и непонятность русской жизни, когда все мы, словно Том Сойер и Бекки Тэтчер из повести Марка Твена «Приключения Тома Сойера», оказываемся

потерянными в пещере и блуждаем по ней в поисках выхода, какого-то спасительного маяка.

Если посмотреть на то, как устроен роман, то можно увидеть, что он начинается с введения, где В.Ф. Одоевский выразил одну из главных мыслей произведения, на мой взгляд, которая заключается в том, что во внутренней истории человечества есть загадки, разгадав которые мы сможем понять весь путь, пройденный за всё время существования этого самого человечества. Об этом Одоевский говорит и в эпилоге романа, где содержится пророчество о «приближении эпохи, когда будет одна наука и один учитель», раскроется вся «полнота жизни», поскольку «тёмной надежды» уже не будет.

В советское время пророчество писателя и мыслителя пытались привязать к коммунистическим идеалам: например, во вступительном слове редакции издательства «Наука», которое было приурочено к выходу в 1975 году романа «Русские ночи» в этом издательстве, сказано, что В.Ф. Одоевский в «систематичности философских учений» увидел «казённую иерархию ценностей» и «разрушение целостного отношения к миру» [3, с. 5].

Девять глав в романе называются «ночами», поскольку встречи четырёх товарищей происходят именно в это время суток у Фауста – возможно, самого закрытого и загадочного героя романа, потому что так и не становится ясно до конца, что это за человек: он является и хранителем древней рукописи (вернее, старой книги, где содержатся сказания, которые составляют содержание вставных новелл), и философом, и поэтом по своей внутренней сути. Безусловно, здесь есть прямая отсылка к трагедии И.В. Гёте «Фауст»: на это нам указывает и имя главного героя романа В.Ф. Одоевского, и род его занятий (в трагедии Гёте Фауст, который, помимо всего, и алхимик, упорно ищет ответы на загадки мироздания, трудится и черпает знания из книг, но, в конце концов, приходит к выводу, что найти все ответы у него не получится). В образе Фауста из романа «Русские ночи» угадывается и образ самого В.Ф. Одоевского, поскольку в молодости писатель увлекался науками и твёрдо верил в силу идеи, в то, что сознание определяет бытие.

Первой вставной новеллой романа является даже не «Бригадир», а самый первый рассказ, который Фауст находит в рукописи, доставшейся ему после смерти друзей, имена которых читателю романа остаются неизвестны. Эта новелла через образ главного героя – архитектора Пиранези – раскрывает трагедию истинного художника, который не может жить ничем иным на этой земле, кроме искусства, и это приносит

ему страшные мучения: Пиранези одержим тягой к совершенству, и окружающие считают несчастного архитектора сумасшедшим, что не совсем правильно, я думаю, поскольку его поведение – это творческое горение творца, который не приспособлен к реальной жизни, потому что пришёл из другого измерения, где не властны законы бытия, где даже деньги не имеют привычного назначения.

В попытке осознать трагедию жизни большого художника заключается смысл фрагмента (так писатель называл свои новеллы) об архитекторе Пиранези. Для В.Ф. Одоевского тема беззащитности творца перед жизненными обстоятельствами – вероятно, одна из самых важных, недаром он поднимает эту проблему в самом начале романа.

Роман «Русские ночи» имеет притчевый характер, и это видно не только в «Городе без имени», но и в притче о слепом нищем, которую Фауст читает своим друзьям в рукописи: он потерял монету, поданную ему «добрым человеком», искал её, не зная о том, что она была у него за пазухой, и понял это тогда, когда она укатилась под камни.

Эта притча, рассказанная Фаустом, ставит ещё один важный вопрос в романе – это вопрос возможности человеческого счастья и в то же время его мимолетности.

Если посмотреть внимательно, то можно увидеть, что почти все *вставные новеллы* в романе взаимосвязаны между собой: это построение даёт «ключи» к некоторым загадкам «Русских ночей», главная из которых состоит в определении проблематики романа. Под этой проблематикой можно понимать трагическое и полное противоречий положение человека в окружающей его действительности, если говорить шире – в мире. В «Русских ночах» проблематика напрямую связана с авторским замыслом В.Ф. Одоевского, и она имеет под собой два конфликта.

Первый из них заключается в попытке «маленького человека» найти своё счастье, и каждый герой понимает под этим счастьем что-то своё: для одних людей – таких, как чиновник из *вставной новеллы* «Бригадир», который «дошел до чина статского советника», но «не был никем любим и не любил никого», – вся жизнь превращается в поиск лучшего места – сначала для себя, а потом для детей, ведь без этого нельзя заслужить «название попечительного отца», в бесконечный «рост чинов» и такую же бесконечную хандру, где единственными способами развлечения становятся перебранки с женой и раскладывание гранпасьянса. Такой образ жизни приводит главного героя вставной новеллы «Бригадир» (в новелле не говорится про его имя) к тяжёлой болезни, и лишь на смертном одре он понимает, что так и не обрел

счастья, ведь за всю жизнь не испытывал ни одного подлинного чувства или искреннего стремления, а видел вокруг только «неумолимые условия общества».

В «Бригадире» есть переключки с «Горем от ума» А.С. Грибоедова, где вопрос о правильности или пагубности влияния «общественного мнения» на человеческую личность затрагивается с учётом главного конфликта комедии – противоборства Фамусова и Чацкого. В.Ф. Одоевский развивает эту линию в «Бригадире», а такой фрагмент, как «Бал» писался В.Ф. Одоевским с тридцатых годов девятнадцатого века и был завершён только спустя четырнадцать лет: в этом фрагменте поскольку живые люди похожи на ходячих мертвецов (бал мертвецов – это старинный литературный образ), все звуки оркестра, который играет на балу, больше напоминают погребальные («могильный голос валторн»), а то весёлое настроение, которое там царит, больше похоже на дьявольщину (метафора «насмешливый хохот литавр» передаёт это настроение).

Второй конфликт я уже освещал прежде, когда говорил про трагедию художника, и он для писателя очень важен: может ли художник подчинить свою жизнь искусству и поклоняться «только ему, безраздумно, бесцельно» [2, с. 99-100], способен ли он до конца быть верным своим идеалам, если придётся терпеть лишения и нападки со стороны окружающих?

Эта проблема раскрывается писателем как во фрагменте из рукописи про архитектора Пиранези, так и в новеллах «Последний квартет Бетховена» и «Себастиан Бах», где через образы двух великих композиторов раскрывается внутренний мир художника, когда творчество перетекает в жизнь, становясь житнетворчеством.

Вставные новеллы в романе «Русские ночи» объединяют в себе огромный пласт знаний – это не только философия, но и медицина, экономика, естествознание. В.Ф. Одоевский одним из первых в русской литературе заговорил о судьбе России, затронул вопросы политики и просвещения. Целью вставных новелл писатель определил раскрытие всей «полноты жизни», под которой он понимал не только возможность творческой свободы, но и способность проникать во все явления жизни, ощущать их, словно кожей, во сне и наяву.

В.Ф. Одоевский – один из первых мистификаторов в русской литературе, но и вне своей литературной деятельности он любил мистифицировать: увлекался химией, проводил какие-то химические опыты.

Роль вставных новелл в «Русских ночах» состоит в том, чтобы иллюстрировать важнейшие философские идеи романа об ответственности творческой личности за свой

дар перед Высшим Судом и мечты романтика В.Ф. Одоевского о музыкальном совершенстве мира, которые для него были самыми важными.

Художественное значение вставных новелл заключается в том, чтобы добиться максимально плавного перехода одной мысли в другую, то есть такого моделирования сюжета, когда фактически стирается граница между автором и читателем.

В.Ф. Одоевский верил в то, что знание и поэзия смогут привести человечество к процветанию, поэтому выступал против колониаторства, междоусобных войн и жестокости в «Последнем самоубийстве» и «Городе без имени».

Роль вставных новелл заключается не только в том, что они «подсвечивают» сюжетную канву романа дополнительными смыслами, иллюстрируют философские идеи «Русских ночей», но и отображают сложный внутренний мир В.Ф. Одоевского, который оставил такую запись в своём дневнике:

«Надобно вывести на свет те поэтические мысли, которые являются мне и преследуют меня; надобно вывести те философские мысли, которые открыл я после долгих опытов и страданий; у народа нет книг, – и у нас нет своей музыки, своей архитектуры; медицина в целой Европе еще в детстве; старое забыто, новое неизвестно; наши народные сказания теряются; древние открытия забываются; надобно двигать вперед науку; надобно выкачивать из-под праха веков ее сокровища ...» [3, с. 250-251].

В.Ф. Одоевский верил в светлое будущее России, и в чём заключается та самая, подлинная *истина*, он мужественно пытался разобраться всю свою жизнь.

Вставные новеллы помогли сформировать глубинные течения этой *истины* в первом русском философском романе «Русские ночи».

Литература

1. Белинский В.Г. Сочинения князя В. Ф. Одоевского // Полн. собр. соч. в 13 т.: Т. 8. – Москва : Художественная литература, 1955. – С. 22-23.
2. Брюсов В.Я. Юному поэту // Собр. соч. в 7 т.: Т. 1. – Москва : Художественная литература, 1973. – С. 99-100.
3. Одоевский В.Ф. Русские ночи // Ленинград : Наука, 1975. – С. 5; 247-276.
4. Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма // Москва : Издание М. и С. Сабашниковых, 1913. – С. 17.
5. Словарь литературоведческих терминов // Под ред. Л. И. Тимофеева и С.В. Тураева. – Москва : Просвещение, 1974. – 509 с.

Merkulov G.V.

Pushkin State Russian Language Institute

The role of inserted short stories in the novel *Russian Nights* by V.F. Odoevsky

This article examines the role of the inserted stories in the first Russian philosophical novel by V.F. Odoevsky *Russian Nights*, analyzes the ideological and semantic content of these short stories and their importance to the novel *Russian Nights*, examines the philosophical system of V.F. Odoevsky and his concept of the creator's role in the face of severe challenges.

Key words: V.F. Odoevsky, the first Russian philosophical novel, inserted short story, truth.

Месхи Александра Александровна

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина

E-mail: meshisasha@bk.ru

Метафорический образ Большого театра в российской арт-журналистике

Работа выполнена под руководством Китаниной Эллы Анатольевны, доктора филол. наук, профессора.

В данной статье рассматриваются метафорические модели с ключевым компонентом «Большой театр», позволяющие определить воздействие арт-журналистики на восприятие русской культуры. Материалом исследования послужили тексты газет и журналов о культуре, включающие в себя статьи о Большом театре. Актуальность выбранной темы связана с особой ролью метафоры в публицистических текстах. В данной статье акцентируется внимание на специфике текстов СМИ, которые оказывают сильное влияние на мнения людей, что достигается за счет использования различных средств речевой выразительности, в частности, метафор.

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, Большой театр, арт-журналистика, культура.

Метафора играет большую роль в публицистических текстах. Специфика данных текстов состоит в том, что они оказывают достаточно сильное влияние на мнения людей, оставляют то или иное впечатление, что достигается за счет эмоциональности суждений, экспрессивности оценок, использования различных средств речевой выразительности, в частности, метафоры. Все это позволяет журналистам писать газетные и журнальные статьи живым, ярким, образным языком, особенно это важно для текстов арт-журналистики. Средства массовой информации не только отражают происходящие события и процессы, но и оказывают влияние на формирование мировоззрения человека, его отношение не только к своей, но и к чужой культуре и языку. Э.А. Китанина отмечает: «Особая нормозадающая роль СМИ (в том числе тех, которые ориентированы на самое широкое вовлечение неассимилированных заимствований) каузирует формирование толерантного отношения к иноязычному (чужому) слову» [3].

А.П. Чудинов определяет метафору, как основную ментальную операцию, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать

потенции структурирования сферы-источника при помощи новой сферы [6, с. 7]. Изучению метафоры и ее функции в текстах посвящены многие работы заслуженных лингвистов и филологов. Все они отмечают особую роль данного языкового средства. Однако многие аспекты метафоры продолжают вызывать споры и поводы для дискуссии, метафорика отдельных сфер изучена недостаточно, в том числе сфера арт-журналистики.

В СМИ велика роль театральных метафор в формировании русской картины мира. Метафора — это эффективное средство выражения художественной мысли как писателя, так и журналиста, а театр является важной составляющей культуры страны.

В последнее время многие ученые, такие как Н.Г. Мещанова, Н.А. Мишанкина, Н.Г. Шехтман, Е.И. Шейгал, А.П. Чудинов, изучают метафорическую картину мира и создание метафорических моделей, в том числе уделяют внимание театральной метафоре, однако в основном ученые делают акцент на политическом дискурсе.

Театральная метафора представляет собой тематическую разновидность метафоры, в которой ключевой компонент принадлежит тематической группе «Театр» во всех ее составляющих.

По мнению В.Н. Телии, «выбор основания для метафоры заключается в способности человека соизмерять все новое для него (том числе и реально несоизмеримое) по своему образу и подобию или же по пространственно воспринимаемым объектам, с которыми человек имеет дело в практическом опыте» [4].

Большую роль в данном исследовании играет когнитивная метафора, которая заключается в понимании и проявлении одного концептуального пространства в терминах и концептах другого. Это своеобразный способ восприятия одной области через другую. Человек сопоставляет различные образы и ищет ассоциации, связанные с Большим театром.

Если говорить о метафорическом образе Большого театра в российской арт-журналистике, можно выделить следующие метафорические модели.

Модель: «БОЛЬШОЙ ТЕАТР – ОРГАНИЗМ».

1. «...нет ни одного славного имени в истории русской музыкальной культуры , которое не было бы связано с Большим театром...Ибо ни один **художественный организм** не способен на самостоятельную жизнь, если он не обладает могучей корневой связью с почвой, на которой он растёт и развивается (А. Авдеенко «Два века славы»).
2. Большой театр сегодня – это огромный **организм** (В. Урин, интервью для

«РИА Новости», 14 июня 2019).

В данной метафорической модели театр представляется одушевлённым образом, так как все процессы в нем зависят от ежеминутного живого участия, он функционирует за счёт множества составляющих: артисты балета, зрители, постановщик, декорации, музыка, свет, танец – все это вместе создаёт одну живую систему.

Модель: «БОЛЬШОЙ ТЕАТР – ЗВЕЗДНЫЙ НЕБОСКЛОН»

1. И на мировом **театральном небосклоне созвездие артистов** Большого театра сверкает созвездием первой величины (*А. Авдеенко «Два века славы»*).
2. О балетной труппе Большого театра принято говорить, как об удивительном **конгломерате звёзд** ярчайшей величины (А. Авдеенко «Созвездие Большого»).
3. Пожалуй, к этому **звездному небосклону** даже уже привыкли... (*А. Авдеенко «Созвездие Большого»*).
4. Сегодня Большой театр **сверкает** великолепием и, как и сама Россия, восстанавливает свое собственное прошлое (*Р. Кречетова «Арлекин позолоченных снов» Газета «Первое сентября» №2. 1999*).

Большой театр рождает мировых звёзд балета. Они известны в разных странах, именно их творчеством приходят насладиться зрители. Большой театр собирает их вместе на одной сцене.

Таким образом, компонент «звездный небосклон» можно рассматривать как собирательный образ артистов балета. Кроме того, данная метафорическая модель транслирует образ театра, как нечто недостижимое, находящееся выше «земной жизни».

Модель: «БОЛЬШОЙ ТЕАТР – ХРАМ»

1. В этом **храме радости** мы соборно творим истинно человеческую молитву прекрасным творения человеческого духа (*А. Авдеенко «Два века славы»*).
2. Эти стены — стены **храма**, в котором совершалось и совершается великое таинство искусства, и только они знают о нем всю правду (*Д. Бертман «Что такое большой театр»? «Новая газета»*).

Данная модель характеризует Большой театр как место, в котором зритель и артист переживает большой спектр эмоций. Данная метафора отражает чувственное восприятие человека. Понятие «храм» (по словарю Т.Ф. Ефремовой) имеет несколько значений:

- 1) Здание для богослужения; церковь.

2) перен. Место, предназначенное для занятий чем-л. и внушающее благоговение.

3) перен. Сфера высоких духовных ценностей [2].

В данном случае «благоговение» внушает само театральное действие. Балет сравнивается с молитвой, служением искусству, Большой театр отражает духовные процессы, связанные с нравственным миром человека. Концепты, имеющие похожее значение, можно увидеть и в других примерах развёрнутой метафоры: «Большой — это и вправду не только название, но и **символ подвижнического, бескорыстного, преданного служения искусству**» (А. Авдеенко «Два века славы»); «Исторический подвиг Большого театра, **собирателя, хранителя, и истолкователя творений** человеческого гения разных времён и разных стран, укрепляет нашу веру в непобедимость художественного и вообще духовного прогресса» (А. Авдеенко «Два века славы»); «Это его [Большого театра] **свет**, его краски, его необъяснимая удивительность делали мою жизнь причастной к чему-то, выходящему за пределы мирка, который меня окружал» (Р. Кречетова «Арлекин позолоченных снов» Газета «Первое сентября» № 2. 1999).

Модель: «БОЛЬШОЙ ТЕАТР – ФАБРИКА»

В некоторых текстах Большой театр рассматривается как неодушевленный образ, но такие метафоры встречаются нечасто:

1. Для профессионалов [Большой театр] – **огромная фабрика, выпускающая до десятка премьер в год**, обслуживающая две сцены (и, по мнению некоторых, государственный заказ), с самым большим штатом и самым большим бюджетом из всех театров страны (Н. Пархомовская «Театр — это живое дело» “Harvard Business Review” 13.07.2018).
2. Большой превращается в какой-то **театральный комбинат** — когда одна сцена, вторая, третья, четвертая, пятая... (В. Урин, интервью для «Риа Новости», 14 июня 2019).

Такая метафорическая модель «стирает» эмоциональную атмосферу, которую создаёт театр. В данном случае речь идёт о профессии постановщика, которая имеет четкие задачи. Похожий смысл можно найти в следующей метафоре: «Большой воспринимается как некий монолит, имперская громада, содержание которой остается неизменным — как будто **Большой всегда был равен одной и той же формуле**» (Д. Ренанский «Что такое Большой театр» журнал «ТЕАТР» № 6-7, 2012 год). В данном случае театр сравнивается с точной математической величиной, что также рисует образ

неодушевленного объекта.

Одной из наиболее редких, но интересных по содержанию является модель **«БОЛЬШОЙ ТЕАТР – КОРАБЛЬ»**: «Когда я пришел, у меня было такое ощущение, что хорошо бы немного сократиться, уж очень театр большой, неповоротливый. И увеличивать груз этого **корабля**, мне кажется, неправильно» (В. Урин интервью для «Риа Новости», 14 июня 2019).

С одной стороны, данная метафорическая модель отражает трудность управления театром, с другой – создаёт образ мечты и постоянного движения.

Итак, на основе анализа собранных метафор можно сделать следующие выводы.

Во-первых, образ Большого театра в текстах арт-журналистики многогранен, он включает в себя как признаки «живого» (модель: БОЛЬШОЙ ТЕАТР – ОРГАНИЗМ), так и признаки «неживого» объекта, созданного человеком (модели: БОЛЬШОЙ ТЕАТР – ФАБРИКА, БОЛЬШОЙ ТЕАТР – КОРАБЛЬ).

Во-вторых, многие журналисты соотносят образ Большого театра с «неземной жизнью», преподносят его как нечто возвышенное (модели: БОЛЬШОЙ ТЕАТР – ЗВЕЗДНЫЙ НЕБОСКЛОН, БОЛЬШОЙ ТЕАТР – ХРАМ).

Таким образом, в арт-журналистике данный образ рассмотрен с разных сторон, в связи с чем бренд «Большой театр» в международном пространстве ассоциируется с великим национальным достоянием русского народа.

Все перечисленные модели активно функционирует в формировании картины мира и создают многоплановый образ Большого театра. Заслуживает внимания необходимость дальнейшего исследования метафорических моделей с ключевым компонентом «Большой театр» с целью расширения представлений о Большом театре как символе русской культуры.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – Москва : Прогресс, 1990. – 358
2. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Т.Ф. Ефремова. – Электрон. – 1168 с. – Режим доступа: <http://slov.com.ua/efremovoy2/page/lider.43335/> (дата обращения: 11.02.2023).
3. Китанина Э.А. Прагматика иноязычного слова в русском языке: автореферат дис. ... д. филол. наук : 10.02.01 / Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2005. – 40 с.
4. Москвин В.П. Русская метафора. Очерк семиотической теории [Текст] / В.П.

Москвин. – Москва : ЛЕНАНД, 2006. – 184 с.

5. Телия В.Н. Метафора в языке и тексте. – Москва : Наука, 1988. – 176 с.
6. Фадеева Н.Г. Театральная метафора: основные модели и сферы функционирования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 4 (127). – С. 90-94.
7. Чудинов А.П. Теория метафорического моделирования на современном этапе развития // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества, – Екатеринбург, 2000. – Т. 5.

Meskhhi A.A.

Pushkin State Russian Language Institute

The Metaphorical image of the Bolshoi Theater in Russian Art Journalism

This article discusses metaphorical models with the key component of the Bolshoi Theater, which allow us to determine the impact of art journalism on the perception of Russian culture. The research material was the texts of newspapers and magazines about culture, including articles about the Bolshoi Theater. The relevance of the chosen topic is associated with the special role of metaphor in journalistic texts. This article focuses on the specifics of media texts that have a strong influence on people's opinions, which is achieved through the use of various means of speech expressiveness, in particular, metaphors.

Keywords: metaphor, metaphorical model, Bolshoi Theater, art journalism, culture.

Миронов Михаил Андреевич

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
orderlyoftime@gmail.com

Лакунарность как элемент языковой картины мира фэнтезийного произведения

Работа выполнена под руководством кандидата филологических наук, доцента Фатеева Дмитрия Николаевича.

В статье рассматривается понятие лакунарности применительно к изучению языковой картины мира художественного произведения. На примере литературных циклов «Малазанская книга павших» Стивена Эриксона и «Мир Echo» Макса Фрая демонстрируется взаимосвязь лакунарности и разных категорий фэнтези. Делается вывод, что подобный подход может помочь более точно классифицировать разновидности фэнтезийной литературы.

Ключевые слова: фэнтези, языковая картина мира, лакунарность, компьютерный анализ текста.

Языковая картина мира – та часть концептосферы (т.е. сферы концептов, существующих в виде схем, сценариев, фреймов и т.д.), которая воплощена в языковых знаках. Языковая картина мира выполняет множество функций: интерпретативную и регулятивную, а также функции именования (предметов, процессов, признаков и т.д.), экспликации результатов категоризации явлений действительности, идентификации

явлений мира, ориентации в окружающем мире, социализации и отнесения к определенной культуре.

З.Д. Попова и И.А. Стернин пишут, что языковая картина мира создается, в частности, номинативными средствами языка, в т.ч. лексемами, устойчивыми номинациями, фразеологизмами, а также значимым отсутствием номинативных единиц, т.е. лакунарностью [1, с. 45]; под языковой картиной мира при этом подразумевается часть концептосферы, соответствующая какому-либо естественному языку. Однако представляется перспективным применить подобный подход для анализа языковой картины мира художественного произведения; можно предположить, что такой анализ даст основания для более точной или, по крайней мере, более мотивированной классификации разновидностей фэнтезийной литературы. В данной статье будут рассмотрены литературные циклы «Малазанская книга павших» Стивена Эриксона и «Мир Ехо» Макса Фрая.

Для анализа авторских языковых картин мира была использована программа *AntConc*, позволяющая, помимо прочего, составлять списки наиболее частотных слов и списки ключевых слов отдельного текста, встречающихся в нем аномально часто по сравнению с референтным корпусом. Принято считать, что референтным русскоязычным корпусом могут служить произведения социалистической прозы, в частности, романы Анатолия Рыбакова [2, с. 2], однако в данном случае референтным корпусом для каждого из исследуемых литературных циклов послужил другой цикл; это решение мотивировано тем, что отличительные черты фэнтезийных произведений относительно других разновидностей литературы известны достаточно хорошо, в то время как внутри фэнтезийной литературы зачастую отсутствуют сколько-нибудь четкие границы.

Своеобразие языковой картины мира «Малазанской книги павших» отражается в аномально высокой частотности таких слов, как *солдат, сержант, капитан, командир, император, маг, чародей, меч, щит, бог, смертный, кровь, армия, взвод, лагерь, припасы, лошадь, поводья, королева, жрец, храм, тьма, алхимик, холм, равнина, река*. Этот список не учитывает окказиональные онимы, которые, очевидно, тоже являются аномально частотными, но при этом не значимыми, поскольку включают в себя имена действующих лиц и места действия, не являющиеся сюжетообразующими.

В случае с «Миром Ехо» аномально частотными словами являются *сэр, леди, шеф, магистр, орден, зов, Холоми, камра, магия, дом, амобилер, гостиная, спальня,*

жизнь, удовольствие, сон, кабинет, работа, счастье, знахарь, кодекс, чудо, коллеги, сутки.

Очевидно, эти два списка ценны именно при сопоставительном анализе; поскольку языковая картина мира формируется в т.ч. лакунарностью, важно не только наличие в списке определенных слов, но и отсутствие слов, входящих во второй список.

Итак, языковая картина мира «Малазанской книги павших», во-первых, отчасти соответствует стереотипному представлению о фэнтези как о «жанре меча и магии» (это представление порой просачивается даже в научный дискурс): этому способствуют такие слова, как *маг, чародей, меч, щит, королева, жрец, тьма*. Во-вторых, слова *солдат, сержант, капитан, командир, армия, взвод* говорят о крайней милитаризованности повествования: мир «Малазанской книги павших» погружен в бесконечные войны, что находит отражение в сюжете. В-третьих, с этой особенностью коррелирует высокая частотность слов *лошадь, поводья, лагерь, припасы, холм, равнина, река*: для темного фэнтези характерен реализм в изображении ведения войны, который проявляется в высоком внимании к логистике и ландшафту. Особенно ярко это проявляется в произведениях Роберта М. Вегнера, но и Стивен Эриксон уделяет реализму достаточно большое внимание. В-четвертых, наличие в первом списке слов *бог, жрец, храм* и отсутствие слова *чудо* намекают на негативную роль богов в мире «Малазанской книги павших»; вместе с отсутствием слов *жизнь, счастье, удовольствие* это создает общее мрачное настроение, характерное для темного фэнтези.

В свою очередь, языковая картина «Мира Ехо» формируется, во-первых, этикетными словами *сэр* и *леди* (ср. этикетное приветствие «*вижу вас как наяву*»). Во-вторых, важна роль бытовых реалий – *камра, сон, дом, спальня, гостиная, зов* (речь идет о телепатическом общении, заменяющем сотовую связь) – и слов с позитивным значением: *жизнь, удовольствие, счастье*. В-третьих, важны слова, связанные с работой главного героя: *коллеги, шеф, магистр* (магистры запрещенных магических орденов, которых разыскивает сэр Макс с коллегами), *Холоми* (тюрьма для самых могущественных магистров), *кабинет, работа* (это подтверждает мнение, что «Мир Ехо» можно назвать серией фэнтезийных детективов [10, с. 4]). Наконец, наличие слова *магия* и отсутствие слов *маг* и *чародей* отражает поголовную способность жителей Ехо к магии; отсутствие слов *бог* и *храм* в то же время отражает полную атеистичность их языковой картины мира.

Можно сделать вывод, что языковые картины миров Стивена Эриксона и Макса Фрая почти полностью противоположны; если произведения Стивена Эриксона на уровне языковой картины мира соответствуют стереотипному представлению о фэнтези, но осложняются лакунарностью позитивной лексики и за счет совокупности этих обстоятельств могут быть отнесены к темному фэнтези, то произведения Макса Фрая уходят от канонов фэнтези: это видно в интеграции детективных элементов, отсутствию понятия *маг* при повсеместном наличии людей, практикующих магию, лакунарно выраженной атеистичности, в то время как для фэнтези более типичен политеизм. Соотнесение этих и многих других произведений с конкретными разновидностями фэнтези имело место и ранее, однако с помощью подобного статистического анализа можно получить формальные основания для этого.

Литература

1. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Персональный сайт Иосифа Абрамовича Стернина [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Kognitivnaja_lingvistika/Kognitivnaja_lingvistika_2007.pdf, свободный (дата обращения: 15.12.2022).
2. Сичинава Д.В. К задаче создания корпусов русского языка / Д.В. Сичинава // Московский центр непрерывного математического образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mccme.ru/ling/mitrius/article.html>, свободный (дата обращения: 21.11.2022).
3. Фрай М. Вселенная Ехо / М. Фрай // АСТ. – Москва, 2016. – 1200 с.
4. Фрай М. Лабиринты Ехо / М. Фрай // АСТ. – Москва, 2015. – 1200 с.
5. Фрай М. Мертвый ноль / М. Фрай // АСТ. – Москва, 2018. – 448 с.
6. Фрай М. Отдай мое сердце / М. Фрай // АСТ. – Москва, 2017. – 416 с.
7. Фрай М. Сновидения Ехо / М. Фрай // АСТ. – Москва, 2017. – 1040 с.
8. Фрай М. Так берегись / М. Фрай // АСТ. – Москва, 2019. – 480 с.
9. Фрай М. Хроники Ехо / М. Фрай // АСТ. – Москва, 2017. – 1184 с.
10. Хоруженко Т.И. Русское фэнтези на границе с детективом: трансформации жанра / Т.И. Хоруженко // Киберленинка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-fentezi-na-granitse-s-detektivom-transformatsii-zhanra>, свободный (дата обращения: 09.12.2022).

11. Хоруженко Т.И. Путь фэнтези: от жанра к метажанру / Т.И. Хоруженко // Киберленинка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/put-fentezi-ot-zhanra-k-metazhanru>, свободный (дата обращения: 12.11.2022).
12. Шапинская Е.Н. Образ Другого в текстах культуры / Е.Н. Шапинская // Киберленинка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-drugogo-v-tekstah-kultury-politika-reprezentatsii-nachalo>, свободный (дата обращения: 17.11.2022).
13. Эриксон С. Буря жнеца. Т. 1 / С. Эриксон // Эксмо. – Москва, 2019. – 512 с.
14. Эриксон С. Буря жнеца. Т. 2 / С. Эриксон // Эксмо. – Москва, 2019. – 656 с.
15. Эриксон С. Врата Мертвого дома / С. Эриксон // Эксмо. – Москва, 2015. – 896 с.
16. Эриксон С. Дань псам. Т. 1 / С. Эриксон // Эксмо. – Москва, 2020. – 608 с.
17. Эриксон С. Дань псам. Т. 2 / С. Эриксон // Эксмо. – Москва, 2020. – 656 с.
18. Эриксон С. Дом Цепей / С. Эриксон // Эксмо. – Москва, 2016. – 896 с.
19. Эриксон С. Память льда. Т. 1 / С. Эриксон // Эксмо. – Москва, 2016. – 528 с.
20. Эриксон С. Память льда. Т. 1 / С. Эриксон // Эксмо. – Москва, 2016. – 624 с.
21. Эриксон С. Полночный прилив / С. Эриксон // Эксмо. – Москва, 2017. – 768 с.
22. Эриксон С. Сады Луны / С. Эриксон // Эксмо. – Москва, 2014. – 752 с.

Mironov M.A.

The Pushkin State Russian Language Institute

Lacunarity as an element of the linguistic picture of the world of a fantasy work

The article deals with the concept of lacunarity in relation to the study of the linguistic picture of the world of a work of art. On the example of the literary cycles «Malazan Book of the Fallen» by Steven Erikson and «The World of Echo» by Max Frei, the relationship between lacunarity and different categories of fantasy is demonstrated. It is concluded that such an approach can help to classify the varieties of fantasy literature more accurately.

Key words: fantasy, language picture of the world, lacunarity, computer analysis of the text.

Морозова Нина Владимировна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
ninaamorozovaa@mail.ru

Реализация сочетания [с+ч'] в младшей орфоэпической норме

Работа выполнена под руководством кандидата филологических наук, доцента
Роговневой Юлии Васильевны.

В статье описаны возможности реализации звукового сочетания [с+ч'] в младшей орфоэпической норме. Рассмотрены позиции внутри морфем, на стыках морфем, а также на границах компонентов

фонетических слов и отмечено, что в одних случаях, как правило, происходит ассимиляция, а в других – нет за счёт присутствия сигналов о границах фонетических единиц, диэрем.

Ключевые слова: звучащая речь, младшая орфоэпическая норма, ассимиляция, орфоэпическая вариативность, диэрема, пограничный сигнал.

Речевой поток строится из линейных отрезков, фонетических единиц – звуков, слогов, фонетических слов, синтагм и фраз, которые говорящий объединяет в «оформленное и законченное произведение речевой деятельности» [6, с. 61] при помощи ударения и интонации.

Звуки как минимальные линейные единицы фонетики, соединяясь в потоке речи, взаимовлияют, вследствие чего могут происходить их контекстуальные изменения. Одним из таких фонетических процессов является ассимиляция – уподобление звуков одной природы (либо согласных, либо гласных) друг другу.

Примечательно, что с течением времени особенности появления ассимилятивных сочетаний могут меняться – это связано с понятием языковой нормы – «совокупностью явлений, разрешенных системой языка, отраженных и закрепленных в речи носителей языка и являющихся обязательными для всех владеющих литературным языком в определенный период времени» [3, с. 15]. В орфоэпии как части фонетики в широком смысле нормы так же претерпевают изменения – они подвижны (предполагается наличие допустимых вариантов) и стихийны (не создаются человеком, а лишь интерпретируются им). В отечественном языкознании выделяют старшую (старомосковскую) и младшую орфоэпические нормы. Для старшей орфоэпической нормы характерно большое количество позиций, в которых рекомендована ассимиляция, в младшей – увеличивается различительная способность согласных – количество позиций с обязательной ассимиляцией сокращается.

В статье рассмотрим реализацию сочетания звуков [с+ч'] внутри морфем, на стыках морфем, а также на границах проклитики с полнозначным словом в младшей орфоэпической норме.

Внутри морфем происходит полная контактная ассимиляция и по способу, и по месту образования звука – сначала зубной [с] переходит в передненёбный [ш], уподобляясь последующей аффрикате [ч'], затем сочетание [шч'] ассимилируется до долгого мягкого ш – [ш:']. Рассмотрим на примерах: [иш: 'эзнут'] *исчезнуть*, [ш: 'áс't'iv] *счастье*, [п'иш: 'ýнкъ] *песчинка*, [патш: 'ót] *подсчёт*, [ш: 'итáт'] *считать*. Идентичная реализация была свойственна и для старшей орфоэпической нормы – свидетельства этому могут быть найдены в теоретических трудах Р.И. Аванесова [1, с. 149] или в, выпущенном под его редакцией, орфоэпическом

словаре – [2].

В других произносительных условиях – на стыках морфем – также сохраняется, характерная для старомосковской нормы [1, с. 149], тенденция к фузии (неразделимости). Встречаются варианты: [разнош:'ьк] разносчик, [ш:'итáлкъ] считалка, [ш:'óч'ьк] счётчик, [рѣш:'итáт'] рассчитать, [раш:'óскъ] расчёска. Однако при этом в речи встречаются и варианты с сочетанием [сч'] на морфемных стыках, например: [расч'óсьвьт'] расчёсывать, [исч'эрън] исчерпан, [б'исч'исл'ьнъ] бесчисленно, помеченные в Большом орфоэпическом словаре 2018 года [4] как неправильные. Подчеркнём, что здесь наш интерес занимает не столько кодифицированная правильность или неправильность таких сочетаний, а как таковая возможность их появления в реальной речи. В таких случаях – где на стыках морфем появляется «запрещенное» сочетание [сч'] – мы можем говорить о присутствии диэрем – сигналов о границах фонетических единиц (подробнее о понятии см. в [5, с. 168–172]). Диэремы существуют в речи для обозначения границ морфем или слов. При их наличии звуки и фонемы реализуются иначе, чем во внутриморфемных сочетаниях (в фонетической транскрипции диэрема обозначается знаком #).

Более примечательно присутствие диэрем на границах компонентов фонетических слов – отрезков речи с одним словесным ударением, где служебное слово примыкает к полнозначному. В старшей орфоэпической норме сочетания [с+ч'] на стыке предлога и последующего слова всегда произносились как [ш'ч'] [1, с. 150]. Однако в младшей норме в тех же позициях ярко прослеживается орфоэпическая вариативность: фонемы могут реализоваться как ассимилированными сочетаниями звуков – [шч'] или [ш:], так и сочетанием [сч'] при наличии диэремы. Приведем примеры: сочетание *с чаем* может быть артикулировано как [ш_ч'áйм] или [ш:'áйм], так и [с#ч'áйм], *из чего* – как [иш_ч'ивó] или [иш:'ивó], так и [ис#ч'ивó], *с чем* – [ш_ч'эм], [ш:'эм], но возможен и вариант [с#ч'эм]. При этом в некоторых сочетаниях предлога с существительным чаще встречаются, как правило, только варианты с диэремами – *с чемоданом* [с#ч'ьмадáньм], *из Чехии* [ис#ч'эх'ьйь], *с чёлкой* [с#ч'óлкы].

Мы полагаем, что существует несколько факторов, которыми можно объяснить наличие сигналов о границах слов и морфем в одних случаях, и нерегулярность их появления в других. В первую очередь, представляется, что частота употребления слов влияет на тщательность их произнесения: чем активнее слово используется в речи, чем оно привычнее, тем проще становится процесс его артикуляции. Можем

предположить, что слова *с чаем, с чем, из чего* более «повседневны», чем, например, *с чемоданом* или *из Чехии* – как следствие, в первой группе звуки соседних компонентов подвергаются ассимиляции чаще, чем во второй.

Также, в некоторых случаях на реализацию фонем может влиять семантический критерий. Например, если бы в фонетическом слове *с чёлкой* [с#ч'óлкы́] не было диэремы, сочетание [сч'] объединилось бы в долгий мягкий [ш:] = [ш:'óлкы́] и это было бы уже другим словом – *щёлкой* (ед.ч., Тв.п. от *щёлка*).

Этим же критерием можно объяснить присутствие диэремы на стыке приставки и корня в слове *считать* (совер. к *считывать*) – [с#ч']итать информацию. В русском языке есть слово *считать*, где сочетание [сч'] – внутриморфемно, находится внутри корня *счит*, и при фонетической реализации этого слова происходит контактная ассимиляция звуков – [ш:]'итать до ста; [ш:]'итать своим долгом. В омоформе [сч']итать диэрема необходима для обозначения границы приставки *с* и корня *чит*, благодаря этому процессу при перцептивном восприятии можно чётко распознать смысловое значение: слово [сч']итать связано со словом *читать*.

Вышесказанное позволяет заключить, что на степень спаянности звуков влияет грамматический контекст – «в литературном русском языке фонетическая самостоятельность слова и морфемы достаточно велика, поэтому пограничные звуки разных морфем или слов, соседствующие друг с другом, взаимодействуют лишь очень ограниченно» [7, с. 65].

В качестве вывода можем резюмировать результаты анализа поведения звукового сочетания [сч'] в младшей орфоэпической норме. Во-первых, примечательно, что внутри морфем сохраняется тенденция к полной ассимиляции звуков так же, как в старшей норме. Во-вторых, в других позициях – на стыках морфем и на границах компонентов фонетических слов – возможна вариативность и, в некоторых случаях, присутствие диэрем. Подчеркнем, что в современной фонетике заметна тенденция к уменьшению степени спаянности звуков, сокращению позиций с ассимиляцией – фонетические единицы всё чаще отделяются друг от друга, что отражается в звуковом облике слов.

Литература

1. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. – Москва : Просвещение, 1968. – 287 с.
2. Борунова С.Н., Воронцова В.Л., Еськова Н.А. Орфоэпический словарь русского

- языка: Произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р.И. Аванесова. – Москва, 1983. – 702 с.
3. Вербицкая Л.А. Давайте говорить правильно. Пособие по русскому языку. – Москва : Высшая школа, 2001. – 239 с.
 4. Каленчук М.Л., Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и её варианты. – Москва, 2018. – 1024 с.
 5. Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика: Учебник для ун-тов. – Москва : Высшая школа, 1979. – 256 с.
 6. Роговнева Ю.В. Текст как синтаксическая единица. Место текста в грамматической системе русского языка // Русский язык за рубежом. – 2019. – №5 (276). – С. 57-62.
 7. Русская разговорная речь. Под ред. Е.А. Земской. – Москва : Наука, 1973. – 485 с.

Morozova N.V.

Pushkin State Russian Language Institute

Implementation of the combination [s+ch'] in the junior orthoepic norm

The article contains a description of the implementing possibilities in the sound combination [s+ch'] among the younger orthoepic norm carriers. The positions within morphemes, at the junctions of morphemes, and on the boundaries of the components of phonetic words were in the consideration and it was noted that in some cases, as a rule, assimilation occurs as it did in the senior orthoepic norm, and does not – in others due to the signals of juncture (dierems) presence.

Keywords: sounding speech, junior orthoepic norm, assimilation, orthoepic variability, dierema, signals of juncture.

Оразова Мариям Оразовна

Туркменский национальный институт мировых языков
имени Довлетмаммеда Азади
mariyam_2294@mail.ru

Эволюция мотива крушения семьи, судьбы в литературе (о традициях повести «Бедная Лиза» Н.М. Карамзина)

В статье исследуется эволюция мотива крушения семьи, женской судьбы в литературе, рассмотренная в свете традиций Н.М. Карамзина.

Ключевые слова: эволюция, мотив, традиции, семья, любовь, судьба, крушение

Семья всегда была и будет «онтологическим» центром любых общественных и личных человеческих взаимоотношений. Тема семьи неразрывно связана как с литературой, так и с историей развития человеческого общества. Семья – это та ценность, которая является вечной для каждого человека.

Важным мотивом произведения Н.М. Карамзина была тема крушения дома, семьи. А тема драматической судьбы девушки в повести «Бедная Лиза» стала знаковым концептом [5]. Книга вызвала много подражаний, пародий, о чем пишут исследователи Ю.М. Лотман, Н.Н. Петрунина и др. Но почти не освещен вопрос о художественном значении карамзинского архетипа бедной Лизы для литературы последующего времени. Вот почему имеет смысл проследить эволюцию мотива крушения дома, человеческой судьбы в последующем литературном процессе, особенно значимом для литературы народов Востока.

В своём произведении Н.М. Карамзин впервые в жанре русской сентиментально-любовной повести затронул тему распада русской семьи, трагического финала женской судьбы под ударами меркантильного времени. Сердечность, сострадание, взаимопонимание – вот *нравственные ценности русской семьи*, которые он поэтизирует в книге. Произведение писателя потрясло читателей *«слезами скорби нежной»* [5], рассказом о судьбе *бедной* героини, ее семьи, поэтическими описаниями пейзажей. Все это было в новинку для читателя. Удивительно свежи картины природы окрестностей Москвы, описания Данилова обители, Симонова монастыря. Уже здесь автор умело вводит контрастные тона к идиллическим картинам природы, реалиям жизни (березовая рощица, пустая хижина, плачевная судьба Лизы). В духе чувствительной прозы повествователь готов *«проливать горькие слезы из глаз своих»* [6, с. 391]. И далее читатель узнавал историю обычной русской семьи. Отец Лизы – зажиточный помещик, любил работу, пахал хорошо землю, вел всегда трезвую жизнь. Но после его смерти жена и дочь обеднели. Хлеб перестал родиться. Жена и дочь усопшего отдали землю в наем за небольшие деньги. Бедная вдова день ото дня становилась слабее и совсем не могла работать. С большим сочувствием автор рисует сердечные взаимоотношения скромной селянки Лизы и её матери. Дочь после смерти отца все силы прилагает, чтобы помочь матушке выйти из бедности: *«Не щадя своей молодости, не щадя редкой красоты, она трудилась и день и ночь - ткала, пряла, собирала цветы»* [6, с. 392]. Эти эпизоды книги вызвали у читателей той поры умиление: мать и дочь нежно привязаны друг к другу, вместе переживают потерю отца и мужа-кормильца. Бедность не мешает им сохранять чувство собственного достоинства. Действительно, эти страницы волнуют и сейчас желанием героинь выжить в житейских бурях.

Прошло два года после смерти отца. Луга покрылись цветами, и Лиза пришла в Москву с ландышами. Здесь происходит ее знакомство с молодым дворянином

Эрастом. Покоритель женских сердец, он искушен в науке страсти нежной. Эраст, у которого, по мнению Лизы, *«доброе лицо»*, понравился и матушке *«своей учтивостью, приятным видом»* [6, с. 393-394]. В эпизоде первого знакомства автор подчеркивает чистоту души и поступков селян: по просьбе Эраста Лиза принесла *«чистую кринку»* молока, *«покрытую чистым деревянным кружком»*, она вымыла стакан, *«вытерла его белым полотенцем»* [6, с. 393]. Лиза робкая, стеснительная девушка, ее *«голубые глаза»* обращены *«к земле»*. В них светилась радость, *«щеки ее пылали, как заря в ясный летний вечер»* [6, с. 393]. Старушка-мать радуется искренней любви дочери к молодому дворянину Эрасту, поначалу она не заподозрила *«в нем никакого худого намерения»*. Замечателен авторский комментарий героя: это дворянин *«с изрядным разумом и добрым сердцем, добрым от природы, но слабым и ветреным»*. Читатель узнавал: оказывается, молодой человек *«вел рассеянную жизнь, думал только о своем удовольствии»* [6, с. 394].

Контрастом ветреному Эрасту в героине, искренне полюбившей дворянина и обманутой им, решившейся на самоубийство, мы видим добрую душу. Лиза прежде всего думает о матери и просит *«любезную подружку»* Анюту позаботиться о матушке. Вся богатая гамма чувств юной девушки, страстная и чистая любовь, вера в будущего жениха (так они мечтают с матерью) Карамзиным новаторски передается через различные приемы психологизма – исповеди, показа противоречивого внутреннего мира человека, достоинств и слабостей человеческой личности.

Книги писателя, особенно повесть *«Бедная Лиза»*, породили феномен *карамзинской прозы*. Многие фразы из повести позже стали традиционными *концептами* в русской литературе: *«и крестьянки любить умеют»*; *«злые люди могут обидеть бедную девушку»*, *«ужели ты обманешь бедную Лизу»*; *«он изменил мне»*; *«стоит пустая хижина, без дверей, без окончин, без полу»*; *«хижина опустела»* и др. [6]. Мы считаем, что можно говорить о развитии традиций писателя преимущественно в двух направлениях: 1) простого повторения сюжетно-фабульной линии истории бедной девушки; 2) полемического ответа автору *«Бедной Лизы»* с новым поворотом судьбы героини.

После публикации повести *«Бедная Лиза»*, появились многочисленные подражания, перепевы, реминисценции и т.п., особенно в плане обрисовки несчастной влюбленной и распада семейного очага. Вспомним нравоописательные романы и повести *«Бедная Маша»* А.Е. Измайлова (1801), *«Несчастливая Маргарита»* Н.Н. Шатрова (1803), *«История бедной Марьи»* Н.П. Брусилова (1805), *«Инна»* Г.П. Каменева (1806).

«Прекрасная Татьяна» В.В. Измайлова (1804) и др. Все эти книги тяготели к мелодраматическому сюжету про обольщенную невинность, они копировали карамзинский мотив бедствий юной девушки [9]. Здесь в большинстве случаев чувствительные героини гибнут, а виновников их бед постигает раскаяние. Были и другие варианты: великодушный соперник устраивает счастье любовников, но более обычна трагическая, нередко кровавая развязка. Пруд у Симонова монастыря в Москве стал местом паломничества многочисленных почитателей книги. Были случаи самоубийств юных девушек в Лизинем пруду. Один из поэтов той поры написал такую эпиграмму: *«Здесь бросилась в пруд Эрастова невеста. Топитесь, девушки: в пруду довольно места!»* [12, с. 186]

Возникает вопрос: почему творение Карамзина при всей сентиментальности прочно вошло в русскую классику, а сочинения его современников и последователей забыты окончательно. Ведь последние почти повторяют некоторые клише «Бедной Лизы». Причины неприятия таких книг читателями понятны. Сентиментальная слезливость, мелодраматичность прозы Брусилова, Измайлова, Каменева, Шатрова и др. авторов, повторяемость жизненной коллизии, чрезмерная эмоциональность отпугивали читателя. Эпигонство, подражательность – плохие союзники художественного произведения. У Карамзина всего в меру, и каждая (даже сентиментальная) деталь органична в структуре произведения. Книгу «Бедная Маша» А.Е. Измайлова (1801) не спасло даже авторское пояснение: «российская, отчасти справедливая повесть». Подобным авторам, считает исследователь, не приходило в голову попытаться как-то варьировать жизненные ситуации копируемой вещи, они шли проторенными путями [8].

В 20-30-е годы XIX века – карамзинский мотив *бедной Лизы* уже представлялся абсолютным мелодраматизмом. Читатели послекарамзинской поры были равнодушны к таким образцам: *«...Милая, добрая, чувствительная...» «Ах! Как она была хороша!»*). Было утомительно читать подобные слова и выражения: *«уединения», «душа моя», «утешиться», «стыдливость», «жестокое испытание», «ангельское терпение», «голубые глаза»* и т.п. [11].

В русской литературе 30-40-х годов формируется новое поколение писателей с иным видением жизни, героя. Карамзинские мотивы были новаторски развиты в прозе А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского и др. авторов. Эти писатели были под значительным влиянием художественного опыта автора «Бедной Лизы», однако сохраняли известную долю критичности к мелодраматике, чрезмерной сентиментальности.

Мотивы из «Бедной Лизы» явственно звучат в пушкинских повестях «Станционный смотритель», и «Барышня-крестьянка» из цикла «Повестей Белкина». Карамзинский мотив распада семейного очага, тема *«крестьянки Лизы, вынужденной заботиться о хлебе насущном, и — главное — о бедной девушке, соблазненной и оставленной возлюбленным»*, реализованы Пушкиным новаторски. На самом деле, этот мотив им разделен на две части: в «Станционном смотрителе» помещается первая его часть — «бедная», а в «Барышне-крестьянке» вторая — «Лиза». Пушкин выводит слово за пределы узкого контекста «страстной любви», применяя его к любви родительской, считает Т. Касаткина [7].

Карамзинский концепт привлекает также внимание Ф.М. Достоевского, который помнит и об опыте пушкинской трансформации. Имя «Лиза» — самое распространенное в художественном мире Достоевского [1]. Слово «бедный» уже встречается в первом произведении писателя — «Бедные люди». Т. Касаткина права: этот концепт объединен им в общем смысловом поле, задаваемом *притчей о блудном сыне*, с другими «концептами» русской литературы: своего — «бедные люди» — и пушкинского — «злые дети». Называя свое первое произведение «Бедные люди», Достоевский вполне сознательно включал себя в традицию Карамзина. Ведь в судьбе Вари Доброселовой явно звучит история обесчещенной и покинутой девушки. Было замечено, что название романа, в сущности, тавтологично, ибо, согласно тому смыслу слова, который возвращается Достоевским, все люди — бедные. В его представлении их судьбы являют общую для всех возможность беды, потери, утраты самого близкого существа. Все они люди *бедные* — в смысле *брошенные, забытые, покинутые*. Достоевский в «Бедных людях» как бы переписывает концовку «Станционного смотрителя»: история «бедной Вари» завершается законным браком с соблазнившим ее господином Быковым, и именно в этот момент не только с Девушкиным случается — как он себе напроорочил — то же, что с Самсоном Выриным. Их покинули, они остаются один на один со своей бедой, болью. Варя также покинута всеми, к кому привязано было ее сердце — нет рядом милого друга Макара Алексеевича, того кто появился рядом с ней именно в тот момент, когда она стала «бедной Варей» в смысле карамзинского «концепта». Традиции Карамзина сочувственного показа женской судьбы продолжили А.И. Герцен («Кто виноват?», «Сорока-воровка»), Н.Г. Чернышевский («Что делать?»), Н.А. Некрасов («Еду ли ночью по улице темной...»), Л.Н. Толстой («Воскресение», «Анна Каренина»), А.П. Чехов («Ариадна»), И.А. Бунин («Легкое дыхание»), М.А. Шолохов, Б.Л. Пастернак и др.

Показательно то, что в XX веке мотивы творчества Н.М. Карамзина, особенно к теме женской судьбы, оказались весьма созвучными многим писателям Востока. Чаще эти мотивы решались полемически, восточная женщина боролась за утверждение своей личности, счастья. Ярким примером тому является произведение Ч.Т. Айтматова «Джамиля».

Судьба героини повести Карамзина, решенная в духе сентиментальной прозы, стала спутником нашей жизни. Однако, девизом жизни писателя и историка Карамзина были слова: «Жить – это любить добро, возвышаться душою, все другое шелуха...» [3]. Этому завету следовали не только многие русские писатели, но и мастера слова народов Востока. Карамзинский мотив семьи, любви, женской судьбы оказался долговечным и плодотворным.

Литература

1. Альтман М.С. Достоевский по вехам имен. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1975. –279 с.
2. Блинова З.В. Вечно бедная Лиза : опыт прочтения «Бедной Лизы» Н.М. Карамзина // Литература в школе, 2005. № 1. С.29-30.
3. Бухаркин П.Е. О «Бедной Лизе» Н.М. Карамзина / Эраст и проблема типологии литературного героя /. – XVIII век. Сборник статей. – Спб, 1999.
4. Венок Карамзину : [Сборник] / Рос. фонд культуры, О-во любителей рос. словесности; [Ред. совет: И. М. Макаров (пред.) и др.]. – Москва : Ред.-изд. фирма "Academia", 1992 (1993). – 112 с.
5. Зорин А. «Слезы нежной скорби...» // Детская литература, 1965, № 10, с. 25-29.
6. Карамзин Н.М. Бедная Лиза // Русская литература XI-XVIII вв. : [Сборник / Сост., вступ. ст., примеч. Дмитриева Л. А., Кочетковой Н. Д.]. – Москва : Худож. лит., 1988. – 492 с.
8. Касаткина Т.А. Новые слова вещей // Новый мир. – Москва : "Редакция журнала "Новый мир", 2011, № 10. – С.166-187
9. Лотман Ю.М. Об одном читательском восприятии «Бедной Лизы» Н.М.Карамзина // Сб.XVIII век. Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. – Л.:1966
10. Луначарский А.В. Судьбы русской литературы // Собрание сочинений в восьми томах. Т. 1. – Москва : 1963. С. 497-526.

11. Орлов П.А. Бедная Лиза» Н.М.Карамзина и сентиментальная повесть литературы конца XVIII - нач. XIX вв. // Вестник Моск. университета, 1966, № 6. С.16–26.
12. Петрунина Н. Н. Проза. 1800–1810 гг. // История русской литературы. В 4х тт. – Л.: Наука, 1981. Т. 2. С. 59-72.
13. Русская эпиграмма второй половины XVII – начала XX в. / Сост., подгот. текста и примеч. В. Е. Васильева, М. И. Гиллельсона, Н. Г. Захаренко. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд–ние, 1975. – 968 с.

Orazova Mariyam Orazovna

Turkmen National Institute of World Languages named after Dowletmamed Azadi

The evolution of the collapse of the family motive of fate (the question of the traditions of the story «Poor Liza» N.M. Karamzin)

The motive of the collapse of the family, of human destiny in the literature (in the question of tradition of N M Karamzin has been analyzed)

Keywords: Evolution, motive, traditions, family, love, fate, wreck.

**Палетина Арина Александровна,
Первунинских Екатерина Алексеевна**

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
paletina2002@gmail.com; pe5hea2001@gmail.com

Узуальное и окказиональное образование катойконимов женского рода в русском языке на примерах городов Ярославля и Архангельска

Работа выполнена под руководством Тельпова Романа Евгеньевича, кандидата филологических наук, доцента кафедры Общего и русского языкознания

Данное исследование посвящено рассмотрению окказиональных катойконимов женского рода, полученных в результате опроса. Особое внимание уделяется узуальным и окказиональным типам построения катойконимов женского рода, а также приводятся ряды слов, по аналогии к которым строятся окказиональные катойконимы.

Ключевые слова: катойконимы женского рода, окказионализмы, формант, структура, аналогия.

Целью данной статьи является рассмотрение окказиональных способов образования катойконимов женского рода. Материалом послужили катойконимы, образованные в ходе социолингвистического эксперимента от названий русских городов, обладающих нестандартной структурой и вызывающих затруднения в качестве мотивирующей базы для названия местных жителей. В статье были выявлены основные окказиональные модели, в соответствии с которыми образуются подобные катойконимы.

Опрос проводился с 11 декабря по 21 декабря 2022 года на базе Google форм. Респондентам необходимо было указать несколько пунктов: пол, возраст, город проживания, частоту путешествий, а также ответить на блок вопросов, непосредственно связанный с образованием катойконимов. В опросе приняли участие 59 человек: из Москвы и Московской области – 22 человека; из Челябинска – 17 человек; из Ярославля – 11 человек; из Воронежа – 3 человека; из Санкт-Петербурга – 3 человека; по одному человеку из Новомосковска, Екатеринбурга и Архангельска. 12 человек, принявших участие в опросе – мужчины, 47 – женщины. По возрастным группам респондентов можно распределить следующим образом: 16-20 лет – 42 человека; 21-30 лет – 10 человек; 31-40 лет – 2 человека; 41-50 лет – 5 человек; 60+ – 1 человек. На вопрос «Часто ли Вы путешествуете?» 26 респондентов ответили «редко», 28 – «иногда» и 3 «часто».

В ходе опроса респондентам было предложено образовать наименование жителя, жительницы и жителей нескольких городов России: Ростова Великого, Ростова-на-Дону, Липецка, Липок, Ярославля, Переславля-Залесского, Архангельска, Великого Устюга и Пензы. В данном исследовании рассматривается два города – Ярославль и Архангельск. Мы предположили, что образование катойконимов женского пола от двух вышеназванных городов вызовет наибольшее затруднение из-за их нестандартных моделей, чем в других семи, названных в ряду.

По результатам опроса в общей сложности было получено 115 ответов, количество катойконимов в которых могло варьироваться от 1 до 3, поскольку не все респонденты дали полный ответ, т.е. составили катойконимы всех трех интересующих нас типов: житель, жительница и жители города. В трех случаях респонденты поставили прочерк.

Из 115 полученных ответов в 72 содержались катойконимы женского рода. Из 72 наименований жительниц городов 25 были образованы узуально и 47 окказионально. Визуализируем ответы с помощью таблицы.

город / реакция	узуальное	окказиональное	Итого:
Ярославль	15	23	38
Архангельск	10	24	34
	25	47	72

Предположим, что существует сложность в образовании катойконима женского рода, которая заключается в зависимости между названием города и количеством

узуальных / окказиональных вариантов, и проверим данную гипотезу с помощью «хи-квадрата».

Из расчета приведенных данных коэффициент составляет 0,8. При 1 как числе степени свободы коэффициент находится за пределами критической области, и наша гипотеза отвергается с вероятностью ошибки 0,01. Таким образом, мы отвергаем гипотезу о наличии связи между названием города и характером (узуальным или окказиональным) образования катойконима.

Узуальные катойконимы 'ярославна' и 'архангелогородка' являются нормой, то есть совокупностью реализованных единиц, закрепленных общественной языковой практикой [5, с. 9]. Исходя из арифметических значений, отраженных в данной таблице, количество окказионально образованных катойконимов женского рода превалирует над количеством узуальных вариантов. Как отмечает И.С. Улуханов, катойконим часто является лакуной [5, с. 16-17], то есть коммуникативно значимым пропущенным элементом. Однако в нашем исследовании узуальный вариант в большинстве случаев неизвестен носителям языка, поэтому респонденты стараются заполнить пропуск окказионально построенным вариантом, ориентируясь на модели построения других катойконимов или существительных женского рода, существующих в русском языке.

Среди ответов информантов многократно повторяются некоторые варианты, построенные по узуальным типам. Существует несколько узуальных моделей построения катойконима женского пола, которые были использованы респондентами при окказиональном словообразовании, перечислим их, иллюстрируя узуальными примерами и выделяя форманты: 'челябин-к(а)', 'тамбов-чанк(а)', 'иркут-янк(а)', «москв-ичк(а)». В результате опроса были получены 1) катойконимы «ярославка» (15 реакций) и 'архангелка' (4 реакции), построенные с использованием форманта -к(а) модели 'челябин-к(а)'; 2) катойконимы 'ярославчанка' (4 реакции), 'архенгельчанка' (8 реакций) и 'архангелогородчанка' (3 реакции), построенные с использованием форманта -чанк(а) модели 'тамбов-чанк(а)'; 3) катойконим 'ярославлянка' (2 реакции), построенный без усечения основы до «ярослав-» и с сохранением ее мягкости по аналогии с моделью 'иркут-янк(а)'; 4) катойконим 'ярославичка' (1 реакция), построенный по модели 'москв-ичк(а)'.

В ответах респондентов также однократно встречаются варианты катойконимов, построенные по аналогии со словообразовательными моделями, которые будут приведены далее. Поскольку за формантами закреплено определенное значение, в окказиональных вариантах, построенных по существующим словообразовательным

типам, на основу будет накладываться значение, закрепленное за определенным аффиксом, морфом или формантом [5, с. 192], а также будет возникать дополнительная коннотация. Чтобы проиллюстрировать дополнительные значения и коннотации, в рассмотрении окказиональных вариантов будет приведен ряд слов, по аналогии с которыми построен окказиональный катойконим. Отбор слов производился по морфам с помощью «Обратного (инверсионного) словаря русского языка» А.А. Зализняка [4]. Особенность следующих окказиональных катойконимов заключается в том, что в ответах респондентов они встречаются однократно и не воспроизводятся.

При анализе окказиональной группы выделяется катойконим с ярко выраженной отрицательной коннотацией – 'архангаличка'. Данная коннотация возникает за счет изменения основы и построения варианта по аналогии со словами «алкоголичка», «неврастеничка», «шизофреничка», «биологичка», «физичка» и др. с формантом -ичк(а), за которым закреплена семантика пренебрежения. Поскольку существуют триады 'алкоголизм – алкоголик – алкоголичка', 'неврастения – неврастеник – неврастеничка', на наш взгляд, можно вычленить значение 'страдающая определенным заболеванием'. Как отмечает М.В. Ахметова, катойконимы, построенные по аналогии с определенным словом, могут становиться «оскорблением» и приобретать экспрессию в ситуации пренебрежительного именования [1]. И данное свойство ярко иллюстрируется данным катойконимом.

К катойкониму 'архангличанка', по нашему мнению, добавляется значение «женщина определенной национальности» из-за изменения словообразовательной основы и добавления форманта -чанк(а), что меняет структуру исходного слова и сближает со словами «англичанка», «турчанка», «гречанка».

Вероятно, данные модели для построения окказиональных катойконимов женского пола ('архангаличка' и 'архангличанка') были выбраны интуитивно по созвучию со словами «алкоголичка» и «англичанка» соответственно.

Катойконим 'архангелица' с сохранением ударения на словообразовательной основе имеет дополнительную сему «носительница определенного свойства», которая также возникает в ряду слов «владелица», «умелица», «однофамилица» благодаря форманту -иц(а).

Катойконим 'архангеловка' из-за многофункциональности форманта -овк(а) структурно сближается с несколькими рядами слов. Во-первых, это слова, обозначающие лиц женского пола часто с отрицательной коннотацией, например, «жидовка», «хрычовка», «воровка». Во-вторых, возникает связь с поселением и

соответствующая сема, например, «Дубровка», «Ивановка», «Сологубовка». В-третьих, возникают семы, связанные с зоологией или ботаникой, например, «кедровка», «дубровка», «ореховка» (виды птиц), «зубровка» (вид травы). В-четвертых, схожая структура наблюдается у слов, обозначающих артефакт, например, «буденовка», «зубровка», «сверловка». Стоит отметить, что в данном и в следующих примерах респонденты устанавливают аналогию в том числе и со словами, структурно схожими с неодушевленными существительными.

Катойконимы 'ярославля' с формантом -л(я) структурно сближаются с несколькими словами. Во-первых, это существительные общего рода, которые в большинстве своем имеют отрицательную коннотацию, например, «рохля», «мямля». Стоит отметить, что признак женского пола в этом примере нивелируется. Во-вторых, возникает сема процесса по аналогии с отглагольными существительными «купля», «ловля». Несмотря на отсутствие в языке глагола '*ярославить', его можно потенциально построить. В-третьих, возникает сема предмета быта или окружающей среды из-за сближения с существительными «капля», «оглобля». Для последних двух групп слов характерна грамматическая формальность женского рода.

Катойконим 'архангельца' структурно невозможен при сохранении ударения по аналогии с производящей основой. За ударным формантом -ц(а) после мягкой основы («пыльца», «гнильца», «сольца») закреплены уменьшительно-ласкательное значение от вещественных существительных, разговорный стиль речи, формальный женский род слова и неодушевленность объекта.

Однократно встречающийся окказиональный катойконим 'архангелька', образованный с помощью форманта -к(а), по структуре сближается с вариантом 'архангелка'. Особенность структуры заключается в сохранении мягкости производящей основы, и данное свойство делает созвучными катойконим 'архангелька' и этноним «полька». Однако подобное созвучие воспринимается достаточно условно из-за универсальности форманта -к(а).

Катойконим 'архангельска' по своей структуре сближается с искусственно усеченной формой притяжательного прилагательного женского рода. Однако вероятнее всего здесь имеет место ошибка, допущенная респондентом при написании катойконима. Возможно, этот вариант объясняется тенденцией указания на местность происхождения / рождения через относительное прилагательное в разговорной речи [3, с. 3].

Таким образом, все катойконимы женского рода, полученные в результате проведенного нами опроса, можно распределить по двум основным типам. Первый тип – узуальный, являющийся нормой ('ярославна' и 'архангелогородка'). Второй тип – окказиональный, который разделяется на два подтипа. Первый подтип характеризуется построением с использованием других моделей, характерных для катойконимов: «архангел-ка», 'ярослав-ка', 'архангель-чанка' и др. Как отмечает М.В. Ахметова, данные варианты встречаются в текстах СМИ, и их можно расценивать как пародию на другие города, например, в реакциях региональных газет на тексты Москвы («московцы» как реакция кемеровчан на «кемеровцев», «московчане» как реакция муромцев на «муромчан» и др.) [2, с. 113]. Второй подтип катойконимов строится не по продуктивным словообразовательным типам, а по аналогии с отдельными словами, т.е. с использованием окказиональных типов словообразования. Данному подтипу присуща высокая степень экспрессивности: 'архангаличка' и «алкоголичка», 'арханглечанка' и «англичанка» и др.

Литература

1. Ахметова М.В. «Неправильное» именование как оскорбление (об одном аспекте вариантности катойконимов) // Шаги/Steps. – 2015. – № 1. – С. 19-39.
2. Ахметова М.В. «Маргинальные» катойконимы: от окказионального к систематическому. // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14. – № 1. – С. 110-131.
3. Городецкая И.Л., Левашов Е.А. Русские названия жителей: Словарь-справочник: Более 14 000 назв. / Городецкая И.Л., Левашов Е.А.; Под ред. Е.А. Левашова. – Москва. : ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 363 с.
4. Обратный (инверсионный) словарь русского языка [Электронный ресурс] / авт. А.А. Зализняк – Электрон. дан. (93392 слова) – Москва. : Русский язык, 1977. – Режим доступа: <http://ivanov-portal.ru/zaliznyak1.html>, свободный.
5. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И.С. Улуханов; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – Москва : Б. и., 1996. – 221 с.

Usual and occasional formation of female katoikonoms in Russian on the examples of the cities of Yaroslavl and Arkhangelsk

This article is devoted to the consideration of occasional feminine katoikonoms obtained as a result of a survey. Particular attention is paid to the usual and occasional types of construction of feminine katoikonoms, as well as a series of words, by analogy to which occasional katoikonoms are built.

Keywords: feminine katoikonoms, occasionalisms, formant, structure, analogy.

Панчихина Алла Алексеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
alla-school@mail.ru

Проявления инфотейнмента в научно-просветительском журнале «Дилетант»

Работа выполнена под руководством кандидата филологических наук, доцента Жуковой Арины Геннадьевны.

Статья посвящена функциям и приемам инфотейнмента в материалах и структуре журнала «Дилетант». Проанализированы приемы создания заголовков, способы подачи информации. Автор приходит к выводам, что в данном издании инфотейнмент выполняет информационно-развлекательную, просветительскую, коммуникативную, эскапистскую, адаптивную и некоторые другие функции; выявлены такие приемы инфотейнмента, как цветное разграничение информации, иллюстрации, даты, локализация, парадоксальность, языковая игра, эллипсис.

Ключевые слова: инфотейнмент, интернет-СМИ, журналистика, «Дилетант», журналы.

В наше время жизнь человека переполнена различного рода информацией, вследствие чего наблюдается общий синдром информационной усталости. Конкуренция СМИ, особенно в интернете, порождает бесконечное количество публикаций на одни и те же темы, поэтому важно не только заинтересовать читателя качественным контентом, но и преподнести его в доступной, желательно еще и развлекательной, игровой форме. Именно поэтому все большую популярность в медиасреде приобретает инфотейнмент, понятие, в семантике которого заложена идея совмещения информативности и развлекательности.

Инфотейнмент – это *«эстетизированная подача новостных и других видов медиаинформации в развлекательной форме, иногда с элементами театрализации, игрового начала или с различными их оттенками»* [5, с. 3]. Исследователями этого явления выделяются следующие признаки инфотейнмента: информативность, развлекательность, превалирование формы над содержанием, эмоциональность, multifunctionality, мультижанровость, мультистилистика, ориентированность на рейтинги, визуальная притягательность, краткость и фрагментарность, универсальность, глобализационный характер и ориентация на демократизацию [5, с. 15-16]. Инфотейнмент проявляет себя в разных сегментах медиасфер: на телевидении, в блогах, в печатных и интернет-СМИ. Предметом нашего внимания

является инфотейнмент в качественных просветительских медиа. Цель настоящей статьи – выявить признаки и приёмы инфотейнмента в научно-просветительском журнале «Дилетант», сочетающем традиционный печатный и сетевой форматы.

Инфотейнмент можно отнести к методам подачи информации. Суть этого метода в том, чтобы сделать материал максимально доступным и интересным для читателя, который может не разбираться в данной теме и не интересоваться ею изначально. Публикации даже на сложные для обывателя темы, обычно ассоциирующиеся с тяжелой и скучной для восприятия информацией, благодаря использованию особых приемов инфотейнмента должны стать максимально понятными и привлекательными.

Приемы инфотейнмента можно разделить на 3 группы: структурно-композиционные, содержательные и речевые [3, с. 17-18].

Как интерактивная площадка, интернет предлагает СМИ уникальные возможности для оформления и изложения информации: гипертекст, прикрепление аудиовизуального контента и разнообразной графики (иллюстрации, фотографии, комиксы, инфографика, анимация), а также разные виды интерактива, вовлекающего читателя в непосредственное взаимодействие со СМИ: опросы, тесты, игры. Гипертекст способствует расширению и углублению уже отраженной информации в более краткой форме, что компенсирует фрагментарность и избирательность в освещении информации, присущие такому методу изложения информации, как инфотейнмент [12]. Журналист, опираясь на метод инфотейнмента, прибегает к различным средствам визуализации, геймификации, образности, стилистики и т.д. Инфотейнмент совмещает в себе документальность и художественность; это свидетельствует о том, что данный метод изложения информации является в некоторой степени результатом взаимодействия таких разнонаправленных явлений, как интеллектуализация и демократизация массмедиа. Из структурно-композиционных приемов научно-просветительский журнал «Дилетант» использует визуальное оформление: цветные блоки с особым цветом для каждого тематического блока в печатной версии, карты, таблицы, инфографику, анимацию в веб-версии и т.п. Иногда серьезный материал смешивается с юмористическим: визуализация получается неоднородной, благодаря чему повышается аттрактивность. Например, карикатуры используются в печатной версии журнала в рубрике «История от Андрея Бильжо» (на что намекает использование имени художника-карикатуриста), а также встречаются в отдельных материалах веб-версии: «Первая полоса: за неделю до распада» (в качестве

иллюстративного материала присутствует несколько снимков страниц газеты «Коммерсант» с карикатурами от того же А. Бильжо) [7], «Мукден: кровавая ничья в битве русских с японцами», где в качестве иллюстрации приведена японская карикатура на Николая II [8].

В интернете, где коммуникация между СМИ и их аудиторией перешла на совершенно другой уровень, журналисты с помощью инфотейнмента создают особое информационное и коммуникативное пространство, в котором пользователь имеет возможность влиять на формирование контента, а также высказывать свое личное мнение по поводу написанного. Авторы публикаций часто прибегают к следующим приемам: обращение к эмоциям, смещение фокуса с события на личность, введение нетрадиционных новых жанров, визуально-выразительное оформление материала, упрощение текста. Из содержательных приемов в «Дилетанте» замечено использование дат и локализации (поскольку информация по исторической тематике не может существовать вне этих параметров), и парадоксальность – это ярко выражено в рубрике журнала «Разрушение мифов», в которой публикации посвящены популярным заблуждениям и истории их возникновения. «Узнай, как все было на самом деле,» – гласит описание рубрики [13].

Делая упор на языковой стиль подачи материала, журналисты качественных СМИ нередко излагают информацию в стиле, близком к художественному, используя разного рода фигуры речи, такие как: риторический вопрос, эллипсис, лексический повтор, градацию, параномазию, аллюзии; различные тропы: метафору, иронию, сравнение; а также фразеологизмы, эмоционально-окрашенную лексику, окказионализмы [11]. Вышеупомянутые приемы нередко отражают в тексте авторское начало, что способно сократить дистанцию между читателем и журналистом, приводя к интимизации их общения и формированию определенного образа журналиста в сознании читателя. В итоге часть аудитории может начать испытывать симпатию к одному из авторов и стремиться ознакомиться с каждым его материалом, что выгодно скажется на рейтинге и количестве просмотров и приведет к удержанию внимания и появлению заинтересованности. Из речевых приемов «Дилетант» активно пользуется языковой игрой и эллипсисом, что можно будет заметить в приведенных ниже примерах заголовков.

Исследователи выделяют такие функции инфотейнмента, как информационная, развлекательная, просветительская, эскапистская, аттрактивная, образовательная, фасцинативная [5, с. 12], адаптивная, направленная на донесение до читателя

последних изменений, произошедших в жизни общества, и, как следствие, изменение его картины мира [1, с. 223], коммуникативная функция и функция формирования мнения [10, с. 285], а также рекреативная функция, поскольку СМИ более доступны, чем прочие развлечения [14, с. 414].

Многие из этих функций успешно реализуются в «Дилетанте». Благодаря использованию инфотейнмента в своих публикациях журналисты превращают сложные тексты по исторической тематике, способные заинтересовать только ограниченный круг лиц, в научно-популярные, что способствует привлечению массовой аудитории и, как следствие, просвещению общества [4, с. 309]. Авторы издания как бы в шутку называют себя и читателей дилетантами; постоянным эпиграфом журнала стал общеизвестный афоризм *«Я знаю, что ничего не знаю»*, что заранее настраивает аудиторию на непринужденную атмосферу и лояльную к их кругозору подачу информации. Их как бы уверяют, что в «Дилетанте» не придется читать громоздкие тексты, и все будет просто, понятно и интересно [6, с. 15].

Данное издание изначально ориентировалось на ироническую и развлекательную форму изложения материала. При этом, исходя из своей основной (исторической) тематики, авторы придерживались сбалансированного стиля изложения информации, который не позволял переходить границы, заданные качественной прессой. В противном случае «Дилетант» потерял бы статусность и обрел черты, свойственные бульварной прессе.

Создатели «Дилетанта» успешно совмещают изложение серьезной информации на историческую тематику и развлекательный формат: например, в заголовках статей и тестов часто используются вопросы, подогревающие интерес (*«Почему паролод был “философским”?»*, *«Маркс, Черчилль или Вольтер?»*, *«Нерон: правда или вымысел?»*), яркие цитаты, характеризующие тему публикаций (*«Фомка Сережку поборола – “ломик замок сломал”*») (о воровском аргументе петербургских преступников середины XIX века), *«Каждый цвет живет своей таинственной жизнью»* (о художнике-абстракционисте В. Кандинском, основоположнике беспредметного искусства, в работах которого особую роль играл именно цвет), *«Верил в справедливость и ждал ее от жизни»* (заголовком статьи об А.Т. Твардовском стала цитата из документально-биографической книги П.Е. Фокина «Твардовский без глянца») экспрессивная лексика (*«Как Китай проморгал Тайвань»*, *«Крепость Ландскрона – опасная заноза для Новгорода»*), а также прецедентные феномены (*«Эдуард VI, “золотой мальчик” Генриха VIII»*, *«Макдоналдс: вкусная история безо всяких точек»*, *«Карты, выстрел,*

два суда» [9]). Это свидетельствует о выполнении **развлекательной, информационной и просветительской** функций инфотейнмента. Развлекательная функция также проявляет себя в наличии в номерах «Дилетанта» игровой составляющей: опросов, тестов и кроссвордов по тематике каждого номера, что развлекает читателя и активизирует его мыслительную деятельность, а также способствует желанию проверить усвоение материала и узнать результат. Тем не менее, инфотейнмент проявляет себя в материалах данного СМИ не во всех своих чертах: например, форма, в которой «Дилетант» предоставляет информацию, не доминирует над содержанием, а также для большинства текстов статей характерна нейтральная тональность, отсутствие излишних эмоций.

Об инфотейнменте в самом устройстве «Дилетанта» свидетельствует способ привлечения аудитории к проекту: журнал составляет выпуски, опираясь на мнение читателей, и уже вышло 4 сборника, состоящих из самых интересных, по мнению аудитории, публикаций за предыдущий год. К тому же, используя возможности, предоставляемые интернет-площадкой, читатели могут голосовать за понравившиеся материалы на сайте и даже добавлять свои собственные очерки на историческую тематику, а также обзоры книг и фильмов [6, с. 14].

Благодаря принципам мультимедийности и интерактивности обе версии издания (печатная и веб-версия) поддерживают обратную связь с читателями. Так, например, в печатной версии появилась рубрика «Эссе», которая дублировала раздел «Дуэли» на сайте журнала. В «Дуэлях» читатели могли участвовать в дискуссиях на исторические темы путем голосования за одного из двух экспертов-соперников. Таким образом аудитория выражала свое несогласие с мнением другого автора, развивала дискуссию в комментариях или поддерживала чужую точку зрения на тот или иной вопрос. Из всего этого корпуса текстов редакция выбирает лучшие и печатает подборку на страницах печатной версии журнала. На наш взгляд, это отражает **коммуникативную, образовательную и адаптивную** функции, а также **функцию формирования мнения**: например, под публикацией «*Было ли татаро-монгольское иго?*» в споре сошлись эксперты К. Куксин и А. Голубев; большинство проголосовало за Голубева, решив, что гнета со стороны монголов не было, как и оккупации Руси в современном смысле этого слова [2].

В журнале, помимо функций, которые мы обозначили выше, реализуются еще и другие функции инфотейнмента: **эскапистская**, проявляющаяся в создании различных тестов, например, таких, как «*Кто ты на «философском пароходе»?*», «*Взяли бы тебя*

в КГБ?», позволяющих примерить на себя иную роль и попробовать представить жизнь в другое время; **аттрактивная** функция, заключающаяся в привлечении внимания и разжигании интереса, которая характеризуется почти в каждом элементе «Дилетанта» в веб-версии: яркий дизайн, мультимедийные материалы публикаций, ориентированные на визуальное восприятие, интригующие заголовки и интерактивные развлечения (опрос, тест и т.д.); **фасцинативная** функция проявляет себя в заголовках, ориентированных на эмоциональную реакцию аудитории и обладающих высокой речевой выразительностью за счет таких приемов, как игра слов, прецедентные феномены или эллипсис: «*Кому – война, кому – чулки*», «*“Веселый Роджер” по-русски*», «*“Нижегородский Архимед” Иван Кулибин*», «*Рыцарский бизнес- плен*» [9].

Подведем итоги. Как мы выяснили, журналисты научно-просветительского проекта «Дилетант» применяют множество разнообразных приемов для того, чтобы сделать информацию в публикациях более доступной для читателя: структурированной, привлекающей внимание, интересной и наглядной. Среди них такие, как: использование определенных цветовых решений при разграничении тематических блоков, прикрепление мультимедийных элементов в качестве иллюстрации, даты и локализация при подаче информации на историческую тематику, парадоксальность изложения, а также языковая игра и эллипсис в заголовках публикаций. При этом инфотейнмент как метод изложения информации выполняет в «Дилетанте» широкий спектр функций, среди которых развлекательная, просветительская, коммуникативная, адаптивная, эскапистская и аттрактивная. Авторы статей широко используют мультимедиа и документальные материалы, подкрепляющие фактологическую составляющую текста, рассчитанного на среднестатистического читателя научно-популярных материалов. Информативная составляющая при этом не страдает, и можно утверждать, что «Дилетант» является примером удачного использования конструктивного инфотейнмента.

Литература

1. Богданова Е.М. Феномен инфотейнмента на телевидении // Наука телевидения. – 2012. – № 9. – С. 219-223;
2. Было ли татаро-монгольское иго? // Дуэли – Diletant.Media. – 26 декабря. – URL: <https://diletant.media/duels/33018073/> (дата обращения: 15.12.2022)
3. Гимадинова Е.А. Приемы инфотейнмента в телеэфире (на материалах «Первого канала» и НТВ). – 2016. – URL:

<https://nauchkor.ru/uploads/documents/587d36425f1be77c40d58aca.pdf> (дата обращения: 15.12.2022)

4. Долгова Н.В. Просвещение и инфотейнмент в популяризации науки (на примере российских общественно-политических интернет-СМИ) // Общество и государство в зеркале социологических измерений (VIII Рязанские социологические чтения). – 2018. – С. 307-312.
5. Драгун Е.М. Инфотейнмент как явление современной медиакультуры: автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. культурологии. – М. – 2015. – 34 с.
6. Зеленкова Л.В. Журнал «Дилетант»: стилевые особенности издания // Время науки – The Times of Science. – 2021. – №. 1. – С. 13-21.
7. Сапрыкин Ю. Первая полоса: за неделю до распада // Дилетант. – 20 декабря 2015 года. – URL: <https://diletant.media/articles/27070759/> (дата обращения: 14.12.2022)
8. Карасюк Р. Мукден: кровавая ничья в битве русских с японцами // Дилетант. – 24 ноября 2022 года. – URL: <https://diletant.media/articles/45354061/> (дата обращения: 10.12.2022)
9. Картотека // Дилетант. – URL: <https://diletant.media/kartoteka/> (дата обращения: 14.12.2022)
10. Клушина Н.И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Учебное пособие. – М.: МГУ. – 2003. – С. 269-289.
11. Лихолобова К.Д. Прецедентные феномены как речевой инструмент инфотейнмента. – 2016. – URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/4564/1/Lixolobova_VKR_PF_kak_rechevoj_instrument_infotejnmenta.pdf (дата обращения: 16.12.2022)
12. Мыгаль М.С., Карпенко И.И. Журналистский гипертекст в системе массмедийной интернет-коммуникации // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2011. – №18 (113). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnalistskiy-gipertekst-v-sisteme-massmediynoy-internet-kommunikatsii> (дата обращения: 14.12.2022).
13. Разрушители мифов // Дилетант. – URL: <https://diletant.media/sborniki/45243023/> (дата обращения: 14.12.2022)
14. Федотова Н.А. Рекреативный контент СМИ как инструмент политического влияния // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2012. – № 9. – С. 68-72.

Pancheikhina A.A.

Pushkin State Russian Language Institute

Manifestations of infotainment in the scientific and educational magazine “Diletant”

The article is devoted to the functions and techniques of infotainment in the materials and structure of the magazine “Diletant”. The techniques of creating headings, ways of presenting information are analyzed. The author comes to the conclusion that in this publication the infotainment performs information and entertainment, educational, communicative, escapist, adaptive and some other functions; such infotainment techniques as color differentiation of information, illustrations, dates, localization, paradoxicity, language game, ellipsis are revealed.

Keywords: infotainment, online media, journalism, “Diletant”, magazines.

Пашечко Мария Алексеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
mari.pashechko@gmail.com

Метафоризация тактильного глагола «гладить» в английском и русском языках

Работа выполнена под руководством доктора филологических наук Юриной Елены Андреевны.

В статье рассматривается семантика и прагматика глагола тактильного воздействия *гладить*, а также механизмы метафоризации его значения. Кроме того, предпринята попытка сравнительно-сопоставительного анализа способа выражения когнитивных концептов в русском и английском языках посредством метафоризации данного глагола. Цель исследования – выявить когнитивные модели метафоризации и определить типовые образные представления, основанные на исходной ситуации рассматриваемого тактильного воздействия. Научная новизна исследования заключается в применении методики пропозиционально-фреймового анализа при реконструкции исходной ситуации сферы-источника метафорических проекций. Исследование показало, что каждый компонент когнитивной структуры рассматриваемых фреймов подлежит метафорическому переосмыслению. В результате описана когнитивная модель «Гладить — это X», выявлены аспекты метафоризации, представлены когнитивные основания рассмотренных аналогий.

Ключевые слова: лингвосенсорика, тактильность, когнитивная теория метафоры, концепт, языковая картина мира.

Превалирование чувственного опыта в процессе познания связано с возвращением и повышением интереса науки к собственно телесному миру. В конце 20 в. в США запускается работа Центра по изучению ощущений, который объединяет работу как антропологов, археологов, социологов, психологов, педагогов, так и лингвистов. Чуть позднее, чем в западной науке, в отечественной лингвистике складывается направление по исследованию словесных репрезентаций ощущений — лингвосенсорика, которая занимается языком перцепции [6, с. 3]. Язык играет важнейшую роль в процессе понимания перцептивных процессов — он дает нам «ключ» для их понимания [2, с. 12], поскольку именно в языке фиксируются результаты чувственного опыта, предоставляющие доступ для дифференцирования целой культуры

сенсориумов; соотношение «культура — язык», отраженное в развивающемся социально-филологическом направлении науки лингвокультурологии, позволяет на основе сравнения разных языков делать выводы о различии/сходстве культур, к которым они относятся.

Лингвосенсорика связана с теорией метафоры: первая изучает конкретно-предметный план выражения сенсорной лексики, тогда как вторая — процесс трансформации значения этой лексики в более абстрактное. Вклад Дж. Лакоффа и М. Джонсона в исследование метафоры в общей языковой картине мира заключается в тезисе о том, что метафорическое моделирование — одно из основополагающих процессов познания в деятельности человека [8]. Этот тезис развивается в современной когнитивной теории метафоры, которая рассматривает когнитивные принципы образного мышления, построенные на аналогии. Описывать процесс метафоризации значения помогают когнитивные модели, которые направлены на выражение концептуальных областей более высокой степени абстракции в терминах других концептуальных областей в терминах конкретно-предметного плана, связанных с телесным опытом человека [7, с. 18].

Таким образом, когнитивное исследование базируется на идее выражения одного концепта через другой (в отличие от семасиологического подхода к изучению метафоры).

Глагол «гладить» входит в лексико-семантическое поле «оказывать тактильное воздействие». В сравнении с ядерными лексемами поля «трогать», «касаться», «осязать», «гладить» наравне с глаголами «ласкать», «обнимать», «целовать» и в противоположность глаголам «бить», «щипать», «царапать» представляет лексико-семантическое подполе с общим значением «оказывать тактильное воздействие *положительного* характера».

Однако первичное значение лексемы «гладить», отмечаемое в толковых словарях выводится из этимологии глагола: «гладить» образовано от «гладкий», восходит к «гладь», что буквально означает «делать гладким» [4]. Тактильность, таким образом, несколько вторична в семантике глагола.

Лексическое значение 1: «делать гладким при помощи горячего утюга или пресса». Компонентный анализ позволяет вычленить дифференциальные семы — «делать гладким», «использовать специальный тяжелый и горячий предмет». Парадигматические отношения, в которые вступает лексема «гладить», представляют

собой синонимический ряд: *выпрямлять, сглаживать, ровнять*; антонимический ряд: *мять, делать складки, неровности, портить*.

Модель пропозиции «что-то было помято, следовательно, должно быть поглажено» выводит из семантики глагола более общее значение: «гладить — делать как было, восстанавливать». По теории когнитивной метафоры, модель, лежащая в основе процесса метафоризации, представляет собой двухчленную структуру концептов «Это – есть Нечто».

Модель-1: «Гладить — это Исправлять».

Устойчивые выражения типа *изгладить из памяти, загладить вину, сгладить конфликт, проходить негладко/гладко* отражают концепт «исправление», восходящий к модели «что-то портит структуру объекта и должно быть убрано». Метафорическое переосмысление касается так же повода для осуществления действия: «мятость», «складки» связываются с общим концептом «неровности», «неплавности», «непростоты» (ср.: «сгладить углы» - предотвратить намечающийся конфликт, ликвидировав «шероховатости» на абстрактном полотне коммуникации, «загладить вину» - восстановить доверие к себе путем ликвидации «складки» на материи собственной совести, «изгладить впечатление» - восстановить нарушенное состояние покоя нервной системы, «проходить негладко» - проходить с препятствиями, словно через топорщащуюся ткань).

Метафоризация видоизменяет фреймовую семантику понятия «гладить», расширяя число сфер, в которых данное понятие встречается: 1) **субъект** — человек (однако часто встречаются бессубъектные употребления в безличном предложении): *Невозможно было изгладить из памяти и ее экзотическую, темную и томную красоту. [Алексей Григорович. Пыльная буря // «Волга», 2012]; Желая изгладить это впечатление, я пошел гулять по базару. [А. Е. Рекемчук. Мамонты (2006)]; субъект* — явление ментально-чувственной сферы: *С первого взгляда казалось: небо и земля, огонь и вода, — но любовь, понимаете ли, все сгладила. [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)]; 2) объект* — явления ментальной, коммуникативной сферы, сводящиеся в сознании говорящего к абстрактным: *Неужели не дадут Ходорковскому шанса загладить вину? [Сергей Доренко. Левые силы - перезагрузка (2003) // «Завтра», 13.08.2003]; 3) инструмент* исчезает: акцент с предметного плана перемещается на явления плана абстрактного (изгладить одно впечатление другим, загладить вину каким-то поступком, сгладить конфликтные углы разговором на другую тему и тп): *Чтобы загладить напрасные слова, произнесенные со сна, прокуратор сказал: [М. А. Булгаков.*

*Мастер и Маргарита, часть 2 (1929-1940)]; 4) повод — что-то, нарушающее плавное течение деятельности субъекта: Беременность протекала **негладко**, с постоянной тошнотой и головными болями, которые сводили ее с ума, и от этого она становилась раздражительной и капризной. [Борис Левин. Блуждающие огни (1995)]; 5) цель — восстановление плавного течения деятельности субъекта: Но пришествием от самой вечности определенного Мессии сей глубокий беззаконный мрак разогнан, **грехи** наши **заглажены**, скверны омыты, и новая отворена веры дверь ко оправданию. [архиепископ Платон (Левшин). Слово на Рождество Иисуса Христа Спасителя нашего (1763)]; 6) реакция — исправление ситуации или полу-исправление: **Пытаясь сгладить нелепость** ситуации, он не придумал ничего лучше, как поспорить с десантниками: [Дмитрий Литовкин. Броня крепка. Генштаб отказывается реформировать армию (2002) // «Известия», 27.09.2002].*

Лексическое значение 2: «водить рукой, пальцами и т.п. по какой-либо поверхности».

Компонентный анализ лексемы позволяет выделить в ней такие дифференциальные семы как «использовать соматизмы как инструмент», «действовать размеренными движениями вперед-назад» (действие не может быть совершено однократно: ср.: щипать-ущипнуть, гладить-...), «оказывать тактильное воздействие на любую поверхность», коннотативную сему «доставлять приятные ощущения объекту».

Прототипической моделью ситуации, которая закреплена в языковом сознании носителей русского языка за лексемой «гладить», является сценарий «мать гладит ребенка по голове» (*Мама кивнула и принялась меня гладить по голове. [А. В. Жвалевский, Е. Пастернак. Время всегда хорошее (2009)]*). Таким образом: 1) семантически глагол связан с образом матери как проявления родного начала, которому присущи свойства «ласковая», «нежная», «заботливая» и т.п.; 2) прототипическим объектом направления действия является голова человека, чаще — детская (отсюда фразеологизм «гладить по головке», который будет рассмотрен ниже); 3) парадигматические отношения, в которые вступает лексема, представляют собой синонимический ряд, выстраивающийся на основе ассоциативного, - «целовать», «ласкать», «убаюкивать»/«укачивать» (образ ребенка), «успокаивать», «заботиться»; антонимический ряд «бить», «ругать», «щипать» подчеркивает связь «гладить» с процессом оказания приятных, положительных ощущений.

Следовательно, пропозиционально-семантически глагол отражает в себе концепты «покой», «забота», «внимание», «любовь», «материнство» - общее концептуальное поле «трансляция позитивного отношения».

Модель-2: «Гладить — это приносить позитивные чувства».

Метафоризация происходит по этой модели: субъектом может стать неодушевленное лицо (чаще природные явления), объектом — как одушевленное, так и неодушевленное лицо (ментальные явления, природные явления, предметы), инструментами так же могут стать явления природы или различные способы передачи информации, целью становится передача каких-либо положительных явлений (тепло, ласка, забота, покой и т.п.), реакция — чаще положительная.

В некоторых случаях происходит усложнение семантики глагола «гладить» и его сближение с концептами «жалеть»: *Она вправду жалела! По головке гладила, ласковые слова говорила. Вот воспиталка скажет: «Миленький, маленький!»* [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)]; «хвалить»: *Отец довольно кивал и гладил его по голове, всячески одобряя то, что сын так серьезно взялся за ум.* [Дмитрий Калмыков. Зов глубин // «Волга», 2015] (глагол «гладить» сохраняет тактильную семантику конкретно-предметного плана и имеет положительную оценку — хвалить, одобрять, поощрять деятельность объекта). На основе концепта «хвалить» построен фразеологизм с иронической коннотацией «гладить по головке» и разговорный «гладить по/против шерсти».

Русский глагол «гладить» в значении «утюжить» имеет аналог в английском — **to iron** (*I need to iron a shirt to wear tomorrow*). Структура внутренней формы, сохраняющей название инструмента (an iron – утюг), сближает глагол именно с русским «утюжить» как более семантически конкретным отражением идеи «гладить белье». Однако, в отличие от «утюжить», не имеющего в русском дополнительных значений, английское iron может образовывать фразеологическое сращение **iron out** со значением «to solve the problems or difficulties» (устранять, сглаживать), которое отражает общий концепт «исправлять», закрепленный за русским «гладить» (*We're still trying to iron out a few problems with the computer system*).

Требует внимания более многозначный английский глагол **to smooth** с первичным глагольным значением 'to move your hands across something in order to make it flat' (разглаживать, приглаживать): smooth the moustache/beard/hair. Он так же выражает упомянутый выше концепт, обладая значением «to make a disagreement or problem seem less serious, especially by talking to the people involved in it» (улаживать

конфликт). Атрибутивные дериваты, также отражающие концепт «исправление», связываются дополнительно с идеей гладкости, плавности, ровности, легкости, покоя при протекании действия. Первичное значение прилагательного **smooth** – «having a regular surface that has no holes or lumps in it» (гладкий, ровный) употребляется для характеристики поверхности кожи, деревянных и иных предметов. Также, **smooth** – «однородный, без комков» для описания субстанции (отсюда русский неологизм «смузи» для названия пюреобразного напитка из фруктов или овощей). Метафорическое значение: «происходить без внезапных изменений», «происходить плавно, легко, спокойно», то есть аналогично русскому «происходить гладко»: *The plane made a smooth landing (самолет совершил мягкую посадку), Her job is to help students make a smooth transition from high school to college (ее работа — помогать детям легко переходить из школы в колледж)*. Дополнительное метафорическое значение, не имеющее аналогичного в русском связано с описанием человека, говорящего слишком вежливо и уверенно, пытающего завладеть доверием других (вкрадчивый, сладкоголосый) — как бы говорящего слишком «гладко».

Концепт «трансляция позитивного отношения» выражается несколькими английскими глаголами. Во-первых, это глагол **to pat** “to touch a person or animal with a flat hand in a gentle, friendly way”. В семе этого глагола заложена положительность оказываемого воздействия (gentle, friendly way — нежным, дружелюбным образом); также, семантически глагол подразумевает лишь два объекта направленности действия — человека и животного (*She stopped to pat the dog*); указан и инструмент осуществления действия — ладонью, плоской поверхностью руки. Глагол образует фразеологическое сращение **a pat on the back** (сходно с русским фразеологизмом «гладить по головке», но не содержит отрицательной коннотации), переводится как «выражать похвалу или поощрение» (*I got a pat on the back for all my hard work*). Во-вторых, упомянутый концепт выражает глагол **to pet**, образованный от существительного a pet (домашнее животное, питомец), и, сохраняя внутреннюю форму, обозначающий процесс «прикасаения к животному вследствие испытывания привязанности или симпатии». Если объектом станет человек, то значение глагола приобретет оттенок чрезмерной телесности, интимности (ласкать, обнимать). В-третьих, глагол **to caress** переводится как «трогать кого-то с целью выразить свою любовь», то есть также отражает упомянутый концепт. *He caressed the back of her neck — он гладил/ласкал ее шею*.

Образ матери, содержащийся в пропозиции русского глагола «гладить», в английском языке передается глаголом **to cradle**, образованным от существительного **a cradle** – колыбель, кровать для младенцев. **To cradle** значит «убаюкивать, укачивать», «держат кого-то или что-то с заботой и нежностью». Сближение с «гладить» происходит за счет схожего способа осуществления действия: размеренными движениями туда-сюда оказывать положительный эффект на объект.

Наиболее общее тактильное значение с акцентом на познавательную цель контакта передает глагол **to stroke** «to gently move your hand over a surface», содержащий семы «аккуратное движение», «использовать руку», «трогать поверхность чего-либо». На русский данный глагол переводится как «гладить» в значении осязать. Объектами английского варианта глагола могут быть: волосы, кожа, руки и иные соматизмы, животные, и любые предметы, обладающие какой-либо поверхностью.

Таким образом, в процессе анализа концептов, которые репрезентуются глаголом «гладить», можно сделать вывод о частотности следующих: «исправление», «трансляция позитивного отношения», «жалость», «похвала»/«потакание». Они так же связаны с тактильной идеей осязательности, семантикой «гладить» в английском языке.

Литература

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Москва : Русский язык, 2000. – 1084 с.
2. Нагорная А. В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований: аналитический обзор. Москва : Изд-во Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, 2017. – 86 с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] – Электрон. дан., 2003 – 2011. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения 17.01.2023).
4. Фасмер, Макс. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / Макс Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. - 4-е изд., стер. - Москва : Астрель : АСТ, 2007.
5. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2001. – 720 с.
6. Харченко В. К. Лингвосенсорика: фундаментальные и прикладные аспекты. Москва : ЛИБРОКОМ, 2012. – 214 с.
7. Юрина Е. А. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов.

/ Е. А. Юрина. – Кокшетау, 2013. – 240 с

8. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. N. Y.: Basic Books, 1999.

Pashechko M.A.

Pushkin State Russian Language Institute

Metaphorization of the tactile verb «gladit'» in English and Russian

The article discusses the semantics and pragmatics of the tactile verb "gladit'", as well as the mechanisms of metaphorization of its meaning. In addition, an attempt has been made to compare the way cognitive concepts are expressed in Russian and English. The purpose of the study is to identify cognitive models of metaphorization of the tactile impact under consideration, to determine typical figurative representations based on the initial situation. The scientific novelty of the research lies in the application of the methodology of propositional-frame analysis in the reconstruction of the initial situation of the source sphere of metaphorical projections. The study showed that each component of the cognitive structure of the frames under consideration is subject to metaphorical rethinking. As a result, the cognitive model of "gladit' is X" is described, aspects of metaphorization are revealed, and the cognitive foundations of the analogies considered are presented.

Keywords: linguosensory, tactility, cognitive theory of metaphor, concept, linguistic picture of the world.

Поликарпова Ксения Андреевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
Polikarpova-2003@bk.ru

Женские образы Дантова Ада

Работа выполнена под руководством Петриной Елены Капитоновны,
кандидата филологических наук, доцента.

В статье рассматриваются женские образы, помещённые в Ад в «Божественной комедии» Данте Алигьери. Раскрываются исторические прототипы героинь, анализируются средства художественной выразительности, создается классификация образов женщин в зависимости от кругов Ада.

Ключевые слова: Данте, «Божественная комедия», женские образы.

Образы женщин в «Божественной комедии» исследовали многие учёные, например, Э. Жильсон, А.С. Коскова, А.А. Кравченко. Несомненно, и вышеперечисленные исследователи, и другие особое место отводили образу Беатриче, но, как нам кажется, достаточно мало внимания было уделено второстепенным женским образам.

Необходимо выделить женские образы, помещённые в круги Ада, рассмотреть исторические прототипы персонажей, раскрыть их историю, создать классификацию грехов, за которые они несут наказание.

Многие имена, в том числе мужские, вводятся Данте без описания персонажа и его истории. Так, уже в первый круг Ада он помещает древнегреческих героинь:

Электру, Пентесиллею, Камиллу, Лавину, Юлию, Лукрецию, Корнелию, Марцию, Деидамию. Причём несколько из них, выделенные нами, и вовсе введены завуалированно:

«Дочь Цезаря, супруга Коллатина,
И Гракхов мать» [4, с. 25]

Почему же они помещены в первый круг? Собственно, сам Данте говорит о том, что все те, кто помещён в Лимб, жили до того, как в мире распространилось христианство. В первом кругу мы встречаем выдающихся ученых и философов, государственных деятелей, поэтов (Вергилия, Гомера, Гиппократ и т.д.), а также некрещёных младенцев. Эти люди не были замечены за каким-либо грешным деянием, поэтому они обречены на безбольную скорбь, но не наказываются так жестоко, как грешники в других кругах Ада.

«Он был безбольной скорбью порождён,
Которую казались объаты
Толпы младенцев, и мужей, и жён...» [4, с. 22]

Женские образы здесь не особо отличаются чем-либо грешным или порочным, поэтому простого перечисления достаточно автору для законченного образа лимба.

Следует заметить, что приведённые героини являются действительными историческими персонажами.

Особо нас заинтересовали женские образы, чьи имена не называются открыто.

Юлия – младшая дочь Цезаря, о ней в принципе нет отдельных произведений, где она была бы главной героиней, но ее родство с Цезарем, а также тяжелая судьба выделяют ее среди других девушек. Юлия была выдана замуж за Гнея Помпея Великого, государственного деятеля и полководца. Супруги очень любили друг друга, наслаждались совместной жизнью. Юлия умерла при вторых родах, ребёнок также умер через несколько дней (первые завершились преждевременным выкидышем).

Лукреция, супруга Коллатина, является образом праведности и доблести во многих произведениях литературы, в том числе и у Шекспира в поэме «Обесчещенная Лукреция». Секс Тарквиний, сын Тарквиния II Гордого, увидев красоту и чистоту Лукреции, насилует ее. Рассказав мужу, Лукреция решила убить себя прямо на его глазах, выражая таким образом презрение к себе. Безнравственное и безнаказанное поведение царского сына вызвало бунт в обществе, свержение царской власти и установление Республики. За это многие почитали ее, возвышали ее смелость и благодарили за столь важный вклад в историю Рима. Так, у Данте Лукреция, несмотря

на грех самоубийства, помещена в лимбе, так как нарушение Священного устава у неё очищается ее страданием.

Корнелия же, Мать братьев Гракхов – Тиберия и Гая, известных римских политиков. Ее преданность семье, искренняя любовь к мужу и сыну, забота о них дала ей славу праведной и добродетельной женщины. Она воспитала своих детей сама, не отдавая их на попечение учителям. Данте использует в произведении эпитет с надписи-посвящения со статуи Корнелии в Метелле: «Корнелия, мать Гракхов». Именно ее необычная система воспитания детей оставила весомый след в истории Рима.

Таким образом, можно заметить, что в лимбе помещены женские персонажи, которые жили, не совершая смертных грехов. Они являются прославленными и выдающимися личностями.

В следующем, втором круге Ада помещены, как известно, сладострастники. Из отбывающих наказание в виде вечно бушующего урагана мы видим Семирамиду (Шамирам), известную распутствами богиню любви, согласно армянским мифам. Ее личность соотносят с действительно существовавшей царицей Ассирии Шаммурамат. Семирамида хотела завладеть сердцем Ара Гецехика, правителя Армении, но получила отказ. Тогда она решила пойти войной на Армению, но даже после гибели на этой войне Ары, она продолжала выбирать мужчин на роль любовников и вести распутный образ жизни. Ее распущенность и желание добиться своего не могло сочетаться с христианскими канонами, поэтому отношение к ней было довольно неоднозначным на протяжении нескольких веков. В дохристианские века Семирамида воспринималась не так отрицательно, как в Средние. Все же ее образ можно увидеть во многих произведениях («Дочь Воздуха» Кальдерона де ла Барка»), а военные и политические успехи смогли уменьшить степень ее осуждения с христианской точки зрения. У Данте мы видим осуждение женщины за похоть, он не прикрывает великий грех ее достижениями:

«Она вдалась в такой разврат великий» [4, с. 28]

Далее второй круг представляет нам Дидону, царицу и основательницу Карфагена. Согласно мифам, Дидона, жена Сихея, после его смерти не сохранила ему верность, а нарушила клятву, влюбившись в Энея. Более того, узнав об его измене, она бросается на меч, совершая ещё один грех. Данте, как нам кажется, помещает Дидону именно во второй круг, так как она является одним из наиболее ярких примеров греха сладострастия, он хотел подчеркнуть первоначальный грех, который явился причиной

второго. Примечательно, что Данте, перемещаясь по Аду с Вергилием, встречает образ Дидоны из его «Энеиды», где и описывается трагичная история любви.

Имя героини также не называется, так как автор, вероятно, надеялся, что столь известная история не потребует разъяснения:

«Вот нежной страсти горестная жрица» [4, с 28]

Клеопатра, наверное, одна из наиболее известных всему миру цариц, также располагается во втором круге Ада. Ее романы со многими известными личностями принесли ей не самую хорошую славу, хотя мифы о ее красоте и величии могут посоревноваться с ними. Есть и те, кто готов оспорить неоднозначную репутацию Клеопатры, например, А.М. Петров в работе «Несколько страниц в защиту Клеопатры»:

«В действительности же Клеопатра слыла не только красавицей <...>, модницей <...>, но и оказалась умницей, причем энергичной и деятельно здравомыслящей в самой отчаянной ситуации, о чем и сообщает Плутарх в той, отсеченной, ветви его повествования» [11, с. 385].

Несомненно, слова эти не оправдывают грешные дела Клеопатры, не могут прикрыть ее ошибки, но история с преданностью Антонию в конце жизни может дать пищу для размышлений каждому. Но, как мы видим, преступные похождения женщины не скрылись от Всевидящего Ока, Клеопатра не была оправдана.

Следующие персонажи второго круга Ада – любовники Франческа и Паоло. Они наиболее содержательно повествуют о своей горестной судьбе в представленном круге, Данте выводит их на первый план.

История двух влюблённых действительно трагична: Франческа была насильно выдана за знатного и уродливого во всех смыслах человека. Паоло, его младший брат, был для Франчески более подходящим предметом волнения сердца:

«Чуть мы прочли о том, как он лобзаньем

Прильнул к улыбке дорогого рта,

<...>

Поцеловал, дрожа, мои уста» [4, с. 30]

Вероятно, столь сильное сопереживание любовникам Данте можно объяснить знакомством поэта с семьей Франчески. Гвидо Новелло, племянник Франчески, предоставил ему убежище в Равенне. Данте находился в политическом изгнании в период с 1302 по 1321 год. Так, дружба поэта с семьей Франчески усиливает эмоциональность восприятия героев в песне.

Следующего персонажа женского пола можно увидеть в восьмом круге Ада во втором рве. В нем, как известно, заключены лстецы, отбывающие наказание в зловонных массах.

Фаида, или Таис, греческая гетера, известна по многим произведениям, где она является как главной, так и второстепенной героиней: комедия «Таис» Менандра, комедия «Евнух» Теренция, поэма «Пир Александра» Джона Драйдена и так далее. Данте же отсылает нас к комедии «Евнух» Теренция. Можно заметить, что автор называет героиню Фаида, а не Таис. Реальным, историческим именем принято считать «Таис», хотя, например, Диодон и Плутарх в рассказах говорят о героине «Фаида». Смеем предположить, что Данте хотел ввести в произведение исторический контекст, чтобы придать ему максимальное правдоподобие, поэтому использование имени «Таис» при таком объяснении вполне логично.

«Фаида эта, жившая средь блуда» [4, с. 83]

Последним рассматриваемым образом является жена первосвященника Потифара, персонажа из Ветхого Завета. Египтянин Потифар, согласно преданию, купил мадианитянина Иосифа и сделал его своим домоуправляющим.

Жена Потифара, чье имя не называется, хотя в различных культурах имеет свое толкование, пытается соблазнить Иосифа, но праведный отказывается по причине замужества женщины. Тогда жена Потифара рассказывает мужу об изнасиловании и домогательстве Иосифа. Потифар заключает Иосифа в «темницу». Данте выделяет не похоть женщины как основной грех, а ее ложь и клевету. Именно выдуманное обвинение решает судьбу чистого Иосифа, принимающего все испытания Бога.

«Вот лгавшая на Иосифа» [4, с. 134]

Таким образом, подводя итог, выделяется классификация:

В первом круге – Электра, Пентесиллея, Камилла, Лавина, Юлия, Лукреция, Корнелия, Марция, Деидамия. Они жили до рождения Христа и не были озарены светом Христовым, но были добродетельными. Данте особо выделяет известных римлянок Юлию, Лукрецию и Корнелию, используя прием перифразы: «Дочь Цезаря, супруга Коллатина, / И Гракхов мать» [4, с. 25], намеренно не называя их по имени. В Древнем Риме девочек называли по имени отца, поэтому такие имена героинь как Юлия, Лукреция, Корнелия были слишком распространенными. Итальянский поэт, наследник традиций Римской империи, с гордостью желает выделить именно достопочтенных женщин глубокого прошлого. У них было свое представление о добродетели, сформировавшееся в античную эпоху: «дочь Цезаря», сохраняя

умеренность, сумела быть достойной дочерью великого отца; «супруга Коллатина», в стремлении к справедливости, не смогла пережить бесчестия и мужественно покончила с собой, мудрая мать Гракхов смогла воспитать знаменитых сыновей. В результате Лукреция и Корнелия повлияли на ход исторических событий. В «Божественной комедии» Данте подчеркивает их достойное место в истории человеческой цивилизации.

Во втором круге – Семирамида, Дидона, Клеопатра и Франческа. Героини обречены на вечные муки за сладострастие, опозорившее их имя. Данте включает в повествование олицетворение: «Она вдалась в такой разврат великий, / Что вольность всем была разрешена...» [4, с. 28] для выражения тяжести греха как доказательства заслуженного тяжкого наказания. Для изображения Дидоны Данте также использует иносказательность, но, в отличие от выдающихся женщин первого круга, автор не называет ее имя, так как оно несёт за собой позор не только себе, но и выдающемуся мужу. Все же эпитет «горестная» выражает сочувствие Данте Дидоне, которая была не в силах вмешаться в решение богини Венеры. Для Клеопатры можно выделить особый эпитет «грешная блудница», автор не использует каких-либо выразительных средств для изображения сострадания, наоборот, он отмечает масштабы греха известной царицы. С особым почтением и нежностью автор описывает историю Франчески, выделяя ее из круга других сладострастниц: «Франческа, жалобе твоей / Я со слезами внемлю, сострадаю...» [4, с. 30]. Он использует эмоционально окрашенную лексику: «слёзы расточу», «мука сердец». На Данте особое впечатление производит именно рассказ Франчески, поэтому в конце песни он «упал, как падает мертвец». Рассказчика удивляет, что искренняя и настоящая любовь может принести вечные страдания, он сочувствует несчастным любовникам. Таким образом, через лексику, эпитеты автор разграничивает женщин внутри самого круга – Дидона и Франческа более достойны сострадания, нежели Семирамида и Клеопатра.

В восьмом круге – Фаида и жена Потифара. Героини помещены туда за разные грехи: если Фаида наказана за чрезмерную лесть, то жена Потифара – за губительную ложь. Несмотря на один круг Ада, Данте более эмоционально выделяет жену Потифара. Ее имя не называется в Ветхом Завете, поэтому об иносказательности в приведённом случае говорить нельзя. Кричащее немногословие автора по отношению к жене Потифара выражает тяжесть ее преступления. Ее ложь сломала судьбу человека, более того, на ее душе лежит и грех похоти. Фаида также описана не подробно, но слова в

данном примере излишни, так как строка «жившая средь блуда» вполне описывает образ жизни героини.

Обратив внимание на национальную принадлежность в классификации героинь, можно заметить, что в Лимбе, где располагаются души тех, кто не совершал несправедливых деяний, пребывают римлянки. В более низких кругах Ада, то есть в тех, где располагаются совершившие страшное преступление, пребывают героини иностранного происхождения: Фаида – греческая гетера, жена Потифара – египтянка. Так Данте выражает почтение и уважение к жителям его родного края, Италии. Автор более сострадательно относится к римлянкам, выделяя их среди других женских образов.

Литература

1. Арутюнян С.Б. Шамирам // Мифологический словарь/гл. ред. Е.М. Мелетинский. – Москва, 1990. С. 602-603.
2. Веселовский А.Н. Данте Алигьери // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб, 1893. – Т. 10.
3. Ветхий Завет: Бытие: глава 39.
4. Данте Алигьери. Божественная комедия. – Москва, 1967.
5. Кондрашов А. Легенды и мифы Древней Греции и Рима: Энциклопедия. – Москва, 2005. – 768 с.
6. Коптев А.В. Античный мир и археология. Вып. 13. Саратов, 2009. С. 176-202.
7. Корш М. Краткий словарь мифологии и древностей. – СПб, 1894.
8. Круги Данте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dante.tass.ru/about/> (дата обращения: 18.01.2023)
9. Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Москва, 1909. – Т. II, вып. 3.
10. Мифы народов мира. Энциклопедия/ Гл. ред. С.А. Токарев. – Москва, 1987. – Т. I. – С. 377-378.
11. Петров А. Несколько страниц в защиту Клеопатры // Восток-Запад-Россия. Сб. статей. – Москва, 2002. – С. 383-390.
12. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах – Москва, 1994.
13. Элиан. Пёстрые рассказы. Москва – СПб, 1963.
14. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона – СПб, 1890-1907.

Polikarpova K.A.

Pushkin State Russian Language Institute

Female images of Dante's hell

The article considers the female images placed in Hell in Dante Alighieri's «Divine Comedy». Historical prototypes of heroines are revealed, means of artistic expression are analysed, classification of images of women depending on the circles of Hell is created.

Keywords: Dante, Divine Comedy, female images.

Полюхина Алёна Игоревна

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
apolyuxina@gmail.com

Текстуальные особенности первых русских рэп-композиций и их влияние на становление жанра в России

Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора
Китаниной Эллы Анатольевны.

В статье освещается история возникновения жанра «хип-хоп» и его поджанра «рэп», а также появления данных направлений в России. Проводится краткий анализ фрагментов первых композиций в стиле рэп (на примере отрывков из композиций групп «Час Пик», «Алиса», «Мальчишник»), выделяются некоторые текстуальные, ритмические, структурные особенности, сходства, касающиеся субъекта композиции, тематики произведений. Делаются выводы о роли первых образцов рэп-творчества в России, об их влиянии на становление жанра в стране, об общих чертах между ними и преемственности традиций других поэтических и музыкальных направлений.

Ключевые слова: рэп, русский рэп, российская рэп-поэзия, хип-хоп, текст, стиль.

Одной из наиболее популярных молодежных субкультур на данный момент является «хип-хоп». Хип-хоп – это субкультура, состоящая из музыкального, поэтического, хореографического компонентов, имеющая собственную идеологию, принципы и нормы, устоявшиеся в образе жизни, и даже стиль в одежде. Эти компоненты по ходу своего развития претерпевают изменения и существуют параллельно друг другу.

Рэп (англ. rap, rapping) – ритмичный речитатив, чаще всего читающийся под бит. Исполнителя рэпа называют рэпером или «эм-си» (MC). Рэп принято рассматривать как один из основных элементов стиля хип-хоп, поэтому в бытовом разговоре термин «рэп» иногда используется как синоним слова «хип-хоп». Однако рэп как своеобразный речитатив встречается не только в хип-хоп музыке, но и в других стилях и направлениях массовой культуры.

Хип-хоп зародился в афроамериканских кварталах, отчасти «социальных низах» США. Сейчас хип-хоп имеет массовый характер: данная субкультура не только распространилась по всему миру, но также стала одним из наиболее коммерчески успешных видов современной развлекательной музыки. Рэп в России сравнительно

молодое явление, даже по сравнению с роком.

В Россию рэп проникает в 1980-х годах, продолжив традиции, заложенные западными «коллегами»: в нем также фигурируют и активно артикулируются нарративы районной жизни, нищеты и криминала, которые мы увидели в истоках рэпа как жанра и которые особенно часто встречаются в гангста-рэпе («бандитском» рэпе). Рэп долгие годы является инструментом репрезентации личного опыта и выражения существующих социальных проблем. Несмотря на то что сейчас, предположительно, рэп теряет эту особенность, это его важная черта как жанра. Именно ее и перенимает русский рэп на заре своего существования, в конце 1980-х – начале 1990-х годов.

За достаточно короткое время появились и отечественные исполнители. В начале русский рэп, безусловно, очень сильно зависел от зарубежного, поскольку отечественные исполнители зачастую просто копировали известных исполнителей вроде Доктора Дре или Эминема, то есть несли новую культурную волну как просветители. Но сразу же стали заметны и некоторые особенности уже намечающегося русского стиля. Стало появляться все больше рэп-исполнителей. Появляется разница в исполнении. Возник так называемый андеграунд – жесткий, суровый стиль – «Старая школа», коммерческий рэп, нацеленный на повышение продаж треков. Затем «Новая школа», использующая автотюновое звучание (коррекция нот с помощью компьютерной программы) для придания песне необычного, индивидуального звучания.

В России хип-хоп приобрёл известность во второй половине 1980-х гг. в связи с увлечением молодежи брейк-дансом, но многим любителям музыки по-прежнему были плохо известны композиции на иностранных языках в стиле рэп. В основном знакомство с творчеством зарубежных исполнителей происходило благодаря тем гражданам СССР, которые привозили на родину записи музыки, возвращаясь из разных стран. В начале 1990-х гг. особая популярность выпала на долю эпатажного певца Богдана Титомира и группы «Мальчишник», организованной молодым продюсером Алексеем Адамовым. Группа выступала в униформе американских бейсбольных команд. Исполнители выходили на сцену в куртках бомберах, бейсболках, кроссовках. Этот коллектив изначально создавался как российский аналог модных в то время западных бойз-бэндов (в частности, команды «New Kids on the Block», которая пользовалась успехом в США в 1988-1990 гг.), однако позже российская группа изменила свой стиль. Одной из рэп-групп – пионеров отечественной рэп-культуры, существовавшей на протяжении 1990-х годов, были Влад Валов (ШЕFF) и Глеб Матвеев (LA) – участники

питерской команды «Bad Balance». В 1991 году группа стала обладателем гран-при Всероссийского рэп-фестиваля.

Появление рэпа в СССР связано с событием, которое произошло не в столице страны, а в Куйбышеве (ныне г. Самара). Александр Астров – ди-джей студенческой дискотеки «Канон» – в 1984 году осуществил совместно с группой «Час Пик» запись 25-минутной программы, которая в виде магнитоальбома под названием «Рэп» достаточно быстро распространилась по стране: «Эй, диск-жокей! Крутись быстрее! Все успевай! И не зевай!». Альбом создан под впечатлением от композиций групп «Grandmaster Flash & The Furious Five» и «Captain Sensible». Будучи включённым в книгу «100 магнитоальбомов советского рока» Александра Кушнера, то есть в историческом осмыслении попадая в рок-традицию, альбом этот тем не менее может быть охарактеризован как первый рэп-альбом на русском языке (хотя не все композиции на альбоме сделаны «в стиле рэп»). Возможно, по манере исполнения что-то подобное было и прежде, но только тут рэп вербально был отрефлексирован как рэп. Рефлексия его и даже мастер-класс по составлению текстов рэпа встречаем в третьей композиции альбома, которая так и называется – «Рэп».

«Ну что ж друзья настал черед
Устроить пробу сил
Я и мои друзья
Мы зададим вам ритм
Но ритм конечно же не всё
Ну а поскольку нет
Мелодии и в помине то
Вдвойне нам важен текст.
С текстом все предельно сложно», – твердят уж много лет,
Что это просто невозможно – на русском делать рэп.
Мол, и слова у нас длинней, и туго дело с рифмой,
К тому же в нашем языке слишком мало ритма...»

Таким образом, в нашей стране в 1984 году была создана и записана композиция, в которой рэпом было рассказано о рэпе. А кроме того, альбом «Час Пик» в своих рэп-сегментах предложил ещё одну важную вещь, которая потом для рэпа станет определяющей – особый статус субъекта, декларативно тождественного биографическому, реальному автору.

В открывающей альбом «Рэп» песне «Дискотека» в начале шестой минуты

звучания присутствует, как сказано в самой песне, «вставка в стиле рэп», таково авторское определение происходящего. Вставка эта длится чуть менее двух с половиной минут, и в ней есть некоторые текстуальные, ритмические и семантические сходства с «Меломаном» «Алисы», появившимся годом позже. В обоих случаях это ямб – удобный для ритмической устной читки. Обратим внимание и на текстуальные сходства. Прежде всего, в обоих случаях важную роль играют перечислительные ряды. У Кинчева они составляют основу текста – перечисляются названия групп и имена исполнителей, исключительно иностранных; а сгруппированы они по направлениям. У «Часа Пик» перечислений гораздо меньше, но они отличны друг от друга; в одном случае это, как и у «Алисы», перечисление групп («Пинк Флойд и Арабески Битлз Криденс Клэш и Мэд»), в другом же (по ходу композиции ещё и повторяемый перечислительный ряд) – перечисление магнитофонов («Маяк Акай Комета Сони Тембр Амфитон»). Заметим, что в современном рэпе перечислительные ряды – частотный приём. Однако сходство двух композиций этим не ограничивается, есть и фактически тождественные фразы – правда, по разным поводам. У «Часа Пик»: «О микшер это чудо он начало всех начал»; у «Алисы»: «О, этот авангард, начало всех начал». Иногда это более тонкие, не прямые сходства.

Субъект в обоих случаях рефлексировать по поводу своего места в мире музыки. Субъект с этим миром не просто связан, субъект творит этот мир, мир художественный. Субъект в русском рэпе в наши дни обладает одной важной особенностью: через него в синкретическом высказывании преподносит и художественно осмысливает себя биографический автор. При рецепции срабатывает установка на то, что биографический автор и субъект являются одним лицом, то есть перед нами «жизненная правда». Однако при всём при том это всё же именно художественный мир, только он сделан так, будто это физическая реальность. Данная особенность присуща современному русскому рэпу; и тут важно не то, правда ли субъект точно такой же, как автор, важно то, что он хочет, чтобы публика верила в его искренность; это общая установка рэпа, где ролевое фактически неприемлемо; неотделимы от биографического автора и имидж рэпера, и его позиция в разного рода метатекстах.

Эксперимент «Часа Пик» и «Меломан» «Алисы», таким образом, могут считаться своего рода инвариантом в аспекте осмысления субъекта если не для всего последующего русского рэпа, то по крайней мере для рэпа сегодняшнего дня. Возможно, что и текстуальные совпадения «Дискотеки» и «Меломана» обусловлены не контактным взаимодействием, а тем же самым – стилистикой преподнесения рэпа. Итак,

по тем или иным особенностям названных песен «Часа Пик» и «Алисы» можно судить об особенностях отечественного рэпа как такового, подобно тому, как по особенностям поэм Гомера можно судить об эпических поэмах последующих времён, выстраивая описательную характеристику жанра.

С 1989 по 1991 годы в хип-хопе уже сложились свои «специализации», оформились безусловные лидеры сцены. В этот период эстрада становится средством коммерции, появляются настоящие директора, продюсеры, менеджеры, некоторым исполнителям удается побывать на обучении или просто фестивалях в Европе и США.

В текстах андеграундного рэпа стали подниматься табуированные ранее темы – секс, наркотики, тунеядство, отношения со сверстниками и родителями. К концу 90-х начинается некоторая маргинализация части рэп-культуры, так как хип-хоп стал замещать криминальную культуру. Наиболее мощный смысловой посыл рэпа на аудиторию – это сильный герой, готовый к активным действиям, но при этом многоплановый и сложный. Его окружает недружелюбный, холодный мир, в котором ему неуютно и иногда хочется «улететь», он мечтает о счастье и о чуде. Рэп-поэзия прямой наследник российской рок-поэзии и авторской песни. Изучение этих предшествующих явлений создало новый вектор литературоведческой мысли.

С лирическим дискурсом песенный роднит схожесть художественных приемов, ритмического строения и способов передачи мыслей автора. Также их объединяет жанровая связь и общность тем - это любовь, дружба и другие человеческие отношения. Доказательством тому служит интертекстуальность - часто и в песнях, и в лирике обращаются к одним и тем же мифам, религиозным текстам, фольклору, классическим стихотворениям. И там, и там авторы уделяют большое внимание деталям, а также прибегают к речевой форме диалога. То есть послание лирического героя кому-то адресовано, это выражается вопросительными конструкциями, обращениями и использованием глаголов и местоимений в форме 1-го или 2-го лица.

Текст рэпа достаточно свободный, но имеющий определенную схему рифмовки. В поэзии ряда рэперов («поэтов улиц») встречается так называемый акцентный стих. «Акцентный стих – тоническое стихосложение, основанное на (примерном) равенстве числа ударений в строке; интервалы между ударными слогами допускаются любые, в том числе превосходящие 3 слога». Тексты русского рэпа – это цельные, связанные и завершённые структуры. Они аккумулируют не только индивидуально-авторские, но и общекультурные, эстетические и духовные черты, являются антропоцентрической системой и полноценно существуют только при восприятии адресатом (читателем,

слушателем). Надо отметить, что рэп-текстам присущ разговорный стиль речи, включающий слова сниженного лингвистического тона, а также обценную (непристойную, бранную) лексику, что, безусловно, позволяет полнее отразить истинную картину функционирования языка как системы, охватывающей все стороны жизни говорящих на нем людей. Стоит отметить, что в перестроечные и постперестроечные времена даже в СМИ проявления речевой небрежности становятся нормой. Ошибка, антинорма в языке масс-медиа превратилась в допустимую и неосуждаемую реальность, то есть перестала быть антинормой как таковой. Именно благодаря СМИ 90-х годов в общественном сознании закрепились мысли, абсолютно невозможные в доперестроечное время: говорить плохо не стыдно, ибо так говорят многие активные члены общества, «лучшие люди» страны (например В. Черномырдин). Медиальные средства перестроечного и постперестроечного периода из транслятора образцовой речи превратились в органы внедрения в обиход нелитературной речи. Так произошло оттого, что при интенсификации деления общества на страты стала бурно развиваться неуправляемая, необработанная речь новых участников политической и общественной жизни. Таким образом, активное использование просторечной и нелитературной лексики в рэп-дискурсе стало не столько каким-то новаторством, сколько закономерным проявлением лингвистических тенденций масс-медиа того времени, к которым можно отнести и нарождающуюся в данный период рэп-культуру. Приведём в качестве примера отрывок текста композиции «Зоологическая» из второго студийного альбома «Кегли» группы «Мальчишник»:

«Она мечтает выйти замуж, причём очень давно,
Но за кого - она не знает, ей, наверно, всё равно.
И почему так происходит, мне не трудно понять,
Ей всего лишь восемнадцать, а на вид сорок пять»

Как отмечают исследователи, назвать высокой литературой подобные создаваемые тексты нельзя, но нельзя и отрицать их право на существование, говорить о бессодержательности. О рэп-текстах высказывается и иное мнение: в них культивируется высокий уровень качества текста и языковое мастерство, в том числе произносительное, где важны скорость и ритмичность; ценятся неожиданные рифмы, оригинальные языковые находки. Очевидно, что при создании текстов многое зависит от эрудиции, поэтического таланта, образованности, накопленного опыта и знаний, культуры и среды, формирующей мировоззрение автора.

Наиболее мощный смысловой посыл рэпа на аудиторию – это сильный герой,

готовый к активным действиям, но при этом многоплановый и сложный. Его окружает недружелюбный, холодный мир, в котором ему неуютно и иногда хочется «улететь», он мечтает о счастье и о чуде.

Рэп-поэзия прямой наследник российской рок-поэзии и авторской песни. Изучение этих предшествующих явлений создало новый вектор литературоведческой мысли.

Рэп-культура – это прежде всего саморефлексия поколения. Здесь на первый план выходят тексты, а не музыка. Важно попытаться понять, что стоит за этими лингвистическими конструкциями, наполненными сленгом и ненормативной лексикой. Русский рэп – это гораздо больше, чем ситуативная молодежная субкультура, возникшая на гребне моды. Рэп стал формой проявления молодежного максимализма и самоутверждения, протеста против несправедливостей жизни, поиском внутренней опоры в быстро меняющемся мире. Рэп стирает сословные, имущественные и иные барьеры, которые в современном российском обществе очень сильно выражены, и в этом его привлекательность для молодежи. Наиболее актуальные темы рэп-песен персонифицированы через призму авторского «Я» – социальные проблемы, творчество, место человека в мире. За внешним примитивизмом и грубостью скрываются смысловые проблемы поколения, тексты рэпа приобретают экзистенциальный характер. Рэперы взяли многое из эстетики и культуры рока и привнесли в свое творчество.

Итак, если обратиться к истории рецепции хип-хопа в России, то следует наметить два пути: первый – это заимствование элементов рэп-исполнения рокерами, второй – зарождение собственно рэпа в России. В начале своего развития это был бизнес-проект (например, «Мальчишник»), но позже хип-хоп на постсоветском пространстве превращается в отдельную самодостаточную субкультуру, получив и особое «российское» звучание. Видимо, диссонанс между стереотипным художественным миром западного исполнителя (а также его образа жизни, гонораров и пр.) и реалий России конца 80 – начала 90-х сразу же порождает ироническую поэтику русского рэпа: «Мальчишник», Мистер Малой, даже Богдан Титомир, который активно пользовался элементами хип-хоп-культуры, сформировали особый тип взаимодействия со зрителем и поклонником – эпатаж, открытая сексуальность, асоциальность, криминальная тематика, а также саморазрушение. Уже более поздняя формация, пробившись в шоу-бизнесе, стала относиться к себе более серьёзно, продолжая испытывать интерес к практикам ТВ-формата. Если русский рок в своё время прошёл

этап «бури и натиска» (80-е годы), то русский рэп определённо зарождается в состоянии синкретизма протестности и успешности. Протестный потенциал хип-хопа уже активно обсуждался старшим поколением музыкантов в 90-е годы. И в то же время появляются «тёлки, тачки, бабки, пушки», все атрибуты успешной жизни, в клипах «отцов основателей», например, Шефа, или известной и распиаренной «Вечеринке у Децла», которая является примером преломления стандартного рэп-сюжета в жизни школьника.

Таким образом, первые композиции в стиле рэп оказали огромное влияние на становление в России жанра, ставшего особенно популярным и не теряющем актуальности в наши дни. В связи с тем, что изучение рэп-культуры преимущественно касается современных исполнителей и их произведений, перспектива данного исследования заключается в том, что именно первые композиции оказали особое влияние на становление жанра в России и обусловили ряд его особенностей. Следовательно, акцентированное внимание на изучении жанра на этапе его становления во всех аспектах может создать платформу для исследования путей развития российского хип-хопа и в частности рэпа вплоть до современного этапа.

Литература

1. Бойченко, А. Е. Что скрывает русский рэп? Тематическое моделирование текстов русскоязычной хип-хоп сцены / А. Е. Бойченко, С. В. Жучкова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2020. – Т. 23. – № 2. – С. 130-165. – DOI 10.31119/jssa.2020.23.2.6. – EDN RQYPZA.
2. Вдовин, К. А. Философия русского рэпа / К. А. Вдовин, Л. С. Лызов // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. – 2018. – Т. 1. – С. 417-423. – EDN MFYXWX.
3. Гришина, Е. А. Русский рэп как саморефлексия поколения / Е. А. Гришина // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2019. – № 3(17). – С. 86-96. – DOI 10.28995/2073-6401-2019-3-86-96. – EDN XDNPEW.
4. Доманский, Ю. В. Русский рэп: начало (субъект и автор в первых русских рок-рэпах о рэпе) / Ю. В. Доманский // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – 2020. – № S20. – С. 55-67. – EDN TVNWTY.
5. Дулганова, Е. О. Российский рэп как социально-культурный феномен / Е. О. Дулганова, М. В. Амгаланова // Сохранение, изучение и популяризация наследия: опыт участия и векторы развития : Материалы Всероссийской с

международным участием научно-практической конференции, Улан-Удэ, 18 апреля 2019 года. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2019. – С. 206-210. – DOI 10.31443/978-5-89610-290-8-2019-206-210. – EDN MDQWLL.

6. Иншаков, Е. Е. Рэп в России: страницы истории / Е. Е. Иншаков // Академическая публицистика. – 2020. – № 9. – С. 205-212. – EDN KJGHDC.
7. Карпов, Д. Л. Русский рэп и литературная традиция (versus/версия) / Д. Л. Карпов // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – 2020. – № S20. – С. 4-15. – EDN QHULJZ.
8. Китанина, Э. А. Просторечная и заимствованная лексика как субстандартный феномен в СМИ / Э. А. Китанина // Медиариторика и современная культура общения: наука-практика-обучение : Сборник статей XXII Международной научной конференции, Москва, 30 января – 01 2019 года / Ответственный редактор В.И. Аннушкин. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2019. – С. 115-118. – EDN ZILGHJ.
9. Цаплин, Р. С. Художественные особенности текстов рэп-группы "макулатура" / Р. С. Цаплин // Мировая литература глазами современной молодежи : Сборник материалов международной студенческой научно-практической конференции, Магнитогорск, 25 ноября 2016 года. – Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2016. – С. 352-357. – EDN YHPFIF.

Polyukhina A.I.

Pushkin State Institute of Russian Language

Textual Peculiarities of the First Russian Rap Compositions and Their Influence on the Genre Formation in Russia

The article discusses the history of the genre of hip-hop and its subgenre rap, as well as the emergence of these directions in Russia. A brief analysis of the first fragments of rap music (on the example of "Chas Pick", "Alice", "Bachelor") is given, some textual, rhythmic, structural features, similarities concerning the subject of composition, themes of works are pointed out. Conclusions are made about the role of the first samples of rap-creativity in Russia, about their influence on the formation of the genre in the country, about the common features between them and the succession of traditions of other poetic and musical directions.

Keywords: rap, Russian rap, Russian rap poetry, hip-hop, text, style.

Попова Анастасия Александровна

Особенности греческих учебников по русскому языку как иностранному и их роль в образовательном процессе

Работа выполнена под руководством кандидата педагогических наук, доцента

Кудояровой Татьяны Викторовны.

В данной статье отмечается важность использования учебника как основного средства обучения. В ходе анализа греческих учебников русского языка как иностранного выделяются основные проблемы, такие как: неполное представление образа страны, недостаток сопоставительных исследований русского и греческого языков. На основе изучения поставлен вопрос о необходимости разработки дополнительных материалов к существующим греческим учебникам РКИ, с целью расширения содержания обучения и его наполненности культурными элементами.

Ключевые слова: греческий учебник РКИ, социокультурный компонент.

Россию и Грецию связывают многовековые прочные узы дружбы и сотрудничества как в политическом, экономическом так и в культурном и образовательном аспектах, основанные в том числе, на общих духовных и культурных ценностях, а также на общем историческом опыте. Большой популярностью пользуется в Греции и русский язык в связи с развитием туристических, экономических и образовательных отношений. Таким образом во многих городах Греции создаются языковые школы, на базе которых жители Греции имеют возможность пройти обучение и получить сертификат, подтверждающий уровень владения языком [9].

Русский язык в Греции преподается не только на языковых курсах, но и на государственном уровне в ведущих университетах Греции, является популярным среди студентов и является связующим звеном в греко-русских отношениях.

Основным средством обучения русскому языку в Греции является учебник. Учебник русского как иностранного является важным инструментом педагогического общения, основным средством обучения русскому языку иностранцев. И даже несмотря на стремительное развитие современных технологий и использование их на уроках русского языка как иностранного в виде аудио и видеоматериалов, обучающих компьютерных программ, презентаций, подкастов и т.д. в современных реалиях представить процесс обучения русскому языку как иностранному без опоры на учебник будет довольно трудно. Безусловно, люди привыкли к новой презентации информации, это стало для них инструментом познания, восприятия и реконструкции окружающей действительности, однако учебник до сих пор остается ключевым систематизирующим, структурным и опорным элементом в процессе обучения РКИ. По мнению методистов и преподавателей РКИ, главным средством в учебном процессе являются учебники, как печатные, так и электронные. Особенно в процессе преподавания русского языка

в условиях отсутствия языковой среды очень важно иметь строго отобранный материал и чёткую систему его преподнесения и закрепления. Согласимся с В.Г. Костомаровым, что «даже не очень хороший учебник лучше, чем очень хорошая самостоятельность и никакого учебника» [4, с. 3]. Вспомним и великого русского педагога К.Д. Ушинского, который говорил: «При хорошем учебнике и благоприятной методике и неопытный преподаватель может быть хорошим, а без того и другого и лучший преподаватель никогда не выйдет на настоящую дорогу» [4, с. 3].

Анализируя термин «учебник иностранного языка» обратимся к словарю методических терминов и понятий, который определяет учебник как «основное средство обучения, как руководство в работе обучающего и обучаемых, которое содержит образцы устной и письменной речи, языковой и страноведческий материал, отобранный и организованный с учетом его функциональной нагрузки в разных формах общения и видах речевой деятельности, а также с учетом опыта учащихся в родном языке и предупреждения интерференции» [1].

При наличии большого количества существующих учебников перед преподавателем стоит остро вопрос, какой учебник выбрать, ведь неправильно подобранный учебник для студентов может повлиять на качество обучения. Традиционно наиболее эффективными являются учебники, ориентированные на определенную страну и определенный родной язык учащихся, так как они учитывают все основные особенности родного и изучаемого языка в сопоставлении друг с другом.

Обращаясь к теме греческих дидактических материалов, направленных на обучение РКИ, в первую очередь необходимо отметить их малое количество, в связи с чем часто на уроках русского языка в Греции используются учебники русских авторов, которые наиболее адаптированы для современного студента.

Тем не менее греческие учебники РКИ также пользуются популярностью среди греческих студентов, так как содержат в себе пояснительный материал на греческом языке, выделяют сходства и различия языковых систем на всех уровнях языка.

Нами было проанализировано 3 греческих учебника по РКИ [7, 8, 11]. Можно отметить, что авторы делают акцент на основные трудности, с которыми может столкнуться греческий студент при изучении русского языка на фонетическом и морфологическом уровне. Так, на фонетическом уровне основными трудностями являются: подвижное и разноместное ударение, редукция гласных, разделение согласных на твёрдые и мягкие, наличие разделительных знаков *ь* и *ъ*, шипящие согласные, наличие звука *[ы]* и т.д. На морфологическом уровне: построение

конструкций с существительными в дательном, творительном и предложном падежах, изучение категории вида и видовых пар, глаголы движения, употребление предлогов и т.д. Несмотря на то, что данные трудности анализируются в трудах российских и греческих методистов [3, 6, 10, 12], главной проблемой остаётся недостаток методического и дидактического материала, а также печатных учебных пособий для разных уровней и аспектов обучения, что в свою очередь обусловлено недостатком сопоставительных исследований и анализов русского и греческого языка.

Стоит отметить, что учебники по изучению русского языка как иностранного безусловно, предполагают наличие социокультурного компонента, тем самым обеспечивая межкультурное взаимодействие. Поэтому актуальным является их анализ на наличие социокультурного и лингвострановедческого компонентов, поскольку именно учебники русского языка как иностранного являются одним из главных средств создания образа России. Безусловно, говоря об образе России и русских следует иметь в виду образ не только исконно русской земли и русского народа, не только современное государство и современного русского человека (или гражданина России), но и образ страны во всей его исторической динамике и образ народа во всей его этической сложности [6, с. 65]. Совокупность текстов, комментариев и иллюстраций культурологического характера в учебнике иностранного языка способствует формированию образа страны. При этом данный образ должен соответствовать современным ценностям носителей языка, так как в процессе изучения языка познается и новая культура [2, с. 44]. Образ страны является частью познания иностранной культуры.

Анализ социокультурного компонента в учебниках [7, 8] выявил недостаточно полное представление образа страны в текстах и иллюстрациях (физические, культурные, социальные характеристики) и практически полное отсутствие духовных, экономических и исторических аспектов. Поскольку, именно совокупность данных аспектов призвана создать целостный образ в сознании обучаемых, можно сделать вывод, что недостаточное освещение современной России и отсутствие актуальной социокультурной информации является минусом проанализированных учебников. Важность анализа именно этих учебников обусловлена тем, что программа обучения русскому языку построена на основе данных учебников и используются в ведущих университетах Греции на кафедрах русского языка и славяноведения.

С целью выявления наиболее популярного учебника РКИ среди студентов и преподавателей в греческой аудитории нами был проведён опрос среди студентов,

изучающих русский язык, в котором приняли участие 30 человек. Им был задан вопрос о предпочтении в изучении РКИ учебников на греческом языке или на русском языке. В ходе опроса было выявлено, что 65% греческих студентов предпочитают заниматься по пособию на русском языке. В результате анализа и дополнительного опроса студентов было выявлено, что причиной этого кроется в недоработке и/или отсутствием достаточного уровня лингвострановедческих материалов в греческих пособиях. Это свидетельствует о необходимости привлечения дополнительных учебных материалов в том случае, если обучение ведется на основе греческих учебников.

Следовательно, учитывая требования современного общества и образовательной парадигмы, необходимо повышать уровень наполненности культурными элементами учебников иностранного языка, поскольку они традиционно являются массовым базовым средством ознакомления с другой культурой и формирования представления о ней.

Литература

1. Азимов Э. Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – 2010. – Электронная версия, Грамота.ру.
2. Еремина С.А. Принципы организации лингвострановедческого материала в учебниках русского языка как иностранного // Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты: коллективная монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2019. – С. 44-48.
3. Есакова М.Н., Литвинова Г.М., Харацидис Э.К. Русская фонетика и интонация для говорящих на греческом языке. – Салоники: Epikentro, 2010. – 246 с.
4. Костомаров В. Г., Митрофанова О. Д. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. – Москва : Русский язык, 1976. – 136 с.
5. Милославская С.К. Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России: монография. – 2-е изд, стереотип. – Москва : Флинта, 2012. – 400 с.
6. Потапова Н.Ф. Учебник русского языка для греков, Москва : Русский язык, 1959 – 264 с.
7. Δανιηλίδου Νατρίσα Θ. Μήπως μπρώ και εγώ; Ρωσικά-Α' /δ' έκδοση βελτιωμένη

- και επαυξημένη/ Νατρίσα Θ. Δανηλίδου. – Θεσσαλονίκη: Εκδοτικός οίκος Αντ. Σταμουλή, 2012 – 632 σ.
8. Δανηλίδου Νατρίσα Θ. Μήπως μπορώ και εγώ; Ρωσικά-Β' /δ' έκδοση βελτιωμένη και επαυξημένη/ Νατρίσα Θ. Δανηλίδου. – Θεσσαλονίκη: Εκδοτικός οίκος Αντ. Σταμουλή, 2013 – 551 σ.
9. Ελληνική Δημοκρατία - Υπουργείο Εξωτερικών [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mfa.gr (дата обращения: 23.03.2023)
10. Μαμαλούι Σ., Τρακάδας Α. Γραμματική της ρωσικής γλώσσας. – Θεσσαλονίκη: University Studio Press, 2013 – 350 σ.
11. Μπορίσοβα Τ., Πογκόσοβα Ι., Τριανταφυλλίδου Τ., Ρωσική γραμματική στα ελληνικά. – Αθήνα: Perugia, 2013 – 296 σ.
12. Οικονόμου Κ. Δοκίμιον περί της πληρεστάτης συγγενείας της σλαβωνιρωσικής γλώσσας προς την ελληνικήν. – Πετρούπολη: Ακαδημία των Επιστημών, 1828 – 1553 σ.

Popova A.A.

Pushkin State Russian Language Institute

Features of Greek textbooks of the Russian as a foreign language and their role in the educational process

This article notes the importance of using a textbook as the main learning tool. After analyzing of the Greek textbooks of Russian as a foreign language, the main problems are highlighted, such as: incomplete representation of the image of the country, lack of comparative studies of Russian and Greek languages. Based on the study, the question was raised about the need to improve the Greek textbooks of the Russian as a foreign language, as well as to increase their level of fullness with cultural elements.

Keywords: textbook, Russian as a foreign language, Greek students, sociocultural component.

Прихода Екатерина Андреевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
ekaterinaprikhoda9@gmail.com

Организация и проведение занятий по творчеству Б.Л. Пастернака в иноязычной аудитории

Работа выполнена под руководством Пашкова Александра Витальевича,
кандидата филологических наук, доцента.

В статье рассматривается организация практических занятий по изучению творчества Б.Л. Пастернака в западной (Италия) и восточной (Китай) аудиториях. В работе приводятся план и комментарии к урокам в соответствии с уровнем и культурными особенностями учащихся. Для проведения урока в итальянской аудитории сделан акцент на изучение поэтического творчества Б.Л. Пастернака, в китайской – на изучение романа «Доктор Живаго».

Ключевые слова: иностранные обучающиеся, Б.Л. Пастернак, Запад, Восток, поэзия XX века, чтение художественной литературы.

Проводя занятия по литературе на факультете обучения русскому языку как иностранному, преподавателю необходимо учитывать различия в восприятии материала западной и восточной аудиторией. Сравним особенности изучения творчества Б.Л. Пастернака на занятиях с итальянскими студентами уровня В2 и с китайскими студентами уровня В1.

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, рассуждая о методических принципах работы с художественным текстом, предлагают опираться на хорошо известную в методике преподавания иностранных языков концепцию трех этапов: предтекстового, притекстового и послетекстового [2].

Для проведения практического занятия и в западной, и в восточной аудитории для анализа было выбрано стихотворение «Рассвет» (1947). Предтекстовая работа в итальянской аудитории начинается с разговора о памятнике русскому поэту на острове Сицилия. Далее можно перейти к символике названия стихотворения, поговорить о русских и итальянских художниках-пейзажистах XX века, которые писали рассветы. Далее можно начать разговор о Пастернаке и о Переделкине, можно просить студентов актуализировать информацию, выявленную на лекционном занятии. По мнению Н.В. Кулибиной, первый этап урока должен заинтересовать студента в переходе к следующему этапу [3], поэтому можно рассказать об интересных фактах, связанных с Переделкиным и другими поэтами и прозаиками, проживавшими там и знавшими Пастернака.

При переходе на притекстовый этап нужно показать стихотворение, которое будет читаться и анализироваться со студентами на уроке. При работе с первой частью стихотворения нужно обратить внимание студентов на такие слова и выражения, как «разруха», «встревожил», «завет», «разнести в щепу», «ни слуху не было, ни духу» [4] и, по возможности, попросить объяснить их значение, т.к. на уровне В2 это отчасти можно сделать. Далее можно задать обучающимся нетрудный вопрос: о каком времени года говорится в стихотворении? Ответ есть в первой части произведения, однако можно заострить внимание студентов именно на времени года. Также можно задать следующие вопросы и попросить выполнить следующие задания: *Объясните смысл последней строки: «И вымершие мостовые». Какое настроение у лирического героя? Лирического героя можно сравнить с Б.Л. Пастернаком?*

Далее можно говорить со студентами о термине «ситуация текста», использовать основные компоненты «ситуации текста», которые вводит Н.В. Кулибина [2, с. 140], рассматривать время и место события, которое происходит в тексте.

Поговорив о термине «ситуация текста», можно сравнить стихотворение из сборника Юрия Живаго с эпизодами из романа, ответить на вопрос: «Почему это произведение включено в живаговский цикл?»

Далее, обращаясь к культурным особенностям группы, в которой проводится урок, можно провести сравнительный анализ с лирическим произведением итальянского поэта, современником Пастернака, Чезаре Певезе, который писал о глубинном кризисе творчества во время войны [5]. Проведя сравнительный анализ произведений русского и итальянского поэтов, можно говорить с обучающимися о схожих возможностях преодоления кризиса для людей искусства из разных культур, о смежных метафорах, которые используют поэты в стихотворениях «Рассвет» и «Курильщики бумаги». Кроме этого, на наш взгляд, необходимо ввести понятие «герметичность», которое было актуально как для итальянских поэтов середины XX века, так и для русских, в частности, для Пастернака. С помощью герметичности поэты уходили «в себя» и через произведения искусства демонстрировали внутреннее состояние, которое выражало скорбь и печаль из-за войн, политических и социальных изменений, происходивших в разных странах и отражавшихся на человеке.

После разговора о понятии «герметичность» и сравнительного анализа двух произведений, заканчивая притекстовую часть урока, можно перейти к выполнению тестовых заданий на закрепление лексики и повторение материала урока.

На послетекстовом этапе можно продолжить разговор о пейзажном искусстве XX века, упомянутом в начале занятия, снова просмотреть произведения живописи и уже сравнить рассветные пейзажи со стихотворением Пастернака.

В качестве дополнительной или домашней работы можно провести разговор об экранизации романа Пастернака американским режиссером Дэвидом Лином 1965-го года. На наш взгляд, лучше проводить беседу со студентами из Италии именно об этой экранизации. Она близка итальянскому читателю романа, т.к. это картина совместного производства Италии, Великобритании и США. Для разговора со студентами можно взять одну из сцен картины и сравнить ее со стихотворением.

Говоря об уроке в восточной аудитории, предлагаем взять то же стихотворение поэта, но при этом строить урок по-другому. На предтекстовом этапе необходимо поговорить со студентами о разных публикациях романа в Китае и продемонстрировать иллюстрации обложек разных изданий. Если группа раньше не слышала о Пастернаке, этот способ будет основным для привлечения внимания студентов, т.к. в Китае только определенный круг литераторов глубоко анализировал творчество русского поэта.

Процент заинтересованных в изучении Пастернака в Китае гораздо меньше, чем в Италии.

На предтекстовом этапе можно сделать небольшое вступление в виде рассказа о том, как важен русский поэт для китайской литературной интеллигенции, начать говорить о поэте Ван Цзясине и привести его цитаты о Пастернаке из интервью [1]. Продолжить разговор можно перечислением трудностей понимания романа, далее можно начать разбор трудных мест со смежных для поэзии Ван Цзясиня и Пастернака образов свечи, снега, зимы, вдохновения.

Так как на уроке в восточной аудитории необходимо сделать акцент именно на романе, а не на поэзии Пастернака, то начать притекстовый этап можно разбором одного из «темных мест» романа, которое коррелируется с тематикой и сюжетом стихотворения «Рассвет», т.е. провести со студентами небольшой анализ фрагмента, в котором присутствуют образы тяжелой ситуации в стране. В этой части урока можно также ввести термин «ситуация текста», который использует Н.В. Кулибина в своей методике.

Далее можно перейти к сравнительному анализу фрагмента романа и цитаты Ван Цзясиня: «В начале 1990-х годов моя семья жила в Сидане. Однажды снегопад только что прекратился. Я сел – если быть точным, “втиснулся” в автобус, чтобы поехать на работу в Восточный выставочный зал сельскохозяйственной продукции. Полностью загруженный автобус проехал по проспекту Чанань и ревел всю дорогу до здания телеграфа, и я подумал о расстоянии вдалеке, думая об общей жизни и судьбе, и когда брызнула слякоть, засияла вспышка света, и какая-то боль или счастье почти вырвались из моего сердца, поэтому я написал стихотворение “Пастернак”» [1, с. 157]. Выявив схожие черты в восприятии мира китайским и русским поэтом, можно предложить обучающимся выполнить несколько тестовых заданий на закрепление материала урока.

На послетекстовом этапе урока можно продолжить звучавший в начале занятия разговор об иллюстрациях к произведению, сравнить русские иллюстрации А. Алексеева, Л. Пастернака с работами китайских художников. Здесь можно попросить студентов высказать свое мнение о работах художников и их связи с произведением.

Таким образом, работа по творчеству Б.Л. Пастернака в иностранной аудитории имеет свою специфику, в зависимости от национально-культурного своеобразия группы. В западной аудитории уровня В2 проводится работа со стихотворением,

осуществляется сравнительный анализ стихотворений итальянского и русского поэтов с выявлением схожести и отличий в тематическом и идейном плане. На послетекстовом этапе ведется разговор об итальянских и русских пейзажистах, проводится сравнение их творчества с творчеством Б.Л. Пастернака. В восточной аудитории уровня В1 делается акцент не на поэтическом творчестве Б.Л. Пастернака, а в большей степени на прозаическом, хотя для анализа со студентами используются отрывки из стихотворения «Рассвет». В китайской аудитории также для разговора берутся иллюстрации к роману Пастернака, выпущенные в Китае и в России, проводится их анализ и обозначается связь с романом и стихотворением, выявляется связь китайского поэта Ван Цзясиня и Б.Л. Пастернака. Восприятие творчества Пастернака на Западе и на Востоке разное, именно поэтому нужно учитывать особенности иностранной группы, в которой проводится урок.

Литература

1. Ван Цзясинь. Еин цзай та цзыцзидэ шидай (Соловей в собственную эпоху) Пекин: Восток, 1997.
2. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Москва : Рус. яз., 1990.
3. Кулибина Н.В. Методика обучения чтению художественной литературы / Н.В. Кулибина. – Москва : Флинта, 2018. – 304 с. – ISBN 978-5-9765-3628-9. – EDN ZADXFZ.
4. Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в пяти томах. – Москва : Художественная литература, 1992. – Т. 5. – С. 703.
5. La slavistica in Italia. Cinquant'anni di studi (1940-1990) / A cura di Brogi Bercoff G., Dell'Agata G., Marchesani P., Picchio R. - Roma: Divisione Editoria, 1994. P. 214.

Prikhoda E.A.

Pushkin State Russian Language Institute

Organizing and conducting classes on the works of B.L. Pasternak in a foreign language audience

The article discusses the organization of practical classes on the study of B.L. Pasternak's creativity in western (Italy) and eastern (China) audiences. The work provides a plan and comments on the lessons in accordance with the level and cultural characteristics of the students. To conduct the lesson in the Italian audience, emphasis is placed on the study of the poetic creativity of B.L. Pasternak, in the Chinese – on the study of the novel.

Keywords: foreign students, B.L. Pasternak, West, East, poetry of the XX century, reading fiction.

**Продан Надежда Александровна
Усенко Александра Юрьевна**

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
nadya.prodan.2018@mail.ru;
usenkosasha2203@mail.ru

Топоним в художественном тексте: представление ценностных смыслов

Работа выполнена под руководством кандидата филологических наук, доцента
Полежаевой Светланы Серафимовны.

В статье рассматриваются языковой и культурологический аспекты топонима Бендеры (город в Приднестровской Молдавской Республике), описанного в стихотворении Натали Самоний «Город спасенья». Топоним представлен как языковая единица, выражающая в индивидуально-авторском восприятии поэта ценностные смыслы многонационального народа, а также служащая языковым кодом культуры приднестровцев. Разработана номинативно-смысловая модель топонима в разные хронологические периоды существования города.

Ключевые слова: топоним, Бендеры, Натали Самоний, ценностный смысл.

Обращение к художественному тексту позволяет читателю не только понять его содержание, идейный смысл, употребленные образные средства языка в их функциональном аспекте, но и проникнуться эмоциональным настроением автора, осознать его чувства. Такие ориентиры изучения художественного текста, в особенности поэтического, воспитывают у читателя чувство гордости за сопричастность в культуре, к которой принадлежит автор текста (и, возможно, - сам читатель), а если стихи соотносятся со взглядами и самого читателя, то, несомненно, такие художественные тексты вызывают глубокий духовный отклик, имеют большое воспитательное значение. Немаловажную роль в этом играют языковые единицы, отобранные поэтом для выражения идейно-образной, эмоциональной, воспитательной составляющих своего текста. Большим потенциалом для реализации этих параметров текста обладают *топонимы*.

Продemonстрируем этот факт на примере анализа топонима *Бендеры* (город в Приднестровской Молдавской Республике). Данный топоним представлен в стихотворении нашего современника, приднестровской поэтессы Натали Самоний «Город спасенья» [3]. В заглавии поэтического текста топоним Бендеры представлен метафорически («город спасенья»). Цель статьи – описать топоним Бендеры в поэтическом видении автора, Натали Самоний, и доказать, что топоним Бендеры, выражая ценностные смыслы, является одним из языковых кодов национальной ментальности современных приднестровцев. Биография автора стихотворения – Натали Самоний [1] – свидетельствует о том, что поэтесса большую часть своей жизни

проживает в Приднестровье и пишет именно об этом крае. Город Бендеры родной для нее.

Стихотворение «Город спасенья» в 2008 году, состоит из трех строф, в каждой из которых представлено название города Бендеры в разные исторические эпохи (в хронологическом порядке): *Тягянкяча*, *Тигина* и *Бендеры*. Поэтесса с помощью языковых единиц отражает не только эволюцию названий города, но и его прогресс как культурно-исторического объекта государства, в котором он находится. Такое понимание позволяет увидеть топоним Бендеры в восприятии нашего современника – поэтессы Натали Самоний – как своеобразный *языковой код ментальности приднестровского народа*, выражающий его ценностные смыслы. Докажем эту мысль.

Поэтический текст представляет собой описание. В нем в большом количестве используются слова с оценочной семантикой, помогающие автору выразить свое восхищение городом, о чем говорит контекстологический анализ языкового материала.

1. Топоним *Тягянкяча* (тюркское по происхождению слово) сопровождается эпитетами *знатный*, *дивный*, *статный*. Слова *знатный* и *статный* схожи первыми ударными слогами с гласным звуком «А», что создает впечатление пространственной широты и открытости. При эпитетах есть наречия меры и степени (*геройски* (дивный); *немало* (слёз и горя)). Читатель понимает, что были войны, проливалась кровь мирных жителей, невинных детей. Город был полон зла, разрухи, конфликтов, споров, причем подчеркивается их длительный характер – наречие *извечно* (споря), называются враги в разные исторические периоды (*турки*, *фашисты*, *террористы*). Но, выйдя из борьбы с честью, героем, Тягянкяча – «дивный» и «самый статный» город. Словарные материалы отражают следующее лексическое значение анализируемых прилагательных, которое получило тождественное отражение в художественном тексте, ср.: 1) *знатный* – прославившийся своей деятельностью, такой, которого знают все. Обратим внимание на ключевые слова в данном толковании: *прославивший, деятельностью, знают (все)*. В восприятии автора, Натали Самоний, город Тягянкяча прославился своей деятельностью – борьбой с врагами, славными победами, о которых знали в других государствах; 2) *дивный* - 1. То же, что удивительный (в 1 знач.), это слово представлено со стилистической пометой ‘устарелое’. *Удивительный* – вызывающий удивление, *необычайный*. Употребленное вместе с эпитетом *дивный*, наречие *геройски* выражает значение ‘проявление высшей степени храбрости, поражающее своей необычайностью’; [5] 3) прилагательное *статный* имеет синонимы

величественный и величавый [4]. Употребленная в превосходной степени сравнения *самый статный*, данная словоформа выражает высшую степень проявления признака.

Представим краткий культурологический комментарий к топониму *Тягнякяча* [2]. В разных документах, письменных источниках и на картах название города несколько разнится: *Тягнякяч, Тягнякячу, Тягнякячу, Тягинь, Тигина, Тигин, Текин, Тунгаты, Тишино*. На польских, литовских и других европейских картах название города начертано как: *Tehinia, Tehyna, Teghinea, Tehin, Thehinia, Tekin*. Как видим, корень у этого топонима один и тот же. Топоним *Тягнякяча* существовал до 1408 года, перевод слова «Тягнякяч» с татарского языка значит «бесплатно проходи». Вплоть до середины XX в. недалеко от крепости был брод, которым пользовались татары, населявшие эти земли до начала XIX в.

2. Топоним *Тигина* также употребляется в контексте с именами прилагательными – эпитетами: *славный, не главный, самый древний, чудный, всегда цветущий, краше*. Показательно, что автор на первое место в характеристике города с названием *Тигина* ставит притяжательное местоимение *наш* (славный) город. Это, предположим, можно трактовать так: по историческому времени город с этим названием ближе к нам, современникам, чем город с названием *Тягнякяча*. В имени прилагательном *славный* также реализуется смысл ‘слава’ (ср.: «*славный* - пользующийся славой, достойный славы» [5]). Имя прилагательное *чудный* реализует смысловой компонент ‘прелестный, красивый’ (ср.: «*чудный* – удивительный по прелести, красоте» [5]). Имя прилагательное *древний* употреблено в форме превосходной степени *самый древний*, реализуя значение ‘очень старый’ (ср.: «*древний* – 1. Существовавший или возникший в отдаленном прошлом, очень давний. 2. Очень старый» [5]). Автор подчеркивает, что данный город является старейшим городом в нашем сегодняшнем государстве – Приднестровской Молдавской Республике. Но при этом он «не главный» здесь – ведь столицей является не он, а город Тирасполь. Натали Самоний выражает истинную признательность городу (*сердечно дорог*), она подчеркивает его красоту, используя форму превосходной степени имени прилагательного *краше всех*. И таким красивым его делают люди, которые и крепость построили для защиты родины, и украшают город цветами: «*И царство роз, и крепость наша, / Всегда цветущий – всех ты краше!*» [3]. Имя прилагательное *цветущий* в приведенном контексте реализует сразу два словарных значения: 1) «такой, который цветет, имеет цветы» и 2) (в переносном смысле) «находящийся в расцвете». Помимо эпитетов, автор использует также контекстуальную антитезу в паре *самый древний* –

Приднестровье (современное название государства). Таким образом, при описании *Тигины* автор показывает сердечную любовь народа к городу. И снова акцентируется внимание на ключевых понятиях – *крепость*, славные *ратные подвиги* людей, которые являются лицом своего города, залогом его процветания.

Приведем краткий культурологический комментарий топонима *Тигина* [2]. Название *Тигина* – с 1408-го по 1538-ой годы. Есть несколько версий происхождения названия «Тигина» и производных от него. *Первая, татарская*: название происходит либо от татарского слова, означающего «князь», либо от конкретного татарского имени *Тигин*, упоминавшегося, например, у Н. М. Карамзина. Один из татарских князей, бежав от литовской или польской экспансии в эти места, и мог дать название городу. *Вторая, славянская*, версия основывается на том, что около города с давних времён существовала удобная переправа через реку Днестр. В X в. эти места населяло одно из славянских племён – тиверцы, употреблявшие слова «тянуть», «тягнуть», «толкать», «тункать» для обозначения переправы, откуда и пошло название города.

3. Топоним *Бендеры* в третьей, заключительной, строфе стихотворения раскрывает смысл его названия – «Город спасенья». Обратим внимание: автор снова, как и отношении названия *Тигина*, использует притяжательное местоимение *наш*, при этом называет Бендеры *брегом спасенья*. Имя существительное *брег* – старославянское по происхождению (что контекстуально поддерживается еще одним старославянским по происхождению словом – *град*). Существительное *брег* – слово высокой стилистической окраски, недаром оно использовано в метафорическом значении (т.е. ‘основа защиты’). Название Бендеры характеризуется следующими эпитетами: *достойный, древний, вечно молодой, седой*. Автор также использует антитезу: (*хоть*) *древний* – *вечно молодой*, что говорит о том, что, несмотря на возраст, город является стойким, сильным. С эпитетом *достойный* используется наречие «*вправе*» («имеет право»). Действительно, город имеет право быть достойным восхищения своей стойкостью, храбростью и насыщенной историей. Заслуживает комментария выражение «*крепостью седой*» в строке «*Ты только крепостью седой*». Мы не можем однозначно сказать, какой смысл был заложен в данной фразе, однако можно предположить, что речь идёт либо о Бендерской крепости, ‘защите и оплоту’, либо о крепости в значении ‘старой по времени’, ‘седой по возрасту’. В первом случае само название «Бендерская крепость» – редуцируется формально, но семантически вполне понимаемо читателем; во втором случае указанный смысл поддерживается следующей строкой стихотворения: «*Ведь не умеешь ты стареть...*» – и дальше

«разворачивается» в завершающих строках стихотворения («*Ты был, и есть, цветы и впредь!*»). Здесь усматривается восходящая градация, отражающая поступательный характер развития города под тремя разными номинациями, создаваемая цепочкой двух глаголов и наречием, ср.: *был – есть – впредь!* Идейную задачу выполняет и употребленный глагол в грамматической форме повелительного наклонения – *цвети*. Этим автор воздает похвалу городу и выражает пожелание процветать ему и дальше.

Представим краткий культурологический комментарий названия города *Бендеры* [2]. Название *Бендеры* – с 1538-ой по 1918-ый годы, затем снова *Тигина* (с 1918-го по 1944-ый год), а потом топоним *Бендеры*, который используется с 1944-го года до настоящего времени. Название «Бендеры» связывают с фразой турецкого султана Сулеймана Великолепного «Я хочу», страстно желавшего захватить город. Другая версия - название «Бендеры» следует переводить как «крепость на переправе». Также есть мнение, что слово «Бендеры» пришло из персидского языка, где оно означает ‘гавань’, ‘порт’, или ‘портовый город’.

Таким образом, проанализировав каждую строфу и всё стихотворение в целом, можно сделать вывод, что автор представляет эволюцию названия и сущности характеристики города – в текстовом материале он ведёт изложение от прошлого к настоящему, акцентируя внимание на разных наименованиях города Бендеры. Испокон века люди никогда не давали названия городам случайно. В названии городов они непременно отражали особенности ландшафта той или иной местности, ее природных богатств, исторических, экономических, культурно-бытовых условий жизни людей разных национальностей. Эти идеи получили отражение во всех трех номинациях одного и того же города. Название стихотворения «Город спасенья» перекликается с первой строкой последней строфы: «*Бендеры-град – наш берег спасенья*». Это говорит о том, что Бендеры являются берегом спасенья на протяжении всего исторического прошлого и сегодняшнего времени существования. Город пережил много тяжелого и много радостного; город и его крепость всегда оберегали народы, которые в нем жили, от гибели и вели их к достойной радостной жизни. В целом название *Бендеры* суммирует в себе историю *Тягнякячи* и *Тигины*.

Представленные рассуждения привели к разработке номинативно-смысловой модели топонима Бендеры, который представлен в стихотворении Натали Самоний «Город спасенья» в разных исторических номинациях и который, как представляется, можно воспринимать как языковой код национальной ментальности современных приднестровцев, выражающий ценностные смыслы.

В трех исторических периодах существования города каждый топоним описывается через ряд семантических признаков, при этом каждая последующая номинация города обогащается новым семантическим признаком. Важно, что перечисленные в каждом названии города признаки повторяются на новом историческом витке развития города, обогащаясь новыми оттенками. Так, для характеристики города с изначальным названием *Тягнякяча* смысловыми доминантами являются: знал *‘много слёз и горя’*, *‘боролся с врагами’*. Далее (о городе с названием *Тигина*) автор говорит, используя ту же смысловую доминанту *‘славный’* (так как покрыл себя славой в борьбе с врагами), для чего построил крепость (смысловая доминанта *‘крепость наша’*). А в завершении (в третьем названии города - *Бендеры*) автор открывает читателю новую смысловую доминанту – это *‘цветущий’*, город *‘роз’*, хотя он и не главный (не столица республики). Город с названием *Бендеры* Натали Самоний продолжает характеризовать, воплощая идею *‘крепости’* как древнего оплота спасенья от врагов, *‘расцветающего’* от вложенного труда горожан, и вводит новую смысловую доминанту – *‘пожелание благоденствия городу и впредь’*, на долгие годы вперед, чтобы наши потомки знали историю *‘достойного восхищения’* города и гордились им.

Три исторических наименования города, представленные в стихотворении «Город спасенья», отражают его эволюцию, траекторию «от прошлого – к настоящему» (*Тягнякяча* от слёз и горя последовательно, через *Тигину* – город-крепость – пришел к *Бендерам* – спасенью и процветанию). Такова номинативно-смысловая модель топонима Бендеры, построенная на материале стихотворения приднестровской поэтессы Натали Самоний «Город спасенья». Топоним Бендеры понимается как языковой код национальной ментальности современных приднестровцев, выражающий его ценностные смыслы на страницах художественного текста – любовь к родине, почитание памяти предков, гордость за их созидательный труд и желание преумножить достоинства города для потомков.

Литература

1. Биография Натали Самоний. – Режим доступа: [https://stihi.ru/2019/12/27/8020#:~:text=\(дата обращения: 23.02.2023\).](https://stihi.ru/2019/12/27/8020#:~:text=(дата обращения: 23.02.2023).)
2. История города Бендеры. – Режим доступа: [\(дата обращения: 23.02.2023\).](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D1%80%D1%8B)

3. Самоний Натали / Стихотворение «Город спасенья». – Режим доступа: <http://aspassija.narod.ru/stihi.html> (дата обращения: 25.02.2023).
4. Словарь синонимов русского языка под ред. А. П. Евгеньевой. - Москва : Астрель : АСТ, 2002. – 648 с.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений – Российская АН, Ин-т рус. яз. – Москва : Азъ, 1994. – с. 27

Prodan N. A.

Usenko A. Yu.

T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University

Toponym in a literary text: representation of value meanings

The article examines the linguistic and cultural aspects of the toponym Bendery (a city in the Pridnestrovian Moldavian Republic), described in the poem by Natalie Samony "The City of Salvation". The toponym is presented as a linguistic unit expressing the value meanings of a multinational people in the poet's individual author's perception, as well as serving as a language code of the culture of Pridnestrovians. A nominative semantic model of a toponym has been developed in different chronological periods of the city's existence.

Keywords: toponym, Benders, Natalie Samony, value sense.

Рахматуллина Лиана Ильдаровна

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
rakhmatullinal69@gmail.com

Мемуары о Великой Отечественной войне: аспекты лингвистических исследований

Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора
Ионовой Светланы Валентиновны.

В статье рассматриваются аспекты изучения мемуаров о Великой Отечественной войне, выявляются основные черты мемуаров, их жанровая характеристика, анализ мемуаров с точки зрения их функционирования в качестве источника исторического материала и элемента художественных произведений о войне. Выявленные особенности мемуарных текстов о Великой Отечественной войне позволяют рассматривать их как объект лингвистического исследования.

Ключевые слова: мемуарный текст, военные мемуары, лингвистическая специфика.

Несмотря на то, что мемуары большей частью исследуются в рамках литературоведения и истории, изучение данных текстов также имеет важное значение для лингвистики. Актуальность данной статьи состоит, во-первых, в том, что существуют разногласия среди исследователей в определении жанровых особенностей и лингвистической специфики мемуаров. Во-вторых, в аспекте внешней лингвистики события Великой Отечественной войны привлекают все более пристальное внимание современных ученых. Целью статьи является изучение проблемных вопросов,

связанных с определением лингвистической специфики мемуарных текстов. В качестве материала исследования были выбраны мемуары авторов о Великой Отечественной войне. Данные тексты относятся приблизительно к одному временному периоду (II половина XX – начало XXI вв.).

История возникновения мемуаров в России является дискуссионной темой у ученых. Некоторые полагают, что отдельные особенности, присущие мемуарным текстам, представлены в древнерусских летописях начиная с XI века. Другими исследователями отмечается, что первые мемуары в России начинают появляться в XVI веке.

Мемуары содержат в себе такие черты, как субъективизм (поскольку они отражают личностное восприятие описываемых событий), автобиографичность (автор реконструирует реальность, свидетелем которой являлся сам), фактографичность, событийность, отражение черт обыденного сознания, ретроспективность (между явлениями, ситуациями, о которых пишет автор в мемуарах, и собственно написанием данного текста всегда лежит некоторый временной промежуток; автор обращается к событиям прошлого), историчность (автор не просто повествует о событиях из собственного жизненного опыта, а о достопамятных исторических событиях, участником которых он являлся) [3, с. 98].

В аспекте типологического подхода исследователями поднимается проблема разграничения различных видов мемуарной прозы. А. М. Маркусь в своей диссертации пишет об отсутствии единой классификации мемуарных жанров [3, с. 52]. Как правило, исследователи берут за основу определенный признак, например, тематику, хронологию, но целостной классификации мемуарных текстов не выработано. Ученые, исследующие природу мемуарных текстов, неоднозначно подходят к разграничению таких близких по форме и содержанию жанров, как мемуары, дневниковая проза, автобиография, записки, воспоминания, исповедь и т. д. [3, с. 56].

Известно, что исследование мемуаров, подразумевающее их рассмотрение в качестве исторических источников, началось на рубеже XIX–XX вв. [4, с. 3]. При этом существует проблема субъективизма автора и его интерпретации описываемых событий, поскольку в мемуарах представлено его личностное восприятие. Отсутствие объективности, по мнению некоторых ученых, является недостатком мемуаров, однако другие исследователи считали мемуары ценным историческим материалом. Например, историк Н. Д. Чечулин отмечал познавательную функцию мемуаров, позволяющую лучше понять отношение современников к тем событиям, свидетелями которых они

являлись [5, с. 7].

С 1960-х гг. мемуары рассматриваются исследователями не только как исторический источник, но и как материал литературоведения. В некоторых научных трудах данного периода мемуары обозначаются как жанр художественной литературы. Например, В. Кардин относит роман Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» к мемуарам, так как, по словам исследователя, это произведение является во многом воспоминаниями самого писателя [4, с. 4]. Функционирование мемуарных традиций в произведениях художественной прозы часто становится плодотворным для литературы, так как ценность подобных сочинений заключается не только в их эстетическом аспекте, но и в отражении конкретного исторического периода.

Что касается мемуаров о Великой Отечественной войне, они являются важным предметом научного изучения. В мемуарах о войне содержится информация о военных событиях, сражениях, однако они также отражают быт и культуру людей, являвшихся современниками военной эпохи. В основе военных мемуаров лежат личные впечатления, память о военных событиях, факты, которые сохраняются в таких жанрах текстов, как фронтовые письма, дневниковые записи военных лет, официальные документы. Автор, как правило, руководствуется задачей поделиться с современниками и потомками своим жизненным опытом, памятью о событиях тяжелого военного времени, которые остались в прошлом.

В последнее время ученые-лингвисты сконцентрированы на проблеме человека в истории, что является свойством антропоцентрического подхода в науке. Исследователи изучают мемуары о Великой Отечественной войне, рассматривают источники личного, субъектного происхождения, чтобы расширить картину войны. Особенности индивидуального мировосприятия участников военных событий могут дополнить информацию о фактах, показать Великую Отечественную войну как особую страницу в истории, передать дух прошедшего времени, также они способствуют детализации событий. Таким образом, мемуары рассматриваются как личностный, эмоциональный текст [1, с. 34], благодаря чему он составляет ценность для исследователей.

Рассматривая военную мемуаристику, можно выделить основные группы авторов воспоминаний: рядовые военные; командиры, маршалы, великие полководцы; работники тыла; партизаны; дети войны; школьники, которых на момент выпуска застала война. В зависимости от принадлежности авторов к определенной группе, определяются темы мемуарных текстов и особенности языка. Следует отметить, что в

большинстве случаев в качестве авторов военных мемуаров выступают немолодые люди, имеющий довольно значительный жизненный опыт. Это обусловлено тем, что между описываемыми событиями военных лет и созданием мемуаров о войне должно пройти определенное время, для того чтобы, во-первых, наиболее качественно систематизировать материал воспоминаний, во-вторых, чтобы приобрести некоторую психологическую готовность рассказывать о ситуациях, которые могли оставить у автора описываемых событий болезненное впечатление.

В мемуарах о Великой Отечественной войне центральной темой является тема войны, а также не менее значимые темы Родины и семьи как разновидность эмоциональных тем [2, с. 8]. В языковом плане мемуары о Великой Отечественной войне зачастую характеризуются наличием лирических отступлений, в которых ярко выражена эмоциональная составляющая автора, метафор и гипербол, благодаря чему создается экспрессивный образ войны. В военных мемуарах содержатся не только исторические факты, но и создается образ эпохи, жизни людей на войне. Особенно изображается бытовая жизнь современников военных событий. Авторы детализируют описания ситуаций, лежащих в основе их воспоминаний, и сосредотачиваются на подробностях.

Нередко военные мемуары имеют диалогический характер. В некоторых образцах подобных текстов адресат мемуаров четко обозначается автором. Есть многие другие языковые особенности, которые находят свое отражение в мемуарах о Великой Отечественной войне. Они определяют выразительность авторского текста, воссоздающего образ тяжелой военной эпохи.

Таким образом, изучение мемуаров о Великой Отечественной войне представляет значительный интерес для лингвистической науки и актуализирует ряд серьезных исследовательских вопросов, которые только начинают активно изучаться языковедами.

Литература

1. Вахрушева М.А., Ионова С.В. Эмоциональная коммуникация на русском языке/ Учебное пособие. – Москва : Научная мысль, 2021. – 87 с.
2. Ионова С.В., Ларина Т.В. Лингвистика эмоций: от теории к практике // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Лингвистика, 2015. № 1. – С. 7-10.

3. Маркусь А. М. Военные мемуары и дневниковая проза Великой Отечественной войны: жанрово-стилевые особенности: дис. ... кандидата филологических наук. – Челябинск, 2017. – 286 с.
4. Рожкова Н. Е. Военные мемуары как история и как литература // Новые российские гуманитарные исследования. – 2007. – № 2. – С. 7.
5. Чечулин Н. Д. Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников: Вступ. лекция, чит. в С.-Петерб. ун-те 22 янв. 1891 г. перед началом курса "Русские мемуары XVIII в.". – СПб : ред. журн. "Библиограф" (Н.М. Лисовского), 1891. – 16 с.

Rakhmatullina L. I.

Pushkin State Russian Language Institute

Memoirs about the Great Patriotic War: aspects of linguistic research

The article discusses aspects of the study of memoirs about the Great Patriotic War, identifies the main features of memoirs, their genre characteristics, analyzes memoirs from the point of view of their functioning in fiction and historical science, as well as features of memoirs about the Great Patriotic War.

Keywords: memoir text, military memoirs, linguistic specificity.

Семенова Дарья Юриевна

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
semenova-dari@mail.ru

Хиастические конструкции в практике преподавания РКИ

Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора
Боженковой Натальи Александровны.

Данная статья посвящена вопросам улучшения лексико-грамматических навыков инофонов-филологов (уровень В1-В2) путем обучения правилам построения хиастических конструкций.

Ключевые слова: хиазм, медиапространство, русский язык как иностранный.

На сегодняшний день в современной лингвистике и лингводидактике встречается множество исследований, посвящённых языку медиасферы. Более того, интерес к способам создания текстовых единиц новых жанров, к выявлению коммуникативных и прагматико-экспрессивных особенностей их функционирования постоянно возрастает, поскольку в основе данного явления (и в аспекте «порождения», и в аспекте понимания) лежит персонифицированный, идиостилистический акт конструирования вербальных знаков.

Одним из ярчайших примеров такой авторской экспликации является *риторическая фигура хиазма*, имеющая не только специфическое построение, но и особую семасиологическую устроенность. Частотность встречаемости хиастических

конструкций в медиапространстве обусловлена желанием придать текстам особую экспрессию, при этом использование данных конструкций зачастую происходит носителями неосознанно, однако благодаря своему высокому коммуникативно-прагматическому потенциалу, яркости и образности, встречается и в повседневной коммуникации, и в медиасфере.

Как утверждает Э.М. Береговская: «Известно было, что хиазм – это синтаксический отрезок, который повторяется в инвертированном виде (по формуле АВ/ВА), и определение этой синтаксической фигуры с некоторыми вариациями и в сопровождении одного-двух примеров (чаще всего из Квинтилиана «Есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть») кочевало из одного справочного издания в другое, из одного учебника по риторике или стилистике в другой» [1, с. 135]. Иными словами, группа элементов хиазма изменяется в крестообразном порядке.

Важно отметить, что хиазм как стилистическая фигура может иметь различные уровни сложности, обусловленные теми релевантными признаками, которые включает в себя сама хиастическая конструкция. Так, на основе классификации типов хиастических конструкций, предложенной Э.М. Береговской, выделяются три вида степени сложности хиазма:

1) Самый простой – это строго *синтаксический хиазм*, для которого обязательны лишь полная инверсия в сочетании с синтаксическим параллелизмом. Правая часть такого хиазма по своей синтаксической структуре симметрична левой, повторяет в обратном порядке все составляющие левую члены предложения: «*Делить веселье – все готовы: – Никто не хочет грусть делить*» (Лермонтов);

2) В *семантически осложненном хиазме* к перечисленным выше релевантным признакам добавляется еще два: двойной лексический повтор в инвертируемых элементах и обмен синтаксическими функциями у этих элементов: «*Самый лучший человек тот, который живет преимущественно своими мыслями и чужими чувствами, самый худший сорт человека – который живет чужими мыслями и своими чувствами*» (Л. Толстой);

3) В *хиастическом каламбуре* к признакам, характеризующим первые два вида, прибавляется еще изменение значения. Полисемичное слово, употребляемое в левой части хиазма в каком-то одном определенном значении, в правой его части повторяется с другим значением: «*В России две напасти: Внизу – власть тьмы, /А наверху – тьма власти*» (Гиляровский).

В. П. Москвин называет хиазмом «повтор двух речевых компонентов,

сопровождаемый инверсией» и выделяет следующие его виды:

- 1) звуковой: «*Схема смеха*» (В. Маяковский);
- 2) лексический: «*Стихи отводят от портрета, Портрет отводит от стихов*» (А. С. Пушкин);
- 3) синтаксический: «*На светлые воды, на берег отлогий Задумчиво месяц глядит*» (И.С. Никитин) [4, с. 804].

Однако выделение звукового хиазма в отдельную (первую) группу в классификации В.П. Москвина может быть оспорено на основании того факта, что явления, порядок слов в которых отличается звуко-буквенной перестановкой, известны как *анаграмма*. Данное мнение, в частности, подтверждается в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова, где он рассматривает в качестве анаграммы «Перестановку букв, посредством которой из одного слова составляется другое, **напр.** Сон - нос, ров - вор, ласка - скала» [6, с. 256].

Так, Г.О. Мухаметкалиева говорит о том, что «пока структура ощущается во всех своих отдельных звеньях (хотя бы какое-то звено ощущалось как отсутствующее или замещенное), – хиазм есть. Как только ощущение цельности структуры нарушается – хиазм исчезает: *Удовлетворенность делает бедных богатыми, и наоборот* (Франклин). Фраза эта как будто бы имеет тот же смысл, что и соответствующий хиазм, а хиазма нет, потому что при таком структурном свертывании совершенно исчезает сверхсмысл, гиперсемантизация, порождаемая хиастической формой» [5, с. 128].

Исходя из частотности встречаемости хиазма в медиатекстах (и непонимания сути явления говорящими), следует отметить важность изучения данной языковой конструкции не только в сфере прагмалингвистики / коммуникативной лингвистики / теории речевого воздействия, но и в области методики преподавания ИЯ студентам-филологам (в том числе и РКИ). Методика изучения хиазма, по нашему мнению, должна быть направлена на практическое применение хиазма как инструмента коммуникации и изучение организации данного явления.

Опираясь на изложенный теоретический материал, можно сделать вывод, что для рассматриваемого нами уровня обучения учащихся-инофонов (В1), достаточным является изучение наиболее простых (примитивных) типов хиастических конструкций: строго синтаксический хиазм (на основании классификации Э.М. Береговской), а также лексический (на основании классификации В.П. Москвина).

Проиллюстрируем варианты работы (языковые, речевые и коммуникативные упражнения) с хиастическими конструкциями на занятиях РКИ.

1. Выберите из следующих выражений хиастические конструкции:

Человек человеку волк;

Миру – мир;

У Ерёмы мошна пуста, а у Фомы тоже ничего;

Говори, что думаешь, но думай, что говоришь;

Я поверю чему угодно, лишь бы оно было невероятным;

Дети во всем находят счастье, и наоборот;

Новость – это когда человек покусал собаку, а не собака человека.

Когда нам говорят, что для счастья нужны деньги, я понимаю, что никакое счастье мне не нужно;

Счастье жить – важнее, чем жить в счастье.

Человек должен отличаться от животного, а не животное от человека.

2. Завершите построение хиастических конструкций, сохраняя смысл высказывания:

5. 1. Жить, чтобы есть, а не ... 2. Все овчарки собаки, но ... 3. Не место красит человека, а ... 4. Можно рисовать, не являясь художником, но ... 4. Риск – дело благородное, но ... 5. Готовь сани летом, а ... 6. Снега на севере столько же, сколько и ... 7. Ваши деньги – это бумага, ... 8. Шути любя, но ... 9. Человек не выбирает время, но ... 10. Люди сначала придумали границы, а потом ...

3. Перед вами аннотация статьи из новостного интернет-издания. Подберите к нему название в форме хиастической конструкции. Объясните свой выбор.

Театр XIX века в лицах, эскизах и даже механизмах теперь можно будет не просто увидеть, но и испытать. В Музее театрального и музыкального искусства открылся новый интерактивный раздел постоянной экспозиции, посвященный великой эпохе расцвета сценического искусства России.

1. Эпоха театра и театр эпохи.

2. Театр истории и история театра.

4. Вы согласны со следующим высказыванием? Почему? / Почему нет? В своём ответе используйте хиазм, который встречается в тексте.

«Умейте любить искусство в себе, а не себя в искусстве. Если вы будете эксплуатировать искусство, оно вас предаст; искусство очень мстительно. Повторяю вам еще раз: любите искусство в себе, а не себя в искусстве – это должно быть вашей руководящей нитью. Нет высшего наслаждения, чем работа в искусстве, но она требует жертв».

5. Составьте диалог со своим соседом по парте. Используйте хиастические конструкции, которые были изучены на уроке.

Подобные упражнения способствуют формированию навыка использования хиазмов в речи, развивают умение отличать хиастические конструкции, более точно определять их смысл и выделять конститuenty. Применение указанных упражнений развивает навык создания правильных речевых конструкций в реальной коммуникации, улучшает способность корректно и грамотно интерпретировать смысл подобных выражений, приводит к более углубленному пониманию синтаксических, морфологических, грамматических особенностей построения предложений в русском языке, а также к развитию лексико-грамматических навыков обучающихся. Акцентирование обучения на улучшении указанных умений оказывает прямое влияние на формирование коммуникативной и профессиональной компетенций у инофонов-филологов.

Литература

1. Береговская Э.И. Реализация стилистических потенций хиазма в творчестве Феликса Кривина / Русский язык в научном освещении. – 2007. – № 2 (14). – С. 133-146.
2. Береговская Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису – Москва : Рохос, 2004. – 208 с.
3. Береговская Э.М. Экспрессивный синтаксис: учебное пособие к спецкурсу / Э.М. Береговская. – Смоленск: СГПИ им. К. Маркса, 1984. – 92 с.
4. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь – Ростов н/Д.: Феникс, 2007. – 940 с.
5. Мухаметкалиева Г.О. Структурная характеристика хиазматических конструкций в разноструктурных языках// Электронный журнал «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета». – 2011-2013. – С. 124-130.
6. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей – 1935-1940. – Т. 2-4

Semenova D.Yu.

Pushkin State Russian Language Institute

Chiastic constructions in the methodology of teaching Russian as a foreign language

This article is devoted to improving the lexical and grammatical skills of foreign philologists (level B1-B2) by

teaching the rules of constructing chiasmic constructions.

Keywords: chiasm, media space, Russian as a foreign language.

Скобелкин Даниил Юрьевич

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
d.skobiolkin@vk.com

Категория вежливости в русском языке

Работа выполнена под руководством доктора педагогических наук, профессора
Азимова Эльхана Гейдаровича.

Язык – явление многофункциональное. С его помощью происходит не только обмен информацией и эмоциями между представителями человеческой цивилизации, но также установление и поддержание межличностного контакта, а также его прекращение. Язык служит проводником отношений между людьми, с его помощью происходит регулирование межличностных отношений.

В настоящее время, когда вопросы внутреннего строения языка исчерпали себя и внимание исследователей переключилось на внешнюю сторону объекта изучения, такая языковая категория как вежливость вызывает всё больший интерес. Для того, чтобы избежать расплывчатости в понимании изучаемого объекта, дадим определение понятию «категория».

Данный термин используется в разных науках. Его философское значение по словарю Ожегова: «Общее понятие, отражающее наиболее существенные связи и отношения реальной действительности и познания». Там же дается и более житейское определение этому понятию: «Крупный, обычно строго не очерченный класс в его сравнении с другими такими же классами». В лингвистике понятие категории приобретает более специфическое значение и обозначает «смысловые компоненты *общего* характера, свойственные обширным *классам* слов и выражаемые разноуровневыми языковыми средствами» [8, с. 23]. Из этого определения следует, что слова в языке можно разделить на классы (категории), и за каждым классом закреплён определенный обширный смысловой компонент. Понятийные категории в языке выражаются *граммами грамматических категорий, словообразовательными и лексическими подклассами знаменательных слов, служебными словами, синтаксическими конструкциями, а также супraseгментными средствами (порядок слов, интонация и т.д.)*.

Итак, для того, чтобы выделить определенную понятийную категорию из океана знаков, что представляет собой язык, необходимо выполнение следующих условий:

- 1) наличие общего признака, характерного для всех единиц гипотетической категории;
- 2) наличие схожих грамматических, лексических, синтаксических особенностей;
- 3) признак, по которому определяется категория – определенная смысловая единица.

Какие смысловые единицы могут определять понятийные категории? Язык может обладать бесчисленным множеством смысловых слоев. Слово может иметь два значения: лексическое (заданное корневой морфемой) и грамматическое (заданное аффиксами) [3, с. 37]. Многие категории привязаны именно к грамматической форме слова: таковы, например, категории рода, времени, числа, падежа и так далее. Однако такие категории, как, например, модальность, выражаются не только аффиксами, но и служебными словами: «Студенты *вряд ли* поедут на диалектологическую практику» [8, с. 35].

Смысловой признак категории вежливости – выражение доброжелательного отношения к кому-либо с целью соблюдения этикета, смягчения речи и избегания грубости. Это наиболее тактичный способ донести мысль, просьбу, совет и т.д.

Категория вежливости именно как грамматическая форма существует в японском языке. Вежливая форма настоящего времени выражается с помощью суффикса -*ます* (*masu*), в то время как в просторечном стиле форма глагола настоящего времени совпадает с той, что дана в словарях. Например, фраза «Мальчик пишет» в просторечном стиле выглядит так: *おとこのこがかく* (*otokonoko ga kaku*). В нейтрально-вежливом стиле она будет выглядеть как *おとこのこがかきます* (*otokonoko ga kakimasu*) [2, с. 6].

Поскольку в русском языке нет уникальных частеречных форм, выражающих вежливость, сложно говорить о категории вежливости в русском языке как о грамматической категории. Тем не менее, грамматическая маркировка имеет место: например, обозначение собеседника через формы множественного числа («вы» вместо «ты»). В основном мы можем говорить о категории вежливости как о *функционально-семантической* категории [8, с. 34]. Вежливость в русском языке выражается с помощью слов и выражений, имеющих соответствующую окраску. Это стиль выражения мыслей, соответствующий принятым в обществе нормам этикета [7, с. 85]. Вежливость выделяется также стилистическими особенностями: чем ниже лексика, тем неуместнее она считается в определенных речевых ситуациях.

В словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило категория вежливости определяется как «лингвопрагматическая и лингвокультурная категория, являющаяся одним из объектов изучения речевого этикета, изучаемая в прагматике, социолингвистике, культуре речи. Стратегия языкового поведения, заключающаяся в выражении доброжелательного отношения к человеку». Вежливость выражается не только набором речевых актов, но и стратегиями поведения, а также речевыми стратегиями. То есть, вежливость, по мнению Жеребило, выражается не только словами, но и несловесным набором действий: одежда, позы, жесты, мимика и т.д. Категория вежливости культурно-специфична.

В целом, в русском языке можно выявить два стиля вежливого общения: фамильно-вежливый стиль (общение на «ты») и формально-вежливый стиль (общение на «вы»). Отличаются они степенью социальной дистанции: если первый используется в общении между друзьями, членами семьи и близкими родственниками, то второй – в общении между незнакомцами, между начальством и подчиненными, между учеником и учителем и т.п.

Как уже было отмечено выше, категория вежливости выражается специальными словами и выражениями – речевыми формулами. Выделяют речевые формулы начала общения, речевые формулы основной части общения и речевые формулы конца общения [1, с. 100].

Использование речевых формул в обоих стилях вежливости неплохо демонстрирует нижеприведенная таблица.

Вид формулы	Фамильно-вежливый стиль	Формально-вежливый стиль
Речевые формулы начала общения		
Приветствие	Привет! Здравствуй! Доброе утро! Добрый день! Добрый вечер!	Здравствуйте! Доброе утро! Добрый день! Добрый вечер!
Обращение	Слушай. (Имя человека).	Извините! Простите! Молодой человек! Мужчина! Женщина!
Речевые формулы основной части общения		
Просьба	Могу я взять твою ручку? Дашь мне свой уют на время? Можно взять твой уют на	Не поможете? / Не подскажете? ... Я был бы очень благодарен

	время? Будь другом, ... Прошу тебя, ...	(признателен / рад...), если... Подскажите, пожалуйста, ... Будьте добры... Не считите за труд... Прошу вас...
Согласие	Конечно. Можно. С удовольствием. С радостью. Пожалуйста. Договорились.	С удовольствием. С радостью. Пожалуйста. Договорились.
Отказ	Нельзя. Нет, спасибо.	Нет, спасибо. Извините, но... С удовольствием, но... С радостью, но... К сожалению...
Извинение	Извини. Прости. Пардон. Виноват.	Извините. Простите. Прошу прощения.
Речевые формулы конца общения		
Прощание	До свидания! Пока! Мне пора! Всего хорошего! Всего доброго! Прощай!	До свидания!

Особое внимание стоит обратить на маркер «пожалуйста». Оно используется не только для смягчения просьб, но и как один из способов выразить согласие («Можно войти?» «Пожалуйста!»). Таким образом, назвать это слово прямым аналогом японской формы вежливости «-てください» (te kudasai), выражающей смягченный императив, нельзя, так как использовать «ください» в таком значении невозможно.

Однако в русском языке существует ещё один способ смягчения, используемый в речевых формулах просьбы и обращения в фамильярном стиле. Это использование уменьшительно-ласкательных суффиксов. Особенно это типично для общения с детьми («Сынок, уступи бабуле местечко»; «Маня, поспи еще чуток»). Иногда и в формальных ситуациях могут быть использованы уменьшительно-ласкательные суффиксы («Ротик откройте» (стоматолог – пациенту)» [7, с. 92].

Часто смягчение просьб выражается использованием глагольных форм будущего времени с частицей «не» или без нее: «(Не) поможешь мне с уроками?» [7, с. 95].

Наиболее нейтральная формула прощания – «До свидания!». «Прощай(те)» - наиболее редко употребляемая формула, поскольку она подразумевает прощание навсегда.

Таким образом, в русском языке существует такая прагматическая категория, как вежливость, которая служит для смягчения речи в формальных и неформальных ситуациях. Использование вежливых слов-маркеров делает речь менее грубой, что способствует благоприятной коммуникации.

Литература

1. Аксенова В. В. Формулы речевого этикета, используемые в различных ситуациях речевого общения / В. В. Аксенова, И. В. Бахреева // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития. Том 1. – Чебоксары : Интерактив Плюс, 2017. – С. 101-102.
2. Балтуев А. П. Глаголы японского языка: учебно-справочное пособие. – Москва : АСТ, 2008. – 224 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов под редакцией Г.А. Золотовой. – 4-е изд. – Москва. : Рус. яз., 2001. – 720 с.
4. Волкова М.М. Языковые средства выражения речевой ситуации извинения в русском и сербском языках // Вестник Мордовского университета. – 2011. – № 1. Том 21. – С. 21-23.
5. Данелян Е.Г. Обучение младших школьников культуре речевого общения. Просьба – согласие – благодарность. Просьба – отказ – ответ на отказ / Е.Г. Данелян, Н.А. Махно // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве. – Тверь : Тверской государственный университет, 2021. – С. 91-94.
6. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
7. Клименко О.К. Категория вежливости и речевой этикет в русском языке // Русский язык в современном обществе: Функциональные и статусные характеристики. – Москва : РАН ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания, 2005. – С. 85-101.
7. Колесникова С.М. Функциональная грамматика русского языка: учебник и практикум для вузов – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 421 с.

8. Комилова Г. О. Формы приветствия и прощания в русском и английском языках // Проблемы педагогики. – 2018. – № 2 (34). – С. 35-36.
9. Подгорный Д. С. Речевые формулы вежливости в русском и английском языках: понятие, виды, коммуникативная роль (на примере анализа формул обращения и просьбы). – Текст: непосредственный // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 11 (4). – С. 756-759.

Skobelkin D. Yu.

Pushkin State Russian Institute

Category of politeness in Russian language

Соколова Татьяна Сергеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
tatianasokolova21nn@gmail.com

Образ Одиссея в поэзии Бродского

Работа выполнена под руководством кандидата филологических наук, доцента
Петривней Елены Капитоновны.

Целью данной статьи является анализ трансформации образа Одиссея в поэзии И.А. Бродского. Образ Одиссея и его интерпретация Бродским через призму личных переживаний занимают важное место в творчестве поэта.

Ключевые слова: Бродский, Одиссей, Улисс, Гомер, образ, миф.

Литературное наследие классической древности осмысливалось писателями на протяжении столетий, и XX век не стал исключением. Повышенный интерес к античности можно наблюдать как в западноевропейской культуре, так и в отечественной. Русские поэты XX века активно обращались к греко-римскому наследию.

В творчестве И.А. Бродского античность занимала особое место. Поэт чувствовал «единство мироощущения, присущего нам и тем, кто жил на земле до нас». Он был уверен в превосходстве древних авторов над современными и считал новейшую литературу лишь «комментарием» к античной. По словам И.А. Бродского, «мы – это они, с той лишь разницей, что они интереснее нас, и чем старше человек становится, тем неизбежней это отождествление себя с древними» [7, с. 238-241].

Бродский пишет: «Мифы по своей сути – жанр откровения», так как они рассказывают о взаимоотношениях богов и людей, или «бесконечностей с конечным», о силах, которые властвуют над человеческими судьбами. Поэт, решившийся взять за основу повествования мифологический сюжет, берет на себя непростую задачу: с одной стороны, он ограничен фабулой мифа, с другой стороны, будучи загнанным в

такие рамки, ему нужно превзойти самого себя: «Чем более известен миф, тем труднее задача поэта» [2, с. 351].

Иосиф Бродский не боялся «трудных задач», поэтому он неоднократно брал за основу своих произведений миф об Одиссее. Относясь с глубоким уважением к древнему наследию, Бродский позволял себе вольно обходиться с общеизвестными сюжетами, переосмыслял их и добавлял автобиографический подтекст. В статье мы рассмотрим три стихотворения, в которых Бродский использует образ Одиссея, и проследим за тем, как он трансформируется с течением времени в творчестве поэта.

Первое стихотворение Бродского, где появляется Одиссей, это «Я как Улисс» 1961 г. В ранней лирике поэт чаще обращается к другим античным сюжетам, поэтому трудно сказать, какую роль играет Одиссей для его художественного мира. Тем не менее стихотворение интересно как предтеча дальнейшего развития этого образа в творчестве Бродского. Здесь еще нет попытки глубинного понимания Одиссея и его судьбы. Осмысление героя в этом стихотворении более поверхностное, чем в поздней лирике Бродского. Поэт использует фигуру Улисса как архетипичный образ странника, а не обращается напрямую к поэме Гомера. Имя Улисса упоминается в стихотворении единожды, когда лирический герой сравнивает себя с Одиссеем: *«я двигаюсь, и, кажется отратно, // что, как Улисс, гоню себя вперед, // но двигаюсь по-прежнему обратно»* [1, с.136].

Остальной же текст никак не относит читателя к мифам об Одиссее. Однако именно сравнение с Улиссом вынесено в заглавие, что дает возможность предположить о зарождающемся интересе Бродского к истории о греческом скитальце, который десять лет искал Итаку.

Стихотворение «Одиссей Телемаку» написано в 1972 г. еще в России, незадолго до эмиграции в Америку [3, с. 87-88]. Здесь античный миф накладывается на события в жизни поэта: он был вынужден уехать из СССР и не знал, сможет ли еще когда-нибудь вернуться на родину и увидеть сына, к которому был привязан [3, с. 80]. Известный миф о герое, находящемся вдали от дома и отчаянно пытающемся вернуться туда, как нельзя лучше подходит для осмысления личных переживаний.

В стихотворении «Одиссей Телемаку» Бродский уже более полно использует мифологическую основу. И все же большая часть действия остается за пределами повествования, а в его центре – душевное состояние лирического героя. Стихотворение выполнено в форме послания отца к сыну, и здесь Бродский уже не просто сравнивает

себя с Одиссеем, а отождествляется с ним: Одиссей – сам поэт, Телемак – сын Бродского, Андрей.

Одиссей предстает в привычном образе странника: *«Мне неизвестно, где я нахожусь, // что предо мной»*, он не уверен, что вернется на Итаку и встретит сына: *«Лишь боги знают, свидимся ли снова»*. Следует отметить прямые отсылки на Гомера, которые присутствуют в тексте. Строки *«какой-то грязный остров»*, *«какая-то царица»* относятся к эпизоду, где Одиссей провел год на острове Эя у царицы Цирцеи. Слова *«Посейдон <...> растянул пространство»* указывают на причину, по которой Одиссей не может вернуться домой: он попал в немилость Посейдона. Стихотворение также отсылает на известный миф из Троянского цикла, согласно которому Одиссей притворяется сумасшедшим, чтобы не идти на войну, и пашет поле на быках, засевая его солью. Но Паламед оказывается хитрее и кладет на поле Телемака, перед которым Одиссей останавливает быков: *«младенец, // перед которым я сдержал быков. // Когда б не Паламед, мы жили вместе»* [3, с. 333], – ему приходится отправиться на войну и расстаться с сыном. Паламед не только реальная причина разлуки, но и олицетворение неизбежной судьбы.

Бродский, отождествляя себя с Одиссеем, подчеркивает невозможность возвращения, вопреки гомеровскому прототипу [6, с. 147]. Одиссей лишен привычного героического ореола, здесь он не мудрый царь и отважный воин, а вечный странник, потерявший надежды на возвращение. Целью аллюзий и прямых отсылок является попытка отрефлексировать реальность. Используя «принцип греческой маски», Бродский создает уникального лирического героя, который подвижен и выходит за рамки мифа и гомеровской поэмы.

Стихотворение «Итака» 1993 г., написанное двадцать лет спустя, имеет очевидные интертекстуальные связи с произведением «Одиссей Телемаку». Призрачная надежда на возвращение в стихотворении 1972 г. становится реальностью: *«Воротиться сюда через двадцать лет, // отыскать в песке босиком свой след»*, но должной радости это не приносит. Лирический герой сталкивается вовсе не с верной Пенелопой: *«А одну, что тебя, говорят, ждала, // Не найти нигде, ибо всем дала»*, Телемах теперь не сын, отправившийся на поиски отца и отчаянно жаждущий встречи с ним: *«Твой пацан подрос; он и сам матрос, // и глядит на тебя, точно ты – отброс»*, а родная Итака уже совсем *«остров не тот»* [4, с. 189].

Из параллелей между «Одиссей Телемаку» и «Итакой» ярко выделяется мотив отношений отца и сына. *«Расти большой, мой Телемак, расти»* превращается в *«твой*

нацан подрос; он и сам матрос» – годы прошли, отеческое наставление воплотилось в реальность. Образ острова также находит отражение в обоих стихотворениях: *«все острова похожи друг на друга»* и *«то ли остров не тот»*. Строки *«и мозг уже сбивается, считая волны, // глаз, засоренный горизонтом, плачет»* претерпевают некоторые изменения: *«то ли впрямь, залив синевой зрачок, стал твой глаз брезглив: // от куска земли горизонт волна // не забудет, видать, набегая на»* [3, с. 333; 4, с. 186].

Стихотворение «Итака» отдельно от «Одиссей Телемаку» представляет собой интересное для анализа произведение. «Итака» – перевернутая «Одиссея», здесь сатирически изображены кульминация и развязка поэмы. Например, трогательная сцена узнавания у Гомера оборачивается в непризнание героя: *«прислуга мертва опознать твой шрам»* [4, с. 186]. Также Пенелопа и Телемак предстают в совершенно других ипостасях, о чем упоминалось ранее. Все изменилось: Одиссея не ждут, родная Итака не принимает героя и даже *«язык, на котором вокруг орут, разбирать, похоже напрасный труд»* [4, с. 186].

В стихотворении «Итака» больше нет отождествления поэта с Одиссеем, лирический герой обращается к нему во втором лице. Такой отстраненный взгляд со стороны дает беспристрастный комментарий о положении вещей и о том, как все изменилось за двадцать лет странствий.

В произведениях «Одиссей Телемаку» и в «Итаке» мифологический образ Одиссея становится средством художественной организации материала, а также приобретает автобиографический характер. В стихотворении «Итака» представлено переосмысление мифологических мотивов гомеровской «Одиссеи» с точки зрения лирического героя двадцатого столетия, испытывающего разочарование в мире, вызванное неоправдавшимися ожиданиями и надеждами. Стихотворение было написано спустя двадцать лет после отъезда Бродского за границу, и с тех пор он никогда не возвращался в Россию. Пробыв в эмиграции столько же, сколько странствовал Одиссей, Бродский размышляет через призму мифа о том, что может произойти, если он вернется на родину. «Итаку» можно назвать итогом осмысления Бродским мифа о странствиях Одиссея.

Подводя итог, стоит отметить, что Одиссей и история его скитаний занимает в поэзии Бродского особое место. Поэт выходит за рамки гомеровского эпоса и, трансформируя образ Одиссея, переплетает миф и личную судьбу.

1. Бродский И.А. Сочинения Иосифа Бродского. Том I. – СПб: Пушкинский фонд, 2001. – 304 с.
2. Бродский И.А. Сочинения Иосифа Бродского. Том VI. – СПб: Пушкинский фонд, 2003. – 456 с.
3. Бродский И.А. Стихотворения и поэмы: В 2 т. Т. 1 / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Л.В. Лосева. – СПб: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2011. – 656 с.
4. Бродский И.А. Стихотворения и поэмы: В 2 т. Т. 2 / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Л.В. Лосева. – СПб.; Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2011. – 576 с.
5. Гомер. Одиссея: пер. с др.-греч. В.А. Жуковского. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 416 с.
6. Ковалева И. «Греки» у Бродского: от Симонида до Кавафиса // Иосиф Бродский и Мир: Метафизика, античность, современность / сост. Гордин Я.А. – СПб: Изд-во журн. «Звезда», 2000. – 368 с.
7. Полухина В.П. Иосиф Бродский. Большая книга интервью. – Москва : Захаров, 2000. – 701 с.

Sokolova T.S.

Pushkin State Russian Language Institute

The image of Odyssey in Brodsky's poetry

The purpose of this article is to analyze the image of Odysseus and his transformation in the poetry of I.A. Brodsky. The image of Odysseus and his interpretation by Brodsky through the prism of his personal experiences take an important place in the poet's work.

Keywords: Brodsky, Odysseus, Ulysses, Homer, image, myth.

Суша Надежда Владимировна
Universitatea Slanova
s.n.v2612@gmail.com

Роль междисциплинарного подхода в преподавании русского и английского языка в условиях полилингвизма в Республике Казахстан

В современном мире существенные изменения претерпевает не только содержание образования, но и резко эволюционируют ключевые навыки, важные для текущего времени: развитие способностей и умений в 21 веке влечет за собой внедрение новых подходов в преподавании различных предметов в образовательном процессе. В настоящее время Казахстан полностью модернизирует систему образования и внедряет политику полилингвизма в образовательный процесс. Экспериментальные площадки для полиязычного образования созданы в ряде казахстанских ВУЗов и общеобразовательных школ. Молодое казахстанское поколение, воспитанное в независимом Казахстане, вовлечено в процесс

полиязычного образования. Междисциплинарный подход в статье рассматривается как средство развития креативности, критического мышления, навыков сотрудничества и коммуникации. Целью данной статьи является выявление принципов применения данного подхода в обучении языкам, определение этапов его эффективного внедрения в учебный процесс. Важное значение в статье уделяется выявлению компетенций преподавателей, необходимых для эффективной организации учебного процесса.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, содержание образования, образовательный процесс, политика многоязычия.

В условиях глобализации и стремительного технологического развития новые изменения появляются не только в международном и межкультурном общении, но и в образовании на разных уровнях. Следовательно, потребность в новых навыках для будущих граждан и специалистов способствует реализации обновления содержания образования в процессе обучения. Республикой Казахстан проводится радикальная модификация установленной системы образования и интенсивно вводится политика многоязычия в системе образовательного процесса. Не так много стран развивают многоязычие на масштабном, государственном уровне. Большинство республик из категории стран с ярко выраженным двуязычием повернули языковую политику в сторону одноязычия. В Казахстане многоязычие развивается на государственном уровне в соответствии с задачами, поставленными Государственной программой Республики Казахстан. Многоязычие, как стратегически важная задача образования, также была определена Государственной программой «Развитие образования» на 2011-2020 годы. К 2020 году 100% населения Казахстана должно было говорить по-русски и 25% должны владеть английским языком [1].

Есть все основания утверждать, что благодаря казахстанской модели образовательного процесса успешно формировалась межнациональная и межконфессиональная толерантность. Во многом благодаря этому решаются стратегически важные задачи, как сохранение независимости страны, достижение межнационального мира, экономической и политической стабильности. Стратегическая цель на данном этапе развития страны заключается не только в дальнейшем сохранении того, что достигнуто, но и в превращении общества в процветающее новое государство, которое может быть достигнуто через знание культуры и языка всех других народов, проживающих на территории современного Казахстана [2].

Междисциплинарный подход представляет собой особую форму интегративной направленности в науке, способствует возникновению комплексных наук, объединяющих проблемы из разных наук, создает новый тип границ в пространстве научных проблем. Применение междисциплинарного подхода способствует организованности знаний в самых разных областях науки. Методологической основой

междисциплинарного взаимодействия является формирование знаний об окружающем мире и его закономерностей, а также установление внутрипредметных и межпредметных связей. Соответственно, интегрированным уроком называют любой урок со своей структурой, если для его проведения привлекаются знания, умения и результаты анализа изучаемого материала методами других наук, других учебных предметов. Занятия междисциплинарных взаимодействий могут проводиться на нескольких уровнях: понятийно-информационном (преподаватели разных предметов согласуют информацию, формулируют тему, цели и т. д., но проводят урок по отдельности) и бинаром. Междисциплинарный подход является определяющим в процессе формирования не только коммуникативной, но и социокультурной компетенции учеников, что позволяет им стать всесторонне развитыми полноценными языковыми личностями. В данном случае важно включение страноведческого и лингвострановедческого материала в процесс обучения языку – материала, который является наиболее приближенным к самим учащимся и учителям, который может сделать урок английского и русского языка не только более познавательным, но и понятным.

Обучение с помощью междисциплинарного подхода приносит положительные результаты с точки зрения языковых навыков учащихся и мотивации к обучению в целом. Другим важным аспектом преподавания иностранного языка и учета межпредметных связей является профессиональная лингводидактика, которая призвана изучать методологические проблемы профессионально-ориентированного обучения языку, т.к. эта отрасль педагогической науки обосновывает содержание обучения специалистов. Задачей этой отрасли науки является формирование иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции специалиста. Дидактические принципы междисциплинарного подхода, как известно, определяются как основные положения, определяющие содержание, организационные формы и подходы к образовательному процессу в соответствии с основными целями и механизмами преподавания и обучения. Обучение должно быть активным и саморегулирующимся процессом, заставляющим учащихся размышлять о собственном опыте и эмоциях. Таким образом, создание позитивной атмосферы и мотивация студентов к развитию своих компетенций, построение так называемой творческой среды обучения, не только развить творческий потенциал учащихся, но и вызвать у них потребность в саморазвитии, рефлексия и самоидентификация [3].

Междисциплинарный подход в преподавании русского и английского языка направлен на объединение знаний в области языковых навыков, что в свою очередь поможет улучшить коммуникативные навыки учащихся. Данный подход к обучению считается ориентированным на учащегося, при котором учащиеся иницируют изучение конкретной темы в соответствии со своими собственными интересами и целями. Известно, что междисциплинарный подход имеет сходство с проектным и проблемным подходами, поскольку они также способствуют развитию навыков 21-го века, таких, как сотрудничество, общение, творчество и критическое мышление. Основное отличие заключается в глобальном контексте изучаемой темы: это должен быть реальный мир [5].

Таким образом, применение и роль междисциплинарного подхода в условиях многоязычия в системе среднего и высшего образования наблюдаем в образовательном пространстве Республики Казахстан. Это опыт в «Интеллектуальных школах Назарбаева», казахско-турецких лицеях, в школах для одаренных детей «Дарын». В 2019 году в Республике Казахстан действовало более 30 школ с преподаванием на трех языках, в которых преподаватели успешно использовали междисциплинарный подход в изучении русского и английского языков и демонстрировали высокие показатели успеваемости учащихся. Для достижения данной цели казахстанская система образования привлекала и готовила специалистов, учителей общеобразовательных школ и ВУЗов. Таким образом, реализация междисциплинарного подхода в процессе обучения является "четким выражением интеграционных процессов, происходящих на сегодняшний день в большой науке, на производстве и в социальной жизни".

Литература

1. Актанов, Д. (2015). Языковая политика Казахстана // Гумилев Центр. – Режим доступа: <https://www.gumilev-center.ru/yazykovaya-politika-kazakhstan>
2. Кубеев, Э.К., и Жетписбаева, Б.А. Многоязычная концепция образования. Караганда : Издательство Карагандинского государственного университета, 2013
3. Попова Н.В., Степанова М.М. Междисциплинарный подход к преподаванию иностранного языка в непрофильной магистратуре // Материалы второй международной научной конференции «Актуальные проблемы науки и образования». – Ставрополь: СевКавГТУ, 2010.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – Москва, 2010.

5. Иностранным языкам в высшей школе // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015.

Susha N.V.

Universitatea Slanova

The role of an interdisciplinary approach in teaching Russian and English in the context of multilingualism in the Republic of Kazakhstan

In the modern world, not only the content of education is undergoing significant changes, but also the key skills that are important for the current time are sharply evolving: the development of abilities and skills in the 21st century entails the introduction of new approaches in teaching various subjects in the educational process. Currently, Kazakhstan is completely modernizing the education system and introducing a policy of multilingualism into the educational process. Experimental platforms for multilingual education have been created in a number of Kazakhstani universities and secondary schools. The young Kazakh generation, brought up in independent Kazakhstan, is involved in the process of multilingual education. The interdisciplinary approach is considered in the article as a means of developing creativity, critical thinking, cooperation and communication skills. The purpose of this article is to identify the principles of using this approach in language teaching, to determine the stages of its effective implementation in the educational process. The importance of the article is given to identifying the competencies of teachers necessary for the effective organization of the educational process.

Keywords: interdisciplinary approach, content of education, educational process, multilingualism policy.

Тихомирова Елена Сергеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
tikhomirova-alena@bk.ru

**Анализ психологических мотивов преступлений в творчестве
А.В. Амфитеатрова (на материале рассказа «Казнь»)**

Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора
Травникова Сергея Николаевича.

В статье проводится анализ психологических мотивов преступлений, совершенных персонажами произведения А.В. Амфитеатрова «Казнь». Рассмотрены характеры главных действующих лиц, сопоставлены эпизоды рассказа, определены причины криминального поведения ведущего персонажа.

Ключевые слова: психология, криминальный поступок, психологический мотив, детектив.

А.В. Амфитеатров – русский писатель, фельетонист, публицист. Литератор долгое время занимался журналистикой и юриспруденцией, поэтому многое в его жизни было связано с расследованием преступлений. Писатель не стеснялся представлять читателю внутренний мир людей, совершивших незаконный поступок, обнажать их души: «Воспитанный в материалистическом мировоззрении, позитивист до мозга костей своих, я не только признаю, но и проповедую широчайшую свободу и власть художественных захватов в реалистическом искусстве. Нет рискованных тем, нет рискованных сюжетов» [1, с. 12].

Внимание литератора привлекала психопатическая сторона личности. Он называл себя «охотником до странных характеров, исключительных положений и настроений» [1, с. 11]. Амфитеатрову было интересно исследовать психологию человека, рассуждать о причинах поведения в определенных ситуациях, особенно в нестандартных, экстремальных. Автор одним из первых в России, вслед за Ф.М. Достоевским, стал создавать произведения с детективными элементами.

Благодаря работе в сатирическом журнале «Будильник» писатель познакомился с Е.Р. Ринком, председателем московского окружного суда. Ринк дал Амфитеатрову основу для большинства детективных произведений. Автор отмечал: «Литературно я обязан Ринку очень многим. От него я получил тему моего первого романа “Отравленная совесть”, сюжеты рассказов “Казнь”, “Елена Округова”, повести “Без сердца” и нескольких глав в “Товарище Фене”» [2, с. 220]. По словам литератора, Ринк поспособствовал становлению «маленького умения» писателя «входить в потемки человеческой души», поскольку у него были обширные знания психологии общества.

Амфитеатров тщательно изучал поведение своих персонажей, анализировал факторы, побудившие человека совершить то или иное преступление. Представляется интересным анализ психологических мотивов криминальных поступков, представленных в рассказе писателя «Казнь».

Главный персонаж произведения Валериан Антонович Лаврухин совершил два тяжких преступления – он убил двух близких ему людей. Психологические мотивы этих противоправных поступков были разные. Чтобы определить, что послужило причиной каждого из них, необходимо проанализировать образы трех главных действующих лиц рассказа – Валериана Лаврухина, Веры Арсеньевой и Евгении Рогаткиной – и сопоставить некоторые эпизоды.

Валериан Лаврухин служил судебным следователем города, в котором жил. Он был совестливым человеком, честным, самокритичным, о чем позволяют судить записи в заметках, найденных после его смерти. Необходимо упомянуть о такой особенности его психики, как впечатлительность, поскольку она во многом приблизила Лаврухина к преступному пути.

Вера Арсеньева – «оригинальная девушка, не особенно красивая, с холодными руками и тусклым взглядом» [1, с. 131]. Лаврухин в записях отмечал, что сразу понял: она «не пройдет бесследной тенью» в его жизни. Из этого можно сделать вывод, что на внешности Веры была отражена печать рока. Она молчалива, цинична, бессердечна, у

нее был странный взгляд, глаза, в которых «никогда нельзя было ничего прочесть», что говорит о скрытности девушки [1, с. 131].

Евгения, первая жена Лаврухина, в девичестве Рогаткина, – антипод Веры. Она красива, добра, получила хорошее воспитание и образование. Как отмечал Лаврухин в заметках, Евгения – «маленькое совершенство», «ангел». Она с неприязнью относилась к Вере Арсеньевой – девушки были разные и поэтому не понимали друг друга. Рогаткину пугали мертвенная бледность Веры, холодность ее рук.

Однажды Валериан осознал, что охладил к Евгении, что он притворяется в своих чувствах к женщине, после чего мужчина увлекся другой, Верой Арсеньевой, и насильно ей овладел. При анализе мотивов преступлений следует учитывать, что Лаврухин совершил три правонарушения, первое из которых можно назвать катализатором двух последующих. В заметках Лаврухин писал: «...первое преступление легло тяжелым камнем мне на душу» [1, с. 132]. Этот незаконный поступок повлек за собой множество событий, в частности приказ Веры жениться на ней. Следствием этого повеления властной натуры стало преклонение Лаврухина перед девушкой. Он стал жить только одним: стремлением «обладать Верой на всю жизнь, назвать ее своею женою» [1, с. 133].

Далее следовал еще один безжалостный приказ: убить свою жену, поскольку та препятствовала развитию отношений Лаврухина и Арсеньевой. Вера понимала, что способна сильно влиять на Валериана, имеет власть над ним, и девушка пользовалась этой властью. Невозможно отрицать психологическое давление со стороны Веры на Лаврухина. Американские психологи Ф. Зимбардо и С. Милгрэм осуществляли эксперименты, доказывающие, что в «критической ситуации психически и нравственно нормальные люди иногда обнаруживают несвойственную им жестокость» в случае принуждения со стороны авторитетного для них лица [4, с. 197]. Можно предполагать, что это произошло с Лаврухиным. Он отмечал в заметках: «Я действовал как бы под внушением...»; «Мой подавленный ум сроднился с идеей необходимости убить» [1, с. 133]. Незадолго до своей смерти мужчина писал о Вере: «...она была злою волей моего преступления, я – только орудием...», что подтверждает – мужчина действовал поневоле [1, с. 138].

Лаврухин перед убийством жены был хладнокровен: «Я был совершенно спокоен...», однако после осознания своего преступления с мужчиной случился нервный припадок: «...во мне что-то словно сорвалось с места, всколыхнулось и задрожало...» [1, с. 134]. Валериан попал в психиатрическую больницу, в которой

«сосредотачивался лишь на двух мыслях» – что ему необходимо притворяться сумасшедшим и что после выздоровления Вера выйдет за него замуж.

В день свадьбы Лаврухин был очень взволнован – у него сильно болела голова, начались признаки дальтонизма, которых он раньше никогда не замечал. Когда священник предложил скрепить брак поцелуем, Валериан испытал страшную галлюцинацию: «Я взглянул на Веру – и кровь застыла в моих жилах, голова закружилась, я чуть не закричал от испуга, едва устоял на ногах: из-под венчального вуаля на меня смотрело не Верочкино лицо – предо мной стояла Евгения!» [1, с. 137]. После женитьбы Лаврухин много раз испытывал похожие галлюцинации: «...Вера по нескольку раз на день превращалась для меня в Евгению» [1, с. 137]. Мужчине не помогали лекарства – человека полностью поглотило совершенное им убийство. Вера, его жена, которая была для него всем, превратилась для Лаврухина в объект страха. Он боялся, что видение начнется снова, и его опасения «почти всегда оправдывались» [1, с. 137].

Лаврухину было очень тяжело: «Я преступен, я злодей, но казнь моя выше меры...» [1, с. 138]. Его заметки представляют собой записи душевнобольного человека, не справляющегося со своим состоянием: «...как утомили и ожесточили мой бедный ум эта жизнь под вечным страхом, эта постоянная пытка зрения, эти бесконечные сомнения!», поэтому, когда Лаврухину в следующий раз явилась Евгения, он не выдержал и избавился от объекта страха – убил свою жену [1, с. 138]. «Теперь она не будет больше сводить меня с ума!» – в этих словах кроется подсознательная причина убийства [1, с. 130].

Анализ показал, что психологические мотивы второго преступления Лаврухина отличны от мотивов первого убийства, поскольку Валериан принял решение полностью самостоятельно, а не под чьим-то давлением. В данном случае можно говорить о состоянии аффекта – психологические мотивы убийства Веры были бессознательными. Лаврухин писал: «Мозг мой поражен и не способен на правильные отправления» [1, с. 138]. Он осознавал, что безумен, но был не в силах совладать с этим. В рассказе «Казнь» Амфитеатров изобразил падение достойного человека, который не справился с психологическим давлением как со стороны жены, так и со стороны совести.

Литература

1. Амфитеатров А.В. Мертвые боги: Рассказы. Роман / Вступительная статья и примечания Н.Ю. Грякаловой. – Москва : Современник, 1991. – 542 с.

2. Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Том 1 / Вступительная статья, составление, подготовка текста и комментарии А.И. Рейтблата. – Москва : Новое литературное обозрение, 2004. – 584 с.
3. Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Том 2 / Вступительная статья, составление, подготовка текста и комментарии А.И. Рейтблата. – Москва : Новое литературное обозрение, 2004. – 608 с.
4. Ахвердова О.А., Волоскова Н.Н., Болотова О.В. Криминальная психология: теоретические и методологические аспекты науки. Учебное пособие. – Ставрополь: Издательство СГУ, 2009. – 239 с.

Tikhomirova E.S.

Pushkin State Russian Language Institute

Analysis of psychological motives of crime in the works of A.V. Amfiteatrov (based on the story «Execution»)

The article analyzes the psychological motives of crimes committed by the characters of A.V. Amfiteatrov's work «Execution». The characters of the main characters are considered, the reasons for the criminal behavior of the leading character are determined by comparing the episodes of the story.

Keywords: psychology, criminal act, psychological motive, detective.

Тогола Брахима

Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
brahimatogola3@gmail.com

Звуковая организация текста в интернет-журналистике Мали

Работа выполнена под руководством кандидата филологических наук, доцента
Пашкова Александра Витальевича.

В статье рассматривается использование выразительных звуковых средств языка известными журналистами, публикующимися в интернет-изданиях Мали.

Целью данной статьи является анализ различных средств речевой выразительности в интернет-изданиях Мали. Среди этих фонетических средств можно выделить следующие: аллитерация, ассонанс, звукоподражания и паронимия.

Ключевые слова: звуковая организация, аллитерация, звукоподражание.

Звуковая организация речи (языка) – это целенаправленное применение элементов звукового состава языка: гласных и согласных звуков, ударных и безударных слогов, пауз, интонации, повторов и др.

Применяется для усиления художественной выразительности речи. Она включает в себя звуковые повторы (рифма, анафора, эпифора и др.), звукопись (аллитерация, ассонанс), паронимию, звукоподражание.

Звуковые средства языка выполняют две функции: первая функция – рецептивная, или функция создания и восприятия значимых языковых единиц. Адекватное восприятие речи обеспечивается речевым слухом, включающим ритмический, интонационный и фонематический слух.

Вторая функция – сигнификативная. Это функция различения значимых языковых единиц.

В следующих примерах проанализированы малийские интернет-издания, из которых извлечены примеры звуковой организации языка.

Аллитерация – повторение одинаковых или однородных согласных, придающее тексту особую звуковую выразительность.

«À quoi consiste l’extraversion du système éducatif malien?».

«Cette extraversion s’explique essentiellement par le médium d’enseignement».

«Le Président de la République Ibrahim Boubacar Keïta est devenu «fou furieux» contre ceux qui se livrent à de telles basses manœuvres dans son dos».

«Pour qui sont ces serpents qui sifflent sur vos têtes?»

Здесь звук «s» (согласный s, или согласный c) повторяется 5 раз и наводит на мысль о свисте змеи.

«Tamtam sculpté, tamtam tendu qui gronde».

Здесь автор повторяет звук «т», сравнимый со звуком тамтама.

Звукоподражание (onomatopée):

«Ономатопея» означает «сотворение слов». Это слово, которое напоминает звук или акустическое восприятие, производимое людьми, животными или предметами.

Например: Admiration – Waouh! (Восхищение – Вау!)

Acclamation – Houra! Hourra! (Овация – Ура! Ура!)

Appel – Ho! Hey! Hép! Oohee! Eh Oh! (Звонок – Хо! Хей! Хай!)

Applaudissement – Clap clap, Klap-klap (Аплодисменты – Хлоп-хлоп, Хлоп-хлоп)

Coeur qui bat – Boum boum, Baboum baboum (Бьющееся сердце – Бум-бум, Бум-бум!)

Coq – Cocorico (Петух – Кокорико)

Cri d'effroi – Aaaaah! Iiiii! (Крик испуга – Ааааа! Иииии!)

Cri de douleur – Aïe! Ouïe! Aah! Ouille! (Крик боли – Ой!)

Cri de joie – Whouaaaah! Youpi! Youpee! Yéééééh! Hîpipihourra (Крик радости – Ура! Юпи! Дааааа!)

Discussion – Blabla, Blablabla (Обсуждение – Блблбл, Блблблбл!)

Erreur – Oups (Ошибка – упс! Уф!)

Etonnement – Hee! Hann!! (Удивление – Хее! Хан!!)

Explosion – Bang, Boum, Booom, Baoum, Wham (Взрыв – Взрыв, Бум, Бум, Бум, Бум!!!)

Frapper à une porte – Toc-toc (Стук в дверь – Тук-тук)

Frapper à une porte (plus violement) – Bom-bom, Pan-pan, Bababam (Стук в дверь (более сильный) – Бом-бом, Пан-пан, Бабабам!)

Паронимия:

– Corporation – corporatisme

Plusieurs corporations ont créé des syndicats puissants, exclusivement dédiés à la «défense des intérêts matériels et moraux» de leurs adhérents.

La crise du corporatisme est très profonde dans notre pays.

– Propension- propulsion

– «D’où la propension des corporatistes à faire peu de cas des conséquences de leurs actes sur la population».

– La propulsion des corporatistes

– Territoire – terroir

– Le syndrome afghan de l’islam combattant a ainsi pris pied sur notre territoire.

– Le syndrome afghan de l’islam combattant a ainsi pris pied sur notre terroir.

Attentat – Atteinte

– Ils ont tous été reconnus coupable de crimes d’attentat et complot contre le gouvernement ; d’atteinte à la sûreté extérieure de l’Etat.

– Compréhensible et compréhensif.

«Le discours du président de la transition est très compréhensibles».

«Le président de la transition du Mali, Assimi Goïta s’est montré compréhensif. Il a aidé l’armée malienne à devenir ce qu’elle est aujourd’hui».

Social ou sociable

«Depuis que les rebelles ont été chassés du Mali par le président de la transition, Assimi Goïta et ses compagnons, les maliens ont commencé à retrouver une vraie vie sociale».

«Le guide des ancars du Mali, Ousmane Cherif Haidara a beaucoup d’amis à travers le monde. C’est un homme très sociable».

Consommer ou consumer.

«Les maliens consomment plus de riz que mil».

«Tout vieillard qui meurent en Afrique, est une bibliothèque qui se consume».

«Les flammes ont consumé entièrement la ferme de notre voisin».

A l'intention de et à l'attention de.

«Pendant la rébellion au nord du Mali en 2012, le président de la république du adressait régulièrement des messages à l'attention des officiers supérieurs».

«Un grand diné a été organisé par le ministre de la réconciliation organisé à l'intention des soldats tombés au front».

Effraction et infraction.

Exemple extraits des media du Mali:

«Les dealers ont franchi les frontières du pays par effraction avec des tonnes de drogues».

«La jeunesse malienne commet trop d'infractions dans circulation routière. Ils roulent habituellement à 150 km/h».

Итак, в статье приведены различные примеры из текстов малийских журналистов. Звуковые средства языка активно используются редакторами, журналистами, блогерами, чтобы текст, сообщение или речь стали более выразительными, понятными и аттрактивными. Авторы тщательно работают над звуком, добиваясь ярких изобразительно-выразительных эффектов.

Литература

1. Москвин В.П. Стилистика русского языка: пособие для студентов. – Волгоград : Учитель, 2000. – 90 с.
2. Флоря А.В. Русская стилистика // Курс лекций. Фонетика. Орск : Издательство ОГТИ, 2003. – 903 с.

Togola Brahma

Pushkin State Russian Language Institute

Phonetic organization of text in online journalism in Mali

The article This article describes the organization and use of expressive sound means of language in online publications (mass media) in Mali by well-known journalists and media professionals. The purpose of this article is to identify and analyze various means of speech expressiveness in different online publications of Mali. Among these phonetic means, we can name: alliteration, assonance, onomatopoeia and paronymia.

Keywords: phonetic organization, alliteration, assonance, onomatopoeia.

Точоная Кристина Михайловна

Центр восточных культур Kitsune

kristina.kekina@yandex.ru

Фонетическая интерференция в русской речи китайских учащихся

Работа выполнена под руководством кандидата филологических наук, доцента

Безрукова Вадима Аркадьевича.

Обучение иностранных учащихся всегда влечет за собой проблему влияния родного языка на изучаемый иностранный язык. Это приводит к нарушению его норм. Данное явление получило название интерференции и представляет большой интерес для исследования. В статье рассматривается фонетическая интерференция на примере русской речи китайских учащихся. Выявляются ошибки при произношении русских звуков, указываются их причины.

Ключевые слова: интерференция, фонетическая интерференция, акцент, языковые системы, звук, произношение.

Впервые термин «интерференция» появился в физике, где означал «взаимное усиление и ослабление звуковых электромагнитных волн с одинаковыми периодами при их наложении друг на друга» [5, с. 673].

В языкознании, в отличие от физики, нет четкого подхода к пониманию интерференции. У. Вайнрах так определяет интерференцию: «Те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, т.е. вследствие языкового контакта, мы будем называть явлением интерференции. Именно эти речевые явления и их влияние на нормы любого из языков, участвующих в контакте, и привлекают внимание лингвистов. Понятие интерференции подразумевает переустройство моделей, являющееся результатом введения иноязычных элементов в те области языка, которые отличаются более высокой структурной организацией, например, ядро системы фонем, большая часть морфологии и синтаксиса, некоторые области словаря (обозначение родства, цвета, погоды и др.)» [2, с. 12].

Описание языковых контактов как процесса интерференции мы находим у И.А. Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Щербы. Первый из исследователей считал, что «влияние смешения языков либо вносит в данный язык из чужого языка свойственные ему элементы», либо «является виновником ослабления степени и силы различаемости, свойственной отдельным частям данного языка» [1, с. 366]. Л.В. Щерба наметил сущность процесса интерференции, который заключается «во взаимном приспособлении языка говорящего и языка слушающего и соответствующие изменения норм обоих контактирующих языков сущность этого процесса» [5, с. 176].

Две языковые системы при взаимодействии друг с другом выступают одна в роли источника интерференции (первичная система), а другая объекта интерференции (изучаемая неродной язык). Как отмечал В.А. Виноградов, «влияние родного языка как

источника интерференции заметно проявляется лишь в том случае, если он является языком наилучшей степени владения и функционально преобладающим» [3].

Следует различать межъязыковую и внутриязыковую интерференции. Межъязыковая интерференция – это перенос навыков родного языка на изучаемый. Внешняя интерференция является следствием проникновения в речь на иностранном языке отсутствующих явлений родного языка.

Методика обучения иностранному языку рассматривает положительную и отрицательную интерференцию. Если при отрицательной интерференции (отрицательный перенос) идет искажение иностранной речи, то при положительной интерференции (положительный перенос) выработанные речевые навыки на иностранном языке не вызывают искажения и даже являются подспорьем в его изучении.

Фонетическая интерференция, проявляющаяся через интерференцию слуховых и произносительных навыков, может давать положительный результат, например, в случае артикуляторно-акустического сходства фонем контактирующих языков. Мы рассматриваем отрицательную межъязыковую интерференцию.

Под фонетической интерференцией понимают интерференцию на фонетическом уровне. Она вызывает акцент, так как говорящий переносит произносительные навыки родного языка на изучаемый язык, тем самым нарушая фонетические нормы последнего. При этом акцент проявляется двух типов:

- явный (продуктивный);
- скрытый (рецептивный).

Акцент воспринимается слушающим. Интерференция локализуется в говорящем.

Сравнительный анализ русского и китайского языков позволяет определить основные различия между ними, не вникая в грамматику и синтаксис языков. У русского и китайского языков на генетическом уровне нет родства, они не сходны и типологически. Русский язык, относящийся к группе индоевропейских языков, является флективным. Это фонемный язык, имеющий алфавит, акцентный. Китайский язык относится к изолирующему типу языка. Он односложный, слоговый, тональный, имеющий иероглифическую систему записи [6, с. 169].

Соотношение гласных в русском и китайском языке различно. Как консонантный язык, русский язык передает преимущественно согласные звуки. В языке присутствует

37 согласных и 5 гласных фонем. Китайский язык относится к вокальным языкам и соотношение гласных и согласных у него иное: 10 гласных и 22 согласные фонемы.

Различие в соотношении гласных и согласных в русском и китайском языках зависит от разных каркасов артикуляционных баз: в русском языке это консонантный каркас, в китайском языке – вокальный каркас [4, с. 66].

Как мы отмечали выше в китайском и русском языках наблюдается несимметричность в консонантной системе. В русском языке существует противопоставление согласных по звонкости-глухости. В китайском языке такое противопоставление отсутствует. Согласные в китайском языке противопоставляются по наличию-отсутствию придыхания, что не свойственно русскому языку. Поэтому русские фонемы произносятся с дополнительным [х]-образным шумом.

Русские звонкие согласные [б], [д], [г] произносятся китайскими учащимися как полувзвонкие [п], [т], [к]. Китайцам несвойственно слышать различие взрывных по звонкости, так как они не могут определить наличие или отсутствие колебания голосовых связок. Соответственно, такие слова, как *тень* и *день* звучат для них одинаково.

Вот как выглядят фонетические нарушения в речи китайских учащихся при неразличении глухих и звонких звуков:

здравствуй – [страстх фуи];

город – [корат].

Произнесение русских шипящих также вызывает трудности у китайских учащихся. Артикуляция русского звука [ц] сходна с артикуляцией китайского звука [с], но китайский звук является придыхательным, поэтому возникает в китайской речи такое произношение:

цирк – [тсх ыркх].

Китайским учащимся очень сложно произносить русский звук [ч’]. Он произносится мягко, а китайский звук [ch] – твердый. Отсюда возникает такое произношение:

чудо – [чу]до.

В китайском языке отсутствует звук [ш’], поэтому у китайских учащихся возникают трудности в его произношении. Они заменяют его звуком [с’]:

щенок – [с’]енок.

В связи с отсутствием в китайском языке звука [p], они заменяют его звуком [л] или особым сочетанием [аыр]. Звук становится похожим на картавый русский звук [p].

В китайском языке нет противопоставления согласных по твердости-мягкости, которое присутствует в русском языке.

Особенностью артикуляции китайского [п] является поднятие кончика языка к альвеолам. При произнесении русского твердого [п] кончик языка опущен.

Незнакомо китайским студентам и такое явление, как варьирование гласных под влиянием мягких согласных. Китайский [i] в отличие от русского [и] произносится более напряженно, поэтому слоги типа [б'и] очень трудно произносить китайцам.

Гласные в русском и китайском языке также имеют свои особенности при артикуляции. При образовании гласных в русском языке кончик языка пассивен, а губы имеют большую подвижность. В китайском языке при образовании гласных кончик языка играет более активную роль. Губы менее подвижны. Чем в русском языке при произнесении гласных и больше напряжены.

В китайском языке нет и звука [ы], который тоже вызывает трудности в произношении.

Также в китайском языке очень важен тон, который влияет на значение слова. В русском языке такого понятия не существует. Зато есть безударные слоги, которых нет в китайском языке. А ведь именно от замены ударения меняется значение слова: Атлас (сборник карт) и атлАс (ткань).

Таким образом, фонетическая интерференция в русской речи китайских учащихся возникает по следующим причинам:

- учащиеся не слышат разницы между звуками китайского и русского языков;
- особенности артикуляции звуков в китайском языке.

Различия в артикуляционной базе русского и китайского языков позволяют наглядно увидеть картину фонетической интерференции, понять причины трудностей, с которыми сталкиваются китайские студенты, изучая русское произношение. Это помогает преодолеть ошибки в их речи.

Литература

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1 – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 384 с.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / Пер. с англ. и коммент. Ю.А. Жлуктенко. – Киев: Вища школа, 1979. – 263 с.

3. Виноградов В. А. К проблеме иноязычного акцента в фонетике // Лингвистические аспекты обучения языку. – 1976 – № 2. – С. 28-56.
4. Ли Шуцзин. Сопоставление артикуляционных баз русского и китайского языков:вокализм // Викладання мов у вищих навчальних закладах освіти – 2011. – №19. – С. 64-72.
5. Словарь русского языка в 4-х томах. // под ред. А.П. Евгеньевой – Т.1, – Москва : Русский язык, 1985. – 699 с.
6. Чжао Чжэ. Взаимовлияние русского и китайского языков с точки зрения согласных звуков // Филологические науки. Вопросы теории и практики – 2016. – №10–2 (64). – С. 169-174.

Tochonaya K.M.

Center of Oriental Cultures Kitsune

Phonetic interference in the Russian speech of Chinese students

Annotation. Teaching foreign students always entails the problem of the influence of the native language on the foreign language being studied. This leads to a violation of its norms. This phenomenon is called interference and is of great interest for research. The article discusses phonetic interference on the example of the Russian speech of Chinese students. Errors in the pronunciation of Russian sounds are identified, their causes are indicated.

Keywords: interference, phonetic interference, accent, language systems, sound, pronunciation.

Тунту Хемза

Пензенский государственный университет
toutourami6@gmail.com

К вопросу использования эмотивной зоолексикой как средства отрицательного описания человека в арабском и русском языках

Работа выполнена под руководством Колужко Татьяны Владимировны.

В статье приводится систематическое описание особенностей функционирования эмотивной зоолексикой в современных русском и арабском языках. В статье наглядно показано, что эмотивная зоолексика в обоих языках выступают средством передачи информации о состоянии субъекта речи, об его отношении к окружающему миру. Наблюдения за зоолексикой в сопоставительном аспекте свидетельствуют о том, что национальные стереотипы демонстрируют национальные расхождения, они различаются в сопоставляемых культурах, а потому при коммуникации на разных языках при использовании зоолексикой для выражения различных эмоциональных оттенков следует учитывать национальные особенности их употребления.

Ключевые слова: эмотивная зоолексика, отрицательная оценка, арабский язык, русский язык.

Эмоция – это универсальное явление и узнаваемое во всех культурах, а потому эмоции, безусловно, сопряжены с когнитивным процессом и мышлением. Многие аспекты жизнедеятельности человека выражаются эмоциями, так как язык беднее действительности не в состоянии покрыть все семантическое пространство [8] в любом

языке. В эмоциях находит отражение не предмет или явление, но отношение к ним, накопленное в течение исторического развития, определенного лингвосообщества в сознании носителей определенной лингвокультуры. По этой причине рассмотрение отрицательных эмотивных концептов как важной категории лингвистики (в словах, словосочетаниях и фразеологических единицах) обобщает виды национальных опытов русского и арабского народов и является формой отражения в соответствующем языке способа восприятия окружающей действительности. Подробное сопоставительное исследование помогает раскрыть конкретные схемы категоризации и концептуализации, а использование методики когнитивной интерпретации лингвистических данных позволяет вписать содержание в общую языковую картину мира, поскольку в исследовании делается попытка объединить слово и мышление.

Каждая языковая личность в процессе коммуникации отражает в своем общем содержании эмотивную коммуникативную ситуацию, определяет форму её выражения и параметры её использования. Еще Ф. Гумбольдт писал о том, что «нельзя изучать человека без языка» [2].

Эмоции как оценочное отношение носителя языка к окружающему его миру неизбежно отражаются в эмотивных лексических единицах, которые фиксируют и воспроизводят это взаимоотношение. В данном аспекте эмотивные средства выступают также как важные языковые средства.

Рассмотрим лексические единицы, которые позволяют носителям русского и арабского языков передать свои эмоции в достаточной для эффективной коммуникации степени.

Собака – домашнее животное и одно из наиболее распространенных (наряду с кошкой) животных-компаньонов, первый и наиболее искренний друг человека, принимающий участие в охоте, его сторож и проводник.

Образ собаки в интересующем нас аспекте многозначный, обладающий множеством смыслов: он может выражать как положительную, так и отрицательную оценку. Собака олицетворяет такие добродетели человека, как верность, бдительность, привязанность, искренность и послушание. В то же время собака может называться псом, тем самым подчеркивается, что животное может проявить злость (собачиться), жестокость, мстительность, похоть, то есть выделяются дикие, звериные качества своего предка волка [5].

В арабском языке лексема الكلب «собака» в переносном значении – «бранное слово, используемое с намерением унижить того, кто ведет себя неподобающим

образом». Еще более эмоциональную негативную окраску имеет переносное значение русской лексемы щенок – الكلب الصغير: «пёс паршивый, негодяй, подлец» [5].

С образом собаки связаны русские поговорки, аналогичные арабским. Например, поговорка «собака лает, но не кусает» [5], которая является эквивалентом арабской поговорки – كلب ينبع لكنه لا يعض [5]. Арабский же вариант поговорки – собака лает, а караван идёт [Мокиенко] – الكلاب تنبح والقافلة تسير. Данная поговорка употребляется для указания на поведение трусливой или просто необученной собаки, слишком уверенной в себе и имеющей привычку отпугивать чужих лаем, не переходя в наступление. Здесь уместно вспомнить образ Моски, которая лает на слона (басня И. Крылова) – и черты образа собаки, указанные в значительной «Книге о животных» известного арабского писателя аль-Джахиза [3].

Обезьяна – четверорукое млекопитающее, наиболее близкое к человеку по строению тела. Образ обезьяны в русском языке, как и в арабском языке, имеет отрицательную оценку, но реализуется негативное отношение в сопоставляемых языках по-разному.

В «Толковом словаре русского языка» приводятся следующие значения лексемы обезьяна: человек, склонный к подражанию другим или передразниванию других (разг. презрит.), очень некрасивый человек, бранное слово (разг. фам.). – «Ах ты, обезьяна! Ты у кого спросился-то? А. Островский» [4].

В арабском языке лексема القرد «обезьяна» в переносном значении – «бранное слово, используемое с намерением унижить того, кто имеет неприятную внешность и слабый интеллект» [5]. В арабской лингвокультуре, например, имеется поговорка, которая утверждает этот смысл «هيسخطوك يا قرد غزال», что означает «букв. обезьяна считает своего собственного малыша прекраснейшей газелью. Еще более эмоциональную негативную окраску имеет переносное значение в арабском языке лексемы обезьяна – трусливый человек, это явно отражается, когда речь идёт о трусливом человеке в выражении «он как обезьяна боится тени» [5]. Интересно, что с эмотивным значением лексема обезьяна употребляется в арабской поговорке для обозначения некрасивой невесты, на которой можно жениться только с целью получения её богатства «لا ينفع القرد كثرة ماله», что означает «букв. Он женился на обезьяне за ее деньги, деньги ушли, и обезьяна осталась обезьяной» [5].

Образ барана всегда имел особое значение для человека. Начиная с божества барана у древнеегипетских фараонов, это животное обладает религиозно-социальной спецификой. Такое «положительное» понимание в настоящее время превращается

резко в «отрицательную» оценку в рассматриваемых в исследовании культурах, русской и арабской. В целом, при сравнении человека с бараном выражается мысль о его глупости. При сравнении женщины с овцой, она характеризуется как застенчивая, глупая и напуганная.

В русскоязычном фразеологическом фонде представлено выражение «установился, как баран, на новые ворота» [1] для характеристики человека, который отличается глупостью или медлительностью в понимании. Следовательно, в русском языковом сознании баран ассоциируется с такой характеристикой, как глупость. Важно отметить, образы «баран» и «овца» в русскоязычной лингвокультуре обладают общим ассоциативным значением, дифференцируясь только по гендерному признаку.

Баран также имеет важное значение жизни арабского народа. Отношение арабов к образу барана сформировалось по причине пустынной окружающей среды, в то же время пастух – это важнейшее занятие для традиционных арабов. Арабы относятся к барану не совсем так, как русские. В русской пословице «Куда один баран, туда и всё стадо» баран представляет человека, который бездумно следует за мнением других. Предоставление о баране в арабском менталитете отражено в выражении «يتبعها مثل الخروف» (букв.: «без воли ведёт себя как баран», что означает слабость человека и отсутствие энтузиазма) [5], которое используется в тех случаях, когда мужчина очень сильно и безумно любит женщину и он за ней идёт везде и поддерживает ее во всем.

Таким образом, изучение эмоций с компонентом зоонимом очень важно для понимания различных языков, так как именно в их единицах отражается специфика быта, культуры, история народов.

Эмоциональная сторона зоолексик как внутреннее состояние углубит понимание национальной языковой картины мира и поможет строить отношения в рамках взаимопонимания между представителями разных лингвокультур, особенно потому, что большинство зооморфных единиц по происхождению выражаются в пословицах и поговорках и отражают в определенной степени факты жизни и быта, характеризуют человека.

По степени активности в образовании эмоциональной энергии наибольшую группу составляет зоолексика, передающие отрицательную оценку, что видно и при сопоставлении двух языковых картин мира, русской и арабской. В русском и арабском языках имеются паремии, совпадающие по значению, однако различные по лексическому составу (отличающиеся единицей-зоонимом), например: «жить как кошка с собакой» = “علاقتهم مثل القط والفار” “Курице не быть петухом, а бабе мужиком” = لا

تنتظر من الغراب أن يكون صقرا. Важно отметить, что в русском варианте пословицы применяется слово «собака», а в арабском – «мышь». Также возможно совпадение в употребляемых зоонимах при отличии в других составных частях фразеологизма (числительных, глаголов и т. д.), например, «кошка имеет девять жизней», и “ له سبع “ (букв.: подобен кошке, имеющей семь жизней). Также существуют арабские паремии, не имеющие русских аналогов: أجسام الجمال و عقول العصافير (букв. тела верблюдов в умах пташек) «Тело верблюда, а ум пташки» [5].

Таким образом, в эмотивной зоолексике представлены устойчивые значения, которые репрезентируют национально-культурные представления народов. Все это важно для эффективного и успешного общения с учетом используемого эмоционального кода. Наблюдения за зоолексикой в сопоставительном аспекте свидетельствуют о том, что национальные стереотипы демонстрируют национальные расхождения, они различаются в сопоставляемых культурах, а потому при коммуникации на разных языках для выражения различных эмоциональных оттенков следует учитывать национальные особенности их употребления.

Литература

1. Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова / Под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. Москва, 2005. – 712 с.
2. Вольская Н.П. Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь // И.С. Брилева, Н.П. Вольская. – Москва : Гнозис, 2004. – 315 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт / В.И. Даль. Москва : Русский язык, 1999. Т. 1. – 699 с.
4. Колесов В.В. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 1 / В.В. Колесов, Д.В. Колесова – С.-Петербург : Златоуст, 2014. – 592 с.
5. Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература / И.Ю. Крачковский, Избр. соч., т. 4, М. – Л., 1957. – 965 с.
6. Мокиенко В.М. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко. Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
7. Толковый словарь русского языка / Под. ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. - М.: Азбуковник, 1997. - 940 с.
8. Шаховский В.И. Голос эмоций в языковом круге homo sentiens / В.И. Шаховский. Изд. стереотип. – Москва : URSS. 2015. – 144 с.

Tuitu Hemza

Penza State University

On the use of emotive vocabulary as a means of negative description of a person in Arabic and Russian

Annotation. The article provides a systematic description of the features of the functioning of emotive vocabulary in modern Russian and Arabic languages. The article clearly shows that emotive vocabulary in both languages act as a means of transmitting information about the state of the subject of speech, about his attitude to the world around him. Observations of zoolexics in a comparative aspect indicate that national stereotypes demonstrate national differences, they differ in the cultures being compared, and therefore, when communicating in different languages, when using zoolexics to express various emotional shades, national peculiarities of their use should be taken into account.

Key words: emotive vocabulary, negative assessment, Arabic, Russian.

Умаров Азизджон Хайдаралиевич

Пензенский государственный университет
azizumarov937@gmail.com

К вопросу о тюркских заимствованиях в русском языке в контексте русской лингвокультуры

Работа выполнена под руководством Коллюшко Татьяны Владимировны.

В статье проводится анализ тюркских заимствованных слов как компонентов русской лингвокультуры, дано описание важных аспектов взаимодействия культуры и языка. Выявлены тюркизмы, показано их происхождения. Анализ тюркизмов с точки зрения лингвокультурологии как элемента лингвокультуры позволяет определить его место как в системе языка, так и в концептуальной картине мира определенного лингвокультурного сообщества.

Ключевые слова: языкознание, тюркизмы, заимствования, русский язык, лингвокультура.

Почему слова заимствованы? Этот вопрос частично касается исторических обстоятельств, которые стимулируют процесс заимствования. Каждый раз, когда две нации вступают в тесный контакт, определенные заимствования являются естественным следствием. Характер контакта может быть разным. Это могут быть войны, вторжения или завоевания, когда иностранные слова фактически навязываются неохотно завоеванной нации. Бывают также периоды мира, когда процесс заимствования обусловлен торговлей и международными культурными отношениями или появляется новая реальность и рождает новые слова, у которых нет эквивалентов в других языках.

Но все это служит лишь для объяснения условий, которые стимулируют процесс заимствования. Вопрос о том, «почему» слова заимствуются одним языком из другого, до сих пор остается без ответа. Иногда это делается для того, чтобы заполнить пробел в словарном запасе. Но есть также большое количество слов, которые заимствованы по другим причинам. Может быть слово (или даже несколько слов), которое выражает

какую-то конкретную концепцию, так что в словаре нет пробелов и, по-видимому, нет никакой необходимости в заимствовании. Тем не менее, заимствовано еще одно слово, которое означает почти то же самое, – почти, но не совсем. Оно заимствовано, потому что представляет ту же концепцию в каком-то новом аспекте, придает новый оттенок значения или иную эмоциональную окраску.

Одной из наиболее важных языковых функций является номинативная. Необходимость давать названия все большему числу новых явлений приводит к появлению в языке новых слов, созданных с помощью словообразовательных возможностей языковой системы или путем заимствования. Наряду с развитием международной и межкультурной коммуникации в современном мире новые заимствованные слова обогатили как знания об окружающем мире людей, так и их языковую картину мира. Заимствования являются не только частью лексики национального языка, но и «проводниками» нового культурного элемента.

Это не новое явление, поскольку на протяжении истории русский народ вел торговлю и поддерживал социальные и культурные связи со многими зарубежными странами. Лексика – это наиболее доступная сфера для различного рода внешних воздействий, сфера, где отражаются все изменения, происходящие в жизни общества.

Есть несколько причин, по которым появляются заимствования: необходимо дать название новому понятию или вещи; новое понятие должно быть выражено не словосочетанием или предложением, а одним словом. Таким образом, слово снайпер появилось в русском языке вместо описательного словосочетания меткий стрелок

Социально-психологические факторы. Очень часто люди считают, что иностранное слово звучит красивее и моднее использовать заимствованное слово, так как это показывает, что вы хорошо осведомлены обо всех новинках [2].

Этот процесс не мог не повлиять на русский язык, поскольку появились новые товары и понятия, но для них еще не было названия на русском языке. Людям приходилось очень быстро изобретать новые слова, и заимствование оказалось лучшим методом. Заимствование – это процесс заимствования иностранного слова (в нашем случае английского слова) и его последующего проникновения в русский язык посредством транслитерации.

Сегодня в русском языке можно увидеть множество примеров заимствованных слов, так называемых русифицированных слов. Такая адаптация происходит следующими способами: добавлением русских суффиксов, сокращением, игрой слов, склонением и т.д. Такой метод не делает новые слова более понятными, но помогает

«одомашнить» их и сделать звучание более родным. С помощью русской грамматики они легко интегрируются в систему русского языка [1].

В большинстве случаев процесс адаптации является длительным и постепенным. Некоторые элементы еще предстоит адаптировать не полностью. Поскольку могут быть некоторые различия в произношении, они не могут быть отклонены. Если заимствованное слово адаптировано грамматической системой языка (существительные принимают падежные и числительные формы, появляются признаки грамматического рода), то это расширяет возможность образования новых производных [2].

Невозможно в полной мере контролировать процесс развития языка. Появление новых иностранных слов указывает на то, что общество идет в ногу со временем, достаточно активно торгует и общается с развитыми странами. Однако чрезмерное заимствование не всегда может быть разумным, например, когда мы используем какое-то заимствованное слово вместо существующего русского и таким образом создаем благоприятные условия для формирования сленга. Таким образом, мы загромождаем нашу речь бесполезными словами, и их обилие заставляет ее звучать абсурдно. Необходимо следить за нашим языком и, особенно, за словами, которые мы используем. Язык, который мы используем, показывает уровень нашего образования, культуры, нашего социального статуса. Самое главное – это не количество, а качество новых слов, особенно когда мы используем их правильно и уместно.

Основываясь на тему тюркских языков, давайте рассмотрим, какое влияние они оказали на русский язык. Тюркское влияние на русский язык «обширно», очевидно в основном лексическое. Кроме того, влияние тюркских языков проникло в русский язык как бы с разных сторон: тюркские языки оказали более прямое влияние на южные русские диалекты.

1. Природа лингвистического влияния против природа человеческого контакта. Тюркское влияние на русский язык можно использовать для иллюстрации принципа, согласно которому характер языкового влияния коррелирует с характером человеческого контакта. На юго-восточных землях русские были поселенцами, где русские вступили в контакт с тюркоязычными народами: тюркоязычные мужчины переехали на русскоязычную территорию, взяв славяноязычных жен (обратите внимание, что я использую «жениться» и «брать жену» здесь как эвфемизмы для всевозможных генетиков красиво называют «событиями отцовства» – мы не знаем, в какой степени это были браки «между двумя взрослыми по обоюдному согласию»).

Субстратный язык – в данном случае тюркские языки – оказали в основном лексическое влияние.

2. Как определить заимствованные слова? Первым шагом в выявлении потенциальных заимствований в русском языке было бы сравнение различных русских слов с их аналогами в других славянских языках. Существует множество родственных связей между русским и, скажем, западнославянскими языками, такими как польский и чешский: сравните, например, русское *medved* «медведь» с польским *niedźwiedź* и чешским «*medvěd*» или русское *рְсela* «пчела» с польским *pszczoła* и чешским *včela*. С другой стороны, такие слова, как русский *izjum* «изюм» и *saraj* «сарай», не являются родственными своим польским и чешским аналогам (польская розинка и чешская хрозинка, и польская и чешская стодола, соответственно). Эти русские слова, которые выделяются среди своих славянских аналогов, являются хорошими кандидатами на заимствование.

Следующий шаг – поиск родственных слов в тюркских языках: например, русское жаргонное слово *bashka* (голова) является очевидным родственным узбекскому *bosh*, и туркменскому *baş*, которые также означают «голова».

К счастью, характерное свойство тюркских языков – гармония гласных – облегчает распознавание тюркских заимствований в русском языке. Гармония гласных – это явление, при котором гласные ассимилируются друг с другом через промежуточные согласные, так что гласные внутри слова в конечном итоге становятся одинаковыми. Таким образом, хотя это ни в коем случае не является жестким правилом, но многие русские слова, которые имеют одну и ту же гласную во всем слове, являются тюркскими заимствованиями: таковы слова *башмак* «башмак», *алмаз* «алмаз», *баклажан* «баклажан», *сундук* «ящик, сундук» и *чугун* «чугун». Еще одним признаком тюркских заимствований в русском языке являются суффиксы (часто уже не воспринимаемые как таковые) *-ча* и *-лык*, как в русских тюркских заимствованиях *алыча* «вид сливы» и *саранча* «саранча», *балык* «соленая и сушеная осетрина или лосось» и *ярлык* «этикетка» (примечание что последнее недавно было практически заменено заимствованным английским словом *lejlba*).

3. Почему заимствованные слова? Заимствованные слова попадают в язык перевода по целому ряду причин. Что касается тюркских заимствований в русском языке, то многие из них восходят к временам Золотой Орды, которая по очевидной причине принесла много слов, имеющих отношение к государственным и финансовым вопросам: например, *kazak* (казак), *karaul* (стража), *kazna* (казна) и *denga* (деньги).

Другие тюркские заимствования в русском языке – это обозначения вещей и понятий, которые также были заимствованы у тюркоязычных народов: *kirpiçh* (кирпич), *arbuz* (арбуз), *bashmak* (башмак) и др.

Но многие другие тюркские заимствования сосуществуют с исконно славянскими словами и выражают различные нюансы значения и употребления. Например, в русском языке есть славянское слово *kon* (лошадь), родственное польскому *koń* и чешскому *kůň*. Тем не менее, в русском языке есть еще одно слово, обозначающее «лошадь», – лошадка, пришедшее из тюркских языков (по-видимому, это заимствование предшествовало золотоордынскому периоду). Два «лошадиных» слова: «кон» и «лошадь», не означают в точности одно и то же и не могут использоваться взаимозаменяемо. Первое слово, которое является грамматически мужским, используется только для обозначения лошади мужского пола, в то время как второе является стандартным, бесполом словом для обозначения «лошади» (хотя оно грамматически женского рода). Во многих выражениях *loshad* является идиоматическим выбором, и *kon* не может быть заменен: следовательно, *rabochaja loshad* – это «рабочая лошадь», а единицей мощности является *loshadinnaia sila* «лошадиная сила». Тем не менее, команда «По коням!» – это *Po konjam!* (слово «кон» здесь стоит в форме дательного падежа множественного числа), а не «По лошадкам!». «Конина» по-русски – это конина и не лошадиная, и «лошадиная рыба» – это морской конек (буквально «маленький морской конек»), а не морская лошадка.

Заимствования проникают в язык двумя путями: через устную речь и через письменную речь. Они могут быть прямыми или косвенными. Основным и наиболее частым способом заимствования является ассимиляция. Для этого требуются следующие условия: 1. передача иностранного слова фонетически и грамматически источниками этого языка; 2. соотнесение слова с грамматическими классами и категориями языка; 3. фонетическое и грамматическое усвоение иностранного слова; 4. словообразовательная активность слова; 5. семантическая ассимиляция; 6. регулярное употребление в речи.

Заимствованные слова могут влиять: 1) на фонетическую структуру тюркских слов и звуковую систему; 2) на словообразовательную структуру и систему словообразования; 3) на семантическую структуру тюркских слов; 4) на лексическую территориальную дивергенцию.

Наиболее известные тюркские заимствования в русском языке:

алый – ярко-красный, слово тюркское, широко известно в тюркских языках, «ал» – светло-красный;

арбуз – в языке казанских татар «карбыз», башкир «арбуз»;

аркан – в языке татар и башкир - «арзан»;

артель – в языке казанских татар и башкир - «уртаклык», «урталай»;

аршин – старая мера длины, из персидского – тюркское «arsyn», в языке казанских татар – «аршын»;

балда – 1) бестолковый, глупый человек; 2) спец. тяжелый молот, «балдак» в татарском языке, в башкирском языке «балдаз» – кольцо; балбес – бестолковый, грубый и неотёсанный человек, бездельник, у казанских татар белемсез; в башкирском языке белез, белмез, а в татарском языке белз.;

башка – бран. «голова», слово тюркское, «баш» – это «голова», «верх»;

ералаш – беспорядок, путаница; вздор, чепуха; устар. засахаренные фрукты; старинная карточная игра, татарском и башкирском есть слово «аралаш», на почве йотаций начального «а» в «йа»: аралаш-ералаш;

казак – крестьянин, у татар и башкир «казак» – вольный человек, бродяга, отсюда и название одежды «казакей»;

карандаш – происхождение слова связывают с тюркским «кара таш», где «кара» – черный, «таш» – камень; очевидно, «карандаш» некогда понималась как «чёрный камень» – графит;

карий – коричневый (о глазах), гнедой, восходит к тюркскому кара – чёрный;

колпак – конусообразный или овальный головной убор; высокая меховая или отороченная мехом шапка, у татар калпак (калфак) – это национальный женский убор;

лапша – возводят к татарскому – лак (в современном языке лапша – токмач, в башкирском – тузмас);

стакан – у башкир «туктаз», «тубтакан», у татар «тустыкан» - фарфоровый сосуд для питья;

шаровары – у татар «чалбар», у башкир «салбар» – брюки;

шашлык – у татар и башкир «кабымлык» – кусочки мяса, но сейчас в этих языках употребляется слово «шашлык» из русского;

якшаться – иметь или поддерживать приятельские отношения с кем-либо, у башкир «якшы» и татар «якшы» – хорошо.

Как мы знаем, заимствования обогащают любой язык и могут помочь пополнить словарный запас заимствующего языка. Заимствование – это неизбежный языковой

процесс. Любой язык (включая русский и тюркские языки) заимствуют недостающие слова и специфические термины из других языков.

Итак, заимствования играют очень важную роль в развитии русского и тюркских языков. Заимствованные слова показывают уровень межкультурных коммуникаций. Мы можем увидеть историю нескольких стран, просто анализируя заимствованные слова одного языка. Очень полезно знать, какие слова заимствованы и как их правильно использовать не только для студентов, но и для носителей языка.

Литература

1. Быстрова Е.А. и др. Учебный фразеологический словарь русского языка – Москва : Просвещение, 1984.
2. Загладин Н.В., Закирьянов К.З. Путешествие в мир русского языка – Уфа : Китап, 1997.
3. Литературный энциклопедический словарь под ред. В. М. Кожевникова и П.А. Николаева – Москва : Советская энциклопедия, 1987.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка – Москва: Русский язык, 1988.
5. Черных, Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка – Москва : Русский язык Медиа, 2006. – С.36.

Umarov A.H.

Penza State University

On the issue of Turkic borrowings in the context of Russian linguistic culture

The article analyzes Turkic borrowed words as components of Russian linguistic culture, describes important aspects of the interaction between culture and language. Turkisms are revealed, their origin is shown. The analysis of Turkisms from the point of view of linguoculturology as an element of linguoculture allows us to determine its place both in the language system and in the conceptual picture of the world of a certain linguocultural community.

Key words: linguistics, Turkisms, borrowings, Russian language, linguistic culture.

Ушакова Роксана Борисовна

Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина
roksi.ushakova77@yandex.ru

Подготовка к урокам русского языка с учётом национально-психологических особенностей китайских студентов

Работа выполнена под руководством Лешутиной Ирины Анатольевны, доктора филологических наук, профессора.

Статья затрагивает вопрос о проблеме использования этноориентированной модели обучения РКИ. Целью статьи является создание национально-психологического портрета китайских студентов, а также предложение рекомендаций по работе с китайскими студентами в процессе обучения русскому как иностранному языку.

Ключевые слова: национально-психологический портрет, этноориентированная модель обучения, китайские студенты, русский язык как иностранный.

Считается, чем лучше преподаватель знает свою аудиторию, тем более успешно будет выстраиваться учебный процесс. На сегодняшний день образование стремится перейти от стандартизации к дифференциации и индивидуализации обучения. Дифференцированное обучение иностранному языку в свою очередь происходит в зависимости от особенностей в содержании обучения и от психологических особенностей учащихся.

Для каждого современного преподавателя совершенно очевидно, что эффективное общение с представителями других культур включает в себя не только знание иностранного языка, но и знание культурных особенностей. Прежде чем приступить к обучению иностранному языку, согласно современной этнометодики, педагог должен рассмотреть национально-культурные факторы, лингвометодические традиции обучения, этнопсихологические особенности и когнитивный стиль учащихся. Преподавателю необходимо помогать учащимся в познании новой иностранной культуры, учитывая специфику их родной культуры. В целом, стоит учитывать, что все люди склонны проявлять себя в учебном процессе совершенно по-разному, однако все же существуют национальные особенности, которые будут прослеживаться в тех или иных количествах.

Для создания портрета китайского учащегося, мы предлагаем исследовать следующие аспекты: национальные черты характера; отношение к преподавателю; умение работать в группе или индивидуально; предпочтительный стиль общения; построение учебного процесса; отбор учебного материала; изучение нового материала; предпочтительные типы заданий; учебные привычки; типичные языковые ошибки; отношение к инновационным технологиям; главные задачи образования.

1. Национальные черты характера. Китай, согласно типологии Ричарда Льюиса считается реактивной культурой, которой свойственна вежливость, стеснительность, сдержанность, пунктуальность, пониженная эмоциональность [2, с. 54]. В китайской аудитории слабо выражено стремление к самовыражению, однако характерно усердие и трудолюбие. Также у китайских студентов развито чувства патриотизма и морального долга, приводящие к страху получения отрицательного результата.

2. *Отношение к преподавателю.* Ещё с древнейших времен отношение китайского общества к знаниям сопровождалось глубоким уважением и считалось высокой ценностью. Влияние конфуцианских традиций выстроило отношение китайских учащихся к преподавателю как образцу, идеалу и главному носителю знаний [1, с. 163]. Однако современные интерпретации конфуцианства постепенно формируют видение преподавателя как ориентира, фасилитатора, а не единственного источника информации.

3. *Умение работать в группе или индивидуально.* Основываясь на исследованиях Герта Хофстеде, стоит отметить, что Китай относится к странам с преобладающим коллективизмом и с высокой дистанцией власти, что указывает на иерархичные отношения в обществе [7, с. 86]. Преобладание коллективизма, и критика индивидуализма в традиционных учениях приводит к более развитому умению работать в группах или парах. Соответственно китайские студенты в основном отдают предпочтение групповым работам над индивидуальными заданиями.

4. *Предпочтительный стиль общения.* Учащиеся привыкли к иерархичным рамкам в китайском обществе, поэтому равноправные отношения с преподавателем для них не свойственны. Во всех учебных заведениях Китая при обращении к преподавателю принято использование модели: фамилия + учитель (王+老师). Данная особенность зачастую приводит к речевым ошибкам, поскольку в русском языке мы привыкли обращаться к преподавателям, используя имя и отчество.

5. *Построение учебного процесса.* Китайским учащимся характерно копирование и усовершенствование информации [2, с. 18]. Китайским студентам всегда важно знать для чего изучается материал и какое дальнейшее практическое применение. В целом в рамках традиционного образования китайские студенты привыкли следовать четкому плану и работать с информацией, полученной в учебнике или от преподавателя. Также существуют табуированные темы в китайской аудитории и их использование должно быть обоснованным.

6. *Отбор учебного материала.* Китайским студентам свойственно холистическое мышление, поэтому учебный материал должен обладать целостностью и связанностью, подкрепляющийся визуальной опорой [5, с. 28]. Учебник играет важную роль в китайской образовательной культуре, в основном традиционное обучение формируется вокруг учебника и преподавателя. В целом, для китайских учебников свойственно большое количество наглядных материалов виде схем, таблиц и изображений.

7. *Изучение нового материала.* Данной аудитории присуще быстрое формирование оперативной памяти, но трудности с долговременной памятью. Конкретно-символическое мышление, связанное с ментальными особенностями доминантности правого полушария [6, с. 29]. Для китайских студентов свойственно заучивание, однако это приводит к проблемам хранения, анализа и осознания полученной информации. В связи с тем, что китайский язык построен на иероглифах, студенты привыкли изучать новый материал зачастую за счет прописей и наглядности.

8. *Предпочтительные типы заданий.* В Китае широко распространен некоммуникативный подход, поэтому происходит направленность на монотонный труд без использования критического мышления. Также необходимо учитывать, что у китайцев развита зрительная память, они привыкли к постоянному прописыванию и умеют работать с изображениями и схемами, поскольку китайский язык включает в себя иероглифическую систему письма.

9. *Учебные привычки.* Китайским студентам более свойственно пассивное усваивание информации, чем активное. Зазубривание информации, зачастую без анализа материала. Привычка работы с письменными заданиями в значительных объемах. Также большое внимание уделяется аудированию и переводам.

10. *Типичные ошибки.* При формировании слухопроизносительных навыков у китайских студентов зачастую выделяются звуковые, акцентологические, интонационные и ритмические ошибки, которые обусловлены фонетической системой родного языка [3, с. 28]. Поскольку китайский язык относится к тоновым языкам, а звуки, к примеру, дифференцируются не по звонкости-глухости, а по наличию или отсутствию придыхания. Также отличия в грамматике, такие как наличие падежей и отсутствие строгого порядка слов, инверсия в русском языке отражаются в ошибках студентов.

11. *Отношение к инновационным технологиям.* К предпочтительному типу современных мультимедийных технологий среди китайской аудитории можно отнести среду виртуальной реальности, видеообъекты, образные объекты. [4, с. 111]. Активно продвигается использование современных компьютерных технологий для увеличения эффективности обучения. Для китайской аудитории весьма характерно использование приложения WeChat, которое нередко используется для учебных и организаторских целей.

12. *Главные задачи образования.* В целом, главной задачей китайского образования является принесение пользы обществу, улучшение себя в нравственном и

социальном отношении, а также достойное представление китайской культуры на международном уровне.

Так, изучив аспекты, из которых состоит национально-психологический портрет китайского студента, стоит выделить ряд рекомендаций по организации процесса обучения русского как иностранного языка в группах китайских студентов:

- уделять особое внимание обучению навыкам публичного выступления, дискуссий, дебатов, обсуждений, рассуждений. Озвучивание плохих результатов не должно быть публичным, а хорошие результаты должны всегда демонстрироваться, что в свою очередь повысит самомотивацию студентов;
- проявлять сдержанность и доброжелательность, постепенно выстраивая равноправную атмосферу в группе;
- формировать группы или пары, которые постепенно должны меняться друг с другом, что способствует в дальнейшем эффективному и комфортному взаимодействию всей группы;
- использовать поэтапные переходы от групповых работ к индивидуальным заданиям;
- устанавливать стиль общения на начальном этапе. Предоставление времени студентам на адаптацию в новой языковой культуре;
- мотивировать студентов на изучение нового материала, объясняя его дальнейшее практическое применение;
- выстраивать процесс обучения стоит от практической деятельности к теоретическому содержанию [6, с. 149]. Формирование структурированного учебного процесса, с четким планом и целями. Постепенное развитие навыков самостоятельной деятельности;
- использовать ассоциативный, наглядный и четкий учебный материал, связанный с культурой, как Китая, так и России, что приведет к диалогу культур;
- развивать левое полушарие: использование упражнений на развитие логического мышления, упражнений на компрессию текста [5, с. 148]. При изучении материала необходимо также уделять время слушанию, прописыванию и проговариванию для развития долгосрочной памяти;
- находить баланс между привычными для китайских студентов некоммуникативными и коммуникативными заданиями. Постепенное внедрение творческих заданий, анализов текстов с проблемными вопросами, которые усовершенствуют логическую память и абстрактное мышление;

- использовать игровые, соревновательные и интерактивные формы работы;
- развивать постепенно критическое мышление, умения анализировать и создавать;
- использование большего количества коммуникативных заданий в классе и работ в письменной форме в качестве домашнего задания для повторения или изучения нового материала. Постоянное повторение изученного материала;
- уделять особое внимание постановке таких звуков как: [л] и [р], и глухих [б] – [п], [в] – [ф], [г] – [к], [д] – [т]. Регулярное проведение фонетических зарядок и аудирования;
- использовать как можно больше визуальной опоры и прописи при семантизации слова, поскольку достаточно развита зрительная память благодаря иероглифической системе письма;
- помнить, что с точки зрения грамматики у существительных отсутствует категория рода, числа, падежа, глаголы не имеют рода, числа и лица, а прилагательные – сравнительной степени и изучение данных тем требует большего количества времени и повторений;
- учитывать доступность приложений и мультимедийного контента в целом, так как на территории Китайской народной республики существуют запрещенные социальные сети и интернет ресурсы;
- изучать новую культуру в сопоставительном анализе с родной культурой студента.

В целом формируя портрет иностранного студента, преподаватель изучает его культуру и выстраивает для себя ряд рекомендаций, способствующих более успешному межкультурному сотрудничеству. Преподаватель учится понимать причины ошибок студентов и находить способы их преодоления еще до учебного процесса.

Таким образом, анализируя портрет иностранного студента можно проследить не только языковые различия, но и особенности поведения и мышления во время учебного процесса. Это помогает преподавателю понимать свою аудиторию и знать, как наиболее успешно с ней работать. Подготавливая учебную программу с учётом национально– психологических особенностей, педагог выстраивает для самого причины трудностей, с которыми сталкиваются иностранные студенты, что впоследствии помогает решать проблемы до их появления.

Литература

1. Антонова Ю.А. Национально-психологический портрет китайского студента, изучающего русский язык // Филологический класс. – 2022. – Т. 27. № 2. – С. 161-171.
2. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию, 2001. – 448 с.
3. Мартынова М.А., Ковалёва Н.А., Юн Л.Г. Организационно-методические особенности работы с китайскими учащимися при обучении рки в условиях отсутствия языковой среды. Русский язык за рубежом, спец. выпуск, Русистика Китая. – 2017. – С. 15-26.
4. Таратухина Ю.В. Основы кросс-культурной дидактики. Учебное пособие. Москва : Янус-К, 2015. – 176 с.
5. Подготовка иностранных студентов-филологов в институте Пушкина. Коллективная монография – Азимов Э.Г., Аду С.С., Гончарова Л.М., Лебедева М.Ю., Лешутина И.А., Макарова А.А., Нестерова Т.В., Персиянова С.Г., Рублёва Е.В., Соломонова А.А., Татаринова Н.В., Филипова В.М., Халеева О.Н., Чернышёва Е.Н., Шантурова Г.А., Шутова М.Н. Москва : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. – 228 с.
6. Шантурова Г.А. Этноориентированный комплекс упражнений как фактор успешности обучения рки китайских стажеров. Русский язык за рубежом, Русистика Китая. – 2017. – С. 27-30.
7. Hofstede G.H. Cultures and organizations: software of the mind. Mc Graw Hill. – 2015. - 279 с.

Ushakova R.B.

Pushkin State Russian Language Institute

Preparation for Russian language classes taking into account the national-psychological characteristics of Chinese students

The article actualizes the issue of using an ethno-oriented model to teaching the RFL. The article is aimed at creating a national psychological portrait of Chinese students. Also the article offers recommendations for working with Chinese students in the process of teaching Russian as a foreign language. *Keywords:* national-psychological portrait, ethno-oriented approach, Chinese students, Russian as a foreign language.

Фадеева Софья Сергеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
fadeeva-sofya@mail.ru

Этимологические и морфологические особенности русских терминов дисциплины «культура речи» и их английских аналогов

Работа выполнена под руководством Востриковой О.В., кандидат филологических наук, доцент.

Терминосистемы научных дисциплин, не имеющих аналогов в других научных практиках, таких как «культура речи», подлежат особенному рассмотрению. В статье выявляются и анализируются этимологические и морфологические особенности ряда русских терминов дисциплины и их возможных английских аналогов. Отмечается сходство в заимствовании корней и аффиксов и преимущественном аффиксальном терминообразовании. Обнаружены разнокорневые терминологические соответствия, отсутствие английских аналогов, преобладание односложных английских терминов и русских терминосочетаний.

Ключевые слова: этимология, морфология, культура речи, термин, заимствование, аффиксация.

Целью исследования, освещаемого в данной статье, было выявление этимологических и морфологических предпочтений в терминообразовании русских терминов дисциплины «культура речи» и их английских аналогов. Установлено, что «с генетической точки зрения существует два основных способа создания номенклатурных знаков (терминов и номов) – с помощью исконной лексики и из заимствованных элементов» [10, с. 10].

Виды терминообразования в целом подразделяются на терминопроизводство и заимствование с дальнейшим выделением частных способов [7]. Для современной русскоязычной терминологии как таковой характерны семантический способ и калькирование, для англоязычной – аффиксация, аббревиация и контаминация.

Наиболее распространенными этимологическими источниками терминов являются исконные слова, заимствования из других языков и слова, образованные с помощью греко-латинских элементов. При этимологическом анализе также учитывается существование этимологических гибридов – единиц, созданных в языке по существующим в нем правилам и использующих в своем составе комбинации собственных и заимствованных морфем.

Принимая во внимание имеющую давнюю традицию лингвистическую природу дисциплины, тенденцию к интернационализации терминов и влияние английского языка как языка международного научного общения, мы предполагали в рассматриваемой терминосистеме преобладание образования терминов путем заимствований терминологических элементов различных языковых уровней: прежде всего переводных заимствований и заимствований морфологических (этимологически греко-латинских) и синтаксических форм.

В процессе работы нам пришлось принять к сведению также саму специфику

дисциплины «культура речи». Это – исключительно отечественная, советская речеведческая наука, сложившаяся в 20-30-е гг. XX в. и обусловленная идеологическими и эстетическими факторами; «чисто русский феномен, национальный термин» [1, с. 14]. Объектами культуры речи стали языковые и речевые нормы, этика и речевой этикет, умения создания текстов устной и письменной речи. Дисциплина активно рассматривалась с различных сторон ведущими российскими лингвистами, в том числе Г.О. Винокуром, С.И. Ожеговым и В.В. Виноградовым. В современном отечественном языкознании культура речи не сводится к «перечню запретов и догматическому определению правильно – неправильно» [4, с. 23]. Мы придерживаемся классического определения культуры речи Е.Н. Ширяева как «такого выбора языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач» [5, с. 13].

В лингвистической практике английского языка понятие «культура речи» отсутствует. Возможной причиной тому служит тот факт, что проблема нормирования разговорной речи в европейском языкознании никогда не обособлялась от нормативной стилистики, за исключением лингвистических учений отдельных восточноевропейских социалистических стран. Также следует учесть различие в исторически сложившемся преобладании лингвистических подходов в странах. Английское языкознание стремится к дескриптивизму, поскольку правильность в языке определяется традициями и распространенностью и отсутствием социального института, устанавливающего общие нормы. В русской традиции, напротив, важную роль играет прескриптивный лингвистический подход, особенно распространенный в советское время.

Термин «культура речи» может лишь косвенно соответствовать английскому «English Standard» [2, с. 43]. Это понятие появилось в средневековой и распространилось в ранней современной Англии. Обычно этот термин использовали по отношению к словесному фонду либо стандартизации английского языка относительно романской и германской лексики. В настоящее время «Standard English» – это разновидность английского языка, которая подверглась существенной регуляции и ассоциируется у носителей языка с формальным школьным образованием, языковой оценкой и официальными печатными изданиями. Главным различием между русским понятием «культура речи» и английским понятием «English Standard», по Питеру Стревенсу (Peter Derek Strevens), является включение произносительных норм в

стандартизацию языка [12]. Его точка зрения со временем нашла большое количество последователей. Относительно же отечественного понятия очевидна непосредственная стандартизация языка в совокупности грамматических, лексических и произносительных норм.

Культура речи в настоящее время является самостоятельной наукой, что может быть подтверждено большим количеством терминов, продолжающих появляться до сих пор. Несмотря на становление понятийно-категориального аппарата культуры речи, уже можно говорить о её терминосистеме, т. к. терминологический материал можно систематизировать. Об этом также свидетельствует наличие русскоязычных словарей по культуре речи: [6], [11] и т. д.

При формировании эмпирической базы исследования применялся метод серийной выборки, при анализе – метод наложения словарных дефиниций, интерпретационный метод, этимологический и морфологический анализ, статистический подсчёт.

Отправная выборка составила сто русских терминоединиц, в настоящее время применяющихся в теории и практике культуры речи. Выборка была произведена в рамках соответствий семи информационным моделям коммуникативных качеств речи, выделенных Т.В. Жеребило: правильности, точности, чистоты, выразительности, логичности, богатства и уместности, делающих возможной рациональную классификацию терминов, активизирующихся в культуре речи [3, с. 402]. Английские эквиваленты подбирались к русским терминам по аналогии их лексического значения и номинативной функции с помощью онлайн словарей.

Данные этимологических словарей подтвердили, что бóльшую часть рассматриваемых терминов составляют заимствования. Встречаются слова и их элементы, пришедшие в русский / английский языки из латинского: соответственно 43% / 53% выборок; чуть реже – 40% / 35% – из греческого языка. В целом 63% / 71% из них напрямую заимствованы из древних языков – а 37% / 29% осуществляют межъязыковой переход с помощью языка-посредника. Например, для слова *аллюзия* первоисточником является латинское *alludere*, которое пришло в русский язык через французское *allusion*. Для слова *intention* первоисточником является латинское *intention*, которое пришло в английский язык через французское *entencion*. Языками-посредниками также были служили немецкий, итальянский, реже польский (для русского языка).

Отдельную группу составляют термины, образованные семантическим способом от слов, заимствованных из других языков. Среди них можно выделить лексемы, образованные с помощью метафорического переноса общеупотребительного значения слова. Например, слово *штамп* (от нем. *Stampfe*) – это не только инструмент для серийного изготовления предметов из заготовок, но и стилистически окрашенное средство речи в виде готового образца, созданный носителями языка как устойчивый и наиболее удобный знак для выражения определенного языкового содержания (так же: *аналогия*, *клише*).

Также отметим следующие особенности происхождения терминов:

1) Большинство терминов построены с помощью заимствованных морфем (*диспозиция* – префикс *дис-*; *relevancy* – суффикс *-ance*);

2) Обнаружены терминологические пары, которые не имеют общего происхождения и, соответственно, общих корней – пары *слово-паразит* – *filler*, *лаконичность* – *brevity*, *каламбур* – *pun*;

3) Обнаружены заимствования русских терминов непосредственно из английского языка, например, *релевантность* – от англ. *relevant*, *коллоквиализм* – от англ. *colloquialism* при отсутствии случаев перехода термина из русского языка в английский;

4) Можно выдвинуть предположение о существовании единиц, не имеющих аналогов в английском языке: термин *хрия* не имеет английскую пару.

Словообразовательные особенности терминов показали, что они образованы при помощи аффиксации, конверсии, словосложения или сращения. Наиболее распространенным способом является суффиксация – 82% / 87% (русский язык/английский язык). Префиксация составляет 17% / 18%, и иные способы – 11% / 6%.

Отметим следующие словообразовательные особенности терминов:

1) Частотной оказалась пара суффиксов *-изм/-ism-* (*арха/изм* – *archa/ism*), имеющих греческое происхождение.

2) Суффикс *-ость* в русском языке, образующий существительные со значением отвлеченного признака: *релевантн/ость*, *лаконичн/ость* – имеет аналогичные английские суффиксы *-ance* и *-ty*, произошедшие из французского и латинского языков соответственно: *relev/ance*, *brevi/ty*, которые, однако, являются непродуктивными.

3) Суффиксу существительных *-аци-* (*аргумент/аци/я*), который при добавлении к основе глаголов с иноязычной основой образует существительное женского рода со значением процессуальности соответствует английский суффикс *-tion* (*inten/tion*).

4) Продуктивный элемент *-ese* также употребляется для образования новых существительных от уже имеющихся в языке и указывает на особенную манеру письма или речи, которая присуща людям, объединенным в группу по определенному признаку, к примеру, английское *legal/ese* – 'деловая лексика' (часто: неодобрительно), что косвенно соответствует русскому термину *канцеляризм*.

Префиксы имен существительных рассматриваемой терминологии также были проанализированы:

1) Активно применяются как в обозреваемой, так и в общей лексике русского и английского языков префиксы греческого происхождения *a-* (*ан-*) / *a-* (*ан-*) в таких примерах, как *ана/хрон/изм* – *anachron/ism*, *а/лог/изм* – *a/log/ism*, где данные аффиксы образуют существительные со значением отрицания, отсутствия какого-либо качества.

2) Приставка *нео-* / *нео-* латинского происхождения, которая при добавлении к существительным образует слова со значением «новый, современный»: *нео/логизм* – *neo/logism*.

Случаи сложения представлены сложением слов, при котором образуется составное слово с написанием через дефис: *слово-паразит*, и сложением корней, в результате которого появляется сложное слово: *тавт/о/лог/и/я*.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что русские термины дисциплины «культура речи» имеют относительно схожую этимологию с терминологическими единицами английского языка, однако видны явные морфологические различия. Среди всех перечисленных особенностей стоит отметить преимущество заимствованных корней и аффиксов над исконными в терминологических системах обоих языков и, как следствие, совпадение терминов своими общими корнями, факт образования односложных терминологических лексем обоих языков преимущественно при помощи семантического и аффиксального способа и выявление преобладания односложных терминов в английском языке при частом использовании терминологических сочетаний в русском языке. Бесспорно, вопросы терминологии культуры речи должны быть в дальнейшем изучены в большем объеме.

Литература

1. Аннушкин В.И. Культура речи и риторика в составе речеведческих дисциплин и современной речевой практике // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 1(2). С. 14-25.
2. Аннушкин В.И. О национально-культурном своеобразии русских филологических дисциплин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2018. – Т. 16. – № 1. – С. 27-49.
3. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань, 2010. – 486 с.
4. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – Санкт-Петербург, 1999. – 247 с.
5. Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. Л.К. Граудиной, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. – Москва, 2000. – 560 с.
6. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – Москва, 2007. – 840 с.
7. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд-е 5-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 256 с.
8. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. – Москва, 1982. – 149 с.
9. Скворцов Л.И. Культура русской речи: Словарь-справочник: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — Москва, 2010. – 224 с.
10. Сложеникина Ю.В. Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина. – Москва, 2016. – 120 с.
11. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты/ под ред. А.П. Сковородникова. – 3-е изд., стереотип. – Москва, 2011. – 480 с.
12. Strevens P. What is Standard English? // RELC Journal. – Singapore, 1981. – P. 1-9.

Fadeeva S.S.

Pushkin State Russian Language Institute

«Speech Culture» terms and their English equivalents: etymological and morphological features

Terminological systems of scholarly disciplines that have no analogues in other academic practices, such as "speech culture", are subject to special consideration. The paper identifies and analyzes etymological and morphological features of a number of Russian terms of the discipline and their possible English counterparts. There is a similarity in the borrowed roots and affixes and affixation as the predominant term formation. The study also found correspondences of different root, absence of English analogues, and prevalence of monosyllabic English terms and Russian term-combinations.

Keywords: etymology, morphology, speech culture, term, borrowing, affixation.

Фам Хонг Ньонг

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
hongnhung120596@gmail.com

Трудности в усвоении русских фразеологизмов вьетнамскими учащимися

Работа выполнена под руководством кандидата филологических наук, доцента
Шиманюк Елены Геннадьевны.

Данное исследование посвящено систематизации некоторых трудностей овладения русскими фразеологизмами в процессе изучения русского языка как иностранного вьетнамскими учащимися. Усвоение иностранными студентами фразеологизмов поможет им понять специфику образного структурирования картины мира, расширить словарный запас, улучшить свой уровень овладения русским языком. Результаты работы могут быть полезны для методики преподавания русского языка как иностранного, в частности, для создания системы работы по введению в речь учащихся фразеологических единиц русского языка.

Ключевые слова: фразеологические единицы, фразеологизм; вьетнамская аудитория, русский язык как иностранный; лингводидактика.

Фразеология представляет собой сокровищницу языка, которая содержит национальные обычаи, исторические предания, традиции, ценности, значимые для определенной лингвокультуры, поэтому иностранным студентам невозможно ее не изучать. В последнее время в методике обучения русскому языку в иностранной аудитории, в частности во вьетнамской, подчеркивается необходимость применения фразеологизмов в содержании учебного процесса, поскольку фразеологические единицы (*далее* – ФЕ) считаются основными единицами языка, его «строительным материалом», и обеспечивают его коммуникативное средство.

Стоит отметить, что обучение фразеологии в иноязычной аудитории представляется весьма сложным делом. Главная задача преподавателя – научить студентов правильно употреблять фразеологические единицы в речи. Цель данной работы заключается в выявлении некоторых трудностей понимания и употребления вьетнамскими студентами фразеологизмов в процессе овладения русским языком как иностранным (*далее* – РКИ).

Фразеологическая система языка отражает особенности мировосприятия носителей языка, обусловленные национальной культурой. Знание фразеологизмов

считается важным условием углубленного освоения русского стиля. Также можно сказать, что ФЕ считаются наиболее сложными для иностранцев в процессе обучения нового языка. Усвоение семантики фразеологических единиц и их ситуации употребления придает речи образность, эмоциональность и помогает осмыслению важных речевых механизмов изобразительности, экспрессивно-выразительных средств в языке. Это постепенный, длительный процесс, поэтому сегодня проблема преподавания фразеологии и процесс формирования и структурирования системы фразеологизмов, предъявляемых иностранным учащимся на уроках РКИ приобретает особую актуальность.

Фразеологические проблемы достаточно давно привлекают внимание исследователей на протяжении многих лет. Сложность природы фразеологии определяет многообразие толкований свойств фразеологических единиц. В своей работе И.И. Чернышева определяет фразеологизмы как «устойчивые воспроизводимые раздельнооформленные сочетания слов различных структурных типов с единичной сочетаемостью компонентов, значение которых возникает в результате семантического преобразования компонентного состава» [4, с. 29].

Рассматривая основные черты фразеологических единиц, М.И. Фомина отмечает: «Фразеологизм – основная единица современной фразеологической системы, единица сложная, многоаспектная, трудно выделяемая из общего числа слов, а тем более словосочетаний, и поэтому трудно определяемая» [3, с. 24].

В процессе обучения РКИ надо выбирать фразеологические единицы, с одной стороны, включающие лексику, необходимую для запоминания на разных уровнях владения русским языком, а с другой стороны, частые и общеупотребительные, которые студент мог бы использовать в повседневной жизни. Таким образом, фразеологические единицы могут быть чрезвычайно полезным материалом для закрепления навыков чтения и разговорной речи. Культурологические комментарии и история возникновения фразеологических единиц знакомят учащихся с национальными особенностями, служат хорошим иллюстративным материалом для представления страны и ее культуры, дают представление о стандартах.

Отметим, что в русском языке фразеология является четкой системой, которая обладает автономностью, поскольку фразеологические единицы отличаются от отдельных слов и от свободных словосочетаний. В образовательном процессе включение фразеологических единиц с контекстуальной точностью играет важную

роль. Если говорить о сложностях, возникающих при усвоении русской фразеологических систем во вьетнамской аудитории, следует отметить следующее.

Первую трудность для вьетнамских студентов составляет национальная специфика русских фразеологизмов. Каждый народ видит мир через призму своего языка и отражает его в национально-специфических образах. По мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, «фразеологизмы отражают русскую национальную культуру своими прототипами, поскольку генетически свободные словосочетания описывали определенные обычаи, традиции, подробности быта и культуры, исторические события и многое другое» [1, с.179]. Например, желтый цвет в русской народной культуре ассоциируется прежде всего с негативными характеристиками: в славянских поверьях появление желтого пятна на руке предвещает смерть.

Обратившись к вьетнамской культуре, мы увидим совершенно противоположную ситуацию. Для вьетнамцев этот цвет символизирует ценность, драгоценность, искренность в душе. Это также цвет денег. Например, *lá ngọc cành vàng* – ‘жемчужные листья, желтые ветки’. Желтый является цветом золота. Раньше жемчуг и золото использовались только королевскими членами семьи. При этом в поговорке говорится о принце и принцессе. В настоящее время поговорка описывает людей, которые родились и выросли в богатых семьях.

Проблемы понимания фразеологизмов в культурах разных народов становятся важными в процессе межкультурной коммуникации, т. е. для понимания значения фразеологизмов требуется понимание их национально-культурной специфики. При введении русских фразеологизмов во вьетнамскую аудиторию необходимо учитывать отличия языкового строя и культуры двух народов. Вьетнамская фразеология как отражение вьетнамской культуры основывается на даосизме, буддизме, объединивших культы семейных и родовых предков, предков монарха, национальных героев и природных сил. Главным источником большинства русских фразеологизмов являются славянские верования и языческие обряды, мифология и Библия, христианство, народные традиции и быт, история, фольклор и художественная литература русского народа. Например: *пропал/погиб как швед под Полтавой* (‘полный, тотальный разгром без надежды на спасение’); *вот тебе, бабушка, и Юрьев день!* (‘сожаление о несбывшихся надеждах’) и т. д. Эти фразеологические единицы связаны с русскими историческими событиями. *А каша заварилась* (‘об усугубившемся неприятном деле’);

в Тулу со своим самоваром не ездят ('не имеет смысла начинать делать то, что другие уже делают давно и хорошо') отражают традиции и приметы русского народа.

Следующая трудность усвоения фразеологизмов представляет собой лексические особенности русского языка. Одной из специфических особенностей русских фразеологических единиц является ограниченная лексическая сочетаемость. Это вызывает трудности при включении в речь ФЕ. Например, в выражении *разрешите поднять тост за нашего юбиляра* слово *тост* – 'торжественная застольная речь'. Правильно – *произнести тост, провозгласить тост*.

Сложности для вьетнамских учащихся возникают, когда в отдельных ФЕ встречаются такие элементы, как архаизмы, историзмы, не употребляющиеся в современном русском языке (например: *притча во языцех; вверх тормашками*), имена собственные (*Христос с тобой; как на Маланыну свадьбу*), смешение компонентов двух близких по значению или по форме фразеологизмов. Так, очень распространенной ошибкой вьетнамских студентов является замена близких по значению членов ФЕ в устойчивых сочетаниях: *язык не поднимается говорить об этом* (в данном случае произошло смешение компонентов двух фразеологизмов: *рука не поднимается; язык не поворачивается*).

Иностранные учащиеся, желая понять смысл фразеологизма, часто воспринимает его буквально, выводя значение из отдельного слова в составе, потом пытаются собрать единое целое значение. В связи с этим в употреблении таких фразеологизмов вьетнамские учащиеся допускают большое количество ошибок. Например, выражение *стреляный воробей* говорят о человеке с большим жизненным опытом, которого трудно провести, обмануть. Однако вьетнамские студенты воспринимают выражение буквально: кто-то стрелял в воробья.

Чтобы правильно и уместно употреблять ФЕ, учащиеся должны усвоить не только их значение, но и владеть грамматическими нормами связи с другими словами. Во вьетнамской аудитории возникают грамматические трудности, которые приводят к большому количеству ошибок, обусловленных грамматической спецификой употребления фразеологических единиц в русских речи.

Как известно, во вьетнамском языке отсутствуют грамматические категории вида, рода, времена глагола, поэтому вьетнамским учащимся трудно усваивать данные категории. Отметим, что часть русских ФЕ имеет только один вид глагола: или совершенный (*махнуть рукой; сложа руки; положить конец; нарушить слово* и др.), или несовершенный вид (*бить ключом; ждать у моря погоды; купаться в золоте*;

ловить рыбку в мутной воде и др.). Следовательно, когда не ясно, какую форму вида глагола необходимо использовать, учащиеся допускают ошибки типа: *мой товарищ нарушал слово; она махала рукой на работу*.

Отношение и связи фразеологизма со словами в речи обуславливаются не только возможностью его лексической сочетаемости, но и законами его грамматической сочетаемости со словами. Так, фразеологизм *из года в год* употребляется с глаголами несовершенного вида; а *рано или поздно* и др. – с глаголами совершенного вида. Такие ограничения вызывают такие ошибки, как: *рано или поздно я решал эту задачу*.

Во вьетнамском предложении фиксированный порядок слов, подходящий под схему «подлежащее – сказуемое – дополнение», или «субъект-глагол-объект», то есть невозможно перемешать место глагола и объекта. В русском языке порядок слов не так фиксирован, но не всегда свободен, особенно в ситуации ФЕ. Под влиянием родного языка и представления о свободном порядке слов в русском языке, в речи вьетнамских студентов появляются ошибки, нарушающие форму фразеологизмов. Например, *он в таких делах съел собаку*, а правильно – *собаку съел*.

Таким образом, изучение фразеологии является неотъемлемой частью процесса усвоения иностранными учащимися языка в целом. Обучение иностранных студентов фразеологизмам, безусловно, поможет им понять специфику образного структурирования картины мира, расширит словарный запас, улучшит уровень овладения русским языком. «Вся работа по обучению русской фразеологии должна строиться на основе учета тех трудностей, которые вызывают усвоение фразеологической единицы», – подчеркивает А.А. Садыгова [2, с. 170]. Систематизация трудностей в употреблении фразеологических единиц позволяет предупредить прогнозируемые ошибки и устранить негативное влияние родного языка и культуры учащихся.

Литература

1. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Под редакцией и с послесловием академика Ю.С. Степанова. – Москва : Индрик, 2005. – 1040 с.

2. Садыгова А.А. Русская фразеология на уроках РКИ // Языки. Культуры. Перевод. – 2016. – № 1. – С. 166-172.
3. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. – Москва : Высшая школа, 2001. – 415 с.
4. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. – Москва : Высшая школа, 1970. – 199 с.

Pham Hong Nhung

Pushkin State Russian Language Institute

Difficulties in mastering Russian phraseological units by Vietnamese students

The article is devoted to the systematization of some difficulties in mastering Russian phraseological units in the process of learning Russian as a foreign language by Vietnamese students. The assimilation of phraseological units by foreign students will certainly help them understand the specifics of figurative structuring of the worldview, expand their vocabulary, and improve their level of mastery of the Russian language. The results of the work can be useful for the methodology of teaching Russian as a foreign language, in particular, for creating a system of work on introducing phraseological units of the Russian language into students' speech.

Keywords: phraseological units, phraseology; Vietnamese audience, Russian as a foreign language; linguodidactics.

Фанова Ирина Сергеевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
fanova.raven@mail.ru

Черты романтизма в балладе М.Ю. Лермонтова «Воздушный корабль (Из Зейдлица)»

Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры мировой литературы Леонова Ивана Сергеевича.

Баллада рассматривается в контексте философских и эстетических постулатов романтизма. Основное внимание в процессе анализа уделяется идейно-тематическому содержанию, мифопоэтическим образам воздушного корабля и Наполеона, особенностям хронотопа.

Ключевые слова: баллада, М.Ю. Лермонтов, миф, образ, поэтика, романтизм.

Баллада Михаила Юрьевича Лермонтова «Воздушный корабль (Из Зейдлица)» (далее – «В. к.») была впервые издана в 1840-м году. Данное произведение рекомендовано к изучению школьникам средних классов [10], а различные сайты литературоведческой, просветительской и развлекательной направленностей предлагают свои версии анализа баллады [1-3, 8, 9]. Однако при близком рассмотрении становится понятно, что вышеупомянутые разборы в большинстве своем прибегают к пересказу, анализу исторического контекста или психологического состояния автора, в то время как собственно литературоведческий анализ сводится к минимуму. Е.М. Пульхритудова в своей статье для «Лермонтовской энциклопедии» [4]

рассматривает «В. к.» в сопоставлении с другими произведениями так называемого наполеоновского цикла М.Ю. Лермонтова. Таким образом, на данный момент в открытом доступе не существует анализа «В. к.», концентрирующегося непосредственно на аспектах художественной структуры этого произведения.

Данная статья ставит своей целью проанализировать балладу «В. к.» и рассмотреть ее на предмет принадлежности к такому литературному направлению, как романтизм. Для этого обратимся к анализу поэтики произведения, его образно-тематической и идейной структуры.

Стоит начать с того, что романтизм – единое, но далеко не однородное явление, варьирующиеся в зависимости от временного периода, культурно-исторических реалий, стилистики конкретного автора. Поэтому мы будем апеллировать к тем общепризнанным категориям и концептам романтизма, которые уместны в отношении данного произведения.

Жанр «В. к.», как уже было упомянуто, – баллада. Это традиционный для романтиков жанр, позволяющий обратиться к историческим или мифологическим сюжетам. При этом история осмысливается романтиками не как действительность, а как историческое и поэтическое предание, как сказка, имеющая субстанциональное значение [5, с. 25-26]. Миф и вовсе понимается как высшая форма художественного сознания. В анализируемом тексте миф становится главным образом, главным героем и главным сюжетообразующим элементом.

Рассмотрим центральный образ баллады – воздушный корабль. Корабль как мифопоэтический образ появляется еще в античности. С одной стороны, судно выступает как средство перемещения из мира живых в мир мертвых (пример: ладья Харона). С другой стороны, «Аргонавтика» А. Родосского и «Одиссея» Гомера приносят в образ корабля символику безнадежного стремления к возвращению на родину, при этом судно несокруσιμο, а его проклятие выступает как элемент наказания героев за их гордыню, противостояние року. В эпоху романтизма трансформировавшийся образ снова набирает популярность и встречается в западноевропейской литературе под разными названиями: «корабль-призрак», «корабль призраков», «Летучий голландец» и т. д. [6]. Интересно то, что у М.Ю. Лермонтова «корабль волшебный» выполняет сразу две эти мифические функции – герой пересекает границу потустороннего мира и оказывается на родине, хоть и выясняется, что перемещения в пространстве недостаточно для возвращения к желаемому месту – чуть позже мы рассмотрим, почему.

Так или иначе, в балладе присутствует еще один мифический образ – образ главного героя. Известно, что фигура Наполеона вызвала живой интерес у писателей девятнадцатого века. Его образ стремительно обрастал легендами, его гибель приобретала мистическое значение, в то время как сам Наполеон стал практически хрестоматийным героем для байронизма. Поздние романтики рассматривали его как пример исключительной личности, пример реализованных человеческих или даже сверхчеловеческих возможностей. Однако нам кажется, что было бы неверным предполагать, будто исключительно сила и яркость, приписываемые личности императора, послужили мотивом выбора такого прототипа главного героя. Если рассматривать персонажа в соотношении с окружающим его пространством, становится очевидно, что он обладает одной из самых заметных романтических черт – он одинок. Скупые на детали пейзажные картины поражают своей широтой и вместе с тем пустотой. Мотив одиночества прослеживается во всей образной системе баллады: одинокий корабль в огромном океане, одинокий остров, одинокая могила, одинокий тихий берег Франции, на котором не обнаруживается ничего, кроме песка. Такое восприятие природы, отождествление ее состояния с состоянием героя, характерно для романтических произведений Лермонтова [5, с. 168]. Евгений Александрович Маймин также отмечал, что в романтическом герое реализована «мечта, не желающая смириться с бездуховной и бесчеловечной прозой жизни» [5, с.24]. Неоспоримо то, что именно надежда, мечтательное ожидание заставляет героя совершать свое паломничество, но свершения трагической реальности глухи к его воззваниям. С этой точки зрения становится очевиден весь масштаб одиночества лермонтовского Наполеона, трагизм этого одиночества: нет ни одного человека, стремящегося осуществить мечту об идеальной Франции так, как представляет себе это герой. Нет ни бывших «соратников», ни будущих продолжателей («наследника»), то есть нет никого, кто мы бы понять и разделить чаяния центрального персонажа, встать в один ряд с ним. Здесь и проявляют себя основные романтические конфликты – конфликт мечты и действительности, индивидуальности и толпы.

Интересно и то, как вступают в противоборство два романтических представления о мире, окружающем героя. Одна из концепций гласит, что сильную, широкую личность непременно должен интересовать макромир [5, с. 170]. Но герой «В. к.» готов поступиться половиной мира в пользу Франции. Здесь обнаруживается переключка с оппозициями, возникшими еще в предромантизме, где в системе ценностей родной «домик» преобладал над «дворцом» [7, с. 19-22].

Другой вопрос, который требует освещения – авторское отношение к изображаемому герою. Разборы произведения, упомянутые нами ранее [1-3, 8, 9], характеризуют отношение Михаила Юрьевича к Наполеону как сопереживание, жалость или вовсе возвеличивание образа врага России в отместку властям. Такой подход, разумеется, вызван неразличением мира реальной и литературной действительности, мифологизированной романтиками. Тем не менее, если мы захотим раз и навсегда разобраться, злодея или героя представляет собой лермонтовский Наполеон, то столкнемся с еще одной чертой романтизма: недифференцированностью моральной оценки [7, с. 287]. В сфере возвышенного и трагического для романтиков стираются грани между положительным и отрицательным [5, с. 175].

Наконец, рассмотрим, как особенности хронотопа помогают автору раскрыть идейное содержание баллады и отражают романтическую концепцию двоемирия. Романтический хронотоп тесно связан с представлениями о переходе в другой мир. Так, все действие «В. к.» происходит в «пограничное» время: корабль появляется «лишь звезды блеснут в небесах», то есть поздним вечером, после заката, самое мистическое событие – появление императора из гроба – происходит в полночь, «озарение востока», то есть восход солнца, знаменует необходимость покинуть берег. Помимо прочего, нас интересует здесь следующее противопоставление, или, вернее сказать, динамика: «утренняя заря — „зная будущего“ (Жан Поль Рихтер), вечерняя — прошлого» [7, с. 27]. В контексте романтизма обращение в будущее связывается с неизвестностью, с тревогой и волнением [7, с. 26-27], в то время как обращение в поэтическую даль прошлого вызывает приятные ассоциации. Так, движение от заката к рассвету можно интерпретировать как смену приятных, но иллюзорных воспоминаний о «милой» Франции столкновением с реальностью и через него невозможностью помыслить себя и свои мечтания в будущем, вследствие чего герой возвращается назад, совершает вынужденное бегство с наступлением дня – времени властвования живых, времени, не подходящего для необычайных событий и людей. Пространство баллады так же связано с понятием «пограничного». Сплетаясь воедино с образом воздушного корабля в роли ладьи Харона, океан и берег становятся знаковыми точками деления поэтической действительности на разные миры. Романтическое двоемирие проявляет себя в разных, но взаимообусловленных ипостасях. Прежде всего, происходит деление на физический и духовный мир. Материальный мир полон преград к движению («скалы», «тайные мели», «бури», «камень тяжелый» – несомненно, все эти конкретные объекты могут быть истолкованы метафорически), а мир духовный, игнорируя любые

преграды, стремится к своей цели (воздушный корабль не может быть сокрушен внешними факторами, а император без малейших затруднений является из гроба). Такое противопоставление постулирует свободу мысли – одну из основных романтических ценностей [5, с. 169-170]. Граница мира обычного и потустороннего обозначается с помощью уже не раз упомянутой «пограничной» символики. В свою очередь, идея двоемирия как ухода в иное время реализуется через обращенность героя в утраченное прошлое.

В заключение нашей статьи, нельзя не отметить, что баллада «Воздушный корабль» бесспорно несет в себе поэтическую и эстетическую ценность и обладает большим потенциалом для дальнейшего изучения в рамках литературоведения и других смежных дисциплин.

Литература

1. Анализ стихотворения «Воздушный корабль» Лермонтова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://portalonline.ru/literatura/9123-analiz-stihotvoreniya-vozdushnyj-korabl-lermontova.html> (дата обращения 25.02.2023).
2. Анализ стихотворения Лермонтова Воздушный корабль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ostihe.ru/analiz-stihotvoreniya/lermontova/vozdushnyj-korabl> (дата обращения 25.02.2023).
3. «Воздушный корабль» Лермонтова: Наполеон как немеркнущий миф [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fb.ru/article/303160/vozdushnyi-korabl-lermontova-napoleon-kak-nemerknuschiy-mif> (дата обращения 25.02.2023).
4. Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва "Сов. Энцикл."; Гл. ред. Мануйлов В.А., Редкол.: Андроников И.Л., Базанов В.Г., Бушмин А.С., Вацуро В.Э., Жданов В.В., Храпченко М.Б. – Москва : Сов. Энцикл., 1981. — 746 с.
5. Маймин Е.А. О русском романтизме; Русская философская поэзия; Лев Толстой. Путь писателя; Воспоминания; Переписка / Е.А. Маймин; под ред. Н.Л. Вершининой и Е.Е. Дмитриевой-Майминой; подготовка текста писем и комментарии Е.Е. Дмитриевой-Майминой. – Псков, 2015 – 904 с.
6. Макарова И.С. Эволюция образа корабля в античной литературе (на материале «Аргонавтики» А. Родосского и «Одиссеи» Гомера) // Вестник КемГУ. – 2014. – №1 (57) Т.1. – С. 133-137. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-obraza-korablya-v-antichnoy-literature->

na-materiale-argonavtiki-a-rodosskogo-i-odissei-gomera/viewer (дата обращения 25.02.2023).

7. Манн Ю.В. Поэтика русского романтизма. – Москва : Наука, 1976. – 375 с.
8. Михаил Лермонтов – Воздушный корабль (+ Анализ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moreulybok.ru/klassika/lermontov-mihail-yurevich/vozdushnyj-korabl.html> (дата обращения 25.02.2023).
9. Михаил Лермонтов – Воздушный корабль: Стих [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rustih.ru/mikhail-lermontov-vozdushnyj-korabl/> (дата обращения 25.02.2023).
10. Школьная программа по русской литературе 1-11 классы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rvb.ru/prog/ruslit-shkola.html> (дата обращения 25.02.2023).

Fanova I.S.

Pushkin State Russian Language Institute

Features of romanticism in M.Y. Lermontov's ballad «Airship (From Seydlitz)»

The ballad is considered in the context of the philosophical and aesthetic postulates of Romanticism. The main attention in the process of analysis is paid to the ideological and thematic content, mythopoetic images of the airship and Napoleon, the features of the chronotope.

Keywords: ballad, M.Y. Lermontov, myth, image, poetics, romanticism.

Флейто София Сергеевна

Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина
sofiya.klimovich.2000@mail.ru

Специфика перевода фильмонимов с испанского языка на русский

Работа выполнена под руководством кандидата филологических наук, доцента
Никитиной Надежды Евгеньевны.

Статья посвящена вопросам перевода названий фильмов с испанского языка на русский, важности грамотного перевода, а также возникающим трудностям. Автор анализирует различные варианты переводов названий фильмов с испанского языка на русский и выявляет самые распространенные способы перевода фильмонимов. Автор приходит к выводу, что при переводе фильмонимов необходимо учитывать ряд факторов, в том числе содержание фильма и лингвокультурные особенности.

Ключевые слова: фильмоним, заглавие, перевод, способ перевода.

В современном мире одной из самых популярных отраслей культуры является кинематограф. Нельзя отрицать, что с каждым годом всё больше людей обращается к фильмам других языковых культур. Более всего, популяризируется англоязычный кинематограф, однако в последнее время всё чаще стали просматриваться фильмы и сериалы на многих других языках, в том числе на испанском.

Знакомство с любой кинолентой начинается с ее названия. Оно формирует первое впечатление о фильме, поскольку является своеобразной визитной карточкой. Несмотря на популярность иностранных фильмов, пока не существует четкой системы перевода фильмонимов на другой язык, что приводит к неточностям и ошибкам в процессе перевода.

Фильмоним – разряд имен собственных, обозначающих названия кинолент [1, с. 114]. Ю. Н. Подымова определяет фильмоним как высказывание, репрезентирующее ситуацию, смоделированную фильмом, ее закодированный образ [3, с. 125].

Многие исследователи приходят к выводу, что фильмоним схож с заголовком художественного текста. Заглавие и фильмоним объединяет наличие внешнего и внутреннего контекста.

Цель перевода – установить отношения эквивалентности между входными и выходными текстами, то есть удостовериться, что оба текста несут в себе один и тот же смысл, при этом обращая внимание на ряд других факторов. К таким факторам относят правила языков, стилистические особенности, контекст и др. [5, с. 24].

Пожалуй, основной фактор, без которого не обойдется ни один перевод, – опора на культурные, языковые и исторические особенности конкретной страны, т. е. для оптимального результата переводчику необходимо хорошо в этом разбираться. Кроме того, профессиональный переводчик должен владеть стратегиями перевода и лексическими трансформациями [4, с. 131].

На успех фильма в международном прокате влияет и то, «сколь удачным и корректным оказывается его перевод на языки стран, в которых будет реализован прокат картины в дальнейшем» [2, с. 140].

В ходе исследования был собран корпус из 120 пар испаноязычных фильмонимов и их переводов на русский язык. Из всего корпуса достаточно небольшая часть фильмонимов переводится при помощи прямого перевода (32 фильмонима, что составило 26,7%). Такой результат указывает на нерегулярность использования этого вида перевода с испанского языка на русский. Примерами могут послужить следующие фильмонимы: *El cuerpo* – *Тело*; *Lo imposible* – *Невозможное*; *Palmeras en la nieve* – *Пальмы в снегу*; *Paraíso* – *Рай*; *Hasta que la boda nos separe* – *Пока свадьба не разлучит нас*; *Vivir dos veces* – *Жить дважды*; *El ministerio del tiempo* – *Министерство времени*; *El mejor verano de mi vida* – *Лучшее лето в моей жизни* и др. Выбор способа прямого перевода объясняется определенной универсальностью испаноязычных фильмонимов,

которые не несут в себе специфической культурной и другой информации, а потому не нуждаются в трансформации с целью получения адекватного перевода.

Примеров перевода при помощи приемов транслитерации и транскрипции в отдельности не встретилось, в корпусе есть 4 фильмонима, в которых оба эти приема проявляются одновременно. Эти приемы нашли отражение в 12,5% названий кинофильмов: *Isabel* – *Изабель*; *Kubala, Moreno i Manchon* – *Кубала, Морено и Манчон* и др. Таким способом переводятся антропонимы и топонимы. Прием калькирования в отобранном материале не встретился.

По ряду причин переводчикам приходится пренебрегать базовыми принципами перевода. Одна из таких причин – использование в оригинальном названии безэквивалентной лексики (непереводимых социальных, культурных и др. явлений).

Другая причина – неблагозвучность прямого перевода исходного фильмонима, а также его нежизнеспособность в условиях другой культуры. Когда оригинал состоит из одного слова, при переводе он, возможно, не даст потенциальной аудитории даже минимального представления о киноленте, что грозит низкими кассовыми сборами.

Также случаются совпадения, когда переведенный фильмоним оказывается схож по смыслу или звучанию с другим названием фильма.

Еще одной причиной непрямого перевода фильмонима является возвращение к оригиналу. Такой метод используется, когда фильм основан на книгах, комиксах, биографиях и т. п.

Непрямой перевод был использован при работе с 88 названиями, что составило 73,3% от собранного материала.

Из них при помощи способа трансформации было переведено 41 название. Такой способ перевода обусловлен необходимостью частично адаптировать фильмонимы для лучшего звучания, что с большей вероятностью вызовет интерес у потенциальной аудитории.

Рассмотрим пару фильмонимов *Hogar* – *Утраченный дом*. Дословно *hogar* переводится как ‘дом’. В целом, название фильма можно было переводить и дословно, но оно не несет совершенно никакой информации, кроме той, что главным объектом и двигателем сюжета станет дом. Подобное название не вызывает особого интереса. Поэтому переводчики добавили к нему слово *утраченный*, поскольку по сюжету главный герой находится в тяжелом финансовом положении и постепенно продает имущество, а последним, что он продал, был дом. В него уже въехали новые жильцы, но главного героя это не устраивает, и он становится одержим желанием все вернуть.

Таким образом, добавление одного слова дает возможность сузить круг жанров, узнать немного больше о сюжете фильма, а также вызывает большую заинтересованность потенциального зрителя.

Следующий способ перевода – функциональный (13 фильмонимов, 14,77%). Для реализации этого способа используются 3 приема: эквивалентный перевод, функциональный аналог и описательный перевод. Например, *El doble mas quince* – букв. ‘Вдвое больше пятнадцати’ – *На тридцать лет старше*; *No dormiras* – букв. ‘Не спать’ – *Инсомния*; *Tarde para la ira* – букв. ‘Поздно для гнева’ – *Терпеливый* и др.

Последний способ – полная лексико-семантическая замена. В эту категорию попадают названия с непереводаемыми грамматическими конструкциями, аллитерацией или игрой слов. К этому способу перевода относят 3 приема: конкретизацию, генерализацию и модуляцию.

Для примера рассмотрим фильмоним *Contratiempo*. Буквальный перевод – ‘неудача’. Несмотря на это, была осуществлена полная лексико-семантическая замена, и фильм в русском прокате называется «Невидимый гость». Такой ход помогает зрителю с большей вероятностью правильно определить жанр этого фильма (детектив), что впоследствии привлечет больше любителей детективов. Важно отметить, что при переводе произошла замена единичного слова словосочетанием. По сюжету возлюбленную главного героя убивают, а в ходе расследования выясняется, что в номер отеля никто не мог войти или выйти, так как все двери и окна заперты изнутри. Появляется вопрос: есть ли убийца вообще, а если есть, как ему удалось сделать все настолько незаметно? Именно перевод смог передать суть этой картины, заинтриговать несопоставимыми понятиями (гость не может быть невидимым). Таким образом, полная лексико-семантическая замена была необходима для перевода названия этого фильма, иначе он не получил бы такой популярности среди киноманов.

А фильм *La Gallina Turuleca* с буквальным переводом ‘турулекская курица’ вышел в прокат под названием «Ко-ко-ко!». Достаточно необычное решение для названия, в котором словосочетание превратилось в звукоподражание. Чтобы понять замысел переводчика, необходимо учесть целевую аудиторию и жанр фильма (детский мультфильм). Очевидно, такой перевод используется для привлечения внимания детей.

В результате исследования было выявлено, что способ прямого перевода используется гораздо реже (в 3,75 раза), нежели способ прямого перевода. Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод, что непрямой перевод используется при культурных, социальных различиях, особенно если фильмоним не дает

потенциальному зрителю никакой информации о жанре, сюжете и основной идее фильма или не имеет соответствий с лексическим и синтаксическим строем языка перевода.

Итак, для создания успешного и качественного перевода фильмонима, который должен выполнять определенные функции, необходимо учитывать содержание фильма, его основную идею, культурные особенности взаимодействующих языков и многие другие факторы.

Литература

1. Александрова О.И. Стратегия перевода современных англоязычных фильмонимов на русский и испанский языки // Вестник РУДН. Сер. «Теория языка. Семиотика. Семантика», 2016. – Вып. 2. – С. 113-122.
2. Воронцова И.И. Тенденции перевода фильмонимов в контексте современного российского кинематографического рынка // Новый филологический вестник. – 2015. – Вып. 3. – С. 139-149.
3. Подымова Ю.Н. Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах : дисс. ... канд. филол. наук – 10.02.01. – Майкоп, 2006. – 205 с.
4. Рылова В.В., Басыров Ш.Р. Основные переводческие стратегии при передаче фильмонимов // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Материалы Междунар. науч. конф. студентов и молодых ученых (Донецк, 17–20 окт. 2017 г.). – Т. 4: Филологические науки. Ч. 1: Иностранная филология / под общ. ред. проф. С.В. Беспаловой. – Донецк : ДонНУ, 2017. – С. 131-132.
5. Середа Е. Стратегии адаптации при переводе фильмонимов с английского языка на русский // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. – 2018. – № 4 (64). – С. 24-33.

Fleita S.S.

Brest State A.S. Pushkin University

The specifics of translating filmonyms from Spanish into Russian

The article is devoted to the issues of translating film titles from Spanish into Russian, the importance of competent translation, as well as emerging difficulties. The author analyzes various versions of translations of film titles from Spanish into Russian and identifies the most common ways of translating film names. The author comes to the conclusion that when translating film names, it is necessary to take into account a number of factors, including the content of the film and linguistic and cultural features.

Keywords: filmonym, title, translation, translation method.

Ходыка Артем Иванович

Донской Государственный Технический Университет

artyom.khodyka@gmail.com

Оценка и результаты применения нейролингвистического подхода в обучении иностранному языку

Работа выполнена под руководством кандидата филологических наук, доцента
Каменево́й Елены Александровны.

Нейролингвистический метод (НЛМ) является одним из новейших методов обучения иностранному языку. Его успех в преподавании французского как второго языка можно применить к преподаванию других языков в академическом контексте.

Целью данной статьи является изучение результатов использования нейролингвистического подхода к обучению иностранным языкам в высших учебных заведениях с целью дальнейшего изучения и академического применения данного метода.

Ключевые слова: нейролингвистика, нейролингвистический метод, обучение иностранным языкам, билингвизм, педагогика.

Нейролингвистический метод (НЛМ) преподавания иностранных языков является новым педагогическим подходом, созданным и представленным Дж. Неттен и К. Жерменом. Данный метод основывается на принципах нейронауки и развития коммуникативных навыков обучающихся.

Эмпирическое исследование, проведенное в языковой школе Университета Квебека в Монреале, рассмотрело обучение французского языка как иностранного на группе из 20 студентов разных национальностей, обучающихся в школе менеджмента на базе университета. Цель исследования заключалась в том, чтобы определить, действительно ли стратегии обучения, отстаиваемые в НЛМ, способствовали развитию беглости устного общения и улучшению коммуникативных способностей [3, с. 93]. Примечательно, что беглость и устное общение оценивались после четвертой недели занятий, то есть всего после 12 часов обучения. На этом этапе курса преподаватель еще не проводит никакой металингвистической деятельности на занятии.

Критерии оценки устной способности определялись по факторам точности и беглости языка. Факторы точности:

- выбор слов, адаптированных к намерению;
- речь соответствует контексту;
- связи между предложениями;
- правильное построение предложений;
- соглашение рода и числа;
- соглашение между подлежащим и глаголом;

- интонация, акцент и темп;

- произношение звуков;

Факторы беглости:

- количество (полных) предложений;

- сложность предложения (использование прилагательных, наречий, придаточных предложений);

- отсутствие длительных пауз, переформулировок и запинаний [1, с. 169].

Эти критерии были дополнены другими, в том числе функциональным прагматическим компонентом (адаптация сообщения к коммуникативному замыслу) и социокультурным прагматическим компонентом (например, использование *vous* или *tu*, чередование в общении). Каждый критерий оценивался по трехбалльной шкале:

1. неприобретенность;

2. приобретенность;

3. неполная или полная приобретенность [1, с. 169].

Изучению предшествовало предварительное тестирование, проведенное внешним оценщиком с использованием шкалы Oral Proficiency Interview (OPI) экзамена Intensive French (IF) в начале курса.

Шкала оценок идет от низшей оценки, 0 баллов (крайне провальные выступления или неявка), до высшей оценки, 19-20 баллов за выдающееся выступление (присуждается редко). 10 – проходной балл (10-11 – C, 12-14 – B, 15-16 – A, 17-20 – A+).

Результаты предварительного теста показывают заметную неоднородность уровней студентов. Тем не менее, по данным исследования, большинство учащихся попадают в диапазон «новичков» – **10** баллов в среднем, что означает, что они не могут свободно и спонтанно общаться [2].

В парных интервью пары студентов разного уровня должны были «представиться своему собеседнику, ответить на запросы последнего о личной информации (имя, страна происхождения, программа и курсы в университете, адрес и т. д.), задавать вопросы друг другу и т. д.» [2]. Не вдаваясь в подробности, отметим, что даже после всего лишь четырех недель занятий (12 аудиторных часов) устные высказывания студентов составляют в среднем двенадцать полных предложений, в том числе те, которые после предварительного теста были сочтены неоцениваемыми. Средний балл устной речи на данном этапе составлял **12.3**.

Следуя за методикой данного исследования, мы провели свой собственный анализ применения нейролингвистического метода на студентах вуза, изучающих

английский язык. В исследовании приняло участие 2 группы, изучающих английский язык – уровень A0 – 14 человек, и A1 – 17 человек. В данном исследовании мы использовали шкалу, описанную ранее. В первоначальном устном тестировании были выявлены следующие результаты:

- группа A0 имела средний балл устной речи **11.8**;
- группа A1 имела средний балл **13.2**;

В последующем тестировании спустя неделю, после проведения занятий (4 часа) с применением нейролингвистического метода:

- группа A0 имела средний балл устной речи **13.9 (+17%)**;
- группа A1 имела средний балл **14.8 (+12%)**;

Как мы можем увидеть, средний балл группы повысился в среднем на 15% за 4 проведенных занятия. Данные результаты показывают эффективность нейролингвистического метода лишь на краткосрочном временном интервале, однако мы предполагаем, что при длительном применении данного метода на аудиторных занятиях, результаты могут быть намного выше и, следовательно, значительно влиять на уровень владения иностранной речью студентами. Поскольку НЛМ основан на принципах нейробиологии и, следовательно, на универсальных особенностях функционирования головного мозга, он представляет собой многообещающий подход в изучении иностранных языков.

Основной целью данной статьи являлась изучение результатов исследования применения нейролингвистического подхода и рассмотрении возможности использовать методы нейронауки в изучении иностранного языка. Мы описали факторы оценки устной речи при изучении языка с помощью нейролингвистического подхода и критерии их оценивания. Также мы привели результаты непосредственно проведенных исследований, в которых использовался нейролингвистический подход преподавания иностранному языку. Данная статья является лишь попыткой анализа и систематизации результатов применения нейролингвистического метода, но на эти данные могут быть полезны преподавателям иностранных языков при планировании и проведении своих занятий в высших учебных заведениях.

Литература

1. Netten J. A New paradigm for the learning of a second or foreign language: the neurolinguistic approach. – 2012. – Vol. 10. № 2. – P. 85-114.

2. Germain C. The Neurolinguistic Approach (NLA) for Learning and Teaching Foreign Languages: Theory and Practice. – Newcastle upon Tyne, 2018. – 231 p.
3. Hamdani K. Aisance et habileté langagière dans les interactions orales en L2/LE: apport des stratégies d'enseignement de l'oral de l'Approche neurolinguistique. – Montreal, 2016.

Khodyka A.I.

Don State Technical University

Evaluation and outcomes of the neurolinguistic approach in foreign language teaching

The neurolinguistic approach (NLA) is a novel teaching method in foreign language education. Its success in teaching French as a secondary language can apply to teaching other languages in the academic context.

The purpose of this article is to study the outcomes of using the neurolinguistic approach for foreign language teaching in higher education institutions in order to further its research potential and academic application.

Keywords: neurolinguistics, neurolinguistic approach, foreign language teaching, bilingualism, pedagogy.

Хомякова Татьяна Дмитриевна

Российский Государственный
профессионально-педагогический университет
homyakovaTD@yandex.ru

Влияние художественной литературы на формирование кросс-культурной компетенции школьников-инофонов

Работа выполнена под руководством кандидата педагогических наук
Стуриковой Марины Владимировны.

В статье рассматривается формирование кросс-культурной компетенции у школьников-инофонов посредством современной сетевой литературы. В литературных произведениях так называемой «сетературы» представлены отсылки к современным реалиям, которые представляют интерес и для русскоязычных, и для иноязычных школьников и обеспечивают грамотное и продуманное формирование кросс-культурной компетенции в рамках современной коммуникации.

Ключевые слова: литература, инофоны, компетенции, кросс-культурная компетенция, сетература.

Освоение учениками таких дисциплин как «Русский язык» и «Литература» в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом подразумевает погружение в культуру России, поскольку представляет собой изучение «языка как знаковой системы, лежащей в основе человеческого общения, формирования российской гражданской, этнической и социальной идентичности, позволяющей понимать, быть понятым, выражать внутренний мир человека, в том числе при помощи альтернативных средств коммуникации, должно обеспечить: включение в культурно-языковое поле русской и общечеловеческой культуры, воспитание ценностного отношения к русскому языку как носителю культуры, как государственному языку Российской Федерации, языку межнационального общения

народов России ... приобщение к российскому литературному наследию и через него – к сокровищам отечественной и мировой культуры; формирование причастности к национальным свершениям, традициям и осознание исторической преемственности поколений» [7].

В соответствии с образовательным стандартом, освоение литературы предполагает опору на культуру как более широкую семиотическую систему, а для школьников-инофонов изучение русской литературы представляет собой погружение в кросс-культурную компетенцию. Для более тесного взаимодействия с русскоязычными одноклассниками и наличия тем для обсуждения во внешкольной среде обучающимся предлагается освоение современной литературы – так называемой сетературы.

Сетература (сетевая литература) является относительно новым и пока мало изученным явлением современной культуры. Сетература – понятие, предлагаемое некоторыми публицистами для обозначения совокупности литературных произведений, основной средой существования которых является Интернет.

Сетература в узком смысле этого слова – «произведения, которые не могут быть перенесены на бумагу, либо сильно обесцениваются при таком переносе» [6].

Очень часто в таких произведениях письменный текст сочетается с визуальными и звуковыми образами. Практически все исследователи выделяют ряд свойств, которые характеризуют сетературу как отдельный жанр: обязательное использование гипертекста, возможность авторского участия в создании произведения определенного круга лиц либо всех желающих, возможность автоматической обработки текста и использования компьютеров при составлении текста.

Основными признаками сетературного произведения являются следующие признаки:

- 1) активность читателя
- 2) принадлежность к «творчеству»;
- 3) применение гиперссылок;
- 4) возможность редактирования и изменения во времени;
- 5) мультимедийность;
- 6) количество авторов может быть любым;
- 7) открытость авторов;

При этом следует отметить, что «ни один из признаков не является достаточным, чтобы произведение, им обладающее, было отнесено к сетературе» [8].

Для этого необходимо, чтобы текст обладал, пусть и неполным, но определенным набором данных характеристик.

Тенденция развития современных технологий, интеграция их в человеческую жизнь во многом стимулирует совершенствование средств массовой информации. «Общеизвестным примером является наступление эры Гуттенберга в XV веке. Печатный станок в дальнейшем позволил подстроиться журналистам того времени под читательскую аудиторию и создавать более новые направления в данном ремесле. Поэтому освоение сетературы в рамках формирования кросс-культурной компетенции также важно и для понимания современного публицистического стиля и текстов средств массовой информации на русском языке» [3].

Кандидат филологических наук Андрей Александрович Рослый говорит о том, что в XX веке в определенном смысле вся литература стала сетевой, так как получила представительство в интернете: «С одной стороны, практически весь корпус художественных текстов, созданных как до появления сети Интернет, так и после, сегодня имеет свое «представительство» [9] в электронном виде. Это электронные библиотеки, каталоги, представленные в многочисленных устройствах и программах для чтения, и прочие технически совершенные каналы распространения информации. Можно ли это назвать «сетевой литературой», ведь, по сути, читателя не ждет ничего нового, кроме формы носителя? Нет. Как известно, художественное произведение – это, в первую очередь, диалог авторского и читательского сознаний, а не его материальное воплощение, которое может существовать и на бумаге, и на дисплее.

С другой же стороны, читатель «сетевой литературы» имеет дело с совокупностью художественных текстов, которые не только не представлены в «традиционном варианте», но даже не могут быть адекватно прочитаны вне дисплея, вне электронной среды, поскольку создавались с учетом новых, дарованных сетью Интернет, изобразительно-выразительных возможностей. Именно такая литература является собственно «сетевой» и заслуживает звания уникального социокультурного явления» [5].

Кажущаяся безграничность сетевой литературы в реальности также является ограниченной: так, например, отсутствие стабильного, фиксированного варианта текста приводит к стиранию границ между черновым и чистовым вариантом. В классической, «бумажной» литературе статус черновика как отвергнутого автором варианта был принят и понятен. Более того, автор имел возможность, как, например, Н.В. Гоголь, полностью уничтожить произведение, если был им недоволен. Особенность сетевого

текста – в принципиальной невозможности его уничтожения. Внимательный читатель сможет ознакомиться и с удаленным текстом, и с отвергнутыми вариантами текста. Это распространяется и на тексты масс-медиа: как правило, удаление текста на конкретном ресурсе приводит к обратному эффекту: его популярность у читателей существенно повышается, так как с ним связывается определенный скандал, стимулирующий ознакомиться с ним подробнее. Сеть позволяет при необходимости полностью вернуться в дискурсивную ситуацию создания текста. Если, к примеру, современный читатель не имеет возможности вернуться в ситуацию создания какого-либо произведения XIX века, понять, какие новости были актуальны в момент выступления автора с этим произведением, какие события обсуждались в обществе и пр., то в современной реальности буквально все происходящие события оставляют так называемый «цифровой след», что позволяет полностью восстановить условия создания текста. В сознании современного читателя события, которого нет в сети, практически не было, поэтому при необходимости обстановку создания и восприятия любого текста и высказывания можно воссоздать практически поминутно.

Сетевая литература – не всякий текст, помещенный в электронном виде в сети, а именно «уникальный способ бытования текста в эстетике постпостмодерна» [4, 10]. То, что было в постмодернизме вызовом и преодолением границ, в дискурсе сетевой литературы стало обыденностью.

Сетевая литература получила развитие с появлением и распространением интернета, и многих его пользователей наверняка интересует вопрос о перспективах ее дальнейшего выживания. Вероятнее всего, формат литературы с использованием возможностей сети будет существовать так же долго, как будет существовать и сама сеть. В то же время говорить об уничтожении традиционной формы литературы и воцарении бумажной – неправомерно, так как бумажная литература продолжает существовать и является достаточно популярной [1].

Современный урок литературы – это урок с применением информационно-коммуникационных технологий. С каждым годом мультимедийные уроки все больше и больше привлекают учителей. Использование информационно-коммуникационных технологий экономит время на уроке, наполняет урок новым содержанием, развивает творческий подход, любознательность обучающихся, формирует элементы информационной культуры, прививает навыки рациональной работы с компьютерными программами и позволяет учителю идти в ногу со временем.

Главной целью урока литературы является душа ребенка, проблемы нравственности, развитие творческой личности, а также подготовка ученика к языковой личности. Но на уроках литературы не стоит полностью переходить на использование информационно-коммуникационных технологий. Необходимо говорить с детьми, читать и обсуждать прочитанное.

В ходе современного урока можно использовать следующие педагогические методы работы:

1. Работа с эпитафией в начале урока. Дети по эпитафии определяют тему урока. Можно использовать такое задание, как выписать в тетрадь тот эпитаф, который наиболее полно отражает тему урока. Данный прием называется «Осмысление эпитафии».

2. Игровой метод работы на уроке. В последнее время все больше набирает популярность как среди учеников, так и среди учителей. На уроках литературы игровой метод пробуждает, поддерживает и развивает интерес к предмету. Например, можно использовать такие задания, как «Накройте праздничный стол» блюдами, которые упоминались в произведениях. В стилистике Леонида Андреева расскажите сказку про репку и т.д.

3. Кейс-метод. Это такая техника обучения, которая использует анализ реальных ситуаций. Технология метода: знакомство с материалом, выделение нужной информации, обсуждение в группах возможных альтернативных решений, принятие решения, презентация решений группами, сравнение и анализ принятых решений, подведение итогов

Таким образом, чтение и обсуждение сетевой литературы на уроках русской литературы положительно скажется на формировании кросс-культурной компетенции у школьников-инофонов и позволит им освоить современные оттенки семантики и особенности словоупотребления.

Литература

1. Ким Л.Р. Изучение русской сетевой литературы фольклористическими методами: к постановке проблемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2018. – № 2 (80). Ч. 2. С. 232-236;
2. Корнев С. «Сетевая литература» и завершение постмодерна // Режим доступа: <https://www.netslova.ru/kornev/kornev.htm>

3. Кротова Д.В. Современная русская литература. Постмодернизм и неомодернизм. – Москва : МАКС-Пресс, 2018.
4. Липовецкий М.Н. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920-х-2000-х годов. – Москва : Новое литературное обозрение, 2000. – 222 с.
5. Рослый А.С. Сетевая литература как факт актуального литературного процесса. // Известия Южного Федерального университета. Филологические науки. 2012. № 2. С. 50-56.
6. Рябов Г. Сете- или -тура? <http://www.litera.ru/slova/ryabov/setetura.html>
7. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования // Режим доступа: <https://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/srednyaya-i-starshaya-shkola/ekonomika/fgos/prikaz-ministerstva-obrazovaniya-i-nauki-rf-ot-31-dekabrya-2015-g-1577-o-vnesenii-izmenenij-v-federalnyj-gosudarstvennyj-obrazova.html>
8. Сетевая литература как явление современного литературного процесса https://vuzlit.com/963589/setevaya_literatura_yavlenie_sovremennogo_literaturnogo_protssessa
9. <https://cyberleninka.ru/article/n/setevaya-literatura-kak-fenomen-aktualnoy-slovesnosti>

Khomyakova T.D.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Russian State Vocational Pedagogical University Institute of Humanitarian and Socio-Economic Education

The influence of fiction on the formation cross-cultural competence of foreign students

The article discusses the formation of cross-cultural competence through modern network literature in the study of its foreign students. The literary works of the so-called “net literature” present references to modern realities that are of interest to both Russian-speaking and foreign-speaking students and provide a competent and thoughtful formation of cross-cultural competence within the framework of modern communication.

Keywords. Literature, foreign languages, competences, cross-cultural competence, net literature.

Чжан Кайюань

Место работы автора: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
iantolia9587@gmail.com

Анализ китайского феномена «ложного отказа» и национальной личности с точки зрения лингвокультурологии

Работа выполнена под руководством Катышева Павла Алексеевича, доктора филологических наук, профессора.

Феномен «ложного отказа» как очень распространенное речевое явление и уникальная часть китайского языка и культуры может отражать национальную личность и культурную коннотацию китайского народа. В данной статье предпринята попытка исследовать национальную личность китайского народа, раскрываемую с точки зрения причины, значения, особенностей и прецедентного анализа феномена «ложный отказ».

Ключевые слова: ложный отказ, лингвокультурология, межкультурная коммуникация, национальная личность, речевой феномен.

Язык и культура тесно связаны друг с другом. С одной стороны, язык является важной частью культуры и инструментом культурной фиксации и наследования; с другой стороны, язык может отражать особенности национальной культуры и национальной личности. Красных В.В. определяет лингвокультурологию как «дисциплину, изучающую проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе, непосредственно связанную с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [1, с. 12].

Как распространенный и незаменимый речевой феномен в повседневной жизни отказ тесно связан с общением людей и межличностными отношениями. Многообразие способов отказа может отражать национальную культуру и личность. Для носителей китайского языка и изучающих язык также имеет большое значение то, как идентифицировать и бороться с явлением «ложного отказа» в китайской речи.

«Ложный отказ» не является искренним отказом, это речевой феномен, выражающий иные намерения в форме отказа, часто в целях соблюдения социального этикета, а по существу является разновидностью принятия. Противоположностью этому является истинный отказ.

1. Причина и значение «ложного отказа»

Речевой феномен «ложного отказа» в основном регулируется принципом вежливости. В китайской культуре большое значение придается вежливости при общении с людьми и соблюдению социального этикета, поэтому вежливость является важным фактором, которым нельзя пренебрегать для достижения хороших коммуникативных эффектов. Браун и Левинсон (1978) впервые предложили феномен вежливости в речевой деятельности, а позднее Лич (1983) изложил важную роль вежливости в речевом общении, впервые выдвинул принцип вежливости. Лич называет шесть максим, входящих в этот принцип [2, с. 257]:

- 1) максима Такта (Tact);
- 2) максима Великодушия (Generosity);
- 3) максима Одобрения (Approbation);

- 4) максима Скрамности (Modesty);
- 5) максима Согласия (Agreement);
- 6) максима Симпатии (Sympathy).

Основная причина различий в поведении отказа в разных культурах заключается в культурных несовпадениях. В большинстве европейских культур люди стремятся к независимости и обращают внимание на прямое выражение. В китайском языке и культуре носители языка обращают внимание на социальные качества, такие как смирение, вежливость и скромность, и стремятся к гармонии в группе. Они часто не выражают прямолинейно то, что думают, а это, в свою очередь, происходит через стратегическое неприятие, а не прямое принятие. Следовательно, из этого генерируется «ложный отказ».

В китайской культуре истинный отказ – это речевой феномен, угрожающий достоинству личности. Он может негативно повлиять на межличностные отношения и является проявлением невежливости. Поэтому и появляется необходимость снижения негативного влияния на собеседника за счет стратегий вежливости, а «ложный отказ», как раз наоборот, прямо способствует реализации вежливости в общении. При «ложном отказе», что одна сторона, что другая учитывают интересы друг друга – следовательно, «ложный отказ» играет положительную роль в межличностном общении.

2. Характеристики «ложного отказа»

Для носителей китайского языка и изучающих язык очень важно распознавать и реагировать на речевой феномен «ложного отказа», поэтому появляется необходимость выявлять признаки «ложного отказа». Ниже даны характерные признаки феномена:

2.1 Ложность. Ложность является общей чертой «ложных отказов», в отличие от истинных отказов. Существенная разница между истинным отказом и «ложным отказом» заключается в цели отказа. Истинный отказ — это искреннее нежелание что-то делать, а «ложный отказ» — лишь поверхностный вежливый отказ, который не несет в себе цель истинного отказа. Следовательно, сущностью «ложного отказа» является принятие.

2.2 Рискованность. Неспособность идентифицировать истинный смысл высказываний двух сторон может привести к негативному влиянию на двусторонние отношения, что может привести к тому, что смысл «ложного отказа» может быть реализован неверно. Успешный речевой феномен «ложного отказа» неотделим от совместных усилий и некоего сотрудничества подателя и получателя мысли.

2.3 Повторяемость. Процесс «ложного отказа» идет от первого приглашения

приглашающего, первого отказа получателя ко второму приглашению приглашающего, второму отказу получателя и так далее, пока получатель, наконец, не примет его, чтобы осознать прагматическую значимость. Обе стороны совершают «ложные отказы» в повторных консультациях.

В то же время в «ложном отказе» часто есть две предпосылки: приглашение искреннее и приглашение выгодное получателю. Если приглашающий не приглашает искренне, «ложным отказом» трудно достичь цели окончательного успешного принятия приглашения; точно так же, если приглашение не выгодно получателю, то оно противоречит прагматической цели «ложного отказа».

3. Пример анализа «ложного отказа» (тексты переведены с китайского на русский буквально, чтобы сохранилось оригинальное значение)

Пример 1:

А: Ты сегодня свободен? Я хочу пригласить тебя на ужин и, кстати, я хочу, чтобы ты помог мне отредактировать мою статью.

Б: Вот ужин не нужен, это слишком дорого, я могу тебе просто помочь.

А: Это здорово! Я отправлю тебе мою статью прямо сейчас.

Б: Ну ладно...

На этом примере сторона А попросила сторону Б помочь отредактировать её статью и пригласила сторону Б на ужин. Сторона Б согласилась помочь в редактировании статьи, но отказалась от ужина на основании использования «ложного отказа», но сторона А, по-видимому, не поняла, что это «ложный отказ». Вполне возможно, что это влияет на образ А в сознании Б, а также наносит ущерб межличностным отношениям. Это не только не позволяет достичь прагматической цели «ложного отказа», но и наносит ущерб интересам сторон А и Б.

Пример 2: сторона А (водитель) случайно встречает сторону Б (друга) на дороге.

А: Куда ты идешь?

Б: Я иду в торговый центр.

А: Я подвезу тебя туда.

Б: Нет, спасибо! Мне неудобно.

А: Ничего, садись.

Б: Тебе нужно сделать крюк, чтобы доехать в торговый центр. Это слишком большая проблема для тебя.

А: Нет никакого крюка, это мне по пути.

Б: Все в порядке: я лучше пойду один!

А: Быстрее садись в машину!

Б: Большое спасибо!

Это успешный случай «ложного отказа». На этом примере путем неоднократных переговоров сторона Б наконец приняла приглашение, что отвечает интересам обеих сторон и поддерживает хорошие межличностные отношения, отражая при этом хорошие качества обеих сторон.

Можно представить, что, если бы те же примеры произошли в России, ситуация могла бы быть намного проще. Так, сторона Б из 2 примера могла сразу сказать: «Спасибо большое!». В России и многих других культурах люди более склонны прямо выражать свое мнение, не задумываясь о том, ложны слова или нет, и не задумываясь о реальном намерении, стоящем за словами, что значительно повышает эффективность общения.

В китайской культуре, когда кто-то отправляет приглашение, первой реакцией получателя часто является не принятие, а отказ. В межличностном общении китайская культура придает большое значение уважению и пониманию других и требует, чтобы люди ставили себя на место других и больше думали о последствиях, более внимательно относились к трудностям других людей и минимизировали или избегали создание проблем другим. Поэтому считается поверхностным и невежливым прямое высказывание человеком того, что он думает. «Ложный отказ» не повредит лицу приглашающего, наоборот, подчеркнет вежливость получателя. Это тесно связано с национальной личностью, созданной многолетней историей и культурой Китая. Однако следует критически отнестись к этому речевому явлению, так как национальная личность, создаваемая этим явлением, в какой-то степени препятствует развитию личностного характера, ведь в обществе прямолинейность часто считается отрицательной характеристикой. Это явление также в определенной степени влияет на эффективность коммуникации.

В соответствии с этим речевым явлением нам нетрудно вывести национальную личность китайской нации. Во-первых, китайцы придают большое значение отношениям в обществе, в первую очередь обращают внимание на координацию межличностных отношений и следуют принципу «общество в первую очередь, а во вторую — отдельные личности»; во-вторых, китайцы придают большое значение применению вежливости в речевой деятельности; в-третьих, китайцы по характеру скорее обходительны, чем прямолинейны, немногословны, чем открыты, скромны, чем заносчивы; в-четвертых, китайцы предпочитают думать с точки зрения другой стороны

и не любят беспокоить других или создавать им проблемы; в-пятых, выдающиеся и прямые личные черты характера могут быть расценены как отрицательные и получают негативную обратную связь в обществе.

Литература

1. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Лекц. курс. – Москва : Гнозис, 2002. – С. 12.
2. Leech G. N. Principles of Pragmatics. – London; New York : Longman, 1983. – 257 p.

Zhang Kaiyuan

Pushkin State Russian Language institute

Analysis of the Chinese phenomenon of "false refusal" and the national personality from the point of view of linguoculturology

The phenomenon of "false refusal" as a very common speech phenomenon and a unique part of the Chinese language and Chinese culture can reflect the national personality and cultural connotation of the Chinese people. This article attempts to explore the national identity of the Chinese people, revealed from the point of view of the cause, meaning, features and case analysis of the phenomenon of "false refusal".

Keywords: false refusal, linguoculturology, intercultural communication, national identity, speech phenomenon.

Чжан Мэнкэ

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
zmk1335997706@163.com

Трудности восприятия русских глаголов движения в семантике китайскими студентами при работе по учебнику «Восток»

Работа выполнена под руководством к. п. н., профессора Л.Л. Вохминой.

Статья посвящена проблеме восприятия семантики русских глаголов движения китайскими студентами. В ней раскрываются наиболее распространенные трудности, с которыми сталкиваются китайские студенты при использовании учебников русского языка «Восток», анализируются недостатки этих учебников при работе с глаголами движения, а также предлагаются некоторые пути решения этой проблемы.

Ключевые слова: глаголы движения, учебники «Восток», недостатки при работе с глаголами движения, пути решения проблемы.

По мнению В.В. Виноградова, глагол – самая сложная грамматическая категория русского языка из-за исключительного разнообразия грамматических категорий и форм, богатства парадигматических и синтагматических связей [1, с. 422]. В русском языке глагольное слово обладает сложной семантической структурой, в которой переплетаются лексические, словообразовательные и грамматические значения. В этом отношении глаголы движения, пожалуй, представляют наибольшую трудность для иностранцев, изучающих русский язык. Важно также отметить, что помимо разницы в

структуре между двумя языками на качество восприятия информации сильно влияет учебник, по которому занимаются студенты, не говоря уже о роли преподавателя.

Как правило, при изучении русских глаголов движения основные проблемы возникают с употреблением приставочных глаголов. Однако прежде всего необходимо помочь студентам разобраться в бесприставочных глаголах движения, так как без понимания их семантических и грамматических особенностей невозможно прийти к пониманию более сложных приставочных глаголов.

Одной из ярких отличительных особенностей русских бесприставочных глаголов движения является свойственная им значительная дифференциация по способу передвижения. Они фиксируют в себе способ передвижения и по твёрдой поверхности (земля, пол), и по воде, и по воздуху, скорость передвижения (*идти, бежать, брести*), наличие или отсутствие средства передвижения (*ехать, лететь*).

В отличие от русского языка во многих других языках (включая китайский) такая дифференциация отсутствует, что и затрудняет восприятие и употребление данных глаголов учащимися.

Помимо различий в семантической структуре, способах использования, особенностях видовых отношений приставочных глаголов, на качество изучения влияет и качество учебных материалов, используемых студентами. В нашем исследовании мы сосредоточили внимание на анализе учебников русского языка «Восток». Они являются самыми распространёнными пособиями среди студентов китайских вузов, изучающих русский язык.

В комплексе учебников «Восток» грамматическая тема «Глаголы движения» разделена на три части, расположенные в 18-ом уроке первого тома (даётся общее понятие о глаголах движения), в 6-ом уроке второго тома (здесь представлены основные значения бесприставочных глаголов движения) и во 2-ом уроке третьего тома (указываются основные значения приставочных глаголов движения). Рассмотрим подробно плюсы и минусы первых двух частей.

В этих грамматических разделах можно отметить следующие плюсы:

1. Учитывая объём и сложность данной темы, авторы логично разделили её на три части, чтобы облегчить понимание студентами.
2. Система знаний и упражнений соответствуют дидактическим основам построения учебников развивающего типа.
3. В учебниках некоторые глаголы движения объясняются с помощью иллюстраций и схем, которые наглядно показывают их лексические особенности.

4. Все упражнения тесно связаны с предыдущей теорией, что помогает закрепить полученные студентами знания.

Хотя содержание учебных материалов основано на реальной ситуации преподавания русского в Китае и соответствует привычкам мышления китайских студентов, в них всё-таки имеются существенные недостатки:

1. Мало теоретической информации для понимания особенностей значения бесприставочных глаголов движения. Можно сказать, что их значение в основном постигается студентами самостоятельно через упражнения, которые на самом деле недостаточно разнообразны и весьма немногочисленны для того, чтобы действительно в них разобраться. Большинство имеющихся упражнений традиционно посвящено словообразовательным и грамматическим значениям. При этом примеры не всегда чётко отражают саму суть значения глаголов. Так, в одном из упражнений, предлагается выбрать и вставить вместо точек глагол *«ходить»* или *«идти»*. Однако в первом приведённом предложении можно использовать как глагол *«идти»*, если, например, разговор происходит прямо на остановке, и пассажиры ждут автобуса: *«Скажите, пожалуйста, этот автобус идёт до Театральной площади?»* Но если спрашивают о движении этого автобуса вообще, то возможен вариант и с глаголом *«ходить»*: *«Скажите, этот автобус ходит до Театральной площади?»*

В таких упражнениях китайским студентам предлагается подумать только о направленности глагола и о том, какую форму использовать, а не о том, почему нужно использовать именно этот глагол. Следует отметить, что подобные задания действительно во многом помогают студентам, но проблема заключается в том, что большинство упражнений в учебниках «Восток» одного типа и не способствует истинному овладению этой трудной категорией русской грамматики.

Вполне можно сказать, что, к сожалению, в учебниках русского языка «Восток» практически полностью отсутствуют объяснения семантических особенностей глаголов движения, так что без помощи преподавателей понимание этой темы становится невозможным.

Для того, чтобы повысить эффективность обучения, во-первых, необходимо дополнить объяснение теоретической части, постараясь по возможности дать чёткий и лаконичный способ объяснения китайским студентам нюансов семантических характеристик этих глаголов. Как отмечал А. В. Исаченко, «семантическая специфика каждого из глаголов движения заложена в них самих, связана исключительно с некоторыми общими чертами их лексической семантики» [3, с. 412]. Студенты должны

понять, что означает каждый бесприставочный глагол движения на китайском языке.

Во-вторых, лучше показывать все значения бесприставочных глаголов движения. В частности, не следует опускать те пункты, в которых студенты часто допускают ошибки. Например, и глаголы типа «*идти*», и глаголы типа «*ходить*» могут обозначать повторяющееся однонаправленное движение, но разница в том, что первые в данных ситуациях указывают только способ передвижения. К сожалению, материал учебника может только запутать ситуацию, если вспомнить первый наш пример («...этот автобус *идёт/ходит* до Театральной площади»).

В-третьих, следует обогатить разнообразие и количество упражнений. Их явно недостаточно, поэтому преподавателю приходится самому дополнять материалы уроков собственными заданиями или пользоваться другими учебниками, которые есть в электронном виде. Например, учебниками «Изучаем русские глаголы движения» под редакцией М.Г. Бабахяна, «Глаголы движения русского языка» под редакцией В.В. Унченко и Н.В. Хозяйкиной, «Глаголы движения» под редакцией Л.А. Меренковой и др.

К тому же, мы заметили, что среди всех упражнений учебников нет специально посвящённых переносному значению бесприставочных глаголов, которое играет важную роль в разговорной речи и на китайских экзаменах по русскому языку. Такие упражнения тоже должны, пусть не сразу, но всё-таки появляться в учебном процессе.

Основным способом хорошего освоения русских глаголов движения является использование большого количества разнообразных заданий, что в современных условиях технологической помощи может способствовать формированию навыка правильного использования их в тех или иных речевых ситуациях. Поскольку в пособиях русского языка «Восток» существуют недостатки в этих областях, преподаватели должны стараться избегать их в процессе обучения, чтобы повышать качество обучения.

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / Под. ред. Г.А. Золотовой. – 4-е изд. – Москва : Рус. яз., 2001. – 720 с.
2. Гуан Лили. Глаголы движения в русском и китайском языках: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.20. – Бишкек, 2012. – 20 с.
3. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Т. 2. – Братислава: Словацкая академия наук, 1960. –

576 с.

4. 史铁强, 张金兰. 高等学校俄语专业教材:大学俄语 4 (学生用书) [M]. 北京: 外语教学与研究出版社, 2011.
5. 闻超. 新版《大学俄语 (东方) 》教材分析与教学思考[J]. 当代教研论丛, 2015(3).

Zhang Mengke

Pushkin State Institute of the Russian Language

Difficulties in the perception of Russian verbs of movement in semantics by Chinese students when working with the textbook "East"

The article is devoted to the problem of perception of the semantics of Russian verbs of movement by Chinese students. The most common difficulties that Chinese students encounter with using Russian language textbooks "East" are revealed, the drawbacks of these textbooks when working with verbs of movement are analyzed, and also some ways to solve this problem are offered.

Keywords: verbs of movement, "East" textbooks, disadvantages when working with verbs of movement, ways to solve the problem.

Чжоу Цзялэ

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
zjl946854253@gmail.com

Анализ слов цветообозначения в межкультурной коммуникации на примере Китайского и Русского языков

Цветообозначение является интересной частью изучения вопроса о взаимосвязи языка и культуры. Искони мы встречаемся с цветом каждый день: от монотонного чёрного и белого до цвета слепящей цветочности. С развитием человечества мы предоставляем цветообозначениям богатую культурную коннотацию, и культурная коннотация разной нации имеет свою особенность. Она отражает не только характер географического окружения одной нации или страны, но и нравы и обычаи, религиозное верование, национальную психологию и другие области. Именно поэтому изучение культурной коннотации цветообозначения в русском и китайском языках имеет большое значение и помогает более глубокому узнаванию культуры двух стран.

Ключевые слова: цветообозначение, межкультурная коммуникация, культура, китайский, русский.

Все знают, что цвет является одной из частей современной жизни и что цветообозначение играет важную роль в истории человечества. Разные нации наделяют некий цвет разной культурной коннотацией. Кроме того, некий цвет может обозначать разные культурные коннотации в разных эпохах. Можно сказать, что культурная коннотация цветообозначения легко поддаётся влиянию внешних факторов, поэтому определённых цвет в разных нациях может иметь сходную культурную коннотацию. Следуя по очереди появления цвета, мы изучим культурную коннотацию основных цветов: белого, чёрного, красного и зелёного в русском и китайском языках.

1. Белый

Общее значение белого цвета в русском и китайском языках –представлять святость и благородство, а источник этого символического значения связан с солнцем и днем. День приносит людям свет, тепло, радость и надежду на жизнь. Со временем он приобретает значение, символизирующее доброту, идеал, правду, красоту и чистоту. Например, в русском языке – белый день, в китайском языке тоже 白天, совсем одинаковое значение. По-русски дворян высшего сословия называли «белая кость». «Белая работа» – хорошая работа, а «чёрная работа»–значит, наоборот, плохая работа. Будь то в Китае или в России, белое и безупречное свадебное платье представляет собой символическое значение белого цвета.

Другая сторона белого представляет реакцию и смерть. После Октябрьской революции в России революционные силы использовали слово «белый» для обозначения царских реакционных сил: *белая армия*, *белый террор*; реакционная правительственная армия–*Белая армия*. В русском языке белый цвет также ассоциируется со смертью. В русских легендах все боги смерти и чумы носят белые одежды. Формирование представления о белом цвете, символизирующем смерть, связано, вероятно, с долгой и суровой зимой на Руси, во время которой всё покрыто льдом и снегом, всё высохшее и безжизненное. Сегодня «зимнюю Олимпиаду» представляет «Белая олимпиада» на русском языке. М. Горький использовал

словосочетание «белый голос» в книге «Мать» для обозначения «безжизненного» и «мёртвого» голоса.

Белый цвет является запретным для китайцев, и у ханьцев с ним часто возникают неприятные ассоциации. Существуют разные мнения об исторических причинах такого отношения. Есть представление о том, что древние связывали белый цвет с бушующими волнами. Огромные белые волны вызвали серьёзный ущерб и приносили бедствия людям. В китайской истории от династии Хань до династии Тан простые люди могли носить только белую одежду, потому что в то время белый цвет был символом неполноценности. Хотя позже это правило было отменено, избавиться от неприятного дополнительного смысла долго не удавалось. Белый цвет также символизирует смерть и похороны. С древних времен, когда умирает родственник, члены семьи должны носить белую траурную одежду и устраивать белый траурный зал. Белые бумажные знамена и белые бумажные деньги должны быть брошены на похоронах.

2. Черный

В китайско-русской культуре черный и белый существуют как противоположности. Например, известны выражения *«принимать за белое»*, *«выдавать черное за белое»* (значит «относиться к черному, как к белому; переворачивать черное и белое»), эти слова показывают не только, что черное и белое являются противоположностями, но и что белый означает хорошие вещи, а черный – плохие вещи.

Черный цвет всегда ассоциировался с тьмой, вызывал у людей ощущение коварства, злобы и ужаса, поэтому и китайцы, и русские используют черный цвет для обозначения злых, реакционных и незаконных значений: *«чёрное время»*, *«чёрный рынок»*, *«чёрные списки»*, *«чёрная душа»* и др.

Черный цвет также тесно связан со смертью. Некоторые ученые считают, что причина, по которой черный имеет такое сопутствующее значение, заключается в том, что на раннем этапе развития человеческого общества люди очень мало знали об окружающей среде, в которой они жили, и особенно об этой среде в темноте. Природа вызывает непреодолимое чувство страха. После многих лет осаждения такая психология отразилась в языке, заставив людей естественным образом думать о смерти, когда они сталкиваются со словом «черный». Черный цвет символизирует смерть, дурное предзнаменование и бедствие. Так, китайцы и русские носят черную одежду на похоронах, чтобы выразить соболезнования погибшим.

В Древнем Китае черный цвет символизировал благородство, силу духа, торжественность, глубину и таинственность. Когда-то он был ортодоксальным цветом, за который выступали династии Ся и Цинь. Официальная форма и одежда чиновников династий Ся и Цинь были черными. В искусстве пекинской оперы черный цвет имеет уникальное символическое значение: черная маска судьи Бао Чжэна выражает беспристрастность и справедливость.

В переводе на русский язык «чёрный» может означать «простой люд», «выходцы из низших слоев общества», «грубый труд и грубая работа». Например, *«черные люди»*, *«черный народ»* – штатские (во время царского периода), *«черная работа»* – грубая, грязная работа. В китайском языке нет такого выражения.

3. Красный

Красный – цвет солнца, он приносит на землю бесконечную жизненную силу. До 16 века «красный» в русском языке означал не цвет, а только природу, что было равноценно красивому, хорошему. Такое название, как «Красная площадь», изначально означало «красивая площадь», потому что краса означает свет. Древние русские считали, что нет ничего прекраснее света. Но, начиная с 16 века, слово «красный» стало обозначать цвет: *«красное платье»*, *«красный цвет»*. Русские считают красный цвет символом красоты и благоприятности и часто ассоциируют его со своими любимыми людьми и вещами.

Красный – цвет крови, цвет жизни. Во время Французской революции 18 века красный впервые ассоциировался с революцией и получил новое значение «революционный». В ходе Октябрьской революции в России и революционной борьбы под руководством Коммунистической партии Китая была образована «Красная армия», поднят «Красный флаг», появились «Красные районы». Красный стал синонимом «большевиков», «социализма» и всего «советского».

Красный – почитаемый цвет в китайской культуре. Люди используют его для выражения праздничных и радостных эмоций, он символизирует благоприятность, счастье, успех и процветание. Во время традиционного китайского Нового года каждый дом вывешивает красные иероглифы «Фу» и красные двустигии; на традиционных свадьбах невеста должна быть в красном платье, а большие красные иероглифы «Си» наклеиваются на двери и окна нового дома. Все это обещает счастье и процветание. Красный символизирует гладкость, успех, а также популярность и хорошее начало. Он также относится к людям, пользующимся благосклонностью. Однако китайцы обычно не пишут письма красными ручками, потому что в Китае использование красного

почерка означает, что вам кто-то не нравится, поэтому вы должны прекратить общение. В китайском языке красный также обозначает что-то уничижительное, он может символизировать зависть и ревность к тому, кто сильнее.

В двух языках, китайском и русском, культурная коннотация красного цвета согласуется в двух моментах: во-первых, он символизирует революцию (*«Красная армия»*) а во-вторых, подразумевает «напоминание» и «предупреждение»: *«Красная книга»*, *«красный свет»*.

4. Зелёный

Зеленый олицетворяет жизнь и является цветом природы. В китайской и русской культуре он эквивалентен во многих смыслах: *«зелёное дерево»*, *«зелёный мост»*. Этот цвет символизирует безопасность: зелёный сигнал светофора означает возможность безопасного проезда, а *«зелёная улица»* означает зеленый свет всей линии (имеется в виду открытие зеленого сигнала светофора на всей железнодорожной линии, движение по которой может быть беспрепятственным). В китайском языке существует поговорка *«открыть зелёный свет»*, что означает, что вышестоящий руководитель дает подчиненному какие-либо разрешения, удобства или ослабляет ограничения.

Некоторые идиомы в русском языке содержат другое настроение. Например, *«за зелёным столом»* (т.е. за карточным столом). В прошлом, когда люди из высшего сословия России играли в карты, они обычно накрывали стол куском зелёной ткани, поэтому *«зелёный стол»* стало синонимом карточного стола. В Китае есть игра, похожая на карты, которая называется *«маджонг»* (麻将). В большинстве случаев стол для маджонга также зеленый, но нет четкого источника, указывающего на причину этого.

Кроме того, в русском и китайском языке зеленый также может означать незрелых или молодых людей. Значение слова происходит от зеленого плода незрелого дерева. Часто говорят: *«молодо-зелено»* (о ком-то слишком молодом и неопытном), *«зелёный виноград»* (т.е. виноград кислый, значит недозрелый), *«зелёные рабочие»* (т.е. молодые).

Стоит отметить, что если вы хотите подарить подарок своим китайским друзьям, пожалуйста, не выбирайте зеленую шляпу, потому что она считается показателем невежливости в Китае. Зеленая шляпа означает распространенные измены партнера. С развитием времени некоторых молодых людей больше не волнует этот вопрос, они просто думают, что зеленая шляпа – это здорово. Однако подавляющее большинство китайцев по-прежнему не любят эти головные уборы в таком цвете.

Язык является носителем культуры – он не только её неотъемлемая часть, но и

отражение. Приведенное выше сравнение китайских и русских значений слов-цветов позволяет обнаружить, что их использование в русской и китайской культурах имеет как общие черты, так и очевидные различия. Более того, употребление слов-цветов не ограничивается значением самого слова, а часто содержит более глубокие скрытые смыслы. Это неразрывно связано с различиями русской и китайской культуры. Именно по этой причине, когда мы осваиваем слова, обозначающие цвета, мы должны помнить об их связи с культурами разных национальностей и точно понимать различные культурные коннотации, чтобы более точно выражать свои мысли.

Литература

1. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Под редакцией и с послесловием академика Ю.С. Степанова. – Москва : Индрик, 2005. – 1040 с.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений – Москва : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. редактор В.Н. Ярцева. – Москва : Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с.
4. 赵敏善·俄汉语言文化对比研究[M], 军事谊文出版社, 1996.07
5. 谭林·俄语语言国情学[M], 吉林大学出版社, 1997.08
6. 黄苏华·俄罗斯语言国情辞典[M], 现代出版, 2000.06

Zhou Jiale

State Institute of the Russian Language. A.S. Pushkin

Analysis of color terms in intercultural communication on the example of Chinese and Russian languages

Color is an interesting part of the study of the relationship between language and culture. From time immemorial, we encounter color every day, from monotonous black and white to blinding florals. With the development of mankind, we provide color terms with a rich cultural connotation, and the cultural connotation of different nations has its own peculiarity. The cultural connotation of color naming reflects not only the nature of the geographical environment of one nation or country, but also customs and customs, religious beliefs, national psychology and other areas. Therefore, the study of the cultural connotation of color naming in Russian and Chinese is of great importance, and is of great help to a deep knowledge of the culture of the two countries.

Keywords: color meaning, intercultural communication, culture, Chinese, Russian.

Чикина Анна Андреевна

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Концепт «рай» в русской песенной языковой картине мира второй половины XX века

Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора
Карасика Владимира Ильича.

В статье рассматривается концепт «рай» как воплощение константы русской культуры «ментальный мир». В текстах песен второй половины XX века содержится наивно-чувственное понимание рая как иного мира. Рай находится в сказке, отдалённой местности или в пространстве сна. В текстах песен были обнаружены образы стихий, биоморфные и цветовые коды. В текстах некоторых песен встречается образ потерянного рая.

Ключевые слова: песенный текст, русская лингвокультура, рай, концепт, символ.

Языковая картина мира – одна из актуальных проблем современной когнитивистики и лингвокультурологии. По определению Ю.Н. Караулова, языковая картина мира – «взятое во всей совокупности всё концептуальное содержание данного языка» [4, с. 216]. Концепт, по определению В.А. Масловой, «то, что называет содержание понятия, синоним смысла» [5, с. 42]. Понятие «смысл» не совпадает с понятием «лексическое значение», и концепт «значительно шире, чем лексическое значение» [3, с. 6].

Концепты культуры, которые «устойчивы и постоянны», по Ю.С. Степанову, являются «константами культуры»: «количество их невелико, четыре-пять десятков, а между тем сама духовная культура всякого общества состоит в значительной степени в операциях с этими концептами» [6, с. 6]. В рамках «Словаря русской культуры» Ю. С. Степанов рассматривает концепт «ментальный мир»: «Ментальный мир, возможный мир, воображаемый мир и реальный мир – в начальной точке и долгое время после этого – один и тот же процесс концептуального развития» [6, с. 216]. Мы рассматриваем концепт «рай» как разновидность концепта «ментальный мир»: он может рассматриваться и как «возможный», и как «воображаемый», и как «реальный» мир в зависимости от мировоззрения носителя языка, носителя культуры. «Рай», в первую очередь – это «иной» мир.

Безусловно, на формирование концепта «рай» в русской языковой картине мира повлияло христианское представление о Царствии Небесном: «В Новом Завете рай – это город без печали и смерти, Небесный Иерусалим, который представляет собой... проекцию земного города... далеко не все люди, попадающие в сферу действия концепта, ... осознают оттенки религиозного смысла, содержащиеся в нем, но практически все... хотели бы жить именно в таком городе» [2, с. 35-37]. При этом концепт «рай» существенно трансформировался за многовековую историю своего существования. В сознании многих людей этот концепт не связан с религиозными

догматами: «в современных картинах мира преобладает... наполнение концепта РАЙ, ядро которого составляют концептуальные признаки, говорящие о небесном блаженстве» [1, с. 7-8].

Оторванность от христианских догматов была характерна для советского времени, по причине существовавшей государственной материалистической идеологии. Однако концепт «ментальный мир», разновидностью которого допустимо считать концепт «рай», является одной из констант русской культуры, что не могло не находить отражения в создававшихся тогда текстах, например, текстах песен. Отметим, что некоторые авторы, создававшие свои тексты уже в постсоветский период, но выросшие и воспитывавшиеся на материалистических идеях, также в своих представлениях о рае не руководствовались религиозными догматами. Особый интерес, с нашей точки зрения, представляют тексты, не содержащие явной аллюзии на Священное Писание (ср. «Город золотой» группы «Аквариум»).

В целом, в советских песнях актуализируются следующие значения слова «рай»: «перен. Красивая местность; место, где можно жить счастливо и безмятежно. ... перен. Об очень хороших условиях жизни, о покойной, счастливой жизненной обстановке (разг.)» [7].

«Рай», как было указано выше – это «иной» мир, отличающийся от реального: «Но как же мне раскрасить вновь / В цвет радости мою любовь? / А может быть разбить окно? / И окунуться в мир иной...» («Мой друг художник и поэт», муз. и сл. К.Н. Никольского).

«Иномирность» рая выражается, в том числе, в том, что он сотворён демиургом – «художником» или «поэтом»: «Мой друг – художник и поэт, в дождливый вечер на стекле / Мою любовь нарисовал, открыв мне чудо на земле» («Мой друг художник и поэт»), «Этот город *выдумал* один художник / Люди в нем не знали, что такое дождик» («Продавец зонтиков», авторы неизвестны).

Пространство «рая» либо нереальное, либо отдалённое от земного, действительного.

Нереальное пространство в текстах песен – это:

а) сказка, «невозможный» мир: «Засыпает синий Зурбаган», «В мире *невозможном*» («Засыпает синий Зурбаган», муз. Ю. Чернявского, сл. Л. Дербенев), «Я вдали вижу город, которого *нет*» («Город, которого нет», сл. Р. Лисиц, муз. И.

Корнелюка), *«Где была живёт и небыль... Если веришь – сказка оживёт!»* («Лесной олень», муз. Е. Крылатова, сл. Ю. Энтина), *«Самое главное – / Сказку не спугнуть»* («Маленький принц», муз. М. Таривердиева, сл. Н. Добронравова);

б) сон: *«Кто тебя выдумал, звёздная страна? / Снится мне издавна, снится мне она»* («Маленький принц»), *«Снятся людям иногда / Голубые города, / У которых названия нет»* («Голубые города», муз. А Петрова, сл. Л. Куклина).

Отдалённое пространство – это космос: *«Есть на далекой планете / Город влюбленных людей»* («Город влюблённых людей», сл. В. Гамалии, муз. В. Орлова), или лес: *«Заповедный напев, заповедная даль... Беловежская пуца, Беловежская пуца»* («Беловежская пуца», муз. А. Пахмутовой, сл. Н. Добронравова).

В некоторых текстах упоминается дорога, ведущая в рай: *«Я иду в этот город, которого нет... Мне до него последний шаг, / И этот шаг длиннее жизни»* («Город, которого нет»), *«Мчится мой парусник, / Словно отправился / В сказочный путь»* («Маленький принц»).

В «райское» пространство помогают попасть проводники – предки: *«И, услышав порой голос предков зовущий»* («Беловежская пуца»), животное: *«Умчи меня, олень, В свою страну оленью»* («Лесной олень»), пророк: *«Лишь чудака какой-то, в старый плащ одетый, / Продавал там зонтики зимой и летом»* («Продавец зонтиков»), *«Тихо навстречу мне, тихо навстречу мне / Выйдет доверчивый маленький принц»* («Маленький принц»).

«Райское» время также отличается от действительного: *«Здесь забытый давно наш родительский кров. / И, услышав порой голос предков зовущий...», «Было это или только будет... день ненастный не нашего века ... Где-то между будущим и прошлым»* («Засыпает синий Зурбаган»). «Забытое» – важная характеристика ментального мира, называемого «раем», что соотносится с учением Платона о припоминании забытых «идей»: *«Здесь забытый давно наш родительский кров»* («Беловежская пуца»), *«Там для меня горит очаг / Как вечный знак забытых истин»* («Город, которого нет»).

К райскому блаженству позволяют приобщиться артефакты – мистические дары – зонтик: *«Господа, купите зонтик, / Пригодиться может он»* («Продавец зонтиков»), очаг: *«Там для меня горит очаг, / Как вечный знак забытых истин»* («Город, которого нет»), родник: *«пью святую твою / Родниковую правду»* («Беловежская пуца»).

К символам рая относятся:

А) свет: *«Свет хрустальной зари, свет, над миром встающий»* («Беловежская пуца»), *«...побережия / Света и добра»* («Маленький принц»), *«Звёзды для них по-*

особому *светят*» («Город влюблённых людей»), «Где, солнечный рисуя *свет*, живет художник и поэт» («Мой друг художник и поэт»);

Б) цвета: белый – символ чистоты: «*Белые* стены над морем, *Белый* покой и уют» («Город, которого нет»); голубой – цвет неба: «*Голубые* города, / У которых названия нет» («Голубые города»), «Небо для них *голубей*» («Город влюблённых людей»), «Становилось небо *голубым*» («Лесной олень»); разноцветие: «*пёстрый* зонтик» («Продавец зонтиков»); радуга – символ радости: «...и *радугу* прошедших дней» («Мой друг художник и поэт»);

В) стихии: ««Там для меня горит *очаг*» («Город, которого нет»), «пью святую твою / *Родниковую* правду» («Беловежская пуща»), «А за горизонтом *ураган*» («Засыпает синий Зурбаган»);

Г) растения, характерные для средней полосы России: «Где *сосны* рвутся в небо» («Лесной олень»), «Где *травы* высока... У высоких *берёз* своё сердце согрев» («Беловежская пуща»);

Д) животные: «Серой *птицей* лесной» («Беловежская пуща»), «Как олени с колен, пью» («Беловежская пуща»), «Умчи меня, *олень*, / В свою страну оленью» («Лесной олень»).

Говоря о ценностном аспекте концепта «рай» в советских песнях, можно выделить следующие составляющие:

А) любовь: «Город *влюблённых* людей» («Город влюблённых людей»), «Мой друг – художник и поэт, / В дождливый вечер на стекле / Мою *любовь* нарисовал, открыв мне чудо на земле» («Мой друг художник и поэт»);

Б) доброта, взаимопонимание: «Где *легко найти* страннику *приют*, / Где наверняка *помнят и ждут*» («Город, которого нет»), «Где побережия Света и *добра*» («Маленький принц»), «Люди не ссорятся, Люди не спорят... *Если тот город увидишь*, / Сразу обиды *простишь*, / Словом напрасным меня не обидишь, / Ссорю не *оскорбишь*» («Город влюблённых людей»);

В) истина: «Там для меня горит очаг / Как вечный знак забытых *истин*», «Как олени с колен, пью святую твою / *Родниковую правду*» («Беловежская пуща»);

Г) счастье: «Где же вы, где же вы, / *Счастья* острова» («Маленький принц»), «У высоких берёз *свое сердце согрев*» («Беловежская пуща»).

Специфика восприятия рая также реализуется в представлении о потерянном рае. Рай может быть утерян безвозвратно: «Маленькое небо как-то раз прорвало... И пошел стучать огромный дождь по крышам, / И схватили насморк люди в городе том...

Но *исчез* торговец со своим товаром, / И осталась в памяти лишь песня о нём» («Продавец зонтиков»). В другом случае остаётся надежда на возвращение блаженства: «Моя любовь с тех пор всегда была со мной. / И время как вода текло, и было мне всегда тепло... Моя любовь *сменила цвет*, *угас* чудесный яркий день... Но как же мне раскрасить вновь в цвет радости мою любовь? / А может быть, *разбить окно*, и окунуться в мир иной, / Где, солнечный рисуя свет, живет художник и поэт?» («Мой друг художник и поэт»).

Таким образом, концепт «рай», являющийся воплощением культурной константы «ментальный мир», занимает важное место в русской языковой картине мира. В текстах песен второй половины XX века рай понимается как место радости, любви и счастья. Рай – это иной мир: сон, сказка или отдалённая местность. К символам рая относятся свет, белый, голубой и другие цвета, огонь, вода, растения, олень, лесная птица. В текстах некоторых песен воплощается образ потерянного рая.

Литература

1. Алифанова О.Г. Омонимия концепта рай в библейской и современной языковых картинах мира // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2013. Спецвыпуск. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/omonimiya-kontsepta-ray-v-bibleyskoy-i-sovremennoy-yazykovyh-kartinah-mira> (дата обращения: 22.02.2023).
2. Горнова Г.В. Потерянный рай: архетипические основания концепта «Город-сад» // Вестник МГУКИ. 2009. №5. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/poteryanny-ray-arhetipicheskie-osnovaniya-kontsepta-gorod-sad> (дата обращения: 22.02.2023).
3. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. – 259 с.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов; Отв. ред. Д. Н. Шмелев; АН СССР, Отделение лит. и яз. – Москва : Наука, 1987. – 261 с.
5. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В.А. Маслова. – 4-е изд. – Москва : Наука, 2008. – 296 с.
6. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. – Москва : Академический Проект, 2004. – 992 с.
7. Толковый словарь Д.Н. Ушакова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ushakov/рай> (дата обращения: 22.02. 2023).

Chikina A.A.

Pushkin State Russian Language Institute

The concept "Paradise" in the Russian song language picture of the world in the second half of the 20th century

The article deals with the concept "paradise" as the realization of the Russian culture constant "mental world". The lyrics of the songs of the second half of the XX century contain a naive and sensual understanding of paradise as a different world. Paradise is located in a fairy tale, a distant location or in the space of dreams. Images of natural elements, biomorphic and color codes were found in the lyrics of the songs. The image of a lost paradise is found in the lyrics of some songs.

Key words: song text, Russian linguoculture, paradise, concept, symbol.

Чикобава Виталий Темурович

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
brotkich1998@gmail.com

Литературный перевод как тема русской эпиграммы

Работа выполнена под руководством Леонова Ивана Сергеевича, доктора филологических наук, профессора.

В статье рассматриваются эпиграммы отечественных поэтов, посвященные литературному переводу. Определяются цели обращения к данной теме и особенности ее раскрытия.

Ключевые слова: эпиграмма, перевод, критика, русская литература.

Эпиграммы, посвященные литературной деятельности, можно найти уже у античных авторов. Поэты Античности активно пользовались эпиграммой как орудием литературной полемики и критики: делали замечания о произведениях коллег по перу, обвиняли их в неоригинальности, а также давали оценку публике и степени популярности и значимости своего и чужого творчества.

В русской эпиграмматической традиции, которая многое наследовала у античной, полемическая и критическая функции эпиграммы не только не потеряли актуальности, но и получили новое развитие. Отечественные поэты в полной мере раскрыли потенциал жанра как средства критического осмысления продуктов литературной деятельности. Одним из объектов внимания эпиграмматистов стал литературный перевод — занятие, в котором так или иначе проявил себя едва ли не каждый русский литератор.

В своей критике эпиграмматисты концентрировались на разных аспектах качества перевода. Эпиграмма В.И. Майкова «Коль сила велика российского языка!» («Коль сила велика российского языка! // Петров лишь захотел — Вергилий стал заика» [2, с. 69]) критикует перевод «Энеиды», выполненный В.П. Петровым, за неспособность переводчика сохранить мелодичность и стройность оригинальных стихов. Сосредоточенность прежде всего на звучании характеризует и эпиграмму

А.С. Пушкина «На перевод "Илиады"» (*«Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи; // Старца великого тень чую смущенной душой»* [2, с. 449]). Автор хвалит перевод Н.И. Гнедича, так как тому удалось передать дух оригинала. И А.С. Пушкин, и В.И. Майков отождествляют звучание стихов и речи их авторов. Удачный перевод позволяет слышать авторскую речь, «великого старца» Гомера в случае с «Илиадой», тогда как неудачный искажает и уродует её: Вергилий становится «заикой».

Особенно интересна автоэпиграмма В.В. Капниста «На перевод мой комедии Молиеровой "Сганарева, или мнимого рогоносца"» (*«Никто не мог узнать из целого партера, // Кто в Сганареве смел так осрамить Мольера? // Но общий и согласный свист // Всем показал, что то Капнист»* [2, с. 172]). В. В. Капнист не говорит ничего конкретного о недостатках собственного перевода, сосредоточивая свое внимание на негативном впечатлении, которое произвело представление переведенной им комедии Мольера.

В эпиграмме А.А. Дельвига «Переводчику Вергилия» (*«Ты переводчик — я читатель, // Ты усыпитель — я зеватель»* [2, с. 408]) качество перевода также оценивается исключительно по производимому эффекту, в данном случае на читателя.

А.С. Хвостов в своей эпиграмме «На перевод Вольтеровой трагедии "Китайская сирота"» (*«Вольтер и от врагов не зрел столь мщенья злого, // Какое чувствует теперь от Шаховского. // Трагедия его совсем, совсем не та... // Что вышло из нее? — Прямая сирота»* [3, с. 103]) иронически характеризует неудачный перевод А.А. Шаховского как «злое мщенье» Вольтеру, рисуя воображаемую реакцию автора. В эпиграмме «Как Карабанов взял "Альзиру" перевесть» (*«Как Карабанов взял "Альзиру" перевесть // И в аде слух о том промчался, // Тогда Вольтер, вздохнув, признался, // Что точно грешникам по смерти мука есть!»* [3, с. 136]) И.А. Крылов также оценивает качество перевода через восприятие автора, опираясь на сведения об убеждениях.

Высмеивая неудачные переводы стихотворений древнегреческой поэтессы Сапфо, П.А. Вяземский также вводит в текст детали авторской биографии. В эпиграмме «На П.И. Голинищева-Кутузова» (*Один Фаон, лезбосская певица, // Тебе враждой путь к морю проложил; // Другой Фаон, по смерти твой убийца, // Тебя в стихах водяных потопил* [3, с. 205]) П.А. Вяземский, ссылаясь на предание, согласно которому Сапфо покончила с собой из-за безответной любви к Фаону, бросившись в море, уравнивает смерть поэтессы с переводом П.И. Голинищева-Кутузова, в котором тот не смог сохранить дух её поэзии и тем самым «убил» её повторно.

Эпиграмма Б.К. Бланка «На стиховорения, переведённые на многие языки» (*«Уж переводится, что Хватов написал, // На английский, немецкий и французский; // А Гениев вчера заподлинно сказал, // Что переводят и на русской»* [3, с. 147]) также посвящена переводу, однако здесь переводческая деятельность служит не темой, а лишь средством осмеяния. По мысли автора, Д.И. Хвостов так плохо владеет словом, что его стихи, кроме прочих, нуждаются в переводе и на русский язык.

А.Е. Измайлов критикует переводы трагедии Расина «Андромаха», выполненные Д.И. Хвостовым и П.А. Катениным, в эпиграмме «Несчастье Андромахи» (*«О, как несчастна Андромаха! // Пирр бедную вдову в отчаянье привел; // Парнасский же козел, // Рифмач, палач Хвостов, неряха, // Расинов снял с нее наряд, // Да в сарафан одел китайчатый - и рад. // Катенин, наконец, с ней поступил тирански: // Заставил говорить без смысла по-славянски»* [3, с. 179]). Неудачные переводы автор ставит в ряд с несчастьями, которые случились с героиней трагедии. А.Е. Измайлов критикует Д.И. Хвостова П.А. Катенина за игнорирование авторского стиля и упрощение, привнесение неуместного национального колорита.

Эпиграмма М.Л. Михайлова «Переводчик» (*«Шиллер и Гёте... Но я их не вижу в твоём переводе... // Вместо обоих поэтов — вижу тебя одного»* [1, с. 246]) раскрывает ещё один аспект плохого перевода — неспособность переводчика сохранить авторский стиль с его узнаваемыми чертами, при этом не подменяя своим.

Таким образом, перевод как важная часть литературной жизни часто становился темой эпиграмм отечественных поэтов, в которых освещались и осмысливались результаты переводческой деятельности. Литераторы активно пользовались эпиграммой, чтобы давать оценку переводчикам и степени их мастерства, а также качеству самих переводов.

Литература

1. Ершов Л.Ф. Муза пламенной сатиры: Русская стихотворная сатира 1830-1870 годов – Москва : Современник, 1988. – 476 с.
2. Ершов Л.Ф. Муза пламенной сатиры: Русская стихотворная сатира от Кантемира до Пушкина – Москва : Современник, 1988. – 540 с.
3. Гиллельсон М.И. Русская эпиграмма (XVIII – начало XX века) – Ленинград : Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1988. – 784 с.

Literary translation as the theme of the Russian epigram

The article deals with epigrams of Russian poets dedicated to literary translation. The goals of addressing this topic and the features of its disclosure are studied.

Key words: epigram, translation, criticism, Russian literature.

Шеленков Никита Дмитриевич

КГПУ им. В.П. Астафьева

nshelenkov19@gmail.com

Система работы над сочинением в формате ОГЭ 2023

Работа выполнена под руководством Бурмакиной Натальи Алексеевны.

Данная работа представляет универсальную методику подготовки к написанию сочинения в формате ОГЭ, созданную на основе диалоговой и проектной технологий обучения.

Ключевые слова: Основной государственный экзамен; сочинение; методика; шаблон; структура.

Русский язык – предмет, обязательный к сдаче в формате ОГЭ, подготовка к нему проходит у 100% обучающихся, соответственно количество методических рекомендаций растет с каждым годом. Методисты вырабатывают более и более оптимальные, эффективные и современные способы подготовки к экзамену, учителя их практикуют, ученики успешно сдают экзамен.

С точки зрения методики подготовки к ОГЭ, подход создания больших таблиц и многолетним наполнением определениями и примерами, можно назвать целесообразным и эффективным, но если обратиться к федеральному государственному образовательному стандарту² второго поколения, то цель и смысл классных часов, уроков, экскурсий, выставок несколько иная:

– духовно-нравственное развитие и воспитания личности

Личностные универсальные учебные действия предполагают умение ценностно-смысловую ориентацию ученика (нравственность и мораль). Через создание морально-этической картины мира ученик уже может самоопределиваться (лично, профессионально, жизненно), устанавливать смыслообразующие связи. ФГОС отмечает, что личностные УУД в образовательном процессе **не оцениваются, а только фиксируются.**

Внимательно прочитав текст Л. Пантелеева из задания 6³, можно понять, что

² Федеральный Закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации"

³ Демонстрационный вариант контрольных измерительных материалов основного государственного экзамена 2023 года по РУССКОМУ ЯЗЫКУ // Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный институт педагогических измерений» [Электронный ресурс]. – URL: <https://fipi.ru/oge/demoversii-specifikacii-kodifikatory> (дата обращения: 21.10.2022)

данная система подготовки к ОГЭ не совсем эффективна для написания сочинения-рассуждения, раскрывающее понятие «Смелость». Морально-нравственный итог, заключенный в рассказе, раскрывает понятие смелости многопланово, не так односложно, как это представлено в таблице.

Если исходить из интерпретации смелости словаря и художественного примера, то смелость маленького перевозчика будет заключаться в том, что он без страха и упрека под градом зенитных снарядов перевозил людей: *«(58)Даже отдалённый орудийный выстрел должен был пугать его и холодить жестокой тоской его маленькое сердце. (59)А ведь он улыбался. (60)Вы подумайте только – он улыбался давеча, когда земля и небо дрожали от залпов зенитных орудий».*

И экзаменуемый, разворачивая понимание смелости, как отсутствие страха моря, ударов и смерти, допустит серьезную ошибку, сузив понимание смелости до семантического минимума. Серьезность понимания этого момента заключается в том, что экзаменуемый чисто технически не допустит ошибку, а упустит дополнительный смысл, не увидит дальше обозначенного морального горизонта, ограничит свое понимание термина рамками того художественного произведения, который был выведен в примере подготовительной таблицы.

Полный, правильный, корректный анализ текста заключается в понимании смелости, как решения мальчика-перевозчика занять место убитого отца, сесть на скамейку: *«на которой еще, не небось, не высохла кровь отца».* Решение рисковать жизнью, трудиться под зенитными орудиями, потеряв отца и суметь сохранить улыбку, вызывая недоумение автора-рассказчика: *«(31)Неужели он не боится? – подумал я. – (32)Неужто не хочется ему бросить вёсла, зажмуриться, спрятаться под скамейку?.. (33)А впрочем, он ещё маленький, – подумалось мне. – (34)Не понимает, что такое смерть».*

Художественная литература, в принципе, и нужна для расширения нравственной картины мира, знакомства учеников с разными ситуациями, персонажами, дилеммами, погружение в мир которых, расширяет однобокое бытовое представление о тех или иных явлениях. Но сложность заключается в том, что авторы в своем понимании морали и нравственности неоднородны, каждый автор в своей художественной манере представляет свою картину мира, отражающее его видение, видение его эпохи, окружения, важен исторический контекст, жанровые ограничения и даже литературное направление. Это безусловно нужно учитывать при составлении таблицы, схемы или карты моральных понятий, проговаривать, что понимание смелости романтиков сильно

отличается от понимания авторов военной прозы или представителей соцреализма.

Шабунина делит весь процесс подготовки к сочинению на два этапа. На первом необходимо внушить ученикам, что стройная композиция – это уже большой процент успеха. Для учеников необходимо подготовить памятки в помощь, где пошагово, с примерами рассказывать, как создавать сочинение на основе текста, давать под запись языковые, речевые стандарты, используемые при рецензировании.

На втором этапе ученики учатся вчитываться в текст, определять тему, проблемы, писать комментарии к проблеме, формулировать позицию автора, свою позицию, аргументировать мнение и подводить итог. Чтобы научиться видеть и оценивать свою работу полно, ученики могут меняться черновиками сочинений, проверять и выставять баллы друг другу, тем самым глубже вникая и в процесс написания сочинения, и в процесс оценивания.

Материалы и методы. В ходе проведения данного исследования были использованы следующие **методы**: изучение и анализ теоретической литературы и официальных документов; проведение анализа информации; обобщение и синтез методов при разработке собственной методике.

Описание проведенного анализа. Для изучения эффективности разработанной методики, были выбраны 3 ученика 9 класса, сдающих ОГЭ в 2023. Занятия проходили в системе видеоконференций ZOOM.

Заранее была выслана первая таблица (приложение А), перечень тем сочинений и банк текстов ФИПИ. Каждый обучаемый получил весь дидактический материал и мог свободно им пользоваться в процессе занятия. С шаблонами к сочинениям были знакомы все ученики, но никто не представлял их в форме таблицы, оценили такую систематизацию удобной.

Рассказав о структуре сочинения и перечне тем, было предложено познакомиться с терминами и найти затруднительные для ответа на вопрос: *«Что есть для Вас...?»* Каждый ученик выделил по 3-4 непонятных для него термина. Для изучения эффективности разработанной методики, были выбраны 3 ученика 9 класса, сдающих ОГЭ в 2023. Занятия проходили в системе видеоконференций ZOOM.

Заранее была выслана первая таблица (приложение А), перечень тем сочинений и банк текстов ФИПИ. Каждый обучаемый получил весь дидактический материал и мог свободно им пользоваться в процессе занятия. С шаблонами к сочинениям были знакомы все ученики, но никто не представлял их в форме таблицы, оценили такую систематизацию удобной.

Рассказав о структуре сочинения и перечне тем, было предложено познакомиться с терминами и найти затруднительные для ответа на вопрос: «*Что есть для Вас...?*» Каждый ученик выделил по 3-4 непонятных для него термина.

Полученные результаты. При изучении авторских методик Сафиной и Шабуниной, были найдены эффективные приемы работы и полезные дидактические материалы, такие как: система универсальных вопросов, алгоритм подхода к анализу текста и шаблоны вводных конструкций для абзацев сочинения.

Авторская методика заключается в компиляции двух этих методов, использовании системы вопросов и шаблонов, применение ее к реальным текстам ФИПИ. В процессе проработки тем, нам удалось в короткие сроки сформировать навык поиска информации по темам, научить пользоваться шаблонами, как структурным подспорьем в написании сочинения и самое главное – связать темы в единую картину мира, показать взаимозависимость тем друг с другом, когда описание одной темы идет через понимания смежных. А интенсивная работа в малых группах утроила эффект от работы, показав опыт рефлексии, полемики и взаимного обогащения пониманием тем.

Заключение. Разработанную методику считаем эффективной: удалось в короткие сроки значительно расширить знание тем сочинений учениками, проанализировать большое количество текстов и параллельно с этим интегрировать таблицы-шаблоны в процесс обучения. Однако следует учитывать, что работа с большей группой обучающихся затребует большое усилие учителя, как технического модератора, что может вызвать затруднение в проработке тем. Но вариативность и разнообразие дидактического материала может пригодиться ученикам при подготовке к написанию сочинения уже в формате ЕГЭ.

Литература

1. Беляева А.Г. Рекомендации по подготовке к ОГЭ по русскому языку в 2023 году // Учительская газета. 2022. 06.09. Ст. 5.
2. Демонстрационный вариант контрольных измерительных материалов основного государственного экзамена 2023 года по РУССКОМУ ЯЗЫКУ // Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный институт педагогических измерений» [электронный ресурс]. URL: <https://fipi.ru/oge/demoversii-specifikacii-kodifikatory> (дата обращения: 21.10.2022).
3. Нарушевич А.Г. Система эффективной подготовки к ОГЭ по русскому языку

2021 года // 4ЕГЭ [электронный ресурс]. URL: <https://4ege.ru/gia-po-russkomu-jazyku/60676-sistema-effektivnoj-podgotovki-k-oge-po-russkomu-jazyku-2021-goda.html> (дата обращения: 21.10.2022).

4. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования: приказ министерства образования и науки Российской Федерации [электронный ресурс] // ФГОС. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/> (дата обращения 21.10.2022).
5. Сафина О.Н. Методические рекомендации по подготовке к написанию сочинения 15.3 в формате ОГЭ // Русский язык и литература. Всё для учителя!. 2019. №4. С. 8-14.
6. Шабунина С.Б. Система подготовки к ОГЭ по русскому языку // Знания без границ [электронный ресурс]. URL: <https://infourok.ru/metodika-podgotovki-k-oge-po-russkomu-yaziku-576864.html> (дата обращения: 21.10.2022).

Shelenkov N.D.

KSPU V.P.Astafieva

The system for working on an essay in the format of the OGE 2023

This work presents a universal methodology for preparing for writing an essay in the OGE format, created on the basis of interactive and project-based learning technologies.

Key words: Basic state exam; essay; methodology; sample; structure.

Шестакова Анна Сергеевна

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
annashestacova25@gmail.com

Трансформация образа бога Кроноса/Сатурна в песне Pyrokinesis'a «Как Сатурн пожирает своих детей»

Работа выполнена под руководством Петриной Елены Капитоновны,
кандидата филологических наук, доцента.

В статье рассматривается образ бога Кроноса/Сатурна и его трансформация в песне Pyrokinesis'a «Как Сатурн пожирает своих детей». Цель статьи оригинальная, уникально-личностная трактовка мифологического образа в жанре рэп.

Ключевые слова: древнегреческая мифология, античность, боги, музыка.

В древнегреческой мифологии Крон – это сын Урана и Геи, титан, которому предсказали свержение собственным чадом. Для древних римлян – почитаемый, уважаемый Бог; для греков – наводящий ужас и страх.

Мифы рассказывают о том, что Крон не любил своего отца. Уран прятал собственных детей в Тартаре, как только они появлялись на свет. Мать-земля, Гея, хотела побудить их пойти против отца, но все боялись. Лишь Крон, хитроумный и

жестокий, решил восстать против Урана. Тогда он кастрировал собственного отца. Примечательно, что Крон заплатил за свои грехи той же монетой, что и Уран: ему тоже было предсказано свержение сыном. Рожденные Реей дети съедались им из страха потерять власть. Одного из сыновей, Зевса, Рея спасла обманом: отдала богу камень вместо ребенка. Позже уже подросший Зевс и правда лишил отца власти, а также спасет всех своих съеденных братьев и сестер (Гестию, Деметру, Геру, Аиду и Посейдона). Крона, по иронии, свергает с престола его сын, точно так же, как и он когда-то сверг своего отца. Если давать краткую характеристику Крону, то это будет лишь два слова – хитрый и жестокий.

Важно отметить, что Крон носил и другие имена: в римской мифологии его называли Сатурн. В древнем Риме в его честь проводились широкие праздники, многие места носили его имя. В римских текстах говорится о том, что при Сатурне все жили счастливо и спокойно. Для древних греков же Кронос был порождением зла. Причиной этому были дети, которых он поедал, и его позорное свержение. Кронос был олицетворением разрушений.

Кронос был не только богом земледелия. В эллинистический период он считался богом времени. Его имя происходит от слова ‘Χρόνος’, которое означает ‘отрезок времени’. Кронос правил в период, знаменующий смену веков. Цицерон писал: «А в Сатурне хотели видеть того, кто вмещает в себя бегущие и сменяющие один другого отрезки времени. Он ведь у греков и носит соответствующее имя – Κρόνος, то же самое, что χρόνος, т. е. отрезок времени. А Сатурном его называли от того, что он насыщается (saturaretur) годами. И выдумали, будто он имеет обыкновение пожирать родившихся от него, потому что время поглощает отрезки времени и никак не насытится минувшими годами. А Сатурн [Кронос] был закован Юпитером [Зевсом], чтобы время не бежало слишком быстро; чтобы умерить его течение, на него были наложены звездные узы» [3, с. 121]

Образ Кроноса нашел отражение во многих областях культуры. Так, рэп-исполнитель Андрей Федорович, более известный под именем Pyrokinesis, использует в своей песне метафорический образ Кроноса.

Исполнитель разбирает самый известный миф о Кроносе – поедание богом детей. Как было упомянуто раньше, Кронос поедал своих детей в страхе, что кто-то из них его свергнет. Андрей поет в первом куплете:

*«Мой друг, в грязь ладоши
И ты тоже, как не мой рук*

*Но не станет моложе
Не станется чище
Тени тянут ручища
И воруют детей из снов
В колыбели подбросив им
Вместо детей - стариков
Они плачут от страха, опять
Они мочат пелёнки и давят прыщи
И, кажется, муха способна застрять в паутине морщин
(Их не отличить от ребёнка)
Как тогда, оно хочет играть
Но роль поменялась давно ещё
Тук-тук, я взглянул под кровать
И меня испугалось чудовище» [2]*

В первом куплете лирический герой рассказывает о том, как тени забирают детей из колыбели, возвращая их стариками. Сон – олицетворение детства, самого приятного времени в жизни. Тени выхватывают детей из него, тем самым «вбрасывая» их во взрослую жизнь. Старики же – отражение людей, столкнувшихся со взрослой жизнью, то есть с проблемами, трудностями. Лирический герой становится тем самым стариком, поэтому чудовище под кроватью, которого он боялся, пугается его самого. Из этого можно сделать вывод, что Кронос в песне будет рассматриваться как бог времени.

Бридж (переход от куплета к припеву):

*«Раз, два, три, четыре, пять
Не пора ли? Значит, я иду искать
И всё, как в детстве
Только пара правок в правила, подметим:
Есть одна жизнь, кто плохо прятался, тот съеден
(Ха-ха-ха)» [2]*

В бридже можно увидеть, как один из детей пытается спрятаться от теней, но детская игра меняет правила и становится более жесточенной. У него есть лишь одна попытка, и если дитя будет найдено, то его ждет судьба, описанная в первом куплете. Именно здесь появляется первая прямая отсылка на Сатурна: «Есть одна жизнь, кто плохо прятался, тот съеден».

Припев:

«Никто тепла не дарит, только лампа на стене

И над кроваткой планетарий

Чудовища из фигур оживают

Под ними тень гасит звёзды

И так Сатурн пожирает своих детей (И рождает в них тьму. И в ней)

Никто тепла не дарит, только лампа на стене

И над кроваткой планетарий

Чудовище из фигур оживает

Под ними тень гасит звёзды

И так Сатурн пожирает своих детей

(И рождает в них тьму)» [2]

В припеве первый раз звучит имя Сатурна несмотря на то, что вся песня изначально завязана вокруг него.

Планетарий – олицетворение мечты, желаний из детства. Во взрослом возрасте это все исчезает, тень гасит звезды. Тогда и приходит черед Сатурна, который пожирает ребенка и рождает в нем тьму. Значит, Сатурн, бог времени, приходит в переломный момент и превращает детей в стариков, черствых, жестоких, безразличных. Тьма захватывает не только «душу», но и все вокруг. Каждый человек рано или поздно оказывается съеденным, и никто не может подарить ему заботу и тепло. *Второй куплет: «Когда я был маленьким*

Меня часто пугали

То, что если буду плохо вести себя

Буду один до конца своих дней

Когда я был маленьким

Часто меня в наказание ставили в угол

И там со временем так я завёл в темноте

Много маленьких, странных друзей

Я прислоню к стене ладони

И к ним тянут лапы тени

Пытаясь меня душишь

Но со временем кто больше и те, кто злей

Не пугал, а тех, что слабее, заставил со мной дружить

Но теперь они все боятся меня

Монстры из детской, они боятся меня

Старый мир сплетённый из текстур

Где даже тени оживали, но теперь звёзды гаснут

Так Сатурн пожирает своих детей

(Так рождается тьма)» [2]

Во втором куплете опять упоминается, что теперь не тени пугают лирического героя, а он пугает их. Возможно, он понимает, что тени не причинят ему никакого зла, следовательно, их не стоит бояться. В результате взросления лирический герой становится ещё хуже теней, ещё злее, страшнее. И именно поэтому наводит ужас на них. Процесс изменения необратим. Когда все звезды в комнате гаснут, Сатурн поглощает «внутреннего ребенка» и ему навсегда приходит конец. Можно

предположить, что душа лирического героя настолько пуста, что все чувства, включая испуг, становятся атрофированными.

Итак, Сатурн в данной песне – олицетворение взрослой жизни во всех негативных её проявлениях. Именно он в определенный момент съедает «внутреннего ребенка», прерывая человеческие мечтания и приводя к нравственному очерствению. Если бог съест его, то процесс изменений в худшую сторону будет необратим.

Автор через античного бога и мифы, связанные с ним, показал, что может случиться с человеком, который не в силах бороться с жизненным негативом и трудностями.

Единственный образ, противопоставленный злему началу, - звезды в комнате лирического героя. Ведь это свет, надежда на спасение от Сатурна, от «заледенения» души. Они – единственная возможность выбраться из душевной пустоты, не позволить богу поглотить самое светлое и хорошее в человеке.

Литература

1. Гесиод. Теогония. // Эллинские поэты VIII – III вв. до н. э. / Перевод В.В. Вересаева. – «Москва : Ладомир», 1999. – С. 31-33.
2. Текст песни «Как Сатурн пожирает своих детей» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://genius.com/Pyrokinesis-how-saturn-devours-his-children-lyrics> (дата обращения 15.03.2023).
3. Цицерон. О природе богов. Книга II. XXV // Цицерон. Философские трактаты. – «Москва : Наука», 1985. – 384 стр.

Shestakova Anna Sergeevna

Pushkin State Russian Language Institute

Transformation of image god Saturn/Cronus in the Pyrokinesis's song "How Saturn devours his children"

This article discusses the image of the god Kronos/Saturn and his transformation in the Pyrokinesis's song "How Saturn devours his children". The purpose of this article is an original, uniquely personal interpretation of the mythological image in the rap genre.

Keywords: greek mythology, antiquity, gods, music.

Шишканова Ксения Николаевна

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
xeniaschishkanova@yandex.ru

Народные врачевательские практики в литературе Древней Руси

Работа выполнена под руководством Тростиной Марины Александровны,
кандидата филологических наук, доцента.

В статье показана история возникновения и развития медицинской темы в фольклоре и литературе Древней Руси. Описываются средневековые приемы народного лечения различных заболеваний, дается характеристика травникам и лечебникам Древней Руси. На основе анализа устных и письменных источников прослеживается зарождение образа целителя в отечественной словесности.

Ключевые слова: древнерусская книжность, фольклор, медицина, народное врачевание, врач.

Исследование древнерусской медицины начинается с появлением первых светских образованных врачей. Данная область знаний – периферийная и пограничная тема исторической науки, поэтому и является предметом изучения таких дисциплин, как этнография, история медицины, фольклористика, антропология и многих других. Учеными принято рассматривать развитие лечебной практики неразрывно с личностью врача, со способами его профессиональной деятельности и особенностями общения с пациентами. Так, медицинскую практику, ее специфику и уникальность рассматривают Н.П. Загоскин [13], Ф.Л. Герман [9], Е.Ш. Гуляева [12]. М.А. Тростина и К.Н. Шишканова в работе «Профессиональный фольклор медицинских работников» называют факторы, организующие концепт врачебной профессии (осознание профессии медика как социально-значимой, высокая профессиональная рискогенность, природная «подготовленность» к этому виду деятельности) [18]. Дальнейший анализ образа врача, его медицинской практики выступает приоритетным направлением во многих гуманитарных дисциплинах, поскольку позволяет проследить процесс его эволюции: от целителя, врачевавшего словом, до современного медика, владеющего научными знаниями.

Первые письменные упоминания о медицине на Руси появились в XI веке. Лаврентьевская и Никоновская летописи, Независимый свод XV века, а также Московский летописный свод содержат некоторую информацию о больных и заболеваниях. Анализируя имеющиеся источники, В.Д. Отмановский [17], Н.А. Богоявленский [8], М.П. Мультановский [16] пришли к выводу, что в целительских практиках Древней Руси можно выделить три основных направления медицины: православные исцеляющие практики (монастырская медицина), народное врачевание (житейская магия, знахарство) и ремесленная (светская) практика, основанная на гиппократовой медицине, переработанной западноевропейскими врачами.

Наиболее древним методом лечения считается народная медицина, которая вплоть до второй половины XIX века оставалась единственным средством

поддержания здоровья и лечения недугов. «Русская народная медицина, – отмечал Н.П. Загоскин, – так же стара, как стара и историческая жизнь русского народа. Она пережила, затем, тысячелетний период уже исторической жизни его – и до наших дней сохраняет за собой огромную силу, существуя наряду с научной медициной» [13, с. 6].

Согласно этимологическому словарю русского языка М. Фасмера, слово «врач» происходит от глаголов «ворчать» и «врать», в болгарском языке врач – «колдун», а в сербохорватском – «прорицатель». Из этого следует, что первоначальное значение слова – это заклинатель, колдун. Народными врачами в Древней Руси были чародеи, знахари, волхвы, кудесники, зелейники, ворожеи, балии, умеющие работать на пользу и во вред человеку посредством магических и лекарско-знахарских действий. В народе они считались посредниками между человеком и силами природы. Они, обладая определенными медицинскими знаниями, основанными на народном опыте лечения болезней, осуществляли не только врачебательские практики, но и проводили богослужения, жертвоприношения, заклинания. Такое врачевание объединяло в себе реальное знание целебных сил природы и веру в ее чудодейственные способности. За помощью к этим «универсальным» специалистам обращались не только по причине телесных недугов, но и за предсказанием судьбы, разгадыванием снов, толкованием примет и небесных знамений. В «Повести временных лет» описывается, как князь Олег до похода на греков обращается к «волхвам и кудесникам» с вопросом, отчего он умрет. Один из них ему отвечает: «Княже! Конь, егоже любиши и ѣздиши на немъ, от того ти умрети» [5]. Этот сюжет не случайно связывают с мотивом заклинания: предсказание оказывается сбывшимся, несмотря на осторожность князя Олега. Летописец отмечает, «се же *не* дивно есть, яко от волхвования сбывается чародѣйством» и называет имена известных волхвов того времени [5].

Образы носителей народно-врачевательских знаний широко представлены в устном народном творчестве. Это всем известные по былинному сюжету об исцелении Ильи Муромца «калики перехожие», которые избавляют от недуга богатыря, «сиднем сидевшего цело тридцать лет в селе Карачарове». Калики-волхвы были хранителями преданий, носителями религиозных знаний и народной мудрости. Согласно былинке «Исцеление Ильи Муромца» они, истомленные жаждой, приходят в дом будущего богатыря и мотивируют его на открытие им двери:

Выставай-ка, Илья, на резвы ноги,

Отворяй-ка ворота широкие,

Пускай-то калик к себе в дом [4, с. 105].

Калики не случайно оказываются около дома Ильи Муромца: они знают, куда нужно идти, потому что их ведет провидение. За «воротами широкими» живет будущий защитник земли русской, а цель каликов – излечить его, наполнить верой и богатырской мощностью. Нежданные гости чудодейственным способом возвращают «силушку великую» Илье, поднося «чару питица медвяного». Но на этом не заканчивается их миссия: наделенные даром прорицательства, калики дают богатырю пророческие наставления и уберегают от врагов: «Будь ты, Илья, великий богатырь», «не выходи драться с Святогором-богатырем», «не ходи още на Волгу Сеславьича».

Богатым источником представлений о целительской медицине являются русские народные сказки. Например, в волшебной сказке «Ведьма и Солнцева сестра» Иван-царевич обращается к Солнцевой сестрице с просьбой об отпущении на родину, а следом получает от нее «два моложавых яблочка: какой бы ни был стар человек, а съест яблочко – вмиг помолодеет» [2]. Иван-царевич использует их по назначению, омолаживает яблоками старух, а они, в свою очередь, одаряют его волшебным платочком.

В сказке «Притворная болезнь» целителем выступает «седой старичок», который дает сыновьям Ивана-царевича «корешок». Герой-врачеватель, наделяя «корешок» чудодейственными силами, предлагает свою помощь и оглашает царевичам правила ритуала-воскресения: «Нате, вот вам корешок; отройте Ивана-царевича, этим корешком его вытрите да три раза перевернитесь через него» [1, с. 89–94]. Отыскав могилу Ивана-царевича и выполнив колдовские манипуляции, сыновья оживляют своего отца и возвращают его в дом.

Упоминания о народно-медицинских практиках встречаются и в памятниках древнерусской агиографической литературы. Показательной в этом плане является «Повесть о Петре и Февронии Муромских», созданная в конце 1540-х годов Ермолаем-Еразмом. Заглавная героиня произведения обладает знаниями в сфере лечения болезней, унаследованными от предков. Она действует, следуя языческой заговорной традиции: совмещает воздействие лекарственными средствами с наговорами (нашептываниями). Целительские мероприятия осуществляются ею в бане – «месте колдовском, нечистом, где было принято снимать нательный крест» [17, с. 659]. Именно в бане князь Петр должен был помазать чудодейственным средством «по телу своему, иде же суть струпы и язвы», а один струп, по велению Февронии, следовало

оставить «не помазанным» [6]. Способ лечения Февронии – колдовской – об этом свидетельствует ряд ведовских ритуалов: особый состав мази, соответствующая манипуляция с ней («дуну на ня»), условия нанесения средства и типичное завершение заговора формулой («И будет здрав!»).

Врачевание у славян, начиная с племенной жизни, передавалось из уст в уста от поколения к поколению. Позднее народные практики, дошедшие до писарей, начали складываться в сборники и книги. О народной лечебной практике исследователи узнают из древних памятников: лечебников, травников, сказаниях и житий святых. Лечебники и травники, иначе именуемые – зельники, представляют собой древнерусские энциклопедии, «великолепные памятники языка и эстетического понимания окружающего мира» [14, с. 11-12], вместившие в себя сведения наших предков об анатомии человека, болезнях, целебных продуктах, видах растираний. Так как сглаз, порчу считали причиной многих болезней, то в зельники включали наряду с рациональными советами рекомендации магического характера. Следовательно, данная книжность занимает пограничное положение между научным знанием и древнерусским фольклорно-мифологическим представлением о бытии.

Травники отличались тем, что в них были представлены народные наблюдения над целебными свойствами растений. Так, Тобольский травник XVIII века, отмеченный сложной структурой и разнонаправленностью, предлагает рецепты траволечения тем, «у кого сердце болить»: «возми черную ретку и изрѣшь ее крушками да положи на блюда да пересыпь и инбиремъ тертымъ: мушкатом, гвоздикою и проколи ножом и поставь в тѣплѣ и что отстоитца соку и тотъ сокъ пить па утру на тощеѣ сердце» [7]. В тексте памятника целебные рекомендации переплетаются с хозяйскими советами и житейскими напутствиями, заключенными, к примеру, в статьях «О чесноти и о счасии в людех», «Аще кто хочет много рыб уловити». Не оставляют без внимания составители травника и семейную жизнь славян, предлагая рецепты «счастливого супружества»: «Аще станет муж жены не бречи: маж ево медвежим саломъ всего не будет ему походи на иную» [7].

Многие популярные лечебники того времени являются переводными: древнерусские книжники старались перенять опыт и знания, распространенные в Византии и других европейских странах с высокоразвитой культурой. Таков сборник «Книга глаголемая Вертоград Прохладный, избранная от многих мудрецов о различных врачевских вещах ко здравію человекам пристоящих», переведенный с польского языка Симеоном Полоцким для царевны Софьи. По замечанию В.Ф. Груздева,

«памятник подвергался изменениям: часть, казавшаяся устаревшей, отбрасывалась, а также вносились лечебные сведения, более новые и нужные» [11]. Книга была адаптирована автором и дополнена народно-врачевательскими практиками. Об этом свидетельствуют части из оглавления: «О хлебах всяких. О заморских и русских зелиях», «Указ, како збирати травы», «О кровопускании». В «Вертограде» мы находим целебные свойства продуктов: меда («на раны смрадные способляет, очам затмение отдаляет, живот облягчает, кашляющим помогает»), куриных яиц («яичный белок холодит, а желток согревает»), пшеницы («хлеб пшеничный силу подает и добрые крови творит») и многих других. Отмечается во врачевательской практике и польза животного мира. Например, «собака, языком своим лижучи, и чужие раны лечит», «молоком сучьим где помажешь – там волосы не растут», а «голубь убитый, горячий, приложен на всякое ядовитое укушение, пособляет».

О признании народных врачевателей свидетельствует не только «профессиональная» литература, но и «Изборник Святослава 1073 года», в котором заключена книжная мудрость энциклопедического характера. В нем отмечается, что «егда бот и детищъ болит, то ты чародеицъ иштеши» [3]. Впервые в подобной книге даются советы по гигиене («проводить омовения»), по питанию («силы в овощи велики», «питье безмерно бешество есть»), по содержанию одежды, дома в чистоте, а также описание некоторых излечимых и неизлечимых недугов, уже известных европейскому человеку. В «Изборнике» упоминается деятельность первых народных врачей-хирургов, именуемых «лечцы-резальники», которые умели «разрезать ткани», проводить лечебные прижигания при помощи раскалённого железа, лечить травму при помощи отваров и самодельных мазей. В качестве медицинских инструментов использовались бытовые предметы: ножи для рассечения, а также «точила». А.С. Малахова в работе «Феномен болезни в сознании и повседневной жизни человека Древней Руси» справедливо отмечает, что «Изборник Святослава 1073 г. требует от врача “врачевьския хѣтрости” в значении искусного лечения» [15, с. 224]. Народный врачеватель должен быть изобретательным, исследовать еще не изученные области знаний, запоминать передаваемую мудрость и профессионально использовать ее на практике. На таких людей возлагалась большая надежда, потому что они были единственным спасением славян от недугов телесных и душевных.

Определяя роль народно-врачевательских практик в жизни древнерусского человека, можно сделать вывод, что колдуны, знахари обладали практическими знаниями, опытом и приносили помощь даже самым тяжелым больным. О

популярности домашнего лечения свидетельствуют не только тексты устного народного творчества, но и авторитетные памятники древнерусской письменности, предлагающие в качестве лекарственных средств травы, продукты питания, молитвы и заговорные формулы.

Литература

1. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. В 3 т. Т. 2. – Москва : Наука, 1985. – 490 с.
2. Ведьма и Солнцева: русские народные сказки. URL: <https://russkaja-skazka.ru/vedma-i-solnceva-sestra/> (дата обращения: 25.11.2022).
3. Изборник Святослава 1073 г. Научный аппарат факсимильного издания. – Москва : Книга, 1983. – 80 с.
4. Илья Муромец / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. – Москва : Сов. Россия, 1988. – С. 104-107.
5. Повесть временных лет // Пушкинский дом : институт русской литературы. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869> (дата обращения: 01.11.2022).
6. Повесть о Петре и Февронии // Древнерусская литература – образовательный портал. URL: <http://www.drevne.ru/lib/fevr.htm> (дата обращения: 09.11.2022).
7. Тобольский травник XVIII века / под общ. ред. Л. А. Глинкиной. – Челябинск : ГОУ ВПО «ЧГПУ», 2004. – 251 с.
8. Богоявленский Н.А. Древнерусское врачевание с XI–XVII веков. – Москва : Медгиз, 1960. – 327 с.
9. Герман Ф.Л. Врачебный опыт допетровской Руси : (материалы для истории медицины в России). – Харьков : А. Дарре, 1891. – 119 с.
10. Глинкина Л.А., М.С. Выхрыстюк. Тобольский список лечебника XVII – начала XVIII в. в контексте русской традиционной культуры / Научный альманах «Традиционная культура». – 2006. Т. 7, № 2 (22). – С. 57–63. URL: http://www.tradculture.ru/sites/default/files/files_pdf/%D0%9B.%D0%90.%20%D0%93%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D0%B0%2C%20%D0%9C.%D0%A1.%20%D0%92%D1%8B%D1%85%D1%80%D1%8B%D1%81%D1%82%D1%8E%D0%BA..pdf (дата обращения : 15.09.2022).

11. Груздев В.Ф. Рукописные лечебники в собрании Пушкинского дома // Труды Отдела древнерусской литературы. – Ленинград. – 1974. Т. 29, № 8-14. – С. 343-348.
12. Гуляева Е.Ш. Развитие древнерусской медицинской культуры : автореф.дис. ...канд. культ. н. – Волгоград, 2006. – 28 с.
13. Загоскин Н.П. Врачи и врачебное дело в старинной России : публичная лекция / Н.П. Загоскин. Казань : Тип. Императорского ун-та, 1891. – 72 с. URL: http://ebiblio.ru/xbook/new/xbook0001/files/course/0028_ZagoskinVrachi%20i%20vrachebnoe%20delo.pdf (дата обращения: 15.11.2022).
14. Лихачев Д.С. Подступы к решительным переменам в строении литературы // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. – Москва, 1987. – С. 5-22.
15. Малахова А.С., Малахов С.Н. Феномен болезни в сознании и повседневной жизни человека Древней Руси (XI – нач. XVII в.). – Армавир : Дизайн-студия Б, 2014. – 298 с.
16. Мультиановский М. П. История медицины. – Москва : Медгиз, 1961. – 347 с.
17. Отамановский В. Д. Борьба медицины с религией в Древней Руси. – Москва : Медицина, 1965. – 186 с.
18. Тростина М. А., Шишканова К. Н. Профессиональный фольклор медицинских работников // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук. 2020. №12. – С. 230-234.
19. Фомичев С. А. «Повесть о Петре и Февронии» Ермолая-Еразма и новая русская литература // Пушкинский дом : институт русской литературы. URL: <http://odrl.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=XaB5z7YfX5Q%3D&tabid=2302> (дата обращения: 10.11.2022).

Shishkanova K.N.

Mordovia State University

Folk healing practices in the literature of Ancient Russia

The article shows the history of the emergence and development of the medical topic in the folklore and literature of Ancient Russia. Medieval methods of folk treatment of various diseases are described, the characteristics of herbalists and healers of Ancient Russia are given. Based on the analysis of oral and written sources, the origin of the image of the healer in Russian literature is traced.

Keywords: ancient Russian literature, folklore, medicine, folk medicine, doctor.

Интерактивные методы работы на уроках русского языка и литературы

Использование мультимедиа для целей обучения является наиболее положительным элементом для освоения учебного материала учащимися. В соответствии с современными стандартами, преподаватель должен уметь не только правильно преподнести информацию до учащихся, но и уметь заинтересовать современных школьников. Таким элементом привлечения сегодня являются мультимедиа и различные методы с коммуникативной направленностью.

Ключевые слова: интерактив, методы преподавания, уроки, русский язык, русская литература.

Такое направление как диалог, беседа и в целом взаимодействие представляет собой интерактивный метод, что в переводе с латыни означает «взаимное действие». Учитель при организации такого процесса старается направлять обучающихся, чтобы они достигли поставленных уроком целей. Такое достижение осуществляется через взаимодействие учащихся друг с другом и с учителем через коммуникацию [2].

К интерактивным методам обучения относятся:

1. Групповое взаимодействие
2. Кейс-задачи
3. Творческие задачи
4. Эссе и многое другое [2].

Данные методы помогают обучающимся развивать навыки поиска и систематизации проблемы, нахождении информации, ее обработки и подбора оптимального ее решения. Интерактивный метод дает студентам возможность в комфорте осваивать материал, чувствовать себя успешным и интеллектуально подкованным, а также создает задел для будущего развития [2].

При этом не стоит забывать и о задачах интерактивного метода, к которым относятся следующие: вызывать интерес у обучающихся, успешно осваивать материал, обучаться самостоятельному поиску информации и работе в команде, прислушиваться к чужому мнению и многое другое.

Существует также прием обучающий, обеспечивающий кратковременное взаимодействие между преподавателем и учениками для того, чтобы последние смогли получить конкретное знание, умение или навык [3].

Учебник Баранова М. Т. по русскому языку для обучающихся в 6 классе приводит следующие интерактивные методы взаимодействия [1]:

1. Ступенчатый метод, когда полученную информацию учащимся нужно расположить в правильной последовательности. Например, распределить по степени

значимости утверждения, дабы они сформировали порядок действий при определении способа образования слова.

2. Метод поиска соответствий, когда обучающимся необходимо подобрать определения к конкретным словам.

3. Метод «верно-неверно», когда требуется выяснить, верны ли конкретные утверждения.

4. Метод классификации, когда учащиеся разбивают и систематизируют конкретные слова и выражения по группам и подгруппам.

5. Метод ролевой игры, наделяющий участников коммуникации различными ролями и устанавливает определенные ситуации, которые позволяют им обыгрывать различные сценарии с применением разного лексикона [3].

6. Метод «мозгового штурма», примером которого может послужить сбор предложений из имеющихся слов или разбор кроссворда.

В заключении мы приходим к тому, что существуют следующие приёмы интерактивного метода обучения русскому языку: ступенчатый, приём поиска соответствий, «верно-неверно», классификации, ролевой игры, «мозговой штурм». Каждый из них является способом взаимодействия, когда создается ситуация для обучающихся, чтобы они могли самореализоваться в различных видах учебных занятий.

Литература

1. Баранов М. Т., Ладыженская Т. А., Тростенцова Л. А. Учебник по русскому языку за 6 класс. – 33-е изд. – Москва : Просвещение, 2011. – С. 57-60;
2. Белькова А. Е. Методика организации и проведения учебно-ознакомительной практики бакалавра-филолога // Научный журнал «Молодой учёный». – 2015. – № 12 (92). – С. 896-898;
3. Львов М. Р. Словарь-справочник по методике преподавания русского языка: Пособие для студентов педагогических вузов и колледжей. – Москва : Издательский центр «Академия»; Высшая школа, 1999. – 199 с.

The use of multimedia for learning purposes is the most positive element for the development of educational material by students. In accordance with modern standards, a teacher should be able not only to correctly present information to students, but also to be able to interest modern schoolchildren. Such an element of attraction today is multimedia and various methods with a communicative orientation.

Keywords: interactive, teaching methods, lessons, Russian language, Russian literature.

Ян Юйхэ

Российский университет транспорта
2218255318@qq.com

Сравнительное изучение китайской и российской системы образования в текущей ситуации

Работа выполнена под руководством Н. А. Маркиной к.ф.н, доцента.

В статье рассматриваются проблемы организации системы образования в Китае и в России. В контексте развития добрососедских отношений между странами научные, образовательные и культурные обмены играют все более важную роль в укреплении дружбы между государствами. Настоящая статья посвящена описанию систем образования России и Китая - в работе проводится сравнение организации учебного процесса и принципов формирования учебных групп.

Ключевые слова: система образования, уровни образования, единый национальный экзамен, единый государственный экзамен.

Китай и Россия являются важными стратегическими партнёрами. В контексте реализации программы “Один пояс и один путь”, предложенной Китаем, сотрудничество между Китаем и Россией углубляется. Страны проводят различные совместные образовательные, научные, культурные мероприятия, строят китайско-российские культурные центры, совместно создают институты Конфуция в России.

Все больше китайской молодежи проявляет интерес к учебе в России, а в Российской Федерации растет интерес не только к изучению китайского языка, но и к получению образования в Китае. Обучение за рубежом – это проявление взаимного доверия между Китаем и Россией и углубление сотрудничества в области образования. Китай открыл большое количество финансируемых государством мест для обучения за рубежом и активно поддерживает студентов, желающих учиться в России. В настоящее время двустороннее обучение за рубежом между Китаем и Россией продолжает развиваться и число студентов, обучающихся за рубежом, неуклонно растет. В 2023 году Китай и Россия запустили план обучения выпускников средних школ в России, который заранее будет реализован в провинции Хэнань. Обучение за границей – это, по своей сути, культурный обмен. Обучаясь за рубежом, можно углубить свое понимание системы образования и методов преподавания страны назначения. Для потенциальных студентов важно заранее понимать особенности системы образования другой страны.

Существуют сходства и различия в системах образования, методах преподавания и

педагогическом мышлении в обеих странах. В таблице № 1 представлены общие сведения о системах образования в Китае и России.

Таблица № 1. Общие сведения о системах образования в Китае и России

Академическая система				Китай	Россия
Общее				Обе системы включают в себя дошкольное образование, среднее образование и высшее образование. Обязательное образование составляет девять лет	
Различия	Срок обучения	Дошкольное образование		Обычно 3 года	Обычно 5 лет
		Начальное образование		Наиболее распространена 6-я начальная школа. 5 лет в начальной школе обучаются в некоторых провинциях и городах (города Вэйхай, Яньтай, Шанхай, части Пекина и части провинции Хэйлунцзян, Харбин, Дацин, Суйхуа, Цзикси, Китайхэ и т.д)	4 года
		Среднее образование	средние классы	Наиболее распространено 3-летнее обучение в средних классах, в некоторых провинциях и городах обучение продолжается 4 года	5 лет

				(города Вэйхай, Яньтай, Шанхай, части Пекина и части провинции Хэйлунцзян, Харбин, Дацин, Суйхуа, Цзикси, Китайхэ и т.д.)	
			старшие классы	3 года	2 года
		Высшее образование		3 года обучения по университетским специальностям. 4 года для получения степени бакалавра. По некоторым специальностям для получения степени бакалавра необходимо 5 лет (архитектура, медицина, городское планирование).	Бакалавриат – 4 года. Специалитет – 5 лет. Магистратура – 2 года.
	Размер класса/группы	Дошкольное образование		25-35 человек	15-20 человек
		Начальное образование		45-50 человек	не более 25 человек
Среднее образование		более 50 человек	примерно 25 человек		
Высшее образование		маленькая группа-	20-50 человек	20-35 человек	
	большая	2-3 маленькие группы вместе			

			группа (поток)	

Как мы можем видеть, между системами образования в Китае и России существуют сходства и различия. Этапы обучения одинаковые, но годы обучения на каждом этапе различаются. Существенная разница наблюдается в размерах классов. Китай имеет многочисленное население, исходя из этого формируются большие классы. Система больших классов способствует централизованному и унифицированному управлению, может решить проблему нехватки мест и учителей, а также способствует обмену между учащимися, воспитывая командную осведомленность и дух сотрудничества. Однако большое количество учащихся в классе может приводить и к неблагоприятной обстановке в классе, а также усложнять работу педагога. В большом классе невозможно должным образом заботиться об уровне обучения и удовлетворять потребности каждого учащегося.

В России система малых классов дает возможность преподавателям реализовывать метод индивидуального обучения, а также способствует здоровому физическому и умственному развитию учащихся.

Особенности работы китайских и российских университетов

Колледжи и университеты являются основными центрами воспитания талантов, передачи знания и внедрения инноваций в науку и технологии. Они занимают важное положение и играют уникальную роль в развитии страны. Сотрудничество между китайскими и российскими университетами имеет давнюю историю, поэтому обеим странам нужно работать вместе, чтобы способствовать качественному развитию университетского образования. Ниже приводится сравнительный анализ различий в преподавании между китайскими и российскими университетами.

1. Вступительные экзамены

В Китае для поступления в университеты необходимо успешно сдать единый национальный экзамен, но из-за различных образовательных ресурсов, учебных материалов и курсов он разделен на восемь комплектов экзаменационных работ (представлены в таблице № 2).

Таблица № 2. Комплекты тестовых работ для вступительных экзаменов в национальный колледж

Название теста	Регионы страны, в которых используется данный тест	Особенности тестов

Тест “甲”	Юньнань, Гуанси, Гуйчжоу, Сычуань, Тибет	Комплексные тесты созданы в Экзаменационном центре Министерства образования
Тест “乙”	Хэнань, Шаньси, Цзянси, Аньхой, Ганьсу, Цинхай, Внутренняя Монголия, Хэйлунцзян, Цзилинь, Нинся, Синьцзян, Шэньси	
Тест первый	Гуандун, Фуцзянь, Цзянсу, Хунань, Хубэй, Хэбэй, Шаньдун	Китайский язык, математика и иностранные языки тестируются Экзаменационным центром Министерства образования
Тест второй	Ляонин, Чунцин, Хайнань	
Индивидуальные тестовые задания	Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, Чжэцзян	Комплексные программы по гуманитарным и естественнонаучным дисциплинам предлагаются провинциальными образовательными экзаменационными центрами
		Провинциальные и муниципальные экзаменационные центры в области образования

В России с 2009 г. существует обязательный для всех Единый государственный экзамен (ЕГЭ), на основании результатов которого выпускники школ поступают по конкурсу в любой вуз страны. Но некоторым университетам, например, МГУ (Московский государственный университет), также разрешено проводить дополнительные вступительные испытания для абитуриентов.

2. Результаты сессии

Большинство китайских университетов используют 100-балльную систему с 60 проходными баллами, а итоговые оценки каждого семестра в основном делятся на три

части: текущие оценки, промежуточные тесты и семестровые экзамены. Текущие оценки включают в себя посещаемость, результаты контрольных и самостоятельных работ, а также выполнение домашних заданий.

В российских университетах принята пятибалльная система оценки знаний: максимально высокая оценка 5 - «отлично», 4 - «хорошо», 3 - «удовлетворительно», 2 - «неудовлетворительно». Неудовлетворительная оценка на экзамене в период экзаменационной сессии означает для студента необходимость пересдачи этого экзамена. Студент, который в течение всего времени обучения в вузе получал самые высокие баллы, оканчивая университет, получает красный диплом - документ, подтверждающий его отличную учёбу в университете. Красный диплом дает некоторые преимущества при поступлении в университетскую магистратуру или при устройстве на работу.

Таким образом, молодым людям, желающим учиться в другой стране, важно знать об особенностях системы образования государства, в котором они планируют получать знания, быть готовыми к особенностям преподавания, стилям обучения, традиционно существующим в стране.

Yang Yuhe

Russian university of transport

Comparative analysis of Chinese and Russian education systems in the current situation

Abstract: The article deals with the problems of organizing the education system in China and Russia. In the context of the development of good neighborly relations between countries, scientific, educational and cultural exchanges play an increasingly important role in strengthening friendship between the two countries. This article is devoted to the description of the education systems of Russia and China, the comparison is made of the organization of the educational process, the principles of the formation of study groups.

Keywords: education system, levels of education, unified national exam, unified state exam.

Ян Лю

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
yyan9liuliu@yandex.com

Особенности русских и китайских поздравлений в интернете (на материале специализированных сайтов)

Работа выполнена под руководством Жуковой Арины Геннадьевны, кандидата филологических наук, доцента.

Цель статьи – описание и систематизация текстов поздравлений, представленных на русских и китайских специализированных ресурсах готовых поздравлений. Для анализа были избраны один русский сайт <https://pozdravok.com/> и один китайский ресурс <http://www.glook.cn/index.html>, предлагающие готовые поздравления по самым различным поводам. Тексты поздравлений были проанализированы по различным признакам, был проведен сравнительный анализ.

Ключевые слова: поздравление; пожелание; интернет-коммуникация; специализированные ресурсы готовых поздравлений.

Поздравления являются неотъемлемой частью любого торжества. Поздравление – это «наименование этикетной ситуации общения, когда в ответ на благоприятное событие (например, праздник), говорящий посылает адресату благопожелания. Событие может быть как общенародным праздником, так и личным, включая достижения разного рода» [3, с. 481]. «Под речевым этикетом понимаются регулирующие правила речевого поведения, система национально специфичных стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» [4, с. 9]. Существует множество способов поздравить человека со значимым для него событием. Близких друзей всегда хочется удивить чем-то особенным, тем самым доказать значимость этих людей для вас. Именно поэтому поздравления должны быть наполнены искренностью, любовью и теплом. Как в России, так и в Китае существуют сайты с готовыми поздравлениями, которые люди могут использовать.

На русской странице представлено около 447000 поздравлений на различные случаи жизни, таких как поздравления с днем рождения, с юбилеем, с годовщиной свадеб, на свадьбу и т.д. В этом большом количестве поздравлений есть разные особенности. Общее количество поздравлений на выбранном китайском сайте гораздо меньше, чем на русской странице, поэтому мы возьмем за основу анализ русского сайта и, в свою очередь, проанализируем китайский сайт и сравним их. Попробуем систематизировать их в соответствии с такими критериями классификации: **адресат речи (к кому обращена речь), повод для поздравлений и форма текстов поздравлений:**

I. Адресат поздравления:

- а) по полу адресата: поздравления женщине (девушке), мужчине;
- б) по отношениям между адресатом и поздравляющим
 - родственные отношения: подруге, сестре, маме, брату, тете, бабушке, папе, мужу, дяде, парню, ребенку, дедушке и т.д.;
 - неформальные (дружеские) отношения: другу, подруге, парню и т.д.;
 - формальные (служебные) отношения: начальнику, преподавателю, коллеге и т.д.;

в) по профессиям адресата: автомеханику, артисту, блогеру, бухгалтеру, экономисту, энергетика, юристу и другие различные профессии, перечисленные на сайте <https://pozdravok.com/> в алфавитном порядке по названию профессии. Возможно, дело в том, что китайцы обычно проводят грань между жизнью и работой. Например, празднуя чей-то день рождения, который является событием, связанным с жизнью, люди обычно не учитывают профессию, когда поздравляют человека. Поэтому на китайском сайте <http://www.glook.cn/index.html> не указана данная категория.

г) по именам

- мужские имена: Абрам, Адам, Борис, Эдуард, Юрий и др.;

- женские имена: Алена, Алла, Белла, Эльвира, Эмма и др., представленные на сайте <https://pozdravok.com/> в алфавитном порядке.

На странице сайта <https://pozdravok.com/> отмечается, что когда у человека появилось имя и, когда в мире был принят этикет поздравлений, популярными и актуальными комплиментами стали поздравления с обращением по имени. Среди готовых поздравлений есть много таких, которые адресованы человеку, носящему определенное имя. В Китае нет такого значения в отношении имен, поэтому на сайте <http://www.glook.cn/index.html> таких поздравлений нет.

II. Повод для поздравлений:

а) персональные поводы: день рождения, день имени, День бабушек, День матери, День отца, юбилей, свадьба, пенсия, работа, новоселье, покупка машины, получение прав, получение диплома и т.д.;

На китайском сайте персональные поводы не так обильны, как на русском сайте. В основном персональные поводы – это день рождения, День матери, День отца, свадьбы, повышения по службе, новоселье и т.д.

б) групповые поводы: день фирмы, день организации, День учителя, День студента, Международный женский день, и т.д.

В Китае групповых поводов гораздо меньше, чем в России. Наиболее распространенными групповыми поводами для поздравлений являются День учителя и Международный женский день.

в) общие поводы: Новый год, День победы, Масленица, День защитника Отечества, Рождество и пр.;

На китайском сайте общие поводы включают в себя Новый год (Праздник Весны, начало месяца по лунному календарю), Праздник Фонарей (в ночь на 16-е

января по лунному календарю), Праздник Дуанью (5 мая по лунному календарю), Национальный праздник (1 октября) и т.д.

г) поздравления к подаркам: банка, билеты, ваза, вино, галстук и т.д.;

Различные подарки на русском сайте отсортированы в алфавитном порядке по инициалам названия подарков. Для каждого подарка существуют десятки поздравления. Создатели сайта придали каждому подарку различное значение, выражающее тем самым добрые пожелания адресату. А на китайском сайте такой раздел отсутствует. Возможно, это объясняется тем, что для китайцев привязанность и желание гораздо важнее самого подарка. Как говорится в старой китайской поговорке – «Подарок из гусиного пера за тысячу миль – это большой знак привязанности». Впрочем, есть и русская пословица с таким же значением: «Дорог не подарок, дорого внимание».

III. По форме текстов поздравлений:

а) поздравления в стихах;

б) поздравления в прозе;

Стоит отметить, что как на русском сайте, так и на китайской странице поздравлений в стихотворной форме больше, чем в прозе, независимо от тематики. Но в любом случае все поздравления на этих сайтах придают большое значение красоте гармонии речи, сосредоточены на изысканности выбора слов и демонстрируют разнообразие в стиле предложений. Рассмотрим поздравления с позиций фонетики и лексики. В качестве примеров возьмем поздравления с днем рождения.

В аспекте фонетики поздравление сосредоточено на ритмической гармонии и стремлении к музыкальной красоте.

Поздравляю с днем рождения!

Желаю счастья и добра,

Улыбок, солнечного настроения,

Любви, здоровья и тепла. [1]

С днем рождения! Желаю чудесного настроения, крепкого здоровья и всего самого лучшего. Пускай каждый новый день будет лучше предыдущего! [3]

岁月如火点亮你青春的笑颜 янь, 时光如歌般唱出我衷心的祝愿 юань, 当流星划过一道流彩, 生日烛光里快乐平安将载入你生命的流年 нянь! 生日快乐! (Годы, как огонь, освещают улыбку вашей юности. Время, как песня, поющая мои искренние пожелания. Когда падающая звезда проходит сквозь поток цвета. Счастливыми и

безопасными при свечах твоего дня рождения будут годы твоей жизни! С днем рождения!) [2]

Поздравления в стихотворной форме обладают не только внешней аккуратностью, но и красотой фонетической гармонии. Все эти примеры рифмуются, и красота рифмованной гармонии очевидна.

烛光闪闪，快乐幸福，生日快乐，心想事成，幸运之日，吉祥之日，愿愿顺心，事事如意，祝君生日快乐，开心幸福。 [2]

В этом примере обыгрывается четырехкомпонентная структура (каждая часть поздравления состоит из четырех иероглифов). Хотя в этом примере нет рифмы, он демонстрирует красоту ритмической пропорции и искусно выражает поздравления с днем рождения.

В поздравлениях уделяется внимание не только гармонии речи, но и уточнению значения слов, делая выражение смысла более точным и ярким. Что касается лексического аспекта, то можно сказать, что выбор слов в поздравлениях очень тщательный: для выражения поздравлений и пожеланий используется много слов, связанных в массовом сознании с положительными эмоциями и большое количество синонимов. Например:

*С днем рожденья поздравляю,
Пожелаю от души
Исполнения желаний,
Покорения вершин!
Положительных эмоций,
Солнца, света и тепла,
Чтобы долгая дорога
В удовольствие была.
Каждый день встречать с **улыбкой,**
Не грустить и не болеть,
Наслаждаться каждым часом,
Ни о чем не сожалеть!* [1]

睁大你双眼，请看看蓝天，白云是浪漫，清风伴缠绵，花香在弥漫，幸福在呼唤，祝福在今天，馈赠你祝愿，愿你好运连，幸福在天天！祝生日快乐！(Откройте глаза пошире, посмотрите на голубое небо, белые облака романтичны, свежий ветер

сопровождает вас, **аромат цветов** наполняет воздух, поздравление в этот день, дарю тебе пожелания, удачи и счастья в каждом дне! С днем рождения!) [2]

Такие слова, как *солнце, свет, голубое небо, белые облака, аромат цветов и др.*, ярко отражают выраженную эмоциональную окраску, заставляя получателя почувствовать себя счастливым.

С днем рождения поздравляю!

Процветания желаю,

Счастья, радости, успеха,

Доброты, улыбок, смеха.

Теплоты, уюта в доме

И любви в большом объёме,

Становиться лишь богаче,

Мира, света и удачи. [1]

生日祝福送给你, 好运幸运伴着你, 快乐幸福陪着你, 吉祥平安恋着您。祝你生

日快乐! (Поздравления и пожелания тебе посылают, **удача и везение** тебя сопровождают, **радость и счастье** тебя окружают, **здоровье и благополучия** к тебе привязаны. С днем рождения!) [2]

В примерах используется большое количество синонимов, такие как *счастья, радости, доброты, улыбок, смеха*, в приведенном примере на китайском языке также используются глагольные синонимы. Последовательное использование этих синонимов демонстрирует глубокие пожелания и сильные чувства.

Отдельно рассмотрим поздравления, которые на российском сайте обозначаются словом «прикольные». Данное слово имеет разговорную окраску и употребляется в значении «необычный, забавный, запоминающийся, вызывающий интерес». Таким образом, поздравления, представленные в этом разделе, отличаются чем-то необычным, чаще всего в них присутствует юмор, необычное словоупотребление, языковая игра.

Приведем пример с российского сайта:

Хэппи бёздэй и пусть хэппи будет твой эври дэй. Я желаю тебе крутого настроения, постоянного драйва и движения вверх — к своим мечтам, победам, лаврам славы, звёздам желаний. Пусть и сегодня, и через сорок лет твою пятую точку тянет к приключениям и великим делам. [1].

В приведенном примере используются слова и выражения из английского языка, употребленные без перевода и переданные кириллицей (транскрибированные), причем

иноязычные элементы «вплетены» в русское предложение (*пусть хэппи будет твой эври дэй*). Можно считать это образцом макаронической речи. Кроме того, используется эвфемизм *пятая точка*, означающая ‘задница, ягодицы’ и аллюзия на известное выражение «искать приключений на свою задницу». Как видим, сниженный элемент сочетается с такими выражениями, как *лавры славы, звезды желаний*, что создает комический эффект. Такое поздравление может быть использовано только в ситуации неформального общения.

На китайском сайте тоже существуют «прикольные» поздравления, которые часто используются среди молодежи. Такие поздравления отличаются от других своеобразием и нестандартными способами выражения, например:

当我把神灯擦三下后，灯神问我想许什么愿？我说：我想你帮我保佑一个正在看短信的人，希望那人生日快乐，永远幸福！我要送你一份 100% 纯情奶糖：成份＝真心＋思念＋快乐，有效期＝一生，营养＝温馨＋幸福＋感动 (Когда я трижды потерла волшебную лампу, она спросила меня, что я хочу пожелать. Я сказала: я хочу, чтобы ты помог мне поздравить с днем рождения того, кто читает текстовое сообщение, и пожелать этому человеку счастья навсегда! Я хочу послать тебе 100% чистую конфету с молоком любви: ингредиенты = искренность + желание увидеться + радость, срок годности = срок жизни, питание = тепло + счастье + трогательность) [2].

Данный пример начинается с мифической «божественной лампы», вызывающей интерес. Затем поздравляющий выражает искренность своего отношения к адресату, желание с ним увидеться в выдуманной математической формуле, желая ему радости на всю жизнь и надеясь, что он будет получать тепло, счастье и трогательность. Использование математических формул, а также структуры текста, обычно встречающегося на упаковке продуктов питания, превращает обыкновенные пожелания в нестандартные.

Таким образом, по сравнению с русским сайтом на китайском сайте отсутствуют поздравления по профессиям адресата, по имени адресата и поздравления к подаркам. Поздравления как на русском сайте, так и на китайском поздравления в стихах и в прозе придают большое значение красоте гармонии речи, сосредоточены на изысканности выбора слов и демонстрируют разнообразие в стиле предложений. И там и там выделяются так называемые «прикольные поздравления» – отличающиеся необычностью и наличием юмора. Контент сайтов характеризуется как сходными

чертами, так и различиями. В целом можно сказать, что русский сайт обладает гораздо более развернутой и разнообразной структурой, содержит значительно больше готовых текстов поздравлений на разные случаи жизни.

Литература

1. Поздравления на Поздравь ОК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pozdravok.com/pozdravleniya/> (дата обращения 15.03.2023).
2. Поздравления на Glook. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.glook.cn/index.html> (дата обращения 15.03.2023).
3. Формановская Н.И. Речевой этикет в русском общении. Теория и практика. – «Москва: ВК», 2009. – 334 с.
4. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. Изд.3-е. – «Москва: КомКнига», 2006, – 160 с.

Yang Liu

The Pushkin State Russian Language Institute

Peculiarities of congratulations in Russian and Chinese language cultures (on the material of Internet sites)

The purpose of the article is to describe and systematize the texts of greetings presented on Russian and Chinese specialized resources of prepared greetings. For the analysis we chose one Russian site <https://pozdravok.com/> and one Chinese resource <http://www.glook.cn/index.html>, offering prepared greetings on various occasions. The texts of congratulations have been analyzed according to various characteristics, and a comparative analysis has been carried out.

Key words: greeting; wish; Internet communication; specialized resources of prepared greetings.